

Правительство Республики Хакасия
Министерство образования и науки Республики Хакасия
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий

Материалы Международной научной конференции,
посвящённой 70-летию Хакасского научно-исследовательского института языка,
литературы и истории

(24–26 сентября 2014 г.)

Абакан
Хакасское книжное издательство
2014

УДК 316.7
ББК 63.3 (2Рос)
Н 30

Печатается по решению Учёного Совета ХакНИИЯЛИ

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Карнов В. Г.*,
кандидат исторических наук, доцент *Степанов М. Г.*

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор (председатель) *Тугужекова В. Н.*,
отв. секретарь *Великих Т. Г.*,
кандидат исторических наук *Данькина Н. А.*,
кандидат исторических наук *Есин Ю. Н.*,
кандидат исторических наук *Кискидосова Т. А.*,
доктор филологических наук *Кошелева А. Л.*,
кандидат географических наук *Самрина Е. В.*,
кандидат филологических наук *Чебочакова И. М.*,
кандидат исторических наук *Чертыков В. К.*,
кандидат филологических наук *Чистобаева Н. С.*,
кандидат экономических наук *Шулбаев В. К.*

Н 30 **Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий:** Материалы
Международной научной конференции, посвящённой 70-летию Хакасского научно-
исследовательского института языка, литературы и истории (24–26 сентября 2014 г.).
– Абакан: Хакасское книжное издательство, 2014. – 254 с.

ISBN 978-5-7091-0706-9

УДК 316.7
ББК 63.3 (2Рос)

© Министерство образования и науки Республики Хакасия, 2014
© Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории, 2014
© ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово к участникам конференции Главы Республики Хакасия – Председателя правительства Республики Хакасия В. М. Зимина 5

К 70-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Тугужекова В. Н. К истории становления и развития Хакасского НИИЯЛИ (1944–2014 гг.) 6
 Смолина И. Г. Вклад Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в развитие книжной культуры региона 14
 Данькина Н. А. Сектор истории ХакНИИЯЛИ в 1940–1960-е гг. 16

Народы Сибири в прошлом и настоящем

Есин Ю. Н. История колесного транспорта Минусинской котловины по материалам наскального искусства 23
 Амзараков П. Б. Раскопки древнего металлургического комплекса таштыкского времени в районе села Трошкино Ширинского района Республики Хакасия 26
 Еруул-Эрдэнэ Ч. Исследования погребальных памятников хуннской знати в Монголии 39
 Гантулга Ж. Знаки-тамги из местности Хуругийн Узур 44
 Скобелев С. Г. Урочище Албаны в междуречье Белого и Черного Июсов как место возможного расположения ставки кыргызского каганата 52
 Такаши Осава Новые рунические источники горы Тепсей и музея Полтакова 54
 Самрина Е. В. Хозяйственно-культурный кризис в Хакасско-Минусинском крае в XVII–XVIII вв. ... 60
 Леонтьев Е. В. Быт крестьян-старожилов Минусинского округа середины XIX в. (по материалам Шушенского волостного правления) 65
 Николаев В. В. Традиционная поминальная обрядность коренного населения предгорий Северного Алтая (конец XIX – первая половина XX в.) 70
 Валеев Р. М., Валеева Р. З. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и Н. Ф. Катанов: изучение историко-культурного наследия народов Поволжья, Сибири и Средней Азии (конец XIX – нач. XX в.) 74
 Алишина Х. Ч. Культура и быт сибирских татар в первой четверти XX века 81
 Тадышева Н. О. Свадебная обрядность в традиционных народных представлениях 85
 Орлова Е. А. Символика национального свадебного костюма женщин-телеуток 88
 Ушницкий В. В. Формирование северной и вилюйской группы якутов 90
 Шекшеев А. П. «Политический бандитизм» в Хакасии начала 1930-х годов 94
 Саая С. В. Тува на фоне геополитических сдвигов в первой половине XX в. 101
 Салата Г. А. Образовательно-научный потенциал Республики Хакасия 106
 Анайбан З. В. Современная этнодемографическая ситуация в Республике Хакасия 107
 Кимеев В. М. Этнокультурное наследие шорцев Западной Хакасии 110
 Санжиева Т. Е. Изменение менталитета бурят в условиях хозяйственной и социокультурной трансформации 113
 Кискидосова Т. А. Проблемы охраны материнства и детства в городах Хакасии после Великой Отечественной войны 115
 Иргашева Т. Г. А. В. Текучев: школа дружбы и взаимопонимания с учеными Узбекистана, НИИ педагогических наук имени Т. Н. Кары-Ниязова 119
 Мамышева Е. П. Кучендаев Г. Н. (1903–?) – просветитель, политический деятель 123
 Тугужекова В. Н., Арвас А. Традиционный весенний праздник хакасов – Чыл Пазы 126
 Яданова К. В. Обряд гадания по ритуальной чашке в алтайском шаманизме 129
 Мяо Дунся Профессор Ху Чжэньхуа и дунгановедение 132

Барабаш В. П. Использование метода биографического анализа в исследовании личности А. А. Кенеля	134
Хышектеуева Л. В. Современные экономико-географические и этносоциальные проблемы коренных этносов Бурятии.....	138
Злотковский В. И., Злотковская А. В. Exit poll на выборах депутатов Верховного Совета Республики Хакасия 1 марта 2009 года	140
Тюркские языки Сибири: прошлое, настоящее, будущее	
Селютина И. Я., Добринина А. А. Соответствия гласных по степени подъема в говорах диалекта алтай-кижи	146
Каксин А. Д. Когнитивистика и естественный язык: направления и цели исследования	149
Чертыкова М. Д. Глаголы со значением контроля (проверки) в хакасском языке	151
Кызласов А. С. Об особенностях формирования хакасского литературного языка.....	153
Чебоचाкова И. М. Об особенностях производящих основ имен с аффиксом =ыг в хакасском языке	158
Каскаракова З. Е. Названия растений, заимствованные из русского языка	162
Марсадолов Л. С. Топонимы вокруг Большого Салбыкского кургана	165
Сунчугашев Р. Д. О диалектизмах в хакасской топонимии.....	171
Обумова О. Д. Средства выражения уступительных отношений в русском и хакасском языках.....	173
Телякова В. М. Аспектуальные значения бивербальной конструкции $T_v = -л + чөр-$ в шорском языке.....	175
Художественное наследие фольклора и литературы народов России в современном культурном пространстве	
Дандай Ысаакулы О проблемах изучения истории литературы тюркских народов	180
Алибаев З. А. Поэтика романов Ахияра Хакимова.....	182
Кошелева А. Л. Русско-хакасская транскультурная поэзия: амбивалентность и идиостиль поэзии В. Татаровой.....	186
Донгак Р. М. Типология жанровых форм тувинского романа в сравнительном анализе с якутским романом	192
Чистобаева Н. С. Особенности поэтико-стилевых средств эпических текстов хакасов	199
Тургуналиев Т. Единство эпического миропонимания древних кыргызов и хакасов	205
Майнагашева Н. С. Специфика национального своеобразия и системы ценностей в хакасской комедии	207
Челтыгмашева Л. В. Жанровое и художественное своеобразие прозы А. Султрекова.....	210
Чочиева А. С. Семантика образов зимы в поэзии М. Баинова	214
Чаптыкова Ю. И. Мифологические мотивы в эпосе «Трижды женившийся Хан-Мирген»	217
Мыреева А. Н. «Эпоха Кулаковского»	221
Хуан Чжонсян Коренной и производный мотивы на примере эпоса тюркских языков.....	224
Баранова Н. К. Некоторые аспекты освоения фольклорного наследия хакасов.....	225
Социально-экономическое развитие регионов Сибири	
Шулбаев В. К. Национально-государственное строительство и развитие промышленности Хакасии в 1920–1930-е гг.	228
Бурнаков П. П. Валовой региональный продукт и структура экономики Республики Хакасия....	235
Шапошников Г. М. Организация и реорганизация коллективных хозяйств и их роль в становлении и развитии аграрного сектора Хакасии.....	240
Зелеева О. Ю. Проблемы развития малого предпринимательства на территории Республики Хакасия	242
Трошкина И. Н. Бездомные Хакасии: состояние, проблемы, пути решения вопроса	246
Сведения об авторах	250

УВАЖАЕМЫЕ ДРУЗЬЯ!

В 2014 г. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории отмечает 70-летний юбилей. Созданный в тяжелое для страны время, в годы Великой Отечественной войны, он продолжает фундаментальные исследования в области гуманитарных наук и расширяет научные связи уже с зарубежными исследовательскими центрами. Приоритетными направлениями исследования вот уже 70 лет остаются хакасский язык, литература и фольклор, история, археология и культура хакасов и других народов, проживающих в России. Строительство Саянского территориально-производственного комплекса определило новое приоритетное направление в исследованиях института – социально-экономическое развитие региона.

Институт является единственным в Хакасии национальным научным учреждением академического профиля, созданным для проведения фундаментальных исследований в области гуманитарных наук. Он обеспечен квалифицированными научными кадрами.

Основным результатом деятельности института является подготовка и издание научных публикаций. Ежегодно издается до 20 наименований научных монографий, словарей, сборников научных статей. Научные сотрудники активно участвуют в конкурсах (грантах) Российского гуманитарного научного фонда, Фонда Президента РФ, Президиума РАН, СО РАН, Республики Хакасия.

Институт активно сотрудничает с Институтом востоковедения РАН, Институтом этнологии и этнографии им. М. М. Миклухо-Маклая РАН, Объединенным институтом истории, филологии, философии и права СО РАН, Институтом археологии и этнографии СО РАН. Институт является коллективным членом Общества востоковедов РАН, Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства.

Установлено международное сотрудничество института с Венским, Познанским, Краковским, Стамбульским, Бишкекским, Кокшетауским (Казахстан), Тайваньским национальными университетами, Финским обществом по изучению первобытного искусства, Культурным фондом гималайских исследований (Индия), Фондом по изучению тюркского мира, Музеем доисторической антропологии Княжества Монако, Центром исследования древних культур железа Университета Эхиме (Япония) и др.

Развитие партнерских отношений с зарубежными научно-исследовательскими центрами позволило научным сотрудникам выйти на зарубежные научные журналы.

В институте выходят периодические издания «Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая» (с 1999 г.), Ученые записки (историческая и филологическая серии) (с 1944 г.), рецензируемый научный журнал «Научное обозрение Саяно-Алтая» (с 2010 г.).

На базе института основана одна из крупнейших в Южной Сибири научная школа по актуальным проблемам новейшей истории Сибири под руководством профессора Валентины Николаевны Тугужековой.

В этот юбилейный год хочется выразить искреннюю, сердечную благодарность за ваш повседневный труд, который необходим республике, за высокий профессионализм и верность своему делу.

Желаю всему коллективу института здоровья, оптимизма, добра, благополучия, успехов в научно-исследовательской деятельности.

С уважением,

Глава Республики Хакасия – Председатель

Правительства Республики Хакасия В. М. Зимин

К 70-ЛЕТИЮ ХАКАССКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

В. Н. Тугужекова

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ХАКАССКОГО НИИЯЛИ (1944–2014 ГГ.)

В статье показаны основные вехи становления Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Большое внимание уделено современным исследованиям, которые проводят научные сотрудники института. История института показана через персоналии, внесшими большой вклад в гуманитарную науку Сибирского региона.

In the article developmental milestones of Khakass Research Institute of Language, Literature and History are shown. A great attention is paid to modern researches, which are conducted by scientific specialists of the Institute. History of the Institute is shown through personalia that have made a great contribution to the humanities of the Siberian region.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории был организован исполкомом Хакасского областного Совета депутатов трудящихся в октябре 1944 г. на основании распоряжения Совета Народных Комиссаров РСФСР № 1786-р от 31 июля 1944 г. и приказа Народного Комиссара просвещения РСФСР № 572 от 29 августа 1944 г.

Первым его директором стал Николай Георгиевич Доможаков¹, который тогда обучался на подготовительных курсах при аспирантуре языка и письменности Академии наук СССР. В связи с образованием ХакНИИЯЛИ обком партии отозвал его из Москвы и назначил директором. Здесь проявились организаторские способности Николая Георгиевича. Институт пришлось создавать на пустом месте: не было ни научной, ни материальной базы. Ученым секретарем института был назначен старший научный сотрудник сектора языка и письменности, кандидат филологических наук Церен-Доржи Номинханов. Одна из его работ «Хакасская топонимика как источник истории хакасского народа» считается основополагающей в изучении топонимики Хакасии.

Небольшой коллектив научных сотрудников и членов Ученого совета института 70 лет назад начал научно-исследовательские работы. В его составе были первый директор института Н. Г. Доможаков, научные сотрудники и члены Ученого совета Ф. Г. Исхаков, П. И. Каралькин, Ц.-Д. Номинханов, А. Т. Казанак, М. А. Унгвицкая, В. П. Левашова, В. И. Доможаков, А. А. Кенель и др. Большую помощь в организации научных исследований, подготовке первых изданий института оказали ученые Академии наук СССР: член-корреспондент АН СССР, профессор С. В. Киселев, доктор исторических наук Л. П. Потапов, кандидат исторических наук Л. Н. Евтюхова и др.² Уже в первые годы существования Хакасский НИИЯЛИ совместно с центральными научными учреждениями проводил археологические, этнографические, фольклорные и лингвистические экспедиции. Следует отметить сотрудничество института с членом-корреспондентом АН СССР Б. К. Пашковым, с которым с 1946 г. было проведено несколько совместных этнографических экспедиций по изучению фольклорного наследия хакасов. С начала организации ХакНИИЯЛИ в институте работали три сектора: языка и письменности, литературы и фольклора, истории и этнографии.

Сектор языка и письменности возглавил известный тюрколог Фазил Гарипович Исхаков. Его перу принадлежат 35 научных трудов и учебных пособий. При содействии Ф. Г. Исхакова были открыты национальная школа, отделения хакасского языка и литературы при Абаканском учительском институте. Впоследствии заведующими сектором были Ц.-Д. Номинханов, А. И. Инкижекова, У. Н. Кирбижекова, Д. Ф. Патачакова, Д. И. Чанков, М. И. Боргояков, О. П. Анжиганова. С 1995 по 2003 г. сектор возглавляла кандидат филологических наук О. В. Субракова³.

Сектор языка провел большую работу по унификации норм хакасского литературного языка. Сотрудниками сектора был подготовлен ряд научных работ, имевших большое практическое значение, в том числе «Орфография хакасского литературного языка», в написании которой принимали

участие Ф. Г. Исхаков, Н. Г. Доможаков, А. Т. Казанак и др. Большая заслуга в разработке вопросов орфографии принадлежала Дарье Федоровне Патачаковой⁴. Для школ были изданы «Грамматика хакасского языка» (автор Н. Г. Доможаков), «Хакасско-русский словарь» (автор Д. Ф. Патачакова) и «Русско-хакасский словарь» (автор Ц.-Д. Номинханов), а также сборники произведений хакасских поэтов, сборники песен, героических сказаний.

Темой многих кандидатских диссертаций стали диалекты и говоры хакасского языка. Диалектам хакасского языка было посвящено также несколько сборников (1973, 1992). В изучение бельтырского говора внесла значительный вклад кандидат филологических наук О. В. Субракова. Сектор принял участие в составлении Диалектологического атласа тюркских языков СССР и Диалектологического атласа тюркских языков Сибири.

Важным достижением, итогом многолетних исследований является создание первой научной грамматики хакасского языка (Москва, 1975), в работе над которой приняли участие Н. А. Баскаков, Г. Ф. Бабушкин, М. И. Боргояков, Г. И. Донидзе, А. И. Грекул, В. Г. Карпов, Д. Ф. Патачакова, Д. И. Чанков.

Продолжительное время сектором хакасского языка руководил известный тюрколог, доктор филологических наук Михаил Иванович Боргояков, внесший большой вклад в развитие хакасского языкознания⁵. Он опубликовал более 60 научных трудов, в том числе монографии «Развитие падежных форм и их значение в хакасском языке» (Абакан, 1976), «Источники и история изучения хакасского языка» (Абакан, 1981).

В настоящее время в секторе продолжается изучение актуальных вопросов современного хакасского языка.

Руководит сектором Артём Самуилович Кызласов, кандидат филологических наук.

Тема его НИР «Влияние заимствованной лексики на процесс формирования литературного языка в условиях хакасско-русского билингвизма». В своем исследовании он рассматривает лексику хакасского языка как изменяющую во времени систему, выявляет основные источники ее формирования, определяет круг близкородственных тюркских языков. Также проводит систематизацию мотивирующих признаков, положенных в основу номинации ряда лексико-семантических групп.

В настоящее время в секторе работают 8 человек, из них 1 доктор наук и 7 кандидатов наук. Тема НИР П. Е. Белоглазова – «Лексико-грамматический синкретизм односложных корней-основ в хакасском языке». В работе им проводится анализ лексики общетюркского и межтюркского пластов в плане выявления глагольно-именных пар, в т. ч. и синкретичных.

Тема НИР З. Е. Каскараковой – «Названия растений в хакасском языке». По теме исследования изучаются проблемы названия растений в хакасском фольклоре и структурный состав фитонимов хакасского языка, системные связи в языке, формирование фитонимической лексики хакасского языка и ее функционирование.

Тема НИР И. М. Чебочаковой – «Роль глагола в словообразовательной системе хакасского языка». В ней дается: 1) характеристика словообразовательных систем тюркских языков; 2) диахрония словообразования, 3) словообразовательная мотивация.

Тема НИР Р. Д. Сунчугашева – «Хакасская ономастика: историко-лингвистический, стратиграфический и этимологический аспект (на материале гидронимии, оронимии, ойконимии и антропонимии)».

Тема НИР В. В. Субраковой – «Шумный консонантизм шорского диалекта хакасского языка». Подготовлена рукопись монографии.

Тема НИР Э. В. Султрековой – «Сравнительные конструкции современного хакасского языка». Подготовлена рукопись монографии.

С 1 апреля 2014 г. в секторе работает доктор филологических наук А. Д. Каксин, который занимается типологическим языкознанием финно-угорских и тюркских языков.

Кроме фундаментальных исследований, сектор занимается лексикографической работой. Это подготовка краткого толкового словаря хакасского языка.

Сотрудники сектора по договору с Хакасской республиканской общественной творческой организацией «Союз писателей Хакасии» подготовили к изданию русско-хакасский словарь для школьников (25 п. л.).

Сектор хакасского языка в последние годы издал ряд словарей: «Хакасско-русский словарь» (2006) и «Русско-хакасский словарь лингвистических терминов» (2012) под редакцией О. В. Субраковой; З. Е. Каскараковой подготовлены «Словарь омонимов хакасского языка» (2009) и «Русско-хакасский словарь общественно-политических терминов» (2012), переиздано пособие Д. Ф. Патачаковой «Кы-

зыльский диалект хакасского языка» (2013), подготовлен русско-хакасский словарь для школьников (2013), завершается работа над толковым словарем. Всего за последние 5 лет сектором хакасского языка подготовлено 16 изданий по изучению и развитию хакасского языка.

В 2013 г. при поддержке гранта РГНФ реализован проект «Кызыльский диалект хакасского языка: современное состояние, проблемы, перспективы», состоялась экспедиция в места компактного проживания кызыльцев (руководитель Р. Д. Сунчугашев). В 2014 г. поддержан грант РГНФ по изучению состояния качинского диалекта хакасского языка (руководитель Р. Д. Сунчугашев).

В ходе проведения экспедиционных работ по изучению современного состояния кызыльского диалекта выявилось устойчивое противоречие между тем, что люди говорят в отношении своего этнического диалекта, и реальной практикой использования этого диалекта. И исследователи пришли к выводу, что рынок диктует свои правила не только в экономике, но и в выборе языка. Большинство носителей кызыльского диалекта сегодня позитивно относится к своему этническому диалекту, родители выражают желание, чтобы их дети говорили на языке предков. В то же время языком, на котором родители говорят сегодня со своими детьми даже в моноэтнических семьях, за редким исключением, оказывается русский. Если знание этнического языка рассматривается как желательное, знание русского языка считается обязательным. И именно это знание родители стараются дать своим детям, чтобы облегчить им учебу в школе.

Весьма плодотворно работает институт в области хакасской фольклористики и литературоведения. Известно, что в фольклоре отражается историческое прошлое народа, хранится его мудрость, накопленная веками, шлифуется его художественный опыт. Поэтому с самого начала институт уделил особое внимание сбору фольклорных произведений; были выявлены и взяты на учет все сказители, их репертуар. Созданный коллективными усилиями хакасской национальной интеллигенции рукописный фонд института по фольклору насчитывает в настоящее время сотни томов оригинальных текстов, донесенных до нас из глубины веков. Среди собирателей, внесших наибольший вклад в создание фольклорного фонда, надо назвать В. Е. Майногашеву, Д. И. Чанкова, П. А. Троякова, Т. Г. Тачееву, В. И. Доможакова, русскоязычных исследователей А. А. Кенеля, А. К. Стоянова и др.

Большую работу по сбору и изучению фольклора проводит кандидат филологических наук В. Е. Майногашева. За годы работы в институте она организовала семь фольклорных экспедиций, записала 25 героических сказаний. Работая как собиратель, аналитик, текстолог и переводчик, она написала более 100 научных и научно-методических работ, в том числе монографию (в соавторстве с М. А. Унгвицкой) «Хакасское народное поэтическое творчество», в которой впервые дана характеристика, классификация и периодизация жанров фольклора.

Но основное направление в работе В. Е. Майногашевой⁶ – подготовка к публикации произведений героического эпоса, которая требует глубоких знаний, кропотливой исследовательской работы. Вышедший в 1988 г. в издательстве «Наука» (серия «Эпос народов СССР») «Алтын-Арыг» является фундаментальным научным трудом, которым пользуются в научных кругах многих стран мира. В. Е. Майногашевой подготовлен и издан в 1997 г. героический эпос «Ай-Хуучин» в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Определенный вклад в изучение хакасского фольклора внес заведующий сектором литературы, кандидат филологических наук П. А. Трояков. Им подготовлено более 30 работ, в том числе ряд теоретических статей, изданных в центральных академических журналах, а также книги «Героический эпос хакасов» (Абакан, 1991); «Истоки чудесного вымысла. Сравнительное изучение сказочного творчества хакасов» (Абакан, 1991).

Кроме этого, сектором за последние годы подготовлен ряд книг: В. Е. Майногашевой «Алтын Сейзен на бело-игреневоом коне (алыптых нымах). Сказывал, записал, сказитель П. В. Курбижеков» (2010), «Личность сказителя в истории культуры народа (к 100-летию со дня рождения великого хакасского сказителя Петра Васильевича Курбижекова)» (2010), Ю. И. Чаптыковой «Этнопоэтическое своеобразие прозы И. Костякова» (2013) и др.

В настоящее время заведующим сектором фольклора является кандидат филологических наук Н. С. Чистобаева, пополнился сектор молодым исследователем, кандидатом филологических наук Ю. И. Чаптыковой.

В секторе фольклора совместно с Сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН ведется подготовка томов хакасского фольклора для серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»:

1. Обрядовая поэзия хакасов (кфн В. Е. Майногашева).
2. Мифы, легенды и предания хакасов (кфн В.В. Миндибекова).

3. Сказки (кфн Е. С. Торокова).

В целом работы фольклористов свидетельствуют о том, что у хакасов в прошлом была собственная, самобытная духовная культура, и они делают эту культуру достоянием широкой общественности.

Литературоведами института (М. А. Унгвицкой, П. А. Трояковым, К. Ф. Антошиным, Т. Г. Тачеевой, У. Н. Кирбижековой, А. Г. Кызласовой и др.) исследовались закономерности развития хакасской литературы, ее жанров, проблемы становления реализма, вопросы взаимосвязи устного поэтического творчества и современной хакасской литературы, творчество отдельных писателей. Сотрудники сектора принимали участие в подготовке разделов пятитомной «Истории советской литературы».

Накопленный в результате исследований материал позволил подготовить и издать коллективную обобщающую работу «Очерки истории советской хакасской литературы».

В настоящее время работу сектора литературы возглавляет доктор филологических наук, профессор А. Л. Кошелева⁷, которая работает заведующей с 1999 г. В 2011 г. под ее руководством вышла коллективная монография «История хакасской литературы».

В настоящее время в секторе ведется работа над темами:

1. «Проблемы транснациональной литературы. Национально-художественное своеобразие творчества русскоязычных хакасских писателей» (зав. сектором, дфн А. Л. Кошелева). Хакасская литература и прежде всего русскоязычная литература Хакасии конца XX – начала XXI в. рассматривается как транснациональная литература в контексте эволюции художественного метода и стиля, в поиске новых жанровых форм и эстетических средств. Данное монографическое исследование в хакасском литературоведении осуществляется впервые.

2. «Эволюция жанрово-стилистической системы современной хакасской драматургии: типологический аспект» (снс, кфн Н. С. Майнагашева). В процессе работы над темой выявлен процесс обновления эстетической парадигмы хакасской национальной драматургии, её традиций, языка, стиля, жанровых моделей. В хакасской драматургии сегодня наблюдается процесс глубинного обновления поэтики. Драматургия решает вопросы художественного осмысления не только отдельных этапов национальной истории или характера современных конфликтов, но и проблемы создания истинно народного характера героя, решения с их помощью сложных нравственно-философских проблем своего времени. Расширение её тематики и жанров происходит на фоне повышенного интереса к этнопоэтике, к национальным корням и истории народа. Можно говорить и о «креативном взрыве», который будет влиять на общелитературные процессы.

3. «Хакасская проза и проза народов Саяно-Алтая в культурно-этническом аспекте» (снс, кфн Л. В. Челтыгмашева). В процессе работы над темой исследования выявлены типологически сходные, а также своеобразные традиции, образы, мотивы, художественно-эстетические особенности, позволяющие раскрыть национальную самобытность мышления и видения алтайского, тувинского и хакасского народов, их типологические схождения с общечеловеческими ценностями.

За последние годы сектором литературы издан ряд монографий: А. Л. Кошелева «Лирический мир хакасской поэзии в контексте духовных памятников евразийской культуры: генезис, поэтика, типология» (2008); она же «Михаил Еремеевич Кильчичаков: жизнь и творчество» (2012); Л. В. Челтыгмашева «Фольклоризм хакасской прозы. 1930–1990-е гг.» (2010); Н. С. Майнагашева «Жизнь и творчество Александра Михайловича Топанова» (2013) и др.

С начала существования ХакНИИЯЛИ в нем действует сектор истории и этнографии. Уникальным и своеобразным человеком был первый заведующий сектором, проработавший в этом качестве более года, кандидат биологических наук Альберт Николаевич Липский. В 1943 г. он приехал в Хакасию по рекомендации профессор Е. Ф. Дебеца с целью проведения палеонтологических исследований на Среднем Енисее. Тогда ему было 53 года. Почти 30 лет жизни на земле Хакасии А. Н. Липский посвятил изучению ее древнего прошлого. Огромное внимание он уделял и развитию краеведческого музея.

Заведующими сектором были П. И. Каралькин, Н. С. Мартынов, К. Г. Чаптыков, К. М. Патачаков, В. А. Асочаков, Я. И. Сунчугашев⁸, Д. М. Карачаков.

В секторе истории института работал В. Я. Бутанаев, доктор исторических наук, профессор Института истории и права ХГУ им. Н. Ф. Катанова.

В настоящее время сектор возглавляет кандидат исторических наук В. К. Чертыков, автор монографии «Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии» (2007). В секторе на постоянной основе работают 4 историка. В течение последних лет сектор привлекал к сотрудничеству историков А. П. Шекшеева, М. Г. Степанова и В. А. Печерского.

В настоящее время сектор ведет следующие научные работы:

1. «Трансформация жизнедеятельности населения Южной Сибири в средневековье» (снс, кин Э. В. Угдыжеков).

2. «Основные итоги инкорпорирования коренного населения Хакасско-Минусинского края в имперскую систему России в XIX–XX вв. (социокультурный, хозяйственно-экономический аспекты)» (внс, кгеогрн Е. В. Самрина).

3. «Ясачная политика царизма в Хакасии в XVIII–XIX вв.» (зав. сектором, кин В. К. Чертыков).

4. «Формирование городского образа жизни в Хакасии в 1930-е гг.» (снс, кин Т. А. Кискидосова).

5. «Очерки истории Хакасии советского периода» (дин, профессор В. Н. Тугужекова).

С самого начала своей деятельности сектор истории проводил исследования совместно с ведущими научными центрами страны, в том числе Сибири. Особенно ярко это проявилось в этнографическом и археологическом изучении Сибири и Хакасии.

С 1946 г. с ХакНИИЯЛИ сотрудничал член-корреспондент АН СССР, профессор Борис Клементьевич Пашков, в частности было проведено несколько совместных этнографических экспедиций по изучению фольклорного наследия коренного населения Хакасии.

В 1954–1956 гг. научные сотрудники ХакНИИЯЛИ занимались раскопками Салбыкского кургана, которые возглавлял член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Сергей Владимирович Киселев. Он в течение 20 лет руководил также Саяно-Алтайской экспедицией материальной культуры АН СССР и Государственного Исторического музея.

С сектором истории в течение многих лет сотрудничал профессор Московского государственного университета, первый доктор исторических наук из хакасов Леонид Романович Кызласов. Под его руководством в 1960–1980-е гг. на территории Хакасии активно работала археологическая экспедиция МГУ. В результате были сделаны важные открытия, касающиеся эпохи камня, бронзы, древнехакасской государственности, средневековой культуры хакасов. Материалы этой экспедиции (наряду с данными других археологических экспедиций) стали одним из основных источников для «Истории Хакасии с древнейших времен до 1917 года».

Сотрудничал с институтом ведущий археолог России, начальник Хакасской археологической экспедиции, доктор исторических наук, профессор Игорь Леонидович Кызласов.

С 1960 г. сектор истории работает в тесном контакте с Объединенным институтом истории, филологии и философии СО РАН. Под руководством таких известных ученых, как А. П. Окладников, А. П. Деревянко, В. В. Алексеев, В. Л. Соскин, Н. Я. Гушин, И. И. Комогорцев, В. А. Ламин и многих других, в секторе готовились кандидатские и докторские диссертации, издавались крупные обобщающие исследования, проводились научные конференции⁹.

С февраля 2008 г. из сектора истории вычленился сектор археологии, который возглавляет кандидат исторических наук Ю. Н. Есин.

Сектор ведет следующие научно-исследовательские темы:

1. «Антропоморфные изображения окуневской культуры» (зав. сектором, кин Ю. Н. Есин). По теме разработана новая классификация росписей в окуневском наскальном искусстве. Впервые изучены и реконструированы бихромные композиции, существование которых в окуневском искусстве ранее не было известно. В результате лабораторного изучения проб краски установлено, что главным пигментом красного цвета являлся гематит, реже использовалась охра, а черная краска состоит из древесного угля. Проведена классификация изображений повозок. В рамках международного сотрудничества ХакНИИЯЛИ Ю. Н. Есин принял участие в работе археологической экспедиции Музея доисторической антропологии Княжества Монако в Монголии под эгидой ЮНЕСКО.

2. «Художественные бронзы тагарской археологической культуры Минусинской котловины» (снс, кин О. В. Ковалева). По теме выявлены истоки изобразительной традиции эпохи раннего железа Минусинской котловины. Сделан вывод, что зооморфные образы тагарской археологической культуры восходят к искусству ранней бронзы и традиции мелкой пластики карасукского времени. Кроме того, специально исследована проблема разграничения общих тенденций развития изобразительной традиции и региональных особенностей стиля. В рамках работы по теме НИР уже в течение двух лет проходит научная стажировка в Германском археологическом институте.

3. «Конская узда скифского времени Минусинской котловины» (нс П. Б. Амзараков). По итогам работы подготовлена рукопись монографии. Составлен свод источников, включающий описание, фотографии и рисунки более чем 300 предметов конской узды (общий объем 8 п. л.). В рамках сотрудничества ХакНИИЯЛИ и ИИМК РАН О. В. Ковалева и П. Б. Амзараков принимают участие в археологических полевых исследованиях в зоне строительства железной дороги Курагино – Кызыл.

Благодаря сотрудничеству ХакНИИЯЛИ с Научно-исследовательским центром по изучению древних культур железного века Восточной Азии (Япония) проводятся полевые исследования памятников древней металлургии, выявленных ранее Я. И. Сунчугашевым на территории Хакасии и Тувы.

4. «Элитный тагарский погребальный комплекс Белый Яр 1 на юге Хакасии» (снс, кин А. И. Поселянин). По теме проанализированы особенности керамических сосудов. Подготовлены научное описание и рисунки погребального инвентаря из курганов № 1–9. Проведены археологические раскопки курганного могильника Бельтырский-7 в Аскизском районе Республики Хакасия.

С целью проведения исследований по проблемам экономики, промышленности, сельского хозяйства, производственной и социальной инфраструктуры, повышения уровня жизни населения Хакасии и юга Красноярского края в 1970 г. был образован сектор социологии, затем экономики (ныне сектор экономики и социологии). Первый его заведующий Виктор Львович Бобровник имел большой опыт хозяйственной и партийной работы.

Сектор работал в тесном взаимодействии с обл- и крайпланом, крайстатуправлением, другими ведомствами Хакасии и Красноярского края. Значительный вклад внесли его сотрудники в решение вопросов рационального формирования Саянского территориально-производственного комплекса.

С начала образования сектора экономики велась активная работа по повышению профессионального уровня научных сотрудников. Налаживались тесные связи с ведущими научными учреждениями страны, в том числе с Советом по изучению производительных сил при Госплане СССР, Институтом экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, Сибирским научно-исследовательским институтом экономики сельского хозяйства СО ВАСХНИЛ и др.

За годы деятельности сектора получили ученые степени следующие научные сотрудники: Владимир Алексеевич Кышпанакоев – кандидат экономических наук и доктор исторических наук, Лариса Викторовна Анжиганова – доктор философских наук, Петр Петрович Бурнаков – кандидат экономических наук, Георгий Михайлович Шапошников – кандидат экономических наук, Валерий Константинович Шульбаев – кандидат экономических наук, Ирина Николаевна Трошкина – кандидат философских наук, ныне заведующая сектором экономики и социологии.

Кроме этого, в секторе работают молодые научные сотрудники О. Л. Лушникова и О. Ю. Зелеева, которые занимаются темами исследования соответственно «Родовые отношения как социокультурный феномен на примере Хакасии» и «Малое и среднее предпринимательство Республики Хакасия на современном этапе».

Экономисты сектора ведут темы:

1. «Современные процессы размещения производства в Республике Хакасия» (снс, кэн В. К. Шульбаев). В результате проведенной работы дана оценка состояния промышленности республики в ходе экономических реформ 1990-х и 2000-х гг.

Анализ рассредоточения промышленности по территории Хакасии, создания и появления новых предприятий позволяет отследить особенности в размещении производства, издержки и недостатки при этом характерные для постсоветского периода. В результате исследования получены также данные для построения прогноза будущего состояния промышленности республики.

Вместе с выявленными проблемами по развитию промышленности в целом это дает возможность представить комплексную оценку хозяйственной деятельности отрасли и предвидимого изменения ее состояния. Материалы исследовательской работы могут быть использованы при принятии управленческих решений по рациональному размещению новых промышленных объектов на территории Республики Хакасия.

2. «Агропромышленный комплекс как основа устойчивого развития региона» (снс, кэн Г. М. Шапошников). В результате исследования темы «Агропромышленный комплекс – основа устойчивого развития региона» сделаны следующие научные выводы:

– рост производства продукции сельского хозяйства начался во второй половине первого десятилетия XXI в. Была принята программа «Развитие АПК». По этой программе стали давать сельхозпроизводителям льготные кредиты. Так, только по Республике Хакасия за последние пять лет направлено на поддержку АПК 4,4 млрд рублей, в т. ч. собственных денежных средств 3 млрд. Доля расходов на поддержку сельского хозяйства в республиканском бюджете с 2010 г. достигла 4 %. Возросли расходы на поддержку АПК и в других территориях Южной Сибири, в Красноярском крае, в Республике Алтай, в Республике Тыва;

– валовый региональный продукт на душу населения к 2011 г. в сравнении с 2006 г. вырос по Республике Алтай в 1,8 раза, по Республике Тыва – в 1,9 раза, а по Республике Хакасия – в 1,7 раза;

– устойчивое развитие сельскохозяйственного производства положительно влияет на рост собственных доходов территорий. Это хорошо видно на примере двух сельских муниципальных образований Республики Хакасия – Бейского и Усть-Абаканского районов. В этих районах собственные доходы за последние семь лет выросли в 4,6 раза. На территории этих районов за последние семь лет количество населения, не занятых трудовой деятельностью, сократилось почти в два раза.

Таким образом, можно сделать вывод, что устойчивое развитие сельского хозяйства положительно влияет на социально-экономическое положение и позволяет стабильно развиваться всем территориям.

3. Над темой НИР «Современное состояние института семей в Южной Сибири» работает зав. сектором, кандидат философских наук И. Н. Трошкина. Автором представлена монография по теме исследования. Сделан ряд выводов по данному исследованию:

– состояние семьи Южной Сибири (ЮС) является более стабильным, нежели в ряде иных регионов РФ, исключение составляет семья Южного федерального округа;

– среди субъектов Южной Сибири ситуация по состоянию семьи неоднозначная и зависит от различных факторов: природно-географического, социально-экономического развития региона, этнического состава и проч. Труднодоступность ряда территорий позволила сохранить моноэтническую азиатскую среду, ориентированную на высокий уровень воспроизводства, а также некоторые элементы коллективистской семьи, это касается Тывы, Республики Алтай. Глобализационные, миграционные процессы и иные переменные наложили негативный отпечаток на состояние семьи всех регионов ЮС. Среди республик более проблемной является семья Хакасии;

– в перспективе до 2050 г. предполагается изменение ситуации со снижением продуктивных рамок, размера семьи, ростом доли неполных, одиноких семей и проч., что связано с процессом освоения Сибири и Дальнего Востока и более интенсивным взаимодействием субкультур с доминирующим культурным полем России. При изменении внешнеполитического, внутривнутриполитического курса страны, направленного на стабилизацию института семьи.

С 1 сентября 1999 г. на базе ХакНИИЯЛИ функционирует лаборатория этнопсихологии, которую возглавляет Валерий Степанович Топоев – кандидат психологических наук. Цель создания лаборатории – изучение психологии коренного этноса Хакасии в условиях современной экономической и политической ситуации.

Сейчас во главе лаборатории молодой психолог Г. В. Максимова, в секторе работает опытный психолог-практик Т. Н. Капичникова.

В сентябре 2010 г. в институте создан отдел международных отношений, который возглавляет Борис Устинович Амзараков. Достаточно сказать, что только в 2013 г. по инициативе отдела были проведены следующие экспедиции и мероприятия:

– Монголо-монакская археологическая экспедиция с участием зав. сектора археологии института Ю. Н. Есина по приглашению Музея доисторической антропологии Княжества Монако (Монголия, июль–август 2013 г.).

– Хакасско-тувинско-монакская археологическая экспедиция с участием сотрудников Музея доисторической антропологии Княжества Монако (Хакасия, Тува, 20–30 августа 2013 г.).

– В рамках сотрудничества ХакНИИЯЛИ и Научно-исследовательского центра по изучению древних культур железного века Восточной Азии (Япония) проведены полевые исследования памятников древней металлургии (21–29 июня 2013 г.).

– Японско-хакасская экспедиция по изучению памятников рунической письменности на территории Хакасии (2–13 июля 2013 г.).

– Сбор материала по диалектам хакасского языка. Ш. Казама (Япония, 2–13 июля 2013 г.).

– На основании Протокола намерений о сотрудничестве с Культурным фондом Гималайских исследований (Университет г. Нью-Дели, Индия) опубликован на английском языке сборник статей сотрудников ХакНИИЯЛИ, посвященный Н. Ф. Катанову. Английскую версию сборника готовит отдел международных связей.

Развитие партнерских отношений:

– Договор о научном сотрудничестве с Высшей школой языка и культуры Университета г. Осака.

– Участие сектора археологии ХакНИИЯЛИ в подготовке выставки «Первые кочевники Центральной Азии», которая была организована Музеем доисторической археологии Княжества Монако в ЮНЕСКО (Париж, апрель 2013 г.).

– Организация встречи сотрудников ХакНИИЯЛИ с зарубежными студентами, стажерами из США, Китая, Австрии, Турции (декабрь 2013 г.).

– Достигнута договоренность о приезде в ХакНИИЯЛИ в 2014 г. трех исследователей из Японии, двух из Монако, археолога из университета г. Геттинген (Германия), стажера из Турции, партнеров из Индии и Китая.

– Обеспечены стажировки в ХакНИИЯЛИ ученых из Турции и Таджикистана.

Институт имеет уникальную научную библиотеку (зав. библиотекой Н. П. Намсараева) и рукописный фонд (с 2000 г.), последний возглавляет кандидат филологических наук А. С. Чочиева.

В разное время во главе ХакНИИЯЛИ стояли директора, внесшие огромный вклад в развитие хакасской науки и культуры, – Николай Георгиевич Доможаков (1944–1955), Степан Павлович Ултургашев (1956–1959; 1969–1970), Дмитрий Иванович Чанков (1960–1969), Валентин Абрамович Асочаков (1970–1992), Яков Иванович Сунчугашев (1992–1995), Гавриил Гаврилович Котожеков (1995–1998).

С мая 1998 г. возглавляет институт Валентина Николаевна Тугужекова, доктор исторических наук, профессор. Почти все эти годы с приходом В. Н. Тугужековой ученым секретарем института работает Н. А. Данькина, кандидат исторических наук и зам. по административно-хозяйственной части Е. И. Таштандинова.

В настоящее время в институте работают 30 научных сотрудников, из них свыше 96 % имеют ученые степени.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории проводит исследовательскую работу по теме «Хакасия в контексте истории и культуры Южной Сибири и Центральной Азии» в рамках 5 направлений фундаментальных исследований¹⁰:

1. Археологические исследования Южной Сибири;
2. История и культура Хакасии и сопредельных территорий в древности, средневековье и современности;
3. Экономика, население и общественное сознание народов Южной Сибири;
4. Современный хакасский язык;
5. Культурное наследие народов Южной Сибири.

Институт достойно представляет гуманитарную науку в Сибирском регионе.

Примечания

1. См.: Чанков Д. И. Николай Георгиевич Доможаков (К 60-летию со дня рождения) // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Выпуск XX. Серия филологическая. № 3. – Абакан, 1976. – С. 269–273; Карпов В. Г. Человек-факел // Человек-факел. (К 85-летию со дня рождения Н. Г. Доможакова) / Сост. А. Г. Кызласова. – Абакан, 2000. – С. 3–5; Тугужекова В. Н. Писатель, ученый и педагог: к 95-летию Н. Г. Доможакова // Доможаковские чтения: к 95-летию со дня рождения поэта, писателя, переводчика, ученого, просветителя, общественного деятеля Николая Георгиевича Доможакова (Абакан, 21–22 апреля 2011 г.). – Абакан, 2011. – С. 5–16.
2. Тугужекова В. Н. К истории становления и развития Хакасского НИИЯЛИ (1944–2009 гг.) // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы. – Абакан, 2009. – С. 5.
3. Подробнее см.: Субракова Ольга Васильевна. Библиографический справочник. К 70-летию со дня рождения / Сост. Н. П. Намсараева. – Абакан, 2006. – 28 с.
4. См.: Патачакова Дарья Федоровна (к 85-летию со дня рождения) / Сост. Р. Д. Сунчугашев, О. В. Субракова. – Абакан, 2005. – 24 с.
5. См.: Боргояков Михаил Иванович (к 75-летию со дня рождения) / Сост. Р. Д. Сунчугашев, О. В. Субракова. – Абакан, 2005. – 20 с.
6. См.: Майнагашева Валентина Евгеньевна. Библиографический справочник. К 80-летию со дня рождения / Сост. Н. П. Намсараева. – Абакан, 2010. – 58 с.
7. См.: Кошелева Альбина Леонтьевна. Библиографический справочник. К 75-летию со дня рождения / Сост. Н. П. Намсараева. – Абакан, 2013. – 52 с.
8. См.: Сунчугашев Яков Иванович. Библиографический справочник. К 80-летию со дня рождения / Авт.-сост.: Ю. Н. Есин, Н. П. Намсараева, В. В. Тараканов. – Абакан, 2006. – 61 с.
9. Тугужекова В. Н. К истории становления и развития Хакасского НИИЯЛИ (1944–1999 гг.) // Хакасия: история и современность. Ученые записки. Выпуск XXI. – Новосибирск, 2000. – С. 9.
10. См.: Отчет о научной и научно-организационной деятельности Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории за 2013 г. / Сост. В. Н. Тугужекова, Н. А. Данькина. – Абакан, 2014. – 84 с.

И. Г. Смолина

ВКЛАД ХАКАССКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ В РАЗВИТИЕ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

В статье рассматривается проблема определения понятия книжная культура. Представлены различные точки зрения на ее структуру. На основе этого автор показывает вклад Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в развитие книжной культуры региона.

In the article determination problem of a concept book literature is under consideration. Different points of view on its structure are presented. On this basis an author shows contribution of Khakass Research Institute of Language, Literature and History into the development of book culture of the region.

Исследователи Л. Авгуль (зав. научно-исследовательским отделом библиотековедения Центральной научной библиотеки им. Я. Коласа НАН Белорусии) и М. Ермолаева (зам. директора по научной работе Научного центра исследований истории книжной культуры РАН) отмечают, что в период внедрения информационных технологий во многие сферы общественной, социальной и культурной жизни особое место приобретает необходимость осмысления исторического опыта создания, передачи и хранения информации в традиционной книжной форме¹.

Книжная культура призвана обеспечивать сохранение интеллектуальных и духовных традиций прошлого и их адаптацию в системе современных коммуникаций. В настоящее время проблема определения книжной культуры остается актуальной. Существует несколько подходов к определению понятия «книжная культура», ее структуре. Так, Л. Авгуль, М. Захарова выделяют три системообразующих составляющих книжной культуры: культура книги, культура чтения, культура книгораспространения. В. И. Гульчинский предпринял попытку определить ее структуру, однако при этом он назвал весь состав книжного дела:

- материально-техническая база;
- духовные и эстетические ценности общей культуры, нашедшие выражение в книге и через книгу;
- творческая деятельность, направленная на познание книги, книжного дела и самого книговедения;
- учреждения и организации книжного дела и книговедения;
- образование, воспитание и пропаганда книги;
- художественная культура книги.

Другие исследователи выделяют следующую структуру книжной культуры:

- издательская политика;
- структура циркулирующей в обществе книжной продукции;
- социальная и этническая география распространения книги;
- культура человеческой мысли, технологии, дизайна;
- культура автора, издателя, читателя.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории проводит исследования и издает научную и научно-популярную литературу по следующим направлениям: древняя история, фольклор и этнография, история XIX–XX вв. и современность, хакасский язык и литература. В настоящее время востребованными для широкого читателя являются книги по древней истории, этнографии, а также различные буклеты по историко-культурному наследию региона.

В последние годы по древней истории были подготовлены и изданы следующие книги: «Изваяния и стелы окуневской культуры» (Абакан, 2006), Есина Ю. Н. «Тайна богов древней степи» (Абакан, 2010); Марсадолова Л. С. «Большой Салбыкский курган в Хакасии» (Абакан, 2010); буклет «Культурно-историческое наследие заповедника «Хакасский»» (Абакан, 2011, 2012) и др.

Достаточно хорошо освещена в научной и научно-популярной литературе тема древнего наскального искусства. С 2010 г. издано 5 монографий.

Книга «Изваяния и стелы окуневской культуры» Леонтьева Н. В., Капелько В. Ф., Есина Ю. Н. посвящена уникальным памятникам изобразительного искусства Хакасии и юга Красноярского края, имеющим мировую известность, – каменным изваяниям и стелам, связанным с окуневской археологической культурой конца III – середины II тыс. до н. э. Рассматриваются проблемы их датировки, методы анализа и интерпретации, социальная функция, семантика основных изображений. Важной частью издания является каталог, включающий описание и рисунки 300 памятников. В 2009 г. эта книга с исправлениями и дополнениями была издана на венгерском языке под названием «Kőbálványok és emlékoszlopok az okunyevi kultúrában» (Budapest, 2009).

Книга Есина Ю. Н. «Тайна богов древней степи» (Абакан, 2010) посвящена феномену наскального искусства окуневской археологической культуры Южной Сибири конца III – начала II тыс. до н. э. В доступной для широкого круга читателей форме обобщены основные результаты изучения окуневского искусства и культуры несколькими поколениями исследователей. Рассмотрены вопросы технологии изготовления каменных стел, эволюции стиля, семантики и социальной функции изображений. Структура изображений сопоставляется с принципами построения древних вербальных текстов ритуального назначения, широко использующих эпитеты и метафоры. Показано важное научное и культурно-историческое значение памятников окуневского искусства в контексте древней истории Евразии, а также их место в современной культуре Хакасии. Книга содержит более 200 цветных фотографий и рисунков. Текст представлен на русском и английском языках.

В альбоме «Петроглифы древней Сибири» (М., 2010) представлено большое количество материалов по наскальному искусству Хакасии, юга Красноярского края и Тувы. Использована коллекция эстампов наскальных изображений из фондов Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова, выполненных заслуженным художником России В. Ф. Капелько. Вступительная статья и тексты к фотоматериалам написаны Ю. Н. Есиным. Альбом издан к V Форуму творческой и научной интеллигенции государств-участников СНГ в Москве в 2010 г.

По древнему искусству поздней бронзы Минусинской котловины издана монография О.В. Ковалевой.

Большую популярность среди читателей имеет книга Л. С. Марсадолова «Большой Салбыкский курган в Хакасии». Большой Салбыкский курган – крупнейший мегалитический памятник Хакасии V в. до н. э., сопоставим по своим размерам, сложности и значимости с пирамидами Египта, Америки, Китая и Японии, с такими широко известными астрономическими объектами, как Стоунхендж, мегалиты Мальты, Турции, Кореи и Европы. В конструкцию больших курганов в Салбыкской долине, наряду с многочисленными функциями (мировоззренческой, погребальной, социальной, политической, религиозной, астрономической, архитектурной и другими), была заложена и основная сумма сакрально-научных знаний того времени. В монографии освещены научные результаты многолетних работ экспедиций С. В. Киселева и Л. С. Марсадолова. Последний отмечает, что, несмотря на то, что с момента раскопок прошло более 50 лет, а также в Хакасии изучено много археологических объектов, Салбык сохраняет свое историческое и научное лидерство, хотя его материалы оставались малодоступными для современных исследователей и любителей древней истории.

В год Катанова, 2012, который отмечался в Хакасии и в 13 странах, входящих в Международную организацию ТЮРКСОЙ, было опубликовано несколько работ:

1. Образцы народной литературы тюркских племен, собранные Н. Ф. Катановым;
2. Наследие хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания востоковеда Николая Федоровича Катанова. Материалы Международной научной конференции. В 2-х томах;
3. Научное обозрение Саяно-Алтая. Рецензированный научный журнал;
4. Эпистолярное наследие Н. Ф. Катанова (переписка);
5. Кокова И. Николай Федорович Катанов. Документальная повесть о выдающемся востоковеде;
6. Ученые Казани о Катанове. Сборник статей (2002–2012 гг.);
7. Избранные труды Н. Ф. Катанова. В 2-х томах. Первый том представлен статьями Катанова о народах, языках и культуре народов Сибири. Второй том – о восточных народах, языках и этнографии.

Эти издания носят не только исследовательский характер. Они направлены на популяризацию имени выдающегося хакасского ученого Н. Ф. Катанова.

По истории были опубликованы следующие книги: Макарова А. А. «Власть и общество в Сибири. 1927–1933 гг.» (Абакан, 2010), «История Красноярского края (1897–1940 гг.): учебное пособие по краеведению» (Абакан, 2013); Кискидосовой Т. А. «Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века» (Абакан, 2012).

Так, работа Т. А. Кискидосовой посвящена истории повседневной жизни горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. В настоящее время теория повседневности является одним из направлений, которое активно разрабатывается российскими учеными. В центре внимания теории повседневности всегда не только и не просто быт, но и жизненные проблемы и их осмысление теми, кто живет рядом или жил до нас, подчас оставшись безымянным в истории.

На увлекательном и разнообразном материале автор рассматривает численность и состав населения, демографические процессы, занятия городских жителей, облик и благоустройство городов, жилище, питание, одежду, досуг и развлечения горожан, городские праздники.

Книга рассчитана не только для чтения профессиональными исследователями, но и для всех тех, кто интересуется проблемами истории Сибири и страны в целом.

Отдельно нужно сказать о работе А. А. Макарова «История Красноярского края (1897–1940 гг.): учебное пособие по краеведению». Книга рассчитана на учителей, студентов вузов и учащихся школ. В ней рассмотрена история Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в., Гражданская война в Енисейской губернии, реализация политики военного коммунизма и НЭПа в Енисейской губернии, Красноярский край в годы первых пятилеток. В 2010 г. вышло учебное пособие В. Н. Тугужековой по актуальным проблемам истории Хакасии в XX в.

В 2012 г. была подготовлена книга «Агропромышленная компания «МаВР»: история становления и развития» по истории мясоперерабатывающей отрасли Хакасии. В целом институт специализируется на подготовке отраслевой истории. Например, были изданы работы по истории лесного хозяйства Хакасии и ветеринарии. В 2012 г. исполняется 90 лет фармации Хакасии, готовится труд по истории и современности «Ресфармации». По истории районов было опубликовано несколько книг: Аскизский район, Таштыпский район, Ширинский район. Подготовлены книги по истории Усть-Абаканского, Бейского, Богградского районов. Изданные книги по истории районов являются настольными книгами для учителей, учащихся образовательных учреждений по краеведению. Они формируют у читателей уважение к своей местной истории, расширяются знания о ней.

По этнографии, фольклору были опубликованы следующие работы: Козьмин Н. Н. «Избранные труды: Хакасы, Туба, Иренак. Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае» (Абакан, 2010); Челтыгмашева Л. В. «Фольклоризм хакасской прозы 1930–1990-х гг.» (Абакан, 2010); «Чатхан: история и современность: материалы IV Международ. симпозиума» (Абакан, 2010); Сагояков Н. Н. «Хакасские мифы» (Абакан, 2010).

Примечательно, что на широкий круг читателей, учащихся рассчитаны фотоальбомы, которые издаются под грифом ХакНИИЯЛИ в течение ряда лет, например, «Хакасская народная одежда», «Графика Хакасии», «Графика Хакасии в годы Великой Отечественной войны», «Хакасия в творчестве художника В. И. Сурикова» и др.

Автор книги – научный сотрудник с момента начала научного исследования темы до завершения издания книги работает с издателем. Из-за малотиражности научных изданий книга не всегда доступна широкому читателю, поэтому она дублируется на сайте института. Вместе с тем все эти издания направлены не только на изучение культурно-исторического наследия Республики Хакасия и сопредельных территорий. Они призваны его популяризировать. Через эти исследования для потомков сохраняется культурно-историческое наследие в письменном слове, в книгах.

Примечания

1. Авгуль Л., Ермолаева М. Книжная культура Беларуси и России: исследования в контексте историко-культурного взаимодействия // Наука и инновации. – 2012. – № 6. – С. 59.

Н. А. Данькина

СЕКТОР ИСТОРИИ ХАКНИИЯЛИ В 1940–1960-е ГГ.

В статье раскрывается история сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории с момента его образования в 1944 г. до середины 1960-х гг., основные направления его деятельности в этот период. Также в статье раскрываются биографии первых научных сотрудников сектора истории и их заведующих. Автор приходит к выводу о том, что в 1940–1960 гг. были заложены основы для развития исторической науки в Хакасии.

In the article history of the department of history of Khakass Research Institute of Language, Literature and History from the moment of its establishment in 1944 till the middle of 1960 and basic lines of its activity during this period are described. Biographies of the first scientific specialists of the department of history and their chiefs are also shown in the article. An author comes to a conclusion that in 1940-1960s foundations for the development of historical science in Khakassia were laid.

В 1944 г. был создан ХакНИИЯЛИ. В его структуру вошли три сектора, в том числе сектор истории и этнографии.

Целью создания сектора истории и этнографии являлась научная разработка истории и культуры хакасского народа. Для ее реализации был определен следующий круг задач: организация исторических, археологических, этнографических и антропологических исследований (экспедиционных, камеральных); изучение письменных документов, хранящихся в местных и центральных архивах, музеях и библиотеках; обобщение и критический анализ литературных источников; собирание и изучение памятников материальной и духовной культуры хакасского народа; собирание и историческая интерпретация фольклорных и лингвистических данных; изучение истории народов Хакасской автономной области с древнейших времен, истории Октябрьской революции, социалистического строительства в Хакасии и участия хакасского народа в Великой Отечественной войне против немецкого фашизма.

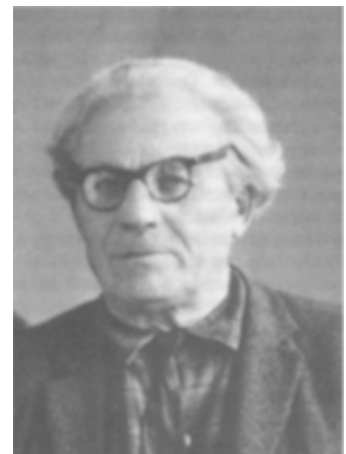
Одним из первых сотрудников сектора истории стала Варвара Павловна Левашева. В институте она проработала по совместительству до 1946 г. В. П. Левашева родилась 25 июля 1901 г. в семье военного священника Петропавловского собора Санкт-Петербурга. В 1926 г. окончила археологическое отделение факультета общественных наук МГУ. Защитила дипломную работу по теме «Железные топоры Восточной Европы конца средней и начала поздней поры неометаллической эпохи». В своем исследовании В. П. Левашева доказывала, что переход человечества к более высокому уровню развития зависит от технологии изготовления и изменения формы орудий труда. Скрывая свое происхождение, В. П. Левашева по окончании университета уехала в Омск, где в течение 3 лет работала археологом Западно-Сибирского (ныне Омского) краеведческого музея. Как отмечает исследователь жизни В. П. Левашевой профессор Б. Конилов, для стиля работы Варвары Павловны были характерны целеустремленность, систематичность, аккуратность, доведенная до педантизма¹. Когда в Омском музее

сложилась атмосфера доносов, неприязни, Вера Павловна была вынуждена уехать в Минусинск, где 16 лет проработала заведующей археологическим отделом музея. Здесь она вышла замуж за Ф. П. Кравченко, родила двух дочерей. Однако в 1937 г. по ложному доносу Кравченко был расстрелян. За годы работы в Минусинском музее В. П. Левашева провела археологические разведки и раскопки могильников и поселений эпохи бронзы до средневековья. Она участвовала в работе Саяно-Алтайской экспедиции, в раскопках Уйбатского чаа-таса. В 1940–1941, 1945 гг. совместно с археологами Сергеем Владимировичем Киселевым и Людмилой Алексеевной Евтюховой, с которыми вместе училась в МГУ, проводила раскопки «Абаканского дворца». В 1946 г. В. П. Левашева вернулась в Ленинград, а затем переехала в Москву. Работала в Государственном историческом музее. Умерла в 1974 г.²

В первые годы своего существования институт начал сотрудничество с доктором исторических наук, профессором Санкт-Петербургского государственного университета Леонидом Потаповым. В сентябре 1946 г. им совместно с ХакНИИЯЛИ была проведена этнографическая экспедиция. С институтом в начале его существования начали сотрудничать ученые Москвы – начальник Алтае-Саянской экспедиции С. В. Киселев, старший научный сотрудник Государственного исторического музея Л. А. Евтюхова, востоковед С. Е. Малов и др.

Первым заведующим сектора истории и этнографии был Альберт Николаевич Липский. Он работал в этой должности с 15 ноября 1944 по 1 января 1946 г. А. Н. Липский приехал в Хакасию в 1943 г. по рекомендации профессора Е. Ф. Дебеца для проведения палеоантропологических исследований. До 1973 г. работал археологом Хакасского краеведческого музея. У А. Н. Липского был большой опыт занятий антропологией, классическое образование, знание археологии и этнографии, полученное в Петербургском университете и Московском археологическом институте³.

А. Н. Липский родился в 1890 г. в окрестности Тертеж Рогачевского уезда Могилевской губернии. Его родителями были польский дворянин и крестьянка-батрачка. В 1909 г. Липский поступил в Петербургский университет, в мае 1912 г. перевелся на естественный факультет психоневрологического института, в начале 1914 г. перевелся в Московский археологический институт (окончил в 1915 г.). С 1913 г. по

поручению Этнографического и Зоологического музеев Академии наук стал собирать коллекции на Алтае и в Монголии. А. Н. Липский участвовал в военных операциях Первой мировой войны. С августа 1917 г. Липский продолжил исследовательскую работу по этнографии амурских гольдов (нанайцев) на Дальнем Востоке. Весной 1918 г. был делегирован на Первый съезд рыболовецкого населения, созванный Хабаровским Советом рабочих и крестьянских депутатов. Затем работал в Верхнеудинске инструктором по культпросветработе, заведующим неторговым отделом в Прибайкальском союзе кооперативов. В конце 1918 г. работал библиотекарем в краеведческом музее и преподавателем в реальном училище, а весной 1919 г. вместе с супругой отправился в Кур-Урлийский район в составе экспедиции Института исследования Сибири. Здесь он был вовлечен в партизанское движение и вел агитационную и пропагандистскую работу среди гольдов. После вступления партизанских соединений в Хабаровск работал в комиссариате просвещения по заведению музеями и библиотеками области. Весной–летом 1920 г. он продолжил экспедиционную деятельность, параллельно вел агитационную работу среди коренного населения. 23 октября 1920 г. А. Н. Липский возглавил Хабаровский краеведческий музей. Весной 1921 г. благодаря А. Н. Липскому было обеспечено большинство голосов амурских гольдов в с. Троицкое за кандидатов-коммунистов в Народное собрание Дальневосточной Республики (ДВР). В августе 1921 г. он приглашен на пост министерского представителя по делам туземных национальностей в Приамурской и Приморской областях при Министерстве по национальным делам ДВР. В декабре 1921 г., во время наступления на Хабаровск белоповстанческой армии, Липский получил указание о том, что он должен отправиться через стойбища в партизанский отряд для организации линии связи через туземцев, разведки из них и выяснения баз партизанского отряда Шевчука. Зимой 1921–1922 гг. Липский вел организацию среди северных народностей диверсионных групп. В Хабаровск вернулся 14 февраля 1922 г., в июне выехал в Читу для доклада в Министерстве по делам национальностей ДВР и последовавшей за этим сдачи дел. В 1922 г. стал негласным сотрудником ГПУ РСФСР как человек с уникальным опытом, специальными знаниями и широкими связями в туземной среде. В 1923 г. участвовал во главе боевых групп тунгусов в масштабной операции против Сибирской добровольческой дружины генерала А. Н. Пепеляева. По завершении операции А. Н. Липский с группой профессоров и преподавателей был переведен из Читы во Владивосток, где на кафедре Дальневосточного государственного университета читал курс истории Амурского края. Весной–осенью 1925 г. участвовал в ликвидации Тунгусского восстания в Охотско-Аянском районе. В октябре 1925 г. был назначен уполномоченным по туземным делам Николаевско-на-Амуре уисполкома. В октябре 1927 г. был командирован ПП ГПУ по ДВК в восточную часть Якутии для ликвидации «Ксенофоновского» восстания. В 1928–1929 гг. участвовал в подавлении белогвардейских групп в погранполосе Маньчжурии. В 1927–1929 гг. занимал должность зав. отделом охотничьего хозяйства Дальневосточного землеуправления (крайЗУ), с февраля 1930 г. – зав. сектором звероводства и кролиководства управления Дальгостроя, с 1 октября 1930 г. – главного сотрудника Полномочного Представительства ОГПУ по Дальнему Востоку. 3 года обучался в Хабаровском комвузе. В 1931 г. А. Н. Липский участвовал в ликвидации Тугуро-Чумиканского восстания против советской власти. В 1933–1934 гг. А. Н. Липский участвовал в ликвидации «Камчатской повстанческой организации». В 1935 г. А. Н. Липский уволен из органов государственной безопасности по болезни. Вновь занимал должность директора Хабаровского музея краеведения. Был принят в Институт антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР на должность начальника Нижнеамурского отряда комплексной экспедиции. Экспедиция работала на Амуре в 1936–1938 гг. 21 августа 1938 г. А. Н. Липский был арестован, 29 июня 1939 г. осужден «за участие в контрреволюционной националистической организации» и приговорен к заключению в ИТЛ на 5 лет. Отбыв срок в лагере под Комсомольском-на-Амуре, затем в Амурской области, в 1943 г. устроился в краеведческий музей в г. Абакане, где работал до конца жизни. В 1955 г. был реабилитирован за отсутствием состава преступления⁴.

С 1 января 1946 г. зав. сектором истории был назначен Петр Иванович Каралькин. П. И. Каралькин родился в 1908 г. в деревне Елтоша Старо-Бардинского района Бийского округа Томской губернии в семье крестьянина. В 1924 г. он обучался грамоте в сельском пункте ликбеза. Старт в жизнь П. И. Каралькину дал комсомол. В 1927 г. по рекомендации райкома комсомола и райисполкома был избран председателем сельского совета. В 1931 г. П. И. Каралькин окончил рабфак Томского университета, в 1934 г. – литературное отделение Ленинградского института народов Севера при

ЦИК СССР. После окончания института работал ответственным секретарем Комитета Нового алфавита Западно-Сибирского крайисполкома. В 1936–1938 гг. обучался на историческом отделении аспирантуры народов Севера. В 1938 г. перешел в Ленинградский государственный музей этнографии в Отдел Сибири, работая под руководством профессора Леонида Павловича Потапова по этнографии народов Саяно-Алтайского нагорья. В 1939 г. по рекомендации музея был откомандирован Наркомпросом РСФСР в г. Абакан на должность директора Хакасского областного музея краеведения, где проработал до 1941 г. Участвовал в Великой Отечественной войне. В декабре 1945 г. был демобилизован. Вернулся в Абакан и был принят в ХакНИИЯЛИ на должность зав. сектором истории. С 15 октября 1949 г. был освобожден от работы в институте в связи с выездом на учебу в аспирантуру Института этнографии академии наук СССР. В 1953 г. П. И. Каралькин защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Этнографии». С 1953 по 1980 г. работал зав. отделом этнографии народов Сибири и Дальнего Востока Государственного музея этнографии народов СССР⁵.

Одной из первых сотрудниц сектора была Юлия Артемьева Шибаева, специалист по этнографии народов Средней Азии. В 1930 г. она окончила этнографический факультет МГУ. По окончании университета работала в Узбекском музее (г. Самарканд), в Центральном музее народов СССР (г. Москва). С 1932 г. работала научным сотрудником Института материальной культуры, с 1936 по 1937 гг. – научным сотрудником кабинета истории Института повышения квалификации кадров народного образования в г. Челябинске. С 1943 г. переехала в Хакасию, где работала старшим преподавателем кафедры истории учительского и педагогического институтов. С 1944 по 1949 г. одновременно работала научным сотрудником ХакНИИЯЛИ. В 1947 г. защитила кандидатскую диссертацию «Пережитки родового строя у хакасов в системе родства и семейно-брачных отношений». В 1949 г. работала доцентом кафедры истории Таджикского государственного университета им. Ленина. В 1959 г. она опубликовала книгу «Одежда хакасов».

Во второй половине 1940-х гг. институт выступал инициатором и организатором научных конференций. Они были приурочены к юбилейным датам: 20-летию работы Алтае-Саянской археологической экспедиции Академии наук СССР на территории Хакасии, 30-летию Октябрьской революции, 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского, 70-летию со дня рождения И. В. Сталина, 20-летию Хакасской автономной области.

На юбилее области историки института выступали с темами о происхождении хакасов, о ремеслах и торговле в Древнехакасском государстве, о развитии угледобыче, о хозяйственных и культурных достижениях в Хакасии за годы советской власти⁶.

В 1940-е гг. сектор истории постоянно сотрудничал с областным краеведческим музеем по реконструкции его разделов и разработке наиболее важных экспозиций по новой и новейшей истории⁷. В эти годы был собран материал по этнографии хакасов: жилищу, одежде, промыслам, обычаям, прикладному искусству, советскому периоду истории Хакасии.

В целом за 1944–1948 гг. сектором истории была проведена следующая работа: собран материал по этнографии хакасов: жилищу, одежде, промыслам, обычаям, прикладному искусству; советскому периоду истории Хакасии. Были подготовлены работы к истории города Абакана, книги «Алтае-саянские тюрки», «Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов)», «Ученые записки»⁸.

В конце 1940-х гг. институт активно сотрудничал с доктором исторических наук, профессором С. В. Киселевым по написанию древней истории Хакасии.

В 1948 г., как указывает Н. Я. Артамонова, в условиях прокатившейся по стране новой волны репрессии 1940-х гг., связанных с обвинением научных сотрудников в космополитизме, Хакасский ОК ВКП (б) подверг жесткой критике руководство института. В отчете инструктора ОК партии А. М. Мишурова, а также докладной записке зав. сектором школ и вузов Ф. С. Аскировой «Об ошибках и недостатках в работе Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» на имя заведующего отделом пропаганды Хакасского ОК ВКП (б) Д. И. Нагзузова отмечалось, что некоторые сотрудники ХакНИИЯЛИ стоят «на явно космополитической позиции». Научные труды Номинханова «Хакасская топонимика как источник истории хакасского народа» и «Словарь лексических сходжений хакасского и монгольского языков» оценивались как лженаучные. По этой причине из института был уволен Ц.-Д. Номинханов. В. П. Левашева и С. В. Киселев были обвинены в «утверждении теории китаеведческого происхождения хакасов и культуры хакасского народа»⁹. Острой критике были подвергнуты научные работы А. А. Кенеля, Д. Е. Хайтуна, А. Н. Липского, Ц.-Д. Номинханова. В 1946 г. бюро Хакасского обкома ВКП (б) вывело их из состава Ученого совета института «как не оправдавших доверия». Был сформирован новый состав Ученого совета в количестве 17 человек¹⁰.

С 1949 г. в штат института был зачислен Кузьма Михайлович Патачаков. В 1940 г. он окончил Хакасское педагогическое училище. С 1941 по 1944 г. воевал на фронтах Великой Отечественной войны, был тяжело ранен, демобилизован. В 1947 г. он закончил историческое отделение Абаканского учительского института. С 1949 по 1988 г. работал научным сотрудником, зав. сектором истории, ученым секретарем ХакНИИЯЛИ. В 1952 г. К. М. Патачаков поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР, где его научным руководителем был авторитетный в то время специалист по этнографии народов Сибири Л. П. Потапов. Патачаковым было написано более 30 научных работ, касающихся истории и этнографии хакасов и деятельности ученых и просветителей Хакасии М. И. Райкова, Т. А. Сайлатова, А. Т. Казанакова, П. Т. Штыгашева.

В области этнографии Кузьма Михайлович Патачаков занимался исследованием таких вопросов, как родовой строй хакасов и влияние общественной жизни на изменение семейного быта, семейно-родственные отношения и религиозно-бытовые пережитки. Большой вклад сделал он в популяризацию научного наследия Н. Ф. Катанова¹¹.

К. М. Патачаков принимал активное участие в общественной жизни Хакасии, в работе Хакасского республиканского краеведческого музея: оформлении этнографических экспозиций, пополнении его фондов, был членом Ученого совета. Он был пропагандистом общества «Знание». Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, медалями¹².

В 1951 г. сектор истории возглавила Августа Лукинична Артеменко. После окончания в 1939 г. Абаканского педагогического училища она работала преподавателем в селах Хакасии. В 1941–1946 гг. она обучалась на историческом отделении Абаканского учительского института, историческом факультете АГПИ. С 1946 по 1949 г. работала ассистентом, старшим преподавателем на кафедре марксизма-ленинизма в АГПИ. С 1949 по 1951 г. являлась слушательницей Института повышения квалификации МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1951 г. А. Л. Артеменко решением бюро Хакасского обкома ВКП (б) была утверждена зав. сектором истории Хакасского НИИЯЛИ.

В 1953 г. в сектор истории принят А. М. Мишуров¹³. Приказом от 1 мая 1953 г. зав. сектором истории был назначен В. А. Асочаков¹⁴.

В. А. Асочаков родился 1 июля 1930 г. в улусе Чеболгаев Аскизского района в крестьянской семье. Его отец, Абрам Андреевич Асочаков, работал бухгалтером в Аскизском райздраве. Мать, Ксения Георгиевна, умерла в 1939 г., когда Валентину было всего 9 лет.

В 1935 г. семья Асочаковых переехала жить в село Аскиз, где в 1937 г. Валентин поступил учиться в Аскизскую среднюю школу. Окончив 8 классов этой школы, Валентин перешел учиться в 9-й класс Хакасской национальной школы. После ее окончания он год работал библиотекарем в с. Бельтыры. В 1948 г. В. А. Асочаков поступил в Абаканский педагогический институт на исторический факультет, который в 1952 г. окончил с отличием.

1 сентября 1952 г. он был принят младшим научным сотрудником сектора истории в ХакНИИЯЛИ. Однако в институте он проработал меньше года и был отозван сначала на комсомольскую, а затем на партийную работу. С мая 1952 по сентябрь 1954 г. работал секретарем Аскизского РК ВЛКСМ, с сентября 1954 по декабрь 1955 г. – преподавателем истории в Хакасской национальной школе, в 1956 г. его избрали вторым секретарем

Хакасского обкома ВЛКСМ, с декабря 1959 по 15 февраля 1963 г. занимал должность заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Хакасского обкома КПСС.

В феврале 1963 г. В. А. Асочаков возвратился в институт на должность заведующего сектором истории. Через 5 лет В. А. Асочаков при Институте истории Сибирского отделения РАН защитил кандидатскую диссертацию «Культурное строительство в Хакасии (1917–1937 гг.)».

11 сентября 1970 г. на основании решения Хакасского облисполкома В. А. Асочаков был назначен директором Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. В. А. Асочаков, будучи директором, продолжал участвовать в общественной жизни Хакасии. Он несколько раз избирался депутатом Хакасского областного Совета народных депутатов. В течение продолжительного времени являлся председателем правления Хакасского отделения Общества советско-монгольской дружбы (дважды был в МНР). 14 мая 1976 г. IV Советская конференция солидарности народов Азии и Африки избрала его членом Советского комитета солидарности стран Азии и Африки.

В 1980-е гг. В. А. Асочаков входил в Объединенный ученый совет по историко-филологическим и философским наукам СО АН СССР, который в 1981–1986 гг. возглавлял академик А. П. Окладников.

В эти годы В. А. Асочаков являлся председателем Государственной экзаменационной комиссии на филологическом, а затем на историческом факультетах АГПИ.

В конце 1992 г. В. А. Асочаков с связи с уходом на пенсию был освобожден от должности директора ХакНИИЯЛИ. Он остался трудиться в секторе истории на должности старшего научного сотрудника.

Трудовая, научная и общественная деятельность В. А. Асочакова отмечена государственными наградами. Он награжден медалью «За добросовестный труд», медалью Монгольской Народной Республики «Дружба», Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Жизненный путь ученого был недолгим. Он умер в возрасте 65 лет.

В начале 1960-х гг. сектор истории института был укомплектован в следующем составе: К. М. Патачаков – зав. сектором, К. Г. Копкоев – младший научный сотрудник, В. С. Анжиганов – младший научный сотрудник.

Анжиганов Виктор Семенович родился в 1931 г. в с. Усть-Камышта Сиявинского сельсовета Усть-Абаканского района в крестьянской семье. Отец, Семен Константинович Анжиганов, происходил из семьи крестьян бедняков. После установления советской власти работал председателем сельского совета. Умер в тот же год, когда родился В. С. Анжиганов. В 1951 г. окончил Хакасскую областную национальную гимназию, в 1956 г. – Ленинградский ордена Ленина государственный университет им. А. А. Жданова. После окончания университета работал в редакции газеты «Хызыл аал» литературным работником. 28 марта 1958 г. В. С. Анжиганов был направлен решением горкома ВЛКСМ на должность заведующего корреспондентской сетью радиокомитета. В октябре 1958 г. решением Хакасского обкома КПСС был назначен на должность ученого секретаря ХакНИИЯЛИ. Затем с 1960 по 1961 г. работал там же младшим научным сотрудником. С 1961 по 1964 г. В. С. Анжиганов обучался в аспирантуре Института философии

СО РАН, а в мае 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию в г. Фрунзе. Дальнейшая судьба В. С. Анжиганова была связана с работой в АГПИ¹⁵. Умер в 1983 г.

Копкоев Константин Григорьевич родился 28 мая 1929 г. в с. Аршаново Аскизского района в семье крестьянина-бедняка. Родители работали в колхозе «1 Мая» в с. Белый Яр. В 1945 г. он окончил семилетнюю школу в с. Белый Яр, в 1949 г. – Хакасскую областную национальную школу, в 1954 г. – исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности «История». После окончания университета работал в ХакНИИЯЛИ научным сотрудником сектора истории, ученым секретарем, с мая 1956 по август 1957 г. – зав. отделом пропаганды и агитации Хакасского обкома ВЛКСМ, с августа 1957 по сентябрь 1970 г. – младшим научным сотрудником, ученым секретарем ХакНИИЯЛИ. В 1965 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Присоединение Хакасии к России». С 1970 по 1987 г. работал преподавателем, доцентом кафедры марксизма-ленинизма Абаканского филиала Красноярского политехнического института.

Принимал участие в написании главы «Хакасия в период восстановления народного хозяйства (1945–1953 гг.)» «Очерков истории Хакасии советского периода. 1917–1961 гг.» (Абакан, 1961).

К. Г. Копкоев вел большую общественную работу. С 1961 г. был членом областного методического совета Дома политического просвещения Хакасского ОК КПСС и Абаканского ГК КПСС, с 1967 г. – бессменным председателем Хакасского областного комитета защиты мира. За заслуги в общественной деятельности награжден Почетной грамотой Советского комитета защиты мира, «Памятным знаком Конгресса», «Медалью Советского фонда мира». Умер 5 июля 1987 г.

Чаптыков Кирилл Гаврилович родился 10 октября 1925 г. в улусе Чаптыково. После окончания в 1942 г. Аскизской средней школы работал в Аскизской районной газете «Ударник» ответственным секретарем, затем служил в армии, работал оперативным работником в Аскизском районном отделении МВД в 1943–1945 гг., секретарем по военной работе в Хакасском обкоме ВЛКСМ в 1945–1946 гг. В 1948 г. окончил Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ, в 1954 г. – МГУ им.

М. В. Ломоносова по специальности «История». В декабре 1958 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Борьба Сибирской партийной организации за производственное кооперирование крестьянских хозяйств (1921–1927 гг.)» при МГУ им. М. В. Ломоносова. После окончания аспирантуры в 1957 г. работал в ХакНИИЯЛИ заведующим сектором истории, ученым секретарем. Являлся руководителем общественно-политической секции Хакасского отделения общества «Знания». В 1965 г. была опубликована монография В. Г. Чаптыкова «Деятельность партийных организаций Сибири по кооперированию крестьянства (1921–1927 гг.)». Умер 21 октября 1962 г.

В начале 1960-х гг. сектор истории подготовил к печати рукописи «Религиозно-бытовые пережитки у хакасов и пути их преодоления» (объем 6 а. л., автор К. М. Патачаков), «Учиться жить и работать по коммунистически» (объем 5 а. л., автор В. С. Анжиганов)¹⁶.

Результативным в научно-исследовательской деятельности института и сектора истории был 1961 г. Из отчета ученого секретаря Д. Ф. Патачаковой за этот год следовало, что вышли из печати: сборник «30 лет Хакасской автономной области» и брошюра «Опыт карьера Сорского молибденового комбината», книга «Жизнь и деятельность Н. Ф. Катанова» (автор С. Н. Иванов). В этом году была завершена многолетняя работа по написанию «Очерки истории Хакасии советского периода»¹⁷.

В 1960-е гг. сектор истории вел коллективную работу по подготовке первого тома «Истории Хакасии», «Очерков истории партийной организации Хакасии». Согласно индивидуального плана научно-исследовательской работы института старший научный сотрудник Я. И. Сунчугашев подготовил к изданию монографию «Горное дело и выплавка в древней Туве» объемом 10 авторских листов. В 1965 г. была начата работа по теме «Культурное строительство в Хакасии (1917–1940 гг.)» под руководством зав. сектором истории В. А. Асочаковым¹⁸.

Таким образом, за 20 лет своего существования сектор истории проделал большую научно-исследовательскую и научно-организационную работу. Его возглавляли достойные представители исторической науки.

Примечания

1. Омская трибуна // <http://tribunaomsk.ru>. Дата обращения: 17.04.2014 г.
2. Энциклопедия Республики Хакасия. Т. 1. – Абакан, 2007. – С. 341.
3. Таштандинов И. И. 30 лет в музее // Музейные ведомости. Газета Хакасского республиканского краеведческого музея. – № 1. – 9 мая. – С. 10.
4. Материалы межрегиональной научно-практической конференции «VII Гродековские чтения. Дальний Восток России: мультикультурное пространство в XIX–XXI вв.». – Хабаровск, 2012. – С. 143–160 // <http://naslednik-dv.livejournal.com/5954.html>. Дата обращения: 22.04.2014 г.
5. Данькин Е. Н. История развития исторической науки в Хакасии. – Абакан, 2011. – С. 31–32.
6. Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Книга приказов за 1944–1948 гг. Д. 1; Алябьева Л. Н. О работе института (экспедиции, научные конференции, издания ХакНИИЯЛИ и т. д.) // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 2. – Абакан, 1951. – С. 135–150.
7. Алябьева Л. А. Указ. соч. – С. 148–149.
8. РФ ХакНИИЯЛИ. Ф. 379. Л. 71.
9. Артамонова Н. Я. К истории создания Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории // Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Вып. III. – Абакан, 1999. – С. 117.
10. РФ ХакНИИЯЛИ. Ф. 379. Д. 2. Л. 130.
11. Табаев В. А. Кузьма Михайлович Патачаков (1922–1999) // Хакасия: история и современность. Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XXI. – Новосибирск, 2000. – С. 181–184.
12. Там же. – С. 183–184.
13. Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Книга приказов с января 1953 по октябрь 1956 г. Л. 2.
14. Там же. Л. 9.
15. Человек и его время в истории Хакасии и сопредельных территорий. Монография. – Абакан, 2013. – С. 151–157.
16. Патачакова Д. Ф. Отчет о работе Хакасского НИИЯЛИ за 1961 г. // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. Вып. IX. – Абакан, 1963. – С. 173–174.
17. Там же. – С. 174.
18. РФ ХакНИИЯЛИ. Книга приказов с января 1953 по октябрь 1956 г. Л. 8.

НАРОДЫ СИБИРИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Ю. Н. Есин

ИСТОРИЯ КОЛЕСНОГО ТРАНСПОРТА МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ ПО МАТЕРИАЛАМ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА*

На материалах наскального искусства рассматривается история колесного транспорта Минусинской котловины с III тыс. до н. э. по XIX в. Выделены 4 основные технологические традиции, которые представлены в сфере колесного транспорта региона за это время. Все традиции возникли за пределами Минусинской котловины, а их распространение в регионе связано с передвижением населения и этнокультурными контактами.

On materials of rock art the history of wheeled vehicles of the Minusinsk basin from III century B.C. to XIX century A.D. is under consideration. Four basic technological traditions, which have been presented in the sphere of wheeled vehicles of the region for this time period, are distinguished. All traditions appeared outside the Minusinsk basin. And their spreading in the region is connected with the migrations and ethno-cultural contacts.

История Евразии с IV тыс. до н. э. неразрывно связана с использованием колесного транспорта. Повозки и колесницы сыграли важную роль в заселении континента, его хозяйственном освоении, развитии торговых связей, военном деле, трансформации социальной структуры общества.¹ При этом на сегодняшнем этапе исследований решение многих крупных проблем истории колесного транспорта Евразии невозможно без углубленного и тщательного ее изучения в рамках отдельных историко-культурных и географических регионов на востоке континента. Ключевые вопросы таких региональных исследований – классификация имеющихся материалов по колесному транспорту с выделением технологических и изобразительных традиций, разработка региональной периодизации истории колесного транспорта, исследование взаимосвязи инноваций с историческими событиями и процессами как регионального, так и евразийского масштаба.

Древнейшие свидетельства использования колесного транспорта в Минусинской котловине, которая является одним из опорных регионов для изучения древней истории восточной части евразийского степного пояса, появляются достаточно рано. Они относятся ко второй половине III – началу II тыс. до н. э. и связаны с наскальным искусством окуневской культуры. На изображениях представлены двухколесные и четырехколесные повозки с закрытым и открытым кузовом, с цельными и составными дисковыми колесами. Для них типично дышло из двух жердей, сходящихся у перекладки ярма. Все повозки предназначены для парной запряжки. Тягловыми животными были волы и коровы. Для контроля над животным использовались петля в носу, ошейник, ярмо. По способу показа кузова существует три группы изображений: 1) проекция сбоку; 2) проекция сверху; 3) сочетание проекций сбоку и сверху. Изображения первой группы относятся к числу наиболее ранних. Изображения повозок, тягловых животных и возничих этого времени имели важное значение в ритуально-мифологической сфере культуры. Ранее окуневские четырехколесные повозки по наиболее общим признакам сопоставлялись с повозками из Передней Азии, Центральной и Восточной Европы, однако детальное сравнение по конструктивным особенностям, в частности, по устройству дышла, свидетельствует об их отличии. Единственный весомый аргумент в пользу происхождения окуневского колесного транспорта из Восточной Европы основан на сходстве конструкции окуневских двухколесных повозок с повозкой из погребения XXIII в. до н. э. маньчской катакомбной культуры на территории Ставропольского края (Большой Ипатовский курган, погр. 32).² Однако дышло этой повозки из двух сходящихся жердей уникально для катакомбной культуры. В степь эта повозка, как и другие из того же кургана, видимо, попала с Кавказа.³ Сравнительно-исторический анализ конструкции древнейшего колесного транспорта

* Исследование выполнено по гранту РГНФ № 13-11-19001 «История колесного транспорта северо-восточной окраины евразийского степного пояса (по материалам наскального искусства Минусинской котловины)»

Минусинской котловины и приемов его изображения указывает, что истоки этой инновации связаны с западными районами Центральной Азии.⁴

Следующая хронологическая группа изображений колесного транспорта Минусинской котловины датируется концом II тыс. до н. э. и связана с карасукской культурой XIV–IX вв. до н. э. С точки зрения конструкции она может быть разделена на два принципиально разных типа колесного транспорта: 1) повозки с составным дышлом, жерди которого одновременно образуют подтреугольную раму кузова (так называемые повозки А-образной формы); 2) повозки с центральным дышлом из одинарной жерди, которое сочетается с несколькими вариантами кузова: а) квадратный; б) округлый или овальный; в) в форме полуовала.⁵

За этими двумя типами конструкции стоят разные технологические традиции, формировавшиеся в разной культурной среде. Конструкция повозки с дышлом из двух сходящихся жердей очень близка повозкам Минусинской котловины эпохи ранней бронзы с крупным рогатым скотом в качестве тягловых животных. Она, вероятно, продолжает традицию изготовления колесного транспорта, представленного в окуневской культуре. При этом профильная проекция кузова повозки, типичная для изображений ранней бронзы, полностью сменяется проекцией сверху, меняется конструкция ярма-рогатки, появляются колеса со спицами. Среди памятников наскального искусства близкого времени других территорий Центральной Азии единичные аналогии данной конструкции выявлены на территории Монголии и Синьцзяна, более многочисленные – в западных районах Центральной Азии.

Конструкция А-образного типа, помимо двухколесных повозок, в наскальном искусстве поздней бронзы представлена четырехколесными, образованными из двух соединенных двухколесных. Очевидно, эта новая конструкция пришла на смену тяжелым четырехколесным фургонам эпохи ранней бронзы. Четырехколесные повозки этого облегченного типа продолжают использоваться и изображаться в проекции сверху в период тагарской культуры в I тыс. до н. э. и в период таштыкской культуры в первые века н. э.

Конструкция двухколесной повозки с дышлом из одинарной жерди и парной лошадиной запряжкой появилась в Минусинской котловине вместе с новыми мигрантами во II тыс. до н. э. Это – классическая колесница, т. е. легкое и скоростное транспортное средство с лошадиной запряжкой, как правило, на колесах со спицами, применявшееся для боевых действий. Типологически она, вероятно, восходит к той конструкции, которая уже в начале II тыс. до н. э. представлена в погребениях из степей Южного Урала и Северного Казахстана. Время ее появления на Енисее могло быть связано с андроновской культурой, однако подтверждающие это факты пока не известны. Наскальные изображения документируют ее использование населением, оставившим памятники карасукской культуры конца II тыс. до н. э. Колесницы с центральным дышлом из одной жерди по форме кузова, ярма с загнутыми вверх концами, форме ярм-рогаток имеют довольно точные аналогии на территории Казахстана, Монголии, а также среди изображений и реальных изделий с территории Китая эпохи Инь и раннего Чжоу.

Хотя колесницы широко представлены в наскальном искусстве карасукской эпохи, среди петроглифов сменившей ее тагарской культуры они не известны. Вероятно, это обусловлено утратой ими прежнего военного и социального значения после распространения верховой езды. Данный факт хорошо согласуется с исчезновением полноразмерных и функциональных «пряжек колесничего», представленных в погребениях карасукского времени. В непогребенных погребениях эти крупные бронзовые пластины с двумя дугами по краям находились в области пояса мужчин-воинов. По одной из гипотез они использовались для закрепления концов поводьев, когда стоявшему в кузове колесницы и управлявшему упряжкой воину нужно было на время высвободить руки для стрельбы из лука.⁶ О военных занятиях мужчин, захороненных с «пряжкой колесничего», в обществе поздней бронзы Минусинской котловины свидетельствуют дважды найденные в могилах наконечники стрел, которые могли быть причиной их смерти (в одном случае наконечник застрял в позвонке). В захоронениях на территории КНР подобные предметы чаще находят не в области пояса колесничего, а положенными отдельно вместе с набором оружия. Если они крепились на поясе, то, вероятно, пояс с таким большим металлическим предметом не носился постоянно, а надевался перед сражением. В курганах тагарской культуры вместо данных пряжек встречаются уменьшенные изделия сходной формы, сохраняющие лишь символическое значение.

Новые традиции, связанные с наземным транспортом, появляются в Минусинской котловине с последних веков до н. э., в контексте истории Центральной Азии – в хунну-сяньбийский период. К их числу принадлежат изображения саней в профильной проекции, которые известны прежде всего по материалам писаницы Хызыл хая.⁷ Тягловым скотом, как правило, являются волы. Для передачи тяглового усилия вместо дышла с ярмом и рогатками используются оглобли либо ремни, идущие от передних концов полозьев к шее животного. Этим же периодом, судя по стилистическим особенностям и атрибутам входящих в композицию животных и людей, видимо, датируется профильный рисунок пассажирской повозки с горы Большой Улаз.⁸ Основу ее конструкции образует рама из двух продольных жердей,

на которой сооружен крытый кузов. Вероятно, показана также передняя стенка кузова с окошечком в верхней части. Жерди рамы одновременно служат оглоблями, в которые запряжен вол. У повозки колесо большого диаметра (равное ширине кузова), но его верхняя часть, ступица и спицы не показаны. Местных прототипов такой конструкции, системе упряжи и способу изображения не известно.

С темой колесного транспорта связаны некоторые материалы из погребений таштыкской культуры. В частности, на фрагменте дощечки из склепа у горы Тепсей (могильник Тепсей III, склеп 1) выявлено резное изображение колеса.⁹ У него показано 21 или 22 спицы, обод и ступица. К сожалению, других деталей повозки не сохранилось. Учитывая, что диаметр колеса около 3 см, а вероятная ширина дощечки около 6 см, вряд ли повозка была изображена в проекции сверху. Скорее для нее можно предполагать профильный ракурс, подобно изображениям двухколесных пассажирских повозок китайской конструкции в искусстве хуннского круга, стилистика которого, несомненно, проявляется и у классических таштыкских изображений. По мнению Э. Б. Вадецкой, найденные в ряде таштыкских склепов разрозненными остатки миниатюрных зонтов, фигурок людей и лошадей «составляли ранее единые модели повозок, клавшихся погребенным по типу китайских».¹⁰ Последнее обстоятельство позволяет допустить, что представители высшего социального слоя Минусинской котловины того времени (начиная с лица, проживавшего в Абаканском дворце, и позднее) могли использовать колесницы китайской конструкции с лошадиной запряжкой. Они хорошо известны по наскальному искусству и захоронениям знати хунну на территории Монголии, но фактов их употребления на Енисее пока нет.

К древнетюркской эпохе относится профильное изображение двухколесной крытой пассажирской повозки с запряженным в оглобли верблюдом на Сулекской писанице. Эта повозка с технической точки зрения представляет дальнейшее развитие той конструкции, которая представлена на горе Большой Улаз. Очевидно, она тоже предназначалась для перевозки пассажиров высокого социального статуса. Параллели такой конструкции известны среди петроглифов Алтая и юга Казахстана, указывая направление, откуда она могла попасть на Енисей. Колесный транспорт этого типа продолжал использоваться на территории Хакасии и после монгольского завоевания XIII в., что документируется изображением крытой повозки в проекции сбоку на курганной плите возле с. Бельтыры. От повозок горы Большой Улаз и Сулекской писаницы она отличается прежде всего конструкцией колеса: здесь, видимо, изображена вставленная в обод крестовина. На протяжении нескольких последних столетий такое колесо, неподвижно закрепленное на оси, было типично для повозок Западной и Центральной Монголии.¹¹

В русских письменных источниках XVII – начала XVIII в. о Минусинской котловине часто упоминаются «подводы» местного населения. Однако изучение контекста употребления этого слова показывает, что оно обычно обозначало вьючных лошадей. Краткие сведения о колесном транспорте населения степей Енисея сообщаются в одной из работ Г. И. Спасского, изучавшего регион в самом начале XIX в. При описании жилищ Минусинской котловины он отметил, что при перекочевке к новому месту разобранные юрты «складывают на двухколесные телеги и таким образом перевозят».¹² Однако уже в XVIII в. такие телеги, несомненно, представляли собой очень редкое явление. Мало использовать повозки (хак. хаңаа) или совсем обходиться без них хакасам позволяло отсутствие необходимости постоянных дальних перекочевок и развитая традиция перевозить имущество и грузы вьюками и с помощью переметных сумм на лошадях и верблюдах. Также были известны волокуши и сани. На сокращение использования колесного транспорта могло также повлиять насильственное переселение в 1703 г. наиболее знатных и зажиточных семей степняков-скотоводов с их улусами и частью кыштымов на территорию Джунгарии, т. е. колесный транспорт прежде всего должен был быть в употреблении именно у этой группы населения.

Под влиянием новых хозяйственных традиций, принесенных русскими, в XIX в. начинается широкое использование колесного транспорта и меняется его конструкция: вместо двухколесной повозки центральноазиатского типа начинает использоваться более вместительная четырехколесная повозка с поворотной передней осью, оглоблями, хомутом, дугой и одиночной лошадиной запряжкой, а также другие разновидности колесного транспорта. При этом в использовании колесного транспорта первое время наблюдались определенные особенности, прежде всего связанные со способом управления, при котором возничий сидел не в телеге, а верхом на запряженной лошади. Такой способ управления являлся следствием привычки к верховой езде, отсутствием достаточных навыков использования тележной упряжи и отсутствием тренированных для этого лошадей. Повозка новой конструкции, изображенная в проекции сбоку, известна на горе Оглахты среди хакасских народных рисунков XIX – начала XX в. По статистическим данным, в 1909–1910 гг. у хакасов уже насчитывалось 8823 телеги. Широкое использование колесного транспорта потребовало строительства дорог. Первые проселочные тракты – Июсский и Аскизский – были проложены в первой половине XIX в.¹³

Таким образом, в истории колесного транспорта Минусинской котловины с III тыс. до н. э. по XIX в. по изобразительным материалам выделяются четыре основные традиции, различающиеся технически-

ми решениями тех или иных узловых частей повозок. Первая (условно «окуневская») появляется в эпоху ранней бронзы и с определенными трансформациями доживает до таштыкской культуры включительно, просуществовав более 2000 лет. Вторая (условно «карасукская», а в евразийском контексте – «колесничная») фиксируется в Минусинской котловине в эпоху поздней бронзы и исчезает в скифское время. Третья традиция (условно «центральноазиатская»), вероятно, появляется в хунну-сяньбийское время и с определенными изменениями существует до XVIII в. Некоторые находки из погребений таштыкской культуры не исключают знакомства ее носителей с колесницами китайской конструкции. Однако бесспорных фактов, подтверждающих их употребление в регионе, пока нет. Четвертая (условно «русская») появляется с приходом на Енисей русских казаков и переселенцев и начинает получать широкое распространение среди коренного населения с XIX в. Все традиции возникли за пределами Минусинской котловины, а их распространение в регионе связано с передвижением населения и этнокультурными контактами.

Примечания

1. Кожин П. М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). – Владивосток: Дальнаука, 2007. – С. 139, 140.
2. Новоженев В. А. К вопросу о происхождении А-образного типа двуколки Минусинской котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. № 2 (58). – С. 94, 99.
3. Избицер Е. В. Повозка из погребения 32 Большого Ипатовского кургана и одноосные степные повозки эпохи средней бронзы // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX: Археология, краеведение. – Ставрополь: Наследие, 2009. – С. 128, 129.
4. Есин Ю. Н. Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2012. № 1 (3).
5. Есин Ю. Н. Петроглифы «Шаман-камня» (гора Оглахты, Хакасия) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). – С. 74, 75.
6. Линь Юнь. Переоценка взаимосвязей между бронзовыми изделиями шанской культуры и северной зоны // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 38; Варенов А. В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. – Новосибирск: Наука, 1984.
7. Кызласов И. Л. Древнехакасские сани (из истории средств передвижения) // Вопросы этнографии Хакасии. – Абакан, 1981. – С. 56–59; Боковенко Н. А. Писаница Хызыл-Хая – обретенная и потерянная // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию А. А. Формозова. – СПб., 2004. – С. 391.
8. Мухарева А. Н. Изображения крытых повозок в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология Южной Сибири. Вып. 25. – Кемерово: РИО КемГУ, 2011. – Рис. II, 1; с. 72–75.
9. Панкова С. В. Неизвестные фрагменты тепсейских миниатюр // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Книга 1. – СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. – Рис. 2, 1.
10. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – С. 139; Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб: Петербургское востоковедение, 1999. – С. 108.
11. Певцов М. Путешествия по Китаю и Монголии. Путешествие в Кашгарию и Куньлунь. – М.: Дрофа, 2010. – С. 187.
12. Спасский Г. Нечто о жизни кочующих в Сибири народов // Сибирский вестник. Ч. 15. – СПб., 1821. – С. 102.
13. Бутанаев В. Я. Этническая культура хакасов. – Абакан: Изд-во ХГУ, 1998. – С. 80, 81.

П. Б. Амзараков

РАСКОПКИ ДРЕВНЕГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ТАШТЫКСКОГО ВРЕМЕНИ В РАЙОНЕ СЕЛА ТРОШКИНО ШИРИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

В 2011–2012 гг. проведены раскопки памятника древней металлургии в окрестностях с. Трошкино Ширинского района Республики Хакасия. Вскрыто 82 м² площади, исследовано 12 объектов – преимущественно железодельных сыродутных горнов, соединенных с ямами. Памятник датирован раннетащтыкским временем – I–II вв. н. э.

In 2011–2012 excavations of a monument of ancient metallurgy were being held in surroundings of village Troshkino, Shira district, the Republic of Khakassia. 82 square meters of area were opened. 12 objects, primarily iron catalan furnaces connected with pits, were researched. A monument is dated of the early Tashtyk times – I–II century A. D.

Значение научного наследия Я. И. Сунчугашева в сфере изучения технологий древней металлургии центральноазиатского региона невозможно переоценить. За период его активных изысканий во

второй половине XX в. был выявлен и исследован новый пласт памятников археологии, ранее мало привлекавших к себе внимание исследователей. Памятники древнего металлургического производства, являющиеся неотъемлемой частью жизни древних обществ и ярким свидетельством развития технологий, в археологии юга Сибири традиционно считались фоновыми, не имеющими собственного значения, исследуемыми только попутно с изучением других, «настоящих» памятников археологии – поселений, курганов. Я. И. Сунчугашев поставил себе научной целью изучение древней металлургии и популяризацию этих знаний. За годы своей научной работы он выявил сотни ранее неизвестных памятников, опубликовал несколько фундаментальных научных трудов и серию статей по проблематике древней металлургии региона. К сожалению, после его ухода эта тема не нашла последователей и на длительный период исследование этой проблематики угасло. Также вызывает удивление игнорирование или незнание его научных работ целым рядом археологов, работающих на территории Хакасии, Тувы и Красноярского края, что влечет за собой порой неверную интерпретацию ими тех или иных исторических фактов.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, с которым была связана вся научная жизнь Я. И. Сунчугашева, считал своим долгом продолжение его исследований и перевод их на качественно новый уровень. С 2010 г. совместно с японскими коллегами из Research Center of Ancient East Asian Iron Culture (Мацуяма, Япония) на основании договора об академическом обмене между ГБНИУ РК ХакНИИЯЛИ и RCAEAIС исследования памятников древней металлургии были возобновлены.

В течение двух полевых сезонов, в сентябре 2011 и мае 2012 г., отрядом археологической экспедиции ХакНИИЯЛИ под руководством автора, при участии, методической и финансовой поддержке директора RCAEAIС проф. Я. Мураками были проведены научно-исследовательские археологические раскопки в окрестностях села Трошкино Ширинского района Республики Хакасия.

Район села Трошкино стал одним из первых и, пожалуй, одним из наиболее изученных Я. И. Сунчугашевым мест. С 1965 по 1974 г., каждое лето, им проводились здесь работы по выявлению и изучению памятников древнего железоделательного производства. В результате работ было обнаружено более сотни древних железоплавильных горнов разной степени сохранности, а также найдены два древних рудника и несколько поселений металлургов. Все это позволило Я. И. Сунчугашеву сделать вывод об ориентации района в таштыкскую эпоху на производство железа в промышленных масштабах¹.

К сожалению, в публикациях и научных отчетах Я. И. Сунчугашева, составленных в соответствии с методическими требованиями тех лет, отсутствует четкая привязка выявленных им объектов к местности. В связи с этим соотнесение того или иного местонахождения с реальным объектом весьма затруднительно. С этой проблемой столкнулся и отряд ХакНИИЯЛИ в 2011 г. В итоге, имея изначальной целью нахождение одного из ранее изученных Я. И. Сунчугашевым памятников, нами был выявлен новый памятник древней металлургии – объект археологического наследия «Металлургический комплекс Трошкино-Июс».

Памятник находился на правом берегу реки Белый Июс, на ровной площадке у края второй надпойменной террасы, возвышающейся над высокой поймой реки Белый Июс в 2 км к юго-востоку от ближайшего современного ее русла. Расстояние до автодороги Шира – Коммунар – 0,4 км к востоку, до села Трошкино – 4,5 км к северо-востоку. Памятник ориентирован вдоль края второй надпойменной террасы и тяготеет к ее обрыву. Границы его обусловлены топографическим положением – с запада это край террасы, с севера – небольшой лог, с юга – понижение террасы. На восток и на юг вглубь террасы площадь памятника распространяется на расстояние не более 20–25 метров. На такое расстояние к краю террасы подходит заброшенная пашня советского времени, на площади которой археологический материал зафиксирован не был. Данная ситуация тяготения металлургических памятников к краям террас вполне типична и обусловлена потребностью древних металлургов в ветре для вентиляции промышленного участка.

На современной поверхности неповрежденной части памятника археологический материал не фиксировался, объекты на поверхности не визуализировались. Незначительное количество металлургических шлаков было отмечено на склоне террасы.

Северо-западная часть памятника была повреждена в результате добычи гравия при строительстве автодороги Шира – Коммунар в 70-х гг. XX в. По поврежденному участку с четко видимыми разрушенными археологическими объектами памятник и был найден местным жителем, бывшим директором школы села Трошкино, В. И. Коковым, сообщившим о находке в ХакНИИЯЛИ.

Поврежденным оказался участок площадью около 150 кв. м, несколько объектов, по всей видимости, были уничтожены полностью, несколько частично. Кровля культурного слоя на участке

была также повреждена. Четыре поврежденных археологических объекта, находящихся в борту бульдозерной траншеи, подвержены разрушению в результате осыпания ее стенки.

Ввиду аварийного состояния памятника было принято решение о проведении здесь археологических спасательных раскопок, которые были начаты в сентябре 2011 г. На момент завершения работ в мае 2012 г. исследована площадь в 82 м² (рис. 2)².

В процессе работы была выявлена серия археологических объектов. Объекты № 1–4, 6, 12А представляли собой древние ямы, размерами от 1х1 до 2,5х2,5, глубиной до 1. Заполнение ям было представлено: массовыми фрагментами обмазки стенок сыродутных железодельных горнов как надземной (внутренняя часть с потеками шлаков, внешняя из спекшейся глиняной обмазки), так и подземной (внутренняя часть зашлакована, внешняя состоит из спекшейся супеси) их частей; металлургическим шлаком разнообразных форм (от небольших каплевидных потеков до крупных твердых железистых образований); единичным остеологическим материалом, таксономически представленным костями овцы; фрагментами и целыми керамическими соплами от сыродутных мехов (рис. 3); несколькими фрагментами керамических сосудов, среди которых два орнаментированы и четко датируются таштыкской археологической культурой (I–V вв. н. э.) (рис. 3).

Наиболее интересными объектами стали №№ 5, 7–11, 12В, являвшиеся древними сыродутными железодельными горнами. По материалам памятника можно выделить два основных типа горнов, отличающихся по размерам и технологическим особенностям.

Тип 1. (объекты № 5, 7–9, 12В)

Объект № 5 (рис. 4–7).

Горн размерами 90х40 см был сооружен в яме, впущенной на глубину не менее 80 см от уровня древней поверхности. Надземная конструкция горна не сохранилась, можно лишь предположить ее возведение из глиняных стенок толщиной от 2 до 4 см ввиду наличия их фрагментов по всей площади раскопа. Глиняные стенки были немного заглублены в землю или частично засыпаны ей. Об этом свидетельствуют находки глиняных стенок с прилипшей прокаленной землей. На уровне древней поверхности в стенку горна с южной стороны было вставлено одно или два керамических сопла сыродутных мехов (расположение прослеживается по направлению потеков шлака внутри горна).

Перед проведением первого процесса плавки с северной стороны от горна была выкопана яма размерами 130х160 см глубиной до 90 см от уровня древней поверхности. По всей видимости, на этапе первой плавки яма была отделена от горна земляной стенкой небольшой толщины.

После загрузки в печь древесного угля (уголь лиственницы) (возможно, также и части шихты) и сооружения надземных конструкций (глиняного тела горна) уголь был подожжен, и после нагрева печи до необходимой температуры началось поочередное добавление слоев руды и угля (т. е. собственно процесс плавки). После завершения процесса плавки, до остывания печи, земляная стенка между ямой и горном была разбита, и жидкий шлак начал вытекать из горна на дно подготовленной ямы. Это облегчало в последующем процесс извлечения из горна зерен железа, которые кристаллизовались раньше.

Судя по всему, жидкий шлак в яме до его остывания был закидан фрагментами надземных стенок горна, а также землей. Об этом свидетельствует перекрывающий его слой прокаленной земли и глиняных стенок, четко видимый в стратиграфии ямы.

По всей видимости, первый процесс плавки был завершен досрочно, либо в печи не удалось поддерживать необходимую температуру, т. к. вместе с жидким шлаком со дна печи высыпался слой нерасплавленной мелкофрагментированной железной руды. Возможно, процесс выплавки прекратился из-за полного ошлаковывания внутреннего конца керамического сопла (например, сопло с полностью ошлакованным внутренним концом найдено в заполнении объекта № 2 в 7 метрах к северо-западу от описываемого горна), ввиду чего поступление кислорода внутрь горна закончилось.

После извлечения зерен железа стенки горна были восстановлены, в частности, в подземной части горна вместо разрушенной земляной стенки была также сооружена глиняная стенка (таким образом в подземной части горна глиняная стенка зафиксирована только со стороны ямы), после чего была проведена еще одна (возможно, более одной) выплавка. После завершения выплавки глиняная стенка-перегородка была также разрушена, и в яму был снова слит расплавленный шлак. Второй уровень шлаков и стенок также хорошо читается в стратиграфии ямы.

С объекта № 5 на радиоуглеродный анализ был взят фрагмент древесного угля (образец IAAA-103644) (рис. 1).

Объект № 7 (рис. 8–9).

Горн размерами 90x50 см был сооружен в яме, впущенной на глубину не менее 70 см от уровня древней поверхности. Надземная конструкция горна не сохранилась, но предполагается ее идентичность, описанная для объекта № 5.

Перед проведением процесса плавки с северной стороны от горна была выкопана яма размерами 170x180 см глубиной до 70 см от уровня древней поверхности. По всей видимости, перед началом первой плавки яма была отделена от горна земляной стенкой небольшой толщины.

После загрузки в печь древесного угля (уголь лиственницы) (возможно, также и части шихты) и сооружения надземных конструкций (глиняного тела горна) уголь был подожжен, и после нагрева печи до необходимой температуры началось поочередное добавление слоев руды и угля (т. е. собственно процесс плавки). После завершения процесса плавки, до остывания печи, земляная стенка между ямой и горном была разбита, и жидкий шлак начал вытекать из горна на дно ямы, облегчая в последующем процесс извлечения из горна зерен железа, которые кристаллизовались раньше.

После слива шлака надземная часть конструкции была разрушена и целиком скинута в яму. Об этом говорят два слоя стенок, четко видимых в стратиграфии ямы.

По всей видимости, с учетом выявленной стратиграфической ситуации в печи был произведен однократный процесс выплавки железа, после чего горн не использовался.

Объект № 8.

Горн размерами 90x50 см был сооружен в яме, впущенной на глубину не менее 60 см от уровня древней поверхности. Надземная конструкция горна не сохранилась, но предполагается ее идентичность, описанная для объекта № 5.

Перед проведением процесса плавки с северной стороны от горна была выкопана яма размерами 110x130 см глубиной до 60 см от уровня древней поверхности. Верхний уровень ямы полностью уничтожен бульдозером. По всей видимости, перед началом первой плавки яма была отделена от горна земляной стенкой небольшой толщины.

После загрузки в печь древесного угля (уголь лиственницы) (возможно, также и части шихты) и сооружения надземных конструкций (глиняного тела горна) уголь был подожжен, и после нагрева печи до необходимой температуры началось поочередное добавление слоев руды и угля (т. е. собственно процесс плавки). После завершения процесса плавки, до остывания печи, земляная стенка между ямой и горном была разбита, и жидкий шлак начал вытекать из горна на дно ямы.

По всей видимости, с учетом выявленной стратиграфической ситуации горна и ямы в печи было произведено как минимум две плавки железной руды.

Объект № 9.

Горн размерами 80x40 см был сооружен в яме, впущенной на глубину не менее 50 см от уровня древней поверхности. Надземная конструкция горна не сохранилась, но предполагается ее идентичность, описанная для объекта № 5.

На уровне древней поверхности в стенку горна было вставлено одно или два керамических сопла сыродутных мехов (расположение определить не удалось ввиду сильной разрушенности горна; предположительно с южной стороны).

Перед проведением процесса плавки с северной стороны от горна была выкопана яма размерами 110x120 см глубиной до 60 см от уровня древней поверхности. Верхний уровень ямы полностью уничтожен бульдозером. По всей видимости, перед началом первой плавки яма была отделена от горна земляной стенкой небольшой толщины.

После загрузки в печь древесного угля (уголь лиственницы) (возможно, также и части шихты) и сооружения надземных конструкций (глиняного тела горна) уголь был подожжен, и после нагрева печи до необходимой температуры началось поочередное добавление слоев руды и угля (т. е. собственно процесс плавки). После завершения процесса плавки, до остывания печи, земляная стенка между ямой и горном была разбита, и жидкий шлак начал вытекать из горна на дно ямы. Шлак до его остывания в яме был закидан землей и завален стенками горна. Об этом свидетельствует мощный слой прокаленной земли в яме. На дне ямы, в северной ее части, найдено керамическое сопло с полностью ошлакованным окончанием.

По всей видимости, с учетом выявленной стратиграфической ситуации горна и ямы в печи была произведена одна плавка.

Объект № 12В.

Горн размерами 60x35 см был сооружен в яме, впущенной с уровня древней поверхности на глубину предположительно 60–70 см. Примечательным является то, что дно ямы горна подстилают естественно расположенные крупные гальки.

Перед проведением процесса плавки с северной стороны от горна была выкопана яма размерами 120x180 см, глубиной предположительно 60–70 см от уровня древней поверхности. По всей видимости, перед завершением плавки яма была отделена от горна земляной стенкой небольшой толщины.

После завершения процесса плавки, до остывания печи, земляная стенка между ямой и горном была разбита, и жидкий шлак начал вытекать из горна на дно ямы. В заполнении ямы, в восточной ее части, зафиксированы находки одного целого керамического сопла, а также фрагментов сопел.

По всей видимости, с учетом выявленной стратиграфической ситуации горна и ямы в печи была произведена одна плавка.

Тип 2*Объект 10–11 (рис. 10–11).*

В процессе работ этот объект первоначально интерпретировался как два разных объекта – № 10 и № 11, но в последующем было определено, что это один объект, вследствие чего он получил двойной номер – № 10–11.

Горн размерами 80x40 см был сооружен в яме, впущенной на глубину не менее 60 см от уровня древней поверхности. Надземная конструкция горна не сохранилась, можно лишь предположить ее возведение из глиняных стенок толщиной от 2 до 4 см ввиду наличия их фрагментов по всей площади раскопа. Глиняные стенки были немного заглублены в землю или частично засыпаны ей. Об этом свидетельствуют находки глиняных стенок с прилипшей прокаленной землей. На уровне древней поверхности в стенку горна было вставлено одно или два керамических сопла сыродутных мехов (расположение не определяется ввиду разрушенности горна).

Перед проведением процесса плавки с северной стороны от горна была выкопана яма размерами 110x130 см глубиной до 65 см от уровня древней поверхности. Верхний уровень ямы уничтожен бульдозером.

После загрузки в печь древесного угля (уголь лиственницы) (возможно, также и части шихты) и сооружения надземных конструкций (глиняного тела горна) уголь был подожжен, и после нагрева печи до необходимой температуры началось поочередное добавление слоев руды и угля (т. е. собственно процесс плавки). После завершения процесса плавки надземные конструкции горна (стенки) были сломаны и сброшены в яму с целью обеспечения доступа к внутреннему пространству горна для извлечения из него зёрен железа. Стенки горна были разрушены до его остывания. Об этом свидетельствует небольшое количество вытекшего в яму шлака (зафиксирован на уровне зачистки поверхности). Таким образом, специальные действия по сливу шлака, как в ранее описанных объектах типа № 1, на данном объекте не производились. Также стоит отметить иную планиграфию расположения горна и ямы – яма примыкает к торцевой, а не к боковой части горна.

В ЮВ части ямы на уровне дна найдено керамическое сопло. Фрагменты керамических сопел найдены также в центральной части ямы.

По всей видимости, с учетом выявленной стратиграфической ситуации горна и ямы в печи была произведена одна выплавка.

Таким образом, в результате археологических работ было вскрыто 82 м² площади, исследовано 12 объектов, преимущественно железоделательных сыродутных горнов, соединенных с ямами. Найдено 15 целых керамических сопел и 39 их фрагментов. Был определен характер памятника – промышленная площадка древнего металлургического комплекса, состоящая из системы плавильных горнов, как правило, соединенных с ямой для утилизации отходов металлургического производства, а также для слива шлаков. Находки фрагментов керамических сосудов со специфическим декором и общие конструктивные особенности объектов металлургии позволяют датировать памятник раннеташтыкским временем (I–II вв. н. э.). Этот вывод подтверждают также результаты радиоуглеродного анализа фрагмента древесного угля, зашлаковавшегося в печи объекта № 5, давшего калиброванную дату 72–126 гг. н. э. (IAAA-103644).

Интересным является наличие на одной площадке двух типов конструкции горнов, что, возможно, свидетельствует об ее достаточно длительном функционировании. Выявленная технологическая особенность – слив расплавленного шлака перед изыманием железа – выделяет памятник из ряда ранее изученных и позволяет по-новому посмотреть на технологии черной металлургии таштыкской эпохи.

Примечания

1. Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии: Эпоха железа. – Новосибирск, 1979. – 192 с.
2. Амзараков П. Б. Отчет о раскопках на выявленном объекте археологического наследия «Металлургический комплекс Трошкино-Июс» в Ширинском районе Республики Хакасия в 2011–2012 годах. – Абакан, 2013. – 197 с.

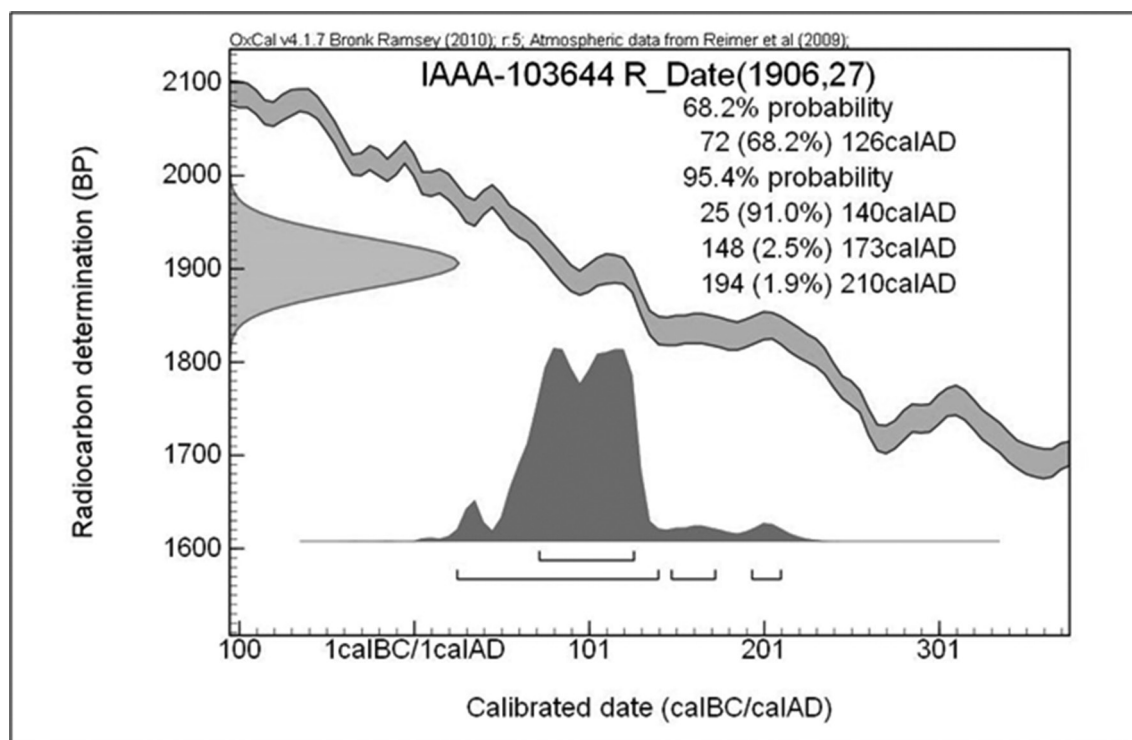

Рис. 1. Результаты радиоуглеродного анализа образца древесного угля из объекта № 5, выполненные Institute of Accelerator Analysis Ltd. (Kawasaki-city, Kanagawa, Japan).

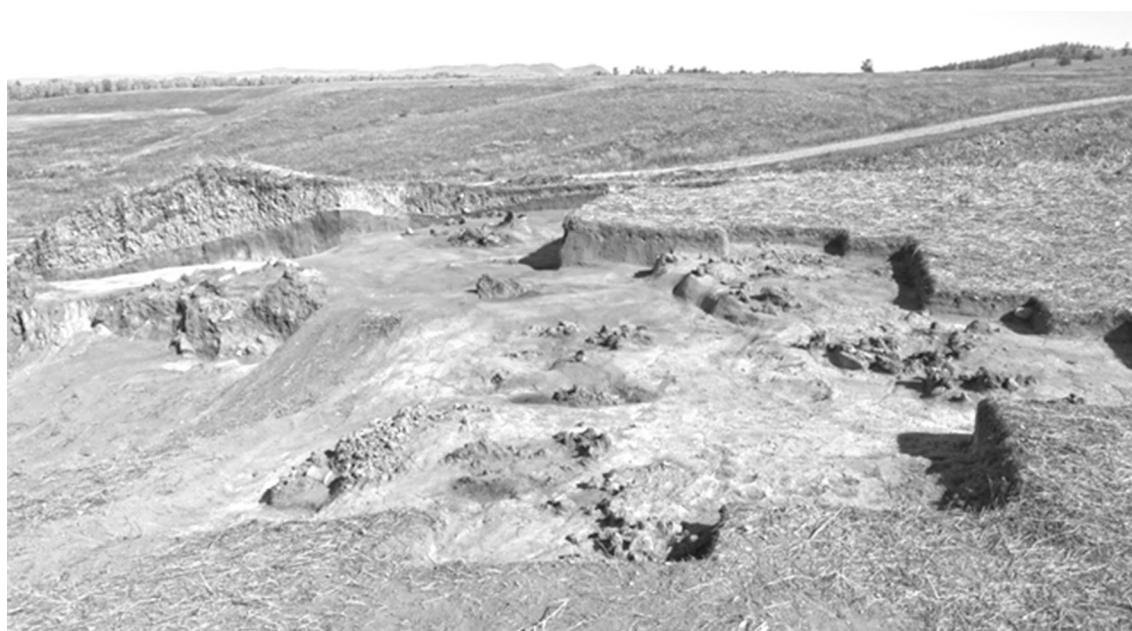

Рис. 2. Общий вид раскопа № 1 металлургического комплекса Трошкино-Июс.

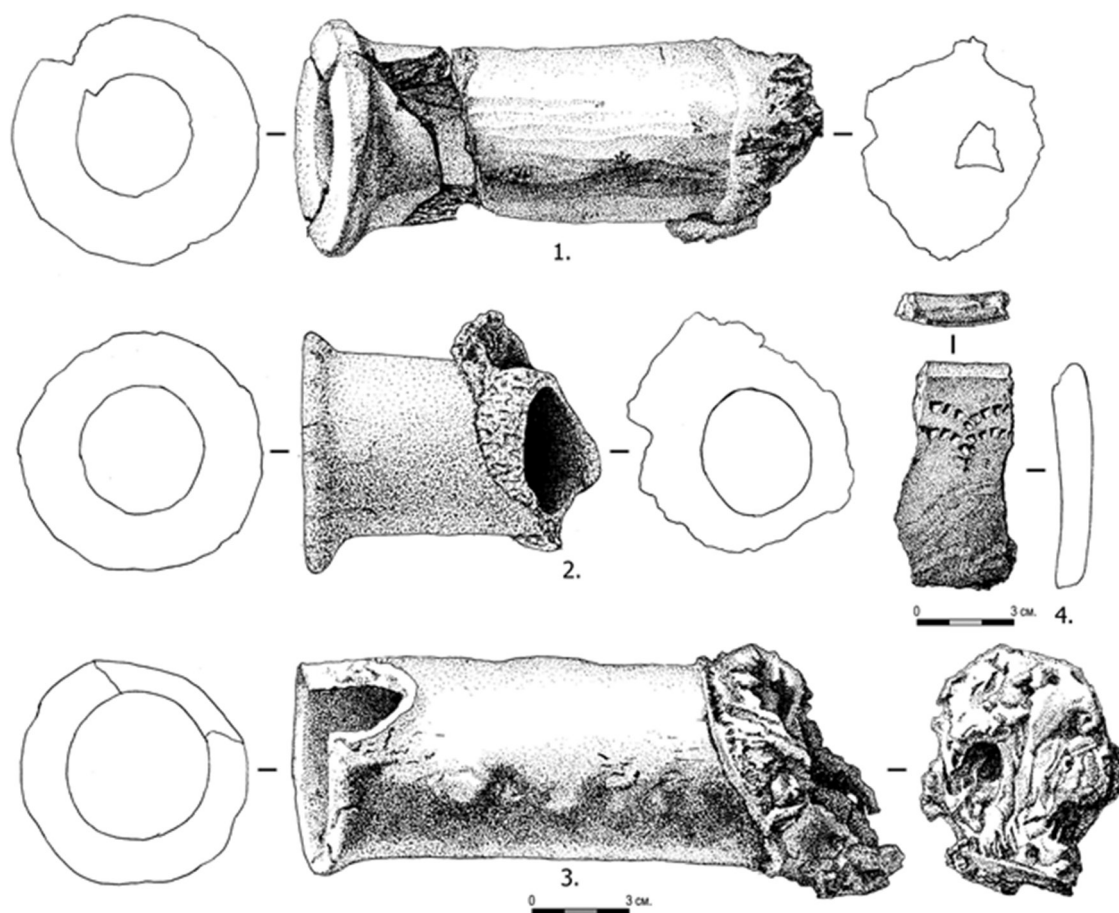
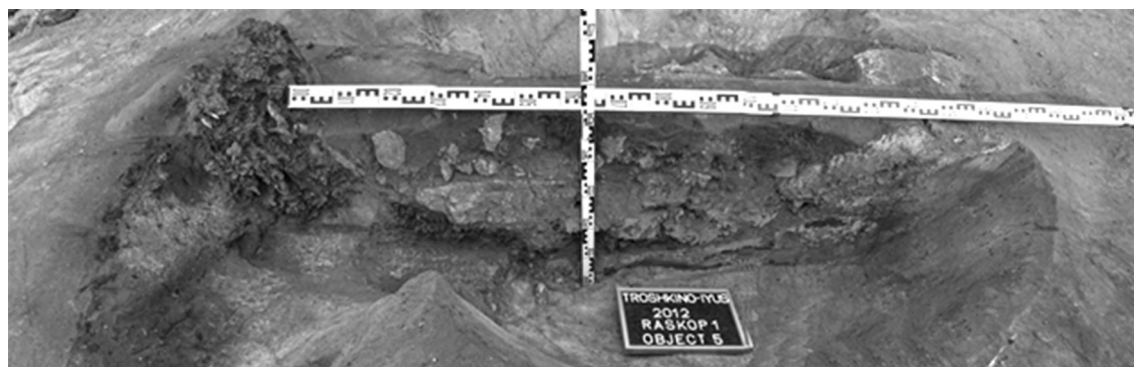

Рис. 3. Керамические сопла с объектов № 12В (1), № 4 (2), № 2 (3),
фрагмент керамического сосуда из квадрата И-2 (4).

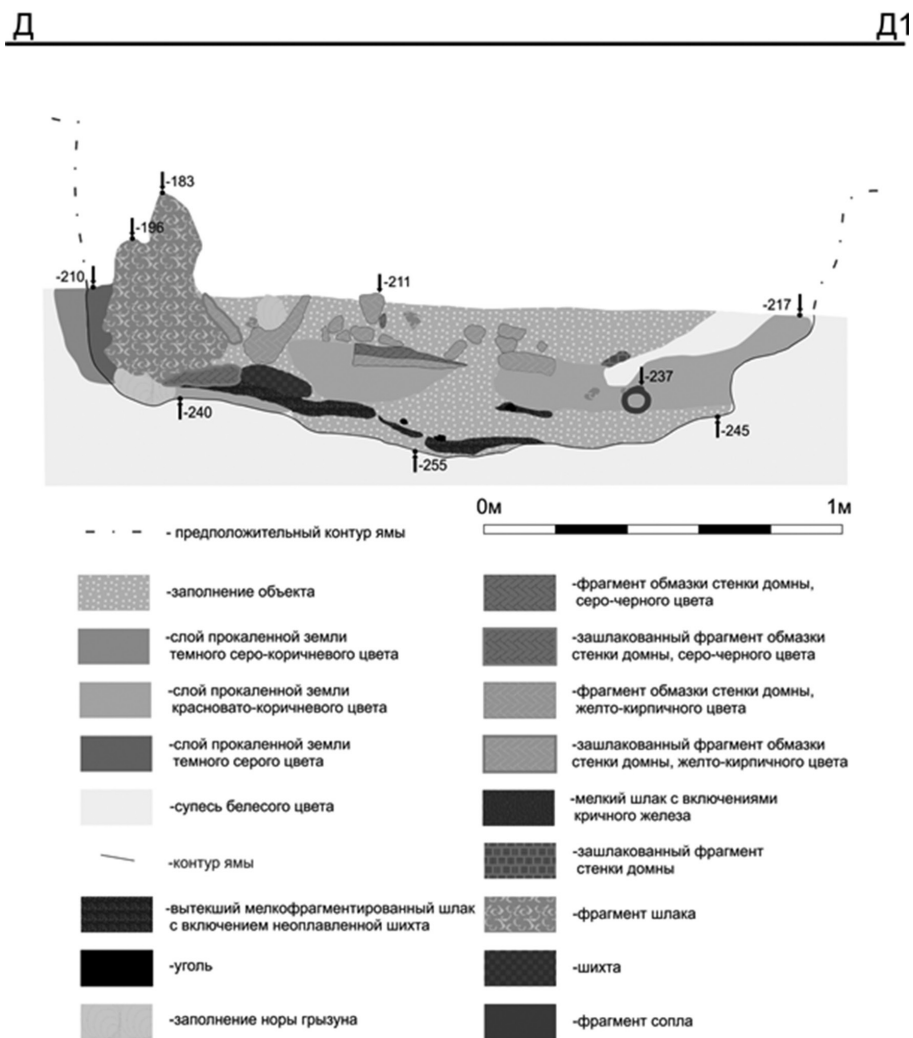

Рис. 4. Разрез объекта № 5.

Рис. 5. Деталь. Горн объекта № 5 с потеками шлака и дробленой руды.

Рис. 6. Потеки шлака на дне объекта № 5.

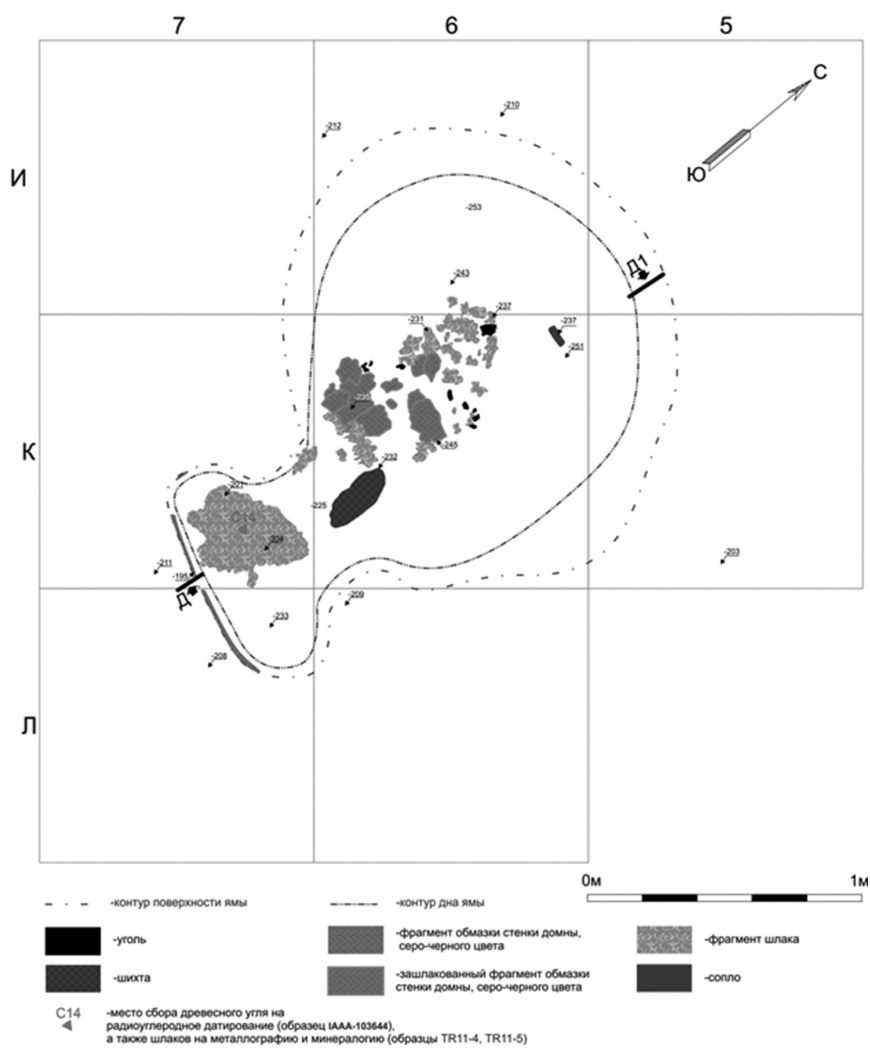
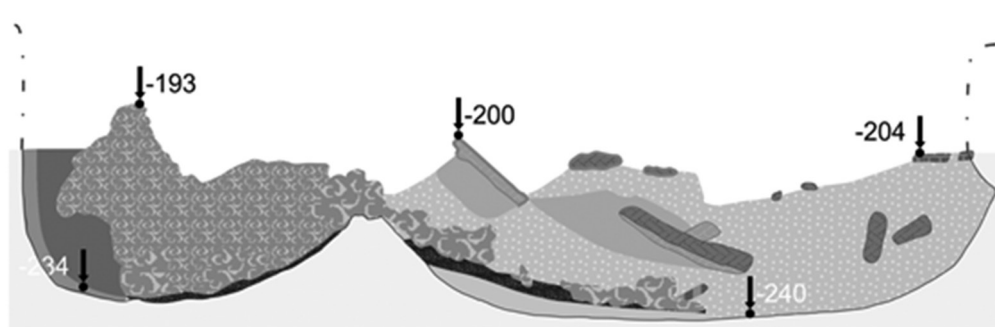

Рис. 7. План дна объекта № 5.

Ж

Ж1

- - - - -предположительный контур ямы с уровня древней поверхности
- фрагмент обмазки стенки домны, серо-черного цвета
- зашлакованный фрагмент обмазки стенки домны, серо-черного цвета
- фрагмент обмазки стенки домны, желто-кирпичного цвета
- зашлакованный фрагмент обмазки стенки домны, желто-кирпичного цвета
- фрагмент шлака
- зашлакованный фрагмент стенки домны
- камень

- заполнение объекта
- слой прокаленной земли темного серо-коричневого цвета
- слой прокаленной земли темного серого цвета
- суглинок белесого цвета
- слой прокаленной земли красновато-коричневого цвета
- слой гумусированной супеси темно-коричневого цвета
- древесный уголь

Рис. 8. Разрез объекта № 7.

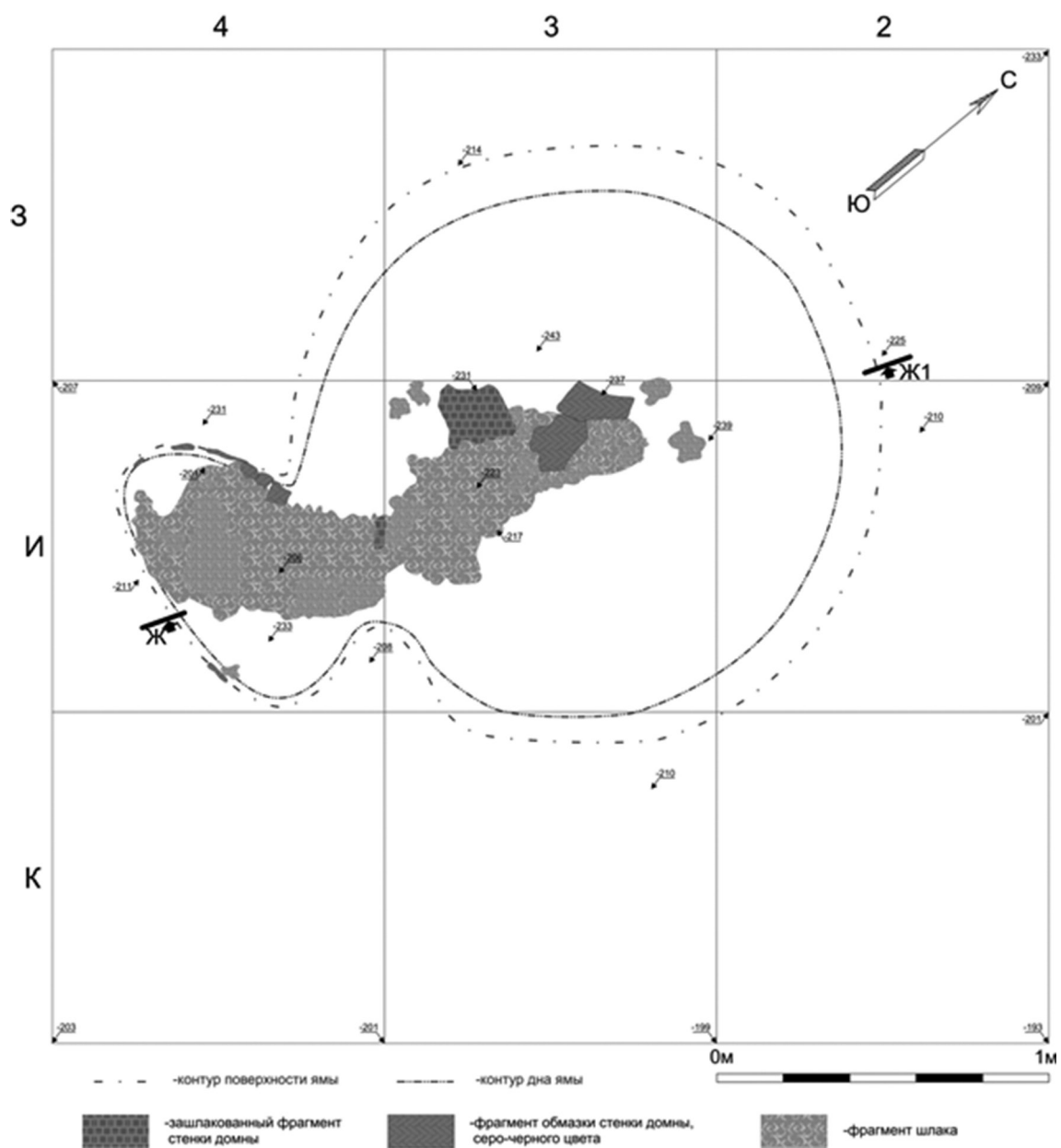

Рис. 9. Шлак на дне объекта № 7.

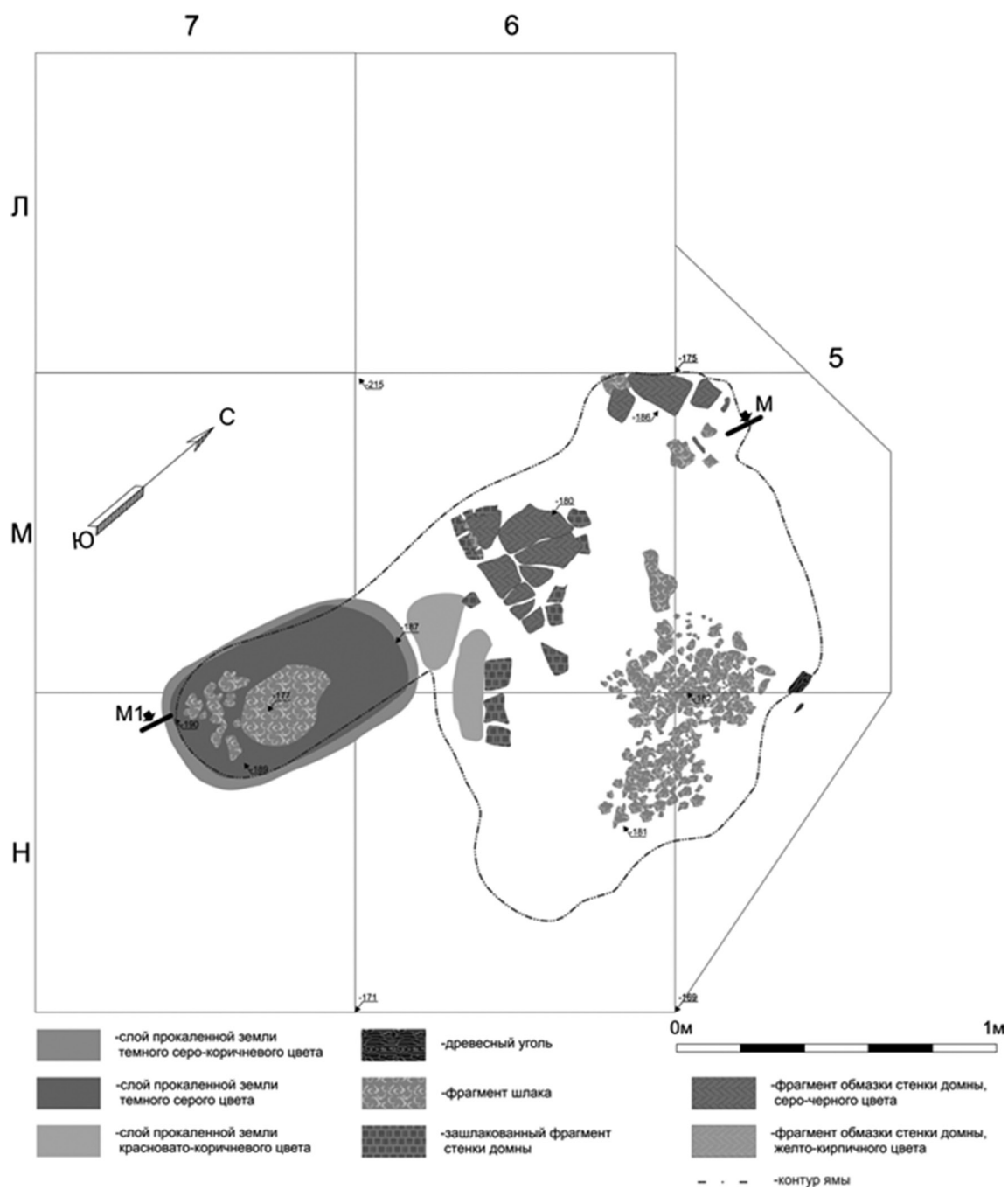

Рис. 10. План объекта № 10–11.

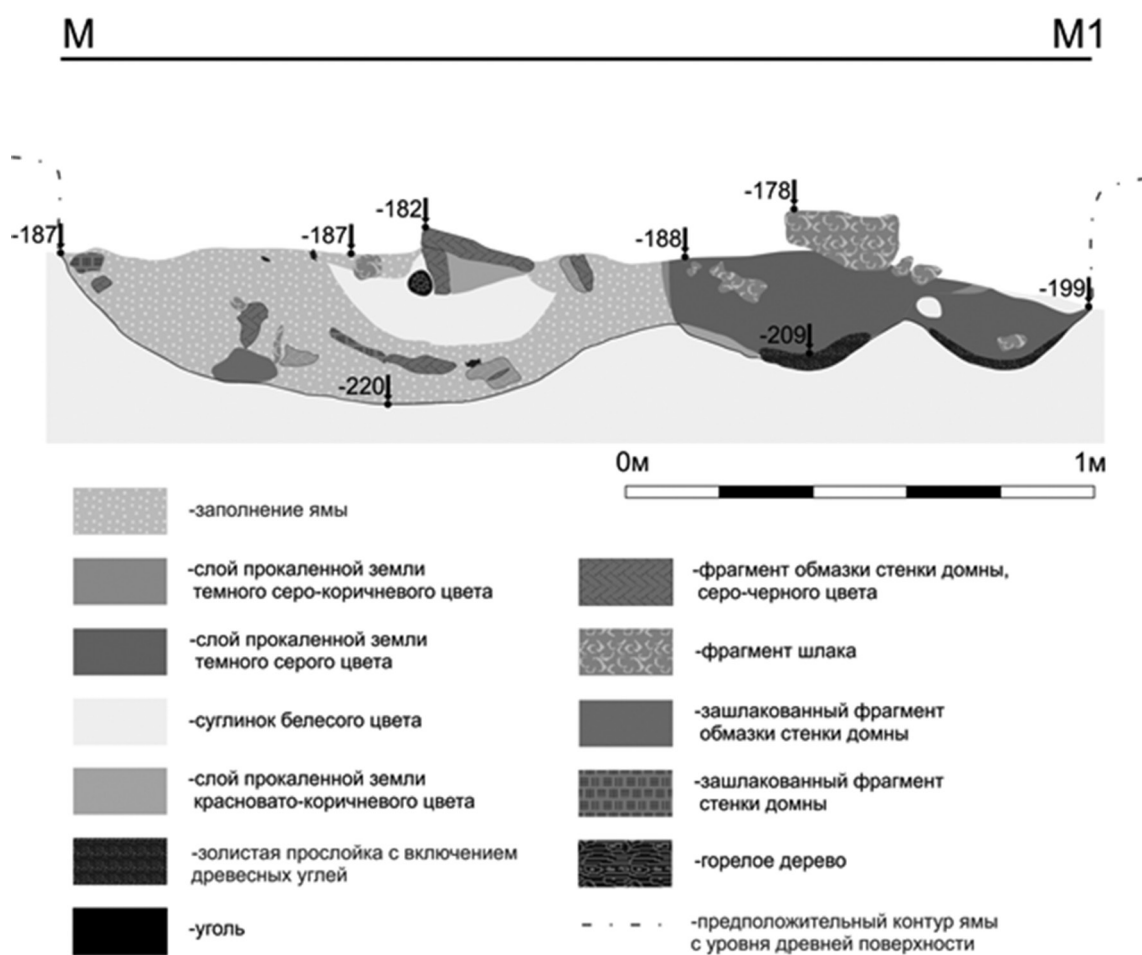

Рис. 11. Разрез объекта № 10–11.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ХУННСКОЙ ЗНАТИ В МОНГОЛИИ

Доклад посвящён комплексному анализу погребальных памятников знати хунну на территории Монголии. Ареалы распространения могильников сравниваются с информацией письменных источников об административном устройстве государства хунну.

The report is devoted to a complex analysis of the noblemen Xiongnu's burial monuments on the territory of Mongolia. Spreading areas of burial mounds are compared to information of written sources about administrative arrangement of the Xiongnu's Kingdom.

Примерно в III в. до н. э. хунну первыми из кочевых племен Центральной Азии создали государство и сумели объединить степные народы как политически, так и экономически. Наибольшего расцвета государство хунну достигло в конце III в. до н. э., когда оно под руководством Модун шаньюя подчинило все соседние кочевые племена и народы и стало контролировать всю степь к северу от Великой Китайской стены. Однако в середине I в. до н. э., вследствие заметной активизации китайского влияния под руководством императора У-ди, а также из-за внутренних распрей, государство хунну распалось на две части, одна из которых последовала за Хуханье шаньюем, а другая – за Чжичжи шаньюем. После того, как войска Хань разгромили Чжичжи шаньюя, внутренние противоречия хунну немного стихли, но менее чем через сто лет они снова разделились на северных и южных, и в 47 году н. э. предводитель южных хунну Би шаньюй согласился вступить в состав государства Хань. Северные хунну остались самостоятельными, но вследствие трений между аристократами, а также из-за частых восстаний племен и народов, входивших в состав государства, в конце I в. н. э. они распались на несколько мелких княжеств. С этого времени часть хунну мигрировала на запад, другие объединились с южными хунну, часть населения, оставшаяся на своих исконных землях, впоследствии вошла в состав государства Сяньби.

Территориально государство хунну охватывало земли нынешних Монголии, Республики Бурятия, Забайкалья, Внутренней Монголии, Синьцзянь-Уйгурской автономии, провинций Ганьсу и Хухнуур Китая, и сейчас на этих землях обнаружено более 7 тысяч захоронений, около 20 городищ данного исторического периода.

В Монголии и Российской Федерации на данный момент обнаружено 10 мест с княжескими погребальными памятниками хунну, и большинство (7) из них находится на территории нашей страны. Поэтому изучение памятников, находящихся в Монголии, имеет важное значение для воссоздания истории и культуры хунну.

В последнее время ученые разных стран заметно активнее стали изучать погребальные памятники хунну, в особенности княжеские захоронения. Создание хунну государства нашло прямое отражение в погребальных обрядах, и представителей аристократии стали хоронить в отдельных местах. Погребальные памятники хуннской аристократии имеют прямоугольные кладки-ограды, дромосы, а также сопроводительные захоронения и жертвенные сооружения. На данный момент княжеские могилы хунну обнаружены в Архангайском, Центральном, Хэнтийском и Ховд аймаках нашей страны, всего в 7 местах. Кроме того, в Забайкалье¹ и на территории Тувы² расположены еще 3 некрополя с «царскими» курганами хунну.

По имеющимся сведениям на сегодняшний день, на 10 могильниках хуннской знати раскопано 20 княжеских могил, около 160 сопроводительных захоронений и 11 сопутствующих жертвенных сооружений.

«Царские» курганы, расположенные на территории Монголии, впервые в 1924 г. начал изучать российский исследователь П. К. Козлов, но затем работы были временно приостановлены до 1950-х гг.

В 1954–2000 гг. монгольские археологи Ц. Доржсүрэн, Н. Сэр-Оджав, Х. Пэрлээ, Д. Цэвээндорж и Д. Наваан обнаружили ранее неизвестные могильники хуннской аристократии в местностях Гол мод, Бэлхийн ам, Тахилтын хотгор³, Дуурлиг нарс, Борбулаг⁴. Некоторые могилы из этих мест были изучены совместно с учеными из СССР и ВНР. За последние 10 лет исследования захоронений проводились почти во всех этих 7 местах, и с накоплением новых артефактов появляется возможность отдельного изучения погребальных памятников хуннской знати.

В данном докладе мы постарались осветить вопросы географического расположения могильников, их распространения, природного окружения, внешнего и внутреннего устройства курганов, обрядов погребения и жертвоприношения.

Хотя с 2000 г. ведутся интенсивные работы по изучению погребальных памятников хунну, расположенных в Монголии и на территории Российской Федерации, можно сказать, что в этих исследованиях не хватало комплексного подхода. Поэтому в данном докладе автор, кроме сравнения ареалов распространения княжеских захоронений и могил рядового населения, сделал попытку сопоставления их с материалами письменных источников об административном разделении государства хунну на три части, сведениями об их природном окружении и др.

Из общего обзора распространения погребальных памятников хунну видно, что они в основном сконцентрированы в трех местах, и при сравнении данной информации со сведениями из письменных источников о разделении империи на три части можно выдвинуть следующие предположения: 1) основное количество могильников расположено в районе Хангайского хребта Монголии и Забайкалья, поэтому шесть некрополей из Ноён уул, Гол мод, Гол мод – II, Бэлхийн ам, Ильмовой пади и Царам есть основания считать памятниками, относящимися к центральной части империи хунну, и, возможно, здесь расположены усыпальницы шаньюев; 2) памятники Дуурлиг нарс и Борбулаг, расположенные в Восточной Монголии, могут являться могильниками, где хоронили аристократов Левого крыла, а памятники Тахилтын хотгор и Бай-Даг II Тувы, скорее всего, являются погребальными памятниками Правого крыла империи хунну. При выдвигании данной версии, кроме количества могил, учитывались и их размеры, глубина захоронения, ассортимент, состояние и качество вещественных находок.

Специально можно отметить, что размеры надмогильного сооружения напрямую связаны с глубиной захоронения, конструкцией внутримогильного сооружения, количеством находок и их качеством. Внутримогильные сооружения подразделены автором на два вида: с двойным и одиночным срубом. Исследования погребального обряда включают в себя сведения об ориентации погребальных сооружений, о том, как именно умерший был уложен в гроб, а также о сопроводительных вещах. При попытке объяснений взглядов хунну на потусторонний мир привлечены сведения из исследований ритуалов шаманизма.

Сопроводительные захоронения и жертвенные сооружения-спутники с каменными кладками или земляными насыпями расположены справа и слева от княжеских могил. Подобные захоронения находятся лишь рядом с крупными аристократическими могилами. Исходя из расположения сопроводительных захоронений и определений пола и возраста усопших, можно предположить, что они являются могилами слуг князя, как это и было описано в древнекитайских письменных источниках.

При похоронах хуннских аристократов в жертву в основном приносили мясо крупного скота. Отмечены некоторые случаи, когда, возможно, подносились и человеческие жертвы.

Вещественные находки, обнаруживаемые в погребальных памятниках хунну, в особенности в «царских» курганах, в большинстве своем китайского происхождения. На основании этого некоторые исследователи считают, что хунну были сильно подвержены влиянию китайской культуры. Однако за последние годы в княжеских могилах из Гол мод и Ноён уул обнаружены предметы явно западного происхождения, такие как серебряные украшения – чеканки с изображениями греческих богов и антилоп-единорогов. Данные находки доказывают, что хунну контактировали не только с Хань, но также имели культурные связи с западными государствами. Наиболее тесные культурные и торговые отношения они имели со своим ближайшим в соседом – с империей Хань. В китайских исторических письменных документах много раз говорится о приграничной торговле и об обменах подарками. Письменные сведения о взаимоотношениях хунну с Западом практически отсутствуют, но из археологических материалов видно, что хунну, контролировавшие один из основных участков Шелкового пути, не могли не иметь культурных связей с западными странами и народами.

Примечания

1. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). – Улан-Удэ, 1976. – С. 25.
2. Николаев Н. Н. Планиграфия могильника Бай даг II. Степи Евразии в древности и средневековье // Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Книга II. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 260–263.
3. Доржсурэн Ц. Умард Хунну (Эртний судлалын шинжилгээ) // SA. Том. I, Fasc. 5, УБ.
4. Цэвээндорж Д. Новые памятники хуннской знати // 100 лет хуннской археологии. Ч. I. – Улан-Удэ, 1996. – С. 13–16

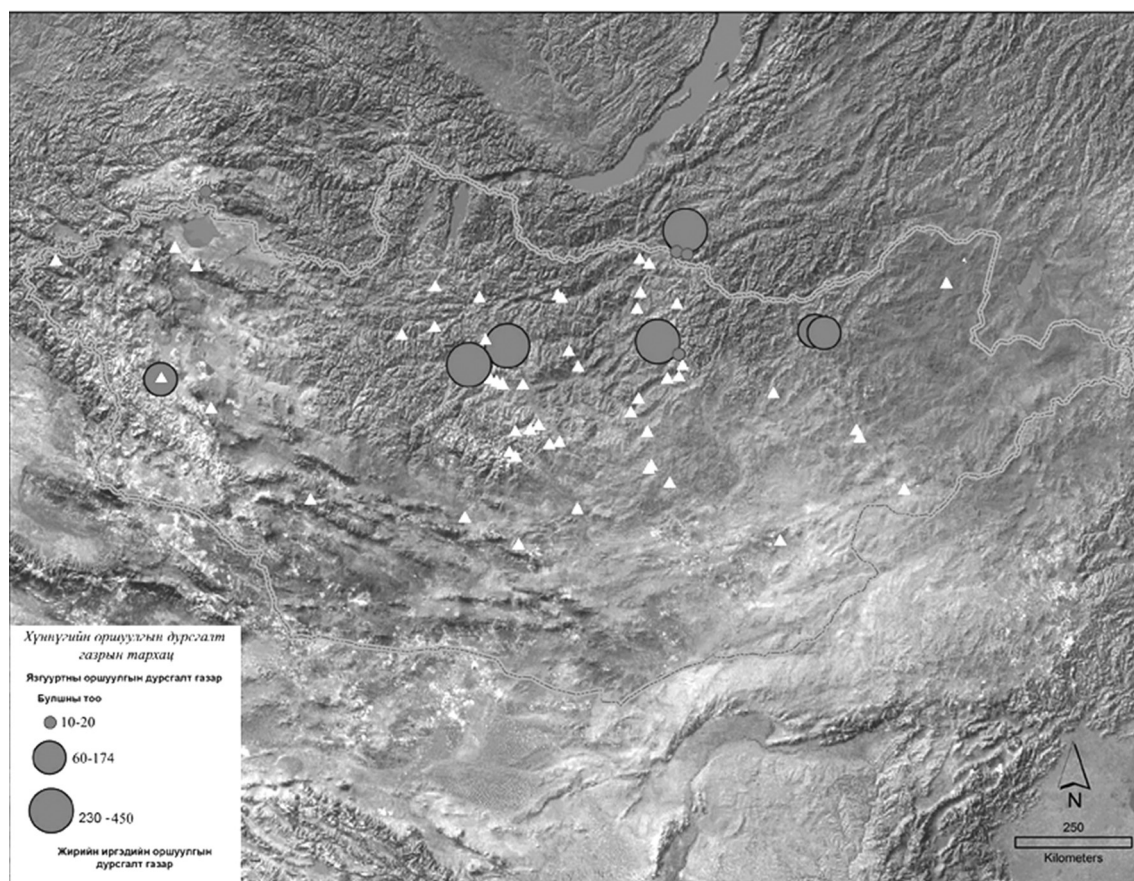

Рис. 1. Распространение хуннских погребальных памятников.

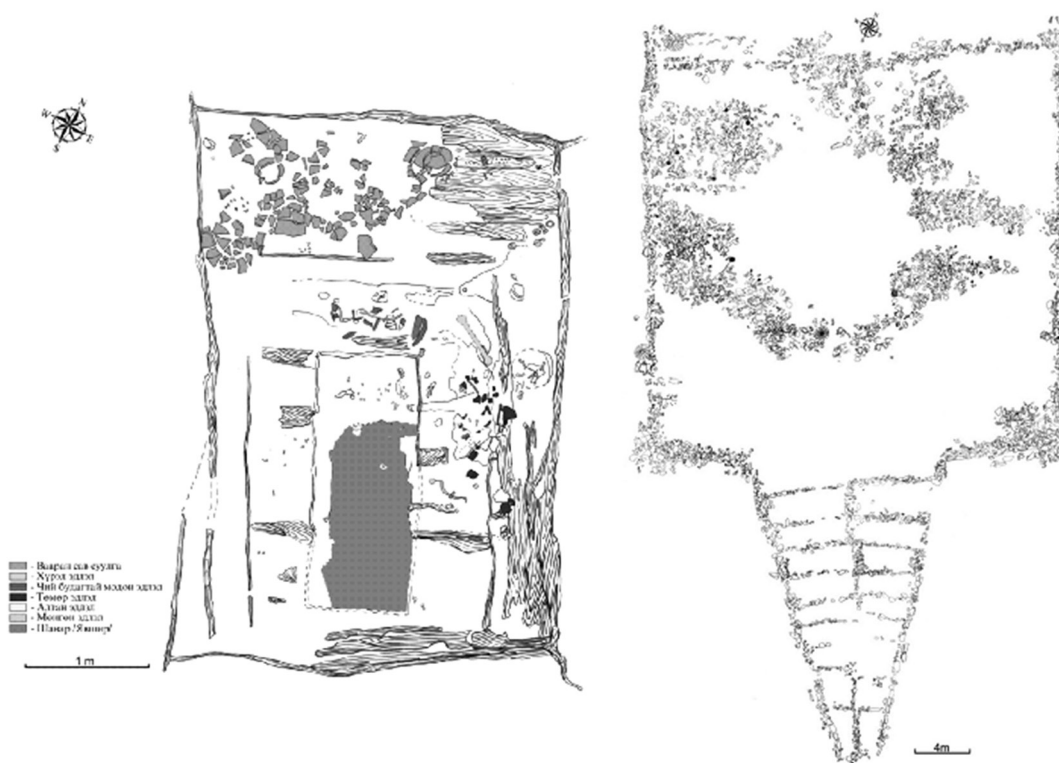

Рис. 2. Гол мод, курган 20.

Рис. 3. Серебряная чеканка с изображением единорога из 20-й могилы Гол мод.

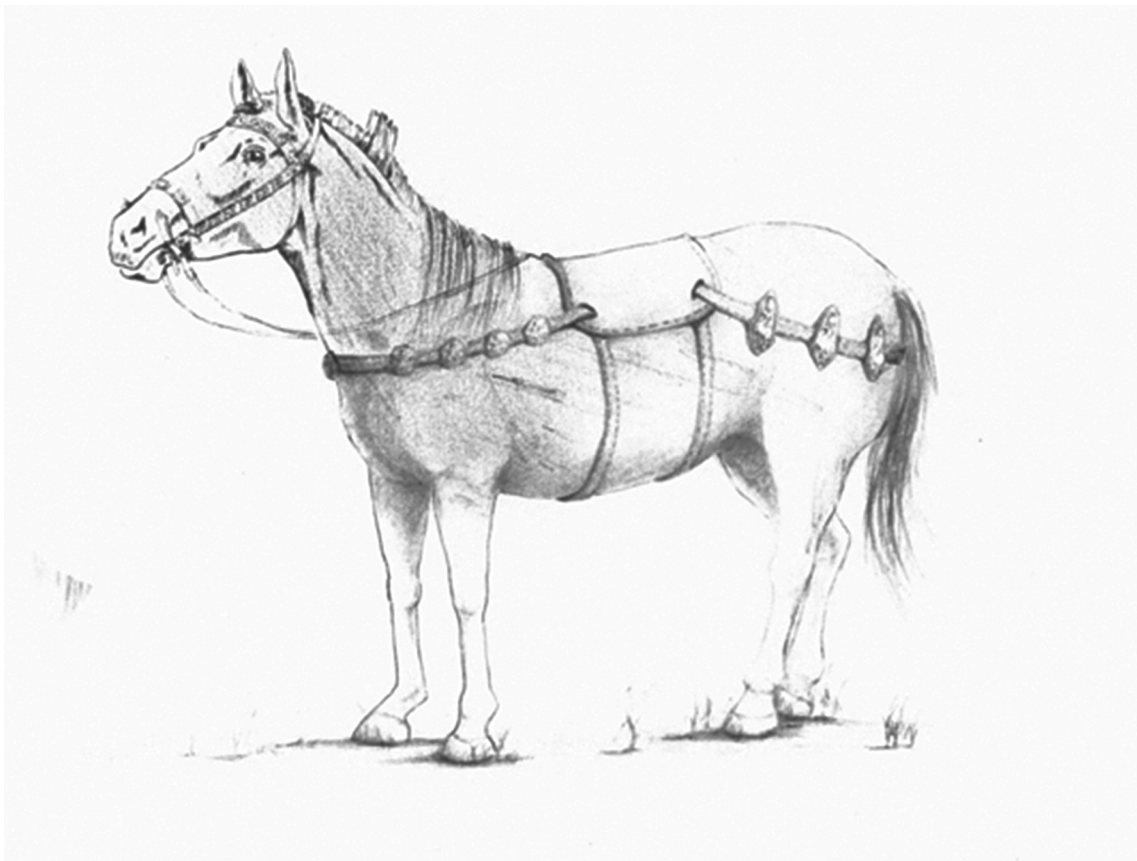

Рис. 4. Реконструкция способа использования чеканки.

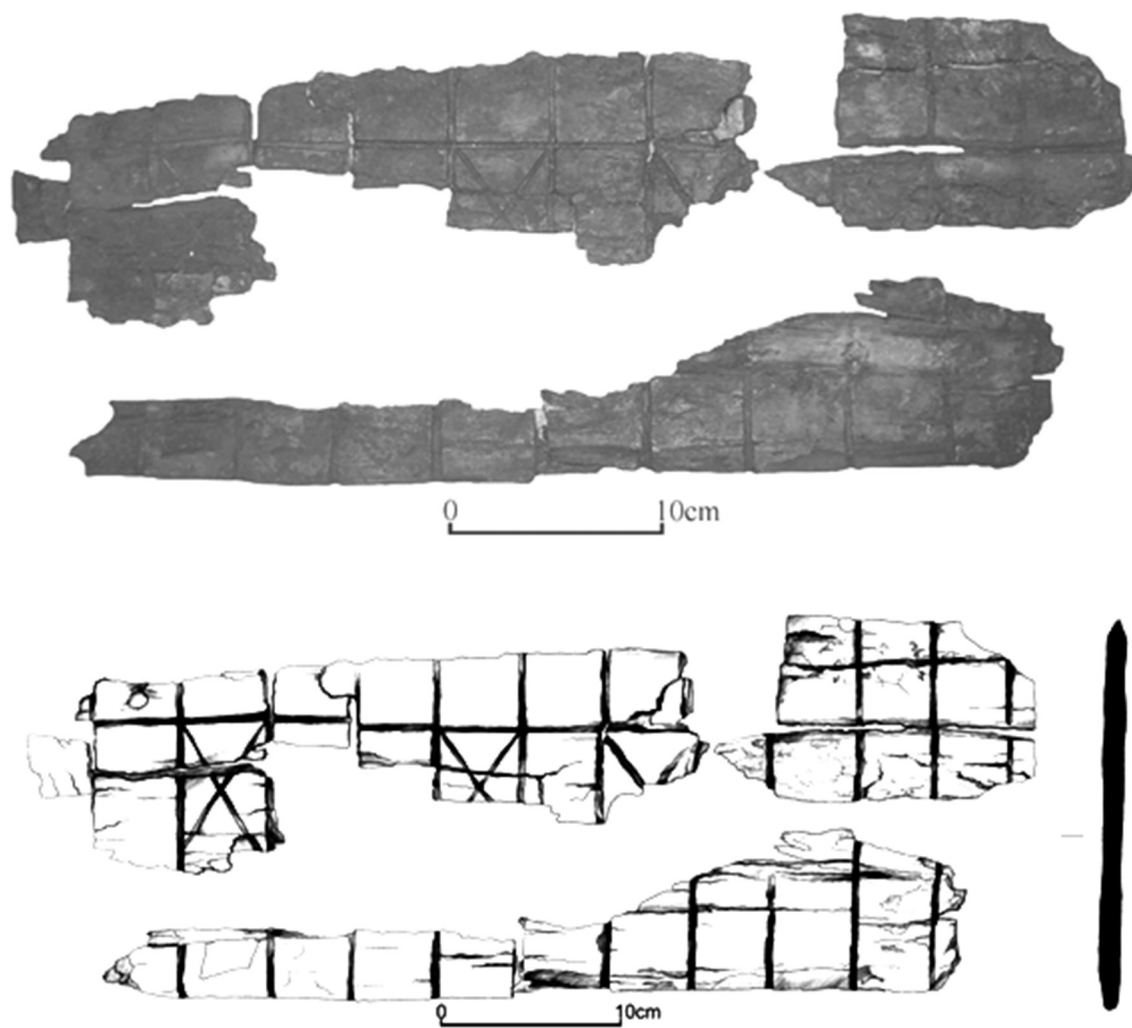

Рис. 5. Деревянная доска настольной игры. Гол мод, могила 1.

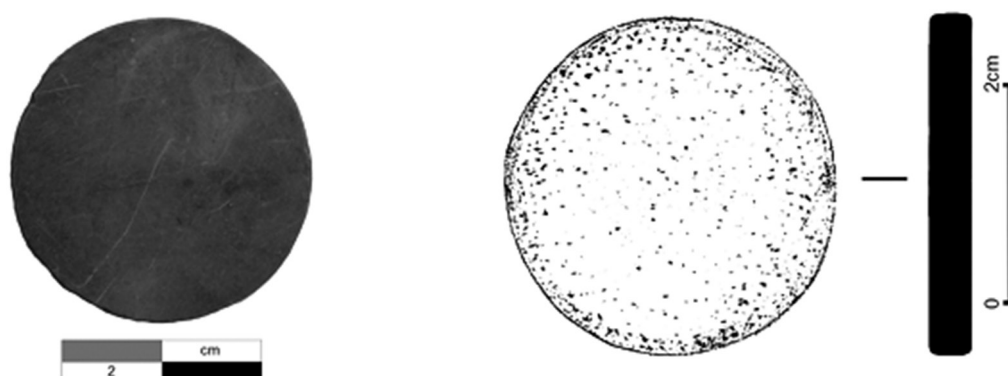

Рис. 6. Каменная фишка настольной игры.

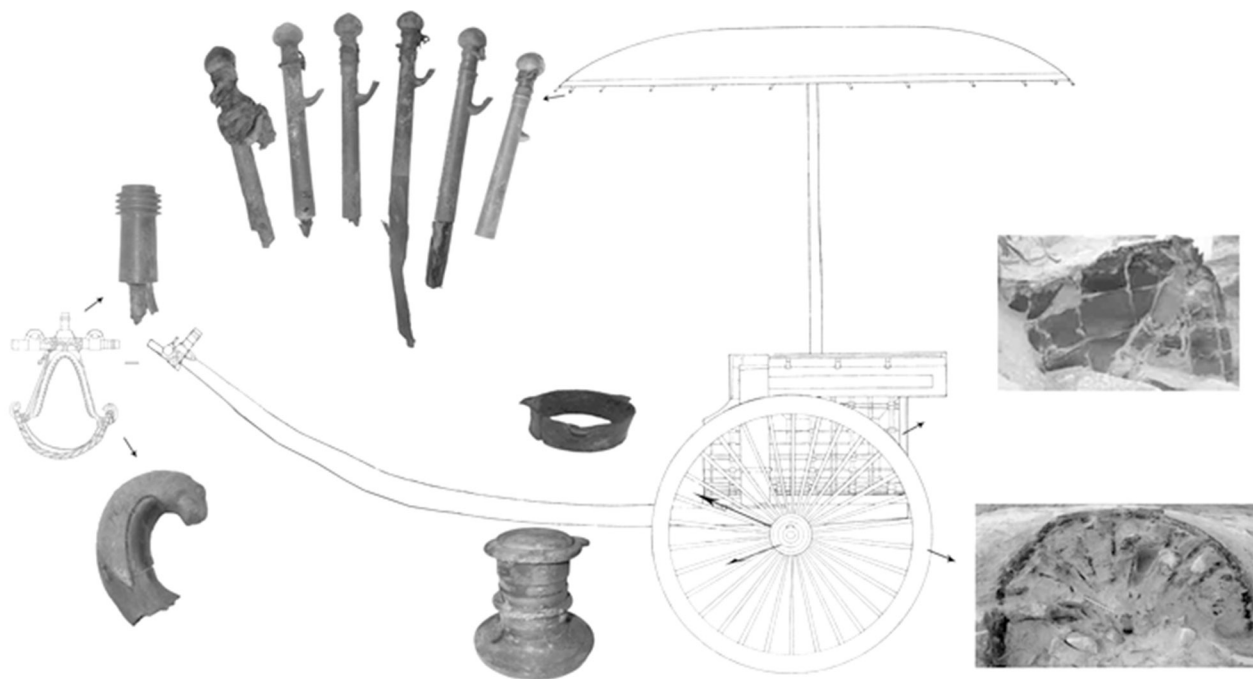

Рис 7. Реконструкция колесницы из 20-й могилы Гол мод.

Ж. Гантулга

ЗНАКИ-ТАМГИ ИЗ МЕСТНОСТИ ХУРУГИЙН УЗУР

В долине реки Хойд Тамир известно несколько памятников наскального искусства с изображениями тамг – Тайхар чулуу, Хуругийн узур, долина Баянцаган и Хоёр Хавчиг уул. В докладе рассматриваются около 130 тамг памятника Хуругийн узур, связанные с различными историческими периодами. Тамги Хуругийн узур обычно выполнены в технике выбивки. Часто они расположены среди рисунков животных, реже – на отдельных камнях. По форме тамги могут быть разделены на основные и производные от них. Отновными являются знаки «онги», «сэрээ», «чагт» и «буйлан». Большинство тамг относится к числу производных.

In Khoid Tamir valley there are sites Taikhir rockstone, Khöröögiin үзүүр, Bayantsagan valley and Khoyor Khavchig Mountains which contain tamgas. However, there are various historical stages of tamgas in this valley, in this article about 130 tamgas of Khöröögiin үзүүр petroglyphs are under consideration. Tamgas of Khöröögiin үзүүр are usually crafted by dint technique and some of tamgas are crafted among animals and few tamgas are at separate rock stones. These tamgas can be divided by basic and derived mode. «ongi», «seree», «chagt» and «builan» shape of tamgas are performed in the basic mode. Derived modes of tamgas prevail at this site.

Небольшой скалистый горный хребет, состоящий из базальтовых пород и протянувшийся с востока на запад по долине реки Хойд Тамир, протекающей по территории Их Тамир сомона* Архангайского аймака Монголии, называется Хуругийн узур. На базальтовых скалах Хуругийн узур выбито до нескольких тысяч рисунков. Кроме того, в близлежащих окрестностях зафиксированы такие памятники бронзового и раннего железного веков, как могилы со стелами в четырех углах, керексуры, оленные камни.

* Сомон (сум) – так же как и аймак (аймаг), является административно-территориальной единицей Монголии. Сомон входит в состав аймака, в зависимости от территории, численности населения и других факторов в составе аймака может быть от нескольких до десятка сомонов. На данный момент в Монголии 21 аймак и более 360 сомонов.

Памятники наскального искусства на Хуругийн узур впервые обнаружены в 1969 г. В. В. Волковым, Э. А. Новгородовой и Д. Навааном. В 1975 г. Д. Дорж и Э. А. Новгородова включили небольшое количество рисунков из данной местности в свою книгу «Петроглифы Монголии»¹. В книге Т. Санжмятава «Архангай аймгийн нутаг дахь туух, соёлын дурсгалууд» (Памятники истории и культуры Архангайского аймака), вышедшей в свет несколько позже, также опубликованы некоторые рисунки из Хуругийн узур. В 2010 г. исследователи совместной Монголо-Монакской экспедиции завершили кропотливую работу по полной фиксации памятников наскального искусства данной местности² (рис. 1).

Хуругийн узур представляет собой небольшой горный хребет, протянувшийся с северо-запада на юго-восток, где в 21 пункте зафиксировано 785 композиций. В большинстве своем наскальные рисунки выбиты на тех частях скал, которые обращены на юг, но также отмечено несколько случаев, когда те или иные рисунки изображены на западных или горизонтальных плоскостях.

В долине реки Хойд Тамир, кроме Хуругийн узур, знаки-тамги зафиксированы в таких местностях, как Тайхар чулуу, Баянцаганы хундий, Хоёр Хавчиг уул. Из большого количества знаков-тамг, выбитых на скалах данных местностей и относящихся к различным историческим периодам, в этой публикации мы коротко остановимся лишь на 130 тамгах, изображенных на скалах Хуругийн узур (рис. 2).

Знаки-тамги из Хуругийн узур в основном выполнены методом выбивки. Они расположены среди изображений животных поодиночке и небольшими группами. Данные знаки можно подразделить на основные и производные от них. Основными являются знаки онги (знак в виде круга), сэрээ (знак в виде трезубца), чагт (знак в виде двух перекрещивающихся линий), буйлан (знак в виде рогатины), зуузай (S-образный знак). В количественном отношении их не так уж и много. А вот производные от них составляют основную массу знаков-тамг, изображенных на скалах Хуругийн узур (рис. 2, табл. 1).

Хотя знаки, идентичные рассматриваемым тамгам, нередко встречаются среди разновременных памятников из различных мест, некоторым знакам-тамгам из Хуругийн узур аналогов найти не удалось. Кроме того, можно заметить, что некоторые знаки передавались из поколения в поколение и применялись людьми различных эпох на протяжении длительного промежутка времени. Ниже рассмотрим тамги, которым можно найти аналоги.

Тамги онги (Онгин тамга – знак в виде круга). Данный знак имеет много производных с точкой посередине, с перекладиной, с рогами, с наружным крестом, с наклонной перекладиной, с хвостом и т. д. (рис. 2, табл. 1).

Знаки онги и производные от них можно увидеть на скалах Рашан хад, Цаган гол, Тайхир чулу, Муртийн цаган чулу, Хар Араг, Говийн Сухайт, Тэвш ула, Салбарын Ханан, Хурэмтийн Бургэдийн буц, Сужийн булаг³, Баянлигийн Бичигт хад⁴, Жавхлант хайрхан⁵, Далайн дулга, Шийр ула, Цаган толгой, Шийр ула, Зун Хацавч⁶ и еще во многих других местах Монголии.

Кроме этого, необходимо заметить, что производные от тамги онги изображены на монетах монгольских ханов. Например, изображение знака онги с точкой посередине отлито на монете Алуг хана (1261–1266), который был правителем Государства Чагадай⁷. Различные варианты знаков онги с хвостом аналогичны знакам, изображенным на монетах династии Зучи⁸.

Знаки онги с наружным крестом идентичны тамгам из местностей Бичигт Улан хад Бурэн сомона Центрального аймака, Муртийн Цаган чулу Баянжаргалан сомона Среднеобийского аймака, Салбарын Ханан Мурун сомона Хэнтийского аймака⁹. Однако знаков, идентичных тамгам в виде круга с наружным крестом и дополнительными рогами и хвостом, в других местах Монголии пока не обнаружено. Знак онги с двумя рогами, исходящими из одной точки, выбит рядом с тюркскими письменами из местности Адаг мандал, расположенной в горах Гурван Мандал¹⁰.

Тамги сэрээ (Сэрээ тамга – знак в виде трезубца). В Хуругийн узур изображено 14 знаков в виде трезубца, которые являются производными от Саран тамга – знака в виде полумесяца (табл. 1). В большинстве своем зубья данных знаков смотрят вверх, и создано немалое количество вариантов этого знака методом приделывания к «рукоятке» различных хвостиков, ножек, крючков. Знаков, совершенно идентичных данным тамгам, пока не обнаружено, но знаки, приблизительно напоминающие рассматриваемые нами изображения, можно найти на стелах и рядом с наскальными надписями древнетюркского периода. Например, на монументе из Чойр выбит знак в виде трезубца с крючком в нижней части и двумя рогами¹¹. Тамга сэрээ с двумя ножками и одним отростком изображена рядом с тюркскими письменами, найденными в горах Шахар толгой¹².

Тамги буйль (Буйлан тамга – знак в виде рогатины). Среди рассматриваемых знаков есть одна тамга в виде двух цветочных лепестков, раскрытых в противоположные стороны, и с перекладиной в нижней части, один знак в виде рогатины, у которого один рог отсутствует, а другой имеет коленообразный изгиб (половина буквы W с «рукояткой, идущей по центру вниз»). Изображения подобных знаков

обнаружены в долине реки Цаган гол Гоби-Алтайского аймака¹³, в местности Рашан хад Хэнтийского аймака, в Шивэт уланы чулун пайлур, расположенной в долине реки Хануй¹⁴. Кроме того, в орхоно-енисейской письменности мягкий звук «р» (рь) соответствует знаку буйль, у которого оба «рога» имеют коленообразный изгиб, а твердый звук «р» (ръ) соответствует знаку, у которого оба «рога» раскрыты в виде цветочных лепестков. Эта же тамга в перевернутом виде обозначает звук «ч»¹⁵. Буйлан тамги можно увидеть на серебряных монетах среднеазиатских ханов монгольского происхождения¹⁶.

Тамги зузай (Зуузай тамга – S-образный знак). На скалах данной местности выбито два знака-тамги S-образной формы. Подобные знаки встречаются не так часто: всего несколько зузай тамг обнаружено в долине реки Цаган гол Гоби-Алтайского аймака¹⁷, на скалах из Бичигт улаан хад Бурэн сомона Центрального аймака, в местности Мурунгийн Салбарын Ханан Хэнтийского аймака¹⁸.

Кроме того, установлено, что тамги зузай встречаются среди надписей на бронзовых ножах из Чэнду и Халун гол, которые являлись территорией дунху и хунну, а также в орхоно-енисейских, германских, скандинавских рунических надписях¹⁹. S-образные знаки изображены на монетах Угудэй хана²⁰. В последующие времена горизонтально расположенная «правильная» зузай тамга стала символизировать достаток, якобы она закрывает ворота ущерба и потерь²¹.

Тамги уль (Ууль (уйлан) тамга – знак в виде трехлопастного винта с полукруглыми лопастями). На скалах Хуругийн узур обнаружено три знака данной конфигурации (табл. 1). Среди петроглифов подобные тамги встречаются не так часто, но изображены на скалах местности Хар Арагийн хад Гоби-Алтайского аймака, на бронзовых ножах времен дунху и хунну, среди памятников наскального искусства из местности Шивэт уланы пайлур долины реки Хануй²². Люди более поздних времен стали считать, что «правильная» тамга уль, поскольку она повернута по ходу солнца, символизирует все хорошее, а «неправильная», повернутая против хода солнца, – все плохое²³.

Тамги дамар (Дамар тамга – знак в виде песочных часов). На скалах Хуругийн узуур обнаружено два знака в виде песочных часов с одиночными отростками (табл. 1). Подобные тамги часто встречаются среди наскальных рисунков, их также можно найти изображенными и на других артефактах. Например, на бронзовых ножах, глиняных изделиях, в частности, на посуде, на серебряных монетах²⁴. Еще тамги дамар, расположенные вертикально и горизонтально, в древнетюркских надписях читают как «bas», что обозначает «голова, подушка, носик (посуды), колос, вершина, начало, глава, начинать, замысел».

Тамги тухай, или чагт (Туухай (чагтан) тамга – знак в виде двух перекрещивающихся линий). Хотя данные тамги часто встречаются среди памятников наскального искусства, в Хуругийн узуур их сравнительно мало (табл. 1). В 3-ей могиле, раскопанной в местности Дурал, расположенной в Бага газрын чулу и относящейся к временам хунну, обнаружен фрагмент керамического изделия с изображением тамги чагт²⁵. Позднее этими тамгами пользовались монгольские племена хэрэйд, нукус, энггүд²⁶.

Тамги чандман с основанием в виде полумесяца (Саран дэвсгэртэй чандмань тамга – знак в виде трех окружностей, расположенных треугольником; под ними имеется основание в виде полумесяца). Можно предположить, что данные тамги являются производными от знаков онги (табл. 1). На скалах Цаган гол Гоби-Алтайского аймака, в местности Бужгир Ховд аймака обнаружены тамги чандман, исполненные в различных вариантах²⁷. Знаки чандман изображены на монетах Аргун хана²⁸, включены в печать человека по имени Чопан, которая была оттиснута на сургуче конверта с письмом Аргун хана, присутствует в конце письма Абусаид хана в личной подписи писаря. Кроме того, данные знаки есть на печатях династии Чагадай и на монетах Тамерлана²⁹.

Однако сведений о применении тамг чандман с основанием в виде полумесяца (табл. 1), о местах, где они изображены, нам найти не удалось. Но в более поздние времена подобные тамги (основание в виде полумесяца исполнено одной чертой) были широко распространены в Тушэт хан, Сэцэн хан аймаках и еще во многих других местах Монголии³⁰.

Тамги гурвалжин (Гурвалжин тамга – треугольные знаки). В местности Хуругийн узур изображено два треугольных знака. Один из них имеет две ножки и небольшой отросток с правой стороны, у другого наверху изображен длинный кривой отросток, а слева и справа выбиты вертикальные линии (табл. 1). Подобные тамги, изображенные как по отдельности, так и в композиции с другими элементами (прямые линии, окружности, отростки и т. д.), обнаружены в местностях Рашан хад, Цаган гол, Бичиг Улан хад, Аслант³¹. Кроме того, их можно встретить на памятниках из Хануйн Шивэт улан, на стеле, установленной в честь Тоньюкука.

Другие знаки-тамги. В данную группу включено небольшое количество не поддающихся классификации знаков различной конфигурации (табл. 1). Основное их число составляют тамги, которые условно можно назвать «крючкообразными». Подобные знаки зафиксированы во многих

местах Монголии, и мы приведем лишь некоторые из них. Если в местностях Рашан хад, Цаган гол, Бичигт Улан хад, Муртийн Цаган чулу, Говийн Сухайт³² «крючкообразные» тамги изображены как отдельные знаки, то в местностях Яман усны Ханан хад³³, Гурван Мандалын Дунд, Адаг Мандал³⁴, Шахар толгой³⁵, Дэл уул³⁶, Ар ханан³⁷ они выбиты рядом с древнетюркскими письменами.

Датировка знаков-тамг

Методом сравнения изображений знаков-тамг, выбитых на скалах Хуругийн узур, с изображениями подобных знаков, зафиксированных на других археологических памятниках, в том числе и наскального искусства, а также на основании изучения письменных источников и этнографического материала мы пришли к предположению, что данные тамги нанесены на скальную поверхность в различные исторические периоды и что они передавались из поколения в поколение на протяжении многих веков.

Знаки онги и производные от них (с точкой посередине, с рогами, ножками, связанные между собой две окружности, с наружным крестом и т. д.) можно датировать бронзовым и ранним железным веками, поскольку они идентичны подобным знакам из местностей Рашан хад, Бичигт Улан хад, Байшин узурийн Цаган толгой, Сухайтын Хурай сайрын хундий³⁸, Бичигт хад³⁹, Цагаан Сала, Бага Ойгор⁴⁰, которые отнесены исследователями именно к этому периоду.

По всей вероятности, производные от онги знаки дамар, зузай, уль дошли до хунну от предыдущих времен и применялись народом данного государства. Точные аналоги знаков сложной конфигурации, имеющих в основе онги, нам разыскать не удалось, но изображения знаков, имеющих в своем составе некоторые их элементы, зафиксированы в местностях Цаган гол⁴¹, Тэвш ула⁴². А вот изображения знаков, схожих с тамгами зузай, дамар и уль, имеются на бронзовых ножках с реки Чэндэ, которая входила в состав государств хунну и дунху⁴³.

Производные знаки от сэрээ, тамги зузай, буйль, уль, дамар, дором (треугольные), дэгээ (крючкообразные) можно отнести к временам древних государств. Например, тамги, схожие с вышеперечисленными, обнаружены на древнетюркских памятниках из Могойн шинэ ус, Шивэт уланы пайлур, Долон мод, в рунических письменах Древней Германии и Скандинавии⁴⁴, на балбалах поминального комплекса Билгэ кагана⁴⁵. Знаки, идентичные некоторым знакам из Хуругийн узур, которых мы не смогли точно определить, но которые по внешнему виду можно отнести к «крючкообразным», выбиты рядом с древнетюркскими надписями, обнаруженными на территории нашей страны. По всей вероятности, данные знаки и надписи тесно связаны между собой.

Примечания

1. Дорж Д., Новгородова Э. А. Петроглифы Монголии. – Улан-Батор, 1975. – С. 26–27, табл. XVII, рис. 1–4; табл. XVIII, рис. 1–14.
2. Еруул-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж., Магай Ж., Клауде С. Монгол-Монакогийн хамтарсан археологийн хээрийн шинжилгээний ангийн 2010 оны ажлын тайлан. – Улаанбаатар, ШУА-ийн АХГБС.
3. Пэрлээ Х. Монгол түмний гарлыг тамгаар хайж судлах нь. – Улаанбаатар, 1976. – С. 177.
4. Деревянко А. П., Петрин В. Т., Цэвээндорж Д., Мыльников В. П. Святилище с наскальными рисунками Баянлиг хад в Монголии. – Новосибирск, 2008.
5. Цэвээндорж Д., Цэрэндагва Я., Гунчинсүрэн Б., Гарамжав Д. Жавхлант хайрханы хадны зураг. – Улаанбаатар, 2004. – С. 95–99.
6. Там же. – С. 76–78.
7. Нямаа Б. Монголын эзэнт гүрний зоосон мунгу ба хаадын овгийн тамга (XIII–XIV зуун). – Улаанбаатар, 2005. – С. 121–122.
8. Там же. – С. 36–40.
9. Пэрлээ Х. Монгол түмний гарлыг тамгаар хайж судлах нь. – Улаанбаатар, 1976. – С. 169–177.
10. Баттулга Ц. Монголын руни бичгийн бага дурсгалууд. Тэргүүн дэвтэр // *Corpus Scriptorum*, Том. I. – Улаанбаатар, 2005. – 236 х.
11. Кляшторный С. Г. Руническая надпись из Восточной Гоби // *Studia Turcica*. – Budapest, 1971. – P. 249–258.
12. Цэвээндорж, Батболд. Шаахар толгойн хадны зураг. – Улаанбаатар, 2008. – С. 49–51, рис. 18.4.
13. Доржсүрэн Ц. Говь-Алтайн Цагаан голын хадны зураг // *Studia Archaeologica*, Том. II, Fasc. 2. – Улаанбаата, 1963. – Т. 16–26.
14. Пэрлээ Х. Монгол түмний гарлыг тамгаар хайж судлах нь. – Улаанбаатар, 1976. – С. 175, 180.
15. Шинэхуу М. Орхон-Енисейн бичиг монголын малын тамгатай холбогдох нь // *Studia Ethnographica*, Том. V, Fasc. 8. – Улаанбаатар, 1977. – Т. 62, 67.
16. Пэрлээ Х. Монгол түмний гарлыг тамгаар хайж судлах нь. – Улаанбаатар, 1976. – С. 200; Нямаа Б. Монголын эзэнт гүрний зоосон мунгу ба хаадын овгийн тамга (XIII–XIV зуун). – Улаанбаатар, 2005. – С. 83.

17. Доржсүрэн Ц. Говь-Алтайн Цагаан голын хадны зураг // *Studia Archaeologica*, Том. II, Fasc. 2. – Улаанбаатар, 1963. – Т. 16–26.
18. Пэрлээ Х. Монгол түмний гарлыг тамгаар хайж судлах нь. – Улаанбаатар, 1976. – С. 169, 176.
19. Там же. – С. 174, 204.
20. Нямаа Б. Монголын эзэнт гүрний зоосон мунгу ба хаадын овгийн тамга (XIII–XIV зуун). – Улаанбаатар, 2005. – С. 126.
21. Дулам С. Монгол бэлгэдэл зүй. III дэвтэр: Дүрсийн бэлгэдэл зүй, дохио зангааны бэлгэдэл зүй. – Улаанбаатар, 2007. – С. 88.
22. Пэрлээ Х. Монгол түмний гарлыг тамгаар хайж судлах нь. – Улаанбаатар, 1976. – С. 174–176.
23. Дулам С. Монгол бэлгэдэл зүй. III дэвтэр: Дүрсийн бэлгэдэл зүй, дохио зангааны бэлгэдэл зүй. – Улаанбаатар, 2007. – С. 93–94.
24. Пэрлээ Х. Монгол түмний гарлыг тамгаар хайж судлах нь. – Улаанбаатар, 1976.
25. Амартувшин, Галдан. Бага газрын чулууны хүннү булшнаас илэрсэн шавар сав суулга // *Studia Archaeologica*, Том. XXXII, Fasc. 8. – Улаанбаатар, 2012. – Т. 131.
26. Пэрлээ Х. Монгол түмний гарлыг тамгаар хайж судлах нь. – Улаанбаатар, 1976. – С. 122–256.
27. Там же. – С. 172, 175.
28. Там же. – С. 253; Нямаа Б. Монголын эзэнт гүрний зоосон мунгу ба хаадын овгийн тамга (XIII–XIV зуун). – Улаанбаатар, 2005. – С. 82.
29. Там же. – С. 92–94, 82.
30. Пэрлээ Х. Монгол түмний гарлыг тамгаар хайж судлах нь. – Улаанбаатар, 1976. – С. 215, 219.
31. Там же. С.179; Доржсүрэн Ц. Говь-Алтайн Цагаан голын хадны зураг // *Studia Archaeologica*, Том. II, Fasc. 2. – Улаанбаатар, 1963. – Т. 16–26.
32. Пэрлээ Х. Монгол түмний гарлыг тамгаар хайж судлах нь. – Улаанбаатар, 1976.
33. Тенишев Э. Р., Новгородова Э. А. Новые рунические надписи в горах Монгольского Алтая // *История и Культура*. – Москва, 1983. – С. 205–208; Баярхүү Н. Ямаан усны хавцлын Ханан хаднаас шинээр илрүүлсэн бичээсүүд // *Spiritual strings, Vol. II (04), Fasc. 6*. – Ulaanbaatar, 2009. – P. 40–49.
34. Баяр Д. Гурван Мандалын хадны зураг // *Studia Archaeologica*, Том. XVI, Fasc. 7. – Улаанбаатар, 1996. – С. 89–102; Баттулга Ц. Монголын руни бичгийн бага дүрсгалууд. Тэргүүн дэвтэр // *Corpus Scriptorum*, Том. I. – Улаанбаатар, 2005. – 236 х.
35. Цэвээндорж, Батболд. Шаахар толгойн хадны зураг. – Улаанбаатар, 2008.
36. Дорж Д., Новгородова Э. А. Петроглифы Монголии. – Улан-Батор, 1975. – С. 31, таб. X; Баттулга Ц. Монголын руни бичгийн бага дүрсгалууд. Тэргүүн дэвтэр. // *Corpus Scriptorum*, Том. I. – Улаанбаатар, 2005. – 236 х.
37. Rintchen B. Les Dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les steles en Mongolie // *Corpus Scriptorum Mongolorum Instituti Linguae et Litterarum Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongolici*. Том. XVI, Fasc. 1. – Ulaanbaatar, 1968. – P. 37; Баттулга Ц. Монголын руни бичгийн бага дүрсгалууд. Тэргүүн дэвтэр // *Corpus Scriptorum*, Том. I. – Улаанбаатар, 2005. – 236 х.
38. Пэрлээ Х. Монгол түмний гарлыг тамгаар хайж судлах нь. – Улаанбаатар, 1976.
39. Деревянко А. П., Петрин В. Т., Цэвээндорж Д., Мильников В. П. Святилище с наскальными рисунками Баянлиг хад в Монголии. – Новосибирск, 2008.
40. Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск – Улаанбаатар – Юджин, 2005.
41. Доржсүрэн Ц. Говь-Алтайн Цагаан голын хадны зураг // *Studia Archaeologica*, Том. II, Fasc. 2. – Улаанбаатар, 1963. – Т. 16–26.
42. Дорж Д. Тэвшийн хадны зургууд // *Studia Archaeologica*, Том. IV, Fasc. 2. – Улаанбаатар, 1965. – P. 3–9; Окладников А. П. Петроглифы Центральной Азии Ховд сомон (гора Тэбш). – Л., 1980.
43. Пэрлээ Х. Монгол түмний гарлыг тамгаар хайж судлах нь. – Улаанбаатар, 1976.
44. Там же.
45. Батсүх Д. Билгэ хааны тахилын онгоны балбал чулууны тамга // *Studia Archaeologica*, Том. XXII, Fasc. 14. – Улаанбаатар, 2004. – P. 162–173.

Рис. 1. Общий вид на Хуругийн узур (вид с юго-запада).

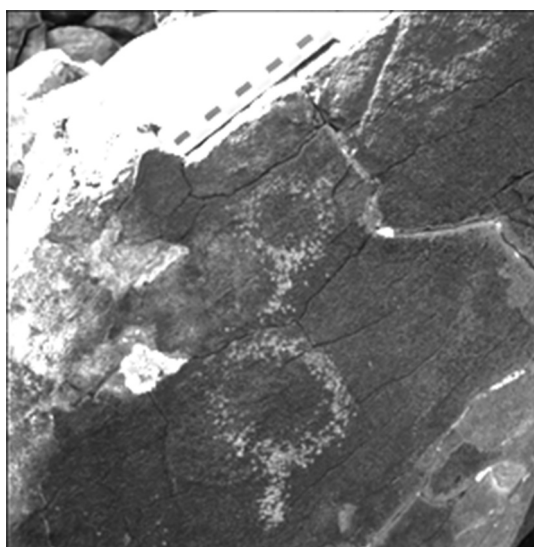

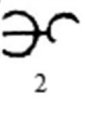

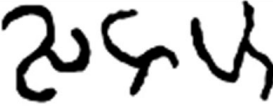

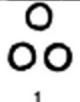

Рис. 2. Изображения некоторых знаков-тамг на Хуругийн узур.

Таблица 1

Сравнение знаков-тамг из Хуругийн узур с подобными знаками из других мест

Знаки из Хуругийн узур	Знаки-тамги, обнаруженные в других местах			
 <p data-bbox="220 786 576 853">Знаки онги и производные от них</p>	 <p data-bbox="651 450 667 472">1</p>	 <p data-bbox="762 427 778 450">2</p>	 <p data-bbox="874 472 890 495">3</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Рашан хад 2. Бичиг Улан хад 3. Цаган гол 4. Далан ула, Узур бичигт, Их Бичигт 5. Муртийн Цаган чулу 6. Жавхлант хайрхан 7. Шахар толгой 8. Тэвш ула 9. Торгоуты Алтая, йн Урианхая, Ховог Сайр
 <p data-bbox="220 1245 576 1312">Знаки сэрээ и производные от них</p>	 <p data-bbox="651 1010 667 1032">1</p>	 <p data-bbox="762 965 778 987">2</p>	 <p data-bbox="874 1010 890 1032">3</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Рашан хад 2. Бичиг Улан хад 3. Цаган гол 4. Бронзовые ножи хунну и дунху 5. Долон мод 6. Могойн Шинэ ус 7. Тэвш ула 8. Знак с монеты Гулагу (1261) 9. Сэцэн хан аймак, Илдэн хошуу
 <p data-bbox="325 1491 470 1525">Тамги буйль</p>	 <p data-bbox="651 1413 667 1435">1</p>	 <p data-bbox="762 1413 778 1435">2</p>	 <p data-bbox="874 1413 890 1435">3</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Рашан хад 2. Цаган гол 3. Шивэт улааны пайлтур 4. Балбал с комплекса Билгэ кагана 5. Серебряные монеты среднеазиатских ханов монгольского происхождения 6. Тушэт хан аймак, Мэргэн ван хошуун
 <p data-bbox="325 1794 470 1827">Тамга зузай</p>	 <p data-bbox="651 1704 667 1727">1</p>	 <p data-bbox="762 1682 778 1704">2</p>	 <p data-bbox="874 1704 890 1727">3</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Цаган гол 2. Чандмань уул, керамическое изделие из захоронения 3. Бронзовые ножи хунну и дунху 4. Германские, скандинавские руны 5. Атаахан, Захчин хошун
 <p data-bbox="336 2051 459 2085">Тамга уль</p>	 <p data-bbox="651 2007 667 2029">1</p>	 <p data-bbox="762 2018 778 2040">2</p>	 <p data-bbox="874 2018 890 2040">3</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Бронзовые ножи хунну и дунху 2. Шивэт улааны пайлтур 3. Атаахан, Захчин хошун

 <p><i>Тамга дамар</i></p>	 1	 2	 3	<ol style="list-style-type: none"> 1. Рашан хад, 2. Цаган гол, 3. Бичигт Улан хад 4. Муртийн Цаган чулу 5. Бронзовые ножи хунну и дунху 6. Балбал с комплекса Билгэ кагана 7. Монгольская монета "сукэс" 8. Дашравдан хошуун, Засагт хан аймак
 4	 5	 6		
 7	 8			
 <p><i>Тамга тухай</i></p>	 1	 2	 3	<ol style="list-style-type: none"> 1. Агуйт 2. Рашан хад 3. Бичигт Улан хад 4. Цаган толгой 5. Сухайтын Хурай Сайр 6. Бронзовые ножи хунну и дунху 7. Халхасские хошуны Центральной Монголии
 4	 5	 6		
 7				
 <p><i>Тамга чандман с основанием в виде полумесяца</i></p>	 1	 2		<ol style="list-style-type: none"> 1. Бужгырын хад, Ховд аймак 2. Тайхир чулу 3. Монеты монгольских ханов (а. Аргун хан, б. Эмир Тимур) 4. Сайн ноён аймак, Далай Чойнхор вангийн хошуун, Хатгин тайж (родовой знак)
 3	 4			
 <p><i>Тамга гурвалжин</i></p>	 1	 2		<ol style="list-style-type: none"> 1. Рашан хад 2. Цаган гол 3. Бичигт Улан хад 4. Шивэт уланы пайлур
 3	 4			
 <p><i>Другие знаки</i></p>	 1	 2	 3	<ol style="list-style-type: none"> 1. Рашан хад 2. Бичигт Улан хад 3. Муртийн Цаган чулу 4. Говийн Сухайт 5. Шивэт уланы пайлур
 4	 5			

С. Г. Скобелев

УРОЧИЩЕ АЛБАНЫ В МЕЖДУРЕЧЬЕ БЕЛОГО И ЧЕРНОГО ИЮСОВ КАК МЕСТО ВОЗМОЖНОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ СТАВКИ КЫРГЫЗСКОГО КАГАНАТА

На севере Хакасии, у места слияния рек Белый и Черный Июс, отмечается необычно высокое скопление горных крепостей. В центре этого скопления имеются очень длинные ров и вал. Они закрывают с юга вход в урочище Албаны, которое является природным оборонительным районом. Вероятно, здесь находилась ставка кыргызского кагана. Об этом можно судить на основании анализа сообщений средневековых авторов – Гардизи (XI в.) и Ал-Идриси (XII в.), а также хроники династии Тан. Таким образом, урочище Албаны является весьма перспективным местом для проведения археологических исследований.

In the north of Khakassia, at the confluence of the Bely and Cherny Iyus, there is an unusually high accumulation of mountain fortresses. In the center of this cluster are very long ditch and rampart. They close the south entrance to the valley Albany, which is a natural defensive area. Probably, there was a camp (capital) of Kyrgyz Hagan. This can be judged on the basis of analysis of the works of medieval authors – Gardizi and Al-Idrisi, as well as the chronicles of the Tang Dynasty. Thus, valley Albany is a very promising place for archaeological research.

В 2012–2013 гг. силами археологического отряда Новосибирского государственного университета изучалась местность в районе необычно высокого скопления горных крепостей «све» на севере Хакасии, в междуречье Белого и Черного Июсов. Как неоднократно отмечалось в ряде документов, в том числе относящихся к позднему Средневековью и началу Нового времени, такие крепости строились и использовались енисейскими кыргызами в военное время в целях обороны¹. В связи со столь высокой концентрацией этих объектов (23 из 45 известных в Хакасии и на юге Красноярского края)² нами было высказано предположение, что в данном районе мог находиться какой-то очень важный объект, для обороны которого в качестве сторожевых постов и служили «све». Вероятно, им могла быть столица Кыргызского каганата (ставка кагана), поскольку интерпретация средневековых³ и русских письменных источников⁴ позволяет предположить нахождение у места слияния этих двух рек административного центра Кыргызской земли.

В целях проверки такого предположения в ходе полевых работ 2012 г. была осмотрена большая часть крупного памятника фортификационного назначения – рва и вала в междуречье Белого и Черного Июсов, вблизи места их слияния, на территории Орджоникидзеовского района Хакасии. Сооружение находится приблизительно в центральной части указанного скопления горных крепостей-«све». В связи с большой протяженностью и наличием разрывов между их отдельными участками крайняя западная часть рва и вала тогда не были обнаружены. В 2013 г. разведочные работы продолжились. В их ходе нами дополнительно был выявлен и обследован крайний западный участок этого сооружения и, таким образом, установлены его точные размеры и конфигурация (общая протяженность с востока на запад более 4,25 км, линейный характер). Крайний восточный и западный участки земляного вала самые высокие – более 3 м от дна рва. Установлено, что ров и вал на своих восточном и западном окончаниях близко расположены к горным крепостям (Чазы и Кызыл-Хая), с поверхности которых наблюдались как значительные участки окружающей местности, так и линия самих рва и вала. Исходя из места расположения и назначения (защита не вершины горы, как это характерно для «све», или замкнутой со всех сторон площади на равнине, как в случае Знаменской, Троицких, Шушенской и иных крепостей, а широкой долины), а также огромных размеров и трудозатрат, сооружение в комплексе с многочисленными горными крепостями в ближайшей округе могло быть выполнено лишь с целью обороны какого-то очень важного объекта, скорее всего, поселенческого характера.

По результатам осмотра и взаимному расположению рва и вала (насыпался к северу от рва) стало очевидным, что это укрепление закрывало вход с юга в урочище Албаны – обширную низменную долину, тянущуюся на расстояние более 8 км в общем направлении юг-север с некоторым отклонением на север-запад. С запада и юго-запада долина закрыта высоким и обрывистым наружу горным хребтом по правому берегу Черного Июса, а с востока и севера – таким же хребтом Скалистых гор.

Осмотр самой долины показал, что вся ее поверхность подвергалась сплошной распашке, и уверенно выделяемых жилищных западин или дополнительных фортификационных сооружений здесь не отмечено. Однако в средней части долины отмечаются некоторые особенности в характере произрастания отдельных видов растительности по бывшей распашке, ныне заброшенной. Это

узкие линии молодых деревцев (самосев берез и сосен), создающие в плане прямоугольник. Данное обстоятельство позволяет предполагать наличие здесь следов запаханых рвов и валов, дополнительно защищавших какой-то поселенческий объект, вполне логично расположенный внутри долины вплотную к проходящему с запада горному хребту для защиты от господствующих здесь ветров западного направления. Северо-западный выход из долины очень узкий и пересеченный высокими валами, выходящими непосредственно к руслу Черного Июса, отбойное течение которого, видимо, их и создало. Такие крутые валы-дюны могли служить в качестве естественных оборонительных объектов. Выход к реке одновременно обеспечивал и снабжение водой защитников. Непосредственно на южных и северных окончаниях обоих названных горных хребтов, в плане – почти напротив друг друга, стоят 4 крепости-«све»: Чазы и Кызыл-Хая, Ключик и Барбак-Хая. Они служили ближайшими сторожевыми пунктами (фортами) в линиях обороны возможного поселения в урочище Албаны.

Общий осмотр местности вокруг урочища позволил предположить факт наличия здесь настоящего оборонительного района. Его основу с востока и запада, а также частично с юго-запада и севера составили два горных хребта. Оба они имеют очень крутые склоны наружу и пологие внутрь. Подняться по ним на большей части протяженности снаружи верхом на лошади невозможно – очень трудно и пешим порядком. Изнутри же доступ на гребни хребтов достаточно легкий. Узкий выход из долины наружу на северо-западе мог быть защищен с использованием валов-дюн; этот выход также вплотную прикрыт самим руслом Черного Июса – реки, пойма которой густо заросла деревьями и кустарником. В стратегическом отношении вторжению врагов с западного направления препятствовал и близко расположенный хребет Кузнецкого Алатау. С востока и юго-востока ближайшие подходы к урочищу серьезно затруднены обширной болотистой местностью поймы Белого Июса и горным хребтом Арга, почти вплотную проходящим ко рву и валу и густо заросшим лесом. Природные препятствия отсутствуют лишь на узкой полосе местности с южного направления – между отрогами хребта Арга и Скалистыми горами. Именно здесь и расположено препятствие искусственного происхождения – упомянутые ров и вал. В целом геологические и природные факторы местности, дополненные рвом и валом на уязвимом участке, предоставляли благоприятные условия для использования ее в качестве крупного оборонительного района.

Весьма выгодное географическое расположение естественных составляющих оборонительного района и столь протяженное искусственное сооружение в виде рва и вала, размещенного в основном на равнине или пологих склонах возвышенностей, его линейная конфигурация в плане аналогов на территории юга Приенисейского края не имеют. Единичный характер этого оборонительного комплекса подразумевает и наличие особого защищаемого объекта, которым в Средневековье (как до, так и после периода Великодержавия) могла быть столица Кыргызского каганата (ставка кагана). Имеется достаточно большое количество свидетельств косвенного характера в пользу такого предположения. И результаты наших работ 2012–2013 гг. им соответствуют, подтверждая сообщения письменных источников выявленными географо-археологическими реалиями.

Так, по сообщению Гардизи (XI в.), расстояние от Кегмена (Западного Саяна) до ставки кыргызского кагана составляло около 7 дней пути⁵. Если бы ставка находилась именно в урочище Албаны, путь сюда от Арбатской тропы в Западном Саяне действительно составил около 7 дней (общее расстояние около 240 км, т. е. 35 км в день, что является вполне достижимым темпом движения для каравана). Этот же автор упоминал, что дорога к стану кагана шла «...по степи и лугам мимо приятных источников и сплетенных между собой деревьев, так что враг не может проникнуть туда...» – чередование степных и кустарниково-лесных участков на пути от Западного Саяна в сторону междуречья Июсов с их многочисленными протоками и ручьями имеет место и в наше время. Далее Гардизи писал, к сожалению, без указания конкретной географической привязки: «Здесь военный лагерь киргизского хакана, главное и лучшее место [в стране]; туда ведут три дороги, по которым можно идти; кроме них, доступ отовсюду прегражден высокими горами и сплетенными между собой деревьями»⁶. Действительно, по правому берегу Черного Июса существует крупный природный укрепленный район, дополненный искусственным сооружением, единственный по своим качествам на юге Приенисейского края. Внутри же урочища Албаны можно попасть по дорогам именно с трех направлений: с юго-востока между отрогами хребта Арга (со стороны дер. Подзаплот), с юго-запада по широкой долине вдоль северного склона хребта Арга (со стороны современной дер. Подкамень) и с северо-запада по правому берегу Черного Июса.

Другой мусульманский автор – Ал-Идриси (XII в.) отмечал, что «город, в котором живет король кыргызов, очень укреплен, окружен стенами, рвами и траншеями»⁷. Соответственно данный оборонительный район имеет ров и вал, закрывающие наиболее уязвимое южное направление. Есть основания предполагать и наличие остатков запаханых укреплений на обороняемой площади – в средней части урочища Албаны.

Из хроники династии Тан известно, что «Ажэ имеет пребывание у Черных гор»⁸. В этом отношении следует указать на ближайшую к югу от рва и вала восточную часть горного хребта Арга, которая до сих пор называется Хара-Таг. Вблизи от оборонительного района (в 8 км к северу) находится и знаменитая средневековая Сулекская писаница («скала с письменами», «вечная скала»), по праву считающаяся наиболее представительным и почти «официальным» манифестом носителей культуры средневековых енисейских кыргызов.

Таким образом, результаты полевых работ подтвердили перспективность дальнейших археологических исследований разведочного характера в пределах оборонительного района и его окрестностей. Они должны сводиться к поиску дополнительных оборонительных сооружений вокруг урочища Албаны, возможно, расположенных на северо-западных отрогах Скалистых гор, не столь высоких и обрывистых, как основной хребет. Следует также провести изучение выявленных рва и вала, местности внутри оборонительного района, заложить разведочные шурфы на наиболее перспективных ее участках, в том числе определенных по результатам геофизического мониторинга. Но в обязательном порядке и в первую очередь это необходимо осуществить в средней части урочища, в месте, где отмечаются возможные следы фортификационных сооружений, в плане создающих форму прямоугольника. Не исключено, что именно они могут быть остатками упомянутых Ал-Идриси «рвов и траншей».

Примечания

1. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. – Иркутск, 1941. – С. 394; Бахрушин С. В. Енисейские киргизы в XVII в. // Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. – М., 1955. – С. 183; Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. – Новосибирск, 1996. – С. 157.
2. Готлиб А. И., Подольский М. Л. Све – горные сооружения Минусинской котловины. – СПб., 2008. – 222 с.
3. Гардизи Абу Са'ид. Украшение известий // http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Gardizi/frametext_1.htm; История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М., 1993. – С. 73, 93.
4. История Хакасии... С. 139.
5. Гардизи...
6. Там же.
7. История Хакасии... С. 93.
8. Там же.

Takashi Osawa

NEW RUNIC SOURCES OF THE TEPSEI MOUNTAIN AND THE POLTAKOV MUSEUM

As well known, in Hakassia the ancient Turkic runic inscriptions have been investigated and researched by the archaeologists, philologists and historians such as D.G. Messerschmitt, P. J. Strahlenberg, A. O. Heikel, N. M. Yadrintsev, D. A. Klements, V. V. Radloff, N.M. Martyanov, N. F. Katanov, J. R. Aspelin, V. M. Nadelyaev, D. D. Wasiliev, I. V. Kormushin, L. R. Kyzlasov, I. L. Kyzlasov and likes since the middle of the 18th AD.

All of them, it is of importance and significance that Messerschmitt discovered the ancient runic writing from the Uibat steppe of the middle of the Yenisei basin of Hakassia. Until now, as long as we know, from the Yenisei basin, it appears that 200 runic writings were found and attested. And even nowadays Russian colleagues have been seeking new inscriptions or epitaphs as their historical and ethnographic materials for considering the identification.

From on these aspects, Japanese researcher Prof. Takashi Osawa of Osaka University, Dr. Yuri Esin and E. Ugdyzhekov of the Institute of the Language, Literature and History in Hakassia tried to research survey at the first steppe under the academic international agreements on the international Joint Epigraphic Expedition since 2012. And also in the 2013 the first researchers did also research survey in the runic epitaphs of Poltakov Museum in the Askiz region, Hakassia. And in this year we researched the rock cave inscription in the Tepsei Mountain, in the Minusinsk region.

From there, comparing with old Kirghiz's runic epitaphs, I can try to interpret new inscriptions.

Такаши Осава

Новые рунические источники горы Тепсей и музея в с. Полтаков

Как известно, в Хакасии древнетюркские рунические надписи исследовались и изучались археологами, филологами и историками с начала XVIII в. Среди них – Д. Г. Мессершмидт, Ф. И. Страленберг, А. О. Гейкель, Н. М. Ядринцев, Д. А. Клеменц, В. В. Радлов, Н. М. Мартьянов, Н. Ф. Катанов, И. Р. Аспелин, В. М. Надеяев, Д. Д. Васильев, И. В. Кормушин, Л. Р. Кызласов, И. Л. Кызласов и др.

Кроме того, важно и значимо, что сама древняя руническая письменность была открыта Мессершмидтом в Уйбатской степи в Хакасии. На сегодняшний день, насколько нам известно, в бассейне реки Енисей обнаружено и распознано около 200 рунических надписей. И даже сейчас российские коллеги работают над поиском новых надписей и эпитафий как исторического и этнографического материала для исследований.

С 2012 г. японский исследователь профессор Такаши Осава (Осацкий Университет), доктор Юрий Есин и Эдуард Угдыжеков (Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории) в соответствии с академическим договором о международной совместной эпиграфической экспедиции провели научный осмотр и изучение ряда памятников Уйбатской степи. В 2013 г. также изучались рунические эпитафии в музее с. Полтаков и в Аскизском районе Хакасии. В нынешнем году мы провели изучение древнетюркской надписи в гроте горы Тепсей.

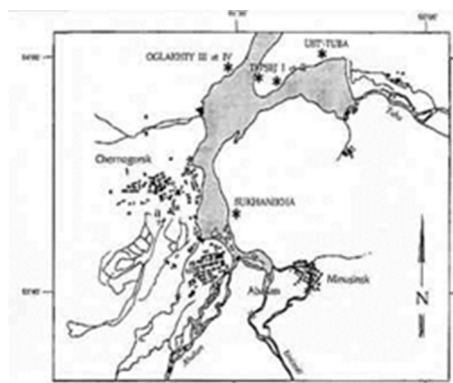
На этой основе путем сравнительного анализа с другими руническими эпитафиями древних кыргызов я попробую интерпретировать новые надписи.

1. Introduction to the rock inscriptions of the Tepsei Mountain

This epitaphs are discovered in the surface of rock wall in the Mountain named Tepsei along the Yenisei and Tuba Rivers. I tried to investigate this epitaphs in 2005, however Russian archaeologist N. V. Leontiev (the researcher of the N. M. Martyanov regional Museum of Minisinsk) advised me no better go to this site alone, because to arrive at this Rock, it is necessary to get on the boat and climb up the deep slope of rock, this is too dangerous. According to D.D. Basiliev's photographs¹, it seems quite true. Why the Kirghiz peoples of this region had climbed up this deep slope and carved several epitaphs? To this question, we can explain some phrase such as names of God, epithet, title or place name as the sacred one.

The Tepsei Mountain, from South bank of the Tuba River².

Geophysical map of the Tepsei Mountain.

Таблица надписей Тепсей. Рис. 1–11

Rock carving, tamgas and runic inscriptions of the Usti-Tuba³.

For example, I can translated the Old Turkic epitaphs of the Tepsey Rock Mountain as follows:

(1) b(e)d(i)zl(i)g q(a)ya (Rock having ornament) [Usti-Tuba III, (1)-E-111]⁴

(2) ç(i)gč(/š)i (a title or name of inscription's writer) [Usti-Tuba III, (2) E-113]⁵

(3) t(e)bs(e)i k(e)ç(i)g qutlug keçig (The crossing place of the Tebsei Mountain, and the crossing place having the charisma) [Usti-Tuba III, (3)-E-114]⁶

(4)...t(ä)ngr(i)de qutluy t(e)bs(e)i t(ä)ngri (The God Tebsei that has acquired the the charisma from the Tängri) [Usti-Tuba II, (5)115-E-V]⁷

(5)...t(ä)bsëy k(ä)ç(i)gsän, k(ä)ç(ä)r(i)ng ä! t(ä)ngr(i)m ä! čök ä! y(ä)r(i)m ä! (You are the crossing place of the Tebsei River, Please cross, ah! My God Tängri,ah! Do kneel, ah! My earth ah!)[Usti-Tuba, III, (7), E-116]⁸

(6) qut (Charisma) [Usti-Tuba VII-E-117]⁹

(7) öz (a)pa! uyušī (a)šing! urī (e)niš (i)lma! (a)lp išig(i)n küč(ü)g(i)n b(i)r(i)ng!> [Öz Apa! Walk on a curve and cross! My son, do not descend to ravine and valley! Alp, give your work and your strength (i.e. Give your services)]¹⁰ [Usti-Tuba VII, E-126]

From Old Turkic epitaphs mentined above, the Tepsei Rock Mountain where Old Turkic epitaphs were carved can be regarded as the sacred <crossing place> that the peoples can go into the new road. This can be explained as the special gate into the Sacred Mountain as we know the expression of [sacred crossing place Tebsei], [God Tängri], [My earth]. And to this rock mountain, describers addressed in the second personal pronpun or the second personal possessive suffix. And from the term of <bedizlig qaya> [Rock having the monument (or adornent or pictures)], we can understand that the Kirghiz peoples considered this Rock Mountain as the rock having [ornament or pictures], that is, petroglyphs including the hunting scene by the warriors and several tribal tamgas. Therefore, we can suppose that at that time the Kirghiz peoples had been respect and worshipped the spirit of the crossing place named [Tepsei Tengri] where the petroglyphs had been drawn in the bronze age. So, this monument can be continued until now.

2. New Runic inscription of the Rock Cave Tepsei Mountain

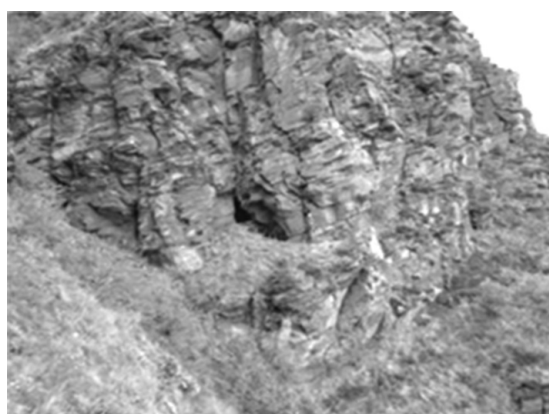
This inscription was firstly discovered by the A. V. Adrianov, however, besides I. L. Kyzlasov there is no researcher investigate this rock inscription. Because it is located in the rock cave of the deep slope of the Rock Tepsei Mountain. On the date of the 4th May 2014, Russian researcher Y. Esin prepared to climb to this cave with the help the Russian alpinist V. Shirnin, and we could succeeded in the research and investigation. As long as we know, this can be first reading of the rock cave inscription.

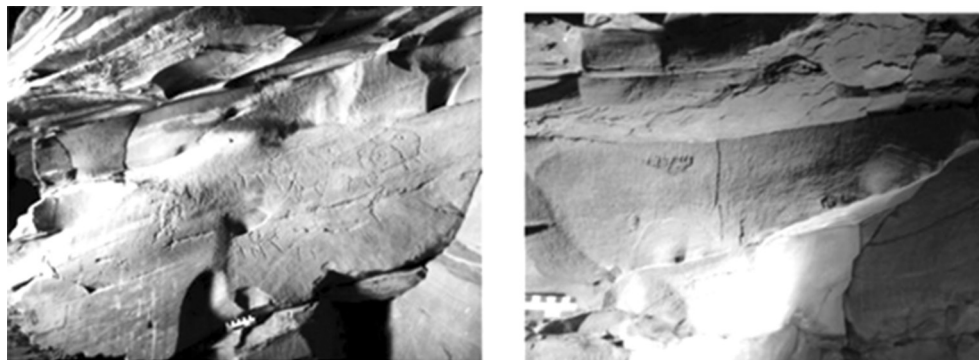
The top of the Tepsei Mountain; Deep slope of the rock mountain (by T. Osawa 2014)

(1) Entrance of the rock cave, (2) The landscape from the cave (by T. Osawa, 2014).

The rock cave from the rocks of the opposite
(by T. Osawa, 2014).

Rock pictures of animals on the board (left) and the rock board carving the runic inscription (right) (by T. Osawa, 2014).

The beginning part of the inscription,
(T. Osawa, 2014).

The left side of the runic inscription (by T.
Osawa, 2014).

This cave is located in the deep slope. By GPS data, the entrance of the cave is recorded as North 53°, 57', 51,2" and East 91°, 32', 57" and 496 m height. We come down ca. 100 m from the top of the Mountain. The entrance of the cave has about 1m width and 1 m height. After entering and the cave and lighting the light inside, unexpectedly we found the space of the depth and height. In the front side, we noticed the rock carving of the several animals on the rock board, and we could observe the ancient Runic inscriptions on the rock board in the height of ca. 2 meter from the ground. There are three lines carved from the right to the left sides and every letter has the size of 8~20 cm height at random.

The middle part of the inscription
(by T. Osawa, 2014).

With the help of V. Shirnin, I took note and photograph the beginning part of the runic script, holding on to the rope hanging from the ceiling. According to my investigating, there are 68 scripts in the first line (from upper side), 55 scripts in the second line, 48 scripts in the third line and 9 scripts in the fourth line. Now I would like to present my reading in the following:

[Transliteration]

- (1) B W ng m : t g : y r m : Y z m : Q Y m a : Q ng m : B R : u č n : b n : t i r g u z B a W L p N i : k u n Y : k u
r u : Y W R I Y R b n :
- (2) b r : k l a g n : b r d m a : Y T a : b n ng T G m a : i D u Q : b n ng : Y z m : Q Y a m : t n g r i k n m ng u k :
- (3) s i z n : s u z l a t i : b : t i y u r b n : W Q G L i : k s i l r m a : s u z l (a) Y W b r d i m
- (4) t n g r i k n i y a

[Transcription]

- (1) bungum : tæg : yerim : yazım : qayam : qangım bar : ücin bän : tirig öz aba olup anı : kün ay : körü :
yoriyur bän :
- (2) bir : kälängü : birdim a : yïta : bäning tayım a : İduq : bäning : yazım : qayam : tängrikänim äcük
- (3) sizing : sözläti : bitiyur bän : okgalı : ksilärim ä : sözlä ayu birdim (4) tängrikän iyä

[Translation]

- (1) My grief, affect me! I have my place, my steppe, my rock and my father, therefore I became Tirig Öz Aba, so looking at him like the sun and the moon, I am walking.
- (2) I gave a bride, ah! What a pity! My Mountain, ah! it is sacred. My steppe, My rock! My Tängrikän (lit. Being like the Tännri-God), what a pity!
- (3) He told about you, I am carving them. To understand, «My wives, ah! Do describe aloud!» I did say.
- (4) May Tängrikän organize!

[Note]

(L1-1) bungum teg: Bung 'grief, sorrow, melancholy'; teg- 'go', and mungumuz takimiz tegip 'because distress or compulsion(?) affected.'¹¹

(L1-2) bän Tirig Öz aba olup: I think that Tirig Öz 'lit. living spirit' and Aba may be personal name because every term can be attested as personal element in the Yenisei inscription (Cf. Kormushin 2002: 306-307). And from the following sentence, he looked at <him> that was diseased like the sun and the moon from the sky, he should have spiritual power. By this, he may be a shaman wandering the Tepsei Rock Mountain in the medieval period. (L2-1) bäning tayım a : İduq : It is interesting that <Tay> 'mountain' is used as the sacred place, not <yış> 'wooded mountain' as often described as the sacred mountain in the Orkhon and Yenisei inscriptions. (L2-2) tängrikänim äcük : <tängrikän> is the rare use in the Yenisei inscription, as long as I can know, such

words of <tängri> can be often used and attested from the Yenisei inscription. But in a case, we can know <tängritegim> in the Kherbiz-Baari, Tuva (E-59) (Kormushin 2002: 146-148). This term can be used in the same sentence and in the line of <qanīm> 'my qan'. Literally it is 'being like Tängri' (Kormushin 2002: 148). But we cannot know what it is. In other case, in Mongolia, this term can be used in the Karabalgasun and according to T. Moriyasu, it has the same meaning of <tängri qan> (Moriyasu & Ochir 1999: 220). In my opinion, I can also assume that this use can be also attested as the Qirghiz Qaghan himself. This term can be identified with one of the fourth line of this inscription and meaning the ruler who dominate this world. And a term <äčük> can be variation of <ačiy> meaning 'ah, alas' (Cf. Kormushin 2002: 253), so this should explain that the dead man feel the sorrow after his spirit departed from his body and fly away to that world.

First, we can think that this inscription can be unique significance from the geographical and historical points of views. As described before, this inscription is located in the rock cave of cliffs of rugged mountain of the Tepsei. From there we can see the vast landscape over the Yenisei River. So very few came here until now. Runic inscription is horizontally carved from the right to left in the three lines on the rock board, and under it, there are rock carving of the deer or mountain goats. According to Y. Esin, these rock carvings can be dated back to the Iron age. But in other case it can be belonged to the early medieval period. So this location can be hidden place since the Iron age. Of course nomad peoples know this cave of highland and may use this cave as the spiritual room.

Secondly what to be cause the attention is that describing the process of the carving the runic inscription from the third line. From here, first this writer talk about the dead in his life time, and then he himself carve his story in the rock board. And then he requests wives of the dead man to read and speak aloud.

In my opinion, in general the diseased cannot tell his life history, so the other person did record the life history in the place of the diseased. It is probable that he may be shaman among the Kirghiz tribes, and he was the believer of the Tengri-God of the Te psei Mountain.

3. Runic Epitaph and Tamgas of the eraly Medieval period on the stone board of the Tagar period in the Poltakov Museum

Stone inscription having many tamga and fragment of runic scripts (by T. Osawa, 2014).

In July 2014, Takashi OSAWA and Yuri Esin visited the Portakov Museum and researched the runic inscription of the stone board of the Tagar period. This is 3,16 meter height, 1,36 meter width and 20~32 cm thin of the stone.

Runic script are vertically carved from the bottom side to the upperside. Every letter has almostly a size of 7~10 cm height and 7 width. The beginning part of the letters are badly conserved, moreover some lines of human being and animals figures are overlapped on the letters. So it is not easy to be identified with runic form. As long as I know, there is no publication of this runic letter until now. So this is the first attempt to read this inscription.

According to Ta k a s h i Osawa, this line can be read as follows:

[i] dmlkiLGLnz[iK] zmitrbz[iK]

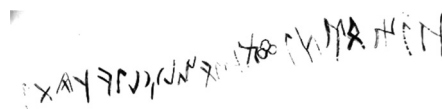
[Transcription] [qī]z b(e)rtim(i)z [qī]z(i)n alyāli k(ä)lm(ä)d[i]

[Translation] We gave a daughter,(but) he didnot come to get a daughter.

As you can understand from photograph,there are about 22 runic scripts carved along the left border of this stone beside many tamgas and gfigures of many human beings and animals on this side. Among them, it is remarkable that in the first sentence we can notice that special ᚱ <m> script is used as well as the normal m<m>. According to the I. L. Kizlasov, this script can be observed in the E56, 41, 15, 68, and 2 of the Yenisei Epitaphs¹². We can see runic scripts on the same place in other stones of the Yenisei basin. From the philological point of view, it seems that this is not Epitaph. In my opinion, this is a historical memory that has a relation with a

Runic inscription carved from the bottom to the upper sides of the left side on the stone board (by T. Osawa, 2014).

Handed copy of runic script from Estampaji of the left side on the stone board (by T. Osawa 2014).

Kirghiz family. It is probable that a victorious tribe has a cline of get a woman from a defeated tribe after the battle, however we cannot be informed on this reason, because of a lack of the letter. As Long as we can, this text can be dated about 9~10 centuries AD. In this stone board, there are many tamgas. We can attested that typical tamga is the same ones of the Yensei Epitaphs, that can be belonged to the early Medieval period.

Conclusion:

In our Joint expedition of 2012, we tried to find new old runic inscription of the Rock Mountains near the Abakan city. And most of the Rock inscriptions can be one of the the Yenisei runic Epitaphs. In general, in the Rock Mountain inscription we can firm the importance of the Tengri-God and Earth-God. The late term can reflect the traditional cult-religious aspects on the basis of the cultivation on the lands of the Yenisei basin as known well from the cultivated civilization befor the invasion of the old Turkic nomad peoples into the Yenisei basin.

And from the text of the Tepsei Rock cave inscryption, we can understand that this was carved on the memory of the Kirghiz people that was died and the local shaman described the diseased life story and he himself carved for the diseased, and he taught this contents of text and request his wives understand and tell his life story to the desendents. And from the location, the rock cave on the deep slope of the Mountains is the hidden place that cannot be easy to access, so this cave can be considered as the sacred place.

And the stone inscription of the Portakov museum can be one of the fragments, and it is so short part that we cannot reconstruct the all scripts. But we can understand at least that runic inscription tells a part of the traditional custom or the contacts among the local nomad peoples near the Askiz region. So we can say that this is one of the important data to reconstruct the social and cultural relationships.

References

1. VASILYEV D. D. Korpus Tyurkskih Runičeskih Pamyatnikov Basseyna Yeniseya. Leningrad, 1983. P.122.
2. Osawa T. (2003). Aspects of the cult and culture of Tengri upon the ancient Turkic inscriptions of the Yenisei Basin, Tengri Ordo Foundation, The 1st International Scientific Conference <Tangrianity is the worldview of the Altaic people>, 10-13th November 2003, (Collection of papers in Russian and English languages), Abstract, Beshkek. Pp. 15-50.
3. Mémoires de la Mission Archéologique Francaise en Asie Centrale, Tome V. 2: Répertoire des Pétroglyphes D'Asie Centrale, Fascicule No.2: Sibérie du Sud 2 : Tepsej I-III, Ust'-Tuba I-VI (Russie, Khakassie) par N. Blednova et al, 1995, Paris. P. 6, plate 48.
4. VASILYEV D. D. Ref. work. P. 43.
5. Ibid. – R. 44.
6. Ibid. – R. 44.
7. Ibid. – R. 44.
8. Ibid. – R. 44.
9. Ibid. – R. 44.
10. Ibid. – R. 44.
11. CLAUSON, G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. P. 374a.
12. KUBAREV, V. D & JACOBSON, E. Répertoire des Peetroglyphes D'Asie Centrale, Fascicule No.: SIBERIE Du Sud 3: Kalbak-Tash I (République de L'Altai), Paris, 1996. Table 26.

Е. В. Самрина

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС В ХАКАССКО-МИНУСИНСКОМ КРАЕ В XVII–XVIII ВВ.

В статье анализируются основные факторы хозяйственно-культурного кризиса в Хакасско-Минусинском крае в XVII–XVIII вв. Среди них автор выделяет выплату населением большого размера ясака и албана. Они стали непомерной нагрузкой для коренного населения, вследствие чего происходит разрушение традиционного комплексного хозяйства и сосредоточенность на охотничьем промысле.

The paper analyzes the main factors of economic and cultural crisis in Khakassk-Minusinsk region in XVII-XVIII centuries. Among them, the author identifies the payment of large yasak and alban. They became excessive burden for the indigenous population, because this is the destruction of the comprehensive traditional economy and focus on hunting.

Выплата ясака и албана коренным населением Хакасско-Минусинского края (ХМК) привела к разрушению многокомпонентной системы жизнеобеспечения и переориентации ее на охотничий промысел, свертыванию остальных видов хозяйственной деятельности. Охота становится одним из ведущих отраслей традиционного хозяйства. Пушным промыслом было занято почти все мужское, отчасти даже женское население. Многокомпонентная система жизнеобеспечения с органическим сочетанием присваивающих видов экономики (рыболовство, охота и собирательство) и производящих ее отраслей (земледелие, скотоводство) постепенно исчезает. Традиционный комплекс жизнеобеспечения приобретает черты узкоспециализированного хозяйства, уязвимого перед природными катаклизмами и внешними факторами. По мнению Л. П. Шерстовой, привычная выплата ясака на протяжении столетий трансформировала весь облик социума коренных этносов¹.

Традиционно в системе жизнеобеспечения племен, населявших лесные и лесостепные районы ХМК, охота занимала значительное место, но на животных мясной направленности (косули, олени, лоси, маралы), служивших для удовлетворения витальных потребностей человека. Ресурсы позволяли использовать охоту в качестве важного дополнительного, а не основного источника пищи. Пушная ориентация промысла меняет структуру охотничьего хозяйства. Ведущим направлением становится охота на зверей с ценным мехом, которым вносили ясак, но не удовлетворялись жизненные потребности.

Описывая кайдынцев Яринской земли Красноярского уезда, Е. Пестерев в 1773 г. писал, что по длительности охотничий промысел продолжался более восьми месяцев в году и охотились они два раза в год в верховьях Кезира, Имды. Во время осенне-зимней охоты поднимались на лодках, а возвращались пешком и часто добывали соболей плохого качества. Зимне-весенняя охота начиналась в феврале, а заканчивалась только в мае месяце. Для переходов использовали лыжи, а возвращались на берестяных лодках, которые оставлялись еще в предыдущий сезон. Во время этой охоты добывали большей частью соболей, приносили лосей и оленей. По мнению Пестерева, прежде это была богатейшая земля Красноярского уезда, но, наряду с другими факторами, оспа обезлюдилла эти территории².

Койбалы охотились три раза в год, и по длительности этот процесс занимал около полугода. «Первый раз отправлялись в октябре и возвращались в половине ноября. В декабре опять уходят и возвращаются в конце января. В последний раз отправляются в марте, а назад приходят в первых числах мая. Многие, однако же, всю зиму проводят в тайге, питаясь одним мясом добытых зверей: татары не гнушаются ни белкою, ни лисицею». В основном шел промысел белки, а соболь считался большой удачей. «Здесьние соболи хотя и велики, но желтоваты и считаются в торговле последними. Татары добывают в зиму до 1,000 соболей, промышляя одним ружьем. В прежние времена водились по речкам бобры речные... Белки бьют в зиму до 50,000 штук ... промышляют ружьем и плашкою»³.

Охота на дальние расстояния была изнурительной. Исследователи описывают специальную диету для восстановления сил. Речь идет про кашу из кедровых орехов с высокой питательной ценностью. «Бывает иногда, что татарин приходит домой с охоты на соболя таким исхудавшим от голода, что от него остаются кожа и кости. Однако за 6-8 дней ореховая каша возвращает его к нормальному состоянию. Такие люди должны не спать первые 2 или 3 ночи и только заниматься этим питательным кушаньем, иначе, по их мнению, они могут сильно заболеть или умереть»⁴.

Наиболее оптимальной зоной для охотничьей деятельности, не наносящей ущерб традиционному хозяйственному комплексу, является территория в радиусе двух часов ходьбы. В связи с перепромыслом соболя и ее исчезновением в близлежащих местностях охотники в поисках зверя уходили на дальние расстояния. «Койбалы ходят за соболями в верховья Ои и Тубы и на дикие белки (Ташкыл, или по-маторски – Бейга)»⁵. По данным Кострова, койбалы «охотились в тайгах, покрывающих верховья Амыла, Кизира, Ои и отроги Саянского хребта»⁶. А. П. Степанов добавляет к этим местностям – Акули и Кан, где койбалы охотились с «Канскими ордами»⁷. В описываемое время койбалы обитали уже на левобережье Енисея, на территории своего современного расселения близ Койбальской степи. А охотничьи угодья их находились на правобережье, в сотне километрах от мест обитания.

По свидетельству Палласа, другая этническая группа – бирюсинцы (Каргинское, Кобынское и Каинское рода) жили по р. Таштып, левобережье Енисея. А охотились также на правобережье, в Красноярском уезде. По данным Палласа, в местах обитания бирюсинцев «соболиный промысел плохой, то, чтобы заплатить ясак, они идут охотиться в глухие места, по ту сторону Енисея в Красноярский уезд». Правобережье Енисея исконно были охотничьими угодьями койбалов, и поэтому они отстаивали свои права на эти территории. Происходили конфликты между ними, койбалы отнимали у них добытую пушнину, и бирюсинцы часто возвращались домой с большими убытками⁸.

Бирюсинцы, обитавшие «между лесистыми северо-восточными отраслями Алтайского хребта, в верховьях рек, текущих в Абакан и Мрасу», и верховьях рек Мрасы и Кондомы, отличались крайней бедностью. Основная деятельность их была связана с охотой. «Нужды их весьма ограничены: растения, называемые сарана и кандык, составляют главнейшее их пропитание. Некоторые же, однако, сеют ячмень, но в малом количестве». Бирюсинцы Томи, жившие бок о бок с русскими крестьянами, в образе жизни и хозяйственной деятельности стали походить на них, но пушная охота занимала значительную часть из-за ясачной политики государства⁹.

Общую промысловую территорию с койбалами по рекам Кизиру, Казыру, Амылу и Ое имели этнические группы Яринской земли, так называемые «яринские татары». Они считали эти земли исконно своими, где запрещали охотиться другим родам без своего разрешения, даваемого ими лишь на определенных условиях¹⁰.

За право охоты на богатых соболиным ресурсом территориях по р. Тубе и на его притоках Амыле, Казыре, Кизире и Ои соперничали многие этнические группы. Основные охотничьи угодья населения верховий Аскиза находились на притоках Тубы, где водились лучшие соболи. «Сюда не только в XVII и XVIII в., но и в последние десятилетия XIX в. уходили на охотничий промысел не только жители прилегающей полосы, но и инородцы левой стороны Енисея (койбалы) и даже верховий левых притоков Абакана, Таштыпа, Еси и Аскыза»¹¹. Еще в середине XIX в. на Амыле, Казыре и Кизире охотились койбалы и другие этнические группы¹².

Ощущается не только нехватка промысловых территорий, происходит истощение биологических ресурсов тайги. Соболиный ресурс был исчерпан довольно быстро. Хищническое истребление пушных зверей привело к тому, что еще в 1657 г. одна из этнических групп современных хакасов – качинцы, проживавшие тогда около Красноярска, жаловались, что перестали водиться соболи, которыми они уплачивали ясак, и им приходится проходить дальние расстояния в поисках пушных зверьков. Животные мясного направления, удовлетворявшие витальные пищевые потребности, также исчезли с их земли¹³.

Хотя соболь еще собирался в больших размерах, но судя по ясачным книгам, идет сокращение его популяции. Структура ясачных выплат начинает меняться. Вместо соболиных шкурок в ясачный сбор идут шкурки менее ценных зверей – белки, горноста, лисы, выдры, лосей, оленей и т. д. В ясачных книгах присутствуют и предметы домашнего обихода (железные таганы), орудия труда, одежда¹⁴.

Об истощении биологического ресурса свидетельствуют данные В. Г. Карцова о том, что во второй половине XVIII в. население платило ясак в основном деньгами. Например, население Кузнецкого уезда вносили ясачную подать не пушниной, а деньгами, доля которой составляла значительную часть от 72 до 96 % всей ясачной суммы. Перепромысел пушных зверей, по его мнению, привел к полному оскудению государственной пушной казны, в первую очередь по наиболее заселявшимся южным районам Сибири. По всей Колыванской губернии поступило в казну за 1794 г. всего лишь 78 соболей, 79 лисиц, 28 горностаев и т. п.¹⁵

К середине XIX в. исчерпали свой ресурс самые богатые районы притоки р. Тубы, славившиеся качественными соболями¹⁶. Перепромысел ценных видов зверей приводит к сокращению пушнины, которая шла на вывоз в обмен на необходимые фабриканты. В связи с тем, что русские промышленники активно стали принимать участие не только в пушной торговле, но и в поставке скота в остроги, аборигенное население начинает терять и этот рынок. И, как отмечает Н. Н. Козьмин, в кыргызской земле хозяйственный кризис принимал острые формы¹⁷. В связи с тем, что русские стали промышленлять пушнину, стали сокращаться охотничьи районы и возрастать конкуренция между русскими и коренными народами с одной стороны и между этническими группами коренного населения с другой стороны.

По данным А. А. Ярилова, жалобы на исчезновение зверей, необходимых для сдачи ясака, продолжались и в 30–60-х гг. XIX в. В связи с большим потоком мигрантов из регионов России в ХМК коренное население «жалуется на участвовавшие случаи пожара, который очень губителен для тайги и зверя, на опасность проживания с людьми «испорченной нравственности» и увеличения междоусобной гонимости из-за увеличившихся командировочных людей»¹⁸.

Усугубил деструктивные процессы запрет русской администрацией на поставку железа кыргызам. Они получали кузнечные изделия из Каннского, Кузнецкого и Енисейского уездов¹⁹. Изделия кузнечных мастеров обменивались кыштымами на продукты питания и предметы первой необходимости. Местное население и кыргызы широко использовали железные изделия, которые производились населением Кондомы и Мрасы, большим спросом пользовалось кованое оружие. Царские правители из-за боязни вооружения кыргызов решительно пресекали производство как утвари, так

и непосредственно оружия еще в XVII в. Никакие жалобы кузнецов, писавших в челобитных, что этим «де мы ясачные люди и живем» этим ремеслом, не помогали²⁰. Запрет соблюдался строжайше. Неоднократно документально зафиксированные заявления кыргызов о том, что кыштымы «пришли де к нам кормиться», вероятно, свидетельствуют о том, что последние приходили в улусы кыргызов в трудные годы бескормицы, и основным расчетным материалом между ними служил металл.

Известно, что в XVII в. отдельные группы шорцев с Мрассы и Кондомы переселились в бассейн Енисея к киргизам и тубинцам. Кузнецкий воевода писал об этом царю в 1643 г., жалуюсь на побег ясачных шорцев, и сообщал, что он потребовал от кыргызов отослать мрасских и кондомских ясачных людей «на Мрассу и на Кондому, на старые их кочевья». Однако воевода получил отрицательный ответ, о чем сообщал царю: «А киргизские де князцы Талай да Томак тех нашел мрасских и кондомских ясачных людей от себя из киргиз не отпустили, а сказали кузнецким служилым людям, что мрасские и кондомские ясачные люди кыштымы их киргизские, а пришли де к ним кормиться»²¹.

С другой стороны, коэффициент времени, затрачивающийся в основном на охоту, не позволял аборигенному населению активно заниматься этим ремеслом. По мнению Л. И. Шерстовой, промыслово-пушная переориентация ясачных наносила смертельный удар местному горному делу и металлургическому ремеслу, а через это – всей издревле сложившейся системе обменно-торговых связей, скажем, обмену железных изделий и утвари на ту же пушнину²². Высокое качество выплавлявшегося абинцами железа, часто превосходившего русские образцы по всем параметрам, отмечали русские служилые в начале XVII в. В то же время они постоянно жаловались на плохое качество и скудость пушнины у этой этнической группы²³. В той или иной мере товарная продукция (прежде всего металлургии и охоты) всегда использовалась для того, чтобы сбалансировать отрасли традиционного присваивающе-производящего хозяйства.

Открытие железоделательных заводов на Енисее довершило вырождение древнего мастерства. Монополия государства на металлургическое производство привела к тому, что кыштымы перестали заниматься этим ремеслом, которым они не только платили албан. Железо было товарным продуктом, который шел на обмен продуктов питания.

Черты деградации традиционной системы жизнеобеспечения стали проявляться еще в 20-х гг. XVII в., когда многие этнические группы подвергались полному разорению или служилыми, или самими кыргызами, как в случае с котами Каннского уезда, которых разграбил тубинский князь Коян. После разграбления у них не осталось даже лопаток для копания сараны. Трагичность утраты лопаток была связана с тем, что корни определённых растений (кандык, сарана) служили важным источником пропитания, и утрата орудий труда грозила обернуться бедствием для котов.

В ясачных волостях стали часто фиксироваться случаи гибели людей от голода. Катастрофическая нехватка продовольствия среди коренного населения описывается историческими документами на протяжении всего XVII в., а особенно часто во второй половине XVII в.

Начинают раздаваться жалобы, что «в лесах и зверях, а также в реке рыбы пред прежними годами стало малое число», сообщается, что «многие иноземцы с голоду помирают»²⁴. О значительных масштабах нехватки продовольствия говорит тот факт, что умирали от голода не только рядовые ясачники, но и главы волостей. Например, в 1681 г. глава Большой Байгульской волости Кырыскула Пыжин умер от голода, как и многие другие плательщики ясака Томского уезда²⁵.

Отмечалось уменьшение ясачного населения в Мелесской и Чулымской волостях, и как сообщал воевода: «В воде рыбы талой нет и в лесу зверя мало и ясачные з голоду померли»²⁶.

В 1634 г. население Ачинской волости попало в бедственное положение. Отсутствие необходимых продуктов питания, одежды и охотничьего снаряжения не позволило им отправиться на промысел и добыть пушнину для сдачи ясака²⁷. Подобных примеров полного обнищания и разорения отдельных семей, волостей было много, и оно уже не являлось беспрецедентным случаем, а скорее нормой.

Принуждение к перепромыслу пушнины вело к подрыву самой основы аборигенного существования. В 1657–1958 гг. в Канской и Камасинской земле «за хлебной скудностью» ясачные люди «зиму всю пролежали с голоду», а многие «померли голодной смертью»²⁸.

Тяжелое положение коренных жителей, в котором они оказались из-за проводившейся ясачной политики, функционирования системы многоданничества и усугубленное, скорее всего, природными катаклизмами, привело к тому, что в конце XVII в. фиксируются случаи каннибализма. «В Киргизах, и в Саянах, и в Алтырах, и у калмыцких тайшей голоды великие, и от голоду многие люди померли, и друг друга побивают, и меж де собою человеческие тела едят»²⁹.

С. В. Бахрушин отмечал, что «в 1680-х годах правительство было озабочено вымиранием туземцев от частых голодовок, и оттого де... великих государей казне и мягкой рухляди бывают недоборы

многие». Для борьбы с этим злом было предписано послать из Енисейска в Красноярск 200 четьей ржаной муки для снабжения голодающего туземного населения. Это была первая мысль о будущих хлебных магазинах³⁰. В конце XVII в. государство начинает поставлять продовольствие ясачным народам Сибири ввиду их бедственного положения³¹. В то же время «облегчение» жизни через систему хлебных завозов и создание т. н. «хлебных магазинов» способствовало резкому упадку и свертыванию традиционного для Южной Сибири земледелия.

Спустя сто лет Георги уже не упоминает о высоком уровне металлургического ремесла, которым когда-то славились в XVII в. абинцы. Он рисует совершенно иную картину, подчеркивая главенствующее значение охотничьего промысла, «звериная ловля есть главное их дело». «Промыслы состоят в скотоводстве, звериной ловле, плавлении железа и землепашестве... землепашество незнатное, мало кто в нем упражняется, и пашни таковых земледельцев едва могут величиной сравниться с знатными огородами... Скотоводство их во всем подобно телеутскому, но еще менее оно»³².

Георги зафиксировал 14 волостей и 2549 плательщиков ясака и приводит сведения о бедности многих этнических групп. По его данным, нищими были как рядовые чулымцы конца XVII в., так и князцы. Среди чулымцев «ведутся еще дворянские и княжеские семейства или поколения, из коих волости избирают себе начальников, но которые при всем том в рассуждении жилищ, одеяния и проч. столь же бедны, как и самые последние в сем народе люди»³³. У чулымцев постепенно меняется традиционный хозяйственный комплекс. Они стали переходить на оседлость, и «чем ближе деревни к российским селениям, тем больше уподобляются они в рассуждении жилищ и жития россиянам. Большая половина мужчин разумеют также и по-русски»³⁴.

Крайней бедностью отличались моторы, родственная койбалам этническая группа. Они обитали в верховье р. Каратуса, впадающей в Тубу. По данным Спасского, «улус их в 1808 году составляли только 20 берестяных юрт». Он отмечает, что самодийскоязычные моторы уже не знали своего языка и большая часть разговаривала на тюркском. И как он подмечает: «Вместе с чужим языком вкрадываются чуждые нравы и исчезает самостоятельность народной»³⁵.

Еще ранее бедственное положение моторов отметил Пестерев: «Скота у них как рогатого, так и лошадей весьма мало, и живут в крайней бедности». Но сами моторы «уже по застарелой привычке отзываются своим состоянием довольны». Они покупали муку и крупу у крестьян, но дома их почти не употребляли. Они были нужнее охотникам в тайге, и поэтому продукты «уносят для пищи на промыслы»³⁶.

Таким образом, выплата ясака Русскому государству и албана Кыргызским улусам становятся непомерной нагрузкой для коренного населения, вследствие чего происходит разрушение традиционного комплексного хозяйства и сосредоточенность на охотничьем промысле, нехватка продовольствия в условиях ведения традиционного хозяйства, объёмное исчерпание биологических ресурсов и неоднократно зафиксированные случаи гибели людей из-за голода и факты канибализма.

Примечания

1. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск, 2005. – С. 97.
2. Пестерев Е. Примечания о прикосновенных около китайской границы жителях, как российских ясачных татар, так и китайских мунгалах и сойотах, деланные Егором Пестеревым с 1772 по 1781 год... // Новые ежемесячные сочинения. – СПб., 1793. Ч. 79. – С. 59–82.
3. Щукин Н. С. Народы турского языка, обитающие в Южной Сибири // ЖМВД. – 1847. – Кн. 6. – С. 255–284.
4. Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан, 1957. – С. 189.
5. Риттер Карл. Землеведение Азии. Т. III. – СПб., 1860. – С. 505, 535.
6. Костров Н. А. Качинские татары. – Казань, 1852. – С. 38.
7. Енисейская губерния. Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности. – СПб., 1903. Т. I. – С. 204.
8. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. III, первая половина. 1772 и 1773 годов / Перевел Василий Зуев. – СПб., 1788. – С. 362.
9. ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 2–7. Г. И. Спасский. Народы татарского племени.
10. Потапов Л. П. Указ. соч. – С. 93.
11. Козьмин Н. Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренак. Д. А. Клеменц. Сост. Чертыков В. К., Угдыжков С. А. – Абакан, 2010. – С. 52, 65.
12. Копкоев К. Г. Присоединение Хакасии к России. Дисс... канд. ист. наук. – Абакан, 1965. – С. 279.
13. Потапов Л. П. Указ. соч. – С. 189.
14. РГАДА. Ф. 214. Д. 5. Стб. 978. Л. 3 об.

15. Карцов В. Г. Хакасия в период разложения феодализма. XVIII – первая половина XIX в. – Абакан, 1970. – С. 79.
16. Козьмин Н. Н. Указ. соч. – С. 65.
17. Там же. С. 93.
18. Ярилов А. А. Мелецкие инородцы. – Юрьев, 1899. – С. 110–111.
19. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. II. – М., 2000. – С. 417; Памятники сибирской истории XVIII века. 1700–1713 гг. Кн. 1. – СПб., 1882. – № 36.
20. Потапов Л. П. Указ. соч. – С. 20.
21. Исторические акты XVII столетия (1633–1699). Материалы по истории Сибири. Собрал и издал Инн. Кузнецов. – Томск, 1890. – С. 8.
22. Шерстова Л. И. Указ. соч. – С. 95.
23. Кашин В. И. Железодельная промышленность Кузнецкого края в XVII–XVIII вв. // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1934. № 9–10. – С. 82–84.
24. Памятники Сибирской истории XVIII века. 1700–1713 гг. Кн. 1. – СПб., 1882. № 1; Исторические акты XVII столетия (1633–1699). Материалы по истории Сибири. Собрал и издал Инн. Кузнецов. – Томск, 1890. № 4.
25. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М., 1960. – С. 101.
26. Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Тр. Томск. гос. ун-т. Сер. ист.-филол. Т. 112. – 1950. – С. 100.
27. Там же. С. 87.
28. Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. // С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. IV. – М., 1959. – С. 33.
29. Копкоев К. Г. Указ. соч.
30. Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 57.
31. Там же. – С. 50.
32. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Часть вторая о народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. – СПб., 1799. – С. 163.
33. Там же. – С. 104.
34. Там же. – С. 144–148.
35. ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 6-6 об. Г. И. Спасский. Народы чудского племени, остающиеся в Сибири.
36. Пестерев Е. Указ. соч. – С. 71–72.

Е. В. Леонтьев

БЫТ КРЕСТЬЯН-СТАРОЖИЛОВ МИНУСИНСКОГО ОКРУГА СЕРЕДИНЫ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ШУШЕНСКОГО ВОЛОСТНОГО ПРАВЛЕНИЯ)

В статье представлен анализ состава населения Шушенской волости Минусинского округа в середине XIX в. Описывается быт, хозяйство, одежда, пища и напитки, нравы, праздники и досуг, воспитание детей, медицина и здоровье крестьян Шушенской волости. Статья подготовлена по материалам фонда Шушенского волостного правления архива г. Минусинска.

In the article there is an analysis of population composition of Shushenskoye volost of the Minusinsk district in the middle of XIX century. Household, farming, clothes, food and drinks, morals, holidays and leisure, child-rearing, medicine and health of peasants in Shushenskoye volost are described. The article is prepared on materials of a fund of Shushenskoye volost archive government in Minusinsk.

Архивные источники по традиционной культуре и быту русского населения Сибири довольно скудны. Информацию обычно приходится по крупицам собирать в документах разного происхождения, включая волостное дело, производство, ведомости священников, метрические книги, переписку и распоряжения чиновников и т. д. Почти в каждом из них может оказаться важное для этнографа свидетельство, и всегда, как правило, оно бывает косвенным и лаконичным. В этой связи показалось оправданным опубликовать выдержки из материала, представляющего непосредственное описание быта крестьян Минусинского округа середины XIX в. Данный материал хранится в фонде Шушенского волостного правления архива г. Минусинск¹. Он был составлен в 1854 г. по программе, авторами которой, очевидно, являлись сотрудники Сибирского отдела ИРГО. Источник не в равной мере освеща-

ет разные стороны жизни крестьян того времени. Учитывая ограниченный объем публикации, в нем были отобраны лишь отдельные наиболее интересные, на наш взгляд, сюжеты.

В начале 1850-х гг. население Шушенской волости (всего 10,5 тыс. чел. обоюбого пола) было неоднородным по своему составу. Кроме старожилов и ссыльных², оно включало в себя также значительное количество «киселевских» переселенцев из Вятской губернии, успевших основать к тому времени здесь несколько новых деревень (Мигну, Средне-Шушенскую, Верхне-Кебежскую, Субботину, Кривую)³. Сведения представляемого источника касаются старожилов данной территории, предки которых – преимущественно выходцы из служилого сословия – заселили ее во второй половине предыдущего столетия.

Поселения и жилища.

По Шушенской волости деревень – 26⁴: в том числе имеющих более 50 домов – 11, менее 50-ти – 14, менее 10-ти – 1. Селений, расположенных правильно вдоль дороги, 16, в стороне – 10⁵.

Быт здешних жителей в сравнении прошедших тому 10-ти лет, видимо, улучшается во всех его отношениях, ибо во всех селениях устроены дома по плану и строения при них ... в своих местах надлежащих. Во дворах и домах везде соблюдается чистота и опрятность, даже бани у многих устроены белые, домов же черных, так называемых изб без труб, нигде не имеется⁶. Общая величина изб до 8 аршин, сараев до 10, скотных дворов – 20, амбаров до 7 аршин⁷.

Хозяйство и благосостояние.

Крестьяне Шушенской волости преимущественно занимаются хлебопашеством, а некоторые из них в свободное от полевых работ время зверопромышленностью, рыбной ловлей и самые (зажиточные?) торговлей, искусства (ремесел) никакого не имеют⁸. (Хлебопашество) считается у жителей единственным источником их благосостояния. Имея (возможность) к сбыту хлебных запасов и скота на золотые промыслы, каждый старается размножить хлебопашество и скотоводство в особенности в те годы, когда усматривают повышение на сии предметы цен⁹. Многие из крестьян имеют мукомольные мельницы, заведения для выделки кож, табуны лошадей и изобильные стада рогатого скота, овец и домашних птиц. Трудолюбие их всегда ... изобилует хлебом, и каждый (имеет) хлеба для всех домашних нужд и на продажу¹⁰. Жители сеют лен и коноплю ... для домашнего обихода, в продаже (их) не имеется¹¹.

...жители стараются развести скотоводство с той целью, что в случае неурожая хлеба можно (было) продать излишнюю скотину для покупки чего, необходимых домашних издержек и на уплату государственных податей. Лучшая порода лошадей и рогатого скота в волости имеется в деревне Иудиной и селе Бейском. Овцеводство у жителей простое, и особенного замечания в развитии не предвидится¹².

Звериный промысел (ведется в основном) на сохатых, маралов, коз диких, которых мясо употребляют в пищу, а кожи выделываются на шаровары, рукавицы, тулупы. Пушного зверя весьма мало добывают¹³.

По ведомству Шушенской волости ярмарок и торгов не имеется...¹⁴ Крестьянские произведения, в том числе зверя и рыбу сбывают на волостном торгу в городе Минусинске и приезжим торговцам. Сбыт в частные руки хлеба, овса, мяса, рыбы, разных крестьянских изделий до 10 495 руб. серебром. Доставка хлеба на прииски, находящиеся в Минусинском округе, производится в зимнее время лошадьми, а в Енисейском водным сплавом¹⁵.

...предметы сбыта приезжих торговцев в волости – сукна, ... красный товар, галантерейные вещи, колониальные товары, вина, фарфоровая, фаянсовая и стеклянная посуда, железо, красных металлов изделия, выделанные кожевенные изделия¹⁶.

Одежда.

В рабочие дни жители этой волости не соблюдают опрятности, а носят рубахи и портки из толстого холста, (ходят) в полушубках из простых овчин, однорядках крестьянского сукна. На ногах кожаные бродни или чирки, на голове шапка, а летом старый картуз или поношенная белая шляпа. В праздничные надевают ситцевую или холстинковую рубаху, плисовые или нанковые шаровары, кожаные кунгурские сапоги, кашемировый или ситцевый халат, кушак бумажный или гарусный, а на некоторых есть и шелковые, картуз или нижегородскую черную шляпу, на руках зеленые перчатки.

Одежда стариков: рубаха и порты белые из тонкого холста, однорядки новые крестьянского сукна, на ногах сагиры или сапоги, на голове шляпа, на руках черные рукавицы. Женский пол, старухи (ходят) в белых тонкого холста рубахах, ситцевых юбках и душегрейках, на голове бумажный платок, а на

некоторых и шелковый. В таковой же одежде ходят женщины и средних лет, а зажиточные носят ситцевые и шелковые платья, на голове шелковая косынка, на шее ... или шелковая шаль, на ногах белые чулки и московские башмаки, в ушах серебряные серьги. Девушки в каждом селении ходят все в платьях и во всем своими уборами не уступают городским, и имеют некоторые салоны¹⁷.

Пища и напитки.

Употребляют пищу: ржаной и пшеничный хлеб, ячменную крупу, мясо скотское, баранье, свиное, диких коз, сохатых, маралов, птиц боровых, куриц, гусей, диких уток, тетеревов, рябчиков и глухарей; молоко, творог, масло коровье, рыбу: таймень, линок, хариус, елец, карась, щука, окунь; ягоды: черемуха, смородина, брусника, голубика; огородные овощи: капуста, огурцы, картофель, лук, редиска, свекла, морковь, брюква и репа¹⁸.

Хлеб здесь вообще пекут без всякой примеси, чистый. Для этого мука сеется частым ситом. Пьют во время праздников простое хлебное вино. Небольшой частью у зажиточных крестьян имеется для угощения красное виноградное вино, а большей частью употребляется домашнее пиво¹⁹.

Нравы.

Жители Шушенской волости вообще сребролюбивы, хвастливы и чрезмерно скупые. Вспыльчивого характера и скоро укрощаются, охотливы к трудам сельским и к промыслам рыбы и зверя²⁰.

...В случае надобности в деньгах (хозяин дешево продавать свои продукты не станет), а прибегает к другим средствам. Зная человека, довольно имеющего денег, приглашает его к себе в дом, угощает пивом и вином, сделав его довольно веселым, выпрашивает у него для своей надобности денег. Впоследствии обращает ему деньги без всяких процентов, и так делается у каждого²¹.

Вероисповедание жителей.

(Среди жителей волости) православного вероисповедания 9724 чел.:

римско-католического – 202, лютеран – 36, евреев – 11, магометан – 7, молокан – 168, субботников – 300, духов – 4, кочевых инородцев – 14²². Старообрядцев и раскольников по ведомству этой волости не имеется.

Праздники и досуг

Празднества бывают по селениям сей волости в день Богоявления Господня, Святых Апостолов Петра и Павла, Николая Чудотворца, Введения в храм Пресвятой Богородицы, Троицын день, на девятую после Пасхи пятницу, Покров Пресвятой Богородицы, Святого Архангела Михаила, день Иконы Казанской Божьей матери, Вознесения Господня, Георгия Победоносца, Святого пророка Илии, Димитрия Мироточивого главы, Знамения Пресвятой Богородицы, Спасов день. На эти праздники съезжаются из одного в другое селения для взаимного угощения²³. ...ходят из одного дома в другой и угощаются и поют песни, и эти празднования продолжаются до 3–4 дней. В это время окончат все приготовленное к празднику из съестных припасов и из питья. При этих праздниках обходятся между собой дружелюбно и мирно, без ссор и драк. Окончив празднество, каждый принимается за работу. ...Во время святок, начинающихся с нового года, т. е. с 1-го по 7-е января, проводят дни в трудах, вечером занимаются игрою, ходя по улицам с балалайками и гармониями, поют святочные песни. Впоследствии расходятся по разным домам и там угощаются, поют песни, рассказывают сказки, побасенки, пословицы, делают загадки, в виде цыган, евреев и татар некоторые замаскировываются, ходят по улицам и домам, поют песни и пляшут²⁴.

В свободное от полевых и домашних работ время занимаются разными забавами, малолетние – бабками, мячом и другими детскими играми; взрослые свайкой, мячом, городками, для чего напильвают из жердей чурочки длиной не более одной четверти, которые потом очертят и сбивают палками. Имеют пожилые люди привычку выходить на улицу и садиться на наставленные при воротах лавки, занимаются разными разговорами...²⁵

Воспитание детей.

...всякий из старожил, имея у себя детей, печется об их благосостоянии, всеми мерами старается приучить их к трудолюбию по крестьянским занятиям, мужского пола детей, достигших 9-летнего возраста, начинают приучать к земледелию. Обучение крестьянских детей российской грамоте и письму против прошедших годов умножается²⁶.

Здоровье и медицина.

Жители Шушенской волости большей частью телосложения крепкого и здорового... во время болезни никогда не принимают они лекарей и не согласны принимать лекарственные медикаменты.

Всякой больной считает их вредными. Заговор старика или старухи на чем бы то ни было и давание ими травы больным... признают верным средством к излечению. Некоторые вместе наговора ... моют малолетних детей изо рта водой, склонив (ребенку) голову наискосок печи, другие ... (берут) с полки ложки, моют их в чашках и этой водой умывают у детей лицо и голову, отчего они утихают и спят спокойные. Урочных же ребят избавляют матери от уроков следующим: кладут детей вниз между ног, потирая (ребенку) руки, ноги, голову, приговаривают: «Будь ты, милое дитя, чист от всех поветрий и худых глаз». После этого оглаживают ребенка личико, и с того уроки прекращаются²⁷.

Кроме представленной информации, рассматриваемый источник содержит также некоторые сведения о духовной культуре жителей волости; в том числе сказки, песни, приметы. Специальный анализ изложенного не являлся задачей настоящей публикации. Заметим лишь, что в целом перед нами вырисовывается весьма благополучная картина быта населения, неплохо знакомого с благами городской цивилизации. Важную роль в этом, конечно, играла процветавшая тогда добыча золота на Енисее²⁸. И все же нельзя забывать, что описание рассказывает о «глухом», малонаселенном крае²⁹, удаленном на тысячи верст от Европейской России, в период, когда пароход и железная дорога воспринимались еще обывателями в качестве заграничных диковин. В документе бросаются в глаза указания на столь характерные для крестьянской традиции черты, как отрицание медицины или обычай съезжих праздников. Причем последние, выполняя в это время, безусловно, значимую функцию в жизни крестьян (функцию общения, поддержания единства внутри волостных «миров»), заслуживают еще отдельного внимания исследователей.

Надеемся, представленный материал будет полезным для изучения повседневности и быта старожилов Хакасско-Минусинского края.

Приложение

Список населенных мест Шушенской волости в 1854 г.³⁰

На берегу Енисея:

село Шушенское, деревни Лугавская, Каменка, Коя, Оя, Каптырева, Очурская, Шунерская, Саянская (бывший острог), Означенная.

По правым притокам Енисея:

деревни Чихачева, Суэтук, Дубенская, Ермаковская, Казанцева, Козлова, Жеблахты.

Между Енисеем и Абаканом:

село Бейское, деревни Иудина, Табатская (казачий форпост), Кальская, Сабинская.

По Абакану и притокам:

село Аскизское, деревни Монокская, Таштыпская (станция) и Арбатская (станция).

Кроме того, вновь заведенные в 1852–1853 гг. деревни переселенцев из Европейской России: Кривая (бывшая старожильская заимка на Енисее), Субботина и Средне-Шушенская на р. Шушь, Мигна, Верхний Кебезь и Верхний Суэтук (колония поселенцев-лютеран) на притоках р. Оя.

Примечания

1. Минусинский городской архив (МГА). Ф. 42. Оп. 1. Ед. хр. 688.
2. Кроме бывших крепостных, в их числе были также польские повстанцы и сектанты – «субботники» и молокане. Последние проживали с 1830-х гг. в основанной ими деревне Иудиной (Обетованной). Некоторые деревни в волости – Ермаковская, Дубенская, и Сабинская – являлись бывшими казенными поселениями, построенными на рубеже 1820–1830-х гг. специально для водворения ссыльных. Пейзын Г. Минусинский округ Енисейской губернии в сельскохозяйственном отношении// Записки Сибирского отдела ИРГО. Кн. V. – СПб., 1858. Отд. I. – С. 138.
3. Там же. – С. 140. До водворения переселенцев в начале 1850-х гг. Кривая была заимкой минусинских мещан-старожилов.
4. В это число не вошли еще шесть накануне построенных переселенцами деревень.
5. МГА. Ф. 42. Оп. 1. Ед.хр. 688. Л. 47. «Особенно много деревень на Енисее – это лучшая часть волости. Деревни старожилов выстроены без плана, и хотя содержатся в чистоте и исправности, беспорядочны. Деревни переселенцев и ссыльных выстроены все по планам, утвержденным губернским начальством.». Костров Н. Шушенская волость Минусинского округа // Записки Сибирского отдела ИРГО. Кн. VI. – Иркутск, 1863. – С. 122. В числе указанных 26 селений волости составителями описания не учитывались еще шесть недавно построенных переселенцами деревень.
6. Там же. Л. 35. По описанию Н. Кострова, жилище минусинских крестьян выглядело в это время так: «Весь сруб почти каждого дома... разделяется небольшими сенями на две половины, одна стряпущая, или кухня с огромной русской печкой и лавками вокруг стен, другая – чистая горница с голландской печью,

- установленная стульями, у иных есть и диваны». Костров Н. Святки в Минусинском округе Енисейской губернии // Записки Сибирского отдела ИРГО. Кн. V. – СПб., 1858. Отд. II. – С. 27.
7. Там же. Л. 47.
 8. Там же. Л. 38 об. Ремеслами в волости владели в основном переселенцы. Н. Костров писал по этому поводу, что они «знают плотничное мастерство, столярную работу, умеют строить барки, но занимаются этим мало, т. к. должны в настоящее время заботиться об устройстве своих жилищ». Костров Н. Шушенская волость Минусинского округа... С. 125. «Работники здесь преимущественно поселенцы, из старожилов в работники идет или круглый сирота, или промотавшийся... Сельские ремесла в руках поселенцев, они – печники, плотники, колесники и пр. В селениях Теми и Шуши есть кожевенные заводы, принадлежащие, однако, не крестьянам... Многие из крестьян выделывают сами кожи для сапожного товара. Почти в каждом доме ткнут сукна, холсты, полотенца и скатерти плохой отделки для себя. Базаров нигде нет, кроме города...»
 9. Шукин Н. Минусинский округ // Журнал Министерства внутренних дел. Часть 18. – 1856. Июнь. – С. 31–32.
 10. Там же. Л. 35.
 11. Там же. Л. 49 об.
 12. Там же. Л. 50.
 13. Там же. Л. 51 об.
 14. Там же. Л. 51 об.
 15. Там же. Л. 47 об.
 16. Там же. Л. 51 об.
 17. Там же. ЛЛ. 36–36 об.
 18. Интересно, что картофель и бахчевые культуры – дыни, арбузы – называются среди возделываемых местными крестьянами растений уже в начале XIX в. Там же. Ф. 34. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 9. По поводу питания минусинских старожилов путешественники отмечали также, что «здешний крестьянин чаще ест мясо, чем землепашец в Великороссии. Употребляют его здесь в основном в соленом виде, поскольку скот бьют редко, дожидаясь покупателя». Пейзын Г. Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии. – Иркутск, 1857. – С. 318.
 19. Там же. Ф. 42. Оп. 1. Ед. хр. 688. ЛЛ. 35 об.–36.
 20. Там же. ЛЛ. 35–35 об.
 21. Там же. Л. 34.
 22. Там же. ЛЛ. 33 об.–34.
 23. Там же. Л. 37 об. «Вместо обычных в других местах ярмарок существуют здесь съезжие праздники в дни св. Петра и Павла, пророка Ильи, Успения и в др. годовые праздники. В эти т. н. храмовые праздники и святочные дни крестьяне собираются в одно село ли деревню, и гулянкам не бывает конца (сюда же приезжают купцы для закупа или продажи товаров)». Пейзын Г. Этнографические очерки... – С. 319.
 24. Там же. Л. 34 об. «Святочное время едва ли не самое веселое время в трудовом быту здешнего крестьянина. К этому времени он распорядился своим хлебом, продал его... уплатил подати, успел запастись на целую зиму рыбой и кедровыми орехами... хмелем для пива на праздники... Словом, к святкам здешний крестьянин завершил все свои важные дела, можно и повеселиться. Впрочем, по заведенному порядку, веселье начинается только с нового года и заканчивается крещеньем». Костров Н. Святки в Минусинском округе... – С. 26–27.
 25. Там же. Л. 38.
 26. Там же. 34–34 об.
 27. Там же. ЛЛ. 45 об.–46.
 28. Впрочем, у зажиточных крестьян Минусинского края фабричные товары и городская одежда были в повсеместном обиходе уже в первой трети XIX в., когда о россыпном золоте здесь еще ничего не знали. Степанов А. П. Енисейская губерния. – Красноярск, 1997. – С. 176; Мамсик Т. С. К характеристике быта крестьянской буржуазии Сибири первой трети XIX в. (по материалам росписи утраченного имущества) // Русские Сибири.
 29. Для сравнения, в 1917 г. в деревнях и селах, входивших в 1854 г. в состав Шушенской волости (без учета вновь появившихся рядом с ними поселков), проживали более 40 тыс. чел. – в четыре раза больше, чем в рассматриваемый период. Подсчитано по данным: Списки населенных мест Енисейской губернии и Урянхайского края по данным сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г. и другим исследованиям 1916–1919 гг. – Красноярск, 1921.
 30. Пейзын Г. Минусинский округ Енисейской губернии в сельскохозяйственном отношении // Записки Сибирского отдела ИРГО. Кн. V. – СПб., 1858. Отд. I. – С. 138, 140.

В. В. Николаев

**ТРАДИЦИОННАЯ ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ
СЕВЕРНОГО АЛТАЯ (КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX В.)***

Статья посвящена реконструкции традиционной поминальной обрядности у кумандинцев, тубаларов и челканцев. Между тем она выражала страх людей перед смертью и стремление защититься от нее. После смерти родственники усопшего поддерживали с ним связь посредством обрядов. Жизнь родственников зависела от правильного выполнения всех поминальных обрядов и обычаев. Считалось, что в случае нарушения обрядности «Узют» умершего человека мог не достигнуть мира предков и остаться на земле.

Article is devoted to reconstruction of traditional funeral ceremonialism at Kumandins, Tubalars and Chelkans. At the same time it reflected fear of people before a death, aspiration to be protected from it. After death relatives kept communication with the dead through the ceremonies. Life of relatives depended on exact performance of all funeral ceremonies and customs. Was considered that «Uzyt» the dead man could not get to the world of ancestors and remain on the earth in case violation of the ceremonies.

Семейная обрядность составляет наиболее значимую часть традиционной обрядовой культуры, поскольку охватывает практически весь жизненный путь человека: рождение, брак, смерть. Между тем изучение данной области традиционной культуры, особенно погребально-поминальной обрядности, может способствовать разрешению проблем этнической и этнокультурной истории не только кумандинцев, тубаларов и челканцев, но и народов сопредельных территорий.

В основу данной работы был положен полевой материал, полученный автором и другими участниками этнографических экспедиций АлтГУ (2001–2004 гг.) в населенных пунктах Красногорского и Солтонского районов Алтайского края и Турочакского района Республики Алтай¹. Этот материал дополняется собственным полевым материалом автора, собранным в 2008 г. в селах Красногорское и Турачак.

В представлениях коренного населения предгорий Северного Алтая о смерти и загробном существовании умерших ярко проявилась вера в двойника не только самого человека, но и погребенных с ним животных, различных вещей и предметов, которые служили покойному на новом месте обитания в тех же формах и для тех же целей, что и при жизни на земле. Усопшие продолжали заниматься на том свете хозяйством (земледелием, охотой и т. д.), выкуриванием араки, рождаться и расти².

Предполагалось наличие входа – отверстия в мир предков (ол черте, ол черзя, ол чер – у кумандинцев и челканцев (букв.: та земля), ары дьол – у тубаларов (букв.: по ту сторону). Они считали, что загробный мир находится на двойнике нашей планеты «чер сюрюнде» (букв.: землю сюр), за небом и за Кудаем (техри сыртында)³.

После похорон наступал период поминок по усопшему. Поминальные обряды и обычаи, с одной стороны, выражали уважение и внимание к нему родственников и односельчан. С другой стороны, отражали страх людей перед смертью, стремлением защититься от нее.

В то время пока умершего человека хоронили, женщины, оставшиеся в деревне, готовили пищу к поминальной трапезе (ульхан). Кололи лошадь, варили мясо, расставляли столы и скамьи во дворе (летом) или в доме (зимой и в ненастье)⁴.

Позднее обязательными блюдами стали блины (плинесайчлар) и кисель. Появление данных блюд на столе кумандинцев указывает на влияние русских. Если семья была бедной, то на поминальный обед соседи приносили свою еду. Сначала за стол садились мужчины, затем женщины и только после них дети. Последними кушали родственники покойного. Каждый гость должен был попробовать все блюда и только потом встать из-за стола⁵.

По данным В. Д. Славина⁶, в поминальном обеде должны были принимать участие все члены рода или, по крайней мере, породы (кезек), а также односельчане. За столы, как и на свадебном пире, рассаживались в строгой последовательности: первыми занимали места люди, обмывавшие (чункан) и одевавшие (тонан) усопшего. Затем садились те, кто делал домовину, копал могилу, строил помост или намогильный сруб. Далее следовали остальные мужчины и лишь после этого – женщины. На поминках не пели песен, не разговаривали громко. Поминая умершего, называли его «ол кижы» (тот человек). Вспоминали только о его добрых поступках при жизни.

* Исследование выполнено в рамках Плана НИР Х.100.3.3. Традиционное мировоззрение коренных народов Южной Сибири во взаимодействии с мировыми, национальными и новыми религиями: способы устойчивости, пути изменений (XX – нач. XXI в.).

В общих чертах расположение гостей на поминальном обеде у тубаларов было аналогичным. Отличие состояло лишь в том, что действо происходило за забором на улице⁷.

Челканцы только со второй половины XX в. под влиянием русских начали устраивать поминальный обед. Не практиковались и поминки, но на сороковой день обязательно отправляли дух умершего в иной мир⁸. Е. М. Тощакова⁹ также отмечает, что обычай кумандинцев и тубаларов посещать могилы родственников с целью совершения поминальных обрядов более позднее явление.

В первые три ночи никто в доме не спал, присутствовали родственники, горели восковые светильники. В силу вступали многочисленные запреты. В течение годового траура в доме усопшего не разрешалось петь песни, плясать, приходить в гости или самим посещать соседей. В это время вдовцы и вдовы, их дети не могли играть свадьбу. Запрещалось покупать лошадь или корову, так как считалось, что с животным может проникнуть в дом злой дух. Нельзя было строить новый дом. Традиционное мировоззрение не поддерживало посещение могил близких, особенно молодыми людьми, или частое вспоминание умершего, так как считалось, что потревоженные духи могли наслать болезнь или смерть¹⁰.

В период между погребением и проводами духа считалось, что «узют» странствовал по местам, где бывал при жизни. Он обходил всех своих родственников, искал повсюду свои остриженные волосы и ногти, без которых Кудай не принимал его на «улук чаргы» (великий суд). Временами он возвращался к своей могиле и к своему дому. В это время был возможен «контакт» с умершим родственником во сне. Покойник мог сообщить, что не до конца была соблюдена обрядность (например, забыли положить в могилу нужные на том свете вещи). В этом случае оплошность исправлялась: вещи уносили на могилу и сжигали, удовлетворяя просьбу усопшего¹¹.

На сороковой день (абыс комныр) верхние кумандинцы устраивали поминки по умершему, а на седьмой – нижние¹². По данным А. В. Адрианова¹³, поминки (канак, ызыгрых) проводились на шестой день, а Ф. А. Сатлаев¹⁴ указывает, что они имели место на девятые сутки. В отличие от кумандинцев, челканцы могли устроить поминки на шестой, девятый, четырнадцатый или сороковой день после смерти, а тубалары – на девятый и сороковой¹⁵.

По мнению некоторых исследователей¹⁶, поминки на девятый и сороковой день появились под влиянием христианства. Как видно, именно эти дни являлись общими для всех коренных групп населения, что косвенно подтверждает выводы В. П. Дьяконовой и Е. М. Тощаковой. Многие информаторы указали на то, что в прошлом коренное население предгорий Северного Алтая не проводило поминки. Данный обычай сформировался под влиянием русских¹⁷. На наш взгляд, здесь следует различать поминовение умершего за столом и традиционные составляющие погребальной обрядности автохтонного населения, направленные на защиту живых и проводы в иной мир души умершего. Видимо, позднее эти два компонента органично слились. Разнообразие дней поминовения усопших объясняется сложными этногенетическими процессами в рассматриваемом регионе.

На поминки каждый приходил с туеском араки без солода, из которого по чашке выливали в общий туес, а пищу – по кусочку мяса, лепешек и т. д. – откладывали в особую чашку. «Большой родовой кам с бубном» (наан тостух кам торлю) или, в крайнем случае, «средний» шаман (орто камлар ырбыкчи), пользовавшийся специальной плетью (ырбык), очищал дом (уг арытан) и провожал дух на тот свет. Для этого окуривались все присутствующие, а затем углы, подпечье, сени можжевельником или горной туей, переложенных лентами бересты. Шаман словами «кут-кут» призывал всех присутствующих помочь ему в поимке души умершего. Если умер мужчина, то изготовляли 9 лепешек, а если женщина – 7¹⁸.

Выпроводив дух усопшего из дома, все, кроме детей до 14 лет, во главе с шаманом отправлялись к месту погребения. С собой брали араку и пищу. По прибытию молодые женщины готовили то, что при жизни кушал умерший, остальные участвовали в камлании. Жерди волокуши, черенки лопат, оставшиеся у могилы после погребения, использовались для разведения костра. «Тос» кама (главный дух-покровитель) пленил «узюта», который возвращался к могиле. Выяснялось, не забрал ли он чей-нибудь «кут» (последнее случалось часто). Если все благополучно, то шаман доставлял «узют» с конем на суд к Кудай Ульгеню, используя для этого одного из своих духов (энчилер), превращенного родовыми покровителями в «Ылмыс» (комета или метеор).

Перед отъездом к творцу дух покойника устами кама обращался ко всем присутствующим, одному предсказывая судьбу, другому сообщая о сроке смерти и т. д. Затем «узют» отправлялся в другой мир. Шаман повествовал о тяжелой дороге по Млечному Пути (Ак Чолыла Узютердинг – белый

путь узютов) к Кудаяу. Представ перед ним, дух усопшего «отчитывался» о своих добрых и злых делах, о причине смерти и т. д. Если человек был убит, а имя его убийцы оставалось неизвестным или были неясны причины смерти, кам от имени умершего рассказывал об обстоятельствах смерти и называл виновного. Как правило, исповедь «узюта» благосклонно воспринималась Кудай Ульгеном, и шаман получал разрешение отвести его в мир предков.

У входа в другой мир, называемого «кара уут» (черная дыра), их встречали либо родители покойного, либо кто-то из родственников. Голосом встречающего кам укорял «узют» тем, что он не послушался их предостережений во время последних годовых поминок. В свою очередь, дух умершего обращался к ним не по имени, а по степени родства: «улух адагым» (дед отца), «улух тайдагым» (дед матери), «ульчек» (бабка по отцу), «тайнек» (бабка по матери) и т. д. Затем «узют» прощался с оставшимися на земле, сообщал, что через год снова спустится к ним для «угощения» и «свидания» с родными, и входил в мир предков. Кам «возвращался» к людям, и ритуал заканчивался всеобщим поминальным пиршеством, которое осмысливалось как прощальная совместная трапеза с усопшим (тюртат санас – отравили)¹⁹.

По словам некоторых информаторов, в ходе камлания шаман мог сообщить некоторым близким оставшиеся им годы жизни, которые раскладывались на девятки: одна, две или более девятилетий осталось жить человеку²⁰.

«Узют» шамана, если не были соблюдены все обряды и обычаи, мог остаться на земле в образе «курэнг азе» – чудовищной бурой лохматой собаки, способной съесть «кут» человека, а дух самоубийцы – в виде «турлахлар», заселявший заброшенные селения или места, поросшие осинником. Они также охотились за душами живых людей. Кам мог поймать злого духа, и тогда жизненный цикл человека прекращался. Считалось самым страшным прекращение круговорота «жизнь – смерть – возрождение»²¹. По словам шамана, количество перерождений достигало 5–6 раз²².

Обязательные годовые поминки проводились у могилы, где вновь обильно угощали «спутившийся» «узют», но уже без активного участия шамана (дух покойного возвращался в мир мертвых сам). С окончанием поминок связь с умершим не прерывалась. При необходимости «повидаться» с ним обращались к родовому каму, который и вызывал дух усопшего в специальное время «чаргы ай» (судный месяц), приходившееся на уменьшение месяца в феврале, августе и ноябре (ай корапчинда). Во время этих «встреч» «гостя» из другого мира угощали напитками – «узют ортка» и аракой. Камлание вновь длилось с восхода до заката солнца и заканчивалось трапезой в доме. Кроме того, считалось, что души мертвых могут сами спускаться на землю. Перед ненастьем их вместе со снегом или дождем ветром приносило «из-за неба». В таких случаях родственники видят их во сне. На утро нужно было покормить собаку пищей, которую ели сами, чтобы тем самым покормить и «узют»²³.

Челканцы также верили, что после проводов духа усопшего связь с ним сохранялась. На это указывает наличие в их календаре «месяцев судьбы»: февраля, августа и ноября²⁴. Через пять-шесть лет шаман должен был отправить «узют» в «землю кыргызов»²⁵.

Несколько слов стоит сказать о поминках по умершим маленьким детям. По данным В. Д. Славнина²⁶: «Все у него сразу: и рождение, и свадьба, и похороны; за все сразу поминали». Ход действий, проводившихся лишь один раз, в этом случае был аналогичен обычным поминкам. Это было характерно и для челканцев²⁷.

Итак, после погребения проводились поминки, проходившие в разные дни у рассматриваемых групп населения. При этом «связь» с покойником не прерывалась, а память о нем передавалась из поколения в поколение. Требовалось точное выполнение всех поминальных обрядов и обычаев. В противном случае, в соответствии с традиционным мировоззрением, один или несколько родственников могли умереть, а «узют» покойника мог не достичь мира предков, оставшись на земле.

Примечание

1. МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 1, 3, 6, 11.
2. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. – Л., 1991. – С. 150; Славнин В. Д. Жертвоприношение коня духу-покровителю рода у верхних кумандинцев (материалы) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. – М., 1994. – С. 64; Славнин В. Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. – Томск, 1990. – С. 134.
3. Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черневых татар (тубакижи). – М., 1966. – С. 104; Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект

- лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). – М., 1985. – С. 180,22; Славнин В. Д. Жертвоприношение коня духу-покровителю рода у верхних кумандинцев (материалы) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. – М., 1994. – С. 64; Славнин В. Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. – Томск, 1990. – С. 134.
4. Кандаракова Е. П. Обычаи и традиции чалканцев. – Горно-Алтайск, 1999. – С. 160; Славнин В. Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. – Томск, 1990. – С. 137; МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 12. Оп. 1. К. 39.
 5. МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 3. Оп. 5. К. 32. Л. 6–7.
 6. Славнин В. Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. – Томск, 1990. – С. 137.
 7. МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 9, 11. К. 19.
 8. Кандаракова Е. П. Обычаи и традиции чалканцев. – Горно-Алтайск, 1999. – С. 161; МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 1. К. 26. Л. 4.
 9. Тощакова Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX–XX вв.). – Новосибирск, 1978. – С. 156.
 10. Кандаракова Е. П. Обычаи и традиции чалканцев. – Горно-Алтайск, 1999. – С. 161; Славнин В. Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. – Томск, 1990. – С. 137, 142; МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 9, 11. К. 19; 22. Л. 6–7.
 11. Кандаракова Е. П. Обычаи и традиции чалканцев. – Горно-Алтайск, 1999. – С. 161; Славнин В. Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. – Томск, 1990. – С. 139.
 12. Славнин В. Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. – Томск, 1990. – С. 137; МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 12. Оп. 1. К. 39.
 13. Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году. – Томск, 1888. – С. 186.
 14. Сатлаев Ф. А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). – Горно-Алтайск, 1974. – С. 163.
- Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году. – Томск, 1888. – С. 186; Хильден К. О шаманизме на Алтае, в частности среди татар-лебединцев // Челканцы в исследованиях и материалах XX века. Т. 3. – М., 2000. – С. 89; МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 9, 11. К. 19; Полевые материалы автора (ПМА), 2008, с. Красногорское.
15. Дьяконова В. П. Алтайцы // Семейная обрядность народов Сибири. – М., 1980. – С. 106; Тощакова Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX–XX вв.). – Новосибирск, 1978. – С. 154.
 16. ПМА, 2008, с. Турачак.
- Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году. – Томск, 1888. – С. 186; Сатлаев Ф. А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). – Горно-Алтайск, 1974. – С. 163–164; Славнин В. Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. – Томск, 1990. – С. 137; Хильден К. О шаманизме на Алтае, в частности среди татар-лебединцев // Челканцы в исследованиях и материалах XX века. Т. 3.– М., 2000. – С. 89–90; МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11; 12. Оп. 1; 1. К. 21; 39. Л. 1–2; ПМА, 2008, с. Красногорское.
17. Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году. – Томск, 1888. – С. 186; Кандаракова Е. П. Обычаи и традиции чалканцев. – Горно-Алтайск, 1999. – С. 161; Славнин В. Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. – Томск, 1990. – С. 137, 139–140; Хильден К. О шаманизме на Алтае, в частности среди татар-лебединцев // Челканцы в исследованиях и материалах XX века. Т. 3. – М., 2000. – С. 89–90; МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 1. Оп. 9. К. 49. Л. 37; ПМА, 2008, с. Турачак.
 18. ПМА, 2008, с. Турачак.
 19. Славнин В. Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. – Томск, 1990. – С. 143–144; МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 1. К. 21. Л. 1–2.
 20. ПМА, 2008, с. Турачак.
 21. Славнин В. Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. – Томск, 1990. – С. 141–142.
 22. Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). – М., 1985. – С. 221.
 23. Потапов Л. П. Заметки о происхождении челканцев-лебединцев // Древняя Сибирь. Вып. 4. – Новосибирск, 1974. – С. 308.
 24. Славнин В. Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. – Томск, 1990. – С. 143.
 25. МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 1. К. 21. Л. 1–2.

Р. М. Валеев, Р. З. Валеева

**ОБЩЕСТВО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
И Н. Ф. КАТАНОВ: ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ,
СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧ. XX В.)¹**

Статья посвящена основным этапам формирования и развития «Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете. Общество аккумулировало научные работы по изучению азиатской части Российской империи. Деятельность его тесно связана с именами известных деятелей науки конца XIX – начала XX в. Научно-организационная и исследовательская работа Н. Ф. Катанова стала ключевой в развитии крупнейшего отечественного научного общества.

The article is devoted to fundamental formation and development stages of «Society of archeology, history and ethnography» affiliated to the Kazan University. The Society accumulated scientific works on research of Asian part of the Russian Empire. Its activity is closely connected with names of famous men of science of the end of XIX – the beginning of XX cc. N. F. Katanov's scientific-organizational and research work became a key one in the development of the biggest national scientific society.

В истории российского и мирового востоковедения XIX – начала XX в. исключительную роль сыграли научные общества. Институциональная структура отечественного востоковедения включает в себя академические и вузовские научные общества, международные научные сообщества, специализированные общественные научные организации и т. д. В целом заслуги востоковедческих обществ перед отечественным образованием, наукой, культурой огромны. В академическом издании «История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года» особо отмечено: «В истории востоковедения дооктябрьского периода заметную роль сыграли научные общества, объединявшие профессиональных ориенталистов (учёных, преподавателей), студентов, краеведов, а также людей различных специальностей, интересующихся Востоком, его историей, культурой, достижениями современной наукой в этой области»².

В отечественной и зарубежной историографии истории востоковедения ориентальные научные общества России рассматривались в основном в пределах известных центров востоковедения – Санкт-Петербурга, Москвы, Ташкента. Несомненен вклад в изучение наследия народов Востока Русского Географического общества, Восточной комиссии Московского археологического общества, Русского комитета для изучения Средней Азии и Восточной Азии, Православного палестинского общества, Общества востоковедения, Общества русских ориенталистов, Туркестанского кружка любителей археологии и других научных обществ. Сегодня изучение самобытных форм организации востоковедного образования и науки в России имеет историко-научное, историографическое и культурологическое значение. Исследование их научного и просветительского вклада позволит полнее осветить определённые этапы формирования и развития ориенталистики, общественной и научной мысли в регионах и центрах России, в том числе в Казани.

В истории отечественного научного изучения Востока во второй половине XIX в. достойно внимания создание «Восточного общества». Организация в Казани этого первого востоковедного научного общества в 1855 г. была связана с известными деятелями казанского востоковедения середины – второй половины XIX в. профессорами И. Ф. Готвальдом, Г. С. Саблуковым, бакалавром Н. И. Ильминским и университетским преподавателем татарского языка М. Г. Махмудовым.

В предварительной записке от 5 ноября 1855 г. И. Ф. Готвальд, Г. С. Саблуков и Н. И. Ильминский писали: «Казань в черте и окрестностях своих заключает множество татар, с их самородным бытом, их мусульманскими улемами, медресями и мечетями; в уездах ея и смежных губерниях обитают инородцы финского племени; казанские купцы и ученые мусульманские состоят в непрерывных сношениях с Бухарией, Самаркандом и другими городами Мавараннегра (Мавераннахара. – Р. В.) и доселе сохраняющего остатки развивавшегося там некогда просвещения. Таким образом, Казань представляет счастливое соединение условий к основательному фактическому изучению татарско-финской филологии, мусульманства и некоторых других предметов, относящихся к восточной науке. Посему мы и предположили основать в Казани Восточное общество»³. Объяснительная записка позволяет обнаружить усиление ориентации востоковедных исследований и научных интересов казанских учёных с середины XIX столетия на изучение культурно-исторического прошлого и настоящего народов востока России. Восточное общество в Казани было образовано в переломный период

казанского востоковедения – в год перевода разряда восточной словесности в С.-Петербургский университет.

Востоковедное общество казанских учёных испытало судьбу многих общественных дореволюционных центров исторической и филологической науки, которые не получали соответствующей поддержки и распадались. В письме В. В. Григорьеву Н. И. Ильминский сообщал: «У нас сварганилось общество из Готв(альда), Саблук(ова), Махмуд(ова) и меня, писали уже протоколы, но расклеилось, потому что я смотрел... на общество как на представителя и исследователя факта, а ему стали навязывать учёное значение в обширном значении. Как же это вести без гроша и без книг»⁴.

В последней четверти этого столетия ценная инициатива казанских ориенталистов получила развитие в многосторонней деятельности Общества археологии, истории и этнографии (1878–1929) при Казанском университете (ОАИЭ).

Исследовательские проекты востоковедов по своему значению и общему объёму занимали большое место в работе ОАИЭ на протяжении всего периода формирования и развития уникальной научно-исследовательской ассоциации.

Истоки ОАИЭ связаны с именами И. Н. Березина (1818–1878), В. В. Вельяминова-Зернова (1830–1904), И. Ф. Готвальда (1813–1897), Н. И. Ильминского (1822–1891), П. И. Лерха (1828–1884), В. В. Радлова (1837–1918), В. Р. Розена (1849–1908), Г. С. Саблукова (1804–1880), В. Г. Тизенгаузена (1825–1902) и других российских востоковедов. Они принимали участие в подготовке и проведении IV Археологического съезда (Казань, 1877). По почину съезда была реализована назревшая необходимость централизации научной работы по изучению обширного региона востока России (Волжско-Камский регион, Сибирь, Средняя Азия, Дальний Восток) основанием Общества археологии, истории и этнографии. Из казанских востоковедов членами-учредителями Общества стали И. Ф. Готвальд, Н. И. Ильминский и В. В. Радлов.

В последующие периоды работы ОАИЭ его почётными, действительными и членами-сотрудниками были Д. Н. Анучин (с 21 апреля 1900 г.), В. П. Васильев (с 14 февраля 1888 г.), В. Р. Розен (с 17 марта 1896 г.), Г. Н. Потанин (с 17 декабря 1880 г.), В. П. Наливкин (с 5 февраля 1888 г.), Н. Н. Пантусов (с 3 мая 1886 г.), Н. П. Остроумов (с 8 марта 1880 г.), И. Н. Холмогоров (с 28 сентября 1879 г.) и другие востоковеды и этнографы России. Почётными членами ОАИЭ также состояли выдающиеся российские востоковеды В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, В. Г. Тизенгаузен.

В члены-корреспонденты и действительные члены ОАИЭ были приняты Ш. Марджани, К. Насыри (3 ноября 1885 г.), Г. Ахмаров (19 сентября 1893 г.), А. А. Диваев (11 января 1896 г.), Ш. Ахмеров (23 ноября 1889 г.), С. М. Аитов (29 ноября 1896 г.), М. Заитов (8 марта 1880 г.), М. Р. Юнусов (11 апреля 1906 г.), Н. Золотницкий (член-основатель), Н. В. Никольский (18 марта 1905 г.), В. Магницкий, Н. И. Ашмарин (20 ноября 1899 г.), Г. Атласов (17 февраля 1913 г.), А. З. Валидов (23 мая 1913 г.) и другие выдающиеся деятели науки и культуры народов Поволжья, Приуралья и Средней Азии.

В списке членов Общества мы видим зарубежных ученых-востоковедов Рони Леона (председатель Парижского этнографического общества, 30 октября 1880 г.), О. Доннера (профессор университета, г. Гельсингфорс, 4 октября 1884 г.), Л. Х. Штида (профессора университета, г. Кёнигсберг, 27 апреля 1890 г.), В. Банга (профессор университета, г. Лёвен, Бельгия, 28 января 1890 г.), Г. Вихмана (профессора университета, г. Гельсингфорс, 15 октября 1891 г.), А. Гейкеля (доктор философии, г. Гельсингфорс, 30 сентября 1884 г.) и других зарубежных учёных.

Между тем научная и просветительская деятельность Общества отразила важный этап изучения истории и культуры народов востока России – Поволжья и Приуралья, Центральной Азии и Сибири. Зарубежный Восток был менее представлен в проектах ОАИЭ и в его печатном органе – «Известиях Общества археологии, истории и этнографии» (1878–1929).

Исследователям предстоит в полной мере изучить и всесторонне оценить вклад и роль руководителей Общества на протяжении более полувековой деятельности ОАИЭ. Его председателями в разные годы были П. Д. Шестаков (1878–1883, 1886), С. М. Шпилевский (1884–1885), Н. Н. Булич (1887), Н. А. Фирсов (1888–1896), Ф. Г. Мищенко (1896–1898), Н. Ф. Катанов (1898–1914), М. М. Хвостов (1914–1918), Б. Ф. Адлер (1918–1922), К. В. Харлампович (1922–1924) и Н. Н. Фирсов (1924–1930)⁵.

Отметим некоторые наиболее интересные факты связей Общества с востоковедческими центрами России.

В 1909 г. совет специальных классов Лазаревского института восточных языков обратился в ОАИЭ с просьбой оказать содействие в создании «восточного музея костюмов, изделий, фотографических снимков, рукописей, старопечатных изданий», который должен был наглядно знакомить студентов «с бытовыми особенностями народов Востока»⁶.

В библиотеку Общества поступали разнообразные отечественные и зарубежные книги и издания. В целом осуществлялся взаимный обмен публикациями научных обществ и университетов России, Европы и Азии⁷. В 1911 г. Общество русских ориенталистов (образовано в 1910 г.) направило свой годовой отчет. «Вместе с сим в стремлении увеличить свою библиотеку, – отмечалось в его письме, – и быть, возможно, лучше осведомленным относительно всего, что более или менее касается Востока и востоковедения... было бы крайне признательно Обществу археологии, если бы оно нашло возможным удовлетворить его ходатайство предоставлением в его распоряжение периодических изданий Общества как за будущее, так по возможности и за минувшие годы»⁸. В 1910 г. «Известия» ОАИЭ были направлены более 50 учреждениям, обществам и редакциям Австралии, Австро-Венгрии, Англии, Бельгии, Болгарии, Германии, Италии, Голландии, США, Турции, Франции и других стран⁹.

Исключительное место в деятельности ОАИЭ занимали сбор, хранение и изучение археологических и этнографических материалов по истории и культуре народов Азиатской России.

Разнообразные материалы свидетельствуют об огромном интересе Общества к истории и культуре народов Восточной Азии. Например, после поездки в 1904 г. в Маньчжурию профессор М. Ф. Кандаратский (1854–1912), руководивший санитарным отрядом Красного Креста, привез коллекцию «китайской одежды, туалета, домашней утвари, письменные принадлежности, монеты и ассигнации, игральные карты, оружие, музыкальные инструменты, докторский ящик, книги, картины и предметы религиозного культа». В связи с рассмотрением этой коллекции было принято решение на одном из заседаний Общества обсудить доклад, посвященный истории буддизма¹⁰.

В 1879 г. общее собрание ОАИЭ утвердило проект профессора В. М. Флоринского (1834–1899) о создании Публичного историко-этнографического музея, который должен был включить «предметы по всем проявлениям русской и инородческой народной жизни»¹¹.

Оценивая состояние и перспективы этого направления работы, профессор Б. Ф. Адлер 23 апреля 1913 г. на общем собрании отмечал: «За долгие годы существования Общества им собраны значительные коллекции по археологии и этнографии. В прежнее время коллекции эти были сравнительно удобно размещены в помещении Университета и были доступны для обозрения публики и изучения специалистов. <...> В настоящее время богатейшие коллекции Общества хранятся в недостойном их месте... В таком виде и помещении они не доступны ни для обозрения, ни для обработки. <...> Слияние обеих коллекций: Общества и Географического кабинета – дало бы возможность создать лучший в России университетский Музей по археологии. <...> Предложением своим я хочу помочь Обществу спасти его ценные коллекции от неминуемой гибели»¹². В ноябре 1913 г. на общем собрании было принято решение по предложениям Б. Ф. Адлера и Н. Ф. Катанова о передаче коллекций Общества в «объединенный университетский Музей отечествоведения, этнографии и географии».

В 70-х – первой половине 90-х гг. XIX в. научные исследования в основном охватывали историю и культуру народов Поволжья и Приуралья. В 1897 г. новый устав Общества в сферу научных и просветительских исследований включил регионы Средней Азии и Сибири. В 1906 г. обсуждался вопрос об исследовании территории Византии и славянских народов.

Определяя роль и место востоковедов в системе исследовательской работы ОАИЭ, его тогдашний председатель С. М. Шпилевский в 1879 г. писал: «Само собою разумеется, что изучение надгробных мусульманских надписей возможно для нашего Общества только с помощью ориенталистов. Это только один пример важности и необходимости содействия нам ориенталистов, которые, по моему убеждению, должны составлять нашу важнейшую силу; я даже не могу представить наше Общество без содействия ему знатоков тюркских и финских наречий. На наше счастье, мы имеем в своей среде знатоков восточных наречий, каковы гг. Готвальд, Золотницкий, Ильминский, Радлов; но не можем не пожалеть о перенесении восточного факультета из Казанского университета в С.-Петербург»¹³.

Историко-культурное наследие тюркских народов занимало исключительное место в исследовательской и просветительской деятельности Общества археологии, истории и этнографии во многом благодаря научно-организационной и исследовательской работе Н. Ф. Катанова. Рассмотрим самые важные направления и некоторые особенности его деятельности в ОАИЭ в 1884–1922 гг.

Студент восточного факультета Санкт-Петербургского университета Николай Катанов 8 декабря 1884 г. был избран членом-корреспондентом ОАИЭ. Он был удостоен этого звания в связи с направлением в Общество «Первого опыта грамматики сагайского наречия с указателем собственных имен, встречающихся в богатырских былинах минусинских татар», «Заметок об инородцах Минусинского округа, Енисейской губ.» и «Пары руковиц работы минусинской татарки». На заседании совета Общества от 5 декабря 1884 г. было решено переговорить с директором Казанской инородче-

ской семинарии Н. И. Ильминским об издании «Грамматики, словаря и образцов народной словесности минусинских татар»¹⁴.

По приезде в Казань 8 апреля 1894 г. Н. Ф. Катанов был избран действительным членом ОАИЭ. В 1894–1897 гг., будучи секретарём, он вёл активную организационную и редакционную работу в Обществе.

Одной из первых публикаций Н. Ф. Катанова в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии» стала перепечатка из «Записок Русского географического общества» (т. XVII) его материала о форме погребения у карагасов¹⁵.

С 1894 г. по 1920 г. Н. Ф. Катанов напечатал в «Известиях» около 50 статей и материалов по различным проблемам истории, этнографии, языкознания, фольклористики, археологии, истории востоковедения, библиографии и т. д.¹⁶ С большинством опубликованных материалов он выступил на заседаниях Совета и общих собраниях Общества археологии, истории и этнографии.

Некоторые выступления Н. Ф. Катанова не были опубликованы в «Известиях». Отметим среди них такие, как «О древностях мусульманского Востока коллекции Н. Ф. Высоцкого», «Об одном редком старинном китайском зеркале», «Старо-мусульманская татарская космография», «О шаманстве у татар Восточной Сибири (с демонстрацией шаманских костюма и бубна)», «О металлическом открытом листе XIV века Монгольской династии (с демонстрацией)», «Об изучении восточных языков в России», «Китайские монеты Красноярского музея» и другие.

Важным направлением исследовательской работы Н. Ф. Катанова стало описание и каталогизация разнообразных археологических и этнографических личных коллекций и музея Общества¹⁷. Н. Ф. Катанов не просто описывал предметы, а давал различные исторические и этнографические комментарии. Так, представляя китайский талисман «из монет желтой меди, прикрепленных к железному пруту», из коллекции профессора Н. Ф. Высоцкого, Н. Ф. Катанов замечал: «Китайцы – большие охотники до употребления разных талисманов и амулетов, из которых одни приносят счастье дому, оберегая его от вторжения в него злых духов, другие спасают отдельных лиц от сглаза и всякой др. беды»¹⁸.

В 1894–1922 гг. действительный член, секретарь (1894–1898) и председатель (1898–1914) Общества археологии, истории и этнографии Н. Ф. Катанов сыграл ключевую роль в развитии крупнейшего отечественного научного общества.

Председателем Общества Н. Ф. Катанова избрали на общем собрании 18 марта 1898 г.¹⁹ На эту должность на предстоящий двухлетний период, кроме него, баллотировался и Ф. Г. Мищенко. На первом этапе выборы производились по запискам. Катанов получил 15 записок, Мищенко – 8. После завершения выборов товарища председателя, членов совета и ревизионной комиссии, секретаря, казначея, библиотекаря Общества состоялась основная баллотировка на должность председателя. Избранным оказался Н. Ф. Катанов, получивший 12 избирательных шаров. Ф. Г. Мищенко получил на три шара меньше. На должность товарища председателя был избран И. Н. Смирнов.

О позиции Н. Ф. Катанова как председателя ОАИЭ, как исследователя свидетельствуют многие документы. Достаточно полно она отражена в его письмах своему учителю профессору В. Р. Розену. 19 марта 1900 г. Н. Ф. Катанов писал ему: «Затем ещё одна просьба – сообщите, если окажется возможным, мне, в каком отношении, по Вашему мнению, плох журнал *Общ., Арх., Ист. и Этн.* и что в нем надлежало бы улучшить. Дело вот в чем: Совет *Общ. Арх., Ист. и Этн.* большинством голосов постановил – впредь в «Известиях» никаких восточн. текстов не печатать, ибо тексты бесполезны. Мое заявление, что народ. литература, археологич. и историч. памятники, представленные в одном рус. переводе, без текста, не имеют большого значения, поддержки ни с чьей стороны не встретило»²⁰. И далее: «Ввиду отказа Совета печатать восточ. тексты я сложил с себя звание Председ. и Члена, но Общее Собрание вновь пригласило меня, и вчера вновь избрали Председ. на 1900–1902 годы»²¹. 2 февраля 1909 г. Н. Ф. Катанов был избран почётным членом ОАИЭ.

19 марта 1914 г. на общем годовом собрании Общества археологии, истории и этнографии был избран новый председатель ОАИЭ. По итогам голосования 10 избирателей подали свои голоса за М. М. Хвостова, 8 – за Н. Ф. Катанова и 1 избиратель – за Н. М. Петровского. На этом же заседании «по предложению М. М. Хвостова от лица общего собрания выражена благодарность за предшествующие долговременные труды в должности Председателя Совета Общества Н. Ф. Катанову»²². На общем собрании общества 15 декабря 1914 г. Н. Ф. Катанов был избран членом Совета.

В 1914 г. состав ОАИЭ состоял из 13 почётных членов, 2 членов-соревнователей, 15 пожизненных членов, 81 действительного члена и 28 членов-сотрудников. Всего членов Общества было 139 человек²³.

В 1908 г. Общество археологии, истории и этнографии отметило своё 30-летие. На его общем собрании 18 марта того же года Н. Ф. Катанов выступил с докладом «Общество археологии, истории

и этнографии за тридцать лет». По итогам этого доклада профессор К. В. Харлампович (1870–1932) отметил: «Николай Фёдорович связан с нашим Обществом почти с самых первых дней существования последнего... В качестве секретаря Н. Ф. Катанов привёл в порядок запущенную канцелярскую и кассовую часть. Состоя же ровно десять лет, т. е. одну треть жизни Общества, председателем, Николай Фёдорович сделал весьма много для него и в материальном, и в нравственном отношениях. Благодаря ему исходатайствовано Обществу правительственное пособие. Он же содействовал расширению сети учреждений, с которыми Общество обменивается своими изданиями, и умножению числа лиц, поддерживающих и питающих Общество и взносами, и своими трудами. Сам Николай Фёдорович прочел в общих собраниях десятки докладов и напечатал в «Известиях» множество статей и заметок. Немало и чужих работ и материалов было им проредактировано. Наш почтенный председатель является помощником не только редактора, но и секретаря, и казначея, и письмоводителя, и рассыльного, всем содействуя своей опытностью и своим доброжелательным отношением и к людям, и к Обществу»²⁴. Будучи председателем ОАИЭ, Н. Ф. Катанов прочитал на заседаниях ряд докладов, посвящённых памяти членов Общества²⁵.

Изложенное позволяет выделить катановский период в истории Общества археологии, истории и этнографии. Известный тюрколог С. Н. Иванов писал: «Деятельность Общества оставила заметный след в развитии русского востоковедения и, что представляется особенно важным, явила собой пример сочетания передовых достижений русской востоковедческой науки с той незаметной, но очень полезной работой, которую осуществляли лучшие представители русской провинциальной ориенталистики»²⁶.

В 1919 г. при ОАИЭ была создана «Востоковедная комиссия». В её состав вошли Н. И. Ашмарин, Н. А. Бобровников, Н. Ф. Катанов, А. И. Емельянов и С. Е. Малов. На первом заседании комиссии 12 марта 1919 г. председателем был избран Н. А. Бобровников. Основными направлениями деятельности должны были стать обработка материалов «по языкам, этнографии и истории местных и вообще восточных племен»; обсуждение и систематизация материалов исследований, посвящённых «языкам или этнографии племен Поволжья и вообще Востока, и организация научных экспедиций, создание «новых учёных или учебных учреждений, музеев, выставок, организации курсов, лекций и проч. по вопросам, относящимся к языкам, этнографии и истории племен Востока»²⁷.

Опубликованное и особенно архивное наследие Н. Ф. Катанова²⁸ – яркое свидетельство плодотворной и разносторонней организационной и научной деятельности Общества в области востоковедения. В одном из своих писем Н. Ф. Катанов критически оценил результативность направление этой работы. 6 апреля 1901 г. он писал А. В. Васильеву (1853–1929), сыну китаеведа В. П. Васильева: «Хотя я большинством голосов вновь избран председателем общества, однако в пользу ориентализма добиться чего-нибудь не удалось: общество... все ещё стоит за печатание сведений об инородцах, но без текстов»²⁹.

В целом наиболее важным направлением востоковедных исследований общества до 20-х гг. XX в. стали история, этнография и культура финно-угорских и тюркоязычных народов³⁰. Главной научной задачей Общества было изучение наследия народов урало-алтайского мира.

Многие историко-культурные темы авторов «Известий» общества были предложены Н. Ф. Катановым. Богослов и миссионер Я. Д. Коблов (1876–?) в статье «Мифология казанских татар» писал: «Не могу в заключение не высказать благодарности Н. Ф. Катанову, который обратил моё внимание на татарскую мифологию как на очень интересный предмет для исследований. Без этого совета или побуждения я колебался и сомневался относительно значения этого вопроса в области этнографии...»³¹

Профессор Н. Ф. Катанов играл исключительную роль в чтении разнообразных восточных нумизматических, эпиграфических и письменных текстов для авторов «Известий» ОАИЭ. В 1908 г. доктор медицины и профессор университета Н. Ф. Высоцкий (1843–1922) в статье «Несколько слов о древностях Волжской Болгарии» отмечал: «Считаю приятным для себя долгом выразить здесь мою душевную признательность профессору Н. Ф. Катанову за просвещенное содействие при разборе и описании моей коллекции»³². По решению общих собраний и заседаний советов Общества статьи авторов печатались под редакцией и предисловием Н. Ф. Катанова.

В начале XX столетия Н. Ф. Катанов оказал определяющее влияние на формирование основных исследовательских направлений Общества. Благодаря ему «случайные рефераты» на общих собраниях были заменены «систематическими» докладами³³.

Особое внимание было уделено изучению языка, истории, археологии и этнографии балкар, уйгуров, узбеков, туркмен, казахов, киргизов, якутов, монголов, тунгусов, самоедов и других народов Центральной и Северной Азии³⁴. Огромную роль сыграл Н. Ф. Катанов в публикации текстов

казахских сказок, собранных М.-Н. Бекимовым в Уральской области. Профессор Н. Ф. Катанов писал: «Так как эти сказки в некоторых отношениях сходствуют со сказками других турецко-татарских племен, то опубликование их должно иметь свою ценность, тем более что для приведения в известность общих, ходячих мотивов сказок вышеназванных племен и для выяснения пунктов их первоначального зарождения все еще мало имеется в литературе материала. Чем более будет собрано сказок у разных племен и в разных местностях, тем легче будет достичь общей цели...»³⁵

Древняя и современная история восточных регионов России, материальные и письменные источники по истории и культуре народов, их обычаи, нравы, фольклор, легенды и т. д. нашли своё воплощение в исследовательской деятельности членов Общества археологии, истории и этнографии. В этом огромная заслуга принадлежит профессору Н. Ф. Катанову.

В начале XX в. Общество археологии, истории и этнографии представляло собой крупный университетский исследовательский центр. Но у порога была уже другая эпоха. В 1929–1930 гг. ОИАИЭ было слито с Обществом по изучению Татарстана и прекратило своё существование.

Примечания

1. Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ «Народы Татарстана: социально-политические и этнокультурные аспекты взаимодействия и взаимовлияния (2-я половина XVI – начало XXI в.)», № 13–11–16008 а/В/2013 и «Державный (имперский) дискурс по национальному образованию народов Поволжья и Приуралья в конце XIX – начале XX в.», № 14–11–16015 а/В 2014.
2. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М., 1997. – С. 85.
3. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 968. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 853. Оп. 2. Д. 187. Л. 12.
5. См.: Сидорова И. Б. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете: некоторые проблемы изучения // История и историки в Казанском университете... – С. 21.
6. См.: ИОИАИЭ. – 1909. – Т. XXV. – Вып. 2–4. – С. 210.
7. См.: «Отчет общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете за 1912 год» // ИОИАИЭ. – 1916. – Т. XXIX. – Вып. 1–6. – С. 49–64.
8. См.: Протокол Общего собрания 24 апреля 1911 г. // ИОИАИЭ. – 1912. – Т. XXVIII. – Вып. 4–5. – С. 18.
9. См.: Отчет Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете за 1910 год // ИОИАИЭ. – 1911. – Т. XXVII. – Вып. 5. – С. 42–43.
10. См.: Протоколы Общества археологии, истории и этнографии за 1906 г. // ИОИАИЭ. – 1907. – Т. XXIII. – Вып. 1–6. – С. 2.
11. См.: ИОИАИЭ. – 1879. – Т. 1. – С. 126–140; См.: ИОИАИЭ. – 1910. – Т. XXVI. – Вып. 1–2. – С. 153–156.
12. См.: Протоколы общих собраний и заседаний совета Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете за 1913 год // ИОИАИЭ. – 1916. – Т. XXIX. – Вып. 1–6. – С. 20–21.
13. Известия общества археологии, истории и этнографии. – 1884. – Т. III. – С. 17.
14. См.: Протоколы заседаний совета и общих собраний членов Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете за 1880–1881 годы. – Казань, 1885. – С. 48–49.
15. См.: Формы погребения у современных и древних народов Восточной России: Гиляки, Карагасы, Качинцы, Бельтиры, Тунгусы, Долганы, Самоеды, Остяки, Юраки // ИОИАИЭ. – 1892. – Т. X. – Вып. 3. – С. 290.
16. См.: Качинская легенда о сотворении мира // ИОИАИЭ. – 1894. – Т. XII. – Вып. 2. – С. 185–1888; Китайский бунтовщик Чи-чи-гун // ИОИАИЭ. – 1894. – Т. XII. – Вып. 5. – С. 448–454; О наказании ленивых богомольцев у татар Китайского Туркестана // ИОИАИЭ. – 1895. – Т. XII. – Вып. 6. – С. 578–593; Экскурсия в с. Болгары-Успенское // ИОИАИЭ. – 1895. – Т. XIII. – Вып. 1. – С. 35–36; Нумизматическая коллекция И. А. Износкова // ИОИАИЭ. – 1896. – Т. XIII. – Вып. 4. – С. 290–315; Тюркские сказки о человеке, понимавшем язык животных // ИОИАИЭ. – 1897. – Т. XIV. – Вып. 3. – С. 251–258; Описание одного металлического зеркала с арабской надписью, принадлежавшего Обществу археологии, истории и этнографии // ИОИАИЭ. – 1898. – Т. XIV. – Вып. 6. – С. 662–664; Исторические песни казанских татар // ИОИАИЭ. – 1899. – Т. XV. – Вып. 3. – С. 273–306; Литература по археологии, истории и этнографии во второй половине 1899 г. // ИОИАИЭ. – 1900. – Т. XVI. – Вып. 3. – С. 309–320; Обзор татарских литографированных изданий за последние два года // ИОИАИЭ. – 1903. – Т. XIX. – Вып. 2. – С. 25–27; Швед Филипп-Иоган Страленберг и труды его по России и Сибири (начало XVIII в.) // ИОИАИЭ. – 1903. – Т. XIX. – Вып. 2. – С. 170–174; Краткий обзор татарских исторических книг // ИОИАИЭ. – 1912. – Т. XXVIII. – Вып. 4–5. – С. 499–502 и др.
17. См.: Катанов Н. Ф. Несколько слов по поводу русских и татарских перстней, принадлежащих А. А. Сухареву и А. Т. Соловьеву // ИОИАИЭ. – 1904. – Т. XX. – Вып. 1–3. – С. 29–46; Катанов Н. Ф. Новые приобретения музея Общества археологии, истории и этнографии в Казани // ИОИАИЭ. – 1907. – Т. XXIII. – Вып. 1. – С. 46–48; Катанов Н. Ф. О некоторых предметах из китайской коллекции (с 6 рисунками) // ИОИАИЭ. – 1908. – Т. XXIV. – Вып. 5. – С. 454–461 и др.
18. См.: Катанов Н. Ф. О некоторых предметах... – С. 454.
19. См.: Протоколы общих собраний общества археологии, истории и этнографии за 1898 год // ИОИАИЭ. – 1900. – Т. XVI. – Вып. I. – С. 146–147.

20. См.: СПб. Филиал Архива РАН. Ф.777. Оп. 2. Д. 200. Л. 4–4об.
21. Там же. Л. 5об.
22. См.: Протокол Общего годовичного собрания 19 марта 1914 года // ИОАИЭ. – 1916. – Т. XXIX. – Вып 1–6. – С. 14.
23. См.: Отчет Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете за 1914 год // ИОАИЭ. – 1916. – Т. XXIX. – Вып. 1–6. – С. 56.
24. См.: Общество археологии, истории и этнографии за тридцать лет (Доклад председателя онога в Общем Собрании 18 марта 1908 г.) // ИОАИЭ. – 1908. – Т. XXIV. – Вып. 3. – С. 246.
25. См.: Доклад Совету Н. Ф. Катанова об учено-литературной деятельности Н. Я. Агафонова // ИОАИЭ. – 1906. – Т. XXII. – Вып. 3. – С. 15–27; Катанов Н. Ф. Памяти Сергея Михайловича Шпилевского // ИОАИЭ. – 1907. – Т. XXIII. – Вып. 1–6. – С. 307–311; Катанов Н. Ф. Памяти действ. Чл. Общества Александра Федоровича Можаровского (1846–1907) // ИОАИЭ. – 1907. – Т. XXIII. – Вып. 1–6. – С. 388–390; Протоколы общих собраний Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете за 1906 год // ИОАИЭ. – 1907. – Т. XXIII. – Вып. 1–6. – С. 41, 42–43.
26. Иванов С. Н. Николай Федорович Катанов (очерк жизни и деятельности). Изд. 2-е. – М., 1973. – С. 53.
27. См.: Бобровников Н. А. Об учреждении Востоковедной комиссии // ИОАИЭ. – 1919. – Т. XXX. – Вып. 2. – С. 167–174.
28. НА РТ. Ф.969. Оп. 1–2. «Катанов Н. Ф. ординарный профессор сравнительного языкознания». 1878–1921 гг.
29. ОРРК НБ КГУ. № 8817. «Катанов Н. Ф. А. В. Васильеву». 6 апреля 1901 г.
30. См.: Веске М. П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка // ИОАИЭ. – 1890. – Т. VIII. – Вып. 1. – С. 1–303; Смирнов И. Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк // ИОАИЭ. – 1890. – Вып. 2–3. – С. 3–308; Смирнов И. Н. Пермьяки. Историко-этнографический очерк // ИОАИЭ. – 1891. – Т. IX. – Вып. 2. – С. 3–289; Мошков В. А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. Мелодии оренбургских и ногайских татар // ИОАИЭ. – 1895. – Т. XII. – Вып. 1–2. – С. 1–67; Заседателей Н. И. Древний обряд коронавания у тюркских народов. ИОАИЭ. – 1895. – Т. XII. – Вып. 4. – С. 374–380; Ахмаров Г. Н. Свадебные обряды казанских татар // ИОАИЭ. – 1907. – Т. XXIII. – Вып. 1–6. – С. 1–38; Коблов Д. Я. Религиозные обряды и обычаи татар могаметан // ИОАИЭ. – 1909. – Т. XXIV. – Вып. 6. – С. 521–564; Никольский Н. В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках. Исторический очерк // ИОАИЭ. – 1912. – Т. XXVIII. – Вып. 1–3. – С. 1–416; Деннике Б. П. О памятниках культуры и искусства Турфана (Результаты экспедиции А. Лекока в Китайский Туркестан) // ИОАИЭ. – 1916. – Т. XXIX. – Вып. 1–6. – С. 162–172; Бобровников Н. А. Об экспедиции для обследования языка и быта вотяков // ИОАИЭ. – 1919. – Т. XXX. – Вып. 2. – С. 175–187; Васильев В. М. Верования и обряды мари // ИОАИЭ. – 1920. – Т. XXXI. – Вып. 1. – С. 49–70; Никольский Н. В. Творчество чуваш // ИОАИЭ. – 1920. – Т. XXXI. – Вып. 1. – С. 71–86.
31. См.: Коблов Д. Я. Мифология казанских татар // ИОАИЭ. – 1910. – Т. XXVI. – Вып. 5. – С. 422.
32. См.: Высоцкий Н. Ф. Несколько слов о древностях Волжской Болгарии (с таблицами) // ИОАИЭ. – 1908. – Т. XXIV. – Вып. 4. – С. 351.
33. См.: Харлампович К. В. К вопросу о погребальных масках и куклах у западно-сибирских инородцев // ИОАИЭ. – 1907. – Т. XXIII. – Вып. 1–6. – С. 472.
34. См.: Пантусов Н. Н. Орден хуфие // ИОАИЭ. – 1895. – Т. XII. – Вып. 5. – С. 387–408; Пантусов Н. Н. Таранчинские песни (текст и перевод) // ИОАИЭ. – 1896. – Т. XIII. – Вып. 6. – С. 477–518; Диваев А. А., Г. Н. Ахмеров. Описание печати Ахмеда Ясави // ИОАИЭ. – 1896. – Т. XIII. – Вып. 6. – С. 530–537; Диваев А. А., Г. Н. Ахмеров. Надписи мечети Ахмеда Ясави // ИОАИЭ. – 1896. – Вып. 6. – С. 538–551; Катанов Н. Ф. О двух кашгарских монетах // ИОАИЭ. – 1896. – Т. XIII. – Вып. 6. – С. 528–529; Идигин А. С. Песня тургайского киргиза, умеющего говорить по-русски (текст и перевод) // ИОАИЭ. – 1896. – Т. XIII. – Вып. 6. – С. 564–565; Ионов В. М. Поездка к майским тунгусам // ИОАИЭ. – 1904. – Т. XX. – Вып. 4–5. – С. 159–174; Пекарский Э. К. Поездка к приаянским тунгусам // ИОАИЭ. – 1904. – Т. XX. – Вып. 4–5. – С. 175–191; Материалы к изучению киргизского народного эпоса. М. Н. Бекимова, с предисловием Н. Ф. Катанова // ИОАИЭ. – 1904. – Т. XX. – Вып. 4–5. – С. 218–232; Селицкий Н. В. Кульджинские переселенцы пограничной с Китаем полосы // ИОАИЭ. – 1904. – Т. XX. – Вып. 6. – С. 243–324; Бекимов М. Н. Свадебные обряды киргизов Уральской области // ИОАИЭ. – 1905. – Т. XXI. – Вып. 4. – С. 382–392; Пантусов Н. Н. Киргизская игра тогуз кумалак (с двумя рисунками) // ИОАИЭ. – 1906. – Т. XXII. – Вып. 4. – С. 249–252; Новые песни усекских таранчей, переселенцев из Илийского края. Таранчинский текст с русским переводом и примечаниями Н. Н. Пантусова и с предисловием и транскрипцией Н. Ф. Катанова // ИОАИЭ. – 1906. – Т. XXII. – Вып. 5. – С. 303–314; Караулов Н. А. Балкары на Кавказе // ИОАИЭ. – 1907. – Т. XXIII. – Вып. 2. – С. 49–66; Харлампович К. В. К вопросу о погребальных масках и куклах у западно-сибирских инородцев // ИОАИЭ. – 1907. – Т. XXIII. – Вып. 1–6. – С. 472–482; Образцы таранчинской народной литературы, собранные и переведенные Н. Н. Пантусовым // ИОАИЭ. – 1909. – Т. XXV. – Вып. 2–4. – С. 1–220; Войтеховский. Киргизы Кустанайского уезда, Тургайской области // ИОАИЭ. – 1910. – Т. XXVI. – Вып. 4. – С. 342–358; Фарфоровский. Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии // ИОАИЭ. – 1911. – Т. XXVII. – Вып. 3. – С. 181–220; Троцанский В. Ф. Наброски о якутах Якутского округа // ИОАИЭ. – 1911. – Т. XXVII. – Вып. 3. – С. 49–96; Горячкин А. Об играх киргизских детей во Внутренней Букеевской Орде, Астраханской губернии // ИОАИЭ. – 1911. – Т. XXVII. – Вып. 4. – С. 307–309 и др.
35. См.: Материалы к изучению киргизского народного эпоса // ИОАИЭ. – 1904. – Т. XX. – Вып. 4–5. – С. 218.

Х. Ч. Алишина

КУЛЬТУРА И БЫТ СИБИРСКИХ ТАТАР В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

В статье на основе анализа книг писателя Ш. Ф. Маннурова воспроизводится жизнь казанских татар в начале XX в., переселившихся в Сибирь. Дается характеристика быта, занятий, промыслов и традиционной культуры сибирских татар.

In the article life of the Kazan Tatars, moved to Siberia in the beginning of XX century, is reproduced on the basis of writer Sh. F. Mannurov's books. The Siberian Tatars' description of household, deals, crafts and traditional culture is given.

Неоднократно от татар Вагайского района, живущих по берегам речки Агитка, доводилось слышать слова, произнесенные с гордостью: «Писатель Шайхи Маннур жил в наших местах... Он даже книгу написал об этом...»

Кто же такой Шайхи Маннур? Как он попал в эти таёжно-озерные края, которые называют не иначе как «медвежий угол»? Во время бездорожья жители этой территории в экстренных случаях и сейчас попадают в столицу области Тюмень через Омскую область, граница которой проходит в нескольких километрах.

Шайхелислам Фархуллович Маннуров (1905–1980) родился в д. Тулбай Мамадышского района Казанской губернии. Спасаясь от голода 1921 года, семья переместилась на восток страны – в Кузбасс. В 1923 г. Шайхелислам поступил на подготовительные курсы Свердловского педагогического института, но вскоре институт закрыли. Шайхи окончил в Свердловске годичные татаро-башкирские курсы советских партийных работников.

Девятнадцатилетний молодой человек по окончании партийной школы получил направление в старинное сибирское село Тукуз. Маннуров Шайхи с энтузиазмом принялся налаживать здесь культурно-просветительскую работу. Яркие, неизгладимые впечатления тех лет нашли отражение в автобиографической повести «Агымсуларга карап» (1974). Эта повесть в 1991 г. переведена на русский язык Светланой Гильмитдиновой и опубликована под названием «Глядя на текущие воды». Предлагаем вашему вниманию фрагмент книги, из которого мы можем получить представление, как жили сибирские татары 90 лет назад, как казанские татары воспринимали язык, культуру и быт наших соплеменников.

«Здесь, оказываются, живут татары, башкиры, казахи, узбеки, монголы, которые говорят на каком-то своем «особом» наречии. Месяца через два привыкаешь к необычному строю этих слов, начинаешь легко их понимать. Добрые, открытые, они любят песни, частушки, поучительные и смешные рассказы. Любят они и выставить «казанских» татар в смешном и глуповатом виде, подшутить над ними. В домах у них печей нет, просто выложен очаг с широким открытым зевом, труба от него поднимается прямо и уходит в потолок. Зимой и осенью в очаге никогда не гаснет огонь. На треноге в казане варится суп, на сковородке жарится рыба, готовится альба, разная другая еда. Хлебные печи у них... на улице. Большие такие, под обмазанной глиной крышей на столбах. Сжигают в такой печке прямо-таки целый воз дров, потом выносят из дома на плоских лотках хлеба и ставят в печку, закрывают зев...

Лес, можно сказать, валится им прямо в руки. Где заготовят летом дрова, там и хранят, а зимой каждое утро приносят, сколько надо на день. И сена они притаскивают лишь на день, потому что крыш над сараем, абзаром, даже у тех, у кого скотина есть, лошадь, они не делают. Не могу сказать, что это из-за лени – видно, какие они ловкие, умелые и трудолюбивые люди. Наверное, в таких богатых природными дарами местах людям просто не нужно делать запасов. Выполняй себе дела сегодняшнего дня и не думай о завтрашних заботах...

Во многих деревнях на лесных полянах, в промежутках между болотами сеют пшеницу. Но любимым промыслом здесь все же остаются охота и рыболовство. В каждом доме тут есть искусный стрелок, умелый охотник. Вон Корман ака убивает белку выстрелом в глаз, медведя – прямо в середину лба.

И это не из бахвальства. Попадешь белке пулей не в глаз, и мех попорчен, цена на него понижается. И когда преследуют охотники медведя или оленя, они тоже всегда думают, чтобы шкуру не испортить. На медведя тут ходят вдвоем-втроем, бывает, что неделями выслеживают зверя. Встречаются, конечно, и отчаянные головы, которые идут на медведя в одиночку. Про того же охотника Кормана рассказывают (может, конечно, и привирают), будто встретил он однажды «хозяина тайги», подпустил его к себе метров на пятнадцать, чтобы, значит, вогнать пулю собственного изготовления прямо в ухо.

А ружье возьми да не выстрели. То ли порох подмок, то ли пистон испортился, но ружье дало осечку. А косолапый поднялся на задние лапы, передние расставил, будто приглашает: «Иди-ка, милый, в мои объятия!» – и пошел на охотника. Корман ака не успел и ножа выхватить из-за голенища, как хозяин леса навалился на него. И началась у них борьба – кто кого? То один сверху, то другой. Увертываясь от острых когтей лесного силача, охотник будто бы скатился в узкую яму. Увидев это, медведь оглушил все вокруг своим ревом и начал кидать на поверженного валежник, вырванные с корнем деревца, попавшийся «под лапу» старый пень. Обложил он своего недруга со всех сторон и даже будто бы сторожить его прилег. «Пропало мое трепало!» – будто бы думает Корман ака, а сам все ищет, как ему выпутаться из такого ахового положения. И придумал ведь, оказывается! Вспомнил, что на нем охотничья медвежья шуба! Снимает он ее, быстренько выворачивает мехом наружу, снова надевает, то же проделывает с ушанкой, выкапывает охотничьим ножом лаз из ямы и вылезает оттуда. Услышав возню, медведь бросается на звуки, а потом останавливается. Что это за чудо перед ним – медведь с бараньей головой?! Пока он так раздумывал, охотник прижимается к его боку и одним рывком вспарывает ему живот. Зверь, обмякнув, сразу падает на землю. Корман ака снимает с него шкуру, разделяет тушу, разжигает костер, жарит на огне мясо, садится есть. Здорово он, оказывается, проголодался, пока мерился силами с лесным господином.

Начиная свои байки, охотники всегда предупреждают: «Хочешь верить – верь, не хочешь – не верь, но врать не мешай». Так и не знаю, что в рассказах про ловкого Кормана правда, что сказка. Посмотришь на этого добродушного с пшеничными бровями человека, никогда не выпускающего изо рта свою трубку, – ничего необыкновенного. Да и сам он своими подвигами не бахвалится. Не знаю, не знаю, где правда, где сказка. А вот как он стреляет – сам видел. Было как-то у охотников состязание. Корман ака призвал на это своих товарищей. Поднимет он высоко в руке свою старую трубку, а какой-нибудь охотник с полсотни метров стреляет в нее из одностволки. Не попадает. И другой мажет, и третий. Тогда Корман ака сам берется за это дело. Стреляет и, задев пулей доньшко чилима, сбивает его на землю.

Угощали меня тут и медвежатиной, особенно вкусная еда у них – «алява» с медвежьим салом. Язык проглотишь! Заразился я у них не только пристрастием к медвежьему салу, но чуть было и другой болезнью не заболел – охотой. Берданку себе приобрел. Ходил по ближним лесам, пристрелив птицу. А осенью даже за куропатками увязался. Правда, когда возвращались, то у каждого охотника на поясных ремнях висело по десять-пятнадцать птиц, а я нес одну разнесчастную.

Не знаю, как сейчас в тех далеких краях, но тогда леса кишмя кишели дичью, реки – рыбой, природа края щедро одаривала ягодами, орехами. Возами везли из леса бруснику, клюкву, кедровые орехи, смородину, а про черемуху, рябину, калину и говорить нечего – их никто и во внимание не принимал. Все эти дары леса шли затем на Ишим-Павлодарские базары, а в обратном направлении двигались возы с пшеницей. Настрелять за сезон по двести-триста белок, несколько десятков рыжих лисиц, песцов, соболей и другой живности считалось делом привычным, естественным. В бесчисленных мелких реках и водоемах рыбу ловили зимой и летом – это тоже был их коренной промысел.

Где-то в середине августа к нам прибыл Шараф Мустафин. Родом он из деревни Сатылган из-под Тобольска, а учился в Казани, окончил ТКУ. А еще, как оказалось, был он футуристом и даже сам писал пьесы. Шел слух, что одна его пьеса – «Войско» – даже напечатана.

Мне еще никогда не приходилось видеть живого футуриста. Если судить по трескотне, которая поднята в различных публикациях, это были довольно странные люди. А этот парень – высокий, с волосами до плеч, чуть рябоватый, с веселыми и хитроватыми, как у всех в здешних местах, глазами, разговаривающий с мягкой улыбкой – не казался ни странным, ни страшным, ни смешным. Мы с ним быстро сошлись. Он-то и подбил меня на «интересное путешествие».

Алиш ага помог найти хорошего лодочника, мы уселись в плоскодонку и по реке Агыт, протекающей прямо через Тукуз, поплыли вверх по течению. Ленивая река, вытекавшая откуда-то из болотин, в некоторых местах была сплошь усеяна лилиями, и лодка, как по ковру, скользила по этим фарфоровым зарослям, раздвигая белые чашки цветов.

Когда плыли в узких местах, то прямо задевали согнувшиеся под тяжестью спелых ягод малиновые и смородиновые кусты. Свешивались над рекой и гроздья черемухи, рябины, неожиданно где-то перед самым носом с шумом вспархивали утки и какие-то неизвестные мне птицы. Чуть отлетят в сторону от нас и снова – плюх на воду.

Пробираясь по этой сказке, приплыли мы в деревню Уват, в пятнадцати верстах от нашей. Главным занятием у деревенских была тут рыбная ловля в реке с таким же названием – Уват. Сухие рыбыны лежали на берегу реки прямо как поленницы дров. Такое я видел впервые. С установлением санной

дороги они эту рыбу отвозили в Тобол, сдавали в потребсоюз, а оттуда везли продукты и всякое рыболовное и охотничье снаряжение.

Переночевали мы у Абайдуллы ага, который сам и старший сын его Мокка в партии с девятнадцатого года. Младшему сыну Шаке восемнадцать лет, он комсомолец. Нас встретили очень хорошо, угостили невиданной до этого едой из рыбы, наутро проводили.

Еще сорок пять километров по сказочной реке – и мы к закату солнца в деревне Агытбаш. Здесь тоже живут рыбаки, но немного занимаются они и хлебопашеством. Мы остановились у председателя сельсовета Айтбаева. Человек он уже пожилой, единственный партиец в этой деревне и стоит на учете в нашей партиячке. Жил он, надо полагать, довольно крепко: добротные надворные постройки, дом в два этажа, еще в двух домах – две его жены. Очень я удивился, что у него две жены. Такое в моей комсомольской голове, «сжигающей все старое», не укладывалось. Вот тебе на: коммунист, председатель сельсовета, а у самого две жены!

– А что тут удивительного? – обиделся он. – Еще в микулаевские времена они взяты, от обеих куча детей. С которой разводиться? Как? Обе неплохие они, обеим – по избе, обеим – равные полные права! Пусть живут себе, тебе-то что?

Он водил нас в гости в оба дома, к обеим женам, для последующей дороги дал и лодку, и лодочника, проводил. Мы пересекли большое озеро, потом попали в узкий канал, которым это озеро соединялось с другим. Канал вырыли по совету Айтбаева, чтобы рыбакам не тянуть на себе лодки. Мы с Шарафом вышли на берег и двинулись пешком, а лодочник стал проталкивать лодку по каналу.

С реки казалось, что берег – это ровная зеленая луговина, поросшая осокой, с видневшимися кое-где короткоствольными березами, карликовыми соснами, редкими ольховниками. Но вся эта луговина оказалась в сплошных кочках. Стоит только чуть подольше задержаться на одном месте, как прямо на глазах кочка, на которой ты стоишь, начинает с бульканьем оседать, рыжая вода пенится и так и норовит залить голенища. Тут уж зевать некогда – перепрыгиваешь на другую кочку и стараешься побыстрее добраться до кустарника, где земля держит покрепче. Когда-то мальчишкой у родника Букырлы вот так же перепрыгивал я с кочки на кочку по такой же топкой земле. И называлось это место – Бездонный Колодец.

Шараф оказался на редкость острым на язык и веселым человеком. Знай сыплет шуточками и скачет себе на своих длинных ногах. Ему-то что, он местный, привычный. А я начинаю отставать. А тут еще прямо передо мной – змея. Уставилась на меня, сама черная, глаза – как у дракона, «старушечий рот» раскрыт, и из него высовывается тонкий язычок. И нисколько меня не боится! Отпихнуть ногой – а что как укусит? Обойти – не получается, угодишь в бездонный колодец.

Взмахиваю своей длинной, как оглобля, палкой, которую, прыгая с кочки на кочку, не выпускаю – как и Шараф свою – из рук. Летят во все стороны грязные брызги, а змея даже не шелохнется. Так-то вот.

Километров пять «пропрыгали» мы, пока добрались до следующего озера и снова сели в лодку. Плыдем сквозь лилии, огибаем острова из камыша. Гляжу – и глазам не верю, совсем рядом, ну прямо рукой дотянешься – лебеди. Плывут себе и ноль на нас внимания. А уток-то, уток! И тоже чихать на нас! Только разделились на две группы – отплыли, давая дорогу лодке.

Еще немного проплыли – стоят на двух высоких кочках две длинноногие и длинношеие цапли и тоже только чуть голову повернули, глянув на нас искоса.

– Они тут птенцов выводят, пробудут до самой осени, – сказал лодочник. – Ни один охотник стрелять здесь не будет.

Это озеро называется Оллы. Ширина у него четырнадцать, а в длину, говорят, больше сорока километров. Очень может быть, потому что другого берега не видно, и вода вдали сливается с небом. Здесь и волны совсем уже другие – не по нашей лодке. Вот мы и плыли, почти прижавшись к берегу, пока не добрались до деревни.

В нескольких деревушках по берегам озера все жители – рыбаки. С плугом тут сунуться некуда – все лес да болото. В одной деревне нас зазвал в гости парень по имени Барый – брат Гали Рагачурина, учителя из Тукуза.

Пробыли мы у гостеприимных хозяев три дня. Кормили нас разными вкусными блюдами из рыбы, приготовили обязательный для здешней татарской кухни баурсак, без которого не бывает ни свадьбы, ни застолья. Ходили мы на берег, когда рыбаки выбирали невод, провели собрания молодежи, говорили о международном положении и мировой революции, слушали, как поют и как играют на курае.

Шараф все это путешествие затеял не ради прогулки по болотным кочкам. Дело в том, что именно в этих краях (Тюмень – Тобол, Ишим – Тара) в двадцатые годы и проходили кровавые события кулацко-

го мятежа, широко захватившего деревни. В войну против поднявшейся слепой стихии, подстрекаемой белыми офицерами и кулаками, включились все местные коммунисты и комсомольцы. Сам Шараф и мой друг Гали Рагачурин, и те люди, к которым мы заезжали во время нашего путешествия, – все они, взяв в руки оружие, прочесывали вот эти самые топкие болота. Шараф решил об этом написать. То ли художественное произведение, то ли книгу воспоминаний. К сожалению, в печати ничего такого так и не появилось.

В ту поездку у меня тоже зародилось желание написать обо всем увиденном. Очень уж все тут было непривычным – и жизнь, и обычаи, и язык, и фольклор, и многое другое. Говорят, что жители этого края только во время хана Кучума (в шестнадцатом столетии) приняли ислам. Чтобы распространить и закрепить новую веру, из бухарского эмирата были сюда завезены что-то триста или пятьсот семей просвещенных узбеков, которые открыли в деревнях медресе и не только знакомили с религией, но обучали хоть немного чтению-письму. Несмотря на все старания просветителей, исламская религия особо тут не укоренилась. Я, например, не видел, чтобы женщины здесь молчали при посторонних мужчинах, чтобы хоть краешком платка прикрывали лицо от мужского взгляда. Не прижились здесь молитвенные заговоры от болезней, вера в лечебные свойства воды, налитой в чашку, на дно которой нанесены святые изречения. Хворь тут «выгоняют» по-другому, заставляют плясать до изнеможения под игру скрипки. Используются, конечно, и какие-то шаманские снадобья.

В домах получается какая-то мешанина: есть и низкие нары – саке, а рядом с ними круглый стол. Обычай сидеть вокруг стола, подогнув калачиком ноги, или есть полулежа, странное устройство очагов, хлебные печи на улице – все это, наверное, память о «бухарском происхождении» местного населения.

А какие завораживающие у них старинные песни – неторопливые и печальные! Их немало пришлось мне услышать, особенно от Касука бабая, с которым мы не раз коротали длинный путь в «Чурнай», как именуют здесь на свой лад районный центр Чернаковский. А как умеет на курае растревожить сердце Хамза Маннанов! Как поет Абушамаев, после смерти отца – богатого хазрата – ставший землепашцем! От него-то я и услышал байты о кулацком мятеже двадцатого года:

Раным-рано я встал,
Бросил рыбам приманку,
А она им совсем не нужна.
Эх, друзья,
Лучше взять мне берданку:
Принесет нам свободу
Партизанская наша война.

И – без всякого перехода:

Ой, сыграй, родная скрипка,
В ней всего-то три струны...
Эх, украсть бы дочь бандита –
Лучше б не было жены.

Свадьбы в этих краях начинают играть, когда утихает охотничий сезон. Мне пришлось быть не на обычной свадьбе, когда женятся молодые, а на свадьбе суннат, которая справляется по случаю обрезания. Да, сохранился еще здесь этот обряд, когда играют свадьбу для мальчишки, достигшего школьного возраста. И справляют ее в течение двух-трех дней. Приглашаются не только жители своей деревни, но и приходят люди со всей округи – званые и незваные. С утра до самой ночи их угощают. Самое интересное на такой «свадьбе» – скачки. На конец длинного шеста подвязывают разные меха – шкуры белки, лисы, горностая, даже соболя – и мчатся на лошадях. Летом такие скачки не проведешь – лес да болота кругом. А вот зимой можно...»

Литература

1. Шэйхи Маннур. Агымсуларга карап: повесть. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. – 494 б. 27.000 д.
2. Шэйхи Маннур. Агымсуларга карап: повесть (кыскартылган вариант). – Казан, 2003. – 127 б. 10.000 д.
3. Шайхи Маннур. Глядя на текущие воды: повесть / пер. с татар. – Казань, 1991. – 352 с.
4. Даутов Р. Н., Рахмани Р. Ф. Эдипләребез: библиографик белешмәлек : 2 томда : 2 том / төз. Р. Н. Даутов, Р. Н. Рахмани. – Казан, 2009. – б. 47-51.

Н. О. Тадышева

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ В ТРАДИЦИОННЫХ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

Свадебная обрядность связана с изменением социального статуса, что отличает ее от материнского и поминального ритуалов, которые определяются прежде всего как естественные биологические факторы. Автор уделяет внимание выявлению общего в свадебной обрядности алтайского и хакасского населения. В семейных обрядах отражены основные черты социальных отношений в обществе, в них можно проследить архаичную тематику. Также интересными являются особенности обычаев и обрядов в алтайской и хакасской культуре.

Wedding ritual is connected with the change of social category, as opposed to maternity and funeral rituals which are primarily determined as natural biological factors. The research pays attention on identifying of common seams in wedding ceremonies in Altai and Khakassia. In family rites are reflected the essential features of social relations in the society and there can be traced archaic themes. Very interesting are also specialties in customs and rituals in the Altain and Khakassian cultures.

Семейная обрядность является одним из консервативных элементов традиционной культуры. Обряд, оформляющий заключение брака, объединяет по своему содержанию другие переходные обряды семейного цикла, но имеет свою специфику по сравнению с другими семейными обрядами. Свадебная обрядность связана именно с изменением социальной категории, в отличие от родильной и похоронной, определяемой в первую очередь природно-биологическими факторами. В традиционном мировоззрении брак является обязательным, а безбрачие считается как неполнота, неисчерпанность жизненного цикла, говорят, куру пустой.

Объектом нашего исследования является свадебная обрядность алтайцев и хакасов в хронологических рамках XX – начала XXI в. Анализ свадебной обрядности алтайцев и хакасов проведен на основе материалов этнографической литературы XX – начала XXI в., а также полевого материала автора. При изучении этнографического материала обычаев, обрядов брака в алтайской и хакасской культурах выявлены одинаковые представления и особенности традиционного мировоззрения. Мы не будем останавливаться на способах заключения и формах брака, уделим внимание общим чертам и особенностям обрядовой культуры саяно-алтайских тюрков, которые в народной традиции приобретают культурно-символическое значение, в понимании символа как ценности¹.

Как в алтайской, так и в хакасской свадебной обрядности присутствуют ограничения к вступлению в брак по родовой принадлежности, т. е. распространен экзогамный брак.

В семейной обрядности проводятся последовательные церемонии, которые сопровождают переход из одного состояния в другой, из одного мира – в другой. В брачном церемониале сильны представления о понятии «свой» – «чужой», вера о воздействии «чужого». Здесь невеста оказывается в качестве «чужой». Ее воздействие сильно по отношению ко всем остальным, и против нее принимаются меры магически-религиозной защиты, происходит отделение от прежнего домашнего культа, семьи и включение в новую среду.

Так, родители невесты на свадьбе не присутствуют и в течение года не имеют права навещать свою дочь. Таким образом, во время промежуточного этапа совершаются обряды отделения от дома родителей и включения в семью мужа. Срок можно объяснить периодом, когда рождается ребенок, и невеста, став матерью, тем самым укрепляет связь и окончательно присоединяется к мужу.

И в норме закрывать лицо невесты у алтайцев кӧжӧгӧ свадебным занавесом, у хакасов платком наблюдается проявление понятия «свой» – «чужой». Пока не проведены обряды перехода нового члена в семью, она являлась чужой и опасной. Необходимо было прикрывать молодую девушку до завершения ритуально закрепленного перехода невесты в дом мужа.

Заплетение волос невесты. Магический обряд защиты. Обряд плетения волос не только переход в статус замужней женщины, но и сущностное изменение, переход девушки из одной семьи в другую. Однако истоки обряда лежат значительно глубже, это своеобразное действие-оберег. Представление о силе, якобы заключенной в волосах, универсально. Распущенные волосы наделяют их владельца еще большим могуществом или усиливают его связь с сакральным миром. Распуская волосы невесты, освобождали разрушительный хаос, символом которого является «неубранная голова», чтобы победить его вновь. Расчесывание волос – восстановление упорядоченной соразмерности облика человека и, следовательно, миропорядка. Две косы замужней женщины окончательно превращали ее из «чужой» в «свою»².

«Кайындаш» – обычай избегания также направлен на защиту родителей мужа, таайы мужа от жены из другого рода, которая, даже вступив в брак, не утрачивает принадлежности к своему роду. Таким образом, она при произношении, употреблении имени кайны, при прямом обращении к ним может вызвать, навлечь, причинить вред.

В день свадьбы жених не ездил за невестой, за ней отправлялись невестки жеене, племянники жеени. Данный обычай, видимо, также направлен на защиту жениха, семьи от «чужого», ведь в процессии участвуют женщины, которые тоже из другого рода и жеени, здесь сильны представления о родстве по материнской линии, ведь в большинстве своем старались жениться на девушках рода матери, значит, жеени жениха и невеста и, может быть, невестки жениха были одного рода. Присутствие племянников, младшего брата или близкого младшего родственника жениха исследователи связывают с обычаем левирата³ или отголоском группового брака⁴, но мы считаем обязательность именно жеени племянников по материнской линии связано с нормами матриликальности.

Обрядовые действия, совершаемые вокруг невесты, направлены на то, чтобы сделать ее нейтральной или свести к минимуму опасность, исходящую от нее. Происходит приобщение невесты к новому обществу, роду, семье.

Интересным является и то, что и у алтайского населения, и у хакасского приданое меньше, чем калым. Движением подарков, приданого, выкупа между семьями молодых, включающихся в определенное для друг друга сообщество, создается непрерывность связей. Можно сказать, что через обмен происходит символическое пожизненное соединение. Когда родственники жениха не докладывают названный родственниками невесты выкуп, можно объяснить как представление о том, что невеста чего-то стоит, приобретают ее как члена своего коллектива, поэтому тождественность понятия «дар – обмен» в данном случае теряет свой смысл.

Алкыш (благопожелание) как наиболее архаичный жанр народной поэзии основан на магии слова и имеет цель просьбы, пожеланий благополучия в жизни, благоденствия и здоровья.

Таайы/тайы (дядя по материнской линии) в алтайской свадебной обрядности возглавляет сватовство, совершает обряд поклонения огню во время свадьбы, проводит башпаады, открывает кӧжӧгӧ, кроме родных членов семьи невесты, чтобы сосватать, нужно было обязательно таайы невесты. У хакасов также родители невесты в первую очередь угощение от сватовства отправляли с тайы невесты, тайы жениха приносит огонь для новой юрты из родительского очага, посаженной матерью могла быть жена тайы, для участия в обряде «поднятия парги» – «паргаа хаптырганы» – приглашались и тайы с женой. Значительную роль таайы/тайы в семейных обрядах можно объяснить устойчивыми реликтами материнского рода в традиционном обществе.

Рубить кости забитого на свадьбу животного запрещал обряд иранского происхождения, что отражает веру в реинкарнацию. Чтобы душа ожила, необходимо сохранить останки и разделять нужно обязательно по суставам.

Поклонение огню. В свадебной обрядности отражены архаические представления, т. к. огонь является для многих народов стихией, которую особенно выделяли и почитали. Огонь – символ новой семьи, нового дома, алкыш для молодой семьи звучит: «Таш-очогы тайкылбазын, талкан-кӱли чачылбазын» – букв. «Пусть очаг не соскользнет, пусть огонь не рассыплется». Угощение огня является просьбой благословения новой семьи. При сватовстве родственники жениха в первую очередь поклоняются огню дома родителей невесты. Сакральным местом в аиле является «оттын баажы» (голова огня), где не разрешается никому ходить.

Реликтовым является и обряд «энезинин сӱдинин каргыжы», «эмчек карыш», по-хакасски «сют агы», или «имджек агы», который поводится во время свадебной поездки к родителям невесты – у алтайцев белкенчек, у хакасов тӕргин. Суть обряда сводится к подношениям матери невесты как символической платы сватов молодых за грудное молоко матери, за воспитание дочери.

Однако отмечаются и различия в проведении свадебных обрядов на Алтае и Хакасии⁵. Такие элементы, как молоко, арчын, белый цвет и др., играли существенную роль в культуре народов Южной Сибири и Средней Азии, известны многим тюркским, монгольским народам. Но именно в культовой практике у алтайского населения они приобрели ярко выраженный характер, что можно объяснить влиянием бурханизма, возникшего и распространившегося в Горном Алтае в начале XX в.

В религиозно-обрядовой традиции алтайцев большое место занимает культ жайык. В нем отражены древние анимистические, тотемистические, шаманские и бурханистские представления. Сакрализация культа жайык определил его место в алтайской семейной обрядности. Так, во время сватовства родственники жениха, приехав к родителям невесты, обращаются: «Ак жайыгардан, от-очоктон, ада-энезинен, уур эткен улус эдис, кудалап келгенис» (букв. «От семейных божеств – жайыка,

хозяина огня, из дома, от родителей, совершившие воровство, приехали сватать»). Во время свадьбы молодой семье устанавливают своеобразный жайык – арчын с кыйра⁶.

Отличительным моментом является сакрализация молока в традиционной обрядности алтайцев. При сватовстве к родителям невесты обязательно заходят с молоком и молочной водкой аракы. На свадьбу, белкенчек необходимо приготовить курут сырчик, пыштак. Невесте, после того как открыли кӱжӱгӱ, дают выпить молоко. Такой ярко выраженный выход на первый план молока и молочных продуктов у алтайцев связываем с бурханизмом. Алтайцы называли свою веру «ак жан, сӱт жан» – «белой верой, молочной верой».

Также особое место занимает арчын – можжевельник, он является необходимым компонентом во всех без исключения бурханистских обрядов. Во время сватовства приезжают с арчыном, во время проведения обряда «башпаады» кладут арчын в огонь, таайы им может открыть кӱжӱгӱ. Арчын – элемент архаичных дошаманских культов, ему приписывают охранительные и очистительные свойства. В бурханизме он стал своеобразным паролем, символом принадлежности к «белой вере»⁷.

Как пишут исследователи хакасской свадебной обрядности, обязательным в обрядах было нечетное число⁸. У алтайского населения же сватовство, приготовление кийиса – войлочного ковра – должно было проводится четным количеством людей, в данном процессе не могли участвовать люди разведенные, вдовы, вдовцы, т. к. они одни «ээжӱ жок» (без пары). При сватовстве повторяют процедуру четное количество раз. Наблюдаем соблюдение языка символов и знаков – «живое – неживое», «четное – нечетное», «полное – неполное».

Этнографическая литература и полевой материал позволяют выявить общее в свадебной обрядности алтайского и хакасского населения, и можно сказать, что некогда общий пласт представлений народов Саяно-Алтая сегодня функционирует в модифицированном виде в каждой этнической культуре. Архаические представления, трансформировавшись, продолжают действовать в современной семейной обрядности, что говорит об их устойчивости в традиционной культуре. Также необходимо отметить и наличие локальных особенностей, т. е. установление тенденции и закономерности в развитии становления религиозной картины мира. Для Алтая характерным отличием является комплекс бурханистских культовых предметов, обрядов. Бурханизм оказал значительное влияние на этническое мировосприятие алтайского населения, что отражается в идентификации и позиционировании в пространстве и выявляет этноконфессиональную характеристику коренного населения Республики Алтай.

Примечания

1. Патачаков К. М. Семейно-родственные отношения у хакасов // Вопросы этнографии Хакасии. – Абакан, 1981. – С. 82–100; Шатинова Н. И. Семья у алтайцев. – Горно-Алтайск, 1981. – С. 183; Бутанаев В. Я. Свадебные обряды хакасов в конце XIX – начале XX в. // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1987. – С. 179–193; Кустова Ю. Г. Традиционное имянаречение у хакасов // Хакасия в XX веке: хозяйственное и социальное развитие. – Абакан, 1995. – С. 154–159; Тадина Н. А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). – Горно-Алтайск, 1995. – 207 с.; Медведева Т. Н. Обычное семейное право хакасов: Автореф. дис. канд. ист. наук. [Электронный ресурс] // Электрон. текст. дан. Электронная библиотека диссертаций dslib.net, 2007-2014. URL: dslib.net>etnografia...semejnoe-pravo-hakasov.html (дата обращения: 27.04.2014); Тадышева Н.О. Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2011. – 176 с.
2. Шерстова Л. И. Представление о «чужих» в ментальной традиции аборигенов Южной Сибири // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX в.). – Новосибирск, 2008. – С. 186–246.
3. Бутанаев В. Я. Свадебные обряды хакасов... – С. 187.
4. Бутанаев В. Я. Особенности культуры и быта тюрков Саяно-Алтая. – Астана, 2011. – С. 69.
5. Шерстова Л. И. Бурханизм: истоки этноса и религии / Отв. ред. В. П. Зиновьев. – Томск: Томский государственный университет, 2010. – 228 с.; Тадышева Н. О. Полевые материалы автора: Керексибесова Мандык Бадаевна, 1929 г. р., сӱк кӱжӱгӱ; Клешева Татьяна Давыдовна 1939 г. р., сӱк кыпчак; Сорощева Унчукпас Бапаевна 1930 г. р., сӱк кӱбӱк; Толмашова Римма Алексеевна, 1957 г. р., сӱк ирkit.
6. Тадышева Н. О. Культ жайык в традиционных представлениях алтайцев // Вестник Томского государственного университета. История № 3 (23) (Июнь / 2013). – С. 169–171.
7. Шерстова Л. И. Бурханизм: истоки этноса и религии... – С. 209.
8. Бутанаев В. Я. Свадебные обряды хакасов... – С. 189.

Е. А. Орлова

СИМВОЛИКА НАЦИОНАЛЬНОГО СВАДЕБНОГО КОСТЮМА ЖЕНЩИН-ТЕЛЕУТОК

Данная статья раскрывает символическое значение цветов свадебного костюма женщин-телеуток. Продемонстрировано, что свадебный костюм телеутов в символической форме служил для сохранения и передачи знаний о традиционном мировоззрении. Более того, посредством специальных атрибутов костюм защищал женщину от влияния злых духов и гарантировал ей помощь хороших.

This article investigates the symbolic meaning behind traditional Teleut wedding dress colors. It is shown that Teleut wedding dress in symbolic form served to preserve and convey knowledge about the traditional worldview. Moreover, the dress protected a woman from the influence of evil spirits and ensured help of the good ones through special attributes associated with the good.

При изучении истории малых народов, особенно бесписьменных или получивших письменность в этнографическую современность, огромное значение приобретает исследование объектов материальной культуры – орудий труда, домашней утвари, жилищ, одежды и прочего. Все эти объекты не только выполняют определённые утилитарные функции, но и несут в себе информацию, закодированную в виде различных символов. Выделение и истолкование этих символов позволяет реконструировать духовные представления того или иного народа, его историческое прошлое и культурные связи с иными этносами.

На территории Кемеровской области проживают представители нескольких малых народов, чьё историческое и культурное наследие требует внимательного изучения и бережного сохранения. Например, исследователям стоит обратить своё внимание на телеутов, изучение духовной и материальной культуры которых позволит лучше понимать мировоззрение тюркских народов, что приобретает особую актуальность в современных условиях. Ведь в глобализирующемся мире проблемы сохранения национальной идентичности и налаживания мирного конструктивного диалога между представителями различных этнических групп становятся всё более острыми.

Целью данной статьи является рассмотрение символического значения традиционной свадебной одежды женщины-телеутки, для чего автором привлекались материалы из фондов Государственного автономного учреждения культуры Кемеровской области «Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница» (далее ГАУК КО МЗТП), а также записи телеутского фольклора, сделанные этнографами XIX–XXI вв.

Свадебные обряды любого народа сохраняют в себе целый ряд архаичных черт, которые позволяют реконструировать многие базовые представления, лежащие в основе традиционного мировоззрения того или иного этноса.

У телеутов существовало несколько типов свадебного обряда, господствующим из которых был брак по сватовству, когда жених платил за невесту выкуп – калым. Кроме того, имели место как самостоятельный уход невесты к жениху, так и её умыкание. Сам свадебный обряд проходил в несколько этапов (приезд жениха в дом родителей невесты, обмен подарками, свадебное угощение, поклонение духам и т. д.), которым предшествует переодевание невесты, и именно на этом этапе мы остановимся особо.

Переодевали невесту родственницы жениха. Они снимали с невесты особое, декорированное тремя косичками с пышными кистями украшение – пууш, которое носили только девушки. Затем пууш отдавали младшим сёстрам невесты или, за их отсутствием, девочкам из ближайшей родни. Родственницы жениха, как правило, жёны братьев, расплетали девичью косу и переплетали её в две женские, связывая их лентой или цепочкой, к которой привязывали тану – накосное украшение в виде бляшки, служившее отличительным признаком замужней женщины-телеутки. Косу с таной сначала укладывали под платье на грудь, а на свадьбе перекидывали на спину¹.

Затем невесту переодевали в традиционную свадебную одежду: надевали на неё кунёк (национальное платье) из красного атласа, натурального или искусственного шёлка². Платье украшалось особым нагрудником – тóштóк и подпоясывалось полосатым кушаком – кур, отделанным кистями. На кунёк надевали лёгкий распашной халат – чиймек, сшитый из тафты или шёлка и отделанный галуном золотого или серебряного цвета. Традиционно чиймек должен был быть синего цвета.

Голову невесты покрывали нарядным платком, поверх которого надевали высокую шапку из красного сукна, отделанную галуном под золото и серебро и отороченную собольим мехом. На

макушке располагалась кисть красного или голубого цветов. На ноги невеста обувала чарык – обувь из кожи с толстой подошвой, короткими голенищами и слегка загнутыми кверху носами³.

Из всего вышеизложенного следует, что цветовая гамма традиционного свадебного женского костюма телеуток была ограниченной – красный, синий или голубой, а также золотистый и серебристый цвета. Таким образом, можно сделать вывод о том, что данные цвета несли определённую смысловую нагрузку, объяснить которую можно опираясь на данные по фольклору не только телеутского, но и других тюркских народов.

У многих народов красный цвет наделён особым значением – его связывают с красотой, девственностью, святостью. В качестве примера можно привести устойчивые словосочетания, сохранившиеся в русском языке: «красная девица», «красное солнышко», «красный угол». «В Китае об искреннем, откровенном человеке говорят «красное сердце», тогда как сердце дурного, коварного человека черно»⁴. Кроме того, красный цвет часто связан с солнцем и кровью, а также с плодородием и способностью к деторождению.

Согласно данным А. В. Эдокова, в алтайском языке бытует словосочетание «кызыл марал качарлу», означающее красивое лицо и в дословном переводе на русский означающее «с красно-красивыми щеками»⁵. Ленты красного цвета алтайские шаманы посвящали духу – хозяину огня и домашнего очага⁶.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что свадебное платье, которое шилось исключительно из ткани красного цвета, служило своеобразным оберегом, призванным обеспечить женщине красоту, здоровье и благополучную семейную жизнь.

Важное значение в культуре многих тюркских народов имел синий цвет. Его символика традиционно связывалась с небом. Соотнесение синего или голубого цвета с верхним миром можно подтвердить тем, что в подобные цвета окрашивались элементы одежды, маркирующие верх (чиймек и кисть на макушке шапки). Л. Л. Габышева пишет, что «в языковом сознании тюркских народов концепты «небо», «голубой» и «бог» нераздельно слиты и образуют семантическую парадигму традиционной картины мира с древнейших времен»⁷. Этой же точки зрения придерживается и Ж. Таниева, которая пишет, что синий цвет у тюркских народов – кок – символ верности, вечности и постоянства, так как он ассоциировался с божественной субстанцией и прародителем рода. Кок является постоянным эпитетом древнетюркского божества Тенгри – Кок Тенгри, т. е. Небесный Тенгри, который даровал жизнь⁸.

Кроме того, в традиционной одежде телеутов присутствует чёткое разделение на верх и низ, которые противопоставляются друг другу. Например, в Алкыш сös (Благословении по поводу надевания нового платья на девочку) говорится: «Пусть воротник (платья) масляным будет, пусть подол (платья) в кале будет»⁹.

Противопоставление верха и низа в традиционной телеутской одежде подчёркивалось также богатством отделки воротника – тяка и нагрудника – тōштōк. То есть элементы одежды, связанные в символическом отношении с верхом, обозначались не только голубым или синим цветом материала (чиймек и кисть на шапке), который ассоциировался с небом и, вероятно, должен был подчеркнуть чистоту невесты и призвать на неё благословение добрых божеств и духов, но и декоративной отделкой. Последнее утверждение можно обосновать на примере тяка и тōштōк.

Тяка представляет собой суконный воротничок-стойку высотой около 3 см. Твёрдость придаётся за счёт подкладки из бересты или картона¹⁰. Характерная черта тяка состоит в том, что он обязательно украшается особыми бляшками – акча (в переводе означает «деньги»). Акча делали из картона или бумаги в форме слегка вытянутого четырёхугольника и сплошь расшивали золотой или серебряной нитью, чтобы придать им сходство с металлическими монетами или украшениями. Особый статус ворота одежды подчёркивает алтайская поговорка «Без ворота шубы не бывает, без зайсана (родового лидера) народ не существует»¹¹.

Помимо тяка, свадебное платье украшалось нагрудником тōштōк, состоявшим из двух симметричных половинок. Для его изготовления два куска бересты или картона обшивались снизу ситцем, а с лицевой стороны – сукном, причём всегда ярко-красного цвета. Затем внешние края тōштōка отделявали широким серебряным галуном, а с внутреннего – нашивали акча. Обе половинки нагрудника прикрепляли по краю разреза ворота, и против каждого акча пришивали металлические, иногда серебряные пуговицы с левой стороны, а петли из тесьмы – с правой¹².

О символике золота и серебра в культуре тюркских народов стоит поговорить особо. Л. Л. Габышева пишет, что в эпосе тюркских народов Сибири такие драгоценные металлы, как золото и серебро, связываются с благодатным божественным началом. Например, в телеутской сказке «Сүт ак атту

Маладу» («Маладу, имеющий молочно-белого коня») «единственный творец» живёт в золотом дворце и пользуется золотой посудой¹³. Относительно серебра можно сказать, что, например, в олонхо якутов всем священным предметам приписывается эпитет «серебряный»¹⁴.

Таким образом, свадебный женский телеутский костюм выполнял не только информационную функцию, в символической форме сохраняя и передавая сведения о традиционной картине мира, но и защитную. Наделяя невесту атрибутами, связанными с благом, костюм должен был оградить её от влияния злых духов и обеспечить помощь добрых, чтобы будущая семейная жизнь была счастливой. Ведь в традиционном обществе семья была практически единственной сферой реализации женщины.

Примечания

1. Кацюба Д. В. Духовная культура телеутов. – Кемерово, 1993. – С. 33.
2. ГАУК КО МЗТП. ОФ 5508.
3. Кацюба Д. В. Указ. соч. – С. 33.
4. Ханзеева Д. П. Цветообозначение в бурятском языке: лингвокультурологический аспект. Дисс. канд. филолог. наук. – Улан-Удэ, 2011. – 176 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/tsvetooboznachenie-v-buryatskom-yazyke-lingvokulturologicheskii-aspekt> (дата обращения 05.03.2014).
5. Эдоков А. В. Цветовое восприятие в культуре алтайцев // Известия АлтГУ. – 2007, № 2. – С. 81.
6. Тюхтенева С. Н. О символике цвета в культуре алтайцев // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. Тезисы конференции, посвященной 125-летию Г. И. Чороса-Гуркина. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 61.
7. Габышева Л. Л. Слово в мифопоэтической картине мира (на материале языка и культуры якутов) : автореф. дис. ... д-ра. филолог. наук / Л. Л. Габышева; Ин-т высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета. – М., 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/gabysheva1.htm> (дата обращения 05.03.2014).
8. Таниева Ж. Символика цвета как носитель культурных кодов // Простор. – 2010. № 5. – С. 164.
9. Фисакова Г. Г. Образцы фольклора бачатских телеутов // Телеутская земля и её коренные жители. Вып. 1. – 1990. – С. 29.
10. Беленко В. А. Национальная одежда телеутов (описание и методические рекомендации с чертежами выкроек для шитья женской и мужской одежды) // Телеутская земля и её коренные жители. – 1990. Вып. 1. – С. 22.
11. Тадина Н. А. Без ворота шубы не бывает, без зайсана народ не существует (к вопросу интерпретации символики статуса у алтайцев) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции (матер. конф.). – Томск, 2008. – С. 323.
12. Беленко В. А. Национальная одежда телеутов (описание и методические рекомендации с чертежами выкроек для шитья женской и мужской одежды) // Телеутская земля и её коренные жители. Вып. 1. – 1990. – С. 22.
13. Функ Д. А. Устное творчество, игры и развлечения бачатских телеутов: итоги, проблемы и перспективы изучения // Телеуты. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XVII. – 1992. – С. 78.
14. Габышева Л. Л. Символическое значение номинаций металлов в эпосе якутов и других тюркских народов // Вестник Северо-Восточного Федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2012. – Т. 9. – № 3. – С. 117.

В. В. Ушницкий

ФОРМИРОВАНИЕ СЕВЕРНОЙ И ВИЛЮЙСКОЙ ГРУППЫ ЯКУТОВ

В статье прослеживается процесс распространения и формирования якутских родов по огромной территории Якутии и сопредельных районов. Миграция якутских родов из своей метрополии – Центральной Якутии – в вилюйские и северные районы привело к появлению их колоний в окраинах. Освоение районов с различным географическим ландшафтом: тайги, тундры, горной и озерной зоны и речных долин – наряду с занятием охотой и рыболовством, привело к распространению скотоводства и сенокосения на Крайний Север. Способствовало появлению этнической группы якутов-оленоводо, которых принято называть тунгусами.

Кангаласцы (джарханцы, нерюктэйцы, малъжегарцы, бордонцы) активно мигрировали в Вилюй, они принимали участие в образовании Сунтарского и Нюрбинского улусов. Кангаласцы, борогонцы, батулинцы также участвовали в формировании колымских, янских, анабарских групп северных саха. Баягантайцы положили начало томпонским и оймьяконским якутам. Усть-майских, оленекских, ой-

мяконских якутов принято считать ассимилированными эвенками. Большое внимание уделяется происхождению и распространению отдельных родов, имеющих родственные связи с Южной Сибирью и Байкальским регионом: туматами, хоринцами, батулинцами, хатыгынами.

Settling Yakut birth to the North-East of Siberia, people from the central areas, has resulted in Viliui and northern groups of Yakuts. At the same time, this was a process of assimilation of many Tungus clans. Education Yakut ulus (district) reflects the development of the vast expanses of the Yakuts of Northeast Asia, assimilation Tungus and Yukagir birth.

The article traces the process of the formation and propagation of the Yakut childbirth over a vast territory of Yakutia and adjacent areas. Yakut labor migration of its metropolitan – Central Yakutia VILYUISKY and northern areas has led to their colonies in the outskirts. Development of regions with different geographical landscape: taiga, tundra, mountain and lake areas and river valleys, along busy hunting and fishing, this has led to the spread of cattle and hay to the Far North. Contributed to the emergence of ethnic groups Yakut reindeer herders, who are called the Tungus.

Kangalastysy (dzharhantsy, neryukteytsy, malzhegartsy, bordontsy) actively migrated to Vilyuy, they participated in education and Suntarsky Nyurbinsky ulus. Kangalastysy, Borogontsy, batulintsy also participated in the formation of the Kolyma, yang, ANABAR groups northern Sakha. Bayagantaytsy initiated Tomponskogo Oimyakon and Yakuts. Ust-May, Olenyek, Yakuts Oimyakon assumed assimilated Evenki. Much attention is paid to the origin and distribution of different genera, with family ties to South Siberia and the Baikal region: Tumat, horintsy, batulintsami, hatygy nami.

Влияние родовой структуры в формировании административной организации Якутии в XVII–XIX вв. еще не стало объектом научных исследований. Стремление проследить свои корни присуще многим этническим группам саха, живущим в различных уголках Якутии, так как многие села северных и вилюйских улусов образованы выходцами из центральных улусов. В этом отношении проблема пути миграций якутских родов по обширным просторам северо-востока Сибири является актуальной. Целью исследования является расселение якутских родов по различным районам Якутии и территориально-административное деление якутского населения на улусы. Научной новизной является синтез фольклорных и архивных источников, результатов краеведческих исследований с научными трудами.

Ясачные волости, основанные на особой раннеулусной организации якутов, эволюционировали через укрупнение в административный улус в сторону превращения в наследную систему. Улус – административно-территориальная единица Якутии, введенная царской администрацией в XVIII в., соответствующая району. Наслэг (якут. нэһилиэк) — якутский посёлок, часть якутского улуса (волости) в Российской империи или района Якутской АССР в СССР. В Российской империи наслег — сельское общество, в котором числилось один или несколько якутских родов. Каждая якутская волость (по-местному — улус) разделялась на наслеги, управляемые выборными старостами. С 1790 по 1800 г. одновременно использовались названия «волость» и «наслег», с 1840 г. в архивных документах упоминается только «наслег».

Миграция якутов с центральных улусов и переход местных тунгусских родов на скотоводство и употребление якутского языка способствовали появлению Олекминского и Усть-Майского улусов. Несмотря на эвенкийские корни, местное население занималось скотоводством. В состав Олекминского улуса, расположенного на юге по р. Олекма и Олекмино-Чарскому плоскогорью, вошли нерюктэйцы, мальжегарцы, жарханцы, меитцы и хоролоры. Большое значение имела также ассимиляция славянского ямского населения. Население Усть-Майского улуса, расположенного по р. Алдан и ее притокам Мая и Аллах-Юнь, уже в конце XIX в. занималось скотоводством и заготавливало сено.

Частью бывшего Западно-Кангаласского улуса стал Горный улус. Он граничит с Вилюйским и Ковяйским улусами. Помимо чисто якутских наслегов (бывших родов) Одуну, Малтааны, Атамай, Маган, Мытаах, он включает оякученный Сологонский (шелогоны в документах XVII в.) тунгусский род.

Таким образом, мы представили родовой состав саха центральных улусов Якутии. Вилюйские и северные саха происходили от переселенцев из Центральной Якутии. Поэтому в основном они состоят из тех же родов. Однако среди вилюйских якутов дополнительно можно было встретить представителей родов солонгон, югюлээт, нюрбачаан, которых можно назвать потомками тунгусских родов шелогон (солонгон), фугляд (угулят) и нюрмагат (нюрбачан) XVII в.

Начиная с XVIII в. все заметную роль среди якутских улусов начинают занимать Вилюйские улусы. Четыре улуса: Вилюйский, Сунтарский, Нюрбинский и Верхневилуёйский – составляют вилюйскую группу улусов. Сунтарский улус, расположенный на западе Якутии, знаменит своими тойуксутами и сохранением чисто якутских традиций. В состав улуса входили 8 наслегов. Считается, что имена наслегов

Дьяархан, Бордон, Наахара, Тойбохой образованы от антропонимов, а названия таких наслегов, как Хоро, Хангалас, Мэйик, своими этимологическими корнями уходят в далёкие евроазиатские раздолья.

По преданиям, записанным Г. В. Ксенофоновым на Сунтаре, прародительница вилюйских якутов Дьяархан, или Дьяардаах, была не якуткой, а иноплеменницей-туматкой. Ее сыновья стали прародителями многочисленных джарханских родов¹. Следовательно, у вилюйских якутов имеется своя родословная, возводящая свои корни к братьям Тыгына со стороны туматки, или ньурбачаанки (тунгусский род нурмаган), Дьяардаах. Таким образом, генеалогия связывает вилюйчан как с аборигенами Вилюя, так и с кангаласцами – родственниками Тыгына. Это доказывается и анализом родового состава и этнической историей вилюйчан.

Нюрбинский улус, расположенный по среднему течению р. Вилюй с притоками, дал наибольший процент известных политиков, ученых и спортсменов (в основном боксеров) из якутов в советское время. Названия его наслегов: Бордонский, Жарханский, Кангаласский, Мальжагарский, Мархинский – свидетельствуют о преобладающем вкладе беженцев с Кангаласского улуса после подавления их многочисленных восстаний. В то же время само название улуса свидетельствует об ассимиляции тунгусского племени нурмагат (по якутски – ньурбачаан).

По архивным данным, в 1636 г. небольшая якутская колония располагалась лишь на нижнем течении Вилюя. Их называли «пешими» якутами или «туматами». Якуты – осекуи и кокуи – вносили ясак в Усть-Вилюйском зимовье, а кирикей, кыргыдай, тагусы и другие – в Средневилюйское, находившееся также в низовьях Вилюя².

В свое время Б. О. Долгих пришел к выводу, что слово «тумат» могло быть общим племенным названием якутов, плативших ясак в Средневилюйское зимовье (за исключением Оргутского рода кангаласского происхождения), к ним принадлежали роды тагус, кыргыдай, кирикей, онтул, лучинцы и олесы³.

В состав «пеших» якутов на Вилюе входил род люючюн, который связывают с названием средневековых нюйчжа (чжурчжэней)⁴. Существование рода люючюн было отмечено казаками в начале XVII в. на Вилюе. В Средневилюйском улусе образовались два наслег Люючюн. Вероятно, роды под названиями нуучча, луучча возникли в результате оседания русских (нуучча) в якутской среде. Это показывает, что шли процессы ассимиляции и оседания представителей чужих этносов в составе якутского народа.

В архивных документах XVII в. среди подгородных «саха» представлена Чумецкая, согласно Б. О. Долгих, Туматская, волость (род), находившаяся на территории Тюлэхского наслега Дюпсинского улуса⁵. Среди северных улусов тоже встречаются наслег под названием Тюмэти и Туматский, что позволяет прийти к выводу о возможности различия носителей этнонимов тюмэт и тумат. В составе амгинских бётюнцев и вилюйчан имелся род чорду. Следует отметить, что род с названием чорду был и у тувинцев. Название рода «конных» якутов Вилюя – тагус, возможно, связано с древним этнонимом тогуз-огуз. В 1638 г. тагусы были встречены на Вилюе, в Алдане и на речке Томпо. В районе среднего Вилюя был расположен Тагуский наслег.

В 90-х гг. XIX в. объактившиеся увалагиры-угуляты образовали Югюлээтский наслег⁶. Среди вилюйских и оленекских саха зафиксирован этноним «югюлээт», схожий с одним из обозначений племени ойратов – угулят, хотя они сами были представлены как одно из четырех племен ойратского союза. В составе Верхневилюйского улуса обнаруживаются многочисленные юёдүгэйцы, имя которых, возможно, образовано от названия намского рода юёдэй.

Жиганский улус (Эдьигээн), получивший свое название от эвенкийского рода эдиган (эдьигээн), даже получил статус национального эвенкийского района. Но и как в Оленекском улусе, местное оленеводческое население не знает иного языка, кроме якутского. На рубеже XIX–XX вв. на территории современного Оленекского района кочевали несколько больших родов: бэти, чорду, осогостох, ботулу, шологон, еспех, тэгэ и др⁷. Е. Кузнецова отмечает, что и сами оленекские якуты понимают причисление их к эвенкам (тунгусам) как отражение их образа жизни, не придавая этому термину в отношении себя этнического смысла⁸.

Северную часть Центральной Якутии занимает Кобяйский (Кэбээйи) улус. Территория улуса изобилует большими озерами, знаменитыми своими карасями. Современный Кэбээйи ранее именовался наслегом Чачы, который состоял из двух родов. Один из них являлся родом кыргыс⁹.

В. А. Туголуков доэвенкийским населением Вилюя считал туматов, а по материалам А. П. Окладникова, ими были сортолы. Судя по преданиям, они жили вблизи Верхоянских гор, им приписывали давно уже покинутые жилища¹⁰. По данным топонимики, сортолы на территории Якутии обитали на Вилюе, в Жиганске, на Яне, по речке Сартан и в Тулагы (пригород г. Якутска)¹¹.

Верхоянский улус занимает Янское плоскогорье, Верхоянский и Черский горный хребет. В 40-х гг. XVII в. в районе Верхоянского зимовья проживали якуты следующих родов: дьуһаал (юсальцы), хоро, байды, кюрэ, энгэ, эльгет. В ясачной книге от 1640 г. значились бётюнцы, в ясачной книге от 1642 г. — якуты Намской волости. В последующие годы в Верхоянском зимовье пришельцев из различных волостей Якутского острога становилось все больше¹².

Колымский округ состоял из одного обширного и одноименного улуса. В 1810 г. в улусе было 11 якутских наслегов: в верхнеколымской части — Метисский, Байдунский; в среднеколымской — Байдунский, Борогонский, два Кангаласских, два Мэтисских, Эгинский; в нижнеколымской части — Мэтисский¹³. По р. Колыма и Алазея располагаются Нижнеколымский, Среднеколымский и Верхнеколымский улусы.

Среди идентичных с центральноякутскими названиями родов колымских и верхоянских якутов можно встретить довольно оригинальные: энэлэр — энгинские якуты XVII в., которые, по одним данным, происходят от батулинцев¹⁴, по другим — от янгинского рода юкагиров. Считается, что название рода мээтис образовано от русского метис, также есть версия, связывающая его со словом мятежник (лит). Эта версия совпадает с тем, что Север якуты активно стали осваивать после поражения восстания кангаласцев под предводительством Дженника в 1670-х гг.

По реке Индигирка расположены Момский, Абыйский и Аллаиховский улусы. Несмотря на то, что территория этих улусов расположена полностью за Северным полярным кругом, якуты там разводят лошадей и крупный рогатый скот. С XVIII в. в территорию будущего Абыйского и Момского улусов стали проникать представители верхоянских родов (байды, энгэ, хоро, тумат) и центральных волостей якутов. Ассимиляция аборигенных групп эвенов и юкагиров способствовала своеобразию диалекта и обычаев этих северных районов.

На протяжении XIX в. районы северо-запада Якутии продолжали пополняться якутами из центральных волостей, они даже доходили до р. Хатанги¹⁵. Северные якуты-оленоводы северо-запада насчитывали 3600 человек. На территории Булунского улуса кочевало около 1220 якутов¹⁶. Булунский улус расположен по низовьям рек Лена, Оленек, Омолой. Анабарский улус, расположенный на крайнем северо-западе Якутии, также объявлен национальным долгано-эвенкийским районом, поскольку якутоязычных оленеводов улуса привыкли называть тунгусами. В глазах северных и вилюйских якутов термин «тунгус» стал пониматься как синоним кочевника-оленовода, а не этнической принадлежности. Однако, как установил И. С. Гурвич во время специальной экспедиции на север Якутии, якуты-оленоводы являлись потомками переселенцев из Центральной Якутии, а тунгусами переписчики их записывали по старой привычке относить к тунгусам все оленеводческие группы¹⁷.

На огромных пространствах Якутии проживали представители хатыгынского рода, имеющиеся и среди тунгусов. Хатыгыны обитали на Анабаре и в Оленекском улусе, имелись среди есейских саха¹⁸. Весьма интересно, что род северных якутов хатыгын отождествляли с центральноякутскими хатылы. В. А. Туголуков предполагал, что жители Хатылинской волости были тунгусами хатыгынского рода, известного в XVII в. у эвенков-скотоводов Южного Забайкалья, ассимилированными саха.

Основные рода, представленные среди этнических групп якутов — центральных, вилюйских, северных, алдано-майских, олекминских, являются кангаласцы, бётюнцы, намцы, баягантайцы, борогонцы, хоролоры, батулинцы (боотулу). Следовательно, представители этих родов активно осваивали северо-восток Сибири. Образование улусов и волостей происходило на основе родового деления саха, в XVIII в. наследи также возникали на основе старых родов, и одновременно исчезал родовой строй.

Примечания

1. Ксенофонтов Г. В. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. — Новосибирск, 1977. — С. 105–107.
2. Парникова А. С. О расселении якутов в XVII–XVIII вв. // Сибирь XVII–XVIII вв. — Новосибирск, 1962.
3. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — М., 1960. — С. 468–469.
4. Ксенофонтов Г. В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Т. I, кн. 1. — Якутск, 1992. — С. 398.
5. Долгих Б. О. Указ. соч. — С. 364.
6. Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. — М., 1985. — С. 190.
7. Боякова С. И. Культура и ландшафт пограничья: феномен оленекских эвенков // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всероссийской конференции, г. Тюмень, 24–26 марта 2009 г. Вып. 1. — Тюмень, 2009. — С. 155.

8. Кузнецова Е. (Федорова). «Называют себя только, а не иначе, якутами ...» // Журнал «Илин». – Якутск, 2004. – № 2.
9. Иванов М. С. Топонимика Якутии (Краткий научно-популярный очерк). – Якутск, 1985. – С. 19–24; 36–41.
10. Окладников А. П. История Якутской АССР. Т. I. – М.-Л., 1955. – С. 72.
11. Иванов М. С. Ис иһигэр киридэххэ (Размышления об истоках языка). – Якутск, 1988. – С. 99.
12. Парникова А. С. Указ. соч.
13. Сафронов Ф. Г. Мирское управление в XVII – начала XX века. – Якутск, 1987. – С. 47.
14. Долгих Б. О. Указ. соч.
15. Анабарский улус: история, культура, фольклор. – Якутск, 2005. – С. 64.
16. Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. – М., 1977. – С. 26.
17. Там же.
18. Иванов М. С. Дойду сурахтаах, алаас ааттаах (Топонимы Якутии). – Якутск, 1982. – С. 148.

А. П. Шекшеев

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ» В ХАКАСИИ НАЧАЛА 1930-Х ГОДОВ

В статье на примере сведений из биографии хакасского крестьянина Хыйлага Кидиекова раскрываются мотивы ухода местного населения в банды в конце 1920 – начале 1930-х гг. Автор показывает особенности деятельности банд, их социальный состав, а также репрессивную деятельность советской власти в отношении бандитизма.

In the article local people's motives of joining criminal gangs in the end of 1920 – the beginning of 1930 are revealed through the example of data from biography of Khakass peasant Khyilag Kindiyekov. An author shows peculiarities of gangs' activity, their social composition and also repressive activity of the Soviet government in respect of gangsterism.

Переход к массовой и насильственной коллективизации вызвал крестьянский протест. Он выражался в разных формах, одной из которых было вооруженное повстанчество. Начиная с конца 1929 г., а особенно после того, как местная власть на основании секретного постановления Сибирского краевого комитета ВКП (б) от 2 февраля 1930 г. приступила к «раскулачиванию», территория юга Приенисейской Сибири стала ареной хаотической борьбы правительственных отрядов с мелкими разрозненными группами восставших крестьян. Именно насилие над деревней явилось главной причиной ухода людей в тайгу и возрождения ранее распространенного здесь «бандитизма». Конкретные мотивы ухода в «банды» так называемых «кулаков» можно показать на примере Хыйлага Кидиекова*.

Согласно воспоминаниям представителя рода Кидиековых, Хыйлаг внешне походил на русского, был среднего роста, спортивного телосложения и вежливого, культурного обхождения с окружающими людьми. Авторитетный среди населения, он имел способности к знахарству, к нему часто обращались за лечением. Любил участвовать в конных скачках. Хозяйство имел середняцкое, хлеб не сеял, но владел скотом, лошадьми. Поставляя молоко на маслозавод, он занимался торговлей и перепродажей. С этой целью неоднократно выезжал в Минусинск, Красноярск и даже в Москву¹.

Когда же государство начало наступление на деревню, то Хыйлага обвинили в использовании наемного труда и спекуляции, за которую он еще ранее был осужден, а также в «злостном» сокращении хозяйства. От участия в организации колхоза Кидиеков отказался, а после угроз арестом и заключением в тюрьму ушел в тайгу. Вероятно, уже в его отсутствие, 13 апреля 1930 г., комиссия в составе уполномоченного Аскизского райисполкома Н. А. Карамчакова, руководства Кызласовского сельсовета, комитета крестьянской взаимопомощи и колхоза составила акт о передаче имущества Кидиековых в колхоз «Красный Октябрь» и выселении их как «кулаков» 3-й категории.

* Кидиеков Е. И. – точная дата рождения до сих пор остается невыясненной, датируется 1878–1879 гг., 1882 г. и даже началом 1890-х гг., уроженец аала Кызласов Аскизского района, грамотный, самоучка. Был женат на Екатерине Владимировне 1890 г. рождения, уроженке улуса Сатраев Верх-Аскизского сельсовета, неграмотной, лишенной избирательных прав, осужденной по ст. 61 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы и 3 годам высылки. В «банду» ушла весной 1931 г. Умерла в начале 1930-х гг. Имел двух сыновей и трех дочерей, сосланных в Томскую область. Из них из ссылки вернулись лишь двое.

Однако на немедленном выполнении этого решения представители местной власти в силу разных причин не настаивали. Лишь 28 октября того же года Кызласовский сельсовет с участием актива вернулся к вопросу о судьбе Кидиекова. Констатировав, что его семья за это время значительно сократила посев, поголовье лошадей, коров и овец, он привлек Кидиекова к индивидуальному обложению, срочной уплате налога и страхового обложения, вновь лишил его избирательных прав, а затем передал дело в судебные органы. Но окончательное решение о выселении его семьи последовало только 16 мая 1931 г. Его вынесло собрание 66 членов колхоза им. Сталина во время налетов «банды» Кидиекова на колхозы. Из семи хозяйств Кидиековых, имевшихся в аале Кызласов, «раскулачиванию», по воспоминаниям родственников, подверглись две семьи².

Пополнению рядов повстанцев способствовала и деятельность органов ОГПУ и милиции. В 1930–1931 гг. они «раскрыли» ряд «контрреволюционных организаций», таких, например, как «Иностранцы», «Реэмигранты», «МОШ» (Минусинский окружной штаб), «Сайгачинцы», якобы готовивших восстания против советской власти. Некоторые члены их сумели бежать от репрессий. Так из «каталажной» камеры административного отдела в ночь на 3 апреля 1930 г. исчезли осужденные участники Таштыпской группировки: А. М. Букреев, бывший член ВКП (б), народный судья К. С. Дмитриев и казак по происхождению И. Г. Лалетин, ставшие затем ядром «банды». В «бегах» числился и член «раскрытой» «контрреволюционной группы» в д. Малый Сюттик М. В. Ананьин (или Ананьев). Бывший дружинник, служивший при белом режиме и якобы проводивший антисоветскую агитацию и уничтожение скота, бежал, возглавив «банду».

В Хакасском округе появлению таких сообществ предшествовало появление только с 28 марта по 8 апреля пяти анонимных, в т. ч. двух на хакасском языке, воззваний, в которых повстанцы, наряду с угрозами в адрес представителей власти и попытками разложить колхозы, призывали население в свои ряды³. Поэтому, начиная с апреля по ноябрь 1930 г., здесь действовали девять повстанческих групп. Опасными для жизни стали поездки уполномоченных в её подтаёжные сельсоветы: автотранспорт на тракте подвергался обстрелу одиночек, скрывавшихся в тайге.

Однако большинство «банд» были малочисленными, слабо вооруженными и быстро ликвидировались. 28 марта 1930 г. в аале Болганов Хакасского округа появилась некая группа лиц во главе с «кулаком» Тахтобиным, который рассказывал собравшимся жителям о причинах и трудностях повстанчества так: «Советская власть разоряет крестьян-хакасов, загоняет насильно в колхозы. Вот мы и организуемся для защиты крестьян, как русских, так и хакасов. У меня сейчас уже 15 человек, но вооружены плохо, приходится ездить по улусам, отбирать оружие у жителей».

После ликвидации в ноябре 1930 г. шестерых «бандитов» группы Роцева в таежной избушке были обнаружены две трехлинейные винтовки, браунинг, два дробовых и столько же охотничьих ружей, порох, дробь и 127 патронов. Крайне плохим было вооружение «банды» Кидиекова: на 17 апреля 1931 г. у 12 «бандитов» имелись восемь винтовок, наган и бинокль, 175 винтовочных и 7 револьверных патронов. Остальные члены «банды» могли вести огонь лишь из дробовых ружей⁴.

В марте 1930 г. в Бейском районе Минусинского округа ушли в тайгу четыре «кулака», вооруженные охотничьими ружьями. На 16 марта в данной «банде» уже насчитывалось семеро членов. К ним были готовы примкнуть 12 лиц, скрывавшихся в Бее и Табате. Несмотря на то, что восемь человек из них 18 марта были задержаны органами, образовалась «банда» В. Роцева – С. Кузьмина, насчитывавшая в апреле 1930 г. девять человек.

Основной территорией, где накапливались силы повстанцев из хакасского населения, стал Аскизский район Хакасского округа. Еще в январе 1930 г. в тайгу ушли «кулаки» Е. Бургундосов, С. и И. Чичинины, Е. Тинников. Позднее к ним присоединились Д. Танбаев, осужденный за кражу скота к пяти годам лишения свободы, «раскулаченный» и бежавший с поезда А. П. Шалгинов, Д. Чудогашев, в прошлом «бандитовавший», а также Е. Похпанов, житель улуса Зимник Базинского сельсовета. 2 апреля с лесозаготовок вблизи с. Синявино, похитив лошадей, скрылись в Аскизском районе И. В. Котняков и Н. В. Богданов.

Но вскоре был убит Похпанов, задержан Котняков, добровольно сдались Бургундосов, Чичинин, Шалгинов и Танбаев. В середине апреля 1930 г. в Аскизском районе насчитывалось 14–16 беглецов, которые для выживания и действий разбились на три группы, возглавляемые Д. Чудогашевым и Е. Тинниковым. На основе этих групп образовались «банды» Елизара Тинникова и Хыйлага Кидиекова, насчитывавшие в конце апреля 22–25 повстанцев⁵.

Конкретно состав, причины возникновения и цели борьбы подобных «банд» можно рассмотреть на примере повстанцев, возглавляемых Кидиековым. Чаще всего они действовали группами по 5–7

членов. Но в июне 1930 г. численность «бандитов» выросла до 17, в апреле 1931 г. со «связчиками», «пособниками» и «укрывателями» она составляла 80 человек⁶.

Деятельность «банды» заключалась в нападениях на колхозы, хищении имущества и скота, вербовке новых членов, терроризировании советских активистов и была направлена против коллективизации. Впоследствии арестованный житель аала Усть-Чуль 19-летний Е. Е. Кичеев на допросе показал о причинах своего ухода в «банду» следующее: «...Подлежал выселению в отдаленные местности, в силу чего возненавидел существующий строй... наша защита от этой власти только банда». Малограмотная 18-летняя М. Н. Болганова, ушедшая в «банду» из одноименного аала Камыштинского сельсовета и находившаяся в ней вместе со своим мужем А. Тодышевым с августа 1930 по апрель 1931 г., заявила следователю о том, что «наша цель – не дать развиться колхозам-врагам».

Участники повстанчества потом вспоминали, что Кидиеков учил их: «Пока советская власть сильнее, будем ждать в тайге переворота. Когда будут нападать красные отряды, стрелять до последнего патрона, есть хороший резерв, хотя мы малочисленны». В планы Кидиекова входила и подготовка восстания против советской власти. В августе 1930 г. в Канский округ с целью информирования об этом сосланных «кулаков» из коренного населения посылались З. Е. Кызласов. Для борьбы с местной властью Кидиеков предполагал весной 1931 г. иметь «мощный вооруженный отряд».

Деятельное участие в «банде» принимала хакасская молодежь, такая, например, как 22-летний сын «кулака» Асказоп Угдыжеков, малограмотный житель аала Кызласов. 17 апреля 1931 г. в «банду» ушли 24-летний житель аала Картоев Кызласовского сельсовета А. В. Майнагашев и 23-летний житель того же селения Петка Покачаков-Боргояков. Первый из них по имущественному положению был середняком, окончил сельскую школу и владел русским языком, другой же являлся сиротой, усыновленным дядей, и человеком неграмотным. Но оба в прошлом были комсомольцами. О причине своего «бандитизма» расстрелянный в дальнейшем Покачаков-Боргояков на следствии показал, что уехал с появившейся в его улусе «бандой», т. к. любил вольную жизнь и езду на конях с ружьями⁷.

Повстанцы групп Тинникова и Кидиекова начали с того, что развернули агитацию среди населения против выселения «кулаков». В результате 14 апреля 1930 г. в аале Кызласов собралась толпа в 80–100 человек, которые потребовали от властей отказаться от этой акции⁸. Одновременно «бандиты» пытались путем грабежа запастись оружием, лошадьми, продуктами и одеждой. В конце марта – начале апреля пятеро человек во главе с Тинниковым ограбили на дорогах трех крестьян, семью жителей улуса Чаптыков, угнали из Покаяковского и Чаптыковского колхозов восемь лошадей. В ночь на 9 апреля группа аскизских милиционеров попыталась «взять» эту «банду», но она, бросив лошадей, скрылась. 30 апреля «банда», видимо, Кидиекова, похитив на заимке Усть-Чульского сельсовета коней, устроила перестрелку в аале Кызласов с комсомольцами.

Налетам повстанцев стали подвергаться и колхозы. В ночь на 22 апреля имело место отбитое колхозниками нападение на Бейскую коммуну «Рассвет», а на 2 мая десять «бандитов» вывезли из аала Аев имущество «кулацких» семей, переданное в коммуну при их «раскулачивании». Они же похитили в коммуне «Труд батрака» Чарковского района десять мешков протравленных семян пшеницы. При этом «банда» заявила: «Перебьем всех коммунаров, они нас заморили голодом». 6 мая «бандиты» М. Бурнаков и М. Тыгдымаев пытались ограбить проезжавших с семенами нижнебейских колхозников. Но в результате перестрелки и погони, устроенных последними, получившими подкрепление в лице прибывшего из Усть-Чуля оперативного отряда во главе с уполномоченным окружного отдела ОГПУ Чернышевым, Бурнаков был убит, а получивший ранение Тыгдымаев скрылся. В ночь на 21 мая «бандиты» обстреляли балаган, где находились члены колхоза им. Ленина Богградского района. Ограблению подверглась и почта, следующая 26 мая из д. Арбаты в с. Таштып.

Участились случаи нападения и ограбления «бандитами» представителей власти. 18 апреля восемь повстанцев во главе с Тинниковым изъяли деньги и избили председателя Чаптыковского сельсовета Аршанова. 19 апреля они же избили и ограбили члена правления Утинской коммуны К. Н. Каблукова, будущего орденосца, а 24 апреля в аале Азраков, избив, отобрали у председателя сельсовета 600 рублей, две берданы и сапоги. В аале Шалгинов «бандиты» ограбили учителя, в улусе же Чаптыков – колхозников. В ночь на 21 апреля на руднике «Коммунар» было совершено покушение на жизнь милиционера, а в аале Летник Аскизского района «кулаки» С. и Х. Чебодаевы убили члена сельсовета и колхозницу. 19 мая Кидиеков, преследуемый милиционерами, из засады ранил одного из них⁹.

Такая активность повстанцев и попытка Тинникова и Кидиекова объединиться заставили власти принимать срочные меры по ликвидации их «банд». Общее руководство ликвидацией повстанчества было возложено на органы ОГПУ. Против «банды» Рощева-Кузьмина в горы посылались три группы милиционеров общей численностью в 15 человек, из Минусинска в Бею были переброшены 12

кавалеристов во главе с начальником уголовного розыска Ф. Я. Передерия. Еще в апреле для ликвидации группы Тинникова выезжали восемь активистов во главе с двумя сотрудниками Аскизского районного административного отдела (РАО). Делалась попытка внедрить агента в «банду» Кидиекова.

Одновременно были созданы оперативные отряды общей численностью в 55–60 бойцов. Один из них, состоявший из 12 милиционеров и коммунистов под командованием начальника РАО и участкового уполномоченного ОГПУ, действовал в Таштыпском районе. Руководство Минусинского округа выделило оперативную группу в 15 человек из кавалерийского резерва милиции. Пятеро коммунистов из с. Усть-Абаканского поступили под непосредственное руководство начальника уголовного розыска Попова и начальника секретного отделения окружного чекистского отдела Чернышева. 29 апреля в Аскиз был переброшен отряд Саралинской ведомственной горно-приисковой милиции численностью в 11 членов.

«Банда» Кидиекова, к этому времени насчитывавшая 17 человек, ожидавшая подхода еще троих беглецов и располагавшая 20 лошадьми, находилась то в балаганах на территории Кызласовского сельсовета, то на труднодоступной горе Читы-хыс (Семь дев). Поэтому сначала власти попытались договориться с Кидиековым о добровольной сдаче его «банды». 13 мая от имени начальника Хакасского окружного отдела ОГПУ, прокурора округа и председателя Аскизского райисполкома во все сельсоветы района были разосланы письма, в которых они предлагали «бандитам» сдаться. Кидиеков и Чудогашев через крестьян передали властям, что опасаются за жизнь повстанцев, но пообещали милиционеров не трогать.

В связи с начавшимися переговорами оперативные группы вернулись в Аскиз. Туда же с целью склонить Кидиекова к добровольной явке были посланы имевшие опыт борьбы с соловьевцами Н. А. Спирина и десять представителей коренного населения. С переподчинением Спирина секретных осведомителей его группа начала устанавливать связи с повстанцами. 21 мая и 1 июня направленные к ним разведчик и представитель местной власти предложили «банде» сдаться. Пообещав выйти из тайги, Кидиеков запросил гарантий сохранения жизни и восстановления избирательных прав. Он послал Спирина два письма, в которых назвал преследование, осуществляемое властями по отношению к населению, в качестве основной причины его волнений. Документ о восстановлении избирательных прав Кидиекову был выслан. Но он его не получил и затем, дожидаясь подкрепления, стал уклоняться от переговоров.

11 июня вблизи с. Верх-Аскиза оперативниками был схвачен П. Гусев-Орешков, который пообещал привести их к становищу Кидиекова. Отряды Спирина, Никифорова и Толкунова в ночь на 12 июня выступили на поиски «банды». Но они не были удачными: Гусев при попытке к бегству был убит, а Кидиеков со своими людьми 13 июня, перейдя на правый берег р. Абакан, ушел в Минусинский округ, где соединился с Рощевым, Кузьминым и Чудогашевым.

Здесь они сразу же заявили о своем появлении, изъяв 14 июня хлеб у монокских коммунаров. Вслед за Кидиековым в с. Усть-Таштып перебрался и отряд Спирина, пока ограничивавшийся в своей деятельности агентурным и разъездным наблюдением. Для того, чтобы местные власти успокоились, уверовав в длительный уход «банды» Кидиекова из Аскизского района, сородичи стали разбирать скот из табунов, находившихся под её присмотром¹⁰.

Органы ОГПУ и милиции широко использовали в борьбе против повстанцев в частности того же Кидиекова, разветвленную сеть осведомителей и разведчиков из числа бывших «бандитов». Имена некоторых из них получили огласку среди коренного населения. С ними, как правило, хакасы расправлялись. В ночь на 7 мая по дороге в с. Верх-Аскиз пятеро «бандитов» избили лицо, подозреваемое в разведывательной деятельности в пользу властей. Когда же письмо «агента», доносившего властям о том, что образовавшаяся в улусе Чаптыков группа «кулаков-лишенцев» Чаптыковых и Кышпананковых занимается антисоветской агитацией, налетами на колхозы и хищением общественного имущества, попало в руки «бандитов», то они его с жестокостью ликвидировали. Но в ночь на 20 июня 30 жителей улуса были арестованы прибывшим отрядом ОГПУ и милиции¹¹.

В ночь на 23 мая 1930 г. вблизи с. Таштып попала в засаду, организованную по информации осведомителя уполномоченным ОГПУ Поликарповым, группа Дмитриева, Лалетина и К. Южанина. В перестрелке Лалетин и Южанин оказались ранеными, а последнего затем задержали. Остатки её ушли в Горную Шорию, где с 1927 г. обитали бывшие казаки Шахматовы, Каргаполовы, бежавшие из Таштыпа от преследования советской власти. В ночь на 7 июня в улусе Усть-Табат в засаду попали убийцы одной из местных общественниц С. и Х. Чебодаевы: один из них погиб, а другой, получив ранение, сумел скрыться¹².

В отличие от Кидиекова, Тинникову не удалось уйти от преследования. После раскола «банды» он в сопровождении И. Чичинина и К. Чебодаева с 3 июня находился на одном из островов р. Абакан вблизи аала Митканов Койбалльского сельсовета. Отряд горной милиции, располагавший сведениями о местонахождении «бандитов», численностью в шесть человек под командованием Казакова в ночь на 10 июня обнаружил их становище. В перестрелке Чичинин и Чебодаев, пытавшиеся уйти на другой берег реки, были убиты. Днем, по показаниям арестованного Тинникова, в аалах Конура (Кюнера) и Усть-Кандырла милиционеры задержали еще четверых повстанцев. В ночь на 18 июня разведка Аскизского РАО во главе с участковым инспектором Морозовым, ведя поиск остатков группы на территории Чаптыковского сельсовета, арестовала трех ее соучастников. Наконец 26 июня сдались А. Бургундосов и П. Тильбежеков – последние члены этой «банды»¹³.

Новый очаг повстанчества возник в июле 1930 г. на территории Сютикского и Соленоозерного сельсоветов Чебаковского района Хакасского округа. В горах под названием «Мара» вблизи д. Когунке образовался «штаб», состоявший из 23–25 беглецов, которых возглавил М. В. Ананьин. Из них вооруженными являлись только пятеро человек. Они поставили цель, довооружившись за счет милиции и советских работников, громить колхозы и совхозы. 30 июля 25 «бандитов» угнали лошадей и овец из Соленоозерновского колхоза. В конце сентября эта «банда» пыталась ограбить потребительское общество и рабочих леспромхоза на р. Белый Июс. Для пресечения ее нападений в с. Соленоозерном милицией была организована группа из 13 активистов, а в этот район из Ужура прибыл отряд численностью в 26 бойцов¹⁴.

Начиная с июля 1930 г., Аскизский район вновь стал территорией, подверженной «бандитизму»: туда внезапно вернулись семеро повстанцев во главе с Кидиековым. В ночь на 7 и 14 июля они угнали лошадей и зарезали овец, принадлежавших Аскизскому колхозу. В панике колхозники стали перебираться из с. Верх-Аскиза в районный центр.

Повышая авторитет среди коренного населения, повстанцы выступали еще и защитниками их права на традиционное верование. Так, когда посетившие состоявшееся 2 августа на территории Казановского сельсовета жертвоприношение горным духам шестеро «бандитов», русских по национальности, убили члена сельсовета, а другого хакаса хотели увезти с собой, то находившиеся здесь же вооруженные его сородичи, устроив перестрелку, прогнали их.

Особую активность «банда» Кидиекова, запасаясь продуктами на предстоящую зимовку, стала проявлять с осени 1930 г. 8 сентября она совершила налет на склады Синявинской группы приисков «Союззолото». Находившиеся в конторе ведомственный милиционер М. Г. Федорцев и счетовод-кладовщик С. Т. Алехин были вынуждены отдать им ключи от складских помещений*. «Бандиты» похитили товары и продукты на сумму в 920–1000 рублей. 29 сентября на дороге из с. Аскиза в Кызласов была организована засада, в которую попали девять коммунистов, выехавших для ликвидации «банды». При этом один из них был ранен. 30 сентября Кидиеков и трое его товарищей, появившись в аале Толоков Базинского сельсовета, совершили покушение на жизнь председателя «Колхозсоюза» Чебодаева, отняли ружье у объездчика и избили колхозника.

Для срыва хлебоуборки «банда», разделившись на две группы, охватила своими действиями территорию Кызласовского, Базинского, Казановского и Верх-Аскизского сельсоветов. Среди колхозников началась паника, все чаще они стали отказываться от выезда в поле. В октябре–ноябре 1930 г. повстанцы четырежды грабили Базинский кордон, где чуть было не попали в засаду¹⁵.

Наряду с очередным обращением к Кидиекову, призывавшим его сдаться, власти приняли и другие меры к ликвидации его «банды». В октябре задержанию милицией подверглось несколько лиц, державших с нею связь, которые, в свою очередь, уговорили выйти из тайги четверых «бандитов». На разведку в лесные урочища были отправлены 10 охотников хакасской национальности, а для поиска стоянок «банды» из с. Бея в Аскизский район переброшен оперативный отряд. Осложнение обстановки и надвигающаяся зима заставили в ноябре сдаться еще четверых повстанцев, а один из них был задержан. Настроению сдаваться были подвержены еще двое человек, но Кидиеков, Чудогашев и Киргинеков, продолжавшие запасать продукты, выйти из тайги категорически отказались¹⁶.

Несмотря на то, что в сентябре 1930 г. Хакасский областной отдел ОГПУ в д. Арбаты задержал 15 укрывателей и пособников «банды» Рощева-Кузьмина, она продолжала свое существование, поддерживая его грабежами. 26 сентября девять повстанцев с этой целью посетили геологическую экспедицию, 5 октября совершили налет на лесозаготовительный пункт Абаканского и гавань

* 29 сентября 1930 г. Федорцев и Алехин были арестованы. Но заседавшая 5 апреля 1931 г. Особая тройка при ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю решила, что они не смогли противодействовать вооруженному налету не по злому умыслу, а из-за недостаточности средств необходимой обороны, и прекратила это дело.

Аскизского леспромхозов, где разграбили склады и ларьки потребкооперации. Соорудив избушку в тайге, Рощев и его люди ушли на зимовку. Но с арестом 20 октября в д. Арбаты одного из членов «банды» органам стало известно её местонахождение. 2 ноября 1930 г. на стоянке в верховьях р. Джебаш, а по другим данным, 8 ноября на пасеке в Бейском районе были убиты Рощев, Кузьмин и еще четверо членов их группы¹⁷.

Население относилось к повстанцам по-разному. Случалось, что лица, преследуемые милицией, с надеждой на спасение выходили в селения и здесь находили свою гибель. Так, к примеру, в ночь на 2 апреля 1930 г. жителем аала Котняков был ранен, а затем прикладом ружья добит «бандит», просившийся в избу¹⁸. В соответствии с постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 25 мая 1930 г. к концу того же года в помощь хакасским правоохранителям была создана 31 ячейка Общества содействия органам милиции и уголовного розыска (ОСОДМИЛ) в составе 425 коммунистов, комсомольцев и колхозников. В регионе распространялся опыт работы оперативных боевых групп, насчитывавших 10–25 членов партии, комсомола и бывших красных партизан и находившихся под руководством милиции, которые успешно, по мнению властей, действовали в Аскизском районе. Данные лица использовались на охране государственных хозяйств, но при появлении «банд» группировались в оперативные отряды. Так, к примеру, в Саралинском промышленном районе были созданы девять оперативных отрядов численностью в 140 человек, силами которых охранялись рудники и лесоразработки¹⁹.

Между тем повстанцы существовали сугубо при поддержке населения, передававшего им сведения об оперативных отрядах и снабжавшего их продуктами и сохранившимся оружием. «Банда» Кидиекова, к примеру, действовала с февраля 1930 г. по сентябрь 1931 г. не только благодаря способностям и удачливости вожака, а также природному ландшафту, позволяющему ей укрываться. Основной причиной её сравнительно длительного существования все же являлась поддержка, исходившая от местных хакасов.

В январе–феврале 1931 г. Кидиеков и трое его сообщников скрывались в гористой местности на территории Есинского сельсовета, спускаясь на ночь в аалы. Восстанавливая свое здоровье, Кидиеков даже посетил Минусинск. Ему давали пристанище также в аалах Кызласов и Картузов, а Киргинекову – на территории Казановского сельсовета. В аале Бейка Базинского сельсовета скрывался «бандит» Нагруз – Р. В. Боргояков, который 10 января все же был арестован начальником Аскизского РАО Тачеевым. Укрывателями являлись такие уважаемые и влиятельные среди хакасов лица, как бывшие родовые старосты: 60-летний Е. А. Кызласов (аал Кызласов), 70-летний А. Н. Чанков (Картоев), 50-летний Е. Н. Тинников (Ойрток) и др.

В доме жителя аала Картоев Х. Н. Покочакова состоялось собрание, на которое съехались жители и других селений. Они якобы наметили срок восстания на апрель 1931 г. Житель этого селения З. В. Кайнаков вручил приехавшему Адаю Кызласову трехлинейную винтовку и 25 патронов со словами: «Бей гадов-колхозников, коммунистов». Через месяц «банду» Кидиекова, вышедшую из тайги, в том же аале встречало население, подготовившее для неё продукты, лошадей и боеприпасы.

Согласно воспоминаниям сородичей, для подавления этого волнения и поимки Хыйлага в аал Картоев из с. Аскиза прибыл отряд милиционеров, устроивший перестрелку с повстанцами. Сохранившаяся легенда рассказывает, что Кидиеков не только метко стрелял, но и был неуязвим для пуль противника. Боявшиеся его милиционеры позволили Хыйлагу скрыться.

Продолжив свои действия по ликвидации повстанчества, местные органы к 29 апреля 1931 г. задержали 54 лица, обеспечивавших ему поддержку²⁰.

Несмотря на осуществленные властью аресты, деятельность повстанцев, изнуренных и озлобленных зимними скитаниями в тайге и преследованием родных и близких, становилась все более дерзкой. 7 апреля по дороге между селами Аскиз и Уты имело место перестрелка между шестью «бандитами» и председателем Утинской коммуны Соболевым и еще одним коммунарком. В ночь на 13 апреля в улусе Кызласов Олка Карачаков-Мамышев и Адай Кызласов убили заместителя председателя сельсовета М. Чистанова.

Самое крупное нападение на колхозы было совершено «бандой» Кидиекова в ночь на 18 апреля 1931 г. Готовясь к нему, она в аале Картоев ограбила уполномоченного по охоте и, пополненная двумя новобранцами, увела с собой семь лошадей. По просьбе «кулаков-лишенцев» 10–13 повстанцев осуществили налет на Есинский колхоз. Здесь они, загнав в амбар, раздели и избили 30 колхозников, похитили дробовое ружье, мясо, одежду, обувь и пятерых лошадей. «Банда» увела с собой инспектора районо и учителя С. И. Кузугашева, члена правления колхоза Санку Табаева и коммуниста Мамышева.

Последнего Кидиеков, сжалившись, отпустил. Достигнув верховья р. Есь, только что вступившие в «банду» Майнагашев и Покочаков-Боргояков утром 18 апреля расстреляли пленных.

Через несколько часов в районе становища «банды» появились пятеро оперативников во главе с уполномоченным Аскизской районной милиции Салтыковым и секретарем райкома ВКП (б) Шарафутдиновым. Вовремя заметив этот отряд, «банда», не имея запаса патронов и слабо отстреливаясь, начала отступать, а затем бежала в горы. В перестрелке в ногу был ранен Шарафутдинов. Очередная стычка, возникшая через 8–9 дней в момент ночевки «банды», заставила ее членов уже искать укрытия в аалах, где многие из них подверглись задержанию²¹.

Остатки «банды» Кидиекова еще продолжали активную деятельность. 25 июня ею на сумму 3 тыс. рублей была ограблена Усть-Чульская геологическая партия. Совершив 4 июля налет на колхоз в аале Бейка и похитив лошадей и овец, повстанцы допросили его руководство о положении дел на ближайших приисках и ограбили жителей рудника «Свинцовый блеск». 8 июля они совершили неудачное, закончившееся ранением одного из участников нападение на колхоз в улусе Сартыков²².

Однако такие неудачи становились все более частыми. С прибытием еще в мае 1931 г. отряда, состоявшего из 15 оперативников, непосредственно в аале Кызласов возможности повстанцев заметно сузились. 1 июля в верховьях р. Есь милицией был обнаружен балаган с находившимися в нем близкими Кидиекова и других «бандитов». Вместе с их арестом было изъято и награбленное имущество²³.

Большое и негативное впечатление оказала на повстанцев решительная и суровая репрессивная деятельность советской власти. 2 июля 1931 г. Особое совещание при Полномочном представительстве ОГПУ по Западно-Сибирскому краю, рассмотрев дело 54 «бандитов»*, их укрывателей и «связчиков», приговорило 26 человек к расстрелу, а остальных – к различным срокам лишения свободы. Приговор в отношении 25 лиц, осужденных на смертную казнь, был приведен в исполнение 17 и 31 июля 1931 г. Рассказывая о тех событиях, сородичи Кидиекова насчитали четверых близких, которых расстреляли в Минусинске «за Хыйлага».

Вместе с тем 14 «бандитов» и сам Кидиеков все еще продолжали скрываться. В ночь на 28 августа в одном из аалов Нижне-Тейского сельсовета уполномоченный Салтыков задержал двоих «бандитов», отделившихся от Кидиекова, а также скрывавшегося «кулака». До конца 1931 г. состоялись как минимум еще два заседания Особого совещания, которые решили судьбу 41 соучастника Кидиекова²⁴, но сам он из поля зрения органов исчез**.

Легенда рассказывает о том, что Кидиекову в этом исчезновении помогла проявленная им хитрость и жестокость. Не надеясь его поймать, органы освободили и послали в «банду» за головой Хыйлага бывшего её соучастника. Но потенциальный убийца был разоблачен и якобы вернулся к заказчикам с головой убитого вожаком другого и схожего с ним «бандита»²⁵.

Наряду с «бандой» Кидиекова, короткое время существовали протестные группы, созданные непосредственно в селениях. Несколько нападений с избиением колхозников в мае 1931 г. совершили 11 хакасов из с. Монок Таштыпского района, которые также были задержаны²⁶. По сведениям одного из историков, дальнейшая протестная деятельность подобных лиц вскоре сузилась до индивидуального террора и кражи животных, а к весне 1933 г. крестьянин как политический деятель здесь вообще прекратил существование²⁷.

Следовательно, во время коллективизации и «раскулачивания» в Хакасии произошла очередная вспышка политического «бандитизма», или крестьянского повстанчества, которому были присущи самые типические черты этого явления. На этот раз развернувшаяся борьба коммунистов с деревней завершилась её полной трансформацией в советскую общность.

Примечания

1. Архив автора. Воспоминания К. Н. Кидиекова, 1918 г. рождения, учителя-пенсионера; Государственно-казенное управление Республики Хакасия «Национальный архив»
2. (ГКУ РХ НА). Ф. 674. Оп. 1 с. Д. 940. Л. 3–4, 6–7, 11, 13, 16; Архив автора. Воспоминания К. Н. Кидиекова.
3. Муниципальное учреждение «Архив г. Минусинска» (МУАГМ). Ф. 369. Оп.1. Д. 55. Л. 9, 15.
4. Там же. Л. 9; Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю (АУ ФСБ). Д. 15587. Л. 37; Д. 011838. Л. 125.
5. МУАГМ. Ф. 369. Оп.1. Д. 55. Л. 8–9, 20, 26.

* 7 марта 1991 г. прокуратура Красноярского края реабилитировала 35 лиц, незаконно репрессированных по делу «банды» Кидиекова. В 1996 г. реабилитация продолжилась, но 17 осужденным в ней было отказано.

** По некоторым сведениям, Кидиеков погиб при переходе в Туву (сейчас Тыва). Согласно же устной информации, он вплоть до 1960-х гг. проживал в одном из её районов.

6. Там же. Л. 57; АУ ФСБ. Д. 11838. Л. 380.
7. АУ ФСБ. Д. 011838. Л. 130, 146, 391; Д. 014414. Л. 156, 387, 388.
8. МУАГМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 55. Л. 21.
9. Там же. Л. 9, 20, 22, 27–29, 31.
10. Там же. Л. 21, 26, 34, 36, 57.
11. Там же. Л. 28, 58.
12. Там же. Л. 21, 37, 56, 78.
13. Там же. Л. 54, 56, 58, 71.
14. Там же. Л. 71, 105, 110.
15. Там же. Л. 71, 106, 109; Д. 14. Л. 16; ГКУ РХ НА. Ф. 674. Оп. 1 с. Д. 260. Л. 17.
16. МУАГМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 14. Л. 16; Д. 55. Л. 109–110.
17. Там же. Д. 55. Л. 110; Д. 21. Л. 17; АУ ФСБ. Д. П.-15587. Л. 37.
18. МУАГМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 55. Л. 8.
19. Карлов С. В. Массовые репрессии в 1930 гг. (на материалах Хакасии). – Абакан, 2011. – С. 41–42.
20. МУАГМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 21. Л. 17, 19; АУ ФСБ. Д. 011838. Л. 379–380, 389, 393; Д. 014414. Л. 371; Архив автора. Воспоминания К. Н. Кидиекова.
21. АУ ФСБ. Д. 014414. Л. 156, 159, 372–373; Д. 011838. Л. 125, 381.
22. Там же. Д. 014414. Л. 138.
23. Там же. Д. 011838. Л. 383; Д. 014414. Л. 138.
24. Там же. Д. 011838. Л. 399, 447, 512, 516; Д. 014414. Л. 138, 373; Архив автора. Воспоминания К. Н. Кидиекова.
25. Архив автора. Воспоминания К. Н. Кидиекова.
26. МУАГМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 20. Л. 195.
27. Карлов С.В. Массовые репрессии... – С. 43, 174.

С. В. Саая

ТУВА НА ФОНЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СДВИГОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

В статье Тува рассматривается на фоне геополитических сдвигов в центрально-азиатском регионе. Проанализирован комплекс факторов, определивших направленность эволюции статуса Тувы, в контексте международной ситуации. В начале века Тува – провинция Цинской империи. В результате распада империи после кратковременного периода поисков Тува оказывается под протекторатом России. После распада Российской империи – процесс самоопределения тувинского народа завершился провозглашением суверенитета Тувинской Народной Республики, а к концу Второй мировой войны – Тува в составе Советского Союза.

The author examines the Central-Asian region, its geopolitical shifts and factors which determine the evolution of the Tuvan people in the context of international situation. In the beginning of the century Tuva was a province of Zen Empire, after a short period of searches it became a state under the Russian protectorate. Then after the Russian Empire disintegration Tuva proclaimed the sovereignty of the Tuvan People's Republic. By the end of the World War II Tuva was incorporated into the Soviet Union.

Географическое положение Тувы между двумя евразийскими государствами – Россией и Китаем – влечет за собой поиск оптимальных ориентиров с ними в политической, экономической и культурной областях. При этом важно объективно оценить исторический опыт взаимодействия двух государств, и на этой основе наметить перспективные направления сотрудничества. Во-первых, необходимость изучения исторического опыта взаимодействия Тувы с другими государствами в первую очередь обусловлена потребностями современного этапа развития науки, требующими углубленного изучения новейшей истории взаимоотношений Тувы и России, России и Китая, России и Монголии на фоне геополитических сдвигов в динамике. Во-вторых, вытекает из потребностей современной внешней политики России в условиях изменившейся геополитической картины мира (Россия – как евразийское государство оказывает большое влияние на процессы стратегического развития азиатского региона, где наряду с такими гигантами, как Китай, существуют другие государства) и от российской стратегии зависит положение в центрально-азиатском регионе.

Итак, для изучения процесса изменения геополитического статуса Тувы необходимо определить основные этапы эволюции ее геополитического статуса; выявить факторы, способствовавшие

провозглашению протектората России над Урянхайским краем; оценить значение создания тувинского государства – Тувинской Народной Республики – в изменении международной обстановки в центре Азии; выявить внешнеполитические и внутривнутриполитические факторы изменения международного статуса тувинского государства; проследить степень влияния геополитических сдвигов в регионе и мире на статус Тувы; изучить направленность изменения внешнеполитических параметров позиций соседних государств по вопросу о статусе Тувы.

Остановимся подробнее на хронологических рамках и определимся с периодизацией. Уточняя хронологические рамки, заявленные выше, – начало XX в., мы отталкиваемся от анализа исторических процессов с 1911 по 1944 г., хотя фактические и методологические основы анализа эволюции геополитического статуса Тувы намного шире. Временные рамки исследования охватывают всего тридцать три года, но этот исторически короткий отрезок стал периодом радикального изменения геополитического статуса Тувы от провинции Цинской империи, протектората Российской империи, суверенного государства – ТНР, автономной области Советской России. Нижняя граница определена распадом Цинской империи, в составе которого Урянхай просуществовал с 1756 г. Верхняя – моментом вхождения ТНР в состав СССР в качестве автономной области РСФСР. За этот период статус Тувы менялся несколько раз: до 1911 г. провинция Цинской империи, с 1911 по 1914 г. период поиска и самоопределения, с 1914 по 1917 г. под протекторатом Российской империи, с 1917 по 1921 г. период поиска и самоопределения, с 1921 по 1944 г. существование суверенного государства – Тувинской Народной Республики, с 1944 г. автономная область РСФСР. Данные хронологические рамки, на наш взгляд, позволяют сравнить: внешнеполитическую ориентацию Тувы на различных этапах – национально-освободительном, протектората, республики; политику Китая в отношении Тувы – в маньчжурской и республиканско-гоминьдановской; внешнеполитический курс России – в имперский и советский исторические периоды.

В первой половине XX в. статус Тувы формировался как отражение национальных интересов, внешнеполитической доктрины и внешнеполитического курса, анализируем на основе истории развития взаимоотношений в системе Россия – Китай – Монголия – Тува. Данная проблема включает ряд новых теоретических вопросов, таких как соотношение геополитики, идеологии Коминтерна и национальных идей в структуре Россия – Китай – Монголия – Тува; Тува как объект политики России (СССР, Китая, Монголии); генезис российских, китайских и монгольских интересов в Туве; взаимоотношения в этнорегиональном уровне, историко-политическом, экономическом и международно-правовом.

Начнем с анализа позиции Китая в данном вопросе. При характеристике особенностей и общих закономерностей китайской политики в отношении Тувы, Монголии и России важно анализировать систему традиционных китайских внешнеполитических принципов. По определению синоведа В. С. Мясникова, китайская стратегия – это «нацеленные на решение крупной внешнеполитической задачи планы, рассчитанные на длительный период и отвечающие национальным и государственным интересам»¹.

Применение стратегического подхода дает возможность понять внутреннюю логику китайского руководства при подписании Кяхтинского тройственного соглашения 1915 г., советско-китайского соглашения от 31 мая 1924 г., которые также коснулись Тувы. Использование данного метода в изучении китайской политики в отношении Тувы позволяет более четко выделить два уровня: региональный и международный, основывающиеся на известном постулате «Тува и Монголия – составная часть Китая». Так, С. Г. Лузянин, обстоятельно проанализировавший весь комплекс дипломатических взаимоотношений СССР с Монголией, Китаем, в рамках изучения восточного направления внешней политики СССР затронул проблему международного статуса тувинского государства, отметив, что «в систему СССР – МНР были включены и этнорегиональные структуры Тувы и Бурятии, которые в первой четверти XX в. занимали относительно самостоятельные позиции в отношениях с Монголией», тем самым определил место и роль тувинского вопроса в этом треугольнике².

Далее остановимся на характеристике факторов, определявших основные направления геополитических сдвигов в регионе. Так, к началу XX в. Урянхай был частью Цинской империи. Факторами, повлиявшими на эволюцию геополитического статуса Тувы, являются, во-первых, в 1911 г. Синьхайская революция, приведшая к распаду Цинской империи, и, как следствие, произошло ослабление позиций Китая в центре Азии, активизировалось национально-освободительное движение тувинского народа, положившее конец китайскому присутствию в Туве. Однако неоднозначной была позиция тувинской родовой аристократии, которой понадобилось еще несколько лет, чтобы определиться в своих предпочтениях относительно дальнейшего пути развития. Во-вторых, изменилось место Урянхайского края в геополитике России, этому подтверждение анализ истории этапов проникновения русских в

Туву. Кроме того, имеют место экономические интересы русских предпринимателей (золотодобыча, пушнина, земля, скот, торговля). Наблюдается переориентация тувинской элиты, исходя из элементарного чувства самосохранения перед реальной угрозой поглощения Тувы Монголией, а также из реальной оценки торгово-экономических выгод от русско-тувинских отношений. И, как следствие, – усиление позиций России в регионе, которое завершилось установлением протектората над Урянхайским краем в 1914 г.³ Планы и первые шаги колониальной администрации свидетельствовали о преобладании геополитических интересов над чисто экономическими. Ю. М. Кузьмин, раскрывая роль регионального фактора в российско-монгольских отношениях, затронул проблемы международного статуса и места Тувы как один из аспектов этих контактов⁴.

Следующий аспект проблемы – геополитические факторы основания города Белоцарска – нового центра Урянхайского края: объективные факторы (геополитические условия – на слиянии двух рек, где начинается р. Енисей, но центр политической жизни края находился западнее – на р. Хемчик); субъективные факторы (В. Габаев, Г. Сафьянов – главные инициаторы выбора места закладки – знали, что это географический центр Азии, но город стоит на левом берегу р. Енисея, логично было бы заложить город на правом берегу, к северу, ближе к российской границе).

В последующий период, в 1917–1920 гг., стали явными новые геополитические реальности, которые также отразились на статусе Урянхайского края: две революции, падение Российской империи и Гражданская война в России; революция и национальная консолидация в Монголии, активизация панмонгольского движения. Так, после февральской революции в России политика российского Временного правительства, направленная на преемственность протектората как результат слабости самой власти, была не столь последовательной. Такая ситуация вполне устраивала тувинскую аристократию – отсутствие контроля, возможность проводить свою линию, сохранив реальную власть в своих руках. Начались поиски новых ориентиров.

Установление в России советской власти в октябре 1917 г. привнесло кардинальные сдвиги на международной арене. В первых документах советской власти наметились основы внешней политики, соответственно и основы восточного направления. Реализация принципа прав народов на самоопределение вывела Урянхайский край вне пределов прямых геополитических интересов России. Одновременно позиция Коминтерна в вопросе о статусе Тувы изначально отличалась от советской, что сыграло определяющую роль в сохранении независимости и суверенизации тувинского народа. Данное обстоятельство также позволило противостоять притязаниям Монголии.

В этот момент перед национальной элитой Тувы еще раз история поставила ту же задачу самоопределения. А поиск места Урянхия на международной арене зависел от позиций различных политических сил, которые имели своих сторонников в различных слоях тувинского общества, так появлялись сторонники: пророссийской, панмонгольской ориентаций и национального суверенитета. А национальные интересы Тувы только начинались оформляться уже в ходе обсуждения альтернатив дальнейшего развития. Международные условия в процессе национального самоопределения тувинского народа играли определяющую роль. Однако субъективный фактор занимал не последнюю роль. Так, Монгуш Буян-Бадыргы – гунн-ноян Даа-хошуна, в последующем председатель Всетувинского учредительного Хурала, глава тувинского государства, не исключал возможность существования тувинского народа в составе других государств. Напротив, И. Г. Сафьянов – один из самых деятельных представителей русского населения в Туве, исходивший из собственных убеждений, стал фактически «конструктором ТНР», встав на сторону защиты национальных интересов тувинского народа (жизнь и деятельность в Туве, торгово-экономические интересы, неоднозначное отношение к советской власти, вопрос о частной собственности)⁵.

Одновременно в 1919 г. произошла ликвидация автономии Монголии, усилилось китайское присутствие в регионе: ослабла угроза панмонголизма, соответственно нависла угроза захвата Тувы Китаем; присутствие китайско-монгольских войск создавало реальные предпосылки к этому. Началось противостояние частей Красной Армии и китайских войск. Опять ситуацию можно было решить только при поддержке органов советской власти в Туве, которые, не желая навязывать войну с Китаем, старались избежать прямого столкновения. В результате неоднократных провокаций китайские войска навязали вооруженное столкновение, которое проиграли. Соответственно, попытки вернуть Туву под сферу контроля Китая провалились. Зато кардинально изменилась ситуация в Монголии. В регионе усилилось присутствие белогвардейских отрядов, неоднократно пытавшихся закрепиться, однако они были уничтожены тувинцами и красными партизанами.

Так, геополитическая ситуация в Туве накануне провозглашения суверенитета тувинского государства была сложной – Китай в условиях внутренней смуты, Монголия в процессе самоопределения,

Советская Россия в состоянии гражданской войны. В августе 1921 г. расстановка политических сил в ходе Всетувинского Учредительного Хурала нашла отражение в протоколах, и все же тувинский народ сделал исторический выбор, провозгласив свой суверенитет. Так, новый геополитический статус Тувы был юридически оформлен созданием Тувинской Народной Республики (ТНР).

С этого момента суверенное тувинское государство становится новым геополитическим фактором в центре Азии. И даже после этого одним из основных аспектов внутренней и внешней политики правительства ТНР стала проблема признания нового международного статуса Тувы⁶. В свою очередь, юридическое оформление советско-тувинских, тувинско-монгольских отношений самими соседними государствами было поставлено в прямую привязку к вопросу о статусе нового государства. Изучение истории внешнеполитических ориентиров Тувинской Народной Республики в 1921 – 1944 гг. с позиций комплексного освещения системы российско-китайско-монгольско-тувинских внешнеполитических связей позволило проследить внутреннюю обусловленность и эволюцию этих взаимоотношений⁷.

Между тем Тува в геополитике Советской России занимала немаловажную роль. В тот момент его признание ТНР ставило советское руководство в тупик в отношениях с Монголией⁸. Примечательно, что Ю. М. Кузьмин, выявляя острые углы советско-монгольских отношений, отмечает «урянхайский вопрос»⁹. Не последнюю роль в изменении статуса Тувы сыграло наличие там русского населения, создавшего советскую трудовую колонию (РСТК), который в последующем стал проводником геополитических интересов России в Туве. Следующий фактор – степень влияния Коминтерна на руководство ТНР, который настаивал на сохранении суверенитета для демонстрации идеи мировой революции, пробуждения угнетенных народов Востока (через своих представителей в ТНР).

Вернемся к позиции Монголии. Еще на Всетувинском учредительном Хурале присутствовали монгольские представители. Однако это не помешало монгольскому правительству чуть погодя заявлять о том, что они не знали о таком факте, и, как следствие, требовать отправки тувинских представителей в Монголию, отправлять своего представителя в Туву для освидетельствования официального присутствия МНР, следовательно, претендовать на Туву как часть Монголии. Давали о себе знать и идеи панмонголизма, поддерживаемые представителями старой и новой тувинской элиты и частью населения приграничных с Монголией хошунов ТНР. Скорее всего, это было выражением процесса поиска политических ориентиров. Такие претензии с монгольской стороны встретили противодействие со стороны прежде всего партийных органов. Так, по линии ТНРП и МНРП началась активная переписка, анализ которых позволяет констатировать столкновение национальных интересов двух государств¹⁰.

И только посредничество советского правительства позволило ТНР сохранить суверенитет, в том числе и в 1924 г., когда в ТНР вспыхнуло антиправительственное восстание¹¹. Данные тенденции внутривластного положения ТНР вынудили советское руководство закрепить советско-тувинские отношения в рамках двусторонних договоров.

Другим важным вопросом для защиты национальных интересов на международной арене для молодого тувинского государства стала проблема делимитации пограничных зон. Попытки правительства ТНР поставить вопрос о советско-тувинской границе были отклонены Советским правительством. Зато с большим желанием советская сторона пошла на разрешение проблемы приграничного режима на советско-тувинской границе в пользу режима наибольшего благоприятствования¹².

Формирование и деятельность дипломатического корпуса ТНР в соседних государствах важно проследить в контексте изменения характера и направлений внешнеполитического взаимодействия с соседними государствами. Тувинско-монгольские переговоры и договоры о регулировании вопроса о границе и пограничном режиме дают основание судить о сложности взаимоотношений двух государств¹³. Ситуация в тувинско-монгольских отношениях изменилась только после подписания советско-монгольского Протокола о взаимопомощи в 1936 г.

Нас же интересует влияние внутривластных факторов на изменение внешнеполитической ориентации ТНР¹⁴. В конце 1920-х – начале 1930 гг. приход к власти новой политической элиты во главе с Салчак Тока обусловили кардинальные изменения во внешнеполитическом курсе ТНР в виде усиления односторонней просоветской ориентации¹⁵.

В конце отметим, что, получив в составе РСФСР статус автономной области, Тува продолжила процесс интеграции по меньшей мере два десятилетия, если не больше.

Примечания

1. Мясников В. С. Традиционная китайская дипломатия в реализации Цинской империей стратегических планов в отношении русского государства в 18 веке. – М., 1977.
2. Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай: внешнеполитические отношения в 1914 –1946 гг.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – 1997. – 45 с.
3. За три века. Тувинско-русские-монгольские-китайские отношения (1616–1915 гг.). К 380-летию начала русско-тувинских связей / Составитель В. А. Дубровский. – Кызыл, 1995.
4. Кузьмин Ю. В. «Монгольские и урянхайский вопросы» в общественно-политической мысли России (конец 19 –30-е гг. 20 вв.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Иркутск, 1998. – С. 35.
5. Верещагина Т. Эккендей. – Абакан, 2004. – 100 с.
6. Саая С. В. Внешнеполитическая позиция Советской России в вопросе о международном статусе Тувинской Народной республики (1921–1944 гг.) // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. – Кызыл, 2009. – С. 54–60; Саая С. В. Дипломатический корпус Тувинской Народной Республики по вопросу о взаимодействии с Советской Россией в 1920-х годах // Материалы Международной научно-практической конференции «Открытие и изучение орхоно-енисейской письменности» (к 115-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности). 23–24 октября 2008 г. – Абакан, 2008. – С. 177–182.
7. Саая С. В. Россия – Тува – Монголия: «центральноазиатский треугольник» в 1921–1944 гг. – Абакан, 2003. – 199 с.; Саая С. В., Сат С. Ч. Геополитический статус Тувы в первой половине XX века (1911–1944 гг.). – Абакан, 2006. – 296 с.
8. Саая С. В. Эволюция позиций Советской России по отношению к Тувинской Народной Республике в 1920-е гг. // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая: Научный сборник молодых исследователей. – Выпуск № 4. – Абакан, 2003. – С. 3–18.
9. Кузьмин Ю. В. «Монгольские и урянхайский вопросы» в общественно-политической мысли России (конец 19–30-е гг. 20 в.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Иркутск, 1998. – С. 35.
10. Саая С. В. Центральноазиатский «треугольник» в 20-х гг. XX века: Россия – Тува – Монголия // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Материалы Пятой Международной научно-практической конференции. Вып. 5 / Под ред. В. С. Бойко. – Барнаул, 2005. – С. 311–321.
11. Саая С. В. Участие советской стороны в установлении дипломатических отношений между Танды-Тыва и Монгольской Народной Республикой в 1920-е гг. // 55 лет в составе России. Тезисы докладов республиканской научно-практической конференции, посвященной 55-летию вхождения Тувы в состав России. – Кызыл, 1999. – С. 41–42.
12. Саая С. В. Деятельность министерства иностранных дел Танды-Тыва Арат Республики по урегулированию государственных границ в 1921–1944 гг. // Материалы научно-практической конференции 20 октября 2000 г.: К 70-летию со дня образования Хакасской автономной области. – Абакан, 2000. – С. 103–114.
13. Саая С. В. Статус советского дипломатического представительства в Тувинской Народной Республике в 1920-х гг. (статья) // Народы и культуры Южной Сибири: история, современное состояние, перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 65-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 3–5 сентября 2009 г. Том 1. – Абакан, 2009. – С. 83–85; Саая С. В. Вопросы о государственной границе между Танды-Тыва Республикой и Монголией (1921–1944 годы) // Сборник тезисов и докладов IV Международной научной конференции: Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов, 20–24 апреля 1999 г., г. Томск. – Томск, 1999. – С. 204–205; Саая С. В. Деятельность Министерства иностранных дел Танды-Тыва Арат Республики по урегулированию государственных границ в 1921–1944 гг. // Материалы научно-практической конференции 20 октября 2000 г.: К 70-летию со дня образования Хакасской автономной области. – Абакан, 2000. – С. 103–114.
14. Саая С. В. К оценке политических репрессий в Тувинской Народной Республике в 1930–1940 гг. // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: мат-лы Всероссийской научн.-теорет. конф., посвященной памяти профессора В. И. Дулова. В 2-х кн. Кн. 2. – Иркутск, 2007. – С. 106–115; Саая С. В. Причины политических репрессий в Тувинской Народной Республике в 1930–1940 гг. (статья) // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. – Кызыл, 2009. – С. 61–65.
15. Саая С. В. Роль советского государства в изменении международно-правового статуса Тувинской Народной Республики в 1944 году // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. Научный сборник молодых исследователей. – Выпуск № 6. – Абакан, 2005. – С. 38–44.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

В статье показан вклад ЮНЕСКО в развитие научно-образовательного потенциала Республики Хакасия. При поддержке этой организации проходят в Хакасии творческие фестивали детей, ряд школ получил статус ассоциированных школ ЮНЕСКО и т. д.

In the article a contribution of UNESCO into development of scientific and educational potential of the Republic of Khakassia is shown. In Khakassia with support of this organization creative festivals of children are held and a range of schools has got a status of UNESCO associated schools and so on.

Министерство образования и науки Республики Хакасия высоко ценит вклад ЮНЕСКО в поддержку образования Республики Хакасия.

Под эгидой ЮНЕСКО в Хакасии были организованы следующие мероприятия: проект «Ассоциированные школы ЮНЕСКО», международные макропроекты – «Расширение прав коренных народов на образование высокого уровня» и «Расширение доступа к локальным культурам Сибири посредством инновационной сетевой образовательной модели поддержки и развития культурного разнообразия». Проект «Ассоциированные школы ЮНЕСКО» дает возможность еще шире реализовать свой образовательный потенциал трем лучшим школам Республики Хакасия – школе № 25 г. Абакана, Лицею г. Абакана и Лицею «Эврика» пгт. Черемушек.

Школа № 25 в 2012 г. получила статус ассоциированной школы ЮНЕСКО. Лицей г. Абакана и Лицей «Эврика» пгт. Черемушек являются кандидатами на вступление в проект.

С 2003 по 2012 г. Хакасской национальной гимназией-интернатом им. Н. Ф. Катанова и школами Аскизского района республики приобретен бесценный опыт участия в двух международных макропроектах Международной кафедры ЮНЕСКО Новосибирского государственного университета: «Расширение прав коренных народов на образование высокого уровня» (2003–2006 годы) и «Расширение доступа к локальным культурам Сибири посредством инновационной сетевой образовательной модели поддержки и развития культурного разнообразия» (2008–2012 годы) при поддержке Европейского Союза, Бюро ЮНЕСКО в Москве, комиссии РФ по делам ЮНЕСКО.

Кроме того, необходимо отметить работу, проводимую Хакасской национальной гимназией-интернатом им. Н. Ф. Катанова по формированию поликультурной развивающей среды в детских коллективах.

Фестиваль «Ынархас чоллары» («Дороги дружбы») стал ярким событием не только для Хакасии, но и для всей России.

При поддержке Новосибирского государственного университета, ЮНЕСКО и Европейского Союза в 2012 г. проведен IV Международный фестиваль и замечательный детский праздник «Тун пайрам». В мероприятиях приняли участие делегации из 17 регионов России. Почетными гостями были руководитель программы сотрудничества Европейского Союза в РФ господин Этьен Клайе, ведущий менеджер макро-проектов ЕС в России, эксперт Представительства Европейского Союза в Российской Федерации госпожа Татьяна Бокарева, программный специалист Бюро ЮНЕСКО по делам ЮНЕСКО в Российской Федерации госпожа Любава Морева.

Фестиваль остается ежегодным мероприятием, в рамках которого проводятся различные культурные, обучающие и конкурсные программы, в том числе культурно-краеведческий конкурс учебно-исследовательских работ, представленный в номинациях: «Изучение и сохранение материального и нематериального культурного наследия малой Родины» и «Эколого-культурные проблемы малой Родины».

Фестиваль позволяет делегациям из субъектов РФ лучше познакомиться с культурой других народов, проявить себя во всех конкурсах и, наконец, найти новых друзей во всех уголках нашей многонациональной России.

Благодаря энтузиазму педагогов и учащихся школ Аскизского района на базе 25 школ района созданы школьные музеи, в том числе юрты-музеи, музейные уголки, кабинеты, а также реализуется проект «Этнопедагогический центр «Шорская изба».

Опыт работы школ обобщается и распространяется на муниципальном, региональном уровнях. Изданы сборники практических материалов.

Для повышения качества образовательного процесса по поликультурному образованию в Республике Хакасия при Хакасском институте развития образования и повышения квалификации действует

кафедра поликультурного образования. Под руководством кафедры осуществляется деятельность четырех республиканских инновационных площадок. Опыт школ по данному направлению обобщен в сборнике по материалам Межрегиональной научно-практической конференции «Поликультурное образование: опыт, проблемы и перспективы».

В целях обеспечения изучения хакасского языка в республике кафедрой осуществляется разработка учебников и учебно-методических пособий по этнокультурному образованию. Так, в 2013 г. подготовлены к изданию учебники «Хакасский язык» и «Литературное чтение» для 1–4 классов, которые вошли в Федеральный перечень учебников.

Научное сопровождение изучения историко-культурного наследия Республики Хакасия обеспечивает подведомственное учреждение Министерства – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, который проводит исследования по теме: «Хакасия в контексте истории и культуры Южной Сибири и Центральной Азии».

Книги по древней истории, которые издаются ХакНИИЯЛИ, используются при подготовке учителями учебно-методических комплексов. К таким изданиям можно отнести книгу «Тайна богов древней степи», «Большой Салбыкский курган», «Культурно-историческое наследие заповедника «Хакасский», которые используются не только в образовательном процессе, но и при разработке туристических маршрутов, текстов экскурсий.

В рамках сотрудничества ХакНИИЯЛИ и Научно-исследовательского центра по изучению древних культур железного века Восточной Азии (Япония) с 2011 г. проводятся раскопки железоплавильных таштыкского времени (I–V вв.).

С кафедрой тюркских языков Анкарского университета подготовлен совместный проект «Современные тюркологические исследования», результатом которого станет турецко-хакасский сборник.

Ученые ХакНИИЯЛИ участвуют в работе Монако-Монгольской археологической экспедиции в Центральной Монголии. По результатам этой экспедиции в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже в апреле 2013 г. была организована выставка под названием «Первые кочевники Центральной Азии». На выставке были представлены копии артефактов, камней с высеченными на них древними изображениями (оленей, лосей и других животных) и каменных стел, найденных на территориях Монголии и Хакасии.

Участие в программах ЮНЕСКО способствует взаимообогащению культур, дает возможность использовать передовую практику в интересах защиты и сохранения материального и нематериального культурного наследия.

Исходя из опыта работы Министерства образования и науки Республики Хакасия, в том числе с ЮНЕСКО, было бы замечательно в перспективе расширить наше сотрудничество, эффективно используя образовательный и научный потенциал Республики Хакасия, по приоритетным направлениям, отраженным в проекте Коммюнике.

3. В. Анайбан

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ

Данная статья посвящена исследованию современной этнодемографической ситуации в Хакасии, ее особенностей и основных тенденций развития. Работа основана на материалах официальной статистики. Анализ показал, что в числе специфических черт современных этнодемографических процессов в Республике Хакасия следует назвать обозначившуюся за последние несколько лет тенденцию роста численности населения, что не было характерно для данного региона с 90-х годов прошлого столетия. Данный регион отличается значительным преобладанием в общей численности населения представителей не титульной национальности. В ряду демографических проблем Хакасии следует назвать остающийся достаточно высоким среди его жителей показатель смертности.

The article analyzes the current specifics and main tendencies of ethnodemographic processes in the Khakassia Republic. The study is based on official statistical materials. The analysis showed that one of the specific features of current ethnodemographic processes in Khakassia is the increase in population numbers,

which has emerged in the last several years for the first time since the 1990-s. Another characteristic of the region is the predominance of representatives of the non-title nation. Among the demographic problems of Khakassia is the mortality rate, which is still quite high.

По данным Федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия, на начало 2014 г. в регионе проживало 534079 человек¹. В динамике численности населения за последние три года наметилась едва заметная, но все же тенденция роста. В этой связи важно отметить, что по материалам трех последних переписей населения, начиная с 1989 г. по 2010 г. включительно, здесь отмечалось постепенное сокращение численности населения. Например, за период двух последних Всероссийских переписей (2002 г. и 2010 г.) население сократилось на 2,5 %. При этом за эти годы в сельской местности население несколько увеличилось (на 9,4 %), в городах, наоборот, уменьшилось (на 7,4 %)².

Жители республики расселены в 5 городах, 8 поселках городского типа и 264 населенных пунктах. Доля городского населения практически вдвое превышает долю сельчан и составляет соответственно 63,7 % и 32,7 %. Для сравнения заметим, что в соседней Туве, по итогам переписи населения 2002 г., удельный вес горожан впервые превысил половину всей численности населения лишь в конце прошлого столетия и составил 51,5 %³. По отношению к другим национальным регионам Сибири в Хакасии процент городских жителей заметно выше, что объясняется более интенсивным развитием урбанистических тенденций на данной территории. Вместе с тем эти показатели в обоих случаях заметно ниже аналогичных показателей как по Сибирскому федеральному округу, так и по Российской Федерации в целом. Так, например, по данным переписи 2010 г., процент городского населения в среднем по Сибири составлял 72 %, по России – 73,7 %⁴.

По данным последней переписи, 2010 г., численность детей и подростков в общей численности населения составила 99,2 тыс. человек, или 18,7 %. По сравнению с предыдущей переписью, 2002 г., их число заметно сократилось – на 11,1 %. Доля лиц старше трудоспособного возраста (мужчины – 60 лет и старше, женщины – 55 лет и старше) возросло с 9 % в 2002 г. до 19,6 % в 2010 г. Подавляющее большинство жителей республики являются людьми активного трудоспособного возраста. В 2010 г. численность таковых достигала 61,7 %. Между тем в период между переписями было отмечено некоторое сокращение данной категории населения. Например, в 2002 г. этот показатель был на 3,3 % больше⁵.

В Хакасии ожидаемая продолжительность жизни в 2012 г. составила 67,6 лет. Важно отметить, что наблюдается, хотя и не столь значительная, но все же тенденция ее увеличения. Например, средняя продолжительность жизни в 2002 г. равнялась 61,2 годам, в 2006 г. – 64,5 годам, в 2010 г. – 67,1 годам⁶. Вместе с тем эти данные все же ниже аналогичных данных по многим другим российским регионам.

Республика Хакасия заметно отличается от соседних тюркоязычных регионов Сибири по своему этническому составу, прежде всего по представительству и соотношению титульной национальности. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., численность хакасов в республике составила лишь 12,1 %. Большинство населения Хакасии представлено русскими (81,7 %). Здесь живут также украинцы, немцы, татары и немногочисленные группы азербайджанцев, белорусов, тувинцев, чеченцев и др. (6,2 %). За период между двумя последними переписями доля русских немного возросла (на 1,4 %), а доля титульной национальности практически не изменилась (12 % в 2002 г.)⁷. Таким образом, первое место по численности населения в республике занимают русские. Процент хакасов, основной этнической группы республики, составляет примерно только десятую часть всей численности населения. Несмотря на то, что доля хакасов в общей численности населения республики за последнее десятилетие увеличилась, в масштабах страны, напротив, уменьшилась. Исследователи объясняют сей факт наблюдаемым среди хакасов снижением рождаемости и повышением уровня смертности, а также некоторой активизацией процессов миграции. Традиционно хакасское население в большинстве своем является сельским. И по сей день примерно две трети из их числа живут в сельской местности. Наиболее компактно сельские хакасы расселены в Аскизском и Таштыпском районах. Хакасы-горожане преимущественно проживают в столице республики – г. Абакане.

Начиная с середины 1990-х годов и вплоть до начала 2000 г. в республике наблюдался спад рождаемости. Тенденция к увеличению общего коэффициента рождаемости вновь наметилась с 2002 г. По данным официальной статистики, если в 2002 г. в этом регионе на 1000 человек населения приходилось 10,6 родившихся, то в последующие годы эта цифра стала постепенно расти и достигла в 2010 г. соответственно 15,1, в 2013 г. – 15,7⁸. В Хакасии, впрочем, как и в целом по Российской Федерации, самый высокий коэффициент рождаемости приходится на возрастную группу женщин 20–24

года. Как отмечают специалисты, в 2012 г. рождаемость в Сибирском федеральном округе в целом превысила смертность на 10 %. А в ряде регионов округа число зарегистрированных актов о рождении существенно превысило число зарегистрированных актов о смерти: в частности, в Хакасии – на 17 %. Безусловно, на заметный рост рождаемости, фиксируемый в настоящее время практически во всех регионах Российской Федерации, повлияло не так давно принятое положение о материальном вознаграждении за рождение второго ребенка, так называемый «материнский капитал».

Одной из главных проблем демографического развития Республики Хакасия является не снижающийся с годами показатель смертности. Если взять во внимание последние пять–шесть лет, то видим, что уровень смертности остается стабильно высоким и, к сожалению, в данном случае тенденция к снижению проявляется очень слабо. Так, в 2008 г. коэффициент смертности на 1000 человек населения составил здесь 13,8, в 2009 г. – 13,5, в 2010 г. – 13,9, в 2011 г. – 13,5, в 2012 г. – 13,3, в 2013 г. – 13,1⁹. По мнению специалистов, к числу основных причин роста смертности, регистрируемого в постперестроечные годы, следует отнести нищенское положение наименее социально защищенных слоев населения, недостаточную эффективность проводимой работы по реформированию системы здравоохранения, введение платных медицинских услуг, ставших недоступными для значительной части населения, резкое ослабление системы санитарно-эпидемиологического контроля, ликвидацию государственной монополии на производство и продажу алкоголя, а отсюда – массовая алкоголизация населения, рост преступности, развал системы охраны и контроля за условиями труда и многое другое¹⁰.

В данном регионе долгое время, фактически с середины 1990-х гг., отмечалась естественная убыль населения. Ситуация начала меняться лишь несколько лет назад. Впервые положительная динамика за более чем десять лет была зафиксирована в 2007 г. В настоящее время естественный прирост населения на 1000 человек населения достигает 2,6¹¹.

Говоря об естественном движении населения, следует особо сказать о браках и разводах, оказывающих существенное влияние на показатели воспроизводства населения. Уменьшение количества заключаемых браков, которое фиксируется в последние годы в разных сибирских регионах, исследователи склонны объяснять снижением брачной активности в самых молодых возрастах. Что касается Хакасии, то за межпереписной период процент тех, кто состоит в браке, остался неизменным и составил 59,9 % от численности населения в возрасте 16 лет и более. За это время немного сократилась численность никогда не состоявших в браке (1,4 %). Доля лиц, разведенных официально и разошедшихся, и вдовых, напротив, возросла (соответственно на 1 % и 0,4 %). По данным официальной статистики, на протяжении длительного времени численность замужних женщин заметно превышает численность женатых мужчин¹².

Как известно, уровень образования населения является важной составляющей этнодемографической характеристики того или иного региона. Статистические материалы позволяют говорить о проявлении позитивных тенденций в этой сфере. В данном регионе за период переписей 2002 г. и 2010 г. численность специалистов с высшим профессиональным образованием (включая послевузовское образование) возросла на 42,1 %, со средним профессиональным образованием – на 10,9 %, а численность лиц с начальным профессиональным образованием, наоборот, уменьшилась на 53,8 %.

В демографическом развитии населения разных регионов Российской Федерации в настоящее время отмечается усиление значимости миграционных процессов. Однако, как подчеркивают исследователи, в данном регионе миграционные процессы в начале XXI в. не стали играть важную роль в формировании населения, как это наблюдалось во 2-ой половине XX в.¹³. В числе специфических черт современных миграционных процессов в Республике Хакасия следует назвать сохраняющееся на протяжении почти десяти лет преобладание миграционной убыли или отрицательное сальдо миграции, которое, однако, имеет волнообразный характер. Так, например, этот показатель в 2013 г. по сравнению с предыдущим годом сократился почти в два 2 раза (минус 321 и минус 507 соответственно). В то же время, если говорить о последних годах, то пик миграционной убыли был зафиксирован в 2011 г. (минус 1010). Общий коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. среднегодового населения за 2011 г. составил в Хакасии минус 19 человек. Следует заметить, что среди двенадцати регионов Сибирского федерального округа этот показатель по Хакасии один из самых невысоких¹⁴. Вместе с тем из года в год растет миграционная активность населения, о чем свидетельствуют статистические данные о лицах, участвующих в миграционном обмене. В этой связи достаточно сказать, что, например, в 2013 г. по сравнению с 2010 г. численность как прибывших в республику, так и выбывших из республики возросла почти вдвое¹⁵. Состав мигрантов, впрочем, как и во многих других регионах Российской Феде-

рации, характеризуется высоким процентом населения в трудоспособном возрасте, в числе которых существенно преобладают молодежные группы. Результаты разных социологических исследований, проведенных в Хакасии в последние годы, показали, что основными факторами, вызывающими переезд, являются проблемы, связанные с поиском работы и надеждой на улучшение условий жизни.

Итак, в числе особенностей развития этнодемографических процессов в современной Хакасии следует назвать обозначившуюся на сегодняшний день явную тенденцию роста численности населения, что не было характерно для данного региона с 90-х гг. прошлого столетия. В ряду демографических проблем прежде всего следует назвать остающийся достаточно высоким среди населения Хакасии показатель смертности, который заметно превышает аналогичный показатель по другим сибирским регионам. Как показывает опыт, благоприятное развитие демографических процессов в Хакасии возможно лишь при условии эффективного решения социальных проблем и создания достойных условий жизни для всех ее жителей.

Примечание

1. Оценка численности населения на 1 января 2014 года и в среднем за 2013 год. Материалы Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия. – С. 1.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2012 года по Республике Хакасия. Материалы Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия. – С. 1–3.
3. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Кызыл, 2004. Материалы Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва. – С. 3.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2012 года по Республике Хакасия. Материалы Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия. – С. 1.
5. Там же. – С. 4.
6. Вся миграция: прибывшие и выбывшие. 2014. Материалы Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия.
7. Итоги Всероссийской переписи населения 2012 года по Республике Хакасия. Материалы Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия. – С. 9.
8. Вся миграция: прибывшие и выбывшие. 2014. Материалы Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия.
9. Там же.
10. Актуальная статистика Сибири, 2006. – С. 88.
11. Естественный прирост (убыль) населения Республики Хакасия. 2014. Материалы Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия. – С. 3.
12. Итоги Всероссийской переписи населения 2012 года по Республике Хакасия. Материалы Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия. – С. 5.
13. Тугужекова В. Н. Этнические и миграционные процессы в современной Хакасии // Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптационные возможности населения. – М., 2007. – С. 121.
14. Миграция населения Республики Тыва за 2012 год. Статистический бюллетень. – Кызыл, 2012. – С. 2.
15. Вся миграция: прибывшие и выбывшие. 2014. Материалы Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия. – С. 1.

В. М. Кимеев

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ШОРЦЕВ ЗАПАДНОЙ ХАКАСИИ

В статье выделяются основные тенденции современного развития шорцев, проживающих в Таштыпском и Аскизском районах Республики Хакасия. Показано влияние сагайских и русских элементов на традиционный образ жизни шорцев.

In the article basic tendencies of modern development of the Shors, living in the Tashtyp and Askiz regions of the Republic of Khakassia, are distinguished. Influence of Sagay and Russian elements upon the Shors' traditional way of life is shown.

Современная Западная Хакасия – особый регион республики, включающий Таштыпский и Аскизский районы. Большинство населения Таштыпского района составляют русские, на втором месте идут коренные жители хакасы (в основном потомки этнотерриториальной группы сагайцев) и на последнем – шорцы, причисленные республиканским законом от 16 ноября 2009 г. № 125-ЗХР

к коренным малочисленным народам РФ. Последние традиционно проживают в поселках Матур, Анжуй, Тлачах, а также в самом райцентре селе Таштып. Всего на 2010 г. шорцев Хакасии официально насчитывалось 1150 чел. (а по некоторым источникам, 1500 и даже 2500 чел., что указывает на трудности критериев учета смешанного шорско-хакасского населения, с которыми столкнулись местные власти при определении этничности при отсутствии графы в современных паспортах).

Динамику численности верхнеабаканских шорцев современного Таштыпского района трудно проследить по различным причинам. До советской власти, в процессе отселения таежников в степные районы, происходил процесс ассимиляции шорцев среди сагайцев. В традиционном жилище и одежде стали преобладать сагайские элементы, как более совершенные и изысканные. Еще во времена вхождения верховьев Абакана с улусами Матур и Анжуй в начале XX в. в состав Кузнецкого уезда этнокультурное наследие таежных групп верхнеабаканских групп шорцев, каргинцев, абинцев, бирюсинцев мало чем отличалось от такового таежных родственников с реки Мрассу, верховьев Кондомы и Томи. Из жилищ использовались каркасные одаги, хотя большинство жителей предпочитало обзаводиться деревянными избами на пример русских. А вот многоугольные юрты были только у шорских семей смешанного с сагайцами происхождения. Во время моей экспедиции 1985 г. такие юрты использовались как летние жилища только сагайскими семьями в пп. Отты, Нижняя Тёя, Казановка, Кызлас, Торттас и др. Там они сохраняются и используются до сих пор.

Из одежды национальные ансамбли советской эпохи использовали сценический костюм сагайского покроя как более изысканный и красивый по сравнению с таежным «шабыром». Да и в самих немногочисленных национальных ансамблях Таштыпского и Аскизского районов преобладали в основном потомки сагайцев. В поисках «шорских» элементов современный сценический костюм на праздниках дополнился разными элементами в зависимости от фантазии работников ателье, в которых такие костюмы сейчас шьют на заказ. На одном из последних праздников Таштыпского района все с любопытством рассматривали образцы «шорской» одежды, привезенной из Шерегеша и Междуреченска, но там он полностью за последние десятилетия значительно модернизирован стараниями русских модельеров из ателье по заказу ответственных работников культуры к ежегодным фольклорным праздникам «Пайрам» и конкурсу «Кен-Кыс». Даже старейший народный коллектив Горной Шории – «Чылтыс» использует сейчас третий вариант сценического костюма, напоминающий боярский наряд времен покорения Сибири¹.

Из-за голода и разрухи времен Гражданской войны многие «шорские» семьи старались отселиться в сагайскую степь, где или вступали в тесные этнокультурные и брачные контакты с сагайцами, или подверглись русификации. После образования Хакасского уезда потомки многих «шорских» по происхождению семей стали в паспортах писаться хакасами, а после обучения в школах литературному хакасскому языку стали идентифицировать себя хакасами и соответственно записываться в паспортах. При этом их соседи – потомки сагайцев продолжали называть их «чыстанас», т. е. таежные. Через хакасских этнографов это название вначале закрепилось в научной литературе, но официального признания не получило, как не получил официального признания предлагаемый для хакасского этноса новый этноним «хоорай»².

Стабильно сохранялись в быту как у верхнеабаканских шорцев, так и соседних сагайцев традиционные предметы домашней утвари (берестяные туеса, долбленая посуда, бондарные сосуды, маслобойки, самогонные аппараты), пока не были изъяты музейными работниками для своих коллекций или не выброшены хозяевами в процессе износа и замены их покупной посудой и другой утварью, мебелью и другими предметами домашнего обихода. Ожидаемого возрождения народных ремесел, несмотря на призывы властей, в сельской местности так и не произошло из-за утраты в течение последних десятилетий межпоколенной передачи традиций и отсутствия мастеров. Так, для проведения выставок традиционных предметов «шорского» быта во время национальных праздников в Таштыпском районе использовались предметы из коллекций Таштыпского краеведческого музея и Музея этнографии и природы Горной Шории г. Таштагол.

Традиционная домашняя «шорская» одежда, судя по фотографиям экспедиций АН СССР 1920-х и 1940–1950-х гг., сменилась покупной, а сагайские элементы (материал, покроем и орнамент) и раньше не были характерны для таежников. Поэтому в современных условиях народным фольклорным коллективам Таштыпского района придется заново изобретать «национальный костюм» в лучших традициях неотрадиционализма шорцев Кемеровской области. На это вполне хватит средств грантов, ежегодно выделяемых Правительством Республики Хакасия созданным сверху территориально-соседским общинам коренного малочисленного народа – шорцев, таким как «Мыстаг», «Тамыр», «Алтын-Кун» и др.

На заседаниях Совета представителей коренных малочисленных народов при Правительстве Республики Хакасия неоднократно высказывались просьбы о введении преподавания шорского языка в школах в Таштыпском районе, для чего предлагалось использовать опыт шорцев Кемеровской области. А вот опыт оказался печальным! Даже специально созданная для подготовки учителей национальных школ кафедра шорского языка в бывшем Новокузнецком педуниверситете (ныне филиал КемГУ) в 2010 г. была закрыта из-за отсутствия абитуриентов. Образованная и способная шорская молодежь Кузбасса теперь предпочитает поступать в престижные высшие учебные заведения России и обучаться на врачей, юристов, экономистов, программистов. Да и преподавание шорского языка сейчас по настоящему ведется только в начальных классах школы-интерната № 3 г. Таштагол. В подавляющем числе шорских поселков Таштагольского района школы давно закрыты в условиях продолжающейся стабильной миграции молодежи в города и крупные поселки юга Кузбасса в поисках работы или учебы.

Что касается традиционных форм природопользования таежных жителей Хакасии, то отдельные семьи в условиях безработицы реанимировали такие занятия, как охоту, собирательство и рыболовство с использованием традиционных орудий (камусных лыж, петель и других различных ловушек, переметов, сетей, плетеных мордушек и др.), но этот набор не носит именно «шорской» специфики и аналогичен комплекту как у промысловиков-сагайцев, так и представителей других национальностей Западной Хакасии.

Привлекательна идея создания Этнического центра шорской культуры в улусе Тлачах, выдвинутая в 2012 г. главой Таштыпского района Василием Ивановичем Шульбаевым, имеющим «шорские» корни, но идентифицирующим сейчас себя уже хакасом (рис. 1). Реализация этого проекта позволила бы подрастающей молодежи Таштыпского района, да и всей Хакасии, приобщиться и заново переосмыслить ценности своего историко-культурного наследия, как это уже несколько лет делается в музеях-заповедниках Аскизского района. Это стало бы хорошим дополнением к уже реализованному В.И. Шульбаевым культурно-образовательному проекту в с. Матур в виде нового Дома культуры и новой общеобразовательной школы, построенной рядом с историческим местом – остатками построек Матурского отделения Алтайской православной духовной миссии. Именно здесь в начале XX в. служил миссионер Иоанн Штыгашев, также имевший «шорские» корни и по праву считающийся первым писателем у современных шорцев и хакасов.

Примечания

1. Кимеев В. М., Ширин Ю. В. Тайны Кабырзинской принцессы. – Кемерово, 2011. – 272 с.
2. Бутанаев В. Я. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В. Я. Бутанаев; научн. ред. В. И. Молодин. – Абакан, 2008. – 672 с.; Шульбаев В. П. Аал Анжюль. – Абакан, 2010. – 240 с.

Рис. 1. Этнический центр шорской культуры в д. Тлачек (ул. Тлачах)

Т. Е. Санжиева

ИЗМЕНЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА БУРЯТ В УСЛОВИЯХ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье описывается история изучения менталитета, рассматривается изменение менталитета бурят в XVIII–XX вв. Основными причинами изменения менталитета явилась политика этнической русификации Российского государства, новый образ хозяйственного уклада. Формирование другой ментальности у западных и восточных бурят ассоциировалось с межконфессиональным межжеванием, завершившимся к концу XVIII в., а также новой административно-территориальной структурой, сформировавшейся в середине XIX в.

The article describes the history of the study of the mentality, examined the transformation the mentality of buryats during XVIII–XX centuries. The main reasons for changing the mentality became ethnic Russification policies of the Russian state, a new way of household. Formation of different mentalities in the western and eastern Buryats was associated with interfaith disengagement completed by the end of the XVIII century, and new administrative-territorial structure, formed in the middle of the XIX century.

Историческая наука в изучении прошлого должна опираться на реконструкцию социальных и культурных практик, в значительной степени обусловленных ментальностью. Изучение менталитета и социально-культурной истории в целом заключается в комплексном анализе социальных, психологических и лингвистических явлений и процессов на основе междисциплинарного подхода. Проблема изучения менталитета заключается в постижении исторического прошлого через анализ сознания и поведения людей как действующих субъектов общественного развития.

Категория «менталитет» относится к числу наиболее многогранных понятий, получивших в научной литературе десятки дефиниций. Впервые эту категорию в научный оборот ввели зарубежные исследователи в конце XIX в. В исторических исследованиях она была представлена в 30-е годы XX в. в трудах представителей «французской новой исторической науки» М. Блока и Л. Февра. Основатели школы «Анналов» совершили переворот в историческом познании, поставив в центр исследования человека с его восприятием мира, моделями поведения, страхами и надеждами. В последнее десятилетие XX в. к изучению этой проблемы приступили отечественные историки¹. Опираясь на их определение, мы понимаем менталитет как совокупность психологических и ценностных установок, стереотипов восприятия действительности, мыслительных привычек индивидов и групп, определяющих их социальное поведение. Менталитет проявляется в поведении, эмоциях людей, в реакциях на события, поэтому его невозможно рассматривать в отрыве от общественного сознания и социального поведения. В отличие от «общественного сознания» и «социального поведения» менталитет своим основанием уходит в подсознательную сферу психики.

История ментальности неотъемлемая часть социальной истории, поэтому она должна изучаться в широком историческом контексте, на базе анализа социальной и культурной жизни и т. д. «...Менталитет в каждый конкретный отрезок истории представляет собой совокупность социально-психологических качеств и черт, сумму детерминируемых ими поведенческих реакций, выступающих как определенная целостность (скажем, менталитет американцев, менталитет китайцев и т. п.), проявляющихся во всех сторонах жизнедеятельности данной человеческой общности и составляющих ее индивидов», – писали А. П. Бутенко и Ю. В. Колесниченко².

На протяжении длительного исторического периода у бурят произошли глубокие изменения в социально-психологической реакции на окружающую действительность, стереотипе представлений, общественных настроениях, коллективном психическом состоянии. Главную роль в этом играла русификаторская политика России, основным проявлением которой стало создание русских анклавов на территории расселения бурят.

В течение XVII–XVIII вв. Байкальский регион постепенно вошел в политическое, экономическое, правовое и культурное пространство России, что повлекло изменения в хозяйственной структуре бурят. Большинство русских крестьян расселилось в Приангарье, поэтому в конце XVIII в. у западных бурят начинает складываться земледельческо-скотоводческое хозяйство. Хотя в Забайкалье прибыло меньше крестьян, но под давлением русской администрации у восточных бурят формируется скотоводческо-земледельческое хозяйство. Хори-буряты, выселенные в агинские степи, занимались только скотоводством, поэтому их уклад остался прежним. В конце XVIII в., несмотря на разные хозяйственные уклады, менталитет бурят оставался одинаковым.

Кроме хозяйственных различий, приход русских вызвал у бурят межконфессиональное межевание, что сказалось на духовной сфере. Буддизм не смог проникнуть в общественное сознание народа Западной Бурятии, где активную миссионерскую деятельность вела православная церковь. Однако крещение западные буряты принимали номинально, оставаясь шаманистами. Шаманская практика включала жертвоприношения духам – хозяевам местных гор, рек, озер и ключей – тайлганам³, связанных с именем православного святого Николая Чудотворца, считавшимся покровителем земледелия. Эти тайлаганы проводились перед посевом и уборкой урожая⁴. Религиозные верования бурят имели синкретичный характер: шаманистско-христианской у западных бурят и буддийско-шаманистский у восточных бурят.

К середине XIX в. более глубокое включение в социокультурную среду России привело к тому, что у бурят изменилась ментальность, он стал разным у западной и восточной группы. Основной причиной изменения ментальности стало появление нового хозяйственно-бытового уклада и присутствие русских, а также изменение религиозного пространства в Забайкалье.

Во второй половине XIX в. буддизм глубоко проник в общественное сознание и быт восточных бурят. У бурят-буддистов национальная традиционная культура была постепенно вытеснена религиозной. Изменился окружающий ландшафт, он стал более красочным благодаря строениям дацанов. Особенно Селенгинское, Хоринское и Агинское ведомства, где находилось большинство дацанов. В Баргузинском ведомстве был один дацан⁵. На территории Иркутской губернии буддизм стал распространяться в середине XIX в. среди тункинских, окинских и аларских бурят, большинство которых составляли хонгодоры, перекочевавших сюда из Халхи во время Гражданской войны в Монголии в конце XVII – начале XVIII вв. У них было по одному дацану⁶. В итоге культура западных бурят по-прежнему оставалась архаичной, такой же фактически была традиционная религиозная культура. У восточных бурят традиционную культуру вытеснили буддийские ценности. Буддийская культура была на более высоком уровне, она имела письменность, изобразительное и театральное искусство, книгопечатание, библиотеки.

Ядром менталитета бурят является общинный (родовой) архетип. Родовой архетип бурят определяет социальную обусловленность, базовые ценности, специфику картины мира. Общинный архетип этнического сознания был чрезвычайно устойчив, он базировался на авторитарной власти. Представителем власти был нойон – собирательное название должностных лиц. Борьба за должности до конца XIX в. шла среди нойонских семей, буряты считали принадлежность к власти по праву происхождения или наследственности «удха»⁷. Неприкосновенность нойонов была вызвана тем, что, подобно монголам, буряты звание тайши сделали наследственным.

В связи с развитием рыночных отношений среди бурят появляются богатые люди, не относящиеся к нойонским семействам. Однако такие случаи были единичными. Основная борьба разворачивалась за право стать главным тайшой – руководителем ведомства (административная единица, населенная бурятами, в нее могли входить разные роды). Аларская летопись рассказывает о борьбе тайши Баторова из тайшинского рода с Бажеем Косомовым за право занять должность тайши. Победу одержал Б. Косомов⁸. Большинство бурятских родов чтит старые традиции и сохраняли прежнее отношение к тайшам. Административная реформа начала XX в. ликвидировала институт тайшинства, унифицировав систему управления с русским населением. Тайшу заменил «гулва» – голова, а ведомства были заменены волостями.

На трансформацию ментальности оказало влияние государственное устройство, разъединившее бурят административно, поскольку они оказались с 1851 г. в Иркутской губернии и Забайкальской области. Причем на территории области проживало много бурят, относящихся к булагатам эхиритам. Племена, чье этническое происхождение связано с западной частью Бурятии, мигрировали на восток в связи с появлением русских отрядов в XVII в. Буряты были бесписьменным народом, в Иркутской губернии использовали русское письмо, в Забайкальской области – монгольскую письменность.

Родовой архетип более всего сказывался на семейно-брачных отношениях бурят. Не случайно все были обязаны знать свою родословную, чтобы не допустить кровосмешения. Родовой архетип сохранялся у бурят до 1920-х гг., дальнейшая государственная политика привела к трансформации уклада жизни в процессе форсированного перехода от традиционного общества к индустриальному.

Государственная политика СССР по отношению к народам Сибири, в том числе бурят, отнюдь не способствовала гармоничному развитию духовной культуры. Советская власть с еще большим рвением, чем миссионеры XVIII в., искоренила традиционные обряды, фольклор, разрушила святилища. Массовые политико-экономические кампании по созданию индустриальных и аграрных комплексов

вызвали деформацию этнотерриториальных структур. Политика индустриализации и урбанизации, коллективизации сельского хозяйства, вынужденная седентаризация привели к формированию нового хозяйственного уклада, смене образа жизни. Такое отношение со стороны властей привело к трансформации психологии и поведения людей, деформировало культуру народа, способствовало забвению традиционных норм морали, прервало межпоколенные трансляции этнической культуры, провоцировало возникновение у молодежи нигилистического отношения к истории и культуре собственного народа, утрате родного языка.

Трансформацию культуры бурят в советский период можно охарактеризовать как «заимствование поневоле». Это относится к изменениям в характере расселения, организации хозяйственной деятельности, воспитании детей и т. д. По поводу ментальности бурят также можно сказать «изменение поневоле». Европоцентристский подход в деятельности в сфере и общественном сознании повлиял на изменение ценностных ориентиров и установок бурят.

В условиях глобализации изменение ментальности бурят, так же как и других этносов, набрало ускоренные темпы. Если в предыдущие периоды этот процесс был обусловлен главным образом открытым воздействием со стороны властей, то сегодня ментальность адаптируется к новым условиям окружающей действительности. Поэтому трансформация менталитета имеет более кардинальные формы, в этой связи сохранение прежних базовых ценностей, представлений, поведения, основанных на традициях, обычаях, становится намного сложнее.

Исследование ментальности позволяет определить происхождение, сущность архетипов сознания бурят, что, в свою очередь, позволяет изучить специфику ментальных реакций, ментальную природу поведенческих стереотипов в процессе исторического развития.

Примечания

1. Русская история: проблемы менталитета. – М., 1994; Лурье С. В. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. – СПб., 1994; Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX в.: новые материалы, методы, результаты. – М., 1996; Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). – М., 1996; Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). – Екатеринбург, 2000.
2. Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социс. – 1996, № 5. – С. 94.
3. Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. – М., 1978. – С. 69.
4. Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура, социальные функции. – Новосибирск, 1978. – С. 191.
5. Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура, социальные функции. – Новосибирск, 1978. – С. 180.
6. Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура, социальные функции. – Новосибирск, 1978.
7. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. – Улан-Удэ, 2012. – С. 546.
8. Румянцев Г. Н. Аларская летопись // Записки БМНИИКиЭ. – Вып. IX. – Улан-Удэ, 1949.

Т. А. Кискидосова

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В ГОРОДАХ ХАКАСИИ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Статья посвящена проблемам охраны материнства и детства в городах Хакасии в послевоенное время. Несмотря на трудности, в городах была создана сеть детских и лечебных учреждений, проводились мероприятия по охране здоровья матерей и детей, оказывалась материальная поддержка малоимущим и многодетным семьям.

The article is devoted to the problems of maternity and childhood in the towns of Khakassia in the post-war period. Despite the difficulties in the cities created a network of children's and medical institutions, carried out measures on health protection of mothers and children, provided financial support for low-income and large families.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 13-11-19007 а/Т и Правительства Республики Хакасия.

Важнейшим показателем социального развития государства является оказание помощи и поддержки семье и детям. В суровое военное время значительное количество детей, потеряв родителей, остались сиротами. Во многих семьях военнослужащие оставили свою супругу и детей без надлежащего материального обеспечения. Резкое снижение рождаемости и повышение смертности, массовые миграции за пределы области привели к значительному сокращению численности населения. С окончанием войны государственная политика была направлена на решение такой первоочередной проблемы, как социальное обеспечение семьи, материнства и детства.

К самым социально незащищенным слоям населения относились матери-одиночки и многодетные семьи. Требовалась государственная поддержка прежде всего данных социальных групп. Материнство рассматривалось как важнейшая женская функция, подкрепленная целым рядом социальных гарантий, таких как организация и функционирование женских и детских консультаций, родильных домов, детских домов, предоставления оплачиваемого отпуска по беременности и родам и др. В условиях демографического кризиса в СССР возникла потребность в коренном изменении семейного права. Попыткой реформировать семейные отношения, повысить рождаемость и решить проблемы социального обеспечения малоимущих семей в стране стал принятый Президиумом Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. Указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»¹. Формы государственной помощи семьям, имеющим детей, были следующие: денежные выплаты матерям-одиночкам и многодетным семьям по содержанию и воспитанию детей, медицинские, жилищные и другие льготы родителям и детям, социальное обслуживание семей. Увеличивался отпуск по беременности и родам с 63 до 77 календарных дней, послеродовой отпуск – с 36 до 42 календарных дней. В случае осложнений при родах или рождении двойни послеродовой отпуск увеличивался до 56 дней. Начиная с четвертого месяца беременности, запрещалось привлекать женщин на сверхурочные работы, а имеющим грудных детей – к ночным работам на период кормления ребенка. С шестого месяца беременности в два раза увеличивались дополнительные пайки, а кормящим матерям – в течение четырех месяцев кормления. Для родителей с низкой зарплатой снижалась плата за детские сады и ясли. Так, например, родители, имеющие трех детей при заработке до 400 руб., а также четырех при заработке до 600 руб., освобождались на 50 % от оплаты за детские сады и ясли, а имеющим пятерых детей и более – независимо от заработанной платы. Одиноким матери могли поместить ребенка в государственное учреждение. В этом случае государство брало на себя все заботы по воспитанию, но за матерью оставалось право забрать ребенка обратно. Таким образом, Указ от 8 июля 1944 г. имел ряд моральных и материальных стимулов для увеличения деторождаемости в стране².

Согласно Указу 1944 г., значительно увеличивалось государственное пособие на воспитание детей. При рождении ребенка оно составляло от 400 до 5000 руб. и ежемесячно – от 80 до 300 руб. Размеры пособий зависели от количества детей в семье. Денежная сумма пособия возрастала при рождении последующего ребенка. В 1945 г. в Абакане матери-одиночки получали ежемесячные пособия в установленном порядке: за рождение первого или второго ребенка – 100 руб., пятого ребенка – 120 руб., шестого ребенка – 140 руб. и т. д. Например, жительнице Абакана Е. С. Ворониной за рождение седьмого ребенка было назначено единовременное пособие в размере 2500 руб., ежемесячное пособие составляло 200 руб. Размер единовременного пособия за рождение одиннадцатого ребенка абаканской многодетной матери П. П. Харитоновой составлял 5000 руб., она получала ежемесячное пособие в размере 300 руб. Пособия выплачивались на срок до четырех лет. Всего за период с 1944 по 1945 г. в Абакане было выдано свыше 40 государственных пособий многодетным семьям и матерям-одиночкам. Увеличение налога на холостяков и бездетных граждан должно было стимулировать рождаемость в стране. С 1944 г. вводился налог на малосемейных, т. е. семей, имеющих одного или двоих детей³.

25 ноября 1947 г. был принят Указ Президиума СССР «О размере государственного пособия многодетным и одиноким матерям». Этот Указ позволил увеличить единовременные выплаты матерям, имеющим двоих детей, при рождении третьего ребенка 200 руб., четвертого – 650 руб., пятого – 850 руб., шестого – 1000 руб., седьмого и восьмого – 1250 руб., девятого – 1750 руб., при рождении каждого последующего – 2500 руб. Государственные пособия выдавались одиноким матерям, не состоящим в браке, на содержание и воспитание детей: на одного ребенка – 50 руб. в месяц, на двух – 75 руб., на трех и более детей – 100 руб.⁴

Согласно Указу 8 июля 1944 г., предусматривалась обязательная запись зарегистрированного брака в паспортах с указанием фамилии, имени, отчества и года рождения супруга, место и время регистрации брака. По сравнению с довоенным законодательством значительно усложнялась процедура бракоразводного процесса. Указ установил неравноправие «внебрачных детей» по отношению к детям, рожденным в зарегистрированном браке, до 8 июля 1944 г. равенство всех детей считалось одним из основополагающих принципов семейного права. Государство не признавало фактические браки и освобождало себя от обязанности выплачивать пенсию детям погибших военнослужащих, состоявших до призыва на военную службу в фактических брачных отношениях, но не сумевших оформить их в ЗАГСе. Мать, имевшая ребенка, но не состоявшая в официально зарегистрированном браке, признавалась матерью-одиночкой и могла рассчитывать только на получение пособия, которое было намного меньше пенсии по случаю потери кормильца-военнослужащего⁵. Таким образом, одинокие матери были поставлены в крайне сложное положение, закрепляли юридическое неравенство их и их детей, подталкивали к производству подпольных аборт⁶.

Указом Президиума Верховного Совета от 14 марта 1945 г. было расширено право детей на получение пенсии за погибшего на фронте отца, с которым мать не находилась в зарегистрированном браке. Ребенок имел право на обеспечение пенсий по случаю потери кормильца наравне с детьми, родившимися в зарегистрированном браке, при соблюдении двух условий: 1) если он родился до Указа от 8 июля 1944 г.; 2) в книге актов гражданского состояния имелась запись об отце ребенка⁷.

Проблема повышения рождаемости в стране оставалась актуальной из-за сложившейся в стране неблагоприятной демографической ситуации. Потери мужского населения негативно сказались на брачно-семейных отношениях населения. Несмотря на то, что государственная политика была направлена на укрепление семьи, дефицит женихов, прекращение брачно-семейных связей в связи с пребыванием мужей на фронте, большое количество незамужних женщин и вдов, а также многочисленные внебрачные связи способствовали увеличению количества внебрачных детей. По подсчетам Н. А. Баранцевой, в 1945 г. в городских поселениях Хакасии было зарегистрировано 642 внебрачных ребенка (44,5 % от общего количества родившихся), в сельской местности – 475 (20,9 %). В 1946 г. в городах показатели снизились до 697 детей (29,0 %), в сельской местности внебрачные рождения увеличились до 792 (26,2 %). В 1947 г. показатели снизились как в городе, так и в деревне – 814 (26,7 %) и 706 (23,3 %) соответственно⁸.

Дестабилизация брака, преждевременная смерть членов семьи от полученных на фронтах ранений, а также материальные и жилищно-бытовые условия не способствовали высокой рождаемости в стране. Период повышенной компенсаторной рождаемости после войны был очень коротким и прервался голодом 1947 г. В 1945 г. в городах Хакасии на 1000 населения рождаемость составила 12,4, в 1946 г. – 20,2, в 1947 г. – 25,6. Компенсаторная волна 1945–1947 гг., при которой осуществлялись рождения, отложенные в годы войны, не позволила вернуться к показателям рождаемости довоенного периода⁹.

Тяготы военного времени сказались на всех слоях населения, но особенно тяжело пришлось малообеспеченным многодетным семьям. Материально необеспеченные семьи стали объектом заботы и поддержки со стороны органов местной власти. Например, 26 июня 1945 г. жительница Черногорска, мать 11 детей Харитоновна, обратилась в Черногорский горсовет за оказанием материальной помощи. При посещении квартиры Харитоновых было обнаружено, что семья находилась в крайне тяжелом материальном положении. В квартире требовалось провести капитальный ремонт: сменить полы и окна, переделать печь, отремонтировать водопровод, побелить квартиру. Семья испытывала нужду в продуктах питания, одежде и обуви. Бюро Черногорского горсовета постановило в 10-дневный срок обеспечить семью верхней и нижней одеждой, обувью, снабдить продовольствием (крупы, картофель, жиры и хозяйственное мыло), отправить четверых детей в пионерский лагерь, оказать помощь в учебе детям школьного возраста и содействовать в выдаче учебников¹⁰.

Другой важной задачей послевоенного общества стало обеспечение детей-сирот и борьба с беспризорностью. За годы войны в Хакасии существенно увеличилось количество детских домов. В 1945 г. в области насчитывалось 14 детских домов с охватом 1497 детей. К 1946 г. за счет разворота мест в детских домах предполагалось принять дополнительно еще 178 чел. Многие детские дома и интернаты находились в непригодных для жилья старых домах, в 1946 г. началось строительство нового детского дома. Также предполагалось построить в Абакане два новых детских сада с охватом 125 чел. каждый. Имевшиеся в городе два детских сада вмещали только от 35 до 50 чел.¹¹ В послевоенное время дети в детских домах часто голодали, продукты питания поступали с

перебоями. В ряде детских домов Хакасии дети были больны дистрофией. Не было возможности обеспечить воспитанников детских домов в полной мере одеждой и обувью. К празднованию Октябрьской революции горожане проводили воскресники в пользу сирот, детей фронтовиков и детей из малоимущих семей, собирали деньги, продукты питания, одежду, обувь и т. д. Горняки Черногорска снабжали их топливом. Шахтеры шли работать на дополнительные смены с целью сбора средств для малоимущих и сирот. В школах для учащихся были организованы буфеты с горячими завтраками¹².

Последствия войны сказались на генофонде страны. Повсеместно наблюдалась высокая смертность младенцев. Социальная политика государства была направлена на борьбу с пороками внутриутробного развития и мертворождениями, на снижение уровня врожденной слабости новорожденных и заболеваемости среди детей. Хронически больным детям оказывали помощь в детских специализированных больницах и санаториях. В 1945 г. в Абакане и Черногорске открылись по одному туберкулезному детскому саду. Они охватили в Абакане – до 107 чел., в Черногорске – до 25 чел., к 1949 г. в Абакане – до 150 чел., в Черногорске – до 50 чел.¹³. Постепенно удалось несколько снизить уровень желудочно-кишечных заболеваний. В Черногорскую городскую больницу поступили физиоаппаратура, два рентгенаппарата. Лечебные учреждения получили новые комплекты белья для больных. В то же время в системе здравоохранения был ряд недостатков. Оставалась высокая заболеваемость детей туберкулезом, рахитом, трахомой и пневмонией. В Черногорске отсутствовало туберкулезное отделение, не налажена была медицинская работа с больными туберкулезом и их семьями. На низком уровне находилась профилактическая работа, врачи недостаточно времени отводили на проведение профилактических лекций и докладов, мероприятий по прививанию гигиены среди населения. Подобная ситуация была связана с нехваткой медицинского персонала, многие врачи были вынуждены работать по совместительству, совмещать две-три должности¹⁴. По окончании войны в Абакане стали проводиться работы по строительству больничного городка на 600 чел., в Черногорске городскую больницу расширили на 600 коек. Недостаток медико-санитарных учреждений в области не давал возможности удовлетворить запросы населения в медицинском обслуживании. Периодически в области возникали вспышки сыпного тифа, не снижался уровень заболеваемости туберкулезом. Медицинским работникам не удавалось искоренить трахому среди населения¹⁵.

В 1949 г. правительство подготовило постановление «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и родильных домов и улучшению их работы». Особое внимание уделялось снабжению детских и родовспомогательных учреждений оборудованием и продуктами высокого качества, прежде всего молочными продуктами и овощами. Однако принятие этого постановления не сразу привело к улучшению снабжением детских и родовспомогательных учреждений Хакасии. Например, в 1950 г. не удалось своевременно обеспечить молоком все детские и лечебные учреждения Абакана. В первом квартале этого года план поставки молока в городе был сорван. Детские и лечебные учреждения Абакана вместо планируемых 48 т молока получили всего 13 т 358 кг молока. Из них в детские ясли поступило 1144 кг вместо 1900 кг, в детский дом – 2952 кг (3800 кг), городская больница вообще не получила молока, хотя планировалось 8000 кг. Многие городские детские учреждения остались без молока¹⁶.

Большое внимание стало придаваться раннему врачебному наблюдению за беременными женщинами. За весь срок беременности женщины должны были посетить консультацию в среднем 10–14 раз, т. е. не реже одного раза в месяц побывать на приеме у врача. Кроме этого, патронажные медсестры должны были посещать беременную на дому и на производстве. С апреля 1956 г. женщинам был увеличен отпуск по беременности и родам с 77 до 112 календарных дней (56 дней до родов и 56 дней после родов) «с выдачей за этот период пособия в установленном порядке». Если роды проходили с осложнениями или рождались двое и более детей, отпуск после родов продлевался до 70 календарных дней¹⁷.

В целом в послевоенное время социальная политика государства была направлена на поддержку семьи, материнства и детства. На правительственном уровне были разработаны меры социально-демографического характера по трем основным направлениям: охрана здоровья женщин в дородовый и послеродовый периоды, снижение смертности новорожденных и младенцев, укрепление здоровья детей и подростков. В условиях восстановительного периода в Хакасии проводился ряд мероприятий по повышению рождаемости, снижению мертворождений, сохранению жизни и здоровья матери и ребенка. В городах региона была создана сеть детских дошкольных и школьных учреждений, родильных домов, женских и детских консультаций и т. д. Несмотря на трудности и невозможность

решить все проблемы, местным властям удалось достигнуть определенных успехов по охране материнства и детства.

Примечания

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. [Электронный ресурс]: URL: [http://www.dexter900.narod.ru > index/0 – 108](http://www.dexter900.narod.ru/index/0-108) (дата обращения 9.03.2014).
2. Горбулина И. В. Социальная политика советского государства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сибири): Дисс. кин. – М., 2001. – С. 128.
3. Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. 335. Оп. 1. Д. 35. Лл. 1, 14. 23.
4. «О размере государственного пособия многодетным и одиноким матерям»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1947 г. [Электронный ресурс]: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssrb335.htm>.
5. Папина О. В. Основные направления государственной политики в отношении охраны материнства и детства в 1945–1953 гг. // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. Вып. 13. – Абакан, 2012. – С. 66.
6. Баранцева Н. А. Этносоциальные и этнодемографические процессы на юге Средней Сибири в конце XIX – начале XX в. – Абакан, 2011. – С. 79.
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. ...
8. Баранцева Н. А. Этносоциальные и этнодемографические процессы... – С. 78.
9. Там же. – С. 198.
10. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 13. Д. 180. Л. 155 об.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 45. Д. 994. Л. 88.
12. Отдел документов новейшей истории Национального архива Республики Хакасия (ОДНИ НАРХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1030. Л. 436.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 993. Л. 131.
14. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 13. Д. 180. Л. 113.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 993. Л. 131.
16. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 22. Д. 439. Л. 133.
17. Жиромская В. Б., Араловец И. А. Проблемы охраны материнства и детства после Великой Отечественной войны // Проблемы демографии, медицины и здоровья населения России: история и современность. Материалы II Международной конференции. – Пенза, 2006. – С. 20.

Т. Г. Иргашева

А. В. ТЕКУЧЕВ: ШКОЛА ДРУЖБЫ И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ С УЧЕНЫМИ УЗБЕКИСТАНА, НИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК ИМЕНИ Т. Н. КАРЫ-НИЯЗОВА

Статья посвящена научной, педагогической и организационной деятельности одного из выдающихся деятелей науки Узбекистана Т. Н. Кары-Ниязова, первого академика и президента АН Узбекистана. Также в статье рассматриваются основные этапы формирования системы образования и национальной интеллигенции.

The article is devoted to scientific, pedagogic and organizational activity of T. N. Kary-Niyazov, one of outstanding man of science of Uzbekistan, the first academician and president of Uzbekistan Academy of Sciences. Fundamental formation stages of an educational system and a national clerisy are also under consideration in the article.

Ученый широкого кругозора, учитель учителей А. В. Текучев на протяжении полувека вел энергичную общественную деятельность. Большое внимание выдающийся ученый, первый академик в области методики преподавания русского языка, автор фундаментального труда «Методика русского языка в средней школе» (1958), удостоенного за второе его издание в 1971 году премии АПН СССР и медали имени К. Д. Ушинского, сохранял лучшие традиции в отношениях к языку, учителю, преподавателю высшего и среднего учебного заведения, ученику в школе, студенту в вузе. А. В. Текучев проявлял огромный интерес к развитию методики преподавания русского языка и публикации актуальных для того времени исследований в этой области не только в России, но и в национальных школах, высших учебных заведениях союзных республик, в частности, Узбекистана. Мне запомнились приезды

А. В. Текучева в Узбекский республиканский институт русского языка и литературы (Ташкент), в котором работала с 1977–1986 гг. преподавателем на кафедре методики преподавания русского языка и литературы. Академик А. В. Текучев выступал в качестве оппонента на защитах кандидатских диссертаций, а также читал лекции по методике преподавания русского языка студентам и преподавателям данного крупнейшего учебного заведения в республике. Только на первый курс набор абитуриентов составлял тысячу человек из числа местной национальности. Так востребована была профессия учителя русского языка и литературы в республике.

А 90 лет тому назад состояние образования в Узбекистане было на самом низком уровне. Свыше 90 % населения было неграмотным¹. В 1920 г. при содействии правительства России был образован Туркестанский государственный университет, позднее – Ташкентский государственный университет. С 1930 г. в Узбекистане стало осуществляться всеобщее начальное обучение, росли средняя и высшая школы. О преподавании русского языка в Узбекистане говорилось на первом республиканском учительском съезде, состоявшемся в январе 1926 г., и на республиканском съезде работников просвещения (1928 г.). Эти два важных форума сыграли огромную роль для поднятия уровня образования в Узбекистане, особенно делегаты обратили пристальное внимание на методический аспект. В 1932 г. более половины населения стали писать и читать. К 1940 г. Узбекская Республика стала республикой сплошной грамотности.

Большое значение для повышения уровня школьного образования имели постановления правительства «Об учебниках для начальной и средней школы» (1933 г.), «Об организации учебной работы и внутреннего распорядка в начальной, неполной средней и средней школе» (1935 г.)².

Культурному подъему и росту молодой Узбекской Республики способствовало все более широкое проникновение русского языка в общеобразовательные и специальные школы и распространение его среди трудящихся. С русским языком детское и взрослое население Узбекистана было связано в школе, в вузе, на производстве, в быту. Русский язык преподавался сначала с 5-го, а затем с 4-го класса. На весь курс обучения русскому языку в школе отводилось около 500 часов.

V съезд Советов УЗССР принял постановление «О состоянии и задачах начальных и средних школ». В свете постановлений правительства была проделана колоссальная работа по совершенствованию преподавания узбекского языка и литературы и русского языка в узбекской школе, по разработке новых программ и стабильных учебников³. Процессу продвижения методики преподавания русского языка в узбекскую школу немало усилий приложил А. В. Текучев. Как член ряда ученых советов, министерских комиссий, член редколлегии журнала «Русский язык в школе», участник съездов, конференций и семинаров А. В. Текучев принял участие во Всесоюзной научно-практической конференции по совершенствованию преподавания русского языка в национальных школах, средних специальных и высших учебных заведениях, которая проходила в Ташкенте 21–23 октября 1975 г. На этой конференции он выступил с докладом на тему «Методы исследования в лингвистике и в методике и методы обучения русскому языку в их взаимоотношениях». Красной строкой этого выступления прозвучали следующие его идеи: «Важнейшим условием развития методики русского языка как науки является дальнейшее совершенствование методов преподавания, постановки экспериментальной работы, изучения школьного опыта, учет достижений смежных наук, а также новых идей мировой методической науки, усовершенствование информации о зарубежном опыте преподавания родных языков»⁴.

Русский язык является одним из мировых языков, и его изучению в Узбекистане в настоящее время уделяется большое внимание. Советник Федерального агентства по образованию России Виктор Петренко в своем выступлении на открытии «Праздника русского и узбекского языков», который проходил в Ташкенте и Самарканде 2 февраля 2009 г., отметил возрождающиеся связи образовательных систем России и Узбекистана. Он подчеркнул, что сегодня в России обучаются более 120 тыс. граждан из 160 стран, в их числе и из Узбекистана. Он также зачитал приветствие участникам языкового форума, в котором было отмечено, что государственные языки России и Узбекистана являются богатством и достижением народов этих стран. Сегодня владение иностранными языками является решающим фактором взаимодействия между народами. Как отметил, выступая во время открытия представительного форума, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Узбекистане Фарит Мухаметшин: «В настоящее время в России для специалистов-филологов становится все более важным опыт изучения узбекского языка. В то же время для российских специалистов узбекский язык является одним из лидирующих в тюркской группе, и его изучению уделяется все большее внимание. Узбекский и русский языки являются языками дружбы и сотрудничества, культуры своих народов».

Яркий пример этому – существование в 1966–1995 гг. в МГПИ имени В. И. Ленина, а затем МПГУ на факультете русского языка и литературы Узбекского отделения, организованного после разрушительного Ташкентского землетрясения (апрель 1966 г.). Мне посчастливилось учиться на этом отделении в 1967–1972 гг. и получить диплом по специальности «учитель русского языка и литературы». В этот период, 1970–1980 гг., А. В. Текучев заведовал кафедрой методики преподавания русского языка.

В развитии прогрессивной научной мысли решающую роль играла и продолжает играть Россия. Большую роль в изучении природы, экономики, истории и культуры Узбекистана и всей Средней Азии в XIX – начале XX в. сыграли русские ученые. Плодотворной была деятельность различных научных обществ, созданных по инициативе виднейших русских ученых, — Туркестанского отдела Русского географического общества, Туркестанского кружка любителей археологии, Туркестанского общества сельского хозяйства, Ташкентского отделения Русского технического общества, Общества востоковедения и др. В Ташкенте была сооружена обсерватория, и начались астрономические наблюдения. В научных исследованиях принимали участие и отдельные местные ученые. Важной и успешно разрешенной проблемой была проблема создания кадров национальной интеллигенции, в том числе кадров научных работников.

Наряду с высшими учебными заведениями, в республике была создана сеть научных учреждений, рост которых требовал согласованной деятельности и объединения их руководства. В связи с этим в 1932 г. был образован Республиканский комитет по руководству научно-исследовательскими учреждениями; в 1940 г. был создан Узбекский филиал АН СССР, преобразованный в 1943 г. в Академию наук Узбекской ССР с ее многочисленными научными учреждениями. Создание в республике Академии наук позволило перейти к решению комплексных народно-хозяйственных и научных проблем. Вместе с ростом кадров и развитием научных учреждений из года в год расширяется научная деятельность Академии наук, растет печатная научная продукция.

Большой размах в республике получили работы в области языкознания. В Институте языка и литературы проделана большая работа по созданию школьной научной грамматики, а также по изучению богатейшего языкового наследия узбекского народа. Языковеды подготовили и опубликовали пятитомный русско-узбекский словарь (свыше 70 тыс. слов), словари русско-узбекский (50 тыс. слов) и узбекско-русский (40 тыс. слов). Издан ценнейший «Тюркский словарь» средневекового филолога Махмуда Кашгарского. Среди крупных ученых Узбекистана следует назвать имя выдающегося ученого, педагога, историка, академика Академии наук Узбекской ССР Ташмухаммеда Ниязовича Кары-Ниязова. Литература о жизни и деятельности выдающегося ученого Узбекистана XX в. Ташмухаммеда Ниязовича Кары-Ниязова несоизмеримо мала по сравнению с тем вкладом в педагогическую науку, который им был сделан. Краткая информация о нем помещена в Большом Российском энциклопедическом словаре⁵.

Т. Н. Кары-Ниязов родился в Ходженде (ныне Республика Таджикистан) в семье таджика-сапожника. Его отец был грамотным человеком, знатоком и ценителем среднеазиатской поэзии. Свою любовь к знаниям он привил сыну, единственному ребенку в семье. Первоначальное образование Ташмухаммед получил в русско-туземной школе в Скобелеве (ныне – г. Фергана, Республика Узбекистан), которую окончил в 1915 г. Педагогический талант у будущего академика проявился рано. Уже в 1917 г. он приступил к преподавательской деятельности во вновь образованной школе 1-й ступени в Скобелеве. Это образовательное учреждение было создано в стенах и на основе учебной базы родной для него Скобелевской русско-туземной школы. Скобелевская школа стала первым учебным учреждением данного типа, где преподавание велось на узбекском языке. С первых дней ее существования Т. Н. Кары-Ниязов возглавил эту школу. Скобелевская школа постепенно становится образцовой в системе народного образования Туркестана. Через год своего существования – это уже областная школа 2-й ступени, а ее директор на добровольных началах назначается руководителем всех школ Скобелева и Скобелевского уезда. Он неутомимо работает на ниве образования. К тому времени становится понятно, что в образовании нуждаются не только дети, но и взрослые. В стране приступают к реализации Декрета о ликвидации безграмотности. К концу 1920 г. Ташмухаммед Ниязович Кары-Ниязов обучает взрослое население Скобелева в рамках работы Краевой Чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности, создает и возглавляет Кокандский областной педагогический техникум. Основная проблема, с которой пришлось столкнуться молодому педагогу, нехватка учебников по математике и естествознанию, отсутствие учебной литературы на узбекском языке. Т. Н. Кары-Ниязов вместе с коллегами по педагогической деятельности в Скобелеве переводит существующие на

русском языке учебники, составляет учебные пособия на языке, понятном его ученикам. Параллельно он занимается научными исследованиями. В 1919 г. увидела свет его первая научная работа «Кусочек природы» на узбекском языке. Эта работа уникальна. Как и многое другое, за что брался Т.Н. Кары-Ниязов. Тогда же будущий ученый сталкивается с серьезной проблемой: многих понятий русской научной терминологии в узбекском языке попросту нет. Узбекский педагог прекрасно понимает, что национальное образование нуждается в разработке научного понятийного аппарата на узбекском языке. Поэтому начинает беспрецедентный труд по его созданию. К 1925 г. Кары-Ниязов завершает разработку терминологии по элементарной математике. В конце 30-х г. XX в. Т. Н. Кары-Ниязов активно занимается разработкой новой узбекской письменности и орфографии на основе кириллического алфавита. Данный алфавит был принят на III-й сессии Верховного Совета УзССР в мае 1940 г. «К этому времени из лиц местных национальностей уже были подготовлены квалифицированные научные работники, имеющие ученые степени и звания»⁶.

В 1939 г. первым среди представителей местных ученых ученую степень доктора наук получил Т. Н. Кары-Ниязов. Все более и более он увлекается наукой. Научные интересы Ташмухаммеда Ниязовича многогранны. Кроме математики, это астрономия, история, археология, языкознание и философия. В конце 1930–1940-е гг. успешный ученый-педагог становится во главе республиканского образования и науки: руководитель комитета наук (1932–1937 гг.), нарком просвещения (1937–1938 гг.), председатель Президиума Узбекского филиала АН (Уз ФАН) СССР (1939–1943 гг.), заместитель председателя Совета народных комиссаров УзССР по науке и культуре (1941 г.). Осенью 1941 г. из Москвы и Ленинграда в Ташкент были эвакуированы многие научно-исследовательские институты Академии наук СССР, в том числе: Институт истории, Институт востоковедения, Институт истории материальной культуры, Институт мировой литературы, Институт экономики и права, Институт почвоведения. В числе прибывших в Ташкент ученых находились виднейшие ученые: академики Б. Д. Греков и В. В. Струве, члены-корреспонденты Академии наук СССР А. Ю. Якубовский, Е. Э. Бертельс, С. В. Бахрушин, В. Ф. Шишмарев, Н. К. Пиксанов, С. П. Толстов. Позже в Ташкент были эвакуированы и некоторые высшие учебные заведения. Всем им были предоставлены помещения для учебных и научных занятий, общежития, лаборатории. Война коренным образом изменила деятельность научно-исследовательских учреждений республики: работа ученых была направлена к одной цели – защите Родины. Тематические планы научно-исследовательских работ пересматривались в соответствии с требованиями военного времени, вся деятельность научно-исследовательских учреждений подчиняется нуждам фронта. Содружество ученых Узбекистана с прибывшими учеными дало весьма ценные результаты. Был разработан ряд важнейших проблем в области народного хозяйства, науки и культуры. Пребывание в Узбекистане институтов АН СССР оказало благотворное влияние на развитие науки и культуры в республике. Многие из прибывших ученых вели научно-исследовательскую работу в различных высших учебных заведениях республики, руководили аспирантурой, принимали активное участие в подготовке научных национальных кадров. Перестраивалась и научно-исследовательская работа вузов. Крупнейшие проблемы оборонного значения разрабатывались сообща, коллективно. Т. Н. Кары-Ниязову как руководителю науки и образования в Узбекистане пришлось взять на себя управление деятельностью ученых всей страны. «В свое время, – вспоминал он, – принимая у себя наших дорогих гостей, мы испытывали двоякие, противоположные друг другу чувства: с одной стороны, чувство печали, с другой – радости. Печально было потому, что покой наших ученых, их домашний очаг был нарушен, волей судьбы они оказались вне дома. С другой стороны, было радостно, потому что на нашу долю выпала честь принять здесь, у себя дома, дорогих гостей; радостно было потому, что наша семья ученых Узбекистана обогатилась новыми, высококвалифицированными научными кадрами...»⁷ В 1942 г. большинство ученых возвращаются в столицу, вновь функционируют научные центры Москвы. Между тем в УзФАН СССР в Ташкенте активно развивается получившая положительный заряд республиканская наука. В 1943 г. постановлением СНК СССР от 27 сентября узбекский филиал становится самостоятельной Академией наук УзССР. Первым ее академиком и президентом избирается Т. Н. Кары-Ниязов. В 1944 г. в АН УзССР работало 210 научных сотрудников, в том числе 28 докторов и около 80 кандидатов наук⁸. С самого начала своей научной деятельности Т. Н. Кары-Ниязов проявлял живой интерес к истории зарождения, формирования и развития науки Узбекистана. Результатом его кропотливого труда были многочисленные исследования. Среди них «Вопросы старой и новой узбекской письменности» (1940), «Социалистическая культура узбекского народа» (1949), «Астрономическая школа Улугбека» (1950), «Очерки истории культуры Советского Узбекистана» (1955). Это богатое творческое наследие было собрано в виде 8-томника «Избранных трудов» к 70-летию их автора в 1967 г. Ташмухаммед Ниязович Кары-Ниязов скончался 17 марта 1970 г. В современном Узбекистане

множество улиц, учебных заведений, учреждений и организаций носят имя Т. Н. Кары-Ниязова. Среди них и НИИ педагогических наук.

Сегодня в Узбекистане 1 млн 200 тыс. человек считают русский язык родным, 5 млн – им активно владеют, более 8 млн 800 тыс. владеют пассивно, 10 млн человек (около 40 %) русским языком не владеют. В то же время при изучении дисциплин, в частности документации, студентам необходимо знание русского языка, что учитывается при построении учебного процесса вуза в использовании компетентностного метода образования⁹. Язык сегодня является средством конкурентоспособности специалиста, считает представитель Ташкентского Университета мировой экономики и дипломатии Н. Абдуллаева. «В уходящем году наши страны продолжали успешно наращивать торгово-экономическое сотрудничество, развивать культурно-гуманитарные и научно-технические связи, – отметил российский посол В. Тюрденев в своем поздравлении узбекистанцев с Новым 2013 годом. Далее он продолжил: – В уходящем году наши страны продолжали успешно развивать культурно-гуманитарные и научно-технические связи. В Новом 2013 году отношения между нашими странами в политике, экономике, науке, культуре и многих других областях будут и далее укрепляться в интересах народов России и Узбекистана».

В свою очередь, председатель Республиканского русского культурного центра (РКЦ), сенатор Олий Мажлиса (парламента Узбекистана), Светлана Герасимова отметила, что в Узбекистане проживают тысячи людей, думающих и говорящих по-русски, ощущающих себя людьми русской культуры. «Именно они в сложное время исторических перемен смогли сохранить русский язык, сохранить сопричастность к делам и судьбе России, страны, которая многим из нас дала не только этнический исток, но и питает нас великой духовностью и культурой», – сказала Герасимова. Она отметила, что минувший год принес Русскому культурному центру много радостных мгновений, они были связаны прежде всего с получением от государства нового здания для «Русского Дома», возможностью открытия через фонд «Русский Мир» Центра русского языка, укреплением дружбы между Узбекистаном и Россией.

Примечания

1. Афанасьев А. М. Русский язык в Узбекистане. – Ташкент, 1970. – С.51.
2. Иргашева Т. Г. Система развития связной письменной речи тюркоязычных учащихся на уроках русского языка (на примере узбекской школы). – Абакан, 2001. – С. 75.
3. Резолюции и решения съездов Коммунистической партии Узбекистана. – Ташкент: ГИЗ УзССР. – С. 211.
4. Текучев А. В. Методы исследования в лингвистике и в методике и методы обучения русскому языку в их взаимоотношениях // Материалы Всесоюзной научно-практической конференции по совершенствованию преподавания русского языка в национальных школах, средних специальных и высших учебных заведениях. 21–23 октября 1975 г. – Ташкент, 1976. – С. 226.
5. Большой Российский энциклопедический словарь (БРЭС). – М., 2007. – С. 649.
6. Валиев А. К. Советская национальная интеллигенция и ее социальная роль. – Ташкент, 1969. – С. 94.
7. Кары-Ниязов Т. Н. Размышления о пройденном пути. – М., 1970. – С. 219.
8. Наука и техника СССР. 1917–1987. – М., 1987. – С. 431.
9. Махмудова Л. Изучая русский и узбекские языки. – Ташкент, 2009. – С. 2.

Е. П. Мамышева

КУЧЕНДАЕВ Г. Н. (1903–?) – ПРОСВЕТИТЕЛЬ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ

Статья посвящена деятельности Г. Н. Кучендаева – одного из представителей национальной интеллигенции Хакасии 1920–1930-х гг. На основе анализа архивных материалов воссоздаются основные вехи его биографии и государственной деятельности.

The article is devoted to scientific works and political activity of G.N. Kuchendaev one of the outstanding representatives of Khakass elite, during the period 1920–1930. The main stages of his biography and active work as a statesman are reconstructed upon the analysis of materials in the archives.

На современном этапе развития исторической науки применение биографического метода в изучении истории XX в. представляется наиболее актуальным, поскольку без осмысления биографий участников социально-экономических и политических процессов невозможно понимание происходив-

ших в то время изменений. По мнению современных исследователей, «биографии как истории людей, являющихся свидетелями и участниками реальных исторических событий, отражают сценарий и драматизм жизненного пути, возможности альтернативного исторического развития»¹. Реконструкция биографий деятелей позволяет вернуть те моменты, которые были уведены на задний план или оставлены без внимания исследователей.

В представленной статье предпринимается попытка реконструкции биографии деятеля советской Хакасии – Георгия Николаевича Кучендаева. Биография героя, воссозданная в контексте истории национально-государственного строительства хакасов, нами рассматривается как особое измерение данного процесса. Источниковая база, раскрывающая деятельность Кучендаева в 1920–1930 гг., достаточно скудна. В Национальном архиве Республики Хакасия сохранились фрагменты его автобиографии, анкеты как советского и партийного работника, которые не позволяют восстановить его жизненный путь в полной мере.

Георгий Николаевич Кучендаев родился в 1903 г. в с. Уйбат Абаканской инородной управы (с 1908 г. – Усть-Абаканской волости) Минусинского уезда Енисейской губернии². На протяжении 1911–1925 гг. работал по найму, о чем в анкете в графе «выполняемая работа» он написал следующим образом: «сельское хозяйство, батрак у кулаков...»³. Георгий не имел законченного школьного образования, в анкете он писал: «Учился в школе только 1 ½ зим»⁴. Тяга к знаниям подталкивала молодого человека к самообразованию, которым он активно занимался с июня 1925 г. по март 1926 г., находясь в должности заведующего избой-читальней в с. Аскиз. В 1925 г. он вступил в ряды ВЛКСМ. В это же время Георгий Николаевич прошел краткосрочные курсы политпросветработников в г. Красноярске, месячные курсы в г. Минусинске. В 1926–1928 гг. Георгий Николаевич исполнял обязанности секретаря Аскизского райкома комсомола, одновременно окончил двухмесячные курсы секретарей райкомов ВЛКСМ в г. Красноярске⁵. В декабре 1927 г. Аскизская партийная организация ВКП (б) приняла Кучендаева в ряды. В 1928 г. Георгий обратился в Аскизский райком ВКП (б) с заявлением об откомандировании его на обучение в КУТВ, в котором отметил, что он стремится получить образование «дабы быть строителем социализма»⁶. В 1928–1932 гг. он прошел обучение в КУТВ. Свое образование он назвал «средним партийно-политическим»⁷.

Вернувшийся в 1932 г. из Москвы, выпускник КУТВ оказался востребованным в процессе национально-государственного строительства. На протяжении шести месяцев, с февраля по август 1932 г., Георгий работал ответственным секретарем общественного политического сектора Западно-Сибирского КрайОГИЗа⁸. Затем в 1932–1935 гг. Кучендаев возглавил Хакасское областное издательство⁹. Данный период его жизни совпал с проводимой в стране латинизацией алфавитов народов СССР. Перевод хакасского алфавита на латиницу начался еще в декабре 1928 г.¹⁰ Комиссия по созданию хакасской письменности была преобразована в литературно-издательскую коллегию, ей было поручено работать над изданием литературы на новом латинизированном алфавите.

Георгий Николаевич активно включился в процесс создания хакасской литературы на латинском алфавите. В списке редакторов, переводчиков и авторов литературы, составленном Хакасским обкомом ВКП (б) в 1933 г., Кучендаев был отмечен следующей характеристикой: «Дисциплинирован, с переводом и редактированием справляется хорошо...»¹¹ Но в том же году заведующий Хакасским отделением ОГИЗа получил строгий выговор за издание книги К. К. Самрина «Пособие учащимся по обучению родному языку в хакасской национальной школе» «без соответствующего рассмотрения и разрешения краевого отделения ОГИЗ»¹². В книге, не разрешенной к печати, были обнаружены «левые загибы, например, по вопросу о коллективизации птицы»¹³.

В 1932 г. Георгий написал рассказ «Жизнь майора». Исследователи отмечают, что писатели, «закладывавшие основы хакасской письменной литературы, через собственную биографию общественного деятеля пытались художественно осмыслить судьбу народа»¹⁴. Г. Кучендаев в создании своего произведения также обратился к автобиографическому материалу, в образе главного героя-майора «просматривается биография автора: трудное детство, батрачество, с приходом советской власти вступление в комсомол, работа секретарем райкома комсомола в Аскизе, учеба в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока»¹⁵.

Георгий Николаевич принимал активное участие в подготовке и издании литературы на хакасском латинизированном алфавите как социально-экономической, так и методической. Так, в тематический план издания хакасской литературы на 1934 г. был включен перевод Кучендаева «Историко-экономического очерка Хакасской области» (автор – Хотяновский), а на 1935 г. – его «Хакасско-русский словарь» и брошюра «О массовой работе Совета»¹⁶. А в октябре 1936 г. он и Н. И. Конгаров заключили издательский договор с Хакасским областным комитетом нового алфавита (ОК НА). По условиям

договора авторы обязались сдать областному комитету нового алфавита русско-хакасский словарь в январе 1937 г.¹⁷ В 1936 г. Георгий Николаевич был задействован в работе конкурсной комиссии I-го литературного конкурса начинающих писать хакасов (стиль сохранен – прим. автора) в качестве не только члена комиссии, но и автора. Комиссия приняла решение – скороговорки, частушки, загадки, собранные Кучендаевым, а также его стихотворение «Женщина – большая сила» – включить в сборник трудов названного конкурса и допустить к печати¹⁸.

Между тем в ходе латинизации хакасского алфавита, растянувшейся на несколько лет, выяснилось, что его внедрение происходило вяло, встречало глухое сопротивление со стороны простых граждан. Кроме того, латинизация алфавита и издание на нем литературы тормозились материальными затруднениями и отсутствием научных кадров-лингвистов из коренного населения. Выделяемые из местного бюджета средства рассчитаны только на заработную плату сотрудников, между тем дополнительных средств требовала и работа по рецензированию, поскольку издаваемая литература должна была проверяться «не только со стороны содержания, но и в духе принятых принципов орфографии и терминологии»¹⁹. Тем не менее в Хакасии было издано значительное количество экземпляров книг на новом алфавите²⁰. Однако распространения среди населения книги не получили, так как грамотная часть хакасского населения умела читать только на кириллице.

В 1935–1937 гг. Кучендаев работал в должности ответственного секретаря Хакасского облисполкома. Одновременно в 1935–1936 гг. он был председателем Хакасского областного радиокомитета, обязанности которого, как отмечают исследователи, «исполнял номинально: в деятельность радиокомитета не вмешивался... приказы не подписывал»²¹. С февраля 1937 г. Георгий Николаевич перевели в должность заведующего отделом школ и культурно-просветительских учреждений Хакасского обкома ВКП (б). В октябре 1937 г. его арестовали в г. Абакане по обвинению в буржуазном национализме.

В ноябре 1937 г. в редакцию газеты «Красноярский рабочий» поступила статья: «Кулака Кончаковского, добровольца националиста Конгарова гнать из облисполкома»²². Конгарову предъявлялось обвинение в том, что он «пробрался в Хакасское издательство, где все время протаскивал националистическую идеологию контрреволюционных в литературе терминов, а его близкий друг Кучендаев писал и издавал для хакасской бедняцкой батрацкой и середняцкой молодежи контрреволюционные песни и стихи»²³. В связи с этим письмом редакция направила в обком партии запрос под № 12103. Секретарь Хакасского обкома ВКП (б) Хаймс, отвечая на письмо, подтвердил, что «бывшие члены бюро Хакасского обкома ВКП (б) Н. Конгаров, Кучендаев, а также бывший работник ОГИЗа Балтыжаков, председатель Таштыпского райисполкома Коков разоблачены как активные буржуазные националисты и за контрреволюционную деятельность арестованы органами НКВД»²⁴.

21 июля 1937 г. решением Военной Коллегии Верховного суда СССР Кучендаев был осужден на 8 лет ИТЛ с последующим поражением в политических правах на три года²⁵. После отбывания наказания в 1946 г. он вернулся в Хакасию и работал в Усть-Абаканском леспромхозе. В январе 1950 г. Георгий Николаевич был вновь арестован, в апреле решением особого отдела ОСО МГБ СССР был сослан на поселение в Красноярский край. К настоящему времени отсутствуют сведения о дате его смерти. 21 мая 1956 г. Георгий Николаевич Кучендаев был реабилитирован постановлением Военной Коллегии Верховного Суда СССР за отсутствием состава преступления.

Таким образом, Г. Н. Кучендаев был представителем национальной интеллигенции, выросшей при поддержке коммунистического режима. Вместе со своими соратниками он внес значительный вклад в дело национально-государственного строительства в своем регионе. На крутом повороте истории Георгий Николаевич проявил лучшие качества своей личности, всегда шагая в ногу со своим временем.

Примечания

1. Иконникова С.Н. Биография как социокультурное измерение истории// Культурологический журнал. 2011. № 4 (6). – URL:http://www.cr-journal.ru/rus/journals/100.html&j_id=8 (дата обращения 25.04.2014)
2. Отдел документов новейшей истории Государственного Казенного учреждения Республики Хакасия «Национальный архив» (далее – ОДНИ ГКУ РХ «Национальный архив»). Ф. 2. Оп. 2. Д. 461. Л. 1.
3. Там же.
4. ОДНИ ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 1. Оп. 2. А. Д. 202. Л.1.
5. Там же.
6. Там же.
7. Отдел документов новейшей истории Государственного Казенного учреждения Республики Хакасия «Национальный архив» (далее – ОДНИ ГКУ РХ «Национальный архив»). Ф. 2. Оп. 2. Д. 461. Л. 1.
8. Там же. Л. 6.

9. Там же.
10. Тугужекова В. Н., Мамышева Е. П. Национально-языковая политика Советского государства в 1920–1930-х гг. в Ойротской и Хакасской автономных областях // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. № 1. – С. 64–67.
11. Хакасское книжное издательство (1925–2001 гг.): сборник архивных документов. – Абакан, 2008. – С. 56.
12. Там же. С. 52.
13. Там же.
14. Челтыгмашева Л. В. Герой и время в повести Г. Н. Кучендаева «Жизнь майора» // Ежегодник ИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Вып. X. – Абакан, 2006. – С. 76.
15. Там же.
16. Хакасское книжное издательство (1925–2001 гг.): сборник архивных документов. – Абакан, 2008. – С. 90.
17. Государственное Казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (далее ГКУ РХ «Национальный архив»). Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.
18. Хакасское книжное издательство (1925–2001 гг.): сборник архивных документов. – Абакан, 2008. – С. 127.
19. ОДНИ ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 1. Д. 452. Л. 16.
20. Там же.
21. Костякова Ю. Б. Становление медиакультурного пространства Хакасии (1920–1930-е гг.). – Абакан, 2013. – С. 155.
22. ОДНИ ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 1. Д. 486. Л. 67.
23. Там же.
24. Там же. Л. 66.
25. Мартиролог // URL:<http://www.memorial.krsk.ru/martirolog/Ku-Kja.htm> (дата обращения 10.05.14).

В. Н. Тугужекова, А. Арвас

ТРАДИЦИОННЫЙ ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК ХАКАСОВ – ЧЫЛ ПАЗЫ

В статье рассматривается проблема возрождения праздника Чыл Пазы (начало Нового года), который проводился в дореволюционной Хакасии и стал отмечаться снова с 22 марта 1994 г. Также показан шаманский обряд встречи Чыл Пазы, проходивший 21–23 марта 2014 г.

In the article there is a description of a renewal problem of holiday Chyl Pazy (the beginning of a new year), which had been held in pre-revolutionary Khakassia and started to be celebrated again since 22 March 1994. A shamanistic rite of celebration Chyl Pazy, held on 21–23 March 2014, is also shown.

У хакасов традиционно начало нового года связано с наступлением весны, с началом нового весеннего цикла хозяйствования, который определялся по лунному календарю. Новый год у хакасов называется «Чыл Пазы», что буквально означает «начало года».

У хакасов в течение веков сложились традиции и обычаи встречи Нового года. Жители одного аала всегда встречали Чыл Пазы вместе. Каждая семья усердно готовилась к встрече праздника. Необходимо было справиться и одеть новую одежду.

До начала Чыл Пазы на всей территории аала весь сор, все нечистое тщательно убиралось и выметалось. Юрту внутри и снаружи очищали от снега, грязи и пыли; снимали войлочное покрывало дымохода и проветривали юрту. Выносили из юрты и очищали всю одежду, обувь. При этом соблюдалась одна обязательная формальность – оставить возле дверей дома, в углу кошары небольшую соринку, чтобы не вымести свою удачу. Этот обычай прочно вошел и в жизнь современных хакасов. Хозяйки перед началом Чыл Пазы тщательно убирают свои дома.

Очищение жилища и дворовых построек знаменовало собой и духовное очищение.

В день весеннего равноденствия, рано утром, жители аала выходили на ближайшую возвышенность и встречали восход солнца. Совершали моление на утреннее солнце. Затем возвращались домой. В каждой юрте находились фетиши – изображение почитаемых духов-предков. Во время праздника Чыл Пазы необходимо было совершить ритуальное кормление семейно-родовых духов.

Затем начинался общий, аальный праздничный пир, сопровождаемый взаимными визитами и угощениями. В каждую юрту надо было зайти хотя бы ненадолго. Люди обращались друг к другу со словами: «Пришел Новый год, снялась змеиная шкура!» Хозяин юрты, зачерпнув араки небольшой деревянной или фарфоровой чашкой и попросив благополучия для скота, брызгал вино вверх и по сторонам юрты, отливал немного в огонь и выпивал, стряхнув остатки чашки в огонь. Следующая

чашка араки подавалась по очереди каждому из гостей хозяином по мужской половине, хозяйкой – по женской. Одновременно на столиках находилось приготовленное заранее угощение.

Празднование Чыл Пазы в Республике Хакасия имеет многолетнюю традицию. Праздник был возрожден, и первый Чыл Пазы был проведен 22 марта 1994 г. республиканским научно-методическим центром народного творчества им. С. П. Кадышева. Инициатором проведения стали Т. В. Кобежикова, В. К. Татарова и Г. Г. Кужакова. Праздник состоялся на территории сквера перед Республиканским Домом культуры. Несколько лет в день весеннего равноденствия, на этом месте республиканским Центром культуры проводился праздничный концерт, культурно-национальные центры Хакасии готовили праздничные угощения. В 2002 г. празднование Чыл Пазы проходило целую неделю с 17 по 23 марта, началось 17 марта со священного места, которое находится в Ширинском районе, на горном массиве «Сундуки». Были проведены обряды проводов Старого и встречи Нового Солнца. Прошли встречи работников культуры с учащимися школ города Абакана, где велись беседы о традиционных праздниках хакасов, в том числе и о Чыл Пазы. С 21 по 22 марта прошла первая межрегиональная научно-практическая конференция «Чыл Пазы – Новый год в культуре народов Саяно-Алтая». В конференции приняли участие ученые Тувы, Горного Алтая. На горе Самохвал было проведено обрядовое представление по установке «Сарчин-коновязи».

Завершился Новый год 23 марта праздничным мероприятием на ипподроме г. Абакан. К собравшимся с приветственной речью обратились Председатель Правительства Республики Хакасия А. И. Лебедь и председатель Совета старейшин родов хакасского народа К. И. Шалгинов.

Группой шаманов во главе с В. И. Киштеевым был проведен ритуал омовения «Ызыха» – священной лошади.

Перед жителями республики выступили артисты национального театра, филармонии, гости из Киргизии и Таджикистана.

На площадках ипподрома прошли спортивные мероприятия. Так завершился праздник встречи Нового года в 2002 г.

В последующие годы празднование Чыл Пазы проводили в разных местах, это – республиканский стадион, Черногорский парк и ипподром.

В проведении этого праздника принимают участие Председатель Правительства – Глава Республики Хакасия В. М. Зимин и председатель Совета старейшин родов хакасского народа В. М. Торосов, руководители глав муниципальных образований городов и районов республики.

По инициативе Совета старейшин родов хакасского народа с 2004 г. Чыл Пазы празднуется во всех районах Хакасии.

Шаманы традиционно встречают Чыл Пазы на природе.

На стажировке в ХакНИИЯЛИ находится ученый из Турции, доцент из университета им. Чанкыры Карктекина Абделселама Арвас, который изучает тему «Шаманизм в Хакасии». Он участвует в обрядах, проводимых обществом шаманов, которым руководит известная целительница Наталья Елизаровна Сагалакова. Встречу Чыл Пазы 2014 г. А. Арвас провёл вместе с шаманами. Из его дневниковой записи:

«Организаторы: шаманское общество.

Место проведения: музей «Ах-тас», с. Казановка, Аскизский район.

Время проведения: 21–23 марта 2014 года.

Участники обряда: члены шаманского общества, ученики В. Н. Чебочакова из Красноярского края, жители Хакасии.

На 21.03.2014 (пятница). В 15:00 мы с Анатолием Ивановичем и Леонидом Константиновичем выехали из Абакана. По пути забрали Надежду Константиновну Аёшину, которая является членом шаманского общества, и поехали в деревню Казановку. Когда мы добрались туда, там уже были Наталья Елизаровна, Галина Ивановна, Валерий Николаевич и группа людей из Красноярского края. Познакомился с Г. И. Костяковой и В. Н. Чебочаковым. Около 18:00 мы пошли вместе с Чебочаковым в деревню Казановка. Мы купили двух овец белой масти и привезли их в «Ах-тас» музей, где остановились на 2 ночи, и здесь проходил обряд. На закате солнца проводился обряд. Кормили огонь и местность едой: хлебом и молочными продуктами. Этот вечерний обряд был посвящен проводам вечернего Солнца.

Обряд, посвященный проводам Старого года, начался ночью с 21 на 22 марта. Ритуал начался в 24:00. Ранее Анатолий Иванович и ещё несколько человек подготовили костёр. Участники в юрте пришли на площадь, где зажгли костёр. Здесь была группа шаманов и участников. Ритуал вел В. Н. Чебочаков, как старший и самый опытный шаман. В обряде участвовала и Наталья Елизаровна. Шаманы были одеты в костюмы, в руках у них были бубны. Они пригласили участников в круг. Количество участников

обряда было 33. Наиболее великолепный наряд был у В. Н. Чебочакова. А у Ларисы Иннокентьевны, у Галины Ивановны, у Владимира Петровича, у Нины Васильевны, у Натали Елизаровны шаманские одежды были не очень яркими, Галина Михайловна Толтоева и Ирина Леонидовна Шаглыячова были одеты в обычную одежду. Наталья Елизаровна имела бубен и трость. Галина Ивановна – бубен и хомыс. Владимир Петрович – хомыс. У В. Н. Чебочакова, Ларисы Иннокентьевны, Галины Михайловны, Н. Васильевны, Татьяны Юрьевны, Ирины Шаглыячовой были бубны.

Когда развели костер, стали стучать в бубны, играть на хомысах, зазвонили колокольчики. Костер кормили пищей: хлебом, мясом, супом, молоком, сладостями, подливали араку. Шаманы просили изобилия и процветания. Они молились за свою страну, чтобы был мир, молились за здоровье людей, детей. Ночью погода была ясной и звездной. Шаманы также благодарили за это природу. Затем они начали вращаться вокруг костра. Шаманы били в бубен и совершали путешествия в иные миры. Участники, поставленные во внешний круг, вращались в том же ритме. Это длилось до тех пор, пока огонь не погас. Некоторые участники входили в экстаз, прыгали и играли. Например, Лариса Михайловна из Красноярского края сначала вошла в экстаз, потом начала громко петь. Но никто так и не понял, что она пела. Лариса Иннокентьевна предупредила её, коснувшись плеч. Тогда В. Н. Чебочаков сказал Ларисе Иннокентьевне, чтобы она не мешала. Лариса Михайловна заметила это. Сначала промолчала, потом продолжила петь. В это время Владимир Петрович стал ходить с ладаном в чашке вокруг участников несколько раз. Затем участники направились на юг ко второму костру.

Они начали ходить вокруг костра. Здесь в руках у многих были черные ленточки. Они кормили костер, ходили вокруг костра, играли на музыкальных инструментах. Когда пламя костра стало небольшим, участники бросали в огонь черные ленты и загадывали желание. Цель этого обряда – сжечь зло вместе с черными лентами. Шаманы ждали, чтобы огонь полностью потух.

22.03.2014 г. в субботу утром встретили восход Солнца Нового года с 8:30 до 9:00. Шаманы были в костюмах. Обряд они проводили по записям Н. Ф. Катанова и подготовили текст. После обряда В. Н. Чебочаков прочитал молитву, затем зарезал первую овцу. Вторую жертву он резал без молитвы. Затем мясо второй овцы положили в кастрюлю и стали варить. Ближе к полудню стали приходить люди из Казановки и других мест. Обряд начался после 12:00 и продолжился до 13 часов. Этот обряд был таким, как ночью. На этом обряде было много людей. Насчитал 115 человек. Среди них были младенцы, дети, подростки, взрослые, пожилые люди. Люди стояли за пределами круга, и они просто смотрели церемонию. В целом в обряде участвовало более 140–150 человек. После обряда люди завязывали цветные ленты (чалама) к березе, которую привезли сюда и посадили. Некоторые люди дружно пообедали с шаманами и участниками, но большинство из них вернулись домой. Ночью в 23 часов обряд вновь повторился.

23 марта 2014 г., в воскресенье утром, снова приветствовали солнце, и шаманы провели небольшой обряд, но на этот раз они были одеты в обычную одежду. Ближе к полудню вчерашнюю жертву мы разогрели и поели. Примерно в 2 часа мы пошли в Таг Тура, которая была почти в 4 км от Ах-Таса. Здесь тоже разожгли небольшой костер и поклонялись духам огня и духам горы. Шаманы кормили дух огня и дух горы. Они кланялись Таг Тура. Мы повязали чалама на березу. В 16 часов мы выехали и вернулись в Абакан. Таким образом, мы участвовали в традиционном хакасском празднике Чыл Пазы, который был проведен шаманами. Хочу сказать спасибо шаманскому обществу, которое пригласило меня на этот праздник и дало возможность видеть этот прекрасный весенний праздник. Думаю, что не забуду эти три дня, шаманов и участников этого обряда».

На таком уникальном обряде побывал наш гость А. Арвас.

Этот праздник своими корнями уходит в древность, т. к. в представлении древних тюрков мир был сотворен в момент восхода солнца из головы Овна, когда происходит отделение света от тьмы, дня от ночи и добра от зла.

Чыл Пазы дает надежу на светлое, солнечное и сеет добро.

Литература

1. Бутанаев В. Я., Верник А. Л. Народные праздники Хакасии. – Абакан, 1999.
2. Идимешев М. Хакасия Чыл Пазы удурлады // Хабар. – 2014. 24 марта. – С. 1, 6.
3. Котожеков Г. Г. Культура народов Саяно-Алтайского нагорья. – Абакан, 1991.
4. Материалы I-й Международной научно-практической конференции «Чыл Пазы в культуре народов Саяно-Алтая». – Абакан, 2002.
5. Тугужекова В. Н. Хакасский Новый год – Чыл Пазы // Хакасский этнос на рубеже веков. Сборник статей. – Абакан, 2008. – С. 94–95.
6. Тутатчикова А. И. Родовые праздники весеннего цикла. – Абакан, 2004.

К. В. Яданова

ОБРЯД ГАДАНИЯ ПО РИТУАЛЬНОЙ ЧАШКЕ В АЛТАЙСКОМ ШАМАНИЗМЕ

В статье на основе этнографического и фольклорного материалов раскрываются различные функции обряда гадания по чашке алтайских шаманов. Описываются обряды в честь духов и божеств, которые могли проводить как шаманы, так и люди – гадатели по чашке.

In the article different functions of a divination rite with the help of Altai shamans' cup are revealed on the basis of ethnographic and folkloristic materials. There is a description of rites in honor of spirits and deities which could be performed by both shamans and people, aeolists with a cup.

Алтайские шаманы с помощью ритуальной чашки проводили обряд выбора жертвенного животного, угодного духам и божествам. Перед жертвоприношением приводили животное, предназначенное для жертвы и кам¹ со словами благопожелания – алкыш ставил на спину животного пиалу и смотрел, как она упадет. Если чашка падала вниз дном (алча), то считалось, что животное угодно духам или божеству, которому предназначалась жертва. Если чашка падала вверх дном (көнкөрө), то предполагалось, что животное не угодно в жертву духам (божеству) и отпускалось.

В. И. Вербицкий подробно описал, как определялась угодность животного в жертву верховному божеству – Улген'у (алт. Ёлген). Избиралась жертва из нескольких лошадей светлой масти, «на спину лошади ставится чашка; лошадь подгоняют, чашка падает. Если чашка упадет вверх дном, значит лошадь в жертву не годна. Если в жертву предназначается кобыла, то чашку кам вымывает собственным ее (кобылы) молоком с приговором:

Слерге јарап,	Будучи Вам угодной,
Он көзинен көрүп турган болзын,	Пусть смотрит она (жертва) благосклонно,
Алки болзо менен,	Дары пусть будут от меня,
Алча болзо – слерден,	Если чаша упадет вниз дном,
	пусть это будет от вас,
Алтын белгезин берип көрзин.	Заветный знак свой пусть подаст ² .

«После этого специально избранный человек (*баш туткан киж*) держит жертвенную лошадь за длинный повод (*чылбыр*), а шаман, помахивая зеленым прутиком над лошадью, как бы отправляет ее к Ульгеню как жертву вместе с проводником»³.

В обрядовом тексте, записанном А. В. Анохиным во время экспедиции в 1910–1912 гг. от шамана Мампыя⁴ в местности Апшыйакту⁵, также говорится о таком способе выбора жертвенного животного:

Ас үрден талдап алдым,	Из малого стада я выбрал,
Айдар малдан шүүдүм.	Из перегоняемого скота я определил
	[в жертву].
Тенереде Кудай көрөр болзо,	Если на небе Кудая ⁶ будет угодно
	[это животное],
Ўстүне айак салып јадым	То на спину ставлю чашку,
Алча түшсүн теп.	Чтобы упала навзничь.
Тенереде Кудай муны	Если на небе Кудая не будет угодно
көрбөс ползо,	это [животное в жертву],
Пу салган айак көмкөрө түшсүн,	То пусть эта положенная чашка
	упадет вверх дном,
Пожодып јадым.	[Тогда] отпускаю [животное].
Муны көргөнү чын болзо,	Если эта [жертва] будет и вправду
	угодна [Богу],
Пу малды тайып турум.	То это животное приношу в жертву ⁷ .

При помощи ритуальной чашки выбирали животное, и во время обряда посвящения бескровной жертвы духам и божествам – мал ыйыктаганы⁸ на спину животного также ставилась чашка, и по тому, как эта чашка упадет, определялась угодность животного духу⁹. В алтайском языке лексема ыйык имеет основное значение: ‘священный, святой; посвященный божествам, духам’. Животное, посвященное божествам / духам, называют ыйык мал – ‘священный, посвященный скот’. Алтайцы из домашних животных посвящают духам – коня и овцу. Животное ыйык – ‘священное’ становилось защитником и оберегом стада / табуна. К гривам таких священных лошадей привязывали белые ленточки – дьалама / јалама / кыйра, совершали обряд посвящения. Посвященная лошадь не использовалась в хозяйственных работах, за ней велся особый уход¹⁰.

Обряд гадания по чашке проводился и во время камлания различным духам и божествам. В материалах по шаманству у телеутов, записанных Н. П. Дыренковой, кам тоже гадают по чашке. В зависимости от того, как его примет главный хозяин шаманских бубнов – хан Кычкыл, даст ли благословение камлать на новом бубне. Шаман во время камлания просит подать ему пить и сообщает присутствующим, что он вместе со своими духами-помощниками добрался до места, и нужно посмотреть на чашу, упавшую вниз дном – *айак алчазын көрөр жер келди*:

Айлу жердин кара сугат,	Черный водопой земли, освещенный месяцем,
Айлангай-мине арт сон-мынан!	Вслед за мной не повернете ли!
Айак алчазын көрөр жер келди,	(Вот) дошли до места, где надо Смотреть на чашу, упавшую вниз дном,
Чөөчий алчазын тудар жер келди!	Наступило время держать чашу, упавшую вниз дном!

Шаману подавали пить из маленькой деревянной чашки – *чөөчий*. Выпив воду, шаман не выпускал изо рта чашку, он держал ее зубами. Затем придавал бубну почти горизонтальное положение (лицевой стороной вверх), ставил на него *чөөчий*. Держа чашку на бубне, он покачивал бубен и произносил следующие слова, обращаясь к своим тösям¹¹:

Агаш айагы айлудыйы,	Деревянная чаша – людям, живущим под месяцем,
Агын алчазы айгыр жалду Кычкыл-Каандыйы!	Белое чистое падение чаши вниз дном – Хану Кычкылу, имеющему гриву жеребца, достанется!
Чөөчий айагы күндүдийи,	Чаша для вина <i>чөөчий</i> – для людей, живущих под солнцем,
Чөөк алчазы айгыр жалду Кычкыл-Ка[а]ндыйы!	Жертвенное падение чаши – для Кычкыл хана, имеющего гриву жеребца!
Көзи жаман көргүспегер, Кү[ү]ни жаман тандатпагар.	Не показывайте злomu глазу, Скверным желаниям не давайте осуществляться!

Присутствующие отворачивались и закрывали глаза, чтобы не смотреть на чашу. Шаман звал к себе своего *тös'a* – птицу беркута *мөркүт*¹² –... [Присутствующие] обращаясь к духам-спутникам [шамана], говорили:

Сабылтарга салбагар, Чайбаларга пербегер!	Качаться, колебаться не давайте, Пошатнуться не допускайте!
--	--

Шаман сбрасывал чашку бубном, перевертывал бубен и старался поймать с внутренней стороны бубна – *айак алчалап јат*. Считается не важным, куда упадет чашка, в бубен или мимо бубна на пол. Важно, как упадет чашка: вверх дном или вниз дном (*алча түшсе – јакшы, көнкөрө түшсе – јаман* – если вниз дном упадет – хорошо, если вверх дном – плохо).

Если чашка упадет вверх дном – *көмдөрө*¹³, шаман снова сбрасывал чашку и так повторял до тех пор, пока чашка не упадет *алча* – вниз дном. Тогда тот человек, который подавал шаману пить, берет чашку и делает круг чашкой над огнем... Если чашка упала вниз дном – *алча*, это означает, что Кычкыл-Каан хорошо примет шамана»¹⁴.

В.И. Вербицкий в своей работе «Алтайские инородцы» писал, что во время камлания Улген'у, после обряда угощения жертвенным мясом духов и божеств, кам потчевал оставшейся в ритуальной чашке *чачыл айак* кониной хозяина, проводившего камлание, и его родственников. Когда чашка опорожнялась, *кам*, размахивая ею кругообразно, бросал вверх и через протянутую между березками волосяную веревку (*јеле*) со словами:

Агаш айак айлудыйы, Ак алчазы – адам пыркан тенеринийи, Чөөчөй айак күндүдийи, Чөк алчаза – адам пыркан тенеринийи! Ау-у!	Деревянная чашка людей подлунного мира, Упавшая книзу дном – отца бурхана ¹⁵ неба, Маленькая чашечка людей солнечного мира, Упавшая книзу дном – отца бурхана неба! Ау-у!
--	--

Если чашка упадет вверх дном, это плохой знак: или будет покойник в юрте хозяина, или жертва не понравилась Ульгеню, но ее уже не меняют¹⁶.

В описании этого же камлания сообщалось, что по пути верховному божеству – Улген’у, пока шаман восходил на четвертую и пятую ступень неба, дух-помощник – ездовое животное *кам’а – бура / пура*¹⁷ отдохнув, успев выстояться, просил пить. *Баштуткан / Баш туткан киж* (букв. «человек, который держит голову [жертвенного животного]») – избранный человек, помощник шамана, который во время камлания сопровождал кама и «доставлял» душу жертвенного животного духу (божеству), которому она предназначалась, подавал чашку с водой и свистел. Кам, представляя *буру*, храпел и бился, потом пил воду. Напившись, он схватывал чашку зубами и бубном взбрасывал ее вверх. *Баштуткан* поднимал чашку и окуривал ее *арчыном*¹⁸. В этом описании, вероятно, кам, выпив воду, гадал на чашке: бросив чашку с помощью бубна, смотрел, какой стороной она упадет: благоприятной – вниз дном – *алча* или не благоприятной – вверх дном – *көнкөрө*.

Деревянная ритуальная чашка, с помощью которой проводили обряд выбора животного, предназначенного для жертвы, называлась алчаяк (*алча-айак*)¹⁹. В слове *алчаяк* произошло слияние двух лексем: *алча (алча-)* (1. нареч. «навзничь»; 2. гл. «падать, упасть навзничь») + *айак* – сущ. «пиала, чашка». Таким образом, алчаяк – букв. «пиала, падающая навзничь (вниз дном) – благоприятной стороной». Лексема *алчаяк / алча-айак* встречается в обрядовом тексте, записанном А. В. Анохиным от шамана Мампыя:

Je, бу амадаган барылгазы,
Тенерее јараган болзо,
Пажи эзен бе?
Пала амыр ба?
Амыр-энчү, Кудај јакшы
көргөн болзо,
Пу *алча-айак* јакшы түшсүн!

Пу табыспаган, көрбөгөн болзо,
Көмкөрө түшсүн!

Вот это желаемая [его] жертва – барылга,
Если небу – тенере оказалась угодной,
Голова [будет ли] в здравии?
Дитя [будет ли жить] в благополучии?
Если [будет всё] в мире-согласии, [если]
Богу – Кудаю приглянулась [жертва],
То эта чашка – алча-айак пусть упадёт
благоприятной [стороной]²⁰!
Если эта [жертва] не принята, не угодна,
То пусть [чашка] упадёт вверх дном!²¹

Другое название ритуальной чашки: *чачыл айак* – буквально чаша / чашка, которую бросают / кидают. Шаман клал в чачыл айак жертвенное мясо и наливал бульон для угощения духов. После угощения духов жертвенной пищей деревянная чаша передавалась по кругу среди присутствующих в камлании, когда чаша опустошалась, кам проводил обряд бросания ритуальной чашки²². Гадание осуществлялось и маленькой деревянной пиалой – *чөөчөй / чөөчөй айак*²³, в которую обычно наливали молочную водку (аракы) и угощали почетного гостя²⁴.

Обряд гадания по ритуальной чашке проводился не только во время камлания и при выборе жертвенного животного, но и для того, чтобы узнать об успешности охоты: будет ли богатая добыча, улов²⁵. Очевидно, обряд гадания по ритуальной чашке в обычных условиях (вне камлания) мог проводиться не шаманами, а определенными людьми – гадалками по чашке (*айак таштаачы* – букв. «человек», который бросает чашку)²⁶.

Таким образом, через гадание по ритуальной чашке *чачыл айак / алча-айак / чөөчөй айак* узнавалось волеизъявление, расположение (благоклонность в будущем) духа (божества) к человеку; угодность жертвенного животного духу (божеству). Это было своего рода одно из средств общения с духом, представлялось, что дух подавал знак: хороший, когда чашка падала вниз дном – *алча*, плохой, когда чашка падала вверх дном – *көнкөрө*.

Из вышеизложенного этнографического и фольклорного материала можно сделать следующий вывод: гадание по чашке проводилось:

1) во время обряда жертвоприношения и обряда посвящения животного духу – малыйыктаганы; определялось угодность животного в жертву духу (божеству); на спину животного (коня / овцы) ставилась ритуальная чашка, и по падению чашки определялась угодность животного;

2) во время камлания различным духам (божествам) для того, чтобы узнать, как примет дух (божество) шамана, даст ли благословение в делах: кам, выпив воду, схватывал зубами ритуальную чашку, ставил её на шаманский бубен и сбрасывал чашку бубном; смотрел, какой стороной упадет чашка;

3) во время камлания или вне камлания шаман или гадалка по чашке *айак таштаачы* бросал ритуальную чашку и смотрел: выпадет удача (*алча* – вниз дном) или неудача (*көнкөрө* – вверх дном).

Примечания

1. Кам – алт. шаман.
2. Баскаков Н. А., Яимова Н. А. Шаманские мистерии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 22.
3. Там же.
4. Год рождения исполнителя, точная дата записи не указаны.
5. Апшыйакту (Апшыякту) – ныне с. Апшыякту Шебалинского района Республики Алтай.
6. Кудай – Бог.
7. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. – Л., 1924. – С. 99–100.
8. Мал ыйыктаганы – букв. посвящение животного духам и божествам.
9. Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. – СПб., 2012. (Серия «Кунсткамера – Архив». Т. VI). – С. 191; Дьяконова В. П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). – Горно-Алтайск, 2001. – С. 177.
10. Яданова К. В. Семантика лексемы ыйык в фольклорной традиции теленгитов // Алтай билим. № 9. Научный журнал. – Горно-Алтайск, 2013. – С. 30–34.
11. Тös – букв. начало, основание, основа. Духи первоначальные, искони существовавшие [Анохин 1924: 1]. Тös'и делятся на кара тös (черный тös) и ак (ару) тös (белый, чистый тös). К категории кара тös относились божество нижнего мира – Эрлик и его сыновья, к ак (ару) тös'ям – верховное божество – Ылген и его сыновья [Анохин 1924: 1–12]. К чистым тös'ям – ару тös также причислялись покровители того или иного рода – сöök: горы, скалы, реки, озера и др. Алтайские сöök'и (роды) поклонялись определенным тös'ям.
12. Алт. мўркўт.
13. Алт. кöнкöрö – вверх дном (о падении чашки).
14. Дыренкова Н. П. Материалы по шаманству у телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. – М.; Л., 1949. Т 10. – С. 157–158.
15. Бурхан (Буркан) / Быркан – высшее божество.
16. Баскаков Н. А., Яимова Н. А. Шаманские мистерии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 31; Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. 2-е изд. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 70–71.
17. Бура / пура – термином пура (бура) (алт. букв. «верблюд-жеребец») в шаманской лексике называли ездовых коней шамана, духов и божеств. Словами тын бура камы называли личное ездовое животное, шкурой которого был обтянут их бубен. «На таком символическом животном шаман ездил во время камлания» [Потапов 1991: 32].
18. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. 2-е изд. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 93.
19. Ойротско-русский словарь / Сост. Н. А. Баскаков, Т. М. Тошакоева. 2-е изд. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 17.
20. Т. е навзничь, вниз дном.
21. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. – Л., 1924. – С. 106.
22. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. 2-е изд. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 70–71.
23. Чööchöй – в современном алтайском языке букв. «стопка, стопочка».
24. Дыренкова Н. П. Материалы по шаманству у телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. – М.; Л., 1949. Т 10. – С. 157.
25. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1883. Вып. IV. – С. 135.
26. Баскаков Н. А., Яимова Н. А. Шаманские мистерии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 18.

Мяо Дунся

ПРОФЕССОР ХУ ЧЖЭНЬХУА И ДУНГАНОВЕДЕНИЕ

Статья посвящена научной деятельности профессора, директора Института дунгановедения Центрального университета национальностей (Китай) Ху Чжэньхуа. В ней рассматривается роль исследователя в комплексном изучении народа «дунгана», проживающего в Киргизии, Южном Казахстане, Узбекистане и в Китае.

The article is devoted to scientific activity of Hu Zhenhua, a professor, director of the Institute of Dungan Studies at the Central University of Nationalities (China). In it the researcher's role in complex study of the people «Dungan» living in Kirgizia, South Kazakhstan, Uzbekistan and China is under consideration.

На берегу реки Чүй проживает трудолюбивый, умный, честный и гостеприимный народ дунган. Специалист, который глубоко изучал дунганский язык, литературу, историю и этнографию, это

известный тюрколог, основоположник специальности «кыргызский язык» в Китае, первый китайский дунгановед, директор Института дунгановедения Центрального университета национальностей, профессор Ху Чжэньхуа. Он одновременно является научным сотрудником Института социального развития Евразии при Центре исследования социального развития Госсовета, научный руководитель докторантуры Института языка и литературы китайского нацменьшинства Центрального университета национальностей.

В начале 1950-х гг. член-корреспондент Академии наук Советского Союза, известный языковед Г. П. Сердюченко, как консультант языкознания приехал в Центральный институт национальностей преподавать и исследовать языки и письменности китайского нацменьшинства. На курсах языкознания Г. П. Сердюченко познакомил дунганский народ с их языком и письменностью. На отдельной консультации он подробно рассказал Ху Чжэньхуа об участии в работе создании письменности дунганского народа.

В начале 1957 г. делегация советских писателей во главе с поэтом Я. Шиваза приехала в Пекин с визитом. По изложению поэта, Ху Чжэньхуа написал и опубликовал статью о дунганском народе. Это было первой информацией о дунганском народе в Китае.

Спустя некоторое время дунганский историк М. Сушанло приехал в Пекин с научным обменом, он привез Ху Чжэньхуа газету и книги на дунганском и кыргызском языках. По этим материалам Ху Чжэньхуа научился читать по-дунгански.

В 1979–1980 гг. Ху Чжэньхуа отвечал за перевод эпической поэмы «Манас». В эти годы Ху Чжэньхуа переводил и некоторые стихотворения с дунганского на китайский язык, на который получил положительный отзыв.

В 1980-х гг. Ху Чжэньхуа по приглашению поехал во Францию читать лекцию. Там он получил много новой информации по дунгановедению.

В 1985 г. Ху Чжэньхуа пригласили в Японию на научную конференцию, на которой он обсудил некоторые вопросы дунгановедения с известным языковедом Хашимото Мантаро.

В 1989 г. по приглашению ректора Академии наук Киргизской ССР, господина Турара Койчуева, Ху Чжэньхуа с супругой поехали в Москву, затем в Среднюю Азию с целью научного обмена опытом на 3 месяца. В Москве Ху Чжэньхуа с супругой навещил известного дунгановеда А. Каримова, у которого он узнал о создании дунганской письменности и составлении учебников дунганского языка. Оттуда они поехали в Киргизию. Во Фрунзе Ху Чжэньхуа посетил Академия наук Киргизской ССР, Государственный университет, Женский педагогический институт, Телестудию, литературное издательство, редакцию газеты на дунганском языке «Октябрьское знамя». В некоторых из этих учреждений он выступил. Вернувшись в Китай, Ху Чжэньхуа опубликовал в журналах ряд статей: «Киргизстан, который я увидел своими глазами», «Академии наук Киргизстана Советского Союза», «Обзор исследования о диалектах киргизского языка», «Советский народ хуэйцы и их культура», «Сегодняшние дунганы в Советском Союзе», «Язык и письменность дунган в Советском Союзе», «Обзор дунганской литературы Советского Союза», «Фамилии и имена советских дунган», «Известные дунганские ученые», «Язык и письменность дунган Центральной Азии».

Изучая дунганский народ и знакомя его с Китаем, профессор СССР Ху Чжэньхуа хотел, чтобы в мире тоже познакомились с китайским хуэйским народом. Он старался содействовать развитию исследования о хуэйском народе, чтобы это исследование стало международной научной отраслью. По его инициативе под его редакцией в 1993 г. в Китае издали книгу «Китайские хуэйцы». В этой книге рассматривается история и современное состояние хуэйского народа в разных районах Китая. Эта книга получила хорошую оценку.

Профессор Ху Чжэньхуа как дунгановед известен в стране и за границей. Его фундаментальный труд по дунгановедению – «Исследование о дунгановедении», в котором многосторонне рассмотрен народ дунган и развитие дунгановедения. Эта книга считается важным трудом за последние годы, имеющим значение обобщения.

С 1989 г. профессор Ху Чжэньхуа больше десяти раз ездил в Центральную Азию. Он почти каждый год встречается с друзьями дунгами. Он также принимает много дунганских друзей и в Пекине. Дунганы шутливо называли его дом «представительством дунган Центральной Азии в Пекине».

За несколько десятков лет профессор Ху Чжэньхуа подготовил много лучших специалистов по исследованию дунганского языка, дунганской истории и культуры, дунганской литературы. Кроме этого, он оказывает большую помощь ученым, занимающимся дунгановедением. Пишет для новых книг рецензирования, поддерживает других специалистов в этой отрасли.

Круг затронутых вопросов научной работы профессора Ху Чжэньхуа очень широк. Он включает тюркологию, языкознание, культурологию, искусство, этнографию, религию, историю и т. д. Он рассматривает вопросы о народе хуэй со своей особой точки зрения, считая, что материалы языка и литературы имеют важное место в исследовании хуэйского народа. В его книге «Хуэйский народ и его культура», используя много материалов хуэйской народной литературы, он доказал, что предки хуэйского народа использовали разные языки.

Как хуэйский ученый, профессор СССР Ху Чжэньхуа всегда старательно прилагал усилия к способствованию научных и культурных обменов между китайскими и дунганскими учеными Центральной Азии. Благодаря его усилиям и при поддержке руководства в Центральном университете 15 января 1999 г. был создан Институт дунгановедения. Как директор этого Института профессор Ху Чжэньхуа очень много работал по международным обменам для страны и университета и организовал совместное исследование.

Профессор Ху Чжэньхуа отдал всю свою жизнь научной и педагогической работе, за это получил много почетных званий и наград. Он стал специалистом и научным руководителем, имеющим финансовую поддержку Госсовета. В 1999 г. профессор СССР Ху Чжэньхуа был выбран Академией наук Республики Киргизии иностранным почетным академиком. В 2002 г. президент Кыргызстана вручил ему орден Манас III степени. В октябре 2009 г. он был выбран «лицом 60 годовщины столичного образования». В июне 2012 г. он получил награду «гуманитарного сотрудничества Великого шелкового пути», присвоенную Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). В августе 2012 г. его выбрали академиком Академии науки имени Ч. Айтматова.

Профессору Ху Чжэньхуа уже больше 80 лет. Он все еще озабочен о том, как можно больше подготовить специалистов для страны, как внести еще больше вклада в своё любимое дело и своей Родине. Хочется пожелать профессору Ху Чжэньхуа, чтобы он навсегда сохранил юность в научной работе, больших успехов в его творчестве.

В. П. Барабаш

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА БИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ ЛИЧНОСТИ А. А. КЕНЕЛЯ

В статье прослеживается жизненный путь композитора Хакасии А. А. Кенеля на основе метода библиографического анализа. Это позволило автору выявить и ликвидировать неизвестные страницы жизни А. А. Кенеля. В статье использованы впервые введенные в научный оборот архивные материалы.

In the article a composer of Khakassia A. A. Kenel's life journey is observed on the basis of a method of bibliographic analysis. It let an author identify and eliminate unknown pages of A. A. Kenel's life. In the article archive materials, included into scientific circulation, are used for the first time.

Личность Александра Александровича Кенеля вызывала и вызывает интерес у исследователей истории советского периода, истории культуры и искусства, региональной истории, у искусствоведов и музыковедов, музееведов и журналистов, и многих других заинтересованных лиц.

Действительно, анализ написанных статей показывает нам этого человека в разных ракурсах: как личность, интересную своим происхождением, родословной, именитыми предками; как соученика выдающегося композитора современности Д. Д. Шостаковича; как человека сложной судьбы, прошедшего ГУЛАГ. А. А. Кенель интересен изучающим его жизнь как профессиональный композитор и педагог, фольклорист и просветитель, создатель первой хакасской национальной оперы и автор научных монографий, репертуарных сборников, многочисленных статей, заметок о музыке и фольклоре.

Историография об А. А. Кенеле сложилась в 1970–2000-е гг. Большая часть исследований и публикаций принадлежит искусствоведам и музыкантам. Именно они вписали имя Александра Александровича в историю музыкальной культуры страны, Сибири и Хакасии. Биографические статьи о нем помещены в энциклопедических изданиях; содержание его деятельности изложено на страницах диссертационных исследований¹. Статьи об Александре Александровиче вошли в коллективные монографии о выдающихся деятелях культуры². Ему посвящены публикации в научных сборниках, учебных пособиях, юбилейных буклетах³.

Казалось бы, даже формальный контекст позволяет оценить роль А. А. Кенеля во многих событиях, к которым он был причастен, рисует канву его жизни и деятельности, но возникает немало вопросов. Они связаны с недостаточно проработанными отдельными этапами, периодами и сторонами деятельности, использованием узкого круга источников по теме, вторичности и субъективности используемых данных, выпадению из исследований целых пластов биографических событий.

Надо признать, что целостного исторического исследования об А. А. Кенеле нет, и назрела необходимость его написания. Ряд исследователей в контексте той или иной проблемы опираются на биографический метод изучения материалов и источников о Кенеле для подтверждения или опровержения определенных выводов. Благодаря этим материалам сложилась целостная линия жизни А. А. Кенеля, стало возможным выделение определенных периодов и содержания его деятельности. На многих этапах ясна его жизненная позиция, общественно-политические и религиозные взгляды, культурные, эстетические, профессиональные взгляды, вкусы и пристрастия. По истечении уже достаточно большого периода времени после его смерти (1970 г.) сложился комплекс оценок личности А. А. Кенеля со стороны его современников, друзей, коллег по работе и ценителей его трудов в сфере культуры и искусства.

Изучая деятельность А. А. Кенеля в широком контексте, исследователи используют различные источники: это воспоминания современников, мемуары, дневники, автобиографии, письма, личные и официальные документы, статьи и заметки его и о нем, партитуры музыкальных произведений, черновики записей, фотографии и т. п.⁴

К сожалению, авторы не всегда следуют методам компаративистики имеющихся источников, не были привлечены документы центральных архивов России, городов, где он жил и работал, что и способствовало рождению определенных мифов, стереотипов и неточностей.

В изучении личности А. А. Кенеля вполне уместно положение, высказанное известным английским историком Э. Фриманом к вопросу о методах изучения истории: «Всем известно, что почти никогда два очевидца не описывают совершенно одинаково какого-либо события, при котором, однако, они оба присутствовали»⁵.

Итак, коротко об основных эпизодах биографии А. А. Кенеля, нашедших наиболее частое отражение в научной и популярной литературе, но вызывающих ряд вопросов и уточнений:

– предки по линии отца – родом из Франции (прадед – француз, наполеоновский солдат);

– предки по линии матери – мещане, русские, православные. Оба этих вывода построены исключительно на автобиографических материалах А. А. Кенеля – автобиографии в личных листках по учету кадров, неоконченных «Очерки биографии», а также на воспоминаниях А. А. Кенеля, рассказанных его современникам (К. Сунчугашевой, В. Чаптыковым и др.)⁶. Источники по подтверждению этого вывода нигде не приводятся и пока не обнаружены. Поэтому приходится полагаться лишь на воспоминания, что, безусловно, содержит значительную долю субъективизма;

– прапрадед и прадед по отцовской линии пробивались вверх по карьерной и сословной лестнице упорным трудом и достигли в этом успеха – прадед стал преподавателем французского языка в коммерческом училище в Санкт-Петербурге и получил награды и дворянское звание от императора Николая I. В научных статьях эти факты не фигурируют, т. к. в советское время упоминание о дворянском происхождении было нежелательным, а в постсоветский период упоминание есть как само собой свершившийся факт, без ссылок на источники. Источники же есть в фондах Национального музея Республики Хакасия. Это жалованные императором Николаем I грамоты на получение орденов и званий. В 2014 г. эти документы были представлены на выставке Национального архива Республики Хакасия «С берегов Невы – в хакасские степи», посвященной 115-й годовщине со дня рождения А. А. Кенеля;

– А. А. Кенель получил хорошее домашнее воспитание и общее образование. Здесь мы имеем дело с полной путаницей. Современники А. А. Кенеля в своих воспоминаниях называют несколько учебных заведений, где он учился: русскую гимназию им. К. Мзя, реформатское училище. Точности в этом вопросе не было и в научных статьях. Источники, исследованные в последние годы, дают полную картину в этом вопросе: общее начальное образование А. А. Кенель получил в Реформатском училище на гимназическом отделении⁷;

– во всех опубликованных материалах, в том числе энциклопедических, отмечается, что А. А. Кенель окончил Петроградский университет (юридический факультет), Ленинградскую консерваторию по классу композиции⁸. Упоминается 4 курс политехнического института (экономический факультет) и Институт сценических искусств (отделение ритмопластики). Авторы всех исследований опираются на официальные документы в текущих архивах учреждений, где работал А. А. Кенель. Как правило, это данные текущих архивов ХакНИИЯЛИ, Абаканской музыкальной школы № 1 им. А. А. Кене-

ля, Национального архива Республики Хакасия, где хранится фонд его документов. Новые изыскания в центральных архивах страны: ЦГАЛИ СПб, РГВИА, РГИА СПб, текущие архивы СПб университета и СПб государственной консерватории опровергают ряд высказанных положений. Так, не выявлено документов, напрямую подтверждающих обучение в Петроградском университете⁹. В текущем архиве Санкт-Петербургского государственного университета и в ЦГАЛИ СПб, РГИА СПб не зафиксировано имени А. А. Кенеля в книгах приказов по зачислению и выпуску данного студента. Не обнаружено диплома об окончании юридического факультета СПб университета¹⁰. Т. е. имеет место повторение из одного исследования в другое официальной версии, высказанной, видимо, самим А. А. Кенелем. Есть косвенные свидетельства о наличии справки об окончании университета. Это свидетельство дало нам основания предположить, что А. А. Кенель перезачел дисциплины другого вуза и получил справку об окончании университета. Ни в одном печатном труде о другом учебном заведении не упоминается, кроме монографий Н Пашенных и Э. Анненковой¹¹. Это учебное заведение – Императорское училище правоведения. Об учебе в этом заведении автор уже писал¹²;

– в ряде напечатанных трудов об А. А. Кенеле написано о его службе в Красной армии, борьбе с Юденичем и т. п. Опять-таки эти сведения почерпнуты из автобиографических материалов и официальных документов. Но эти сведения неполны и однобоки. Кенель служил и воевал. Но только ли в рядах Красной армии? Во вновь обнаруженных нами источниках выяснилась и другая линия развития его биографии. Окончив в 1917 г. Императорское училище правоведения по ускоренному варианту, А. А. Кенель был зачислен юнкером в Пажеский корпус Его Императорского Величества, позже переименованный в Петроградский кадетский корпус, также ускоренно его закончил и был произведен Офицерским собранием в прапорщики Преображенского полка 16 сентября 1917 г.¹³ С сентября по декабрь 1917 г. прапорщик А. А. Кенель находился на службе в рядах царской армии, и только к началу 1918 г. он был демобилизован из армии, а затем в 1919 г. вновь призван, но уже в Красную армию. Об этом также нами было написано¹⁴;

– не оспаривается факт окончания А. А. Кенелем Ленинградской государственной консерватории. Хотя в данном положении есть ряд моментов, неточно трактующих его обучение в этом прославленном учебном заведении. Поступил он не сразу, у него было две попытки¹⁵. Связано это было с перерывом в занятиях музыкой во время революционных и военных действий Гражданской войны. Не учился он на двух факультетах, хотя имел желание, помимо композиции, заниматься и на фортепиано¹⁶. А. А. Кенель окончил отделение теории композиции в 1927 г., не получив диплома сразу. Он взял в консерватории этот долгожданный документ только в 1930 г.¹⁷ Это связано с событиями, породившими некоторые неточности и умолчания в исследованиях. Авторы приводят выдержки из автобиографий А. А. Кенеля о том, что в период с 1927 по 1930 гг. он работал в различных театрах г. Ленинграда. Идут общие фразы: «...работал в театрах Молодом, Современном и т. д.»¹⁸. Лишь журналист А. Анненко приоткрыл завесу над этим периодом¹⁹. Суть в том, что А. А. Кенель в силу увлеченности монархическими идеями попал в масонско-монархическое общество, был арестован, осужден и отбыл наказание в 3 года в Соловецком лагере, о чем есть воспоминания и опубликованные документы²⁰;

– вышеобозначенными событиями объясняются и последующие скитания А. А. Кенеля по стране: от Средней Азии до Абакана. Он не мог получить разрешение жить в Ленинграде или Москве как осужденный по политической статье. Позже, живя в Абакане, он пытался выехать из небольшого провинциального по тем временам города, устроиться на работу заведующим музыкальной частью в различные театры страны, в чем уже имел немалый опыт, но наслонившиеся личные проблемы этому помешали. Об этих попытках вырваться из Абакана практически ничего не написано, а он более 10 лет писал запросы и просьбы в разные инстанции²¹;

– в работах об А. А. Кенеле упоминается его знакомство с Д. Д. Шостаковичем, знаменитый автограф «Фантастического танца № 3», подаренный Шостаковичем Кенелю в 1922 г. Но в целом об их взаимоотношениях написано немного. А ведь в НА РХ сохранились письма Шостаковича А. А. Кенелю, фотографии, где они запечатлены вместе, лекция А. А. Кенеля о великом композиторе, прочитанная им по радио в Абакане. Несколько исправило ситуацию издание СПб консерватории к юбилею Д. Д. Шостаковича об его соучениках²²;

– мало раскрыта и столь щепетильная тема о личной жизни А. А. Кенеля. Не исследованы его отношения с родителями (отец умер в 1918 г., мать – в 1942 г.), с женщинами. Пока не найдены следы переписки Кенеля с матерью. При его воспитании невозможно представить, что писем не было. Фактически нигде не отражены сведения о том, что он был женат трижды официально и отношения его складывались в браке драматично. И это в определенной степени влияло на его настроение, творчество, здоровье. Нигде не упоминается о том, что у него был приемный сын, носящий его фамилию, и внук, носящий не только фамилию, но и имя²³.

Проанализировав алгоритм биографических линий в написанном об А. А. Кенеле, можно вполне определенно отметить, что попытки изучения его индивидуального жизненного пути делались различными исследователями на протяжении четырех десятилетий. Личность Кенеля рассматривается комплексно и в контексте общественно-исторических процессов. Авторы применяют различные методы биографического анализа, оценивая жизненные обстоятельства, в которых жил и действовал субъект исследований, экстремальность ситуаций, его окружение. Выявлены и подчеркнуты яркие штрихи к портрету этого незаурядного человека, например, факты его блестящего и разностороннего образования. Во многих исследованиях приводятся отзывы и оценки, высказанные его современниками, что значительно конкретизирует контекст и повышает значимость сделанного им. Так, высока оценка современников и свидетелей первого и едва ли не единственного сценического показа венца его композиторского творчества – оперы «Чанар Хус и Ах Чибек»²⁴.

Важным в использовании авторами биографического метода представляется оценка места А. А. Кенеля в развитии музыкальной культуры Сибири, Хакасии, степени понимания им перспектив развития этого пласта культуры, влияния на будущее развитие музыкальных, фольклорных, научных, театральных и других институтов общества, в которых он был задействован.

Но исследователям творчества и жизненного пути А. А. Кенеля еще предстоит внести немало корректив в уточнение его биографии, дать более объективную картину, повысить воспитательную функцию исторических исследований о жизни и судьбе выдающегося российского интеллигента с непростой и яркой судьбой.

Примечания

1. Советские композиторы. Краткий биографический справочник / сост. Г. Бернадт и А. Должанский. – М., 1957. – С. 267; Музыкальная культура Сибири: В 3 т. – Т. 3. Кн. 3. – Новосибирск, 1997. – С. 436–459. Энциклопедия Республики Хакасия: в 2 т. Т. 1. / Под ред. В. А. Кузьмина. – Красноярск, 2008. – С. 272; Асиновская А. А. Музыкальная культура Хакасии (национальные традиции и современность). Дис... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 1988. – С. 3–69, 50–57.
2. Гавриленко В. К. Наши современники. Достояние республики. Кенель А. А. – Абакан, 1997; Гигуашвили Т. С. Музыка – их жизнь. – Абакан, 1997.
3. Клаузе И. Судьба и творчество А. А. Кенеля, соратника Г. М. Римского-Корсакова по «Кружку четвертитоновой музыки» / Н. А. Римский-Корсаков и его наследие в исторической перспективе. Материалы Международной музыковедческой конференции. – СПб., 2010. – С. 36–42; Детская музыкальная школа № 1 им. А. А. Кенеля. Буклет. – Абакан, 2007. – С. 2.
4. Прим. автора – личный архив А. А. Кенеля хранится в основном в НА РХ, ОФ НМРХ им. Л. Р. Кызласова, РФ ХакНИИЯЛИ, а также в личных архивах К. Е. Сунчугашевой, И. К. Кидиековой и др.
5. Фриман Э. Методы изучения истории. – М., 2011. – С. 79.
6. Личный архив автора. Запись воспоминаний заслуженных артистов РСФСР К. Е. Сунчугашевой и В. Г. Чаптыкова.
7. НА РХ, ф. 606. Оп. 1. Д. 63. Л. 33.
8. Энциклопедия Республики Хакасия.
9. ЦГИА СПб. Ф. Архивная справка № 376/ от 30.03.2012г.
10. НА РХ. Ф. 461. Оп. 1. Д. 25. Л. 38.
11. Анненкова Э. А. Императорское училище правоведения. – СПб., 2006. – С. 357; Пашенный Н. Л. Императорское училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты. – Мадрид, 1967. – С. 167.
12. Барабаш В. П. Где учился Александр Кенель // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая: Сборник научных статей. Выпуск 16. – Абакан, 2014. – С. 32–40.
13. РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 3391. Л. 257.
14. Барабаш В. П. Участие А. А. Кенеля в Первой мировой и Гражданской войнах в России начала XX века // Сборник тезисов Сибирского исторического форума «Сибирь в войнах начала XX века». Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. – Красноярск, 2013. – С. 124–126.
15. Барабаш В. П. Указ. соч. – С. 39.
16. ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 2. Д. 1459. Л. 1–2.
17. РФ ХакНИИЯЛИ, личное дело А. А. Кенеля. Л. 2–3.
18. Анненко А. Неизвестный Кенель // Шанс. – 2011. – 13 апреля. – С. 18; Лихачев Д. С. Избранное. – СПб., 1997.
19. НА РХ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 63. Л. 10–27.
20. НА РХ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 82. Л. 1. Д. 62. Л. 1–5. Д. 51. Л. 3.
21. Однокурсники и соученики Д. Д. Шостаковича в консерватории / Сост. Л. Адэр, Л. Ковнацкая, Л. Миллер, Р. Смольянинова. – СПб., 2010.
22. ЦГАЛИ СПб, ф. 298. Оп. 2. Д. 1459. Л. 3.
23. НА РХ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–3.

24. Асиновская А. А. Опера А. А. Кенеля «Чанар Хус и Ах Чибек» // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории: Выпуск XIX: Серия историческая. – № 5. – Абакан, 1974. – С. 88–106; Глаголев В. В. Александр Александрович Кенель и его роль в развитии национальной музыкальной культуры Хакасии // Чатхан: история и современность. Материалы I Международного симпозиума 25–28 июня 1996 г. – Абакан, 1996. – С. 73–76; Сунчугашева К. Е. Предисловие // Хакасский песенный фольклор. – Абакан, 2007. – С. 5.

Л. В. Хышектужева

СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОРЕННЫХ ЭТНОСОВ БУРЯТИИ*

Статья посвящена современным экономико-географическим и этносоциальным проблемам коренных этносов Республики Бурятия. Коренным титульным этносом республики являются буряты, а также малочисленные коренные народы – эвенки и сойоты. В настоящее время наиболее крупной этнической проблемой региона является то, что буряты и эвенки утрачивают свой язык, их языки отнесены к группе вымирающих, язык же сойотов практически утрачен. Одной из основных причин этого явления мы считаем то, что в советский период кочевые этнокультурные системы региона принудительно прекратили свое существование, а изменение образа жизни становится причиной трансформации, обеднения языка этноса.

The report is devoted modern economical and geographical and ethnosocial to problems of radical ethnoses of the Republic of Buryatia. It is title ethnos – Buryats, and also small indigenous people - Evenks and Soyots. Large ethnic problem of the region that Buryats and Evenks lose the language, their languages are carried to group endangered, language of Soyots is almost lost. The reason – during the Soviet period nomadic ethnocultural systems of the region forcible stopped the existence, and change of a way of life becomes the reason of transformation, impoverishment of language of ethnos.

Необходимость этнокультурных географических исследований в Сибирском регионе определяется многонациональностью населения, сложностью современных этносоциальных процессов, которые охватывают всю совокупность отношений, формирующихся между этносами на территории региона. Распад СССР, межэтнические конфликты, непоследовательные попытки реформирования политико-административной системы и решения проблем мигрантов – это все результаты игнорирования, на наш взгляд, этногеографических исследований.

Экономико-географический анализ современных социально-экономических проблем коренных этносов Республики Бурятия проводится нами с целью способствовать не только сохранению их уникальных культур, но и поиска путей повышения уровня жизни, решения социально-экономических проблем. Население Бурятии многонационально, в настоящее время здесь проживают представители более ста народов. Коренным титульным этносом республики являются буряты (до 1958 г. бурят-монголы), бурятский язык относится к монгольской группе алтайской языковой семьи.

Статус коренных малочисленных народов России имеют эвенки и сойоты, издревле проживающие в республике. Известно, что расселение эвенков (тунгусов) по сибирской тайге на запад и восток от Байкала и на север по реке Лене началось еще в IX в. Главными занятиями и основой жизнеобеспечения эвенков были охота, рыболовство и транспортное оленеводство, обусловившие полукочевой и кочевой образ их жизни.

Сойоты – этнос, ранее занимавший достаточно большие территории в Восточных Саянах и в долине реки Иркут (Тункинская долина). Предположительно сойоты являются потомками древнейшего самодийского населения, подвергшегося тюркизации. Традиционные занятия – охота, рыболовство и оленеводство. К началу XX в. в результате тесных контактов и ассимиляционных процессов они стали переходить на бурятский язык, но сохранили этническое самосознание, некоторые традиционные формы хозяйствования, бытовые обряды и праздник, а также шаманские верования. Сойоты впервые получили статус коренных малочисленных народов в 2006 г., когда было принято постановление «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 24.03.2006 г.

* Работа поддержана грантом РГНФ 11-06-12043 «Этноэкологические традиции и пространственные особенности социально-экономического развития коренных этносов Республики Бурятия».

Таблица 1

Динамика численности коренных этносов Республики Бурятия

Этносы	2002 г.	2010 г.	% 2010 г. к 2002 г.
Буряты	272463	286839	105,3
Сойоты	2739	3579	130,7
Эвенки	2152	2974	138,2

Важным этногеографическим фактором, повлиявшим на формирование коренных этносов Байкальского региона, является, на наш взгляд, его географическое положение, в частности, близость озера Байкал. Постепенно под воздействием также и других факторов разного порядка, в том числе и влияния буддизма, в регионе сформировалось этнокультурное пространство, характеризующееся полиэтничностью, здесь сложился особый тип комплиментарности, своеобразная культура отношений между представителями разных этносов.

Отношения оставались толерантными и в период социализма, когда политика властей была направлена на унификацию культур этносов, поощрение межэтнических браков, ускорение ассимиляции. В то время в Бурятии были закрыты национальные школы, внедрялось повсеместное преподавание на русском языке, сократилась подготовка кадров для преподавания национальных языков и т. д.

С 1990-х гг. у народов, населяющих регион, происходит рост национального самосознания, однако, это не сопровождалось крупными проявлениями национализма, сохраняется уважительное отношение к культуре соседствующих народов. В республике созданы и активно действуют общественно-национальные центры, издается литература, есть теле- и радиопередачи на национальных языках, проводятся праздники национальных культур и т. д. Все это очень важно, когда во всем мире культура все больше интернационализируется, в результате возросшего числа контактов происходит нивелирование элементов этнических культур, активизируются ассимиляционные процессы, а культуре немногочисленных этносов, таких как буряты, эвенки, сойоты, угрожает потеря своих уникальных черт.

У коренных этносов Байкальского региона пока сохраняются самые стабильные элементы культуры этносов – стереотип поведения, национальный характер, менталитет, самоидентификация. В настоящее время наиболее крупной этнической проблемой региона является то, что буряты и эвенки утрачивают свой язык, их языки отнесены к группе вымирающих, язык же сойотов практически утрачен.

Одной из основных причин этого явления мы считаем то, что в советский период кочевые этнокультурные системы региона принудительно прекратили свое существование, а изменение образа жизни становится причиной трансформации, обеднения языка этноса, так как исчезает необходимость использования многих слов. В Бурятии понимание последствий потери языков коренных этносов как начала исчезновения уникальных культур началось только в последние годы, во многом благодаря исследованиям ученых.

В республике много межнациональных браков, но в таких семьях дети редко бывают двуязычными. Родители понимают, что для карьеры их детей важнее хорошо знать русский язык, а теперь и английский как языки межнационального общения. Далеко не все родители имеют возможность научить детей языку своего народа, а в некоторых семьях родители целенаправленно не учат детей национальному языку, считая, что это мешает хорошему знанию русского. Народный Хурал Бурятии дважды рассматривал в этом году вопросы, связанные с изучением бурятского языка в школах, а также с изучением его в целом, применении в повседневной жизни. Вопрос оказался многоаспектным, касающимся многих сторон жизни населения республики.

В 1990-е гг. в республике был принят ряд законов и постановлений, защищающих права коренных малочисленных народов, была принята концепция государственной национальной политики РБ. Основной целью было признано создание в обществе условий, обеспечивающих полноценное социально-экономическое и культурное национальное развитие этносов. Но в связи с обязательным приведением в соответствие с федеративными законами всех законодательных актов субъектов РФ в 2000-е гг. многие из законов утратили силу.

Изучение возможностей использования опыта зарубежных стран, имеющих положительные результаты в регулировании проблем национальных меньшинств, является одним из направлений наших работ. Много позитивных решений было принято и претворено в жизнь относительно малочисленного коренного этноса – саами, проживающего на северных окраинах скандинавских стран. Значительных улучшений в правовом и экономическом отношении добились индейцы Северной Америки. В этих странах есть понимание того, что если решение экономических проблем –

основа жизни каждого народа, то для малочисленных этносов их традиционная экономика является также условием сохранения языка, традиций, культуры, менталитета. Основная часть коренных этносов Бурятии еще сохраняют тяготение и интерес к традиционному природопользованию своих предков, в республике есть территории, где возможно, например, возрождение элементов номадного животноводства, растет поголовье традиционных пород скота.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Бурятии есть специфические этносоциальные проблемы: возрождения и сохранения языков коренных этносов, их традиционного природопользования, религии, в том числе шаманизма, экологических традиций. Необходимы меры по сохранению сложившейся в регионе в течение веков своеобразной культуры отношений между представителями разных этносов.

Литература

1. Задорожный В. Ф., Напрасников А. Т., Раднаев Б. Л. Зональные типы природопользования. Опыт географического и этнического обоснования и анализа. – Новосибирск, 2010.
2. Мангатаева Д. Д. Эволюция традиционных систем жизнеобеспечения коренных народов Байкальского региона. – Новосибирск, 2000.
3. Сундурев Ч. Б., Хышектеева Л. В. Этнотуризм как одно из направлений культурно-познавательного туризма // Вестник БГУ, серия «Биология, география». Вып. 4. – Улан-Удэ, 2009.
4. Хышектеева Л. В. Коренные малочисленные народы: этногенез, традиционное природопользование, проблемы его сохранения // Современные проблемы этноэкологии и традиционного природопользования: мат. Всерос. конф. – Улан-Удэ, 2011.
5. Хышектеева Л. В. Об учете полиэтничности при решении проблем сельского населения Республики Бурятия. Проблемы народонаселения Сибири: мат. Всероссийской науч.-практ. конф. с межд. участием (г. Улан-Удэ, 14–17 июня 2012 г.). – Улан-Удэ, 2012. – С. 243–246.

В. И. Злотковский, А. В. Злотковская

EXIT POLL НА ВЫБОРАХ ДЕПУТАТОВ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ 1 МАРТА 2009 ГОДА

Анализ результатов exit poll, проведенного на выборах депутатов Верховного Совета Республики Хакасия 1 марта 2009 года, позволяет сделать ряд выводов и обобщений.

1. Судьба этих выборов была predetermined задолго до дня голосования. Расклад партийных сил, отражающий уверенное лидерство «Единой России», «вторые» роли (КПРФ, ЛДПР), оставался неизменным в течение всей избирательной кампании. Рекламно-агитационные кампании политических партий не оказали существенного влияния на электоральный выбор избирателей республики.

2. В составе сторонников политических партий присутствуют практически все социально-демографические и социально-статусные группы, то есть партийные предпочтения являются признаком глубокой внутригрупповой дифференциации. Это может означать следующее. Избиратели в целом и конкретные социальные группы избирателей (предприниматели, интеллигенция, рабочие, молодежь и др.), скорее всего, не воспринимают политические партии в качестве защитников своих интересов, а электоральный выбор осуществляют под влиянием политических брендов, восприятие которых имеет глубинную социально-психологическую основу и мало подвержено политической и социально-экономической конъюнктуре.

Полученные данные указывают на значительный прогностический потенциал прикладной социологии. В частности, профессиональное проведение социологического исследования сразу после определения состава участников региональных выборов в 2009 году позволило бы определять основные «параметры» будущих результатов голосования по единому округу (расстановку партий в итоговом протоколе, наиболее вероятный диапазон электоральной поддержки участников выборов и др.).

The analysis of results of exit poll which has been carried out on elections of deputies of the Supreme Council of the Republic of Khakassia on March 1, 2009, allows to make a number of conclusions and generalizations.

1. The destiny of these elections was predetermined long before the voting day. The deal of party forces reflecting sure leadership of «United Russia», the «second» roles (the CPRF, LDPR) remained invariable during

all election campaign. Advertizing and propaganda campaigns of political parties had no essential impact on an electoral choice of voters of the republic.

2. As a part of supporters of political parties there are practically all social and demographic and social and status groups, that is party preferences are a sign of deep intra group differentiation. It can mean the following. Voters as a whole and concrete social groups of voters (businessmen, the intellectuals, workers, youth, etc.), most likely, don't perceive political parties as defenders of the interests, and an electoral choice carry out under the influence of the political brands which perception has a deep social and psychological basis and is a little subject to a political and social and economic environment.

3. The obtained data indicate the considerable predictive potential of applied sociology. In particular, professional carrying out sociological research, right after definition of structure of +participants regional elections in 2009, would allow to determine main «parameters» of future results of vote by the uniform district (arrangement of parties in the final protocol, the most probable range of electoral support of participants of elections, etc.).

Как известно, основная проблема предвыборных опросов заключается в фиксировании декларируемых политических предпочтений избирателей, далеко не всегда подтверждаемых электоральной статистикой. И это вполне объяснимо, учитывая определенную долю избирателей, до конца не уверенных или сомневающихся в своем выборе, затрудняющихся с ответом на вопрос об электоральном выборе или отказывающихся его озвучить. Если к сказанному добавить расхождение данных предвыборных опросов о готовности респондентов принять участие в голосовании и реальной явкой избирателей, то становится понятным стремление исследователей сократить временной лаг между предвыборным опросом и днем выборов. В результате социологи пришли на избирательные участки в день голосования для получения интересующей информации от непосредственных участников выборов.

1 марта 2009 года автором был проведен exit poll на выборах депутатов Верховного Совета Республики Хакасия по пропорциональной системе. В период проведения исследования предполагалось решить следующие задачи: 1) получить оперативную информацию о ходе голосования за политические партии, 2) построить социальный портрет сторонников различных политических сил, 3) установить время принятия избирателями электорального решения и др.

Всего был опрошен 1951 человек на 33 избирательных участках в трех городах (Абакан, Саяногорск и Черногорск) и семи районах республики. Количество респондентов в территориях рассчитывалось исходя из численности населения. В городах и районах отбирались наиболее «типичными» в электоральном отношении избирательные участки на основе анализа результатов голосования по партийным спискам на выборах депутатов Государственной Думы РФ 2 декабря 2007 года. На каждом избирательном участке опрос проводился непрерывно с 10 до 16 часов.

По условиям опроса каждый интервьюер за шесть часов должен опросить 60 человек, соблюдая установленные квоты по полу, возрасту и количеству опрашиваемых в конкретные часы. Интервьюеры докладывали о ходе опроса после каждых двух часов работы: в 12:00, в 14:00 и 16:00.

Результаты exit poll с нарастающим итогом в сопоставлении с итоговыми результатами голосования по партийным спискам представлены в таблице 1. Объем выборки (1951 респондент) дает погрешности на уровне 2,4 %. Как следует из представленных данных, по четырем партиям (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» и «Патриоты России») расхождение результатов находятся в пределах погрешности измерения, и только по «Единой России» превышают, составляют 4,1 %¹.

Данный феномен можно объяснить с помощью теории «спирали умолчания», предложенной немецким политологом Элизабет Ноэль-Нойман. По ее мнению, желание высказывать свое мнение публично тем значительнее, чем в большей степени это мнение, с точки зрения индивида, преобладает в обществе².

Таблица 1

**Выборы депутатов Верховного Совета Республики Хакасия
по партийным спискам 1 марта 2009 года**

	Данные на ... (% от числа опрошенных)			Результаты выборов, в %
	12-00 (N=761)	14-00 (N=1419)	16-00, (N=1951)	
«Единая Россия»	61,0	62,8	61,4	57,3
КПРФ	18,3	16,6	15,8	14,7
ЛДПР	9,5	9,4	9,4	10,2

«Справедливая Россия»	5,4	7,3	7,8	7,2
«Патриоты России»	5,1	5,3	5,5	7,3

Данные, полученные в ходе опроса, позволяют построить социальные портреты избирателей каждой политической партии, принявшей участие в выборах. Ниже представлены данные от общего числа респондентов, принявших участие в опросе.

Социальный портрет избирателей «Единой России»

Пол. Женщины активнее поддерживают партию, чем мужчины (66,9 % против 53,1 %)

Возраст. Возрастная структура сторонников «расширяется» среди молодых избирателей (18–24 года – 72,6 % и 25–35 лет – 66,8 %) и «сужается» в группе пожилых людей (60 лет и старше – 53,8 %). В целом поддержка во всех возрастных группах превышает 50 %.

Образование. Во всех образовательных группах уровень поддержки также превышает 50 % отметку. Лица с начальным и незаконченным высшим образованием несколько больше симпатизируют партии, по сравнению с лицами со средним образованием.

Род занятий. В социально-профессиональных группах уровень поддержки превышает 50 %. Более четко симпатии выражены у руководителей – 78,0 %, безработных – 71,3 %, студентов и учащейся молодежи – 69,5 %, интеллигенции – 69,8 %; менее – у пенсионеров (52,3 %).

В целом можно сделать вывод о том, что «Единая Россия» доминирует во всех социальных группах населения.

Социальный портрет избирателей КПРФ

Пол. Мужчины несколько активнее поддерживают партию, чем женщины (18,0 % против 14,1 %)

Возраст. Есть отчетливая зависимость: чем старше избиратель, тем выше его уровень симпатий к КПРФ. Так, в возрастной группе 18–24 года он составляет всего 6,6 %, 36–50 лет – 12,8 %, а в группе 60 лет и старше – 27,9 %.

Образование. По показателю образования сторонников КПРФ явно больше среди избирателей, имеющих невысокий образовательный уровень (начальное – 26,0 %, среднее – 20,5 %, среднее специальное – 16,4 %).

Род занятий. Наибольшую поддержку КПРФ обеспечивают пенсионеры (28,0 %), инженерно-технические работники (ИТР) (21,2 %); наименьшую – работники сферы обслуживания (7,2 %), студенты и учащаяся молодежь (7,3 %).

Обращает на себя внимание: наиболее сильные позиции у коммунистов среди избирателей старших возрастных групп (50 лет и выше), среди пенсионеров, инженерно-технических работников и избирателей с низким образовательным уровнем.

Социальный портрет избирателей ЛДПР

Пол. Уровень поддержки среди мужчин существенно выше, чем среди женщин (13,9 % против 6,6 %).

Возраст. Сторонники присутствуют в основных возрастных группах (среди избирателей от 18 до 60 лет уровень поддержки колеблется в диапазоне от 8,6 % до 12,5 %). Поддержка заметно ниже среди избирателей, чей возраст превышает 60 лет (5,8 %).

Образование. Существует тенденция: по мере увеличения образовательного уровня растет уровень поддержки партии (от 3,2 % среди избирателей с низким образовательным уровнем до 11,0 % среди лиц, имеющих вузовские дипломы).

Род занятий. Сторонников больше среди рабочих (14,7 %), предпринимателей (12,5 %), домохозяйек (11,3 %) и сотрудников правоохранительных органов (11,1 %); меньше – среди ИТР (4,2 %) и руководителей (5,0 %).

Хорошо видно, у ЛДПР достаточно стабильная, хотя и относительно невысокая, поддержка в большинстве социальных групп (от 5 % до 15 %).

Социальный портрет избирателей «Справедливая Россия»

Пол. Мужчины и женщины практически в равной степени симпатизируют партии (8,8 % и 7,1 %).

Возраст. Партию в большей мере склонны поддерживать представители возрастных групп 25–35 лет и 36–50 лет (по 9,0 %). В остальных возрастных группах он на уровне 6–7 %.

Образование. Доля избирателей, поддерживающих партию, практически не зависит от их уровня образования и составляет 6,1–8,7 %.

Род занятий. Социально-профессиональная структура несколько «расширяется» среди студентов, учащихся (9,9 %) и работников сферы обслуживания (9,6 %); заметно «сужается» среди руководителей предприятий, учреждений (1,8 %).

Видно, сторонники «Справедливой России» присутствуют в большинстве социальных групп населения (диапазон поддержки колеблется от 6,1 % до 10,8 %). Обращает на себя внимание крайне низкий уровень поддержки среди руководителей предприятий и организаций (1,8 %).

Социальный портрет избирателей «Патриотов России»

Пол. Мужчины и женщины практически в равной степени симпатизируют партии (5,8 % и 5,0 %).

Возраст. Возрастная структура сторонников стабильна и колеблется в диапазоне от 4,7 % до 6,3 %.

Образование. Партию более склонны поддерживать избиратели со средним специальным (6,5 %) и начальным (6,4 %) уровнем образования. Меньше всего сторонников среди избирателей, имеющих неоконченное высшее образование (2,7 %).

Род занятий. Социально-профессиональная структура несколько «расширяется» среди работников сферы обслуживания (9,6 %) и ИТР (8,3 %). Нет сторонников партии среди сотрудников правоохранительных органов.

В целом «Патриоты России» имеют поддержку в большинстве социальных групп населения, но поддержка эта незначительна (в основном от 2,7 до 8,0 %).

Время принятия электорального решения в поддержку партии

Потенциал и авторитет партии во многом предопределяется временем принятия избирателями решения в ее поддержку.

Таблица 2

Время принятия электорального решения в разрезе сторонников партий (% от числа избирателей, проголосовавших за партию)

		Среди проголосовавших за ...				
		«Единую Россию»	КПРФ	ЛДПР	«Справедливую Россию»	«Патриотов России»
Я сразу знал, за кого следует голосовать	70,2	72,5	81,8	70,1	46,4	47,6
За месяц до выборов	8,4	6,9	6,5	7,1	19,9	18,4
В последнюю неделю перед выборами	4,0	3,1	2,3	4,3	6,6	13,6
В день голосования	5,3	5,1	2,0	7,1	9,3	9,7
Непосредственно на избирательном участке	3,2	2,8	2,6	3,3	7,3	3,9
Не помню	6,3	7,0	3,6	5,4	7,3	5,8

Судя по данным таблицы 2, три четверти избирателей (78,6 %) приняли электоральное решение за месяц до выборов. Иначе говоря, судьба выборов была решена до начала активной фазы рекламно-агитационной кампании: агитации в СМИ. Остальные избиратели, сформировавшие свои предпочтения в ходе кампании (21,4 %), распределились по разным партиям и не оказали заметного влияния на итоговый расклад сил.

Официальные итоги голосования и данные о времени принятия избирателями электорального решения без учета респондентов, затруднившихся с ответом, позволяют реконструировать развитие электоральной ситуации на выборах депутатов регионального парламента по единому округу.

Хорошо видно, партия «Единая Россия» уверенно лидировала на протяжении всей избирательной кампании, постепенно наращивая свое преимущество: 44,7 % – после регистрации списка, 49,1 % – за месяц до выборов, 52,8 % – накануне голосования и 57,3 % – по итогам голосования.

Таблица 3

**Реконструкция электорального рейтинга партий на выборах депутатов ВСРХ по единому округу
(% от числа принявших участие в голосовании)**

	Сразу после определения состава участников	За месяц до выборов	За день до голосования	Итоговые результаты
«Единая Россия»	44,7	49,1	52,8	57,3
КПРФ	12,1	12,5	12,9	14,7
ЛДПР	7,6	8,5	9,1	10,2
«Справедливая Россия»	3,6	5,1	5,9	7,2
«Патриоты России»	3,7	4,8	6,2	7,3

Судя по данным таблицы 3, избирательная кампания не оказала заметного влияния на партийные предпочтения респондентов. Как на старте избирательной кампании, так и по ее итогам расклад сил оказался неизменным: уверенное лидерство «Единой России», 2-е и 3-е места КПРФ и ЛДПР, 4-е и 5-е места «Патриотов России» и «Справедливой России».

Избирателей, которые сразу знают, за кого будут голосовать, иногда называют «твердые сторонники» партии, или ее костяк. Это означает, что электоральное решение они принимают не под влиянием агитации и пропаганды, а исходя из своих мировоззренческих установок. В разрезе партий наибольшее число таковых наблюдается у КПРФ (81,8 %), «Единой России» (72,5 %) и ЛДПР (70,1 %). В то время как доля «твердых сторонников» в составе «Справедливой России» и «Патриотов России» значительно ниже и составляет менее половины.

Степень устойчивости партийных симпатий респондентов отчетливо проявилась на следующих выборах депутатов ВСРХ в 2013 году. «Единая Россия», КПРФ и ЛДПР, чьи сторонники главным образом составляют «твердые сторонники», показали высокий электоральный результат и заняли первые три места в итоговом протоколе. В то время как «Справедливая Россия» и «Патриоты России» не сумели преодолеть пятипроцентный избирательный барьер. Данный феномен поясняется следующим образом. В 2009 г., в условиях ограниченного выбора (пять партий), часть неопределившихся избирателей под влиянием агитации и ситуационных факторов примкнула к «Справедливой России» и «Патриотам России», не будучи их убежденными, последовательными сторонниками. В 2013 году электоральный выбор оказался заметно шире (9 участников), и подверженная агитации группа избирателей распределилась между большим количеством партий. А «Справедливую Россию» и «Патриотов России» поддержали преимущественно «твердые сторонники». Таковых в партии «Справедливая Россия» в 2009 г. оказалось 3,6 % от общего числа избирателей, принявших участие в голосовании. В 2013 г. за партии проголосовали 3,9 % от общего числа участников выборов³.

Аналогичные цифры по «Патриотам России» составляют 3,7 % и 3,2 % соответственно. Это означает, что рекламно-агитационные кампании указанных партии в 2013 г. «сработали» фактически вхолостую.

Анализ результатов exit poll, проведенного на выборах депутатов Верховного Совета Республики Хакасия 1 марта 2009 года, позволяет сделать ряд выводов и обобщений.

1. Судьба этих выборов была предопределена задолго до дня голосования. Расклад партийных сил, отражающий уверенное лидерство «Единой России», «вторые» роли (КПРФ, ЛДПР) оставался неизменным в течение всей избирательной кампании. Рекламно-агитационные кампании политических партий не оказали существенного влияния на электоральный выбор избирателей республики.

2. В составе сторонников политических партий присутствуют практически все социально-демографические и социально-статусные группы, то есть партийные предпочтения являются признаком глубокой внутригрупповой дифференциации. Это может означать следующее. Избиратели в целом и конкретные социальные группы избирателей (предприниматели, интеллигенция, рабочие, молодежь и др.), скорее всего, не воспринимают политические партии в качестве защитников своих интересов, а электоральный выбор осуществляют под влиянием политических брендов, восприятие которых имеет глубинную социально-психологическую основу и мало подвержено политической и социально-экономической конъюнктуре.

3. Полученные данные указывают на значительный прогностический потенциал прикладной социологии. В частности, профессиональное проведение социологического исследования сразу после определения состава участников региональных выборах в 2009 г., позволило бы определять основные «параметры» будущих результатов голосования по единому округу (расстановку партий в итоговом протоколе, наиболее вероятный диапазон электоральной поддержки участников выборов и др.).

Примечания

1. Злотковский В. И. О некоторых возможностях опросных методов при исследовании предвыборных настроений избирателей и построении электорального прогноза // Хакасский этнос на рубеже XX–XXI веков: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (27–28 сентября 2013 г.). – Абакан, 2013. – С. 95.
2. Noelle-Neumann E. The Spiral of Silence. The Theory of Public Opinion // Journal of Communication. 1974. Vol. 24. № 2. P. 43-51.
3. 3. Выборы депутатов Верховного совета Республики Хакасия шестого созыва [Электронный ресурс] // Избирательная комиссия Республики Хакасия : офиц. сайт. – URL: <http://www.khakas.vybory.izbirkom.ru/region/khakas> (дата обращения 16 мая 2014 года).

ТЮРСКИЕ ЯЗЫКИ СИБИРИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

И. Я. Селютина, А. А. Добринина

СООТВЕТСТВИЯ ГЛАСНЫХ ПО СТЕПЕНИ ПОДЪЕМА В ГОВОРАХ ДИАЛЕКТА АЛТАЙ-КИЖИ

В статье И. Я. Селютиной и А. А. Добрининой «Соответствия гласных по степени подъема в говорах диалекта алтай-кижи» рассматривается специфика процессов «перелома» гласных, свойственного тюркским языкам Поволжья и Южной Сибири. В территориальных говорах Онгудайского и Усть-Канского районов Республики Алтай выявлены закономерности сужения древнетюркских широких гласных до узких и расширения узких до полушироких с одновременным изменением настроек по параметрам артикулярной рядности.

Article I. Selyutina and A. Dobrynina «Compliance of vowels according to the degree of raising in the subdialects of the Altai-Kizhi dialect» focuses on the specifics of the processes of «break» of vowels characteristic in the Turkic languages of the Volga region and South Siberia. In the territorial subdialects of Ongudai and Ust-Kan regions of the Republic of Altai regularities of narrowing of the ancient Turkic wide vowels to narrow and expansion of narrow to semi-wide with a simultaneous change of vowel settings on the articulatory row.

Результаты экспериментально-фонетических исследований, используемые как историко-лингвистический источник, могут послужить решению дискуссионных вопросов этногенеза народов Алтае-Саянского региона, в том числе и населения Южного Алтая.

Для выявления общего и специфического в звуковых системах говоров и подговоров диалекта алтай-кижи проводится их фронтальное точечное обследование. Данная статья основана на материале, полученном А. А. Добрининой во время лингвистических экспедиций 2013–2014 гг. в двенадцати населенных пунктах Онгудайского (табл. 1–2) и в двух – Усть-Канского (табл. 3) районов Республики Алтай и проанализированном с помощью компьютерной программы создания и обработки звуковых файлов WinCecil.

В статье рассматриваются соответствия гласных по степени подъема, фиксируемые в языках локальных групп алтайцев. Целью исследования является выявление фонетических процессов «перелома», «перебоя» гласных – перехода широких древнетюркских гласных в узкие и расширения узких до полушироких – и их территориальная характеристика.

В соответствии с законом «перебоя» гласных в тюркских языках Поволжья происходит сужение $*\ddot{a} \rightarrow i$, $*\ddot{o} \rightarrow \mathcal{Z}$, $*u \rightarrow y$ и расширение $*i \rightarrow e$, $*\mathcal{Z} \rightarrow \ddot{o}$, $*y \rightarrow \ddot{o}^1$. Как показало фундаментальное исследование хакасского вокализма, выполненное Г. В. Кыштымовой, аналогичные процессы характерны для сагайского диалекта хакасского языка и в меньшей степени – для качинского². В сагайском диалекте общетюркскому e ($*\ddot{a}$) соответствует переднерядная фонема $[i<]$ 1-й ступени отстояния, общетюркскому \ddot{o} – переднерядная фонема $\ddot{o} [\mathcal{Z}]$ 1-й ступени и напротив общетюркскому i ($*i$) соответствует центральнозаднерядная фонема $i [\mathcal{b}] \rightarrow \mathcal{H}]$ 2-й ступени отстояния, общетюркскому \mathcal{Z} – комбинированная переднерядно / центральнозаднерядная фонема $[\mathcal{Y} / \mathcal{X}]$ 4-й ступени отстояния. В качинском же диалекте общетюркскому e ($*\ddot{a}$) соответствует комбинированный переднерядно / центральнозаднерядный $u [i / \mathcal{b}]$ 2-й ступени, а общетюркскому i ($*i$) – центральнозаднерядная фонема $i [\mathcal{b}]$ 2-й ступени отстояния.

Аналогичное явление «перелома» гласных нашло широкое распространение и в одном из североалтайских языков – кумандинском³. Перелом гласных отмечается на большей территории распространения языка кумандинцев, не охватывая ареал Солтонского района: в Красногорском и Турочакском районах древнетюркский широкий мягкорядный неогубленный $*\ddot{a}$ реализуется в узком переднерядном i , а исходный широкий мягкорядный огубленный $*\ddot{o}$ коррелирует с узким центральнорядным \ddot{u} ; в Солтонском районе сохраняется преимущественно древнетюркская огласовка.

Для изучения соответствий гласных по степени подъёма в территориальных говорах Онгудайского и Усть-Канского районов Республики Алтай в вопроснике заданы 20 слов.

Анализ лингвистических материалов свидетельствует о высокой вариативности реализаций вокальных компонентов в онгудайских говорах. При этом лишь в 5 словах во всех населённых пунктах зафиксирована исходная огласовка с широким Г (табл. 1–2): *кен* «ке:n ~ k^βε:n» ‘широкий’, *кел* «кел ~ келкк» ‘приходи’, *кеч* «кеһҫε» ‘переходи’, *керек* «кεεεk ~ кεεεk» ‘надо’, *семис* «сбГ:мбБсб ~ сбГмбБсаЖ» ‘толстый, жирный’. Наиболее последовательная трансформация *ä > i констатируется в с. Кора-Кобы: эки «iкН» ‘два’ (в остальных говорах – εki), *элтер* «i:rk» ‘гнуть’ (ε:r), *терек* (tHrεk) ‘тополь’ (tПrεk), *мен* «mɪn» ‘я’ (так же в с. Ленжол и п. Онгудай; в ост. – mɛn), *сен* «sɪn» ‘ты’ (так же в с. Ленжол; в ост. – sɛn), *кече* «kɪһҫεε» ‘вчера’ (кεһҫεε), *бер* «bεкБFк’» ‘давай’ (bкεFк’), *беш* «pɪ» ‘пять’ (так же в с. Салжар; в ост. – рε), *эжик* «i:ʔHk» ‘дверь’ (так же в сс. Бичикту-Боом, Салжар, п. Онгудай; в ост. – ε:зHk). Слово *эне* ‘мать’ реализуется с гласным i < *ä не только в с. Кара-Кобы (Бпз^w), но и в сс. Бичикту-Боом, Ленжол, Онгудай, Салжар, Теньга, Шибе: mɪzm ~ εпз, БпзЖ, БлпН^q; в ост. – εпз. Лексема *эрте* ‘рано’ с узкой огласовкой «irtП ~ irtН:» зафиксирована в сс. Бичикту-Боом и Инегень (в ост. – «εrktɔ ~ εrktɔ»). Наиболее последовательно перелом *ä > i проявляется в слове *бир* ‘один’: во всех обследованных населённых пунктах произносится с узким гласным: «pɪrk».

В отличие от онгудайских говоров, в Усть-Канском районе, представленном в нашей выборке лишь двумя населёнными пунктами (табл. 3), словоформа *кен* «ке:n» ‘широкий’ в с. Яконур реализуется с узкой огласовкой: «k^βɪs:n». Лексема *эрте* ‘рано’ с узким гласным «irtП» зафиксирована в с. Верх-Ануй и с широким «εrktɔ» – в с. Яконур. Как и в Онгудайском районе, слово *бир* ‘один’ в усть-канских территориальных говорах произносится с узким гласным: «pɪrk». Во всех остальных словоупотреблениях в звуковых оболочках единиц констатируется исконный широкий вокальный компонент. Хотя представленный материал ограничен, тем не менее он дает основание для предварительного вывода о меньшей продуктивности процесса «перелома» гласных в усть-канских говорах по сравнению с онгудайскими.

Таким образом, анализ материала свидетельствует о модальных преобразованиях, происходящих на современном синхронном срезе территориальных говоров диалекта алтай-кижи и отражающих сложные древнейшие этногенетические и лингвистические процессы.

Таблица 3

Соответствия гласных по степени подъёма (Усть-Канский район)

№ п/п	Словоформа и её значение	Неогубленные мягкорядные e / ä / ɨ и ɨ (иэ)		Неогубленные мягкорядные ä / e / ɨ и ɨ	
		Верх-Ануй	Яконур	Верх-Ануй	Яконур
1	кен ‘широкий’	ke:n	k ^β ɪs:n		
2	эки ‘два’	εki	εkkɪq		
3	элтер ‘гнуть’	εyεr, εTεr, εaɪ	εk		
4	терек ‘тополь’	tɜrɪεkɪ	tɜrɜk		
5	мен ‘я’	m e ɔ n	m'ɛn		
6	сен ‘ты’	s e ɔ n	sɛn		
7	кече ‘вчера’	keһҫεε	keһҫε		
8	берер ‘давать’	bεrɪ	bεsrɪ		
9	келер ‘приходить’	кел	кесл		
10	кечер ‘переходить’	кесһҫ	кесһҫ		
11	эрте ‘рано’	irtɔ	εrktɔ		
12	керек ‘надо’	кεεεsk	кεsrɜk		
13	бир ‘один’	bir	bir		
14	беш ‘пять’	bεʔv	p'εɪ		
15	сегис ‘восемь’	s б εαБАб	s б εαБАɪ		
16	эжик ‘дверь’			εɪз в ik	εɪз в ik
17	ичеген ‘берлога’			ɪһҫε:n	ɪһҫεЧεn
18	эне ‘мать’			e ɔ nɜ	wɛnɜw

19	тўнүк 'дымоход'			t3n3k	t3n3k
20	семис 'толстый'			sбГmбБsб	sбГmбБsб

Закон «перелома» гласных, являясь типологически общим для ряда тюркских языков Поволжья и Сибири, в южносибирских языках – хакасском⁴, шорском⁵, барабинско-татарском⁶, кумандинском⁷ и, как показывает приведенный материал, в алтайском – имеет свою специфику: действие его в языках саяно-алтайского ареала распространяется лишь на мягкорядный вокализм, в то время как в татарском и башкирском он охватывает и твёрдорядные гласные. В татарском и башкирском языках происходит сужение *ä > i, *ö > э, *o > у и, наоборот, расширение *i > e, *э > ё, *u > o, то есть, переход древнетюркских широких гласных в узкие, а узких – в полуширокие⁸. В сибирских тюркских языках трансформации гласных по подъему сопровождаются сдвигом их по артикуляторной рядности: расширяясь, гласные становятся более задними, сужаясь, продвигаются вперёд. Таким образом, фонетические характеристики «перелома» гласных в сибирских языках отличаются от аналогичных процессов в тюркских языках Поволжья. При этом в территориальных говорах диалекта алтай-кижи рассматриваемые преобразования значительно менее продуктивны, чем в контактных южносибирских тюркских языках – хакасском, шорском, барабинско-татарском и кумандинском.

Примечания

1. Исхаков Ф. Г. Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. I. Фонетика. – М., 1955. – С. 60–114; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. – М., 1984. – С. 123.
2. Кыштымова Г. В. Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск, 2001. – С. 107–108.
3. Селютина И. Я. Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск, 1998. – С. 67–71, 176–179.
4. Кыштымова Г. В. Ук.соч.
5. Чиспияков Э. Ф., Бабушкин Г. Ф. Диалекты шорского языка // Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. – Кемерово, 2004. – С. 115–146.
6. Тумашева Д. Г. Перебой гласных и формирование вокализма кыпчакских языков // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры. – М., 1989. – С. 5–18.
7. Селютина И. Я. Ук. соч.
8. Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. – М., 1979.
9. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л., 1948.

А. Д. Каксин

КОГНИТИВИСТИКА И ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК: НАПРАВЛЕНИЯ И ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья содержит размышления о перспективах, целях и задачах когнитивной лингвистики – современной дисциплины, одной из многих, связанных с изучением процесса человеческого познания. Особо подчеркивается необходимость и потребность подробного исследования принципов языковой категоризации, различных типов концептов (фреймов, сценариев) и способов их языкового воплощения, проблемы познавательного потенциала языковых категорий. Все указанные направления исследований в области когнитивной лингвистики обсуждаются автором на материале хакасского языка.

The report (article) contains reflections about a perspective, the purposes and problems of cognitive linguistics – the modern discipline which is among cognitive sciences. It is especially emphasized need of detailed research of the principles of a language categorization, types of concepts (frames, scenarios) and their language compliances, cognitive-caused language categories. All directions of researches from positions of cognitive linguistics are discussed by the author on a material of the Khakass language.

Когнитивная лингвистика имеет два важных вектора, два направления – изучать язык как инструмент познания мира и как результат этого познания. В применении к отдельно взятому языку эти направления, безусловно, детализируются, наполняются конкретным содержанием. В частности,

целями исследования могут быть: проблемы реализации когнитивных функций языка в современных условиях глобализации, вопросы развития конкретного языка в многонациональной стране. Можно обратить особое внимание на когнитивные модели образа мира, преломленные в языке. Можно анализировать динамику и вариативность языковых моделей образа мира.

Далее изложим конкретные задачи и цели когнитивистики, как если бы мы исследовали под таким углом зрения именно хакасский язык.

На наш взгляд, чрезвычайно интересны предпосылки складывания когнитивных основ современного хакасского языка. Небезынтересны и вопросы «когнитивного объема» этого языка и его будущего (в контексте философской проблемы развития общества).

На материале хакасского языка начато (и должно быть продолжено) исследование принципов категоризации и таксономии, типов мыслительных (ментальных) структур и их языковых соответствий, понятийных и функционально-семантических категорий, пространственных отношений и типов концептуализации движения в языке, метафорических и метонимических отношений внутри больших участков и фрагментов языка. Нужно и в дальнейшем углубляться в специфику понятийных и скрытых категорий языка, выражаемых средствами разных уровней.

Уже сегодня исследуются когнитивные модели хакасской национальной языковой картины мира и модели языкового поведения хакасов в коммуникативном пространстве региона (включая этнические стереотипы, влияющие на модель языкового поведения). Исследуются и частные случаи проявления «когнитива» в хакасском языке: когнитивное наполнение принципа деления на части речи, когнитивный потенциал тематических групп, лексических рядов, гнезд и отдельных слов¹.

Но остается много неизведанного. Рассматривая язык в его неразрывной связи с культурой этноса, необходимо предметно, содержательно ставить вопросы определения специфики хакасского «когнитива» и, стало быть, соотношения ментальности хакасов и когнитивных основ хакасского языка.

Цель – определить сложную схему отражения в языке модели мира, описать, как «структура мира» влияет на язык и как система языка влияет на формирование представлений о мире. Анализ структуры текстов разных жанров (и разных по времени создания) поможет установить связь между культурно-историческими и мифопоэтическими смыслами, вложенными в модель мира.

Предполагаемые частные аспекты предстоящих работ лингвистов связаны с недостаточной изученностью когнитивных и коммуникативно-прагматических особенностей хакасского языка, необходимостью исследования понятийных и скрытых категорий хакасского языка. В перспективе предполагается проведение междисциплинарных исследований, направленных на выявление этнокультурной специфики языкового сознания хакасов.

Углубленное исследование позволит пополнить фонд знаний о когнитивных моделях хакасского образа мира, существующих в языке и функционирующих в коммуникативном пространстве региона. Когнитивный подход позволит описать прагматические особенности хакасского языка, важнейшие характеристики дискурса хакасского языка, проявляющиеся в устной и письменной речи.

Актуальность предстоящих исследований вызвана существующими пробелами в комплексном теоретическом и практическом изучении способов и средств хранения этнокультурной информации в языковой семантике и моделях их обращения в коммуникативном пространстве.

Динамичные процессы глобализации оказывают негативное воздействие на сохранность и передачу языкового и культурного наследия коренных этносов. В связи с резким сокращением числа детей, владеющих родным языком, и низкой мотивацией изучения хакасского языка среди взрослых новое исследование будет направлено на актуализацию когнитивных и коммуникативных основ хакасской модели мира, что будет способствовать сохранению ментальных констант хакасской традиционной культуры.

Научная значимость будущих исследований состоит в восполнении существующих пробелов в исследовании проблем языка и общества в контексте современной антропоцентрической парадигмы, включающей когнитивную и психолингвистическую направленность научного поиска.

Итак, проблематика новых исследований лежит в русле когнитивной лингвистики – современного направления, относящегося к числу когнитивных наук. На материале хакасского языка необходимо детальное исследование принципов языковой категоризации, типов концептов (фреймов, сценариев) и их языковых соответствий, когнитивных семантических категорий, развитие идеи концептуального воплощения, в соответствии с которой «устройство семантики» естественного языка обусловлено биологической и психической природой человека и его опытом взаимодействия с окружающим миром. Дальнейшее исследование моделей образа мира, проявляющихся в сознании и языке, позволит выявить и описать важные характеристики этнической специфики (идентичности и ментальности) хакасов.

Примечания

1. Каксин А. Д. Хакасы: культурные традиции и их трансформация (конец XX – начало XXI в.). – Абакан, 2013; Отчет о научной и научно-организационной деятельности Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории за 2013 г. / Сост. В. Н. Тугужекова, Н. А. Данькина. – Абакан, 2014. – С. 37–57; Труды ученых Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории 2004–2009 гг.: библиографический указатель / сост. Н. П. Намсараева; отв. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан, 2011; Уральские и алтайские языки и народы: сопоставительно-типологический взгляд: материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа и алтаиста М.-А. Кастрена (1813–1852) (Абакан, 25–28 сентября 2013 г.). – Абакан, 2013. – С. 123–144.

М. Д. Чертыкова

ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ КОНТРОЛЯ (ПРОВЕРКИ) В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ*

Статья посвящена лексическому анализу семантики глаголов со значением контроля (проверки) в хакасском языке. Объединение этих глаголов в одну группу оправдано наличием инвариантной семы (общего смысла) «концентрация умственных усилий на объекте наблюдения». Показано, как в семантической структуре трех описываемых глаголов и одного фразеологического сочетания сочетаются различные дифференциальные семы.

Article is devoted to the lexical analysis of semantics of verbs with value of control (check) in the Khakass language. Association of these verbs in one group is justified by existence invariant sense (the general sense) «concentration of intellectual efforts on object of supervision». It is shown how in semantic structure of three described verbs and one (phraseology) combination are combined various sense differential.

Ментальные глаголы (или глаголы умственной деятельности человека) являются одним из основных и важнейших классов глаголов в любом языке. В русской лингвистике они получили широкое освещение в диахроническом аспекте (В. И. Кодухов, Ф. П. Филин, А. И. Молотков), семантико-синтаксическом (Л. М. Васильев, М. В. Пименова), когнитивном (В. Г. Гак, М. А. Дмитриевская, А. А. Зализняк, И. Б. Шатуновский, Н. К. Рябцева), сопоставительном (П. В. Морослин, Л. Бажжани) и др. В тюркских же языках комплексное исследование ментальных глаголов еще только начинается. В числе работ, выполненных на материале тюркских языков Южной Сибири, можно назвать исследование Б. Б. Саналовой, посвященное анализу алтайских глаголов мыслительной деятельности¹. Актуальность изучения лексико-семантических групп (ЛСГ) глагольной лексики в целом определяется когнитивным развитием лингвистики, перспективностью изучения глубинной глагольной семантики, недостаточной разработанностью теоретической лексикологии тюркских языков, а также необходимостью детального описания их парадигматики и синтагматики.

Ментальные глаголы могут обозначать то или иное ментальное состояние (*знать, верить, помнить*), мыслительную деятельность, обычно направленную на получение знания (*размышлять, обдумывать*), или же указывать на возникновение определенного ментального состояния в результате предшествующей деятельности или внезапного озарения (*узнать, догадаться, понять*)².

В нашей статье объектом семантического анализа являются глаголы со значением контроля (проверки) в хакасском языке, которые относятся к категории глаголов ментального процесса. В действительности процесс контроля связан с мышлением, использованием знаний и навыков, со зрительным восприятием и выражением волеизъявления. В результате зрительных наблюдений объекта контроля (проверки) субъект получает знания, обрабатывает и сверяет с понятием общепринятой нормы, выявляет какие-либо недоработки и в дальнейшем предупреждает об их недопущении или устранении.

В семантике глаголов со значением контроля (проверки) присутствует взаимосвязь понятий мышления, проявляющегося в обработке информации, и зрительного восприятия. Функционирование данных глаголов в языке и речи предполагает активного субъекта или, точнее, нейрофизиологическую активность его мыслительной деятельности.

В хакасском языке основную функцию семантики контроля и проверки несет на себе глагол *сыныхта*, которому в Хакасско-русском словаре дается такое толкование: *сыныхтирға /сыныхта/*

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-00201).

1) проверять, контролировать; *тоғыс сыныхтирға* проверять работу; *үгренчилернің пілістерін сыныхтирға* проверять знания учащихся; *олғанни кўннің сыныхтирға кирек* ребенка следует контролировать каждый день; 2) обследовать; *ағырығ кізіні сыныхтирға* обследовать больного; *харах сыныхтирға* обследовать зрение³. Как видим, в значении глагола *сыныхта* содержится лишь два лексико-семантических варианта (ЛСВ). Зрительное восприятие и умственный процесс субъекта концентрируются на объекте наблюдения. Таким образом, семантика данного глагола дифференцируется в объектном отношении. В качестве объекта контроля (проверки) могут выступать различные аспекты человеческой жизни, природных явлений и действительности, в частности, проделанная работа, поведение, действия человека, состояния живой и неживой природы и т. д. В целом же разнообразие предметов, действий и явлений, подвергающихся контролю (проверке), не поддается какой-либо классификации, о чем свидетельствуют примеры: *Прай ниме тимде пу кўнге: техника хатап-хатап сыныхталды* (Тс, 45) – К сегодняшнему дню все готово: техника вновь и вновь проверялась. *Олар кўннің сай пістің тоғызыбысты сыныхтапчалар* (Хч, 6) – Они каждый день контролируют нашу работу. *Піс аал орамаларынча чөрчөбіс, аалның көрімін сыныхтапчабыс* (Хч, 5) – Мы ходим по сельским улицам, проверяем вид села. *Аның чооғын истіп, пастых столзар чығанахти одырыбызып, Ориссер сыныхти көрген* (О, 23) – Слушая ее рассказ, начальник, облокотившись о стол, испытующе смотрел на Орис. *Тың на сыныхтабаза, өөн слонға уға төйй полған* (По, 122) – Если особо не присматриваться, то он был очень похож на настоящего слона. *Олох туста оларға мылтыхтарны паза азых-тўлўктерін ханча халғанын сыныхтирға чыхыглапча* (Мт, 34) – В то же время он приказывает проверить ружья и запасы продуктов.

В Хакасско-русском словаре представлен также фонетический вариант глагола *сыныхта* – *сынчыхтирға /сынчыхта/* проверять, контролировать; ср. *сыныхтирға*⁴. Однако при полном совпадении толкований этих глаголов второй используется редко, и нами не зафиксировано ни одного примера на его употребление в речи.

По признаку «концентрация умственных усилий на объекте зрительного наблюдения» глаголу *сыныхта* близок также глагол *сына* в ЛСВ1. В Хакасско-русском словаре его значение представлено таким образом: *сынирға /сына/* 1) испытывать кого-л., что-л.; пробовать что-л. сделать; *кўс сынирға* испытывать силу (чаще о молодых); *наа машина сынирға* испытывать новую машину; *саналығ чөрерге сынап көрерге* попробовать учиться ходить на лыжах; *сынап көрерге* попытаться; *айран сынап көрерге* попробовать айран; 2) присматриваться, приглядываться к кому-л., к чему-л. (с недоверием и т. п.); критиковать, *сынни көрерге* смотреть осуждающе, критически (с недоверием); *кізіні тиктең сынабачаң* не полагается так просто осуждать человека; *тоғыста мині сынапчалар* на работе ко мне приглядываются; *орындағы устағчыларның тоғыстарын сынирға* критиковать работу местных руководителей⁵.

Примеры: *Аны піліп алар үчўн, пу хоосты хати сыни көрерге кирек* (Хч, 7) – Чтоб это понять, эту картину надо снова смотреть испытующе. *Ипчизи кир килгенде, Хароол узупчатхан позы тон алтынаң ипчизин сынаан* (Хп) – Когда зашла жена, якобы спящий Хароол из-под шубы следил за ней.

Глаголы *сыныхта*, *сынчыхта* и *сына* образованы от корня *сын* «правда, истина», возможно, его семантика мотивирует ту негласную общечеловеческую норму, отклонение от которой фиксируется в обозначении производных от него глаголов. Следует также отметить, что данные лексемы имеют общетюркское происхождение. Глагол же *сына* с аналогичным хакасскому значению зафиксирован в известном Словаре Махмуда Кашгарского: *синā* «испытывать». *ўл ўанй синāдй* «он испытал его (на что-либо)». [Форма настоящее-будущего времени и отглагольное имя: *синār, синāmāk*]⁶.

Сопутствующий мыслительной деятельности признак контроля (проверки) содержится также в семантике фразеосочетания *хайыгда тударға* «держат на контроле». В отличие от вышеописанных глаголов в семантике данного фразеосочетания доминирует сема постоянства действия контроля, которая часто эксплицируется соответствующими наречиями времени. Примеры: *Чазы тоғыстарын агроном оол төреміл хайыгда тутча* – Молодой агроном постоянно держит на контроле полевые работы. *Тарынмаңар, че сірерге палаларның үгренізін хачан даа хайыгда тударға кирек* – Вы не обижайтесь, но вам всегда нужно держать на контроле учебу детей.

Таким образом, нами выявлены и описаны глаголы со значением контроля (проверки) в хакасском языке: *сыныхта*, *сынчыхта* и *сына*, а также фразеосочетание *хайыгда тударға* «держат на контроле», которые объединены инвариантной семой «концентрация умственных усилий на объекте зрительного наблюдения». Следует отметить, что семантика этих глагольных лексем сложна, поскольку в ней накладываются друг на друга такие дифференциальные семы, как «зрительное восприятие», «знание общепринятых норм», «умственная концентрация», «обработка полученной информации»,

«выявление отклонений от нормы», «исключение отклонений от нормы в дальнейшем». Семантика глаголов со значением контроля (проверки) предполагает также обязательного присутствия активного субъекта и объекта контроля.

Примечания

1. Саналова Б. Б. Глаголы мыслительной деятельности в алтайском языке (в сопоставлении с киргизским языком). – Горно-Алтайск, 2007. – 167 с.
2. Булыгина Т. В. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М., 1989. – С. 31.
3. Хакасско-русский словарь. – Новосибирск, 2006. – С. 555.
4. Там же. – С. 554.
5. Там же. – С. 554.
6. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат-ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. – Алматы, 2005. – С. 947.

А. С. Кызласов

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ХАКАССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В статье говорится о некоторых моментах формирования хакасского литературного языка. Рассматриваются вопросы создания хакасского алфавита, словотворчества, выработки орфографических норм. Были использованы материалы ученых, которые вели исследования по вышеназванной теме.

In the article it is told about some moments of formation of the Khakass literary language. Creation questions of the Khakass alphabet, word creation, development of orthographical norms are under consideration. Materials of scholars, who had carried out researches on the above-mentioned theme, were used.

Периодом становления и формирования хакасского литературного языка мы считаем 20–30 гг. XX в., когда были написаны и изданы первые учебники, художественные произведения на хакасском языке, создана национальная газета «Хызыл аал», сделаны первые шаги в разработке орфографических норм.

До этого описанием и изучением хакасского языка и его диалектов начали заниматься еще в середине XIX в. Такая работа велась в плане собирания эмпирического материала по отдельным хакасским наречиям изолированно друг от друга.

Известные представители российской тюркологии М. А. Кастрен, В. В. Радлов, В. В. Вербицкий, Н. Ф. Катанов и другие в своих работах в основном обходились без теоретических обобщений и без отношения изучаемых хакасских диалектов к истории хакасского народа. Это стало возможным только после Великой Октябрьской социалистической революции¹.

Особый след в изучении хакасских наречий и других языков Саяно-Алтайского нагорья оставили ученые-миссионеры. Они ставили перед собой практические задачи освоения языков населения Сибири. Миссионеры добились определенных успехов в изучении хакасских и других алтайских наречий. Изучение ими местных языков имело практическую направленность – вовлечение хакасов и других народов в христианство. В качестве заслуги миссионеров следует указать то, что они предприняли первую попытку создания хакасского алфавита и хакасской письменности. Однако такие разработки были нужны только для издания церковных книг и преподавания основ христианской религии в церковных начальных школах. Миссионеры за время пребывания на Алтае издали определенное количество книг и в том числе несколько книг на диалектах хакасского языка².

В конце XIX в. В. В. Радлов издал серию книг под названием «Образцы народной литературы тюркских племен», и во втором томе этой серии (1868 г.) были опубликованы сагайские, качинские, койбальские, бельтырские и кызыльские тексты.

Работу по сбору и опубликованию хакасских диалектных материалов в этой же серии продолжил Н. Ф. Катанов. Им было осуществлено несколько научных экспедиций в Хакасию и сопредельные регионы, где были собраны лингвистические, этнографические, фольклорные материалы. Они были опубликованы в вышеупомянутой серии в IX томе. В них мы находим записи наречий качинцев, койбал,

бельтыров и сагайцев. Эти записи отличаются относительно точной передачей фонетических особенностей описанных наречий. Они представляют собой весьма ценный фактический материал, относящийся к середине и концу XIX в.³

Записи Н. Ф. Катанова позволяют нам узнать об истории отдельных слов и некоторых грамматических норм. Им отмечены долготы, теперь исчезнувшие из языка, аффикс направительного падежа пишется через дефис, очевидно, Н. Ф. Катанов считал его послелогом, и др.⁴. Опубликованные записи В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова вызывают интерес тем, что в них дается обширный материал по хакасскому фольклору и этнографии.

Дореволюционные попытки создания письменности не увенчались успехом. Хотя было издано некоторое количество книг на хакасском языке, но они не дошли до народных масс, хакасский народ в большинстве своем оставался неграмотным. До создания своей письменности хакасы обучались в церковно-приходских школах, где преподавание велось на русском языке. Они вынуждены были научиться говорить на русском языке, а затем изучать другие предметы школьного образования.

Как пишет А. Л. Артеменко, инициатива создания хакасской письменности исходила от отдела по делам национальностей Минусинского исполнительного уездного комитета. Образованные при нем инородческий и литературно-издательский подотделы уже в 1921 г. начали проводить подготовительную работу по изданию букварей, книг и газеты на хакасском языке⁵.

Созданный проект по созданию хакасской письменности хотя и получил одобрение на конференциях с участием хакасских культпросветработников в июне–июле 1922 г., но окончательное решение вопроса о создании письменности для хакасов было отложено до 1924 г. Очевидно, это связано с борьбой, которая развернулась между сторонниками и противниками латинизации алфавитов нерусских народностей⁶.

Таким образом, работа комиссии по созданию хакасской письменности была плодотворной, т. е. к началу ноября 1924 г. был составлен алфавит на основе русской графики. Комиссия доложила об этом первому хакасскому съезду Советов⁷.

Алфавит, составленный членами комиссии, заметно отличался от алфавита прежних составителей. В нем было меньше сложных знаков для обозначения специфических звуков хакасского языка. Он состоял из 35 букв, 25 из них предназначались для обозначения звуков хакасского языка и 10 букв – для обозначения звуков в заимствованных словах из русского языка⁸.

Непосредственно сталкиваясь с трудностями составления первых учебников и учебных пособий, комиссия успешно справилась с заданием создания письменности для хакасского народа. Были подготовлены рукописи учебников и представлены для издания в Центральное книжное издательство народов СССР. Стараниями первых авторов учебников К. С. Тодышева, А. Т. Казанаква, К. К. Самрина и других были выпущены в свет первые тиражи книг для начального обучения хакасскому языку в 1926 г.

Большой всплеск словотворчества в хакасском языке мы наблюдаем в годы перехода на новый алфавит. Так, «7 августа 1929 года Президиумом ЦИК СССР и СНК СССР было принято постановление о введении нового латинизированного алфавита для многих народов СССР. В этом же году существовавший хакасский алфавит с русской графикой был заменен латинизированным алфавитом, разработанным Всесоюзным Центральным Комитетом нового алфавита в Москве»⁹. Внедрение нового алфавита послужило катализатором в деле обсуждения и дискуссий по вопросам орфографии и терминологии хакасского языка. Для урегулирования вопросов словотворчества и терминообразования в 1932 г. была создана областная терминологическая комиссия. В задачу терминкома входило обсуждение и введение новых терминов и слов в лексику хакасского языка. Списки неологизмов публиковались в газете «Хызыл аал». Например: *реальность – сынныг, хвостист – хузурухчы, господин – пазыныгычы, привет – алгаг, чувство – ойаныс, чувствительный – ойанах* и др («Хызыл аал» газета. 1932. № 24).

Как отмечают исследователи хакасского языка, латиница не получила ожидаемой популярности среди хакасского населения, трудно внедрялась в практику школьного преподавания, и потому хакасский алфавит, основанный на латинской графике, просуществовал недолго. В 1939 г. снова был осуществлен обратный переход на прежний алфавит на основе русской графики. И это способствовало дальнейшему развитию хакасского литературного языка, усвоению русского языка как языка межнационального общения с другими народами. Такие же аналогичные процессы наблюдались и в алтайской среде¹⁰.

Вопросы орфографии в каждом конкретном языке имели свои специфические особенности. Выработка орфографических норм в отдельно взятом языке носила сложный характер, в процессе накопле-

ния определенного опыта в этом деле происходило формирование основных положений орфографии. Хакасская орфография прошла неоднозначный путь своего развития. Примерно такие же перипетии можно увидеть и в становлении орфографии якутского языка¹¹. Хакасский литературный язык в ходе своего развития неоднократно подвергался определенным изменениям. Это прежде всего касается формирования основ современной орфографии. В ней накоплены результаты усилий многих поколений деятелей культурного, языкового строительства.

Авторы первых школьных учебников и пособий старались обратить внимание на правописание аффиксов и долгих гласных в словах, а также и на другие вопросы орфографии. Для своевременного решения проблем орфографии в те годы привлекались литературно-переводческая коллегия и терминологическая комиссия, которые оперативно разрабатывали вопросы языкового строительства. Так, например, по решению литературно-переводческой коллегии с 1928 г. долгие гласные в письменной форме стали обозначать двумя одинаковыми буквами. Некоторые проблемы языкового развития находили свое решение непосредственно через публикации в газете «Хызыл аал» (теперь «Хабар»). Возьмем, к примеру, решение Президиума Хакасского областного комитета по вопросам орфографии (1936 г. № 684, 13–14 октября), в котором рассматривались три вопроса: 1) правописание сложных слов; 2) оформление в письменной форме процесса преобразования глухих согласных в звонкие в словах типа: *нас – назы, кип – кибі, ат – ады* и т. д.; 3) равноправное использование в устной и письменной форме литературного языка (в полной и краткой форме) слов такого типа: *пöрик – пöригі, пöриш, хамах – хамагы, хамаа, көнек – көнегі, көнее* и др.¹² Эти принятые литературные нормы закрепились в современной орфографии хакасского языка.

Исследуя вопросы становления литературных норм, следует отметить важную роль первой языковедческой конференции (25–29 августа 1936 г.), на котором были подняты вопросы орфографии (доклад К. К. Самрина). Кратко рассмотрим решения упомянутой конференции.

Одним из основных обсуждаемых вопросов в работе конференции было обсуждение формирования терминологии хакасского языка. В материалах конференции констатируется факт того, что терминологическая работа носит характер стихийности и самотека, нередко страдая уклонами в сторону великодержавного шовинизма, когда языку угрожает явная опасность оказаться в плену иноязычных слов, например: *выражатъ после отпуска, до минимума, замечание, за ложность, стальлыг, испытаний* (газета «Хызыл аал» № 108 от 10.12.1932 г.), *столовай, столовка* и др.; то в сторону местного национализма, например: *ССРП* вместо *СССР*, *пис чыллыг* вместо *пятилетка*, *кичкэр* вместо *октябрь*, *сабысчы* вместо *ударник*, *уйа* вместо *ячейка* и т. д.¹³

Таким образом, в 1930-е гг. в языке мы наблюдаем активное словотворчество. В то же время появились перегибы в решении вопросов развития литературного языка. Авторы учебников стремились переводить и заменять русские слова и термины хакасскими, в отдельных случаях даже не хакасскими (например, слово *книга* заменяли словом *китан*). Часть слов и терминов, искусственно созданных путем калькирования и другими способами, в последующие годы не смогла закрепиться в языке, вышла из употребления¹⁴.

Для создания единых норм литературного языка в упомянутые годы проводилась целенаправленная работа, были выработаны принципиальные установки.

Русские слова, принимаемые в хакасский язык, брались в их корнях, подчиняясь законам артикуляции хакасского языка, например: *кэрэсин, социализым, копираца* и т. д.

Помимо вышеуказанных, образование новых терминов производилось также на основе слов хакасского языка, примеры: *аргыстас – товарищество, имнэгчи – врач, имчи – аптекарь, үгрэнчи – ученик, үгретчи – учитель* и др.

Предлагалось прибегать и к передаче новых понятий посредством сложных слов из двух корней, например: *азрал тура, имнег тура* и др. Помимо этого, при употреблении новых терминов первое время следовало избегать искусственно сокращенных слов, затрудняющих понимание их носителями языка.

По итогам работы в области языкового строительства первая языковедческая конференция 1936 г. установила основные принципы орфографии и наметила дальнейшие пути ее унификации. Ведущими признаны фонетический и морфологический принципы письма. Также она систематизировала и опубликовала свод орфографических правил. Была введена, к примеру, «мягкая» (сингармоничная) пара гласного аффикса *-ча*. Предлагалось писать *килче, көрче*, а не *килча, көрча*, как это делалось до конференции¹⁵.

Вышеназванные и другие установки и решения по унификации орфографии хакасского языка способствовали выработке основных положений хакасской орфографии, в ее основу был положен фонемно-морфологический принцип.

По итогам конференции Президиум Хакасского исполнительного областного комитета (13–14 октября 1936 г.) утвердил резолюцию первой областной языковедческой конференции по вопросам терминологии, орфографии и алфавита¹⁶.

Впоследствии по материалам языковедческой конференции в 1939 г. была опубликована первая орфография хакасского языка. Ее подготовил А. Т. Казанакон¹⁷. Эта работа, несмотря на отсутствие хакасских букв *и* и *х*, явилась первым опытом установления орфографических норм и вполне соответствовала тому уровню развития литературного языка. Она послужила хорошим подспорьем в деле подготовки последующих орфографий хакасского языка.

Через некоторое время после выхода в свет первой орфографии хакасского языка возникла необходимость подготовить и опубликовать обновленный свод орфографических правил. Такую работу провели члены сектора языка Хакасского НИИЯЛИ под руководством Ф. Г. Исхакова.

В предисловии авторы пишут, что составление нового текста орфографии было вызвано настоятельной потребностью жизненной практики в установлении единого орфографического режима в хакасской письменности¹⁸. Первый свод орфографических правил, принятый в 1939 г., был разработан с некоторой поспешностью, поэтому ряд вопросов правописания тогда был оставлен неразрешенным. Поэтому существовал орфографический разнобой в написании слов. В новом тексте орфографии были исправлены недостатки прежнего текста: неясные моменты уточнены, введены дополнительно новые правила.

Новым во вновь созданной орфографии было введение в алфавит двух дополнительных букв для обозначения специфических звуков хакасского языка: *г* (г перечеркнутое) и *ч* (ч с седилем). Такое нововведение диктовалось жизненной практикой и педагогическими соображениями.

В работе были установлены основные положения алфавита и фонетико-морфологический принцип орфографии хакасского литературного языка. В ней наиболее подробно расписаны орфография гласных, их изменения, орфография согласных, озвончение и выпадение глухих, звонких согласных, стечение согласных в одном слоге, установлены правописание отдельных слов, правила аффиксации, правописание заглавных и строчных букв.

В целом по орфографии хакасского языка 1947 г. следует сказать, что она прошла тщательную научную экспертизу на уровне тюркского сектора Института языка и мышления Академии наук СССР, где была обсуждена на заседании сектора с участием ведущих тюркологов страны и хакасских языковедов, аспирантов. Такое живое обсуждение дало возможность сделать значительный шаг вперед по усовершенствованию орфографии хакасского языка. По итогам обсуждения было принято решение обозначать специфические звуки *ч* и *г* специальными буквами: глубокозаднеязычный *г* писать буквою перечеркнутой *г*, а *дж* – буквою *ч* с хвостиком – *ч*.

В этой орфографии для специфических фонем хакасского литературного языка были добавлены к буквам русского алфавита шесть букв: *і, нь, ъ, ѣ, з*. Эти специфические буквы употребляются для передачи тех фонем, которые встречаются в словах собственно хакасских и заимствованных из других тюрко-татарских языков, например: *кізі* «человек», *тань* «заря», *кўмўс* «серебро», *көзө* «сук».

Для формирования хакасского литературного языка основной диалектной базой признаны качинский и сагайский диалекты, так как они на то время являлись ведущими диалектами. Отмечалось, что только в необходимых случаях следует учитывать грамматические особенности и других диалектов – кызыльского и шорского.

Основным принципом орфографии утвердили фонетико-морфологический принцип, где все правила орфографии строятся на основе учета слов и терминов, употребляемых в современном языке. При этом учитывались тенденции дальнейшего развития хакасского языка. В некоторых моментах рекомендовалось принимать во внимание те или иные грамматические формы, в том числе и на основе учета фонетических, морфологических, исторических и графических особенностей русских и интернациональных лексем, вошедших в хакасский язык.

Процесс совершенствования орфографии хакасского языка продолжался в системном порядке. Так, в 1953 г. были внесены изменения: новые буквы алфавита были поставлены рядом с похожими им буквами: *и, і, о, ъ, у, ѣ, г, ғ, н, нь, ч, ч*. Это позволило учащимся лучше усваивать программный материал по хакасскому языку. В 1962 г. написание буквы *нь* изменено на букву *н*.

Через 26 лет понадобилось внести изменения в орфографию, так как за это время была выпущена научная грамматика хакасского языка, исследована определенная часть разделов языка. Системным образом изучался хакасский язык в школе и в высшем учебном заведении, выпускалась художественная литература. Опубликованная литература способствовала обновлению орфографии.

Были внесены некоторые изменения. Так, букву *я* было рекомендовано писать только в начале слова, например: *яңыс, ярхыла*¹⁶. В середине и в конце слова не следует писать букву *я*, фонемы *й* и *а* следует отмечать буквами *й* и *а*. Такое правило полезно при морфологическом разборе слов. К примеру, по старому правилу слова *аях, хая, сая* писались через букву *я*. По новому правилу следует писать *айах, хайа, сайа*. Такое написание выделяет корень и аффиксы.

Слова, заимствованные из русского языка, оканчивающиеся на фонемы *ф, ц, ш*, при спряжении в притяжательной форме следует писать так: *шкаф – шкавым, перец – перезим, карандаш – карандажым*.

Несколько изменилось правописание долгих гласных в некоторых формах. В аффиксах *-аачы, -еечі*, образующих прилагательные, и в аффиксах *-ааң, -ааңар*, образующих понудительное наклонение в первом лице, долгие гласные всегда пишутся с двумя буквами, независимо от того, основа слова оканчивается на гласный или согласный звуки: *ойна – ойнаачы, ойнааң, малхат – малхадаачы, малхадааң* (§§ 34, 35).

При использовании некоторых правил дается предостережение. Например, в разделе «Изменение гласных» говорится: в конце слова гласные звуки преобразуются на звук *и*, звук *и* в речи произносится долго, но в письме пишется одной буквой. Поэтому в словах *тi, чi*, когда звук *i* преобразуется в звук *и*, следует придерживаться единых правил, писать следует так: *чi – чир, чирге* и др (§§ 41–43)¹⁹.

О необходимости совершенствования существующего алфавита и орфографии хакасского языка критично высказался профессор В. Г. Карпов. По его мнению, написание йотированных гласных *а, о, э* двумя буквами *йа, йо, йэ* усложнило усвоение правописания слов с йотированными гласными, т. е. желаемой унификации не получилось и сохранилось прежнее, но менее понятное двоякое обозначение этих звуков: двумя буквами предписывается писать только *йа, йо, йэ* и только в середине исконно хакасских слов. Для йотированного *у (йу)* сохраняется буква *ю (туюх, хуюн)*, в начале исконных и в любой позиции всех заимствованных словах используются буквы *я, е, ё*. Логичным было бы вернуться к прежним правилам, которые, по мнению учителей, были достаточно понятными и поэтому более удобными для усвоения. Также есть необходимость изменить правописание долгих гласных. По мнению В. Г. Карпова, «все случаи обозначения долгих гласных двойной буквой могут быть объединены в единое целое фонемно-фонетическим принципом. Одной буквой должны обозначаться только те долгие гласные, которые возникают в зависимости от позиции в слове, под влиянием соседних звуков». Он изложил свою точку зрения и по другим разделам современной орфографии, высказал мнение, что все разделы орфографии нуждаются в более обобщенном и компактном изложении²⁰.

Основы орфографии хакасского языка в основном устоялись. Правила орфографии, апробированные в образовательном процессе, в настоящее время у обучающихся языку не вызывают затруднений в использовании правописания слов. Орфография тесно связана с развитием языка, с социально-экономическими процессами в обществе. Таким образом, вопросы орфографии настолько будут понятными, и не будут нарушаться принятые правила, насколько она будет полезна в расширении образования подрастающего поколения, повышении его культурного уровня.

Примечания

1. Баскаков Н. А. К истории изучения хакасского языка // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. Вып. II. – Абакан, 1951. – С. 96.
2. Беседы готовящегося к святому крещению об истинном боге и истинной вере (на наречии абаканских инородцев). – Томск, 1893; Житие и страдания священномучеников Куприяна и Иустины (на наречии абаканских инородцев). – Томск, 1899.
3. Баскаков Н. А. К истории изучения хакасского языка ... С. 91–92.
4. Инкижекова А. И. К истории развития хакасской письменности // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. Вып. II. – Абакан, 1951. – С. 125.
5. Артеменко А. Л. Начало создания хакасской письменности // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. Вып. XII. – Абакан, 1966. – С. 141.
6. Там же. – С. 144.
7. Патачаков К. М. К истории создания хакасской письменности // Уч. записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XII. С. 149.
8. Там же. – С. 149.
9. Боргояков М. И. Письменность и литературный хакасский язык // 40 лет хакасской письменности. Материалы научной конференции. – Абакан, 1967. – С. 18–29.
10. Алмадакова Н. Д. Система письма тюркских языков Южной Сибири: история и современное состояние // Хакасский этнос на рубеже XX–XXI веков: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (27–28 сентября 2013 г.). – Абакан, 2013. – С. 28–31.
11. Слепцов П. А. Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск, 1990. – С. 15.

12. Патачакова Д. Ф., Чанков Д. И. Орфография хакасского языка. – Абакан, 1988. – С. 6.
13. Государственный архив Республики Хакасия (ГАРХ). Ф. 39. Оп. 1. Д. 268. Л. 1.
14. Боргояков М. И. Письменность и литературный хакасский язык // 40 лет хакасской письменности. – Абакан, 1967. – С. 23.
15. Патачакова Д. Ф. Установление орфографических норм хакасского языка // 40 лет хакасской письменности. – Абакан, 1967. – С. 33–34.
16. ГАРХ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 268. Л. 50.
17. Казанакон А. Т. Хакасской литературной тілнїнь орфографиязы. – Абакан, 1939. – 23 с.
18. Орфография хакасского литературного языка. – Абакан, 1947. – 48 с.
19. Патачакова Д. Ф., Чанков Д. И. Орфография хакасского языка. – Абакан, 1988. – С. 189.
20. Карпов В. Г. Возможные пути совершенствования алфавита и орфографии хакасского языка // Summa summarum: В. Г. Карпов. К 80-летию со дня рождения и 60-летию научно-педагогической деятельности / Сост. И. П. Амзаракова, В. В. Миндибекова; отв. ред. Т. Г. Боргоякова. – Абакан, 2007. – С. 70–80.

И. М. Чебочакова

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОИЗВОДЯЩИХ ОСНОВ ИМЕН С АФФИКСОМ =ЫГ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

В современном хакасском языке имеются два словообразовательных аффикса, которые формируют существительные, называющие опредмеченное действие =ыс и ыг. В структурно-семантических особенностях имен, построенных при помощи аффикса =ыг, в хакасском языке оказываются задействованными залоговые показатели – =т, =дыр, =ыс, =ыс=тыр, =ыл.

In the modern Khakass language there are two word formation affixes which form nouns calling a subjectified action = ыс and ыг. In the Khakass language genus markers =т, =дыр, =ыс, =ыс, =тыр, =ыл are used in structural-semantic peculiarities of names formed with the help of affix =ыг.

Слова, передающие значение опредмеченного действия, принято называть именами действия. И. А. Мельчук вслед за О. Есперсеном и Е. Куриловичем считает, что «глагол является базовым, первичным способом обозначения предикатов (в семантическом смысле), т. е. действий, состояний, отношений, процессов; существительные же – имена действия – в этой роли вторичны: они представляют собой «сжатие» – номинализацию – целых предложений»¹.

В современном хакасском языке имеются два словообразовательных аффикса, которые формируют существительные, называющие опредмеченное действие. Это аффиксы =ыс и =ыг. Статья посвящена рассмотрению структурно-семантических особенностей имен, построенных при помощи аффикса =ыг, в хакасском языке.

Авторы «Грамматики алтайского языка» отмечали следующее об этом аффиксе: «Отглагольное имя действия производится от корня глагола через приставку у ... причем, если корень глагола оканчивается на гласную, то гласная сама изменяется в это у: ...ууры болеть, ууру болезнь...»²

Как пишет А. Н. Кононов, в древнетюркском языке производные слова с аффиксом =йү, к которому восходят хакасский показатель =ыг и якутский =ыы, обозначали следующее: 1) название акта, процесса: *bilig* 'знание'; 2) результат действия: *bitig* 'письмо'; 3) объект действия: *kapıy* 'ворота'; 4) действующее лицо, субъект действия: *körüg* 'соглядатай', 5) место действия: *keçig* 'переправа', 6) орудие действия: *sünjüg* 'копье'³. О. Н. Бетлингк делает вывод на основе анализа аппелятивов, что «он раньше образовывал также имя деятеля и имена, обозначающие орудие действия: *ärđi* 'весло' от *ärt*='грести веслом', *ärbı* 'пила' от *ärbıä*='пилить'...»⁴

Д. Ф. Патачакова, исследовавшая проблемы словообразования в хакасском языке, отмечает, что «аффикс =ыг образует имена действия или признака в их отвлеченном понимании... От глаголов действия и движения образуются имена действия, от глаголов состояния и чувственного восприятия – имена признака»⁵.

Анализ единиц с показателем =ыг показал, что среди них выделяется относительно небольшая группа слов с конкретно-предметным значением, они обозначают предметы, используемые в традиционной культуре и хозяйстве. Это позволяет говорить о древности подобных слов. Приведем примеры: *чилбег* уст. 'опахало, веер' (*чилбе*='обмахивать'), *позыг* 'гвоздь', *чарыг* 'вид сыромятной кожи', *хурчаг* 'волосные арканы для укрепления войлочных покрышек юрты' (*хурча*='опоясывать'). В настоящее время =ыг используется для образования слов с абстрактной семантикой.

Наблюдается следующее соотношение по мотивирующим основам: среди них преобладают переходные основы четырех видов: 1) не осложненные залоговыми показателями (117 слов), 2) осложненные одним показателем понудительного залога (21 слово), 3) осложненные показателями двух залогов (возвратного и понудительного) (2 слова), 4) осложненные двумя показателями залогов (совместного и понудительного) (9 слов). Приведем примеры.

1. Не осложненные залоговыми показателями

Пораг 'смешивание, смешение, смесь' (*пора*= 'смешивать'), *идіг* 'толкотня, толкание, отталкивание' (*ит*= 'толкать'), *иліг* 'кропление (духам)' (*ил*= 'кропить духам водкой'), *істег* 'преследование' (*істе*= 'преследование'), *өртег* 'поджог' (*өрте*= 'поджигать'), *үгредіг* 'учеба, обучение, образование' (*үгрет*= 'учить'), *үдезіг* 'провода' (*үдес*= 'провождать'), *үзүріг* 'обсуждение' (*үзир*= 'обсуждать'), *үлег* 'разливание вина, раздача' (*үле*= 'раздавать'), *аблаг* 'нападение, окружение, облава' (*абла*= 'нападать, окружать'), *адаг* 'процесс называния' (*ада*= 'называть'), *азыраг* 'кормление, питание' (*азыра*= 'кормить'), *айаг* 'жалость' (*айа*= 'жалеть'), *алдаг* 'утешение, уговаривание' (*алда*= 'уговаривать, утешать'), *амзаг* 'небольшой глоток, проба, дегустация' (*амза*= 'пробовать'), *аныг* 'приобретение' (*аны*= 'добывать'), *антаг* 'чародейство, колдовство' (*анта*= 'околдовать, заворожить'), *арачылаг* 'защита, оборона' (*арачыла*= 'охранять'), *ахтаг* 'оправдание' (*ахта*= 'оправдать, обелять'), *ибіріг* 'поминки' (*ибір*= 'обходить, кружить'), *идіг* 'действие' (*ит*= 'делать'), *имнег* 'лечение' (*имне*= 'лечить'), *иптег* 'приспособление, налаживание' (*ипте*= 'налаживать, делать так, как надо'), *иреелег* 'мука, мучение, страдание' (*ирееле*= 'мучать, заставляя страдать'), *көліг* 'запряжка' (*көл*= 'запрягать'), *көстег* 'план' (*көсте*= 'нацеливать'), *күзег* 'ночная пастьба лошадей' (*күзе*= 'пасти лошадей в ночь'), *күстег* 'принуждение, насилие' (*күсте*= 'принуждать, вынуждать'), *китег* 'подсматривание, выслеживание' (*ките*= 'высматривать, следить, подглядывать'), *ніндіг* 'обыск' (*нінді*= 'обыскивать, производить обыск'), *орнаг* 'обмен' (*орна*= 'менять'), *пазыг* 'давление, прижимание, гнет, эксплуатация' (*пас*= 'давить, эксплуатировать'), *көдіріг* 'подъем, поднятие, взвешивание' (*көдір*= 'поднимать'), *көзідіг* 'показ, выставка', (*көзіт*= 'показывать'), *нандырыг* 'ответ' (*нандыр*= 'отвечать'), *пастаг* 'начинание, почин, инициатива' (*паста*= 'начинать').

2. Осложненные одним показателем понудительного залога

Агызыг 'наливание' (*агыс*= 1) 'уносить водой', 2) 'наливать', *ах*= 1) 'течь, протекать, литься', 2) 'плыть', 3) 'уноситься течением', 'двигаться (массами), валить'), *алдырыг* 'вызов' (*алдыр*= 'заставлять брать', *ал*= 'брать'), *индіріг* 'сплав (леса)' (*индір*= 'сплавлять, спускать', *ин*= 'спускаться'), *искіріг* 'сообщение' (*искір*= 'сообщать', *ис*= 'слушать'), *нілдіріг* 'признак' (*нілдір*= 'дать знать', *ніл*= 1) 'знать, осознавать, понимать', 2) 'знать, узнавать, разузнавать', 3) 'знать, обладать знаниями, иметь понятие о ком-л., чем-л.', 4) 'уметь, знать, как делать что-л.', 5) 'знать, быть знакомым с кем-л.)), *позыдыг* 1) 'освобождение', 2) 'опорожнение', 3) 'ослабление' (*позыт*= 1) 'освободить, отпускать', 2) 'опорожнять', 3) 'ослабить', 4) 'запускать', *позы*= 1) 'освободиться', 2) 'опорожниться', 3) 'ослабевать', 4) 'отвязываться, уйти (о животном)', *түзедіг* 1) 'поправка, исправление', 2) 'выравнивание' (*түзет*= 1) 'исправлять, поправлять', 2) 'выпрямлять, выравнивать'), *толдырыг* 1) 'исполнение', 2) 'дополнение' (*толдыр*= 1) 'выполнять', 2) 'наполнять', 3) 'исполниться', *тол*= 1) 'наполняться, становиться полным, занятым', 2) 'наполняться, насыщаться', 3) 'выполняться, быть выполненным', 4) 'исполняться', 5) 'осуществляться, исполняться, становиться реальным', 6) 'проникнуть, наполняться', 7) 'становиться полным (о луне)', *хорадыг* 'потеря, убыток' (*хорат*= 'тратить, расходовать (напрасно, без толку)', *хора*= 1) 'уменьшаться, убавляться, убывать', 2) 'расходовать, тратиться', 3) 'гибнуть (о множестве), умереть'), *хурудыг* 'сушка' (*хурут*= 1) 'сушить, высушивать, засушивать', 2) 'осушать', 3) 'опустошать, опорожнять', *хуру*= 1) 'сохнуть, высыхать', 2) 'высыхать, засыхать, погибать (о растениях)', 3) 'черстветь', 4) 'высохнуть, худеть'), *чидіріг* 'потеря, утрата' (*чидір*= 1) 'терять, утрачивать, лишаться', 2) 'терять из виду, переставать видеть', 3) 'терять, утрачивать, лишаться', *чит*= 1) 'теряться, исчезать, пропадать', 2) 'ослабевать, ухудшаться, тускнеть'), *чарадыг* 1) 'постановление, решение', 2) 'разрешение' (*чарат*= 1) 'одобряя, принимать', 2) 'удовлетворять', 3) 'разрешать, позволять', 4) 'решать', *чара*= 1) 'быть впору, подходить по размеру', 2) 'подходить, быть к лицу', 3) 'быть пригодным, годиться', 4) 'решиться'), *чарыдыг* 'пояснение, разъяснение, комментарий' (*чарыт*= 'пояснить, дать комментарий', *чары*= 1) 'светить, светиться', 2) 'прозреть (о детенышах животных)', 3) 'светлеть, про-светлеть'), *хыгыртыг* 1) 'вызов, приглашение', 2) 'созыв' (*хыгырт*= 'вызывать', *хыгыр*= 1) 'звать, приглашать', 2) 'вызывать, приглашать', 3) 'призывать').

3. Осложненные показателями двух залогов (возвратного и понудительного)

Сизиндиріг 'замечания, предупреждения' (*сизиндир*= 'предупреждать', *сизин*= 'догадываться', *сис*= 'чувять'), *изендиріг* 'уверение, обнадеживание' (*изендир*= 1) 'уверять, обнадеживать', 2) 'внушать доверие', *изен*= 'надеяться, верить, доверять, полагаться', глагол представляет собой застывшую форму возвратного залога).

4. Осложненные двумя показателями залогов (совместного и понудительного)

Тицнестіріг 'сравнение' (*тицнестір*= 1) 'сравнивать, сопоставлять', 2) 'равнять, приравнивать', 3) 'равнять, подравнивать, выравнивать', *тицнес*= 'равняться', *тицне*= 1) 'равнять, выравнивать что-л., уравнивать, подравнивать, выравнивать', 2) 'приравнивать, сравнивать'), *алыстырыг* 'изменение' (*алыстыр*= 1) 'менять, заменять, обменивать, сменять', 2) 'изменять', 3) 'перестраивать, реорганизовывать, реконструировать'), *алыс*= 'меняться', *ал*= 1) 'брать, взять', 2) 'брать, принимать', 3) 'брать, получать', 4) 'брать, покупать', 5) 'брать, приносить, привозить', 6) 'брать, взимать', 7) 'вычитать, отнимать'), *ўлестіріг* 'деление, распределение' (*ўлестір*= 'делить, распределять', *ўлес*= 'делиться', *ўле*= 'делить'), *уластырыг* 1) 'надставка (добавленная часть чего-л.)', 2) 'надставка (добавление, прибавление в длину)', 3) 'связывание, соединение', 4) 'продолжение' (*уластыр*= 1) 'надставлять, удлинять, прибавлять в длину (путем надставки, надвязки, связывания концов чего-л.)', 2) 'соединять, связывать', 3) 'продолжать', *ула*= 'надставлять, удлинять, прибавлять в длину'), *таныстырыг* 'ознакомление' (*таныстыр*= 1) 'знакомить', 2) 'различать, отличать', *таныс*= 1) 'знакомиться', 2) 'знакомиться, получать сведения', *таны*= 1) 'узнавать, опознавать, признавать', 2) 'быть знакомым'), *сурастырыг* 'опрос, расспрос' (*сурастыр*= 'расспрашивать', *сурас*= 'расспрашивать, справляться', *сура*= 1) 'спрашивать, осведомляться', 2) 'просить', 3) 'просить, назначать цену', 4) 'просить руки, сватать'), *хыйыстырыг* 'отклонение, нарушение' (*хыйыстыр*= 'раздвигать концы чего-л. в разные стороны, чтобы они не заходили друг за друга', *хыйыс*= 1) 'разойтись, раздвинуться в разные стороны (о соединенных концах чего-л.)', 2) 'разминуться', 3) 'избежать, миновать', 4) 'улизнуть, отстраниться', 5) 'сбиться с пути', *хый*= 'свернуть, перевалить (перейти среднюю черту)').

Непереходные основы задействуются в словообразовании имен действий с аффиксом =ыг в меньшей степени. Так, в картотеке представлено 46 слов с непереходной основой в чистом виде, 24 слова – с показателем совместного залога, 1 слово – с показателем страдательного залога.

1. Не осложненные залоговыми показателями

Ўрег 'ущерб, урон, разорение' (*ўре*= 1) 'становиться старым, ветхим, изнашиваться', 2) 'разоряться, лишаться состояния, становиться бедным', 3) 'умереть'), *агырыг* 'болезнь' (*агыр*= 'болеть'), *астаг* 'голод, недоедание' (*аста*= 'голодать, испытывать чувство голода, недоедать'), *изег* 'зевота' (*изе*= 'зевать'), *изег* 'разрушение' (*изе*= 'разрушать'), *кістег* 'ржание' (*кісте*= 'ржать'), *көбіг* 'опухоль, отек' (*көп*= 1) 'вздуться, вспухать, опухать, отекасть', 2) 'подниматься (о тесте)'), *көйіг* 'горение' (*көй*= 1) 'гореть', 2) 'гореть, быть горячим', 3) 'загораться', 4) 'загорать', 5) 'угорать'), *күўлег* 'гул' (*күўле*= 'гудеть, издавать протяжный звук, гул'), *күстег* 'осенник' (*күсте*= 'проводить осень'), *мүўрег* 'мычание' (*мүўре*= 'мычать'), *маңзыраг* 'спешка' (*маңзыра*= 'торопиться, спешить'), *маргызыг* 'соревнование, состязание' (*маргыс*= 'спорить'), *найнаг* 1) 'подозрение, необоснованное обвинение', 2) 'ропот, упрек' (*найна*= 1) 'подозревать, обвинять напрасно', 2) 'роптать, упрекать, пенять'), *сізіг* 'опухоль, отек' (*сіс*= 1) 'нарывать', 2) 'пухнуть, отекасть', 3) 'вздуть, пучить', 4) 'дуться, сердиться'), *сыбдыраг* 'шелест' (*сыбдыра*= 'шелестеть'), *сыбыраг* 1) 'шепот', 2) 'заговор' (*сыбыра*= 1) 'шептать, нашептывать', 2) 'лечить, заговаривать (болезни), колдовать, наводить болезни, беды'), *сыйыхтаг* 1) 'награждение', 2) 'премирование' (*сыйыхта*=1) 'наградить', 2) 'премировать'), *сырбаг* 1) 'спутывание', 2) 'придирка' (*сырба*= 1) 'запутать, путать, окутать', 2) 'путать, делать соучастником'), *сыхтаг* 'плач, причитание' (*сыхта*= 'плакать, причитать'), *тўлег* 'линька птиц и животных весной' (*тўле*= 'линять'), *тўнег* 1) 'место ночлега (птиц)', 2) 'насед, на который садятся куры на ночь' (*тўне*= 1) 'расположиться на ночлег, спать, дремать (о птицах)', 2) 'спать, дремать, находиться в полусонном состоянии'), *тадыг* 'вкус' (*тады*= 'иметь какой-либо вкус, иметь привкус чего-л.'), *тайыг* 'общественные родовые моления духам гор, рек и неба, сопровождаемые жертвоприношениями' (*тайы*= 'совершать общественное моление духам гор, рек, неба, принося жертвоприношения'), *тохтаг* 1) 'остановка, задержка, простой', 2) 'остановка, стоянка', 3) 'пауза' (*тохта*= 1) 'останавливаться, задерживаться', 2) 'останавливаться, переставать действовать', 3) 'прерываться, прекращаться, приостанавливаться', 4) 'останавливаться, затихать, прекращаться, проходить', 5) 'останавливаться, расположиться, поселиться по приезду'), *улаг* саг. уст. 'подвода' (*ула*= 'надставлять, удлинять, прибавлять в длину'), *хаалаг* 'шаг' (*хаала*= 1) 'шагать, ходить, маршировать',

2) 'переступать, перешагивать'), *хабазыг* 'помощь, поддержка, содействие' (*хабас*= 'помогать, оказывать содействие, подсоблять'), *хайыг* 'забота, внимание' (*хай*= 1) 'заботиться', 2) 'обращать, уделять внимание'), *хыдыраг* 'скрип, хруст' (*хыдыра*= 'скрипеть, хрустеть'), *хыстаг* 1) 'зимовка', 2) 'зимовье, зимник' (*хыста*= 'зимовать'), *хысхырыг* 'крик' (*хысхыр*= 1) 'кричать, шуметь, орать, вопить', 2) 'кричать, ругать, бранить'), *чидиг* 'пропажа, исчезновение, потеря, утрата' (*чим*= 1) 'теряться, исчезать, пропадать', 2) 'ослабевать, ухудшаться, тускнеть'), *чөлег* 1) 'опора, подпорка', 2) 'опора, поддержка, помощь' (*чөле*= 'прислонять, подпирать'), *чабыг* 'заключение' (*чан*= 1) 'закрывать, затворять', 2) 'крыть, покрывать', 3) 'укрывать, укутывать', 4) 'закрывать', 5) 'сажать в тюрьму'), *чайлаг* 'летник' (*чайла*= 'проводить лето'), *частаг* 'весенник' (*часта*= 'проводить весну'), *чуртаг* 'жилище' (*чурта*= 'жить'), *чыргаг* 'наслаждение' (*чырга*= 'наслаждаться').

2. Осложненные показателем совместного залога

Алызыг 1) 'изменение, перемена', 2) 'перестройка' (*алыс*= 'меняться, изменяться'), *аралазыг* 'смешение, вмешательство' (*аралас*= 1) 'смешиваться', 2) 'принимать участие', *арала*= 1) 'примешивать', 2) 'ходить, находиться'), *истезиг* 1) 'исследование', 2) 'расследование', 3) 'обследование, анализ' (*истес*= 1) 'помогать следить, следить друг за другом', 2) 'преследовать кого-л., преследовать друг друга', 3) 'совместно искать, разыскивать', 4) 'вести исследования, изучать', *исте*= 1) 'следить, выслеживать, идти по следу', 2) 'преследовать', 3) 'искать, разыскивать', 4) 'изучать, исследовать'), *килизиг* 'соглашение' (*килис*= 1) 'соглашаться, сходиться', 2) 'ладить, уживаться', 3) 'договариваться, уговариваться', 4) 'идти, годиться, подходить, быть к лицу, соответствовать', 5) 'складываться, формироваться, удаваться, осуществиться, приходиться'), *орназыг* 'обмен, взаимообмен' (*орнас*= 'меняться', *орна*= 'менять'), *пользыг* 'помощь' (*польс*= 'помогать'), *пылазыг* 'отбирание, отнимание' (*пылас*= 'отбирать (друг у друга), отнимать'), *сүризиг* 'погоня, преследование' (*сүрис*= 'гнаться', *сүр*= 'гнать'), *саназыг* 'расчет' (*санас*= 'рассчитываться', *сана*= 'считать'), *суулазыг* 'шум' (*суула*= 'шуметь'), *сыдазыг* 'выносливость, выдержка' (*сыдас*= 'выдерживать', *сыда*= 'терпеть'), *талазыг* 'спор' (*талас*= 'спорить'), *танызыг* 'знакомство' (*таньс*= 'знакомиться', *тань*= 'знать, быть знакомым'), *тогазыг* 'встреча, свидание' (*тогас*= 'встречаться'), *хабызыг* 1) 'соединение, сварка, сцепление', 2) 'борьба, сражение, драка' (*хабыс*= 1) 'соединяться, свариваться, сцепляться', 2) 'драться, хватать друг друга, бороться, сражаться', 3) 'достигать определенного возраста', *хат*= 1) 'брать (хватать, ловить, подхватывать руками)', 2) 'хватать ртом, зубами, кусаться', 3) 'хватать, хвататься за что-л. (в ярости, в гневе)', 4) 'схватить, стащить, украсть', 5) 'уносить, тащить', 6) 'поднимать', 7) 'снимать что-л. с огня', 8) 'зацепиться, задеть'), *хайызыг* 'взаимоотношение, взаимопомощь, взаимное понимание' (*хайыс*= 'оказывать помощь друг другу, заботиться друг о друге, заступаться', *хай*= 1) 'заботиться', 2) 'обращать, уделять внимание, быть внимательным'), *харазыг* 'старание, стремление' (*харас*= 'стараться, стремиться'), *харбазыг* 'схватка, борьба' (*харбас*= 1) 'схватиться друг с другом, бороться', 2) 'состязаться', *харба*= 1) 'брать в пригоршню, хватать руками', 2) 'брать', груб. 'хапать'), *чөнтезиг* 'совет, переговоры, соглашение' (*чөнтес*= 1) 'совещаться, советоваться', 2) 'уговариваться, договариваться, сговариваться', *чөнтө*= 1) 'советовать', 2) 'уговаривать'), *чаалазыг* 'бой, сражение, битва' (*чалалас*= 1) 'сражаться, воевать', 2) 'бросать, кидать друг в друга чем-л.', 3) 'ссориться, ругаться, враждовать', *чаала*= 1) 'вести войну (захватническую), завоевывать', 2) 'бросать, кидать чем-л. в кого-л., что-л.', 3) 'ругать, бранить'), *чаразыг* 'примирение' (*чарас*= 1) 'мириться, соглашаться, примиряться', 2) 'мириться со сватами (одна из частей свадебного обряда: родители жениха идут к родителям невесты с мировой'), *чоохтазыг* 1) 'разговор, беседа, собеседование', 2) 'переговоры' (*чоохтас*= 1) 'разговаривать, беседовать друг с другом', 2) 'дружить (о парне с девушкой)', *чоохта*= 1) 'говорить, рассказывать', 2) 'говорить, свидетельствовать', 3) 'говорить, сообщать, передавать, высказываться').

3. Осложненное показателем страдательного залога: Чыылыг 'собрание' (чыылы= 1) 'собираться').

Если сопоставить числовое соотношение производящих основ по признаку их переходности//непереходности, то число переходных основ составляет 149, число непереходных – 71. Таким образом, переходных основ, участвующих в словообразовании имен с аффиксом =ЫГ, больше в два раза, чем непереходных. Для преобразования непереходных основ в переходные используются показатели пундительного залога. На словообразовательную функцию залоговых показателей указывали многие тюркологи: Э. В. Севортян, Б. А. Серебренников, А. М. Щербак, Н. А. Баскаков и др. Например, А. М. Щербак, говоря о каузативных аффиксах в тюркских языках, отмечал следующее: «Присоединяемые к основе глаголов каузативные аффиксы образуют новые слова»⁶. А. Н. Кононов писал: «Залог – категория формообразования – в отдельных случаях служит и словообразованию; в зависимости от значения исходной основы аффиксы залогов иногда сообщают им (исходным основам) не залоговое, а

новое лексическое значение: *кара=ш=мок* 'смотреть друг на друга', 'помогать' (*кара=мок* 'смотреть'), *тон=иш=мок* 'запираться в чем-л.', 'отказываться' (*тол=мок* 'отрицать')⁷. Э. В. Севортян, рассматривая залоговые в диахронном аспекте, выдвигает предположение о том, что «залоговые в азербайджанском языке исторически скорее категория словообразования, лишь в дальнейшем развившаяся в категорию глагольного формообразования. В своем древнейшем применении залоговые формы смыкаются со словообразовательными аффиксами отыменных глаголов и подобно им нередко образуют глаголы от именных основ»⁸.

Следует отметить, что именно благодаря свойству переходности, направленности действия на какой-либо объект, имена действия с аффиксом *=ыг* реализуют значение результативности, конкретной предметности, локативности. Приведем примеры: *сабыг* 'клин', *чабыг* 'покрышка', *улаг* 'подвода', *пиктег* 'укрепление, закрытие, запирание на замок, замок', *тўнег* 'насед', *кичиг* 'брод', *тирег* 'подпорка', *чадыг* 'покой, место лежания, лежанка', *паалаг* 'оценка', *пўдириг* 'возведение, стройка, строительство, здание', *азыг* 'горный перевал', *тўриг* 'рулон', *чыырыг* 'сборки, складки', *тагыраг* 'шов', *таарыг* 'посев', *хазаг* 'привязь', 'подкова', *кўнктириг* 'упражнение (грамматическое)'.

Таким образом, в словообразовании имен действий с аффиксом *=ыг* оказываются задействованными залоговые показатели, а именно, аффиксы понудительного залога *=т*, *=дыр*, взаимно-совместного *=ыс*, сочетаний *=ыс=тыр* (взаимно-совместного и понудительного), страдательного *=ыл* (1 пример). Аффикс возвратного залога *=ын* не применяется при образовании имен действий с рассматриваемым показателем. В перспективе планируется сравнение рассмотренных имен с существительными с аффиксом *=ыс*, при участии которого в хакасском языке формируются имена действия другого типа.

Примечания

1. Мельчук И. А. К понятию словообразования // Русский язык в модели «Смысл=>Текст». – М.-Вена, 1995. – С. 465.
2. Грамматика алтайского языка, составленная членами Алтайской миссии. – Казань, 1869. – С. 26.
3. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). – Л.
4. Бетлингк О. Н. О языке якутов. – Новосибирск, 1989. – С. 272.
5. Патачакова Д. Ф. Словообразование – активный источник обогащения лексики современного хакасского языка // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XVIII. – С. 25.
6. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). – Л., 1981. – С. 23.
7. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М., 1960. – С. 197.
8. Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. – М., 1962. – С. 550.

З. Е. Каскаракова

НАЗВАНИЯ РАСТЕНИЙ, ЗАИМСТВОВАННЫЕ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА

Данная статья посвящена исследованию фитонимов, заимствованных из русского языка. Названия растений, заимствованные из русского языка, подразделяются на два периода: ранние заимствования, вошедшие в хакасский язык до Октябрьской революции, и поздние заимствования, вошедшие в послереволюционный период.

The article is devoted to the research of phytonyms borrowed from the Russian language. Plant names, borrowed from the Russian language, are divided into two periods: early borrowings which were included into the Khakass language before the October Revolution and late borrowings which were included during the post revolution period.

Взаимодействие хакасского и русского языков представляет собой часть общей этноязыковой ситуации в Республике Хакасия. Длительное взаимодействие языков находит отражение прежде всего в их лексике, как наиболее подвижной и проницаемой части языка. Многочисленные заимствования русизмов, в том числе названия растений, – свидетельство тесных культурных и экономических связей русского народа с хакасским в прошлом и настоящем.

Значительную часть лексики современного хакасского языка составляют заимствования из русского языка, проникавшие в результате многовекового общения хакасов с русскими. Поскольку

это влияние коснулось главным образом быта, хозяйственной жизни, религии, то новые слова также обозначали эти же понятия.

Из тюркских языков Сибири наиболее полно изучены русизмы и вопросы, связанные с передачей новых понятий, в якутском языке благодаря трудам исследователя якутского языкознания П. А. Слепцова¹ и других лексикологов. Изучением процесса заимствования хакасским языком русизмов начали заниматься в 1950–1960-е гг. Научные работы хакасских языковедов Д. Ф. Патачаковой², В. Г. Карпова³ и Д. И. Чанкова⁴ были посвящены исследованию освоения заимствований из русского языка и орфографированию, тематической классификации, систематизации русизмов. Кроме того, профессор В. Г. Карпов проследил процесс заимствования русских терминов хакасским языком начиная с дореволюционного периода по советское время, особое внимание уделяя рассмотрению динамики осваивания слов в дореволюционное время. В последующие годы изучались источники развития и обогащения лексики хакасского языка на примере русских заимствований. В условиях двуязычия происходит интенсивный рост общих элементов в обоих языках.

Основными способами заимствования лексики являются прямое заимствование и калькирование. Слова заимствуются как устно, так и письменно. В основном сохраняется орфографический облик заимствованных слов, возникает проблема орфографирования. Наряду с бытовой лексикой, заимствуются слова, термины, участки терминологии⁵.

Основная причина заимствований – заимствование слова вместе с заимствованием вещи или понятия. По этому поводу С. А. Бурнашева отмечает следующее: «В этом случае заимствованные слова либо проникают в другой язык вместе с заимствованными предметами и понятиями, либо создаются по аналогии с соответствующими словами в другом»⁶. А это, в свою очередь, как справедливо замечают исследователи, зависит не столько от языковых, сколько неязыковых обстоятельств, и в частности, «от того, насколько данная вещь и понятие вошли в материальную и интеллектуальную жизнь общества, в обиход носителей языка»⁷. Например, с появлением у хакасов таких реалий, как *слива, вишня, абрикос, кактус, мак, банан* и многих других, в хакасский язык вошли и их наименования.

Таким образом, названия растений, заимствованные из русского языка, можно разделить на два периода: ранние заимствования, вошедшие в хакасский язык до Октябрьской революции, и поздние заимствования, вошедшие в послереволюционный период.

Большинство русских слов дооктябрьского периода заимствовано в хакасский язык вместе с самими предметами и вещами. Они, как и другие слова, подчинялись действующим в языке законам артикуляции, оформлялись соответственно их произносительной форме с учетом фонетических особенностей хакасского языка.

Заимствованные названия растений дооктябрьского периода под влиянием устной речи претерпели значительные фонетические изменения в хакасском языке. Фонетическая переделка обуславливается большими различиями звуковых систем этих языков. К растительной тематике относится определенное количество лексических единиц. Среди них преобладают названия овощей и растения, которые широко использовались в питании и быту, например: *капустэ* – капуста, *пирүккэ* – брюква, *чиснук* – чеснок, *үгүрсү* – огурец, *моркоп* – морковь, *кймэл* – хмель и т. д.

Так, во всех словах гласные звуки заимствованных слов подверглись закону сингармонизма, характерному не только для хакасского языка, но и для остальных языков тюркской группы. При заимствовании названий растений своеобразное замещение имели также и согласные звуки. Дело в том, что в хакасском языке отсутствуют некоторые согласные, имеющиеся в русском языке. Поэтому причины проникновения подобных ранних заимствований, полностью подчиненных фонетическому строю хакасского языка, вполне объяснимы.

Кроме того, дооктябрьские заимствования главным образом относятся к хозяйственной жизни и быту. В лексико-семантическом отношении заимствованные слова данной эпохи носят более конкретный характер, обозначают понятия из повседневной жизни.

А названия растений, вошедшие в хакасский язык из русского языка в послеоктябрьский период, соответствуют по звучанию русским словам, т. е. сохраняют свой фонетический облик. Таковыми являются следующие группы названий растений: 1) деревья и кустарники (*акация, дуб, багульник, яблоня, груша, барбарис, липа*); 2) овощи (*помидор, кабачок, патиссон, баклажан, тыква*); 3) фрукты (*абрикос, айва, ананас, персик, мандарин, гранат, лимон, виноград, виктория*); 4) лекарственные растения (*алой (алоэ), валериана, бадан, панцерина серебристая*); 5) садовые и комнатные цветы (*гиацинт, жасмин, гладиолус, герань, мимоза, нарцисс, мальва*); 6) злаковые растения (*просо, кукуруза, овес, подсолнечник*); 7) кормовые (*люцерна, донник, овсяница ложноовечья, тонконог гребенчатый, клевер, суданская трава, могоар*) и др.

Названия растений, заимствованные хакасским языком из русского, не одинаковы по своему лексическому составу. Одни являются собственно русскими (*сорго, фасоль, ежевика, пион, сирень, георгин, хрен, укроп, плющ*), другие – интернационализмами, существующими во многих других языках (*магнолия, бамбук, туя, бегония, кактус, пальма, кипарис, анис* и т. д.).

Обычно иноязычные названия растений заимствуются вместе с реалиями, но надо сказать, что заимствованным наименованиям не всегда сопутствуют новые реалии. Часто название растения из русского языка заимствуется в качестве нового наименования уже имеющегося в хакасском языке названия. Возьмем, например, такие заимствованные названия растений: *лук* (репчатый), *горох* (бобы), *петрушка, ревен, репа, свекла, редька, брюква, редис, перец*. Эти названия сосуществуют в хакасском языке с другими, ранее именовавшими данные реалии, – *муксун, мырчах, тарам, сарапан, салгын, хызыл салгын, ачыг салгын, тадылыг салгын, салгынах, мырс* см. *пуруш*.

Следовательно, названия растений, заимствованные из русского языка, можно разделить на две группы: заимствования, не имеющие хакасских эквивалентов (*грейпфрут, олива, маслина, слива, вишня, ранет, рапс, соя, ландыш*), и заимствования, имеющие хакасские эквиваленты: *саңыс* – калина, малина – *аба чистегі, сит* – молодая лиственница, *пайлаң* (кыз.) – пихта, *сабал* – хвоя, *сөйт* – ива, *тапчачы* – ирис, *нымырт* – черёмуха и др.⁸

Следует отметить, что интернациональные слова благодаря своей общепонятности, получили широкое распространение в хакасском языке. В настоящее время наблюдается интенсивное использование общепонятных заимствований типа *горох, петрушка, свекла, лук*, а иногда встречается и параллельное употребление исконных хакасских слов.

В настоящее время они стали основным средством номинации новых реалий. Русизмы вступают в синонимические и дублетные отношения, а также встречается и параллельное употребление исконных хакасских слов. Это объясняется тем, что они являются внутренними заимствованиями, сопровождающимися массовой хакасско-русский билингвизм. Такие же языковые явления характерны и для других тюркских языков⁹.

Значительное число заимствованных названий растений представляют слова, вошедшие в хакасский язык из русского или через него непосредственно из других европейских языков. Кроме того, для обозначения наименований плодово-ягодных деревьев и садовых цветов в хакасском языке в основном употребляются заимствованные термины. В семантическом освоении русских фитонимов хакасским языком особых отклонений нет. Многие названия передают в основном те же значения, что и в языке – источнике.

Таким образом, многочисленные русские заимствованные названия растений, употребляющиеся в хакасском языке, свидетельствуют об огромном прогрессивном влиянии русского языка на хакасский. Они обогащают словарный состав хакасской ботанической лексики и активно используются в наши дни. В хакасском языке, как и во всех других национальных языках России, количество общеупотребительных слов, усвоенных непосредственно через русский язык, увеличивается с каждым годом.

Примечания

1. Слепцов П. А. Русские лексические заимствования в якутском языке. – М., 1975.
2. Патачакова Д. Ф. Освоение и орфографирование заимствованных слов // Вопросы хакасского языка и литературы. – Абакан, 1955. – С. 65–87; Патачакова Д. Ф. Развитие лексики хакасского языка в советское время // Торжество ленинской национальной политики. Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. – Абакан, 1973. – С. 264–270.
3. Карпов В. Г. Классификация заимствованных слов // Вопросы хакасского языка и литературы. – Абакан, 1955. – С. 44–54; Карпов В. Г. Русский язык как один из источников обогащения хакасского языка // 250 лет вместе с великим русским народом. – Абакан, 1959. – С. 229–240.
4. Чанков Д. И. О заимствовании русских имен хакасами // Исследования по современному хакасскому языку. – Абакан, 1980. – С. 91–101.
5. Баскаков Н. А., Крючкова Т. Б. Актуальные проблемы языковой жизни тюркоязычных республик Средней Азии и Казахстана // Советская тюркология. – 1989. № 5. – С. 29–36.
6. Бурнашева С. А. Влияние русского языка на развитие словарного состава современного татарского литературного языка // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. – 1965. № 8. – С. 101–119.
7. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М., 1968. – С. 172.
8. Хакасско-русский словарь. – М., 1953; Хакасско-русский словарь. – Новосибирск, 2006.
9. Татаринцев Б. И. Влияние лексики русского и монгольского языков на развитие лексической системы современного тувинского литературного языка: автореф. дис...канд. филол. наук. – Новосибирск, 1968.

Л. С. Марсадилов

ТОПОНИМЫ ВОКРУГ БОЛЬШОГО САЛБЫКСКОГО КУРГАНА

Большой Салбыкский курган – наиболее известное мегалитическое сооружение Сибири. Он был раскопан археологом С. В. Киселевым в 1954–1956 гг. В 1992–2010 гг. исследования в Салбыкской долине проводила экспедиция Государственного Эрмитажа. Сделан вывод, что установка плит ограды кургана связана с основными точками восхода и захода луны и солнца в астрономически значимые дни. Среди топонимов Салбыкской долины выявлены имена, связанные с различными историческими периодами и языками. Возможно, что топоним «Салбык» мог означать «Солнечный (или богатый) правитель».

The Great Salbyk barrow is the best known of the megalithic monuments in Siberia. The archaeologist S.V. Kiselev excavated the Salbyk barrow in 1954-1956. The expedition of the State Hermitage Museum investigated the Salbyk in 1992-2010. The installation of the fence slabs is connected with the main positions of the rising and setting of the moon and sun on astronomically significant days. In toponymics Salbyk'valley have found reflection different on time and the languages origin toponyms. It is possible, that «Salbyk» it is possible to translate, as «Solar (or Rich) the Leader (Tsar)».

Большой Салбыкский курган – один из самых крупных мегалитических памятников древних кочевых племён Южной Сибири VII в. до н. э., вначале эпизодически изучался в XVIII–XIX вв., а затем профессионально с середины XX в. В 1954–1956 гг. экспедиция выдающегося археолога С. В. Киселёва раскопала Большой Салбыкский курган¹. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством автора проводила новые комплексные исследования в Салбыкской долине в 1992, 1994, 1996, 1998, 2008 и 2010 гг.²

В ходе экспедиционных и камеральных работ эрмитажной экспедиции с разномасштабных географических и геологических карт Хакасии автором были выписаны топонимы, расположенные внутри круга с Большим Салбыкским курганом в центре и радиусом в 20 км, в пределах видимости в горных районах из центра объекта. Хакасские названия переведены на русский язык по работам М. И. Боргоякова, В. Я. Бутанаева³, а также по консультациям автора с Я. И. Сунчугашевым в Абакане в ХакНИИЯЛИ во время летних экспедиционных работ в 1990-е гг. и с Р. Д. Сунчугашевым в 2010 г.⁴ (табл. 1). Летом 2011 г. автор передал эту таблицу А. М. Малолетко, который, заинтересовавшись, решил написать отдельную статью (его данные частично включены в общую табл. 1).

Все топонимы были разбиты на 3 группы по типу объекта: 1) реки, озёра, ручьи; 2) горы (сопки), лога, степи, урочища; 3) населённые пункты, а также разделены в соответствии с их расположением по 4 основным и промежуточным сторонам света (табл. 1).

Таблица 1

Список топонимов Усть-Абаканского района Республики Хакасия
(в центре – курган Салбык, радиус охвата до 20 км)

Направление	Название	Язык	Перевод		
			В. Я. Бутанаев, Р. Д. Сунчугашев	Я. И. Сунчугашев 1990-е гг.	А. М. Малолетко 2011 г.
Реки, озёра, ручьи					
СЗ	рч. Кутень-Булак	1) хак. 2) монг.	1) согласно легенде ставка Кутен-хана – (счастливого хана – тюркское) 2) холодный источник	2) холодный родник	Кутан – хутор, стойбище на горных пастбищах. Булак – входит в назв. родников
	р. Бюря	хак.	волчий	древнее, точного перевода нет	
	р. Бея	древнее		древнее, точного перевода нет	(самодийское Бе(й) – вода)
	р. Биджа	древнее		Биче – точного перевода нет	(самодийское бига(й) – вода)

ЮЗ	оз. Улук-Коль	хак.	большое (огромное) озеро (Улуг-Кол) (самое крупное в Салбыкской степи)		
	р. Койза				
	р. Камажак	древнее		точного перевода нет	
	р. Крем-Шалбык	древнее		точного перевода нет	(тувинское шалбаа – лужа, болото)
	оз. Тертек-Коль	хак	Терпек-Кол (круглое озеро)		
	оз. Круглое	рус.			
	р. Ташеба	тюрк.			(тюркское таш – камень + самодийское ба – вода) = каменистая река
	р. Уйбат	хак.	Ой – долина		(башкирское Уйпат – долина)
	рч. Солёный	рус.			
	рч. Казан-Часта	хак.		от имени человека	(Хазан-частаа) – Весенник Казана (весеннее стойбище Казана)
	оз. Кызыл-Коль	÷	красное озеро		
оз. Чазы-Коль	÷	степное озеро	широкое (степное) оз.		
Юг	оз. Камыс-Коль	÷	камышовое озеро		
	оз. Чалгыз-Коль	÷	одинокое озеро (Чалгыз-Кол)		
	р. Кутень-Булук	÷	см. выше		
	оз. Сухое	рус.			
	оз. Талое	рус.		хак. Тал-Ива	
	р. Карасук	хак.	родниковая	родник	Харасуг (тюрк. кара – снег и суг – вода)
	оз. Юсь-Коль	хак.	три озера		
Горы (сопки), лога, степи, урочища					
СЗ	Узун-Сын	хак.	длинный хребет		
	Колбалык	÷	черемшовая	нет перевода	
	Кажатак	÷	скотный двор – гора; оградка для скота	кожетиг – гора с менгирами	
	Нирлих-Сарах	÷	Нирлиг-Сараат – гора солового коня, поросшая брусникой	кирлих – грязный	
	Нумах-хыр	÷			Круглый холм
	Красивые Горки	рус.			
	лог Сорный	рус.			
	Сараг-Таг	хак.	жёлтая гора (Сарыг Таг)		Сарагатаг
	лог Кутень-Булукский	÷	см. выше – ручей Кутень-Булук		
Север	Дедушкина Сопка	рус.			
	Чашевитая	÷			
	Чёрная Сопка	÷			
	Голая Сопка	÷			
	Лохматая	÷			
	лог Широкий	÷			
	Амога	хак.	нынешний (сиюминутный)		

СВ	Красный Камень				
	Изыртак	÷	раздвоенная гора; Изер Таг — гора в виде конского копыта	пьяная гора, искажённое	
	лог Марга (Марьма, Марача, Малыча)	÷	Солонец (приманка)		
	Острая Сопка	рус.			
ЮЗ	Красный Камень	рус.			
	Серая степь	рус.			
	Чазы-Койза	хак.	степь (чазы — степь)		
	Изрых-Таг	хак.	пьяная гора		
	Кобельков	хак.		фамилия	
	Малгырачак-Хыр (Мал Харачан Хыр)	хак.	гребень (гора, холм, хребет) для присматривания за скотом	гиблый (для скота) Малхыр Хан — фамилия	
	Кызыл-Гая (Хая)	÷	красная скала (Кызыл-Хайа или Хызыл-Хая)		
Юг	Чарамдых-Хая	÷	половина скалы; половинная скала, часть куска (Чарымдых-Хая или Чырымдых-Хая)		
ЮВ	Ярым-Хая	÷	половина скалы; часть куска		
	Чамыз-Кыр (-Хыр)	÷	низкий гребень	низкий хребет	
Населённые пункты					
СЗ	пос. Салбык	÷	снежная вода	большая лужа	связано с водой
	заимка Чиркова	÷		фамилия	
	пос. Биджа	древнее		Биче – точного перевода нет	
Север	шахта им. Прилуцкого	рус.		владелец шахты до революции	

В процессе ландшафтных и астроархеологических исследований экспедиции Эрмитажа в разных районах Саяно-Алтая было установлено, что при сооружении сакральных объектов учитывался комплекс признаков – горный рельеф (оппозиции: вершина – западина, высоко – низко), положение солнца над линией горизонта не только в течение дня, но и года. На разных памятниках была выявлена сложная геометрическая разметка между объектами, найдены стационарные наблюдательные пункты, что свидетельствует о многолетних систематических наблюдениях за расположением небесных светил в древности⁵.

В процессе исследований Большого Салбыкского кургана СААЭ ГЭ было выявлено, что солнечные направления связаны в основном с вертикально установленными плитами, лунные направления – с углами кургана, но вход был ориентирован на восход солнца в дни равноденствия.

У многих народов мира, в том числе в Египте, Передней Азии, Китае и в Индии, стороны горизонта ещё в глубокой древности были скоррелированы с движением Солнца и с созвездиями. В древнем Китае, одной из ближайших цивилизаций к Саяно-Алтаю, в I-м тыс. до н. э. стороны света и времена года были сопоставлены с восходами/заходами Солнца и зодиакальных созвездий, а также с цветовой символикой (табл. 2). Созвездия, входящие в знаки «Весна» и «Осень», были привязаны к соответствующим сезонам еще до того, как наступило понимание того факта, что Солнце тоже в течение года переходит из одного созвездия в другое и можно отмечать наступление того или иного сезона по положению Солнца в соответствующем созвездии⁶. Отражением более позднего понимания стали группы созвездий, объединенные символами «Лето» и «Зима». Обращает внимание следующая особенность

китайского зодиака. Созвездия, входящие в знаки «Зима» и «Лето», соответствуют положению Солнца в этих созвездиях (что совпадает с определением зодиакального созвездия). Созвездия же, входящие в знаки «Весна» и «Осень», противоположны положению Солнца на небесной сфере. Более наглядно эту ситуацию можно представить с помощью табл. 2.

Таблица 2

**Семантические связи сторон света, времён года, светил и созвездий
с образами животных и цветом в древнем Китае**

Сторона света	Время года	Солнце	Зодиакальное созвездие	Животное	Цвет
Восток	весна	восходит	заходит	Дракон	зелёный
Юг	лето	зенит	восходит	Птица	красный
Запад	осень	заходит	восходит	Тигр	белый
Север	зима	-	заходит	Черепаша, Воин	чёрный

Ориентация во времени и в пространстве по положению солнца на небосводе, а также оппозиции типа «свет-тьень» широко использовались и народами Центральной Азии – хакасами, алтайцами, тувинцами, бурятами, монголами и др. По этнографическим данным известно, что монголы выделяли в течение дня следующие пять временных периодов: 1) утреннее солнце освещает пики западных гор; 2) утреннее солнце высоко в небе; 3) полуденное солнце в зените; 4) послеполуденное солнце склоняется к горизонту; 5) вечернее солнце освещает пики восточных гор⁷.

В Большом Салбыкском кургане в подборе цвета каменных плит (от светлых на востоке к более тёмным на западе), в расположении и форме стел (с высоким восточным и низким западным краем), в знаках и рисунках на плитах, также зафиксирован сложный процесс длительных астрономических наблюдений в древности и значимость цветовой символики⁸.

В XIX–XX вв. многими этнографами отмечено в Хакасии уважительное отношение к Солнцу, Луне, к созвездиям и цветовой символике обрядовых предметов. Зеленый цвет символизирует вечность жизни, возрождение, надежду, весеннюю степь, траву, деревья; белый цвет – снег, чистоту и правду; красный – огонь, кровь, война, сила, красота, а черный цвет – траур, смирение.

Хотя вокруг Большого Салбыкского кургана ныне сохранилось мало древних топонимов, а в дальнейшем они неоднократно переводились разными этносами на свои языки, можно всё же предварительно попытаться выявить семантические связи между астрономическими направлениями, временами года, цветовой символикой и топонимикой (табл. 3).

Таблица 3

Семантика топонимических названий объектов в районе Салбыка

Сторона света	Времена года	Цвет	Топоним	Перевод
Восток (СВ и ЮВ)	весна (расцвет, таяние)	зелёный	пос. Зелёное хак. Тал-Ива пос. Весенний пос. Заря пос. Расцвет	оз. Талое
Юг (ЮВ и ЮЗ)	лето (жара, сухость)	красный	оз. Кызыл-Коль Кызыл-Кая (Хызыл-Хая) ур. Красная гора Красный камень пос. Солнечное оз. Сухое	Красное озеро Красная скала
Запад (СЗ и ЮЗ)	осень (заход)	белый	р. Бюря	Волчий

Север (СВ и СЗ)	зима (холод, снег), ночь, старость	чёрный	р. Кутень-Булук пос. Салбык Дедушкина сопка Батеневский хр. Чёрная сопка гора Нирлиг-Сараат Кара-тигей	Холодный родник Снежная вода Батя – отец, (уважаемый человек) гора солового коня Чёрная гора
--------------------	---	--------	--	---

На востоке от Салбыка много топонимов, связанных с весной, зеленью, таянием снега, расцветом, зарёй (табл. 3). В южной части, где солнце бывает в середине дня и когда лучи наиболее жаркие, почти все топонимы отражают красный цвет и сухость. В западной части очень мало топонимов, но, возможно, древнее название р. Бюря = «волчья» можно предварительно сопоставить с созвездием «тигр» в Древнем Китае. К юго-западу от Большого Салбыкского кургана было найдено каменное изображение тигра⁹. Северная часть неба у многих народов связана с ночью, областью незаходящих звёзд. В Салбыке северную часть долины окружают наиболее высокие горы-отроги Батеневского хребта. Многие топонимы в этой части связаны со снегом, холодной водой, старостью и чёрным цветом.

Как видно из вышеприведенных данных по топонимике Салбыкской долины, там зафиксированы разные по времени и языковому происхождению топонимы. Перевод топонима «Салбык» как «дождевая/снежная вода/лужа» это поздняя и, вероятно, искажённая топонимика, в чём-то даже принижающая этот уникальный памятник.

Возможно, что более ранние корни «сол-сал – солнечный» позднее были трансформированы в «сал-сол» – богатый, жирный, солёный, т. к. сало и соль были важными мериллами богатства в древности, а Солнце – основным светилом и сакральным символом.

Титулы правителей «Бек-бег» – известны по письменным средневековым источникам в Хакасии и восходят к корневым словам «бык – бик – бек – бег» – глава, правитель.

Не исключено, что в целом можно дать иную интерпретацию топониму «Салбык» = «Солнечный (или Богатый) Правитель», типа «Салбик, или Солбек», не исключено, что и «Кол-бек, или Кал-бык».

Большой Салбыкский курган дважды был ограблен, поэтому в нем не нашли предметов из золота. В других больших тагарских курганах – Колок, Табатском, Новосёловском, Полтавкинском, Барсучий Лог, несмотря на их ограбленность, было найдено много золотых предметов¹⁰.

Прародителем царских скифов, считался Колаксай, имя которого интерпретируется рядом историков и археологов, как «Солнце-Царь/Правитель». В хакасском эпосе также неоднократно встречается имя «Кун/Кюн-Хана» – «Хана Солнце»¹¹.

В 1979 г. в Бейском районе Хакасии, около г. Саяногорска, был раскопан тагарский курган Колок, в котором было найдено 43 золотых предмета¹². Топоним «Колок» очень перекликается с именем царя Колакся.

В I-м тыс. до н. э. на обширной территории Евразии головные уборы, одежда и обувь правителей кочевников, их родственников, знатных людей и частично рядовых кочевников, были украшены многочисленными предметами и бляшками из драгметаллов. Из золота и серебра также изготавливали серьги, диадемы, гривны и поясные пряжки, драгметаллами украшали оружие, предметы культа и снаряжение коня. Полный комплект погребальных украшений из золота получил даже специальное название в археологической литературе – «золотой человек», или «золотые люди»¹³. Во многих погребениях кочевников Саяно-Алтая середины I-го тыс. до н. э., от самых знатных до рядовых, как у детей, так у взрослых и стариков, в зависимости от занимаемого ими социального статуса, археологи находят разные изделия из золота – от массивных литых предметов до тонкой фольги, что свидетельствует о том, что в это время, как и у многих народов мира, золото было общепризнанным сакральным металлом, сопровождавшим человека при жизни и после смерти.

Ныне к захоронениям «золотых» вождей скифских и сакских племен кочевников археологи относят такие памятники, как курганы Аржан-2 в Туве (VII в. до н. э.), Иссык в Казахстане (V–IV вв. до н. э.), Филипповка в Приуралье (V в. до н. э.), Чертомлык на Украине (IV в. до н. э.), а также богатые погребения Тия-Тепе в Афганистане, сарматских правителей и др. Вероятно, к I тыс. до н. э. относятся и некоторые пласты киргизского эпоса с описанием героя Манаса – «Из золота и серебра будто создан он...»¹⁴

Феноменальность Большого Салбыкского кургана заключается в его большой информативности для разных отраслей знания. Материалы этого грандиозного кургана позволяют с большой полнотой реконструировать уровни достижения тагарцев в социальной, экономической, культурной и сакральной сферах.

В ходе дальнейших исследований в Салбыке необходимо более подробно опросить коренное население этого микрорайона об окружающих их топонимах, а также более детально проработать старые топокарты, лингвистические и архивные материалы.

Примечания

1. Киселев С. В. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. – М., 1956. – С. 56–58.
2. Марсадалов Л. С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. – Абакан, 2010. – 128 с.
3. Боргояков М. И. Этюды по топонимике Хакасии // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1973. – Вып. 18. – С. 32–42; Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. – Абакан, 1995. – 268 с.
4. Сунчугашев Р. Д. Топонимия Хакасии. – Абакан, 2009. – 198 с.
5. Марсадалов Л. С. Отчёт об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Выпуск. 5. – СПб., 2007. – 278 с.
6. Чернетенко Ю. А., Марсадалов Л. С. Отождествление древнекитайских созвездий с картой звёздного неба в области эклиптики // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы международ. конф. – СПб., 1996. – С. 175–180.
7. Жуковская Н. Л. Категория и символика традиционной культуры монголов. – М., 1988. – С. 33–34.
8. Марсадалов Л. С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. – Абакан, 2010. – С. 23, рис. 31.
9. Там же. – С. 21. – Рис. 40.
10. Пшеницина М. Н., Поляков А. С. Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // Археологические исследования на новостройках. Краткие сообщения Института археологии. – Выпуск 196. – М., 1989. – С. 58–66; Курочкин Г. Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). – СПб., 1993. – 44 с. + 50 рис.; Готлиб А., Парцингер Г. Барсучий Лог – курган вождя // Сокровища культуры Хакасии. Наследие народов Российской Федерации. Выпуск 10. – М., 2008. – С. 410–415.
11. Хакасский героический эпос «Ай Хуучин». Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Том 16. – Новосибирск, 1997. – С. 455.
12. Пшеницина М. Н., Поляков А. С. Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // Археологические исследования на новостройках. Краткие сообщения Института археологии. – Выпуск 196. – М., 1989. – С. 58–66.
13. Лелеков Л. А. О символизме погребальных облачений («золотые люди» скифо-сакского мира) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск, 1987. – С. 25–31.
14. Киргизский героический эпос. Манас. Том 2. – М., 1988. – С. 441–443.

Р. Д. Сунчугашев

О ДИАЛЕКТИЗМАХ В ХАКАССКОЙ ТОПОНИМИИ*

Статья посвящена выявлению и описанию диалектизмов в топонимической системе хакасского языка. Исследование показало, что хакасская топонимическая терминология отличается большим диалектным разнообразием. Особенно богата диалектизмами терминология, относящаяся к микротопонимии. Следует отметить, что некоторые топонимические термины утрачивают свои значения и исчезают из активной лексики хакасского языка.

The article is devoted to revelation and description of dialectisms in a toponymic system of the Khakass language. The research showed that Khakass toponymic terminology is distinguished by big dialect diversity. Terminology referring to micro-toponymy is especially rich with dialectisms. It is worthy of note that some toponymic terms lose their meaning and disappear from an active vocabulary of the Khakass language.

Большей способностью впитывать в себя особенности диалекта обладает микротопонимия. Она возникает на базе диалектных форм языка и имеет сферу функционирования, ограниченную территорией распространения данного диалекта¹. Поскольку диалекты являются бесписьменной формой языка, то данные топонимии могут выступать одним из важных источников для выявления

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 14-04-18038 «Качинский диалект: современное состояние и перспективы».

фонетических, лексических и грамматических особенностей диалекта. В топонимии могут сохраняться языковые явления и лексические единицы, уже утраченные самим диалектом или литературным языком.

Целью нашей статьи является выявление и описание диалектизмов в топонимической системе хакасского языка.

В диалектах хакасского языка бытует обширная система топонимических терминов. Разнообразные формы рельефа: горы, возвышения, степи, ущелья, а также различные гидрообъекты и их детали обозначаются определенными терминами. Часть из них с одним и тем же значением и формой встречается во всех диалектных зонах хакасского языка и не расходится в своих основных значениях с подобными словами в других тюркских языках. Другая часть топонимических терминов известна лишь отдельным диалектам или говорам хакасского языка.

Особенности хозяйственной деятельности хакасов – скотоводство, охота, рыболовство, собирательство, при которых человеку приходится различать и именовать множество макро- и микротопонимических объектов, породила детализированную топонимическую терминологию.

Неодинаковые по высоте, форме, величине горы обозначаются разными терминами. Очень высокие горы называются *тасхылы*. Вершины тасхылов покрыты снегом, не тающим обычно и летом, подступы к вершине каменисты и лишены древесной растительности, по-русски такие горы называются белогорьями и гольцами. Оротермин *тасхыл* употребляется на всей территории Хакасии. В соседних тюркоязычных регионах аналогичный оротермин существует, и в определения его семантики внесены характерные уточнения: шор. *таскыл* 'гора (островерхая); сопка'²; алт. *таскыл* 'очень крутые куполообразные вершины высоких гор, похожие на *тӧнгӱл* (крутые куполообразные вершины высоких гор)³; тув. *таскыл* 'горный хребет; голец (гора, не покрытая лесом)⁴.

По определению Э. М. Мурзаева⁵, *таскыл* – это гольцовые вершины гор, поднимающиеся выше лесного пояса. Многие из них и летом покрыты снегом. Для таскыла характерным является наличие обширных глыбово-каменных россыпей, одевающих как склоны этих вершин, так и нагорные террасы.

В оронимии Хакасии наиболее распространен термин *таг*. В хакасском языке слово *таг* передает родовое понятие, обозначающее значительное возвышение рельефа над окружающей местностью любой конфигурации и высоты. Данный термин имеет фонетические вариации конечного согласного: у сагайцев *таг*, у качинцев, кызыльцев *таг*, например: *Тогыр таг*, *Агастыг таг*, *Осна таг*. Слово *таг* в тюркских языках относится к основному словарному фонду и встречается с семантическими нюансами и фонетическими модификациями во всех тюркских языках: алт. *туу*; кирг. *тоо*; казах. *тау*, шор. *таг*; тув. *даг*.

Небольшие вертикально вытянутые горы с острой вершиной, холмы в виде копны называются у качинцев *чочах*, у кызыльцев *шожах*. Данное слово распространено в северной части Хакасии, где проживают носители качинского и кызыльского диалектов. Сагайцы подобные горы называют *сорах*, от слова *сорай* 'высовываться, торчать'. Ср. в тел. *сорогор* 'остроконечный; конус'; в словаре Радлова *сорай* кирг. 'неудобный, неуклюжий (вследствие большой длины, напр. шест); высунуться (напр. о дереве из воды)⁶'; в тувинском *сортагар / сортай* 'высовывающийся вверх; торчать'.

Интересным представляется и термин *хыр*. Слово *хыр* 'край, грань; крыша; гора, горный хребет, возвышенность, холм' относится к числу самых распространенных топоформантов хакасского языка, здесь им обозначают «цепь гор, гребень горы, гору, холм, край». Информаторы уточняют, что, помимо отмеченных выше значений, слово *хыр* обозначает удлиненную гору с очень крутым склоном. В качинском диалекте оно имеет еще значение 'суша'. Ср. в сибирских татарских говорах *кыр* – 'берег, земля, суша' (в противоположность болоту)⁷.

Э. М. Мурзаев указал на широкое распространение в тюркской топонимии слова *кыр* с основными значениями 'поле, степь, плато; увал, возвышенность, гора, гребень горы; берег, высокий берег; край, грань'. О. Т. Молчанова отмечает, что апеллатив *кыр* в топонимии Горного Алтая встречается на всей его территории и обозначает гору (причем в отношении горы *кыр* является синонимом *туу*), возвышенность, холмистую степь. Н. А. Баскаков, анализируя алтайский термин *кыр*, пишет: «В отличие от номенклатурного названия *туу*, название *кыр* служит уже для обозначения не отдельной горы, а целого хребта»⁸. В кыргызском *кыр* 'горный хребет, гребень горы; холмистая степь; возвышенность; грань; крыша; ребро; верх, поверхность'⁹; в тувинском *кыр* 'грань; крыша; горный хребет'; в словаре Вербицкого *кыр* 'берег; суша; материк; гора, горный хребет'; в древнетюркском *qir* 'поскогорье'¹⁰.

Таким образом, оротермин *хыр* (в других тюркских языках *кыр*) является распространенным не только в хакасском, но и вообще в тюркском топонимиконе. Примеры хакасских оронимов: *Тастых хыр* (с. Чаптыково, Бей. р-н) 'отдаленная цепь гор'; *Тогыр хыр* (по р. Уйбат, У-Абакан. р-н) 'поперечная

гора'; *Хуйлыг хыр* (с. Чаптыков, Бей. р-н) 'гора с пещерой'; *Тыттыг хыр* (с. Сафроново, Аскиз. р-н) 'лиственничная гора'; *Тастыг хыр* (по р. Биджа, У.-Абакан. р-н) 'каменистый гребень (горы)'; *Оох хырлар* (с. Топанов, Шир. р-н) 'мелкие холмы' и др.

Наибольшее число диалектных вариантов, как уже отмечалось выше, дает микропонимия. Так, жители северной Хакасии по рр. Черный и Белый Июс небольшие горы или цепь сопочных гор (они бывают лесистыми или лысыми, скалистыми), холмы называют *сагыт*, или *сагыттар*. Данное слово можно сопоставить с древнетюркским *сар* 'подножие горы', а также *сага* 'подошва горы', зафиксированное Радловым в киргизском наречии. Жители же южной Хакасии, сагайцы и шорцы, аналогичные возвышения называют *хыраң*. Данное слово в форме *кырлаң* отмечено в алт. 'небольшое гористое место, возвышение, небольшой горный хребет'; тув. 'небольшой горный хребет'; в шор. 'гористое место, холм', у Радлова это слово означает: алт., тел., леб., шор., саг., койб. 'маленький хребет, холм, гористое место'. Судя по внешней форме и значению, они являются уменьшительной формой слова *хыр*, т. е. что-то подобное горе, но меньшее по размеру. По нижнему течению Абакана носители абаканского говора качинского диалекта для обозначения небольших возвышенностей, холмов употребляют термин *пүүрек*, *пүүректер*. В койбальском говоре холмы, холмики называются *полцам*.

Эти слова можно отнести к числу микропонимов ограниченного распространения. В народе такие объекты часто не получают собственного имени. В нашей картотеке есть несколько примеров, где данные апеллятивы в качестве оротермина участвуют в образовании топонимов, например: *Пүүректер* (с. Аршанов, Алт. р-н) название местности 'холмы'; *Чылцаң хыраң* (с. Н. Тея, Аскиз. р-н) 'холм, с которого катаются, горка'; *Тас хыраңнар* (с. У.-Чуль, Аскиз. р-н) 'каменистые холмы'; *Оох хыраңнар* (у. Халарлар, Аскиз. р-н) 'маленькие холмы'; *Чалбах сагыт* 'плоская сопка'; *Сорах сагыт* 'конусообразная невысокая сопка'; *Кирестиг сагыт* 'сопка с крестом' (с. Трошкино, Шир. р-н); *Сагыт* (с. Устинкино, Ордж. р-н) 'сопочная гора'.

В диалектах хакасского языка отчетливо просматривается внутриязыковой аспект номинации, по которому определенную часть оротерминов можно считать наименованиями, метафорически перенесенными с названий частей тела человека и животного: *арга* 'спина (животного)' в оронимии 'вытянутая в длину возвышенность; седловина между двух незначительных вершин; хребет'; *нас* 'голова' → 'вершина, исток'; *хамах* 'лоб, лобный' → 'лобовая, ближе к вершине, часть горы не покрытая лесом'; *тумзух/тунчух/нурун* 'нос, клюв, хобот' → 'выступ, отрог горы, утес, мыс'; *нан* 'бок, верхняя часть бедра' → 'склон'; *хабырга* 'ребро' → 'косогор'; *пил* 'поясница, талия' → 'седловина, перевал' и др. Например: небольшой лог у качинцев называется *аас* 'рот, пасть', в койбальском говоре – *кös* букв. 'глаз', в кызыльском диалекте для обозначения небольшого лога встречается слово *шлең*, а в сагайском и шорском только – *хол*.

Различается диалектная лексика, обозначающая понятие остров. В сагайском и шорском диалектах хакасского языка слово *олтырых* передает понятие 'остров'. В качинском и кызыльском данное слово в форме *олтыры* обозначает остров, полуостров, мыс, вдающийся в реку или озеро. А в населенных пунктах Чаптыков, Шалгинов, Аршанов, Сартыков, по нижнему течению Абакана, где проживают носители абаканского говора качинского диалекта, затрудняются определить значение слова *олтырых*, остров на реке они называют – *арыг*. Слово *арыг* с географическим значением 'остров на реке' (саг, койб, леб.) отмечено еще у В. В. Радлова. В других диалектах хакасского языка апеллятив *арыг* в топонимии Хакасии связывается только со значением 'лес, чаща (не горный)'. Эти леса растут вдоль больших и малых рек.

В сибирских тюркских языках аналогичное понятие связано со словом середина: алт. *ортолык* 'остров' (от *орто* 'середина' + *лык*); тув. *ортулук* 'остров' (от *орту* 'середина' + *лук*) [ТувРСл: 313]; шор. *орталык* 'остров' (*орта* 'середина' + *лык*).

По нашему мнению, хакасское *олтырых* также происходит от слова *орты* 'середина'.

В диалектах хакасского языка отмечается терминология пространственной семантики, характеризующая стороны гор по отношению к солнцу. Солнечная сторона горы у сагайцев и части качинцев называется *ирет*, например: *Хос ирет* (с. В. Аскиз, Аскиз. р-н) 'спаренный южный склон'; *Хайалыг ирет* (по р. Пычыс, Шир. р-н) 'скалистый южный склон'; *Пөзик ирет* (с. Кизлас, Аскиз. р-н) 'высокий солнечный склон'. В других тюркских словарях этого слова нет. По нашему мнению, слово *ирет* образовалось от глагола *ирі* 'таять, оттаивать' и словообразовательного аффикса =т, отсюда *ирет* 'проталина', по аналогии: *хуру* 'сохнуть, высыхать' – *хурут* 'сушеный творог'; *чазыр* 'прятать, скрывать' – *чазыт* 'тайна'. Противоположная, несолнечная сторона горы называется *хус*. По сведению информаторов, апеллятив *хус* в оронимии Хакасии имеет значение 'несолнечная (северная) сторона горы и горы, частично покрытые густым лесом'. В шорском диалекте хакасского языка – *хус чааны* 'северная

сторона горы', *кўн чааны* 'южная сторона горы'. В кызыльском диалекте – *кўн сагы* 'солнечная сторона горы'. В древнетюркском – *qiz* 'часть горы, не освещаемая солнцем'. В словаре В. В. Радлова с пометкой (джагатайский) дается слово *кузай* 'место, в которое не проникает солнце'. Суммируя топонимические определения для *хус* / *куз*, данные различными авторами, очевидно, наиболее общее значение во всех определениях является 'место, не освещенное или недостаточно освещенное солнцем'.

Исследования показывают, что хакасская топонимическая терминология отличается большим диалектным разнообразием. Особенно богата диалектными вариантами терминология, относящаяся к микропонимии. Следует отметить, что некоторые топонимические термины утрачивают свои значения и исчезают из активной лексики хакасского языка.

Примечания

1. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 516.
2. Вербицкий В. И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. – Казань, 1884. – С. 338.
3. Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1979. – 397 с.
4. Тувинско-русский словарь. – М., 1955.
5. Мурзаев Э. М. Тюркские географические названия. – М., 1996. – 253 с.
6. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. – СПб., 1893–1911.
7. Тумашева Д. Г. Кōбатым себёр татарлары теле. – Казан, 1961. – С. 159.
8. Баскаков Н. А. Географическая номенклатура в топонимии Горного Алтая. В Сб.: Топонимика Востока. – М., 1969. – С. 67.
9. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. – М., 1965.
10. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.

О. Д. Обумова

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ УСТУПИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ И ХАКАССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье сопоставительному анализу подвергаются средства выражения уступительных отношений в русском и хакасском языках.

In the article the comparative analysis are means of expression of concessive relations in Russian and Khakas languages is presented.

Уступительные предложения являются одним из видов предложений обусловленности. В них соотносятся две ситуации, одна из которых поставлена в зависимость от другой. Это сложноподчиненные предложения, придаточные части которых присоединяются к главной посредством уступительных союзов и обозначают условие, вопреки которому совершается высказанное в главной части¹.

В современном русском языке в уступительных конструкциях главная и придаточная части связаны посредством уступительных союзов *хотя*, *несмотря на то что*, *правда*, *пусть*, *как ни*. В Словаре синонимов русского языка отмечены синонимичные названным союзы *даром что*, *невзирая на то что*, *пускай*, *пусть*, *хоть*, разг. *вопреки тому что*, разг. *где бы ни*, разг. *как бы ни*, разг. *какой бы ни*, разг. *кто бы ни*, разг. *куда бы ни*². Эти союзы выражают зависимость одной синтаксической единицы от другой.

В придаточном уступительном предложении высказывается мысль противоположная, несовместимая с тем, что содержится в главном предложении. Например: *На празднике люди продолжали веселиться, невзирая на то, что над городом нависла грозная туча; Ивана очень тянуло на малую родину, хотя родители его давно перевезли на запад.*

В уступительных сложноподчиненных предложениях придаточная часть обозначает обратное условие, а в главном выражается противоположное следствие. В придаточных уступительных называются ситуация, событие, вопреки которым осуществляется другое событие: *Картофель не вырос, хотя лето было теплым.* В придаточных уступительных предложениях значение противоположности осложнено семантикой преодоления³.

В русском языке в количественном отношении различных средств связи для выражения уступительных отношений больше, чем в тюркских, в частности, в хакасском языке. Среди пяти типов предложений обусловленности уступительные предложения наиболее близки к условным.

Исследователи отмечают, что они выражаются и, вероятно, формируются на базе условных, это отношения опроверженного, препятствующего условия⁴. Ср.: *Если ты сильно меня толкнешь, я на ногах не удержусь / Хоть ты и сильно меня толкнул, я все равно удержался на ногах.*

Аналогичная ситуация наблюдается в хакасском языке, ср.: *Наңмыр чагбаза, піс тасхар парарбыс* – Если не будет дождя, то мы пойдем на улицу / *Наңмыр чаапчатса даа, піс тасхар парарбыс* – Несмотря на то, что идет дождь, мы пойдем на улицу.

В хакасском языке основным способом выражения уступительных отношений является использование сложного предложения, в придаточной части которого сказуемое, выраженное глаголом в форме условного наклонения с аффиксом *V=ca / =ce*, сопровождается частицей *даа / дее*. Общее количество уступительных предложений, образованных данным способом, составило 55 % примеров в нашей картотеке. Например: *Ол агырыг даа пол=за, азах үстүне пик тур килген⁵* – Несмотря на то, что он болен, (он) твердо встал на ноги; *Тоец, орай хараа даа полза, орнында чох полган⁶* – Хоть и (была) поздняя ночь, Тоена не было на месте; *Часхы читкен дее полза, чылыг полбинча* – Хотя весна и наступила, тепла (еще) нет.

Этот способ является наиболее продуктивным как в хакасском, так и в других тюркских языках. Ср.: (тув.) *Дун орайтаза-даа, таран чоруксаар кижилер чок болган⁷* – Хотя была поздняя ночь, желающих разойтись не было (хак.) *Орай хараа полган даа полза, ибзер маңзырапчатхан кізі чох полган* – Хотя была поздняя ночь, людей, спешащих домой, не было.

Сказуемое придаточной части всегда может употребляться в форме условного наклонения и выражать действие в будущем, настоящем и прошедшем времени, и в главной части оно может употребляться как в форме прошедшего, так и настоящего и будущего времен. Особенностью хакасских уступительных конструкций является то, что сказуемое придаточной части в форме будущего времени не сочетается со сказуемыми в главной части в форме прошедшего неопределенного на *=ган* и прошедшего обычного на *=чаң / =чсң*. Чаще всего оно используется в сочетании со сказуемыми в форме настоящего и будущего времени с отрицанием или без него. Все возможные варианты сочетания форм сказуемых главной и придаточной частей мы представили в таблице 1.

Таблица 1

Придаточная часть \ Главная часть	<i>V=ган даа V=за</i>	<i>V=ca даа</i>	<i>V=ap даа V=за</i>
<i>V=ган</i>	+	+	-
<i>V=чаң</i>	-	+	-
<i>V (=бин/=нин/=мин)=ча</i>	+	+	+
<i>V=ap / (=бас)</i>	+	+	+

В русском языке уступительное значение может выражаться нетипичными, переосмысленными средствами: 1) сочетанием союза *если* с частицей *даже*; 2) частицей *пусть (пускай)* в значении союза⁸. Например: *Если даже сдам экзамен на хорошую оценку, стипендии у меня не будет; Если даже пройдет дождь, я не надеюсь собрать хороший урожай.* Действие говорящего направлено в план будущего, и если в придаточной части речь идет о положительном исходе дела, то в главной части действие выражается глаголом с отрицательной семантикой.

В хакасском языке встретились подобные уступительные конструкции. Сказуемое придаточной части в них может быть без показателя отрицания и с отрицанием, а сказуемое главной части чаще используется с отрицанием. Например: *Аалзар даа пар=ба=за=м, сірерзер кірерге маңнан=мас=пын* – Если даже и не уеду в деревню, зайти к вам не успею; *Өрт суххан кізіні піл=чет=се=м дее, чон көзіне адын адап пол=бас=пын* – Если даже и знаю имя поджигателя, людям вслух его не смогу назвать. При переводе рассмотренных предложений на русский язык формы *даа пар=ба=за=м, піл=чет=се=м дее* передаются сочетанием союза *если* с частицей *даже*.

Вторым по частоте выражения уступительных отношений является сочетание формы *V=ганда / =генде* с усилительной частицей *даа*. Количество примеров, построенных по этой модели, составило 30 % от общего объема нашей картотеки, например: *Орай даа түзібіскенде, трактор тогынчатхан⁹* – Хотя наступил вечер, трактор работал; *Ягор өзібіскенде дее, ічезі, аны часхырын, истіг сарнап узутчан¹⁰* – Несмотря на то, что Ягор стал подрастать, мать, успокаивая его, приятно напевая, убаюкивала. В данных предложениях речь идет о событиях, произошедших в прошлом, об этом свидетельствует показатель прошедшего времени сказуемого в главной части предложения: *тогын=чатхан* – ‘работал’, *узут=чаң* – ‘убаюкивала’. Эти конструкции близки к временным.

5 % примеров составили предложения с деепричастной формой на **V=ып** в сочетании с усилительной частицей *даа*, в которых обнаруживается уступительное значение. Например: *Ипчи кизи, аны даа көрп, оңар полбаан*¹¹ – Женщина, несмотря на то, что видела это, не поняла; *Хысхы айлар чидип тее, соохтар насталгалах полганнар* – Хотя и наступила зима, морозы еще не начались.

Деепричастная форма на **V=а** в сочетании с усилительной частицей *даа* образуют конструкции со значением уступки. Таких конструкций составило 5 % от общего количества примеров: *Миниң агыримны піле дее, піссер килбеді* – Несмотря на то, что знал о моей болезни, к нам не зашел; *Оолагас хыныг чоохты исте дее, пір дее хатхырбады* – Несмотря на то, что слушал интересный (смешной) рассказ, мальчик ни разу не улыбнулся.

Два последних способа близки по своему значению. В зависимой части деепричастная форма легко подвергается замене финитной формой глагол. Ср.: *Хысхы айлар чидип тее, соохтар полгалах / Хысхы айлар читкен дее полза, соохтар полгалах* – Хотя и наступила зима, морозы еще не начались; *Оолагас, хыныг чоохты исте дее, пір дее хатхырбаан / Оолагас, хыныг чоохты искен дее полза, пір дее хатхырбаан* – Мальчик хотя и слушал смешной рассказ, ни разу не улыбнулся.

Выделяется еще один способ выражения уступки – конструкции с формой на **V=бин** в сопровождении частицы *даа*. Частота употребления рассматриваемых конструкций аналогична двум ранее рассмотренным. Например: *Наңмыр тохтирын даа сагыбин, чийт ирен ибзер парарга сыгыбысхан* – Не дождавшись даже окончания дождя, молодой человек вышел уйти домой; *Соохты соох тібин, ол тасхар нас чөрген* – Несмотря на мороз, он гулял на улице.

Таким образом, уступительные сложноподчиненные предложения – это предложения, в которых придаточная часть обозначает обратное условие, а в главном выражено противоположное следствие.

Рассмотрев способы выражения уступительных отношений в русском и хакасском языках, мы выяснили, что в русском языке союзов с уступительной семантикой больше, каждый из них имеет свое определенное значение. В хакасском языке средств выражения рассматриваемых отношений пять, обязательным условием появления этих отношений является наличие усилительной частицы *даа*.

Примечания

1. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. – М., 1980. – С. 147.
2. Словарь синонимов русского языка. – М., 2011.
3. Словарь лингвистических терминов. – Назрань, 2010.
4. Шамина Л. А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. – Новосибирск, 2001. – С. 177.
5. Нербышев. Көгім Хорымнарда. – Абакан, 1983. – С. 15.
6. Доможаков Н. Ыраххы аалда. – Абакан, 1960. – С. 12.
7. Салзынмаа Е. А. Учебник тувинского языка. – Кызыл, 1980. – С. 142.
8. Словарь лингвистических терминов. – Назрань, 2010.
9. Казачинова Г. Той. – Абакан, 1979. – С. 57.
10. Нербышев. Көгім Хорымнарда. – Абакан, 1983. – С. 112.
11. Туран М. Тіріг кизи өлбөсөң. – Абакан, 1982. – С. 43.

В. М. Телякова

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ БИВЕРБАЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ T_v = -л + ЧӨР- В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ

Предлагаемая статья рассматривает аспектуальные значения конструкции T_v = -л + чөр в шорском языке. В результате исследования установлено, что она обладает не одним значением, а целым комплексом. Во-первых, конструкция выражает хабитуальное значение, т. е. типичные действия субъекта, характеризующие его образ жизни. Во-вторых, она употребляется, если надо показать, что действия носят длительный характер – дуративное значение. В-третьих, глагол чөр- сигнализирует об интенсивном характере действия, а также передает некоторые модальные значения.

The article examines aspect meanings of the construction which comprises the gerund of a basic verb and the auxiliary verb чөр- 'to go, to walk, to move' in the Shor language. The construction has several meanings, which form the complex with each other and can't act separately. It characterizes the habitual mode of life of a person and manifests the durative character of the action. The auxiliary verb чөр- can express some modal meanings and shows that the action is carried out intensively.

Общие замечания

О вспомогательных функциях шорского глагола *чөр-* писала Н. П. Дыренкова¹, они подробно рассматривались в работе Н. Н. Курпешко, Н. Н. Широбоковой² и упоминаются у И. В. Шенцовой³. Однако, на наш взгляд, требуется дополнительное изучение аспектуальных значений бивербальной конструкции $T_v = -л + чөр-$.

В отличие от Н. Н. Курпешко и Н. Н. Широбоковой, которые считали, что данная конструкция во всех временах выражает «длительное действие»⁴, и только принимая аффикс настоящего-прошлого несовершенного времени *-чатқан/-читқан* или давнопрошедшего времени на *-ған/-ген* – многократность или обычность⁵, наше исследование показало, что конструкция $T_v = -л + чөр-$ выражает комплексно несколько значений, которые трудно отделить друг от друга. Во-первых, она характеризует ситуации действительности как регулярно повторяющиеся, «привычные» действия, становящиеся характеристиками свойств субъекта (хабитуальное значение)⁶. Во-вторых, она выполняет функцию показателя длительности (дуративности) ситуации, сигнализируя о том, что действие находится в процессе исполнения. В-третьих, употребление этой конструкции говорит об интенсивном характере описываемого действия. Так как в шорском языке нет морфологических показателей хабитуальности, дуративности и интенсивности, то бивербальная конструкция $T_v = -л + чөр-$ служит синтаксическим средством передачи этих значений, которые соответствуют несовершенному виду в русском языке.

Аспектуальные значения

БВК с глаголом *чөр-* 'ходить, передвигаться'

Передавая комплексное значение хабитуальности и дуративности, вспомогательный глагол *чөр-* придает бивербальной конструкции имперфективное значение, показывая, что действия находятся в процессе своей реализации или они могут быть исполнены в любой момент. Он выражает как максимально широкую, так и ограниченную во времени локализацию: представляет действия как постоянные и типичные для субъекта, характеризует его образ жизни в целом или в определенный отрезок времени. БВК с *чөр-* описывают ситуации действительности в целом, не выделяя момент наблюдения или момент речи, либо представляют ситуации как длящиеся в момент речи: действие как бы «разлито» во времени, но во временной области, охватываемой действием, может быть выделен конкретный момент наблюдения / речи, включенный в эту область. В традиционной русистике такое значение сопоставимо с постоянно-непрерывным значением несовершенного вида. Субъект (субъекты) в таких предложениях активен и самостоятельно выполняет свои действия, например, *аңнап чөр-* 'охотиться' (обычно, чтобы добыть зверя, покрывают большие расстояния); *учуғ чөр-* 'летать, лететь'; *ық чөр-* 'плавать, плыть'; *чепсен чөр-* 'готовиться, приготавливаться, готовить (какое-то событие)'; *тап чөр-* 'искать' и т. д.

Рассмотрим значения БВК с *чөр-* по временам.

1. БВК с глаголом *чөр-* в форме настоящего времени на *-ча*⁷ выражает следующие значения.

1.1. Процессуальное действие, происходящее постоянно в течение длительного, неограниченного отрезка времени. Постоянный характер действия раздвигает границы времени, в которые может включаться момент речи, совпадающий с моментом наблюдения. В высказываниях говорится об обычных, типичных занятиях одушевленных или неодушевленных предметов, производимых субъектом всегда, обычно, никогда.

(а) *По Пасилий кижилерде чат чөрча.* (А. А. Кыдымаева)⁸

'Этот Василий у (разных) людей живет (букв.: живя ходит, т. е.: у одного поживет, идет ко второму, у второго поживет, идет к третьему и т. д.)'

(б) *Конагаштар учугуш чөрчалар*⁹.

'Бабочки летают'

1.2. Значение потенциального действия: т. е. действие, которое субъект может делать в силу своих физических и /или умственных возможностей. Действие, которое он постоянно совершает или может совершить в любой момент. Такое употребление БВК характеризуется дополнительным модальным оттенком возможности совершения действия:

*Пир темде пир узун азақтығ Турнаға сағыш кир-келди: қуштардың аразында аттығ-шаптығ пол-парарға теп. Ыскен сыны, эзе, мөзүк, мөзүк учук чөрча*¹⁰.

'Однажды одному длинноногому Журавлю мысль пришла: среди птиц известным стать, мол. (У него) Рослая фигура, эзе (=и к тому же), высоко, высоко летает (возможно: летать может)'

1.3. Со значением типичности и длительности совершаемого действия конструкция $T_v = -л + чөрча$ может употребляться в описаниях событий из прошлого. Обычно это характерно для фоль-

клорных произведений (сказок, легенд, героического эпоса), но может встречаться и в литературных произведениях. Конструкции в настоящем времени вводятся в ткань повествования по-разному.

Во-первых, без всяких формальных показателей:

(а) *(Көп ай эрт-партыр, пир қатнап қышқыда Очан ачықтаң эмге нанмады). <...>(Қуу Қыс) Позының аймақта чер таппан чөрча¹¹.*

‘(Много лун прошло, однажды зимой Очан (возлюбленный Куу Кыс) с охоты домой не вернулся). <...> (Куу Кыс) в родном улусе места (себе) не находит’

(б) *Ол керек чайғы соонында полған полтыр. <...> Парчын чышта чатқан аңнар қышқыда чиирге чиш пеленеп чөрчалар¹².*

‘Это дело после лета (в конце лета) случилось. <...> Все в лесу живущие звери зимой кушать еду готовят’.

Во-вторых, настоящим временем может оформляться прямая речь, тогда как слова автора, выраженные с помощью глаголов те- ‘говорить’ или айт- ‘сказать, говорить,’ находятся в форме одного из прошедших времен:

(а) *Апшак палазы аны угып, үргүне аарак полып, – корукпа, эне киж, тедир, мен анъ палазы эбессим, мен киж палазыбын адамга каргадыбыза перип, апшак палазы пол чөрчам, тедир¹³.*

‘Медвежонок, это услышав, немного обрадовался (приободрился), – не бойся, мать человек, говорил, я не ребенок зверя, (а) я ребенок человека отцом проклятый, медвежонок есть (медвежонок[ом] будучи хожу), говорил’.

В-третьих, конструкция с $T_v = -п +$ чөрча вводится в предложение с помощью глаголов восприятия или глаголов, подготавливающих восприятие, в форме условного наклонения с аффиксом *-за-/-зе-/-са-/-се-*. Так как форма условного наклонения не содержит временных аффиксов, то описываемые события в предложении могут относиться к любому реальному времени.

Көрзең, сеең қырайында шышқанақтар эде ле чүгүриш чөрчалар¹⁴.

‘Посмотри (если посмотришь, то увидишь), рядом с тобой мыши так и бегают’.

В любом случае использование настоящего времени в описаниях прошедших событий носит народно-разговорный характер и всегда сопровождается экспрессией. Настоящее в прошедшем оживляет повествование, делает его более выразительным и стилистически окрашенным.

1.4. БВК описывает процессуальные действия, ограниченные во времени. Характерными признаками таких действий являются длительность и постоянность в пределах указанных временных границ. В этом случае в предложении или в контексте присутствуют локализаторы времени:

Пүүн мен қарындаштарымда одур чөрчам. (А. А. Кыдымаева)

‘Сегодня я навещаю своих родственников (букв.: у родственников сидя хожу)’.

2. Бивербальная конструкция $T_v = -п +$ чөр-, принимая аффикс недавно-прошедшего времени на *-ды / -ты / -ди / -ти*, выражает:

2.1. Типичные действия в прошлом, протекающие без ограничения во времени и характеризующие образ жизни субъекта:

Айна-кижи арағалып чөрды, езирип чөрды¹⁵.

‘Черт-человек (все) водку пил, пьянствовал’.

2.2. Типичные процессуальные действия или состояния, характеризующие субъектов речи в течение достаточно длительного, но все-таки ограниченного отрезка времени в прошлом. Важным является, что это действие определяет поведение, образ жизни субъекта в определенный период времени. Описываемый отрезок времени определяется лексическими показателями:

(а) *Эртен Қмыс шынабоқ қарындаштарыба қожа чыш аразынға ишке парды. Туза тезе Қмыстаң чок полды: чооқтады ла, иштебен чөрди¹⁶.*

‘Утром Кмыс в самом деле с братьями вместе в лес работать пошел. Пользы же от Кмыса не было: болтал только, не работал’.

(б) *[Шелтирек] Пир ай аңнап чөрди¹⁷.*

‘[Шелтирек] Один месяц охотился’.

2.3. Вспомогательный глагол чөр- обозначает интенсивность и длительность описываемого действия. Конструкция сигнализирует, что субъект быстро и решительно включается в действие. В этом значении чөр- сочетается с любыми глаголами. Из контекста ясно, что описываемое процесс-действие возникает в результате определенного стимула-причины.

(а) *(Қоқан эминге наньп, торғу қалатты, тұлғү пөрүкти кезиб-алып, пашқа-пашқа өнниғ ала қурларба қурчаныб-алды! <...> Улуғ таяғаш тудуныб-алып, аймақтың паштыққа пара-берди.)*

Қоқан, маққыжынға шығып, таяғашпа шап чөрди, паштықтың эминге кир-келип, үн салып қыйғы-ра-берди: <...>¹⁸

‘(Кокан домой вернулся, шелковый халат, лисью шапку одев, разноцветным пестрым поясом подпоясался! <...> Большой посох взяв, к сельскому паштыку пошел.) Кокан, на крыльцо взойдя, посохом стал (сильно) бить, в дом паштыка зайдя, голос положив, закричал: <...>’.

(д) (Пир қатнап ол ағаш кесчиған кижі пир ағаш тӧзүнде ат алтын таш таб-алтыр. Алтын ташты эмге аккелип, пашқа-пашқа табар алып, ара-пеере садыш-шықтыр) Парчын кижі ааң пай-ын пақтап чӧрди¹⁹.

‘(Однажды тот лесоруб у основания одного дерева золотой камень нашел. Золотой камень домой принесся, разных товаров закупил, туда-сюда торговать начал). Каждый человек его богатство (сильно) хвалить стал’.

3. Глагол чӧр- в форме давно прошедшего времени на -ған/-ген/-қан/-кен.

3.1. Эта форма используется для описания обычного действия в неограниченный отрезок времени в прошлом. Субъект характеризуется с точки зрения его привычек, образа жизни, которые ему были присущи в прошлом.

Ала-бей албаан чӧрген, (анаң тӧл шыкпаан калды)²⁰.

‘Ала-бей не женился, (поэтому у него потомства не осталось (не вышедшим осталось)).’

3.2. Временная сфера может быть ограничена какими-то рамками в прошлом, но общее значение постоянности и обычности действия сохраняется:

– Нӧӧре сеең кӧксиң андығ қыдыртпак? – Пылан ол небечектең сурады. – Шағда полғам, алты чыл сарбазан эңнеп²¹ чӧргем – Паға теду²².

‘(Почему у тебя спина такая шершавая? – спросил Лось у этого существа (букв.: у этой вещицы). – На войне была, шесть лет пушку на спине таскала, – ответила лягушка’.

4. Постоянно-непрерывное значение подчеркивает регулярное употребление вспомогательного глагола чӧр- с аффиксом -чаң / -чең, который сам по себе указывает на обычность, постоянность и многократность действия:

(а) Қан тужунда садығчылар тайға садыш чӧрчеңнер²³.

‘В царское время торговцы в тайге торговали’.

Интересен пример, в котором соединяются два употребления БВК в разных временах: в давно прошедшем на -ған / -қан и в форме прошедшего обычного на -чаң / -чең:

Пистиң арғыштаныжыбысты пис пееде тоозаң: мында сен аңнап чӧрчаң, мен даа аңнап чӧргем²⁴.

‘Нашу дружбу мы так давай-ка кончим: здесь ты охотиться будешь (обычно), (там, где) я же (всегда) охотился’.

5. Бивербальная конструкция с чӧр- в форме настоящего неожиданного (заглазного) времени на -чаттыр и прошедшего неожиданного (заглазного) времени на -тыр выражает обычное, привычное действие, характерное для субъекта в настоящем или прошедшем времени соответственно. Эти формы употребляются в фольклорных текстах, рассказах, легендах, героических поэмах, когда говорящий сам свидетелем этому действию не был:

(а) А по Сарығ Қааның оғлу Ақ Қайа ақ қула адыңқа мӧн чӧруп, аңнап чӧрчаттыр²⁵.

‘А (у) этого Сарыг Кана сын=его Ак Кайа, (на) белом саврасом коне верхом (сев), охотится, оказывается’.

(в) Чайғыда ла палық аңнаптыр, қышқыда тезе, чышқа парып, шаңыш сагып чӧртир²⁶. ‘Летом же рыбу ловил, зимой же, в лес ходя, калину собирал’.

6. Принимая аффикс будущего времени на -р (с фонетическими вариантами), чӧр- сохраняет значение характеристики образа жизни субъекта и длительности:

Че, анаң по қаан черинге четтире ле (ат) айттыр:

– Мен минде от оттап чӧрерим, сен «ақ кул!» теп қыырзаң мен келерим²⁷.

‘Че, потом, (когда) этого хана землю достигли же, (конь) сказал:

– Я здесь траву щипать буду (постоянно), (когда) ты «светло-саврасый!» сказав, крикнешь, я приду’.

Привлекает внимание пример, в котором сочетается значение постоянной вневременной характеристики субъекта, выраженной глаголом в форме настоящего времени, и значение единичного действия, производимого вслед за моментом речи. Глагол чӧр- в форме будущего времени подчеркивает, на наш взгляд, решимость субъекта оставаться в состоянии, выраженном основным глаголом, т. е. в состоянии ‘не скажу’:

Ам эриң келип, кўжў шықпарза, орта стакан урубал, – теп, айттыр. Эриң суар «Ноо небе, қайдаң алған?» – теп, сен айдарзың: «Сен қайда²⁸ айтпан чөрчазың, мен саға ээдоқ айтпан чөрерим», – теп²⁹.

‘Теперь, (когда) твой муж придет (с работы), его сила вышедши (т. е. уставшим), полстакана (водки ему) налей, – говоря, сказал (айна-черт). Твой муж спросит: «Что это, откуда взяла?» – говоря, ты скажешь: «Ты как не говоришь (т. е. как ты мне ничего никогда не рассказываешь), я тебе так же не скажу’.

На будущее время указывает и форма повелительного наклонения глагола чөр-. Значение конструкции то же: постоянно-непрерывное:

А қорбалчық пол қорбалып, чөрзин теп³⁰.

‘А пауком став, (паутину) плетет пусть, говорит’.

Выводы. Исследование $T_v = -п + чөр-$ показало, что эта конструкция обладает комплексным значением. Во-первых, она выражает аспектуальные значения хабитуальности и дуративности (сочетаясь в основном с глаголами движения). Во-вторых, она сигнализирует об интенсивном способе глагольного действия (сочетаясь как с глаголами движения, так и глаголами действия). Кроме того, эта конструкция может выражать модальное значение возможности и решимости в выполнении действия. Сопоставление русского и шорского языков обнаружило, что в шорском языке бивербальная конструкция $T_v = -п + чөр-$ является синтаксическим аналогом морфологических и/или словообразовательных способов выражения аспектуальных значений, присущих русскому языку.

Примечания

1. Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. – М., Л., 1941. – С. 207–208.
2. Курпешко Н. Н., Широкова Н. Н. Бивербальные конструкции с глаголами бытия *-п чат, -п одур, -п тур, -п чөр* в шорском языке: Учебное пособие. – Кемерово, 1991. – С. 47–54.
3. Шенцова И. В. Акциональные формы глагола в шорском языке. – Кемерово, 1997. – С. 38.
4. Курпешко Н. Н., Широкова Н. Н. Бивербальные конструкции с глаголами бытия *-п чат, -п одур, -п тур, -п чөр* в шорском языке: Учебное пособие. – Кемерово, 1991. – С. 47–53.
5. Там же. – С. 50–51.
6. Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику: Учебное пособие. – М., 2000. – С. 295.
7. Возможен также аффикс *-чар*.
8. Примеры, данные без ссылок, получены от информанта.
9. Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. – М., Л., 1941. – С. 225.
10. Тотыш С. С. Сказки Шапка. – Кемерово, 2011. – С. 40.
11. Там же. – С. 74.
12. Там же. – С. 29.
13. Бабушкин Г. Ф. Шор Ныбактары. – Новосибирск, 1940. – С. 6.
14. Тотыш С. С. Сказки Шапка. – Кемерово, 2011. – С. 19.
15. Курпешко Н. Н., Широкова Н. Н. Бивербальные конструкции с глаголами бытия *-п чат, -п одур, -п тур, -п чөр* в шорском языке: Учебное пособие. – Кемерово, 1991. – С. 50.
16. Тотыш С. С. Сказки Шапка. – Кемерово, 2011. – С. 34.
17. Там же. – С. 68.
18. Там же. – С. 104.
19. Там же. – С. 98.
20. Дыренкова Н. П. Шорский фольклор / Отв. ред. И. И. Мещанинов. – М., Л., 1940. – С. 236.
21. Глагол *эңнен-* ‘нести на плече’ образован от *эңин / эңни* ‘плечо’ [Словарь алтайского и аладагского наречий... 2005: 50–51]
22. Тотыш С. С. Сказки Шапка. – Кемерово, 2011. – С. 25.
23. Дыренкова Н. П. Шорский фольклор / Отв. ред. И.И. Мещанинов. – М., Л., 1940. – С. 296.
24. Тотыш С. С. Сказки Шапка. – Кемерово, 2011. – С. 63.
25. Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 годов / Сост. А. Н. Арбачакова. – Новосибирск, 2010. – С. 202.
26. Тотыш С. С. Сказки Шапка. – Кемерово, 2011. – С. 85.
27. Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 годов / Сост. А. Н. Арбачакова. – Новосибирск, 2010. – С. 206.
28. Так в оригинале. По моему мнению, должно быть кайде ‘как’.
29. Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 годов / Сост. А. Н. Арбачакова. – Новосибирск, 2010. – С. 328–330.
30. Там же. – С. 302.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Дандай Ысакакулы

О ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Восстановление подлинной истории является важным процессом возрождения истории и культуры тюркских народов. Литература этих народов, созданная приблизительно до IX–XV вв. нашей эры, является общим достоянием всех тюркских народностей. Поэтому важное значение имеют работы, направленные на комплексное решение задач совместных сравнительных исследований всех особенностей национальных литератур с целью превращения их в общее наследие тюркских народов.

Reconstruction of authentic history is an important renewal process of history and culture of Turkic peoples. Literature of these peoples, created approximately in IX–XV century B. C., is a common heritage of all Turkic ethnic groups. That is why works, which are intended to complex task solution of joint comparative researches on all peculiarities of national literatures with the goal of making them as a common heritage of Turkic peoples, are of great importance.

Приобретение независимости и выбор пути свободного развития казахами, узбеками, киргизами, туркменами, азербайджанцами открыли новые возможности для тюркского мира. Новая эпоха выдвинула необходимость новых взглядов об истории, культуре и литературе тюркских народов с древнейших времен до наших дней. Самым главным результатом такого позитивного переворота является рассмотрение истории гражданского, культурного, литературного развития этих народов в контексте единого тюркского единства. Став хозяевами суверенных государств эти народы приступили к поискам своих духовных ценностей, утерянных в смутные периоды истории.

Если до нынешнего времени мы вынуждены были ограничиться исследованиями, написанными с позиции европоцентрических взглядов, то сейчас мы, анализируя прошлое, восстанавливаем свою подлинную историю. Это является важным процессом возрождения истории и культуры тюркских народов. Если мы достойно пройдем этот сложный и ответственный этап своего развития, если найдем правильные ответы на вопросы, выяснения истоков нашей общественно-политической истории, особенностей нашего нынешнего состояния, основных перспектив в будущем, если сумеем сделать правильные выводы из горьких уроков истории, если сумеем сохранить культурное наследие прошлого и использовать в качестве духовной основы будущего развития наших народов, то лишь тогда можно верить в возможность возрождения культуры тюркской цивилизации.

На данном этапе имеют место сложные проблемы, которые можно решить только общими усилиями, с помощью взаимобмена опытом, знаниями. К сожалению, после обретения независимости утеряны родственные связи и общие тюркские корни: наблюдается тенденция отделения друг от друга, стремление присвоить общие ценности, а также осмысление культурного наследия с субъективно-национальных точек зрения.

Наличие различных трактовок общей истории тюркских народов ведет к противоречиям различного рода. Подобные негативные тенденции могут привести к появлению недоразумений, даже к конфронтации между соседними странами, которые до сих пор наслаждались плодами добрых, родственных взаимоотношений, к разрушению единства тюркских народов. Поэтому восстановление гражданской, духовной истории тюркских народов необходимо решать общими усилиями.

Тюркские народы, которые жили на огромной территории, простирающейся из Якутии до Анатолии, внесли огромный вклад в развитие человечества. Европоцентризм, основной целью которого является обеспечение поклонения Западу с позиции науки, до сих пор не признает вклады тюркских народов в мировую цивилизацию. Открытие орхоно-енисейских надписей 120 лет назад стало знаменательным событием в мировой науке. С расшифровок шведским ученым Томсенем надписей на каменных

надгробьях, найденных на берегах реки Орхон, началась эпоха переоценки истории и культуры тюркских народов.

Древние тюрки не ограничивались только скотоводческим хозяйством, кочевым образом жизни они внесли огромный вклад в мировую цивилизацию, построив большие города, которые превратились в знаменитые культурные и научные центры. Если раньше тюркские народы причисляли к диким народам, которые отстали в культурном развитии из-за кочевого образа жизни, начиная со второй половины XX в. начали признавать значительный вклад тюркских народов в процесс совершенствования человеческого общества. Они с незапамятных времен славятся развитым знанием, наукой и культурой. К примеру, Ал-Фараби и многие другие великие люди.

Решающую роль в духовном развитии человечества играет литература. Сегодня весь мир знает о богатом культурном, в том числе литературном, наследии тюркских народов. Искусство кочевников, которое было создано на основе жизни и быта тюркских народов, в нынешнее время оценивается как непревзойденное общественно-культурное явление.

И устная, и письменная литература тюркских народов берут своё начало с незапамятных древних времен. Если до вчерашних дней мы считали, что история литературы начинается с Орхано-Енисейских надписей (VI в.), то последние исследования показали, что истоки древней тюркской литературы следует искать в более отдаленной эпохе. В нынешнее время турецкие ученые доказали причастность тюрков к шумерским надписям, которые раньше в качестве самого образца письменности приписывались к евреям. Доказано рождение в тюркской среде самого древнего произведения мировой литературы «Авесты», которое раньше считалось творением персидского народа. Можно привести много таких примеров. Причинами возникновения таких пробелов в истории литературы тюркских народов являются невнимание к древнему культурному наследию своих предков, господство впоследствии разных ложных теорий европоцентризма о лидирующей роли Запада в общественном развитии человечества и т. п.

Если до сих пор исследования истории тюркских народов осуществлялись отдельно друг от друга, то теперь каждый сознательный ученый должен осознать необходимость создания целостной истории тюркского мира. Этим принципом должны руководствоваться и литературоведы, поэтому в этой отрасли достаточно проблем, успешное решение которых требует совместных усилий и объединенного банка идей.

В деле изучения истории общего литературного наследия тюркских народов самым важным вопросом является признание принадлежности этого духовного богатства всем членам тюркского мира. Литература этих народов, созданная приблизительно до IX–XV вв. нашей эры, является общим достоянием всех тюркских народностей. Поэтому важное значение имеют работы, направленные на комплексное решение задач совместных сравнительных исследований всех особенностей национальных литератур с целью превращения их в общее наследие тюркских народов.

А литературное наследие отдельных тюркских национальностей, которые сформировались примерно после XV в., составляют отдельные главы общей истории литературы тюркских народов. В том случае из истории литератур многонациональных тюркских народов образуется общая история тюркской литературы.

В настоящее время в этой области осуществляются некоторые работы. В Турции и Казахстане сделаны первые шаги в деле создания истории литературы тюркских народов. Начаты издания на казахском и турецком языках учебных пособий, хрестоматий по истории литературы тюркских народов. Литература тюркских народов изучается в средних школах в качестве отдельного предмета. Сейчас в высших учебных заведениях Казахстана литература тюркских народов изучается в качестве специального предмета по филологии. Написаны научные труды и защищены диссертации об общем наследии, литературных связях казахского и других тюркских народов. Несмотря на это, надо признать недостаточность проделанных работ. Создание научно обоснованной истории литературы тюркских народов – миссия, которую предстоит решить нынешнему поколению литературоведов тюркских народов.

Для осуществления этой ответственной и сложной работы необходимо создать межтюркскую организацию. По нашему мнению, выполнение такой задачи должно быть составной частью основных направлений исследовательских работ в области литературоведения Тюркской академии, о создании которой заключено соглашение во время встречи глав тюркских государств в 2009 г. в городе Баку. Цель ее создания – развитие науки и укрепление связей между тюркскими народами. А также надо усилить и поддерживать научные искания, которые проводятся в высших учебных заведениях, научно-исследовательских институтах в тюркских странах в этом направлении. Если в этом отношении

проводятся мероприятия по укреплению дружественных связей между тюркскими народами, обеспечиваются условия для работы ученых, то это должно способствовать более тесному духовному сближению тюркских народов.

На наш взгляд, освоение литературного наследия тюркских народов должно осуществляться по нескольким направлениям. В первую очередь нужно определить направления научно-исследовательских работ, обеспечить координацию между ними, усилие и потенциал ученых сосредоточить на решении актуальных проблем, важных для всех тюркских народов. Работу по координации этих работ может выполнить ученый совет, в состав которого должны войти видные ученые из стран тюркского мира.

Проведение ежегодных научных конференций, симпозиумов для анализа, оценки достижения актуальных проблем научных поисков тюркских ученых, для обсуждения злободневных тем, сегодня стало необходимостью. Также необходимо издание научно-популярного журнала, в котором могли бы публиковать результаты исследований ученые, занимающиеся вопросами литературы тюркских народов, пропагандой общих литературных ценностей на языках тюркских народов с резюме на турецком, английском и русском языках.

Важным вопросом считаем осуществление изучения общей истории литературы тюркских народов в средних и высших учебных заведениях. Для выполнения таких задач надо приступить к подготовке учебников, учебных пособий по литературе тюркских народов, предназначенных для средних школ, филологических факультетов. А в высших учебных заведениях для будущих филологов обязательно должно осуществляться изучение общей истории литературы тюркских народов.

Если мы активно приступим к выполнению этих благородных дел, то нужно помнить о том, что есть тысячи путей решения возникающих проблем. Главное заключается в благих намерениях, направленных на использование общего духовного наследия тюркских народов для удовлетворения нужд сегодняшних дней.

З. А. Алибаев

ПОЭТИКА РОМАНОВ АХИЯРА ХАКИМОВА

В статье анализируются исторические романы народного писателя Башкортостана Ахияра Хакимова. Выделяются жанровые особенности, художественное своеобразие произведений автора.

There are Baskortostan national writer Akhiyarov Hakimov's historical novels analyzed in the article. Provided genre features, artistic originality of the author's works.

Наиболее яркое и полное художественное воплощение борьбы башкирского народа против татаро-монголов нашла в романном творчестве А. Хакимова. Тематика, проблематика и система образов романов «Кожаная шкатулка», «Плач домбры», «Мелодия степи» так или иначе связаны с изображением событий и лиц этого времени.

Эта масштабная тема определила художественное своеобразие романов. Отдаленность предмета изображения, скудость фактического материала обусловили усиление роли вымысла, творческой фантазии, обращение автора к поэтике фольклора, мифологии, архетипическим образам и сюжетам. Оставаясь в целом в рамках реалистического метода, писатель отдает дань романтическому методу изображения героев, воссоздавая особенности исторической действительности. Романы А. Хакимова в широком смысле – это романы о прошлом с ярко выраженным лирико-романтическим, легендарным, фольклорным началом.

Характерная черта творческой манеры писателя-историка – установка на вымысел, который позволяет воссоздать события и лица эпохи монгольских завоеваний на основе немногих архивных материалов. Автор добивается не внешнего правдоподобия описываемых явлений исторического прошлого, а передачи духа того времени через образы исторических лиц и вымышленных персонажей. Он стремится запечатлеть живые картины прошлого с их человеческими характерами, умеет перевоплощаться в своих героев, представить себя в тех условиях, в которых существуют они. В его романах мы видим соединение увлекательной формы повествования с историческим фактом. Батальные сцены, эпизоды состязаний батыров, сэсэнов, описания путешествий, охоты, символические

картины придают сюжету динамизм, остроту, способствуют изображению действующих лиц со стороны их исключительности, романтичности. А. Хакимов – исторический романист верен принципу историзма, который в его романах проявляется в узком и широком значениях. Исследователь пишет, что «историзм в узком понимании – это изображение характерных черт и закономерностей эпохи, художественное осознание социально-исторической определенности характера; в широком – такое качество художественной правдивости, которое предполагает осознание писателем действительности как этапа исторического процесса»¹. Само героическое время, так называемый «жестокий век» породил таких личностей.

Поэтика исторических романов А. Хакимова обусловлена романтическим мироощущением автора, его героев. Она проявляется в стилевых доминантах, которые обуславливают эстетическую (стилевую) целостность произведений.

В романах «Кожаная шкатулка», «Плач домбры», «Мелодия степи» такими стилевыми доминантами являются лирико-романтический пафос, образная символика, драматизм ситуаций и судеб героев, описательность, которые обусловлены предметом изображения, служат наиболее адекватному его художественному воплощению.

Лирико-романтическое начало проходит лейтмотивом через все три романа писателя. Уже сами названия произведений определяют основную тональность повествования, настраивают на соответствующее восприятие их содержания. Автор пишет о высоких материях: подвиге, самоотверженности, служении родине, любви, дружбе, роли искусства в жизни человека и общества, свободе. «Высокость» предмета изображения требует адекватного выражения и оформления, что отражается в способах повествования, портретной характеристике, пейзажных описаниях, языке, подборе изобразительно-выразительных средств.

В романе «Кожаная шкатулка» лирико-романтический мотив связан с образами Кувандыка и Серебряной Капли. Трагическая история любви молодых, тесно вплетенная в сюжет романа, определяет его лирическую тональность, придает ему черты национального своеобразия. Кувандык искусно играет на курае, песни сопровождают его возлюбленную. «Кажется, будто и лес застыл, прислушиваясь к волшебным звукам курая, и журчание ручейка стало тише. Даже лошади застыли, замороженные мелодией...» На этом фоне показана счастливая, чувствительная, эмоциональная и восприимчивая к красоте Серебряная Капля. Она «сидела притихшая, просветленная, и мир в этот час ей казался таким же ясным и беспечальным, как озаренная радостью ее душа. Высокое небо над головой, тронутое багрянцем и желтизной деревьев, застывшие в величавом покое горы – все предвещало незыблемость власти, сулило мир и счастье»².

В романе немало эпизодов, рисующих героев в порывах страсти, в мгновениях опасности, в других критических ситуациях. Вот как описывается состояние Серебряной Капли, оказавшейся в плену и оторванной от своего любимого: «...лишь нетерпеливое желание скорее встретиться с любимым владело ее душой. Она хлестала лошадь плетью, неслась впереди своих спасителей, даже не оглядываясь на них, не думая о губительных для двух родов последствиях этого дерзкого побега. Ее ждет Кувандык, весь истомился, истосковался по ней, а все остальное не имеет смысла. Она свободна, он свободен, и нет больше перед ними никаких преград!»³

Не менее ярко и выразительно, художественно и психологически убедительно переданы чувства Кувандыка, внутренне устремленного к своей возлюбленной:

«Он шептал в странном, полубезумном восторге:

– Бежала! Бежала!.. Ах, Серебряная Капля, свет моих глаз, любовь моя! Живи тысячу лет!..

Что ему телесные страдания перед той вестью, что принес Янбай! Если Серебряная Капля бежала из свадебного каравана, значит, она не забыла Кувандыка! Значит, из любви к нему пошла против обычая! Три дня изнывал он в сырой, темной пещере и ждал смерти. Жить без Серебряной Капли? Для чего? И вот такая новость! Эти люди хотят, чтобы он упал перед ними на колени, просил пощады. Бедные! Если бы они знали, как он сейчас счастлив! Теперь он должен жить, бороться, искать любимую...»⁴

Обращение к экспрессивной внутренней речи героев, риторическим вопросам, восклицаниям, инверсии – все это создает ореол романтичности вокруг героев, возвышает их над повседневностью.

Одной из центральных тем романного творчества А. Хакимова – это тема интеллигенции, судьбы творческой личности в различные исторические периоды, при тоталитарном, деспотическом режиме и связанная с ней тема искусства, поэзии, их роли в жизни общества, человека. Свое художественное отражение эта масштабная традиционная тема нашла в романах «Плач домбры», «Мелодия степи», «Нет спасения от бури», «Караван». В романах она проходит лейтмотивом, определяя общую тональность повествования, контрастность системы образов, патетичность, яркость, экспрессивность

словесно-выразительных и изобразительных средств. Она решается писателем в плане оптимистической трагедии.

В «Кожаной шкатулке» представителями искусства являются старик-мастер и молодой Кувандык. С их образами связаны философские размышления автора о войне и мире, роли искусства в жизни народа. Автор вкладывает в уста старца слова, обращенные к своему ученику, имеющие глубоко философский и публицистический смысл: «Разгром и зверства, плен и надругательство над людьми – вот что несет война! Проклятие, тысяча проклятий войне!.. Но как ни бесчинствуют жестокие захватчики – нельзя перебить весь народ. Случайно выжившие люди расчищают руины, возводят новые жилища, зажигают огонь в очаге. От любви, расцветшей среди горя и страданий, возникают семьи, рождаются дети. Да, да, подобно тому, как из нескольких зерен мало-помалу образуется нива, так и народ возрождается из рассеянных, укрывшихся в безлюдных местах остатков племен. Жизнь человека имеет границы – народ бессмертен!»⁵ По своему содержанию речь героя выдержана в ораторском стиле, поэтому автор стремится это передать языковыми, интонационными средствами: семантическими повторами, своеобразной лексикой (слова «разгром», «зверства», «бесчинства», «жалость», «пощада», «бессмертен», «народ», «свобода», «тяжкий труд», «томится», «лишения» имеют общественно-политическую окраску), риторическими вопросами и обращениями.

Как уже было отмечено, А. Хакимов в изображении судьбы большого таланта остается верным сложившейся художественной традиции в мировой и отечественной литературе и решает ее в трагическом ключе. От рук завоевателей гибнет старый мастер, такая участь в будущем уготована Кувандыку. Толпа не понимает и не принимает его искусство: «Нет, не поняли его сородичи. Не оценили ремесло, приобретенное им у лучшего мастера Нового Сарая. В глазах у всех удивление, неприязнь: тебе, мол, такому ладному парню, оружие носить на поясе, а занялся пустой забавой. Горько Кувандыку, обидно. За сородичей обидно, что им не до красоты из-за нескончаемых войн и раздоров. И только подросток Янбай замороженно глядел на его руки, когда он орудовал молоточками разной величины. Нравится Янбаю ремесло Кувандыка, то и дело просит дать ему самому постучать»⁶. Да, война ожесточает людей, делает их равнодушными, безучастными к красоте, прекрасному, возвышенному. Но, по мысли автора, нельзя и невозможно порвать духовно-нравственную цепь, связывающую поколения. Как Кувандык стал преемником погибшего мастера, так и Янбай впоследствии становится верным учеником, продолжателем дела Кувандыка, что мы видим в конце романа.

Тема поэта и поэзии, пророка, его высокого предназначения определяет всю идейно-художественную структуру, стилевое своеобразие романа «Плач домбры». Если в первом романе данная тема образует одну из нескольких сюжетных линий и имеет соподчиненное положение в сюжете, то в этом романе она является главной, сюжетообразующей и решается в ракурсе масштабных проблем: личность и власть, свобода и рабство, тирания и гуманизм. В центре повествования личность, судьба легендарного певца-сэсна Хабрау, выступающего олицетворением общечеловеческих, гуманистических устремлений, выразителем дум и чаяний народа.

Герой показан и в личном, и в общественном планах. Однако в целом его образ «исполнен» в патетическом ключе. Как и подобает поэту-пророку, Хабрау произносит пламенные речи, поет свои песни-призывы. Вот один из таких эпизодов: «лица стариков опущены, женщины тихонько плачут, а отважные джигиты смотрят прямо, в глазах – чистый огонь мести, руки сжимают рукоять кинжала или камчи...» Сам Хабрау в эти минуты обрисован в романтических, возвышенных тонах: «Рывком поднялся он с места, вышел и встал перед народом. Высоким плачем рыдает домбра, гневным призывом рокошет – и вдруг взлетает и расходится вдаль широкая мелодия, полная любви и нежности к этому приволью, к светлым грустным рекам, к могучим величавым горам»⁷. «Земля моя гордая, страна моя горькая! Где батыры твои, что, взлетев на аргамаков, бросятся в бой?» – завершает он свою песню. И в данном случае стиль романтического письма передан лексико-семантическими, интонационными средствами.

Страницы романа полны психологически убедительных сцен, рисующих внутренний мир героя. Он мучится вопросом, видя угнетенное, бесправное положение башкирских племен: «Коли и на этих привольных землях не может судьба-удача разбить себе становье, есть ли в этом подлунном мире справедливость?» Порой у него опускаются руки, он чувствует себя одиноким, бессильным, покинутым, особенно тогда, когда от рук разбойников погибает его любимая Энжеташ. Но слова старого сэсна Йылкыбая: «Пусть надежды и мечты народа дадут крылья твоей душе, пусть его судьба и горе станут твоими. Нет сегодня у башкир сэсна выше и славней тебя. Будь же совестью уральской земли»⁸ – придают ему силы для жизни и дальнейшей борьбы, вдохновляют его. И Хабрау ходит по кишлакам, сочиняя и исполняя песни против Тохтамыша, Хромого Тимура и других врагов своего народа.

В связи с этим приведем еще один эпизод, являющийся ключевым в идейно-художественной системе романа. Здесь Хабрау исполняет свои песни перед воинами. «Слова старинного кубаира проникают в самое сердце слушателей. Молодые сжимают рукоятки сабель, а аксакалы, что были в многочисленных сражениях, не щадя себя бились с врагами, а теперь уже и суставы не гнутся, и глаза слезятся, с гордым видом поглаживают бороды. Громко звучит сказание сэсэн, высоко взлетает рокот домбры, взмывает соколом, но тут же сложит крылья и ринется вниз, и вот уже летит низко, как стриж над самой водой перекаатов, – просверк, еще просверк, и исчез...»⁹ Тема поэзии, искусства, сэсэн, заявившая о себе еще в начале романа, в дальнейшем развитии действия звучит всё настойчивее и достигает своего апогея в его финале. «Кто знает, может, и он станет известным йырау (музыкант, поэт-сказитель), и слава его догонит славу знаменитого усергеновского певца и сказителя йылкыбая», – читаем в экспозиции романа. Заключительные эпизоды изображают вдохновенного Хабрау, исполняющего песню перед воинами¹⁰.

В романах писателя можно увидеть сочетание двух способов изображения: эпического и субъективно-лирического. Первый способ строится на стремлении автора с помощью многопланового повествования, переплетения нескольких сюжетных линий, столкновений героев создать объективную картину исторической действительности. При этом ведущая роль принадлежит автору-рассказчику, который часто отстранен, отдален от событий на определенный эпический отрезок времени и оказывается в положении наблюдателя, описывающего зрелище. Второй способ связан с попытками дать представление о богатстве и многообразии явлений действительности путем ее проецирования на внутренний мир героя, отражения его восприятия мира. Здесь исчезает «эпическая дистанция», присущая первому типу повествования. Ориентация писателя на синтетичность, на сочетание эпических, лирических и драматических начал, что обогащает эмоциональное звучание романов, – тоже сближает их с произведениями романтического типа.

Однако картина эпохи монгольских завоеваний, воссозданная автором в романах, в целом реалистична. Романтическая линия в них проходит как тенденция, мотив и присутствует, главным образом, при обрисовке, характеристике действующих лиц. Здесь речь должна идти о романтическом пафосе, романтике как о типе авторской эмоциональности. Предметом художественного изображения в романах А. Хакимова является «жестокий век», напряженно кризисные, экстремальные ситуации, призывающие людей к героическим свершениям; он обращается к жизни башкирских племен в средние века, когда они вели борьбу за свою национальную самобытность, свободу.

Элементы романтики, приподнятого изображения героев можно обнаружить во многих реалистических произведениях. Она присуща произведениям, в которых прославляется подвиг, самоотверженность, служение долгу, патриотизм и другие человеческие добродетели.

В романах А. Хакимова романтика пронизывает всю их образную ткань. Автор создает образы, близкие к идеалу, к так называемым «вечным образам». Это образ поэта-пророка (Хабрау, Сайфи, Иылкыбай), джигита и его возлюбленной (Кувандык и Серебряная Капля), мудреца-аксакала (старый мастер из «Кожаной шкатулки», Юлыш, Юламан). Вечные темы войны и мира, добра и зла, любви и ненависти, о чем повествуется в романах писателя, обусловили их высокий слог, торжественно-приподнятую интонацию, яркость, выразительность художественных средств изображения.

Примечания

1. Алибаев З. А. Природа конфликта в современных башкирских романах. – Уфа, 2003. – С. 24.
2. Дарьялова Л. Н. Проблема историзма в советской прозе первой половины 20-х годов. – М., 1968. – С. 44.
3. Там же. С. 65.
4. Там же. С. 87.
5. Там же. С. 59.
6. Там же. С. 68.
7. Там же. С. 111.
8. Хакимов А. Х. Плач домбры. – М., 1988. – С. 33.
9. Дарьялова Л. Н. Проблема историзма в советской прозе первой половины 20-х годов. – М., 1968. – С. 88.
10. Хакимов А. Х. Плач домбры. – М., 1988. – С. 96.

А. Л. Кошелева

**РУССКО-ХАКАССКАЯ ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ ПОЭЗИЯ:
АМБИВАЛЕНТНОСТЬ И ИДИОСТИЛЬ ПОЭЗИИ В. ТАТАРОВОЙ**

Культурная амбивалентность стала важным свойством творческой позиции В. Татаровой, когда умело синтезируются факты духовной и материальной культуры двух народов – хакасов и русских.

Cultural ambivalency becomes an important attribute of V. Tatarova's creative poetry, when facts of spiritual and material culture of two peoples the Khakass and the Russians are soundly synthesized.

В. К. Татарова (1952) – одна из молодых хакасских писателей – начала в национальной литературе, именно в поэзии¹, новое стилевое течение, рождённое историко-культурными потребностями времени и обозначенное как «диалог культур». Среди русскоязычных поэтов она по-своему ярко, проникновенно выразила этнопсихологические черты хакасского народа. Её художественное сознание формировалось в семье сельских учителей рядом с русским словом Пушкина, Гоголя, Толстого, Горького, овеянное звучанием героических сказаний и легенд на родном языке. Таким образом, именно культурная амбивалентность стала важным свойством творческой позиции В. Татаровой, когда умело синтезируются факты духовной и материальной культуры двух народов – язык, литература, фольклор, этнография, традиции, мировоззрение. Сущность своей амбивалентности мудро, образно и многозначительно обосновала сама В. Татарова в предисловии своей книги (поэтическая этнология) «Белая волчица»: «Почему «Белая волчица» написана на русском языке? Писать на русском языке меня заставляет то, что многие хакасы, особенно молодые, плохо или почти совсем не знают родного языка. А я хочу свои раздумья-размышления о доброте, мудрости и красоте традиций, обычаев, о духовной мировоззренческой культуре нашего народа адресовать тем, молодым, потерявшим язык, но связанным с этой культурой генетически. Кроме того, очень важно, чтобы представители других народов, для которых эта древняя земля стала родиной, ощутили душу хакасского народа, его боль, восприняли его культуру с уважением как одну из многих граней многоликой сокровищницы мировой культуры»².

При этом поэтическое слово В. Татаровой на русском языке сохраняет глубокую национальную заданность, чтобы и хакасы, и русские «ощутили душу хакасского народа, его боль, восприняли его культуру с уважением как одну из многих граней многоликой сокровищницы мировой культуры», – выбор языка творчества не уравнивается поэтом с выбором национальной идентичности.

Своеобразным итогом двадцатилетнего труда В. Татаровой (членом Союза писателей СССР она стала в 1985 году: принята по рекомендации Восьмого Всесоюзного совещания молодых писателей) стала книга стихов на русском языке «Брусника на ладони», изданная в 1995 г. Сборник интересен уже тем, что переводы всех стихов с хакасского осуществлены самим автором, прекрасно владеющим и русским, и родным языками. А значительность проблематики, жанрово-тематического богатства, «созвучие» культур, духовных начал заявлены названиями его циклов: «Юношеские миниатюры», «Тени предков моих», «Мои простые тайны», «Глухариный зов», «Притчи».

Русскоязычный поэт В. Татарова никогда не забывает, что она «связной» двух культур, неся в своём главном предназначении и тайны «седой», древней национальной истории, и пронизательность этнографа, и эмоциональность, одухотворённость фольклориста, и мудрость стариков. «Своё», но «чужое» для метрополии, мейнстрима она доносит эмоционально, образно, доступно, формируя такие нормы транскультурной литературы, как «приращения смысла», собственная «кодовая система» (Ю. М. Лотман), интерпретируя этим самым ментальные исторические, мифические, фольклорные, этнографические подтексты, смыслы, символы. Так, в цикле «Юношеские миниатюры» в повествовательную ткань стиха органично вкраплены отдельные слова, метафоры, сравнения, соотносящиеся с этнобытом: «солнце-бубен», «годы-кони», «старое белое сито», «синий шкаф / занавешен ситцем», «слова, словно уздечки звеня», «бродит за курганом дедовская быль». Синтез культур особенно органичный, образный в любовной лирике цикла: обозначен синтез культур, когда реминисценции, аллюзии ориентированы на традиции русской любовной лирики и любовной лирики Востока. Цветаевская искренность и доверительность звучат в строках стихотворения «Золотники осенних дней»:

... Я люблю тебя. Вот такого –
Без лукавинки и прикрас.
Из души вдруг плеснувшее слово
На ладони несущее напоказ³.

И где-то на пределе чувств выплёскивается ахматовский выкрик:

И зачем ты однажды прямо
В упор посмотрел на меня,
Что-то, пронизывая, упало
В пекло сердечного бытия.
То ли искоркой в стог соломы
Чиркнул в душу мою тот взгляд.
И сердце моё обречённое,
И сердце моё обновлённое
Стало сильнее стократ...⁴

Богатство эстетических красок – анафора («и сердце моё»), метафоры («пекло сердечного бытия», «чиркнул в душу мою тот взгляд»), метафорические эпитеты («опалённое», «обречённое», «обновлённое») – несёт не просто определённую эмоциональную нагрузку, но обуславливает стилистическую разноплановость в передаче сильного человеческого чувства.

Восточная философичность, мудрость и даже космизм обрамляют в стихе В. Татаровой мимолётное, но очень сильное чувство:

...Но мне достался миг –
В тысячелетье это
На миг остановить
Вращение планеты⁵.

Особый интерес в аспекте формирования примет, признаков транснациональной (транскультурной) литературы представляет в сборнике цикл «Тени предков моих». Он соотносится с интересной и важной стороной творческой деятельности В. Татаровой: она является создателем и одним из руководителей «Общества традиционных религий хакасского народа – Центра хакасского шаманизма». Своеобразие поэтического языка стихотворения «Солнце-бубен» определяется прежде всего двойным авторским видением, когда на ментальном уровне в одном контексте сближаются знаки-сигналы разновременных культур («гулкие века» и «гул самолётов»), современность и архаика:

Взмахнув над миром синим рукавом,
Невидимый шаман возносит бубен,
Тьмы дух в бою осилив роковым,
Возносит солнце над долиной бубен...
И колыбель Земли качают гулкие века –
Гул самолётов над долиной буден.
Воздета к космосу шаманская рука.
Восходит солнце, солнце-бубен⁶.

В этом стихотворении необыкновенно действенен и такой композиционный ход повествования транснациональной литературы, когда авторское «Я» (человек и поэт) синтезирует, объединяет идентичность и своё – ментальное этнокультурное начало, сегодняшнее бытие и реалии «трёх уходящих поколений»:

Ты говоришь, в моей крови
Есть кровь шаманская глухая.
И оттого я трепетна в любви,
И оттого во гневе закипаю...
В какой же колыбели, вздох тая,
Меня рука шаманская качала?
Быть может, эта же рука
В трёх уходящих поколениях
Мне подарила сладость языка
И муку светлую творенья.
А дуги-брови – два крыла

Уснувшей ночи у кургана,
Она меня однажды обожгла
Тавром из рода белого шамана...

В стремлении донести своё, ментальное, до инонационального читателя является стихотворение «Родная степь», в котором образ степи и является монументальным, содержательным и образным символом, олицетворяющим родную землю:

Родная степь! И быль, и солнце!
Тебе ковыль поклон свой отдаёт.
Табун коней вдали пасётся,
Старик табак свой достаёт...⁷

Так проста и непритязательна по смыслу последняя строка («старик табак свой достаёт...»), но она «очеловечивает» и делает таким трогательно близким уже хорошо знакомое.

В транснациональной литературе слово, языковые средства несут усиленную, ещё более действенную содержательную и формальную (эстетическую) нагрузку, обогащаясь так называемым «приращением смысла», кодовым заданием, чтобы инонациональный читатель мог интерпретировать темы, образы, смыслы, связанные с этнопоэтической культурой, с этнографией, историей, фольклором, мифопоэтикой. У В. Татаровой взаимодействие двух языковых начал, русского и хакасского, просматривается во всех стиховых циклах сборника, особенно в цикле «Тени предков моих», когда активизируются мифические и фольклорные образные аллюзии, этнографический контекст, архаическая символика. Содержательная и эстетическая выразительность, национальный колорит передаются поэтом посредством метафорических акцентов, образов, сравнений, олицетворений, эпитетов: «в кострищах песен, спетых до меня», таятся истоки духовности древнего народа и самого поэта; «коновязь времён» переплетает прошлое и настоящее, и «тени предков» возвращаются в современную новь; «ночью прошедшей» «по белым степям» в «долине Великого Устья гарцуют «белые всадники», а рядом с «трансшоссе», по которому «машины бегают урча», «в горах Изых» «живут красные всадники»: «... в седло коней степных врасая, / алыпы скачут на закат». В стихотворении «Красные всадники» настойчиво повторяется эпитет «красный»: «красный островок», «россыпь красная», «закат багровый», «от ран кровавых красный след», «лица красно-смуглые», «красный хвост», «из-под краснеющих копыт», – возвращая современника к драмам «седой» старины.

Как поэт русскоязычный, транснациональный, В. Татарова часто использует в русском тексте сборника стихов «Брусника на ладони» и «поэтической этнологии «Белая волчица» диглоссию – слова на родном языке, этим самым акцентируя внимание читателя литературного пограничья на истоках национальной истории, национальном фольклоре, этнографии: «алып», «тамга», «От Ине» – мать огня, «Кюн Тас» – богиня Солнца, «Чаа-тас» – камень войны, «Алтын Теек» – ночная звезда, «Киме-Тас» – ладья времени, «Иркин эзы» – хозяин порога, «Иней-тас» – Каменная женщина, «Изых» – священная гора.

Поэтические олицетворения природы В. Татаровой – не просто эстетические украшения, они несут в себе смысловую заданность, передают священные поверья старины через образное мышление хакаса: «... восходит солнце-бубен», «нежной лилии чаша» сияет «как золотой тагарский сосуд» («Стоит высокая трава»); «парит над нами в синей вышине» не «царь птиц – могучий беркут», а чья-то «душа... взирающая сверху, летит на птичьем бережном крыле» («Беркут»); вещуньей становится и одинокая, тоскующая «в дебрях тающего лета» кукушка («Кукушка»); «колдует кудесница-весна», и сама хакасская земля превращается в «бубен долин» – «первый гром, первый лист, первый клювик травы, вещий голос кукушки», берёзы «божественный взор», «оживающие ковыли»:

Словно бубен зеленых
Хакасских долин
Натянула весна
Пред великим камланием,
Что сощурил глаза
Превратившийся в камень
Динлин
В сокровенном
Своем ожиданьи⁸.

Отправляющаяся в путь-дорогу молодая женщина просит удачу у своих богов: «Золотую Богиню От Ине» (мать Огня, охранительница очага) – «оградить ... очаг ... от беды», а «Хозяина Порога Иркин-эзы» (ограждает от несчастий в пути) – оградить «от напастей любых в пути» («О, хозяин порога»). Антропоморфизм (олицетворение природы) и анимизм (одухотворение окружающего мира) – это истоки, основа мирозерцания древних предков, сохранившиеся в традициях, обрядах, ритуалах современных хакасов и продолжающие волновать творческое сознание поэта. Всё это прежде всего проецируется на тему «дома», приобретающее в транснациональной литературе многозначный и сложный смысл: в психологическом измерении как пространство идентификации, как осознание чувства «дом – родина», в этноисторическом плане как понимание своих истоков, корней, в эстетическом – умение увидеть и понять красоту родной земли.

Своё продолжение она находит и в трактовке темы поэта и поэзии в цикле В. Татаровой «Мои простые истины». Эта тема – одна из главных в лирических циклах поэтов всех национальностей.

Идиостиль В. Татаровой в её поэзии обозначен историко-культурными экскурсами (интертекстуальность) и чисто индивидуальным, когда автор находит свою идентичность прежде всего тоже в прошлом родной земли и своего народа. «В звоне новой зари» обращается лирическая героиня с молитвой к «Иней Тас» – «Каменной женщине» помочь ей сопрячь времена, чтобы своим современникам правдиво рассказать об их «древней земле», чтобы песня её стала «песней степи, / как стада, тонкорунна»:

Как измерить мне боль
Уходящего дня
В негасимых курганах столетий,
Чтобы сердце народа
Болело во мне и меня
Называли поэтом⁹.

«Не знающим уздечки» жеребёнком называет себя поэт, не забывая, что она из рода «Ах Хасха» – рода Белолобого коня, и каждое слово обращено к священной старине: свою «ярость» в борьбе с сегодняшним злом она сопоставляет с «яростью» далёкого предка, сражающегося с «коварной рысью», а слово своё с его «меткой стрелой»:

И две ярости
В яростном перехвате...
И стрела моя снова
К полёту стремится.
Если в миг тот почую
Коварную рысь,
О, мой предок, ты должен
Во мне возродиться¹⁰.

Слово-стрела ... Эта аналогия трансформируется в ещё более яркий образ в речитативе «Колчан», когда сердце поэта – «вместилище стрел» – сравнивается с колчаном: «... в колчане моем, в моем сердце поэта». Из этого «колчана» предков взывают «стрелы» хакасской поэтессы к людям, которые «опутаны» «злостью», «страхом», «завистью», предупреждая их о «белом отмщении» Земли. У Матери Ымай молит и «потомок» своего «древнего народа» о том, чтобы её слово боли и любви было отдано родной земле:

О, Мать Ымай!
Когда настанет час, на всем скаку
Мой конь споткнётся, не поднявшись снова,
Всю боль мою со всей моей любовью
Отдай Земле, кострам, родному очагу¹¹.

Вот так, по-своему, внимая «преданьям старины глубокой», трактует В. Татарова одну из ипостасей «вечной» темы поэзии.

Примером межтекстовых (интертекстуальных) «переключек» в этой теме являются два стихотворения В. Татаровой: «Слова» и «Стары, как мир», в которых соотносятся два историко-культурных контекста:

Никто не сажал их
На грядках земли,
Вольный ветер развеял

Их дикое семя,
 Тёплый дождь окропил их
 В весеннее время,
 И эти слова
 Из родимой земли проросли...
 И слова, словно кедры,
 Просторно гудят,
 Как таёжные грозы,
 Тревожно гремят
 И пролиться спешат
 Долгожданным дождём¹².

И эти «слова» должны «покорять» «высотой», воплощать «истины и сны», «проклятия и стрессы», «мудрость» и «вёсны» («Стары, как мир»). На уровне своего времени («пронзают ночь другие истины и сны») и своего мироощущения хакасская поэтесса в этой явной аллюзии продлевает жизнь классической строки великой Ахматовой – «... из чего вырастают стихи».

Небезынтересен в транскультурной (транснациональной) поэзии В. Татаровой опыт создания притчи. Заключительный цикл сборника «Брусника на ладони» так и называется – «Притчи». В сноске автор поясняет, что написаны они по материалам этнографической экспедиции известного хакасского учёного, тюрколога с мировым именем, ориентолога, филолога, фольклориста Н. Ф. Катанова 1890 года по Минусинской долине. В транснациональной поэзии В. Татаровой притча – показательный и убедительный пример не только историко-культурного контекста, но межжанровых интертекстуальных соотносённостей. Возникнув задолго до нашей эры у народов древнего мира (Греция, Индия, Египет), аллегорический рассказ, преследующий нравоучительные цели, пережил многовековую эволюцию, приобретая прописку как в литературах Запада (от Эзопа к Лафонтену, затем к притче Сартра, Кафки, Камю, Брехта), так и в литературах народов Востока. В России – это путь от истоков (Хемницер, Сумароков, назвавший свои басни притчами, Дмитриев) к вершине – басне-притче великого Крылова, вобравших в себя мудрость народной мысли, яркость, выразительность и меткость народного языка, совершенство поэтической формы. Художественные традиции басенного творчества Крылова продолжили в России, каждый в своё время, Д. Бедный и Сергей Михалков.

Опыт басенного творчества в хакасской литературе, одной из молодых литератур России, невелик, если не считать басню В. Кобякова «Сова» («Тасха»), несколько басен И. Котюшева и притчи в прозе С. Карачакова. Однако не лишены жанровых признаков притчи отдельные произведения лирики М. Кильчичакова, В. Майнашева, прозы И. Топоева. Не чужды они и для хакасского фольклора, так называемые «побаски» о животных, частях тела человека. Вероятно, нечто подобное было записано и этнографической экспедицией Н. Ф. Катанова, материалами которой воспользовалась В. Татарова.

Трудно в этом жанре быть совершенным, тем более достичь того уровня, который был задан Гоголем, оценивающим талант Крылова: «Поэт и мудрец слились в нём воедино»¹³, – писал он.

В художественной концепции притч В. Татаровой образ родной земли («родные степи», «родные реки», «вершины тасхылов», «степные ковыли») и образ родного народа («ака» – «дед», «отец», «народ», «родные дети», «родные песни») являются важным средством национальной и культурной самоидентификации. Вековые общечеловеческие истины («... слушать тех, кто внизу» – «Мудрый кот»; почаще оглядываться на самого себя – «Подкаменник»; почитать старших, но не быть «холодным» – равнодушным – «Три сына»; жить в мире и дружбе – «Мышь и воробей»; осмеяние того, «что глупостью зовётся», – «Лягушка и бык») она утверждает через образы и ситуации ментального свойства чем-то родные и близкие. Однако вышеназванные мини-рассказы по многозначности истолкования, по наличию в них «итоговости», «отстойности» пословиц, системы образов, сатирической остроты и комизма больше напоминают басню. Несмотря на зыбкость жанровой границы между басней и притчей, притча всё-таки обладает рядом чётко обозначенных признаков: в ней есть духовное наставление, авторская идея не оформляется в систему образов, нет характеров и динамики событий. Более всего приближается к притче повествование «Три сына» (названная автором притчей), где элементы национальной духовности, авторская идея трансформируются в образы, издревле почитаемые хакасами (сын-Солнце, сын-Огонь и сын-Месяц) и передающие в притче то высокое, что до сих пор сохранилось в хакасских обрядах и поверьях:

С тех пор повелел Кюкюрт-хан:
 «Коль любовью твоей моё сердце согрето,
 Всех согрей на Земле, Солнце-сын!
 Быть тебе, старший сын, Богом Жизни и Света!
 Тебе, сын-Огонь, одарить всех теплом
 И в тайге, и в горах, и в пути, и под крышей,
 В ненастье и в холод, и в горе, и в голод,
 Другом быть, Богом быть Очага и Жилища!»
 Долго медлил отец, назначая судьбу сыну-Месяцу:
 «За твоё бессердечие только во тьме
 Я тебе разрешаю порою светиться!
 Лишь затем, чтобы путник не сбился с пути!
 Пусть отныне на небе звездном,
 Как и чувства твои, свет обманной Луны
 Будет ликом твоим холодным!»¹⁴

Жанру притчи более всего соответствует мини-рассказ В. Татаровой «Почему». В нём воплощена извечная национальная идея хакасского народа не «уйти в вечность», а быть хозяином «родных степей», «родной земли», сохранить «родную речь» и «родной язык». Поэт В. Татарова, пишущая на русском языке, в данной притче избирает разнообразные модусы самовыражения (настойчивая анафора «о чём говорят» с эпитетом «родные», риторические вопросы типа «Почему невесёлые песни поёшь, о брат мой!», олицетворения – «тасхылов, белеющих вечно», метафора – «о черноголовом народе моём, уходящем в вечность»), которые заостряют главную мысль, формируют выразительность, экспрессивность повествования, контрастируя свой преодолевающий культурное пограничье художественный мир. Полнокровная, поликультурная в ментальном отношении лирика В. Татаровой поведала читателю не только о том, что «мы оттуда. Из веков», но и что является новым в хакасской поэзии, представила новое мироощущение хакасского народа и хакасской молодёжи. Время позволило ей смело заговорить о том, о чём вряд ли могли сказать её собратья по перу в 1930–1960-е и даже 1970-е годы (цикл «Тени предков моих», притча «Почему»). А выбор языка самовыражения не означает у поэта потерю национальной идентичности. Русскоязычная поэзия В. Татаровой формируется в пространстве русско-хакасского пограничья, что рождает новые темы, новые образы, обновляет художественную систему. Стихи В. Татаровой «вырастают» из жизни, из того, чем «зажигается» она. Хакасский писатель, поэт, прозаик, переводчик, видный общественный деятель, В. К. Татарова образно скажет, что в её строке «спрессованы судьбы и жизни, любовь и страданья, и честь, отбушевавшие как таклизмы, кремнем звенит невысказанная строка».

Примечания

1. Кошелева А. В. К. Татарова // А. Кошелева Хакасская поэзия 1920–1990-х годов: типология и закономерности развития. – Абакан, 2001. – С. 228–244.
2. Татарова В. Белая волчица (поэтическая этнология). – Абакан, 2006. – С. 3.
3. Татарова В. Золотники осенних дней / Там же. – С. 13.
4. Татарова В. И зачем ты однажды / Там же. – С. 17.
5. Татарова В. Я дрогнувшей рукой / Там же. – С. 12.
6. Татарова В. Солнце-бубен / Там же. – С. 24.
7. Татарова В. Родная степь / Там же. – С. 29.
8. Татарова В. Бубны долины / Сборник «Брусника на ладони». – Абакан, 1995. – С. 45.
9. Татарова В. Молитва Иней Тас / Там же. – С. 33–35.
10. Татарова В. Запах победы / Там же. – С. 47–48.
11. Татарова В. Я жажду жить / Там же. – С. 83.
12. Татарова В. Слова / Там же. – С. 62–63.
13. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. VIII. – М., 1952. – С. 394.
14. Татарова В. Три сына / Там же. – С. 116–117.

Р. М. Донгак

**ТИПОЛОГИЯ ЖАНРОВЫХ ФОРМ ТУВИНСКОГО РОМАНА
В СРАВНИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ С ЯКУТСКИМ РОМАНОМ**

В статье «Типология жанровых форм тувинского романа в сравнительном анализе с якутским романом» рассматриваются вопросы типологии тувинских романов на примере классификации якутских романов. Впервые предпринята попытка классифицировать тувинский роман. Вопросы жанровой типологии тувинского романа остаются открытыми.

The article «Typology of genre forms of tyvan novels in comparative analysis with jacut novels» deals with. The questions of typology tyvan novels based on classification. Jacut novels for the first time the article attempts. to. classif the tyvan novels the questions tyvan novels. Typology remains open for discussions.

Одной из важнейших задач изучения романа считается создание научно обоснованной типологии романа. В становлении сравнительно-исторического метода и тем самым в разработке жанровой проблематики сыграли большую роль труды ученых Н. И. Конрада, В. М. Жирмунского, М. П. Алексеева, И. Г. Неупокоевой, Т. Л. Мотылева, В. И. Кулешова, Г. Н. Поспелова, М. Б. Храпченко. Работы зарубежных ученых А. Димы, Д. Дюришина внесли большую лепту в изучение типологии жанровых форм романа. Занимаясь этой проблемой, Л. Якименко писал: «Мы не располагаем научно обоснованной классификацией, у нас нет общепринятых критериев для определения видовых различий внутри жанра»¹.

Романная типология, характеризующаяся всеобщностью и универсальностью, присутствует и в трудах М. М. Бахтина². По своей глубине и богатству идея диалогизма, будучи использованной для понимания жанра, преобразилась в идею существования полифонического романа в отличие от монологического, признаки которого просматриваются в самых ранних образцах европейского романа, но находят себе наиболее совершенное и отчетливое воплощение в творчестве Ф. М. Достоевского.

В. В. Кожин отрицал жанровую преемственность плутовского и рыцарского типов романа, считая последний жанровой вариацией героического эпоса. Поэтому в его концепции плутовской роман предстает не типом романа, а первоначальным вариантом романного жанра вообще³.

Н. А. Вердеревская выделяет четыре вариации романа, для обозначения которых находит специальные понятия: роман линейно-биографических судеб, роман кульминации личности, роман саморазвития личности и роман жильбазовского типа⁴.

А. Я. Эсалнек констатирует, что появление такого количества литературы о романе свидетельствует о новых ракурсах в изучении этого жанра и вместе с тем об отсутствии единых принципов его классификации на типы⁵.

Типологизация жанровых форм проводится давно, и многие исследователи сетуют на то, что в ней до сих пор нет четких, определяющих критериев. Исследователями предлагаются разные принципы: тематические, сюжетные, стилевые и т. д. Как считают ученые В. Барщук и З. Османова, в своем исследовании 1978 г. насчитали до 75 вариаций классификационных критериев, которые выдвигаются как жанрово-типологические, а если учесть смешанные, так называемые гибридные виды, то до 90 с лишним.

В литературах народов Сибири классификацию жанровых разновидностей якутского романа приводит В. Б. Окорокова⁶. Она определила классификацию жанровых разновидностей 46 романов якутской прозы и 5 романов литератур народов Севера. Классификация тувинского романа ещё не проведена. Задачей данного исследования является попытка классификации тувинских романов на примере прозы якутской литературы. В работах таких известных литературоведов Сибири, как М. А. Хадаханэ, З. Б. Самдан, Р. А. Палкиной, рассмотрены отдельные тувинские романы, и они послужили основой данной работы.

В. Б. Окорокова, приступая к классификации жанровых разновидностей якутского романа, выделяет следующие жанровые разновидности: историко-революционные, производственные, социально-бытовые, социально-психологические, авантурные, этнографические, документальные, исторические, философские. Она отмечает, что типологизация жанровых форм повествовательных жанров имеет свои особенности, вытекающие из своеобразия национальной прозы. Далее она же подчеркивает, что в прозе литератур народов Якутии вряд ли найдутся все жанровые разновидности романа, нет даже их половины.

Молодые литературы освоили жанры прозы от рассказа до романа, что явилось основным направлением их развития на начальном этапе. А расширение прозы во всех ее разновидностях является

новым этапом ее развития – этапом обогащения жанровых разновидностей романа. Некоторые жанровые формы в литературах народов Якутии разработаны больше, а иные находятся на стадии становления. Традиционными жанрами в прозе, пишет В. Б. О कोरोкова, стали социально-бытовые, социально-психологические и историко-революционные. Новыми жанровыми разновидностями, которые осваиваются современной прозой, явились исторические, документальные, философские. Редкими формами, которые появляются, но по ряду причин не могут достичь зрелости, стали приключенческие, детективные, научно-фантастические.

Как отметил М. Бахтин, ни одна конкретная историческая разновидность не выдерживает принципа в чистом виде, но характеризуется преобладанием того или иного принципа оформления героя. Так как все элементы романа взаимопределяют друг друга, определенный принцип оформления героя связан с определенным типом сюжета, концепцией мира, с определенной композицией романа⁷.

Первые социально-бытовые и социально-психологические рассказы, темы которых были посвящены переустройству действительности, предопределили возникновение историко-революционных романов в якутской и тувинской прозе. Сравнение тувинского романа с якутским объясняется тем, что данные литературы являются родственными. Якутская проза по своему становлению и развитию шла впереди тувинской литературы, так как тувинская литература начала формироваться как самостоятельная литература лишь с середины 1920-х гг. С приобретением национальной письменности в 1930 г. тувинская литература стала делать широкие шаги в сторону развития.

Тема революции и Гражданской войны прочно входила в рассказы якутской прозы 1920-х гг. и становилась основной в литературе, получая дальнейшую обработку в повестях и романах. Все первые якутские романы: «Марыкчанские ребята», «Весенняя пора», «Судьба» – историко-революционные. Первые социально-психологические романы на тему современности в якутской литературе появились в 1960-х гг. – «Бьется сердце» Софрона Данилова, «На водоразделе» Василия Яковлева. В них писатели поднимали острые проблемы современности, где главным акцентом стала нравственная тематика. Психологизм и лиричность, монологичность в повествовании – черты современного романа.

Свое дальнейшее развитие социально-психологический роман получил в творчестве Софрона Данилова «Не улетайте, лебеди!» (1986), Николая Якутского «Потеря», «Путы» (1985), Степана Дадаскинова «След песка» (1988), Василия Титова «Северный журавль» (1993), Эдуарда Соколова «Хампа» (1994), Далана «Друг, взойдем на зеленый луг», «Крылатые мечты» (1990, 1991) и др.

По мнению якутских литературоведов В. Б. О कोरोковой, Д. Е. Васильевой, А. Н. Мыреевой и других, на современном этапе идет расширение жанровых разновидностей якутского романа. Особенно популярным стал исторический роман: «Глухой Виллой» (1994), «Тыгын Дархан» (1993) Далана, «Ямщики на Лене» (1999) Ойуку, «Отзвуки тех лет» (1994, 2000) Н. Петрова, «По указу Чингис хана» (1997, 2000, 2005) Н. Лугинова, «Манчаары» (2000) И. Гоголева и др.

Роман-эссе писателя Далана «Судьба моя» (1995) относится к документальному жанру, где писатель в своем произведении воссоздает время репрессий. Основным достижением якутской прозы XX в. стал философский роман «Богиня милосердия» (1993), «Третий глаз» (1999) Ивана Гоголева. Писатель, раздвигая временные рамки романа, выходит на Вечное Время и рассуждает о многострадальной судьбе своего народа. Подробно романы И. Гоголева исследованы в монографии С. Е. Ноевой⁸.

Если в якутской литературе проза 1920–1940-х гг. бурно развивается, то в тувинской литературе в это время только появляются зачатки прозы. А в русской литературе уже «в 1923 году была широко развернута дискуссия о жанре нового советского романа, поскольку произведения, романтически описывающие гражданскую войну и революцию, потеряли для читателей свою новизну и актуальность. Книжные развалы 20-х годов пестрели зарубежной литературой»⁹. Это говорит о том, что такие темы, как освещение Гражданской войны и революции, ставшие основными для молодых литератур, в русской литературе уже были не актуальными.

А молодые литературы, такие как якутская и тувинская, на протяжении десятилетий оставались приверженными этой теме. Потому что, во-первых, жизнь народа коренным образом менялась (т. е. происходящее люди воспринимали на уровне сказочного чуда, героического эпоса) и, во-вторых, метод социалистического реализма и политика советской власти требовали от писателей постоянной благодарности и преклонения.

Вместе с освоением действительности в литературе идет процесс осознания личности, собственного «я», потому первые крупные произведения в ней автобиографичны.

Литературовед М. А. Хадаханэ пишет: «Для тувинской литературы автобиографическая тема явилась первой ступенью в рождении национальной прозы. Трилогия С. Тока «Слово арата» была создана в 1943–1964 гг., дилогия С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике» написана в 1961–1966 гг.»¹⁰. А

бурятский исследователь В. Ц. Найдаков, отмечая тематическую направленность бурятских произведений прозы, писал, что есть определенная закономерность в том, что первые бурятские романы были посвящены эпическому художественному осмыслению величайшего рубежа в жизни народов России – Великой Октябрьской революции и последующего социального переустройства мира¹¹.

Так якутские и тувинские писатели запечатлели разрушение вековых традиций и уклада жизни, изменение мировоззрения народа и грандиозные перемены в их жизни. И эта задача могла быть решена только в произведении большого эпического плана, как роман.

В тувинской прозе с самого её начала вплоть до современного времени в основном преобладают социально-бытовые, историко-революционные романы. Основной темой романов «Слово арата» Салчака Токи, «Повесть о светлом мальчике» Степана Сарыг-оола, «Гордость женщины» Монгуша Кенин-Лопсана, «Улуг-Хем неугомонный» Кызыл-Эника Кудажи, «Старые стойбища» Эдуарда Донгака, «Урянхайцы» Михаила Монге являются темы революции и становление нового общества. Как отметил тувинский критик А. К. Калзан: «Тувинский роман при своем становлении в основном опирался на историко-революционную тему»¹².

А на современном этапе можно заметить сдвиги в жанровых разновидностях. Литературовед У. А. Донгак отметила, что «современная тувинская литература представлена широким эпическим повествованием в разных жанровых формах романа, например роман-эссе М. Кенин-Лопсана «Буян-Бадьргы», романы с морально-нравственной проблематикой С. Сюрюн-оола, роман, наполненный мифологемами, «Исчезнувшая девушка» М. Кенин-Лопсана»¹³.

Жанр историко-революционного романа занял достойное место в тувинской прозе. Тувинские писатели к новому устройству общества относились с огромным вниманием. Путь к нему проложили первые прозаики: Салчак Тока «Слово арата» (1964), Степан Сарыг-оол «Повесть о светлом мальчике» (1966) – где показали становление личности своих героев.

Затем эта тема продолжилась в романах Монгуша Кенин-Лопсана «Гордость женщины» (1971), Кызыл-Эника Кудажи «Улуг-Хем неугомонный» (1972–1992), Эдуарда Донгака «Старые стойбища» (1983), «Маралье заклинание» (1986).

Действие лиро-эпического (самоназвание самого писателя) романа «Стремнина великой реки» (другое название – «Настигающий птицу», 1965) тувинского писателя Монгуша Кенин-Лопсана разворачивается в начале 1940-х гг. XX в. в Туве. Мирный, свободный труд аратов-скотоводов и земледельцев, их колоритные, запоминающиеся характеры, жизнь и быт народа предстают перед читателем в ярких, точных и емких образах. Живой поток авторской речи, где проза перемежается с поэтическим текстом, создает эмоционально насыщенные картины, являющиеся выражением творчески осмысленной культурной традиции тувинского народа.

У этого романа есть второе, поясняющее название – «Роман в трех тетрадах». Имеется рецензия тувинского критика Д. С. Куулара на роман «Стремнина великой реки», где он высказал свое мнение по поводу поясняющего названия романа: «Давая своему произведению такое название, он подчеркивает, с одной стороны, что объем жизненного материала, который лег в основу художественного обобщения, невелик по масштабу, может поместиться в тетрадь и, следовательно, роман не претендует быть энциклопедией жизни тувинского народа»¹⁴. Литературовед З. Б. Самдан высказала мнение о композиции произведения, что «роман композиционно разделен на три части, имеющие самостоятельные названия. Такое внутреннее новеллистическое деление романа несколько разрывает его сюжетные линии и нарушает целостность композиции»¹⁵.

В романе нашли отражение события жизни тувинского народа в канун и первые годы Великой Отечественной войны. Заканчивается произведение главами, рассказывающими о единодушной готовности тувинцев помочь советским людям в борьбе с германским фашизмом в то необычайно трудное время, о сборе денег и продовольствия, подарков для Красной армии. Табун лучших скакунов, перегон которого через Саянский хребет для передачи в красную кавалерию был поручен самым опытным и надежным табунщикам-пастухам – Саадаку, Самнар-оолу, Узун-Кулаку, в финале хроники благополучно прибывает в Абакан. Исследователь литератур Южной Сибири К. Ф. Антошин, анализируя тувинские романы, писал, что «Кенин-Лопсан предпринимает попытку воссоздать движущуюся картину жизни своего народа на одном из крутых, поворотных этапов его истории, в самый канун вхождения Тувы в состав СССР»¹⁶. Далее вышеуказанный исследователь отмечает духовной рост рядовых аратов под влиянием народной революции. Значительные изменения в самом укладе жизни скотоводов и охотников, сдвиги в их сознании и психологии привлекают внимание писателя, составляют главное содержание поэтической хроники.

Роман «Настигающий птицу» М. Кенин-Лопсана не свободен от недостатков. Некоторые образы бледны, появляются эпизодически. У писателя слабым местом была композиция. Это же самое отмечает и литературовед Д. С. Куулар: «Резко ощущается слабость между частями романа. Имеются лишние детали и целые картины»¹⁷. Согласно мнения Н. Т. Рымарь: «... литературное произведение – не только высказывание, оценка, выражение позиции...»¹⁸ Если рассматривать произведение как продукт творчества, – писал вышеуказанный исследователь, то и его структура должна быть понята соответствующим образом: как система отношений элементов, в которой осуществляется художественная деятельность.

Недостатки в плане композиции отмечены и в других романах Монгуша Кенин-Лопсана, таких как «Гордость женщины», «Танец козерога», «Юрта табунщика». Критик А. К. Калзан писал, что «задача не в том, чтобы выявить недостатки вышеназванных романов, а показать жизненность тем, образов, идей и их художественная передача писателем»¹⁹.

Второй роман М. Кенин-Лопсана «Судьба женщины» (1971) (роман выходил и под другими названиями – «Гордость женщины», «Тувинка») принято считать также историко-революционным. Хотя в нем нет как таковых исторических событий, но характер главной героини дан в развитии – это освобождающаяся от вековых оков и пробуждающаяся тувинская женщина. З. Б. Самдан отмечает: «В романе автор в несколько риторичной форме воспроизводит такие коренные перемены в жизни народа, как, например, переход от кочевья к оседлости, от кустарного способа ведения хозяйства к коллективному и т. д.». В романе видны черты и производственного романа. Историко-революционная тематика присутствует в речи и воспоминаниях героев.

Производственные романы, такие как «Неудержимые» (1967), «Родные люди» (1970) О. Саган-оола, в которых писатели описывают новое отношение людей к труду и воспевают созидательную силу коллективного труда, появились в 1970-х гг. В них также изображалась жизнь народа на рубеже 1930–1940-х гг.

Герои романа-тетралогии «Юрта табунщика» (1980–1992) М. Кенин-Лопсана живут в глубинке, на берегах небольших рек – Лосиной и Поющей. Писатель поднимает такие проблемы, как сохранение национальных традиций, защита природы, воспитание молодежи, укрепление интернациональной дружбы. Чап Чулдум в своей книге «Заметки читателя» пишет о том, что «М. Кенин-Лопсан поднимает вопрос о развитии коневодства, овцеводства, козоводства в Туве, что является главной отраслью экономики в Туве. Как показывает писатель, были такие «новаторы», которые считали нерентабельным труд скотовода. Против такого отношения борется главный герой Тумат Арган-оол, который любит лошадей и предан своей работе»²⁰. Мы считаем, что автор романа сильно рано «похоронил» своего главного героя, не раскрыв его образ сполна. Таким образом, образовалась некая пустота в начале романа. К несомненным находкам писателя следует отнести тему связи поколений, их преемственности.

В романе Эдуарда Донгака «Старые стойбища» (1983) рассказывается о начале коллективизации в Туве в начале 1930-х гг., о борьбе аратов за преобразование векового уклада жизни кочевников-скотоводов и о поисках классовых врагов, недовольных строительством новой жизни. В его следующем романе «Маралье заклинание» (1986) рассказывается о становлении и развитии колхозного хозяйства в Туве, о жизни и работе молодого председателя колхоза.

В «Танце козерога» (1976) М. Кенин-Лопсана показана преемственность времен и поколений. Герои «Танца козерога» – и стар, и млад, которые верны искусству народа и свои знания отдают на развитие его в духе современного времени. Это опытный камнерез, умелец Монгуш Черзи, учитель труда школы для сирот, ветеран Баштак-оол и их ученики Дургун-оол и Ак-Кыс.

Литературовед З. Б. Самдан пишет: «Описание обычаев и других бытовых реалий прошлого, занимавшее много места в произведениях писателей старшего поколения, в романе Кенин-Лопсана «Судьба женщины» (1971) уступает место показу новых взаимоотношений, приобщению людей к предметам нового быта».

Интересно обратиться к обсуждению романа «Судьба женщины» («Гордость женщины») в 1969 г. Актуально звучало мнение критика Д. С. Куулара: «Как понять «Гордость женщины»? В главах не показана ее гордость. Постепенно произведение рассыпается на части. Композиция построена хорошо, но сюжетные линии расходятся, друг друга не дополняют... Не глубоки исторические истоки событий. В некоторых случаях отсутствует динамичность. Есть ли необходимость включать те сказки, легенды, которые вошли в другие произведения?» В обсуждении высказали свои мнения и другие писатели. Ю. Кюнзегеш: «... Произведение написано неплохо, но у героев не получились речевые характеристики, связи между главами не соблюдены. Много событий, но напряженность не чувствуется. Встречаются повторения»²¹.

Рассматривая принцип автобиографизма романа «Судьба женщины» М. Кенин-Лопсана, литературовед З. Б. Самдан отмечала: «На романе отрицательно сказалась привязанность писателя к автобиографизму. Его поколению лично знакома народная жизнь 30–40-х годов, а события более раннего прошлого – лишь по воспоминаниям отцов»²². Тут неизбежен художественный вымысел. Недостаточное владение этим творческим приемом придает первым объективизированным произведениям тувинских прозаиков некоторый схематизм, условность в изображении исторического прошлого. Этой трудности роста не избежал в своем романе и М. Кенин-Лопсан. К несомненной творческой удаче писателя следует отнести разработку женских образов.

В новое время идет пересмотр ценностей. И писатели по-новому трактуют жизнь народа в советское время. Такие романы, выходя за рамки историко-революционного произведения, получают историческую направленность. Писатели на историю народа смотрят по-новому, и изображения героев, конфликта получают уже иное направление.

В романе «Исчезнувшая девушка» (2000) Монгуша Кенин-Лопсана рассказывается о тяжелой судьбе девушки, чья семья попала под страшную волну репрессий. Произведение состоит из 49 сказок (в традиционном понимании 49 глав). Такое построение выглядит странным. Частые повторы очень утомляют читателя. Писатель иногда увлекается посторонней темой, которая мешает пониманию основной идеи и темы произведения. В целом, появилось произведение, требующее внимание литературоведов.

В первой книге романа «Коновязь» (1988) тувинского писателя Шомаадыра Куулара рассказывается о судьбе арата Оолакая и его сына Чылбар-оола, о преемственности лучших традиций тувинского народа, о любви к родному краю, с которым каждый связан своими делами. Во второй книге (2005) автор описывает жизнь в послевоенной Тuve, уже присоединившейся к СССР. Стремительный подступ коллективизации, слом прежнего уклада жизни, утверждение новых порядков, зловещее дыхание репрессий. Герои романа находятся в гуще событий. Они стараются достойно исполнить свое предназначение на родной земле, найти ответы на вопросы и вызовы, поставленные Временем. К сожалению, во второй книге отсутствует динамичность, встречаются повторы, которые замедляют развитие сюжета. Мы считаем, что писатель не смог довести до читателя замысел своего произведения. Это произведение мы относим к социально-бытовым романам.

Роман-диалогия известного журналиста и писателя В. С. Шаравии «Тернистый путь судьбы» (2000, 2005) повествует о жизни и деяниях людей долины реки Чодураалыг в двух композиционных параллелях. В первой линии показана жизнь ушедшего в прошлое поколения, во второй – дела, поступки, взаимоотношения молодого, послереволюционного поколения. Название романа можно объяснить теми мечтами и стремлениями героев произведения, которые прошли нелегкий путь в поисках счастливой жизни. Действительно, в романе на большом отрезке времени показана жизнь героев, прошедших через моральные, общественные препятствия, потрясения, в то же время не потерявшие своего человеческого достоинства. В произведении В. Шаравии повествование разворачивается в неспешном ритме и при этом не ослабляется внимание читателя. Жизнь в произведении продолжается в течение ста лет с ее жестокими, но все-таки стремительными событиями. В романе «Тернистый путь судьбы» времена имеют два цвета: серое, темное феодальное время и светлые, теплые годы народной власти. Писатель сумел показать эти два цвета в истории тувинского народа с помощью своего художественного таланта без давления и напора. Поэтому в романе цвета старого и нового времени различаются.

Особенность романа «Тернистый путь судьбы» заключается в показе писателем людей двух разных эпох. Эти люди ярко отличаются друг от друга по характеру. Писатель знатных и богатых людей показал соответствующими исторической правде, заботящимся лишь о собственном благополучии. А трудовой народ, не имеющий представления о счастливой жизни, задавленный обстоятельствами, повседневными делами, показан безразличным к окружающей действительности. И только события истории «извне» изменяют их сознание. С тех пор застоявшаяся жизнь реки Чодураалыг идет «верх дном», т. е. происходят крутые изменения. Отсюда начинается второе время романа. Но характер человека меняется постепенно. Веками устоявшиеся традиции, верование, обычаи разрушаются, и создается новый уклад жизни. Такое изображение коренных изменений в жизни – несомненный успех писателя В. Шаравии.

«Тернистый путь судьбы» – роман со многими героями или, по-другому говоря, это произведение о судьбе целого народа. В романе В. Шаравии события старого времени в основном проходят вблизи рек Чодураалыг, Сыгыргалыг, хребта Адыр-Бажы. И редко звучат такие названия, как Хемчик, Тибет, Китай, Монголия и страна русских. А в той части романа, где рассказывается о современной жизни,

встречается много конкретных географических названий. И поэтому мы можем заключить, что в романе события и территории не только обширные, но и то, что писатель идет по следам действительной истории.

События в романе происходят с конца XIX-го по 1960–1970-е гг. XX в. За это время читатель знакомится с такими историческими событиями, как революция, просвещение, научно-технический прогресс, строительство колхозов, оказавших влияние на судьбу героев романа Шалбадаара, Шевера, Салбакмы, Кара-оола, Сорукмы, Эзир-оола, Шуру, Кудера, Чыргал-оола, Урана, Серенмы.

«Тернистый путь судьбы» рисует и старое, и новое время, поэтому мы принимаем это произведение как роман с двумя параллельными линиями сюжета. Со «встречной» композицией романа в тувинской литературе еще не было. Все тувинские романы в основном показывали хронологическое время, то есть это были фабульные произведения. Использование «встречной» композиции в романе В. Шаравии считаем большой художественной находкой писателя. Писатель достаточно убедительно показал постепенное становление революционного сознания героев своего романа. Как таковой открытой классовой борьбы не показано в произведении, но есть упоминания в речах персонажей о том, что в России идет революция. Поэтому роман В. Шаравии трудно отнести к историко-революционному роману. В произведении показана социальная жизнь тувинских семей, они встречаются со многими препятствиями в поисках лучшей жизни, свободной от гнета. Главная идея романа – тувинцы, несмотря на разные препятствия, встречающиеся на их пути, никогда не останавливаясь, стремились к развитию – является связующим звеном разных частей произведения. Также надо отметить, что «Тернистый путь судьбы» написан человеком, который в совершенстве владеет тувинским языком. В речи героев мы встречаем достаточно редкие в обращении слова, выражения, поражает мелодика самих предложений писателя.

В романе народного писателя Тувы Екатерины Тановой «Кара-Бай» (1994) повествуется о временах массовых репрессий и трудностях. Е. Танова – первая женщина-писатель, работающая в жанре романа.

Историческую основу имеет роман Иргит Бадра. В первой книге его романа «Борец Кудерек» (1996) (книгу для печати подготовил его сын Игорь Иргит, он же редактор романа) с помощью певца Эзирбена и его сына, силача Кудерека, художественно повествуется о дружбе тувинского и монгольского народов, о жизни в старой Туве. Во второй книге (2003), как нам кажется, многого добавил от себя сын писателя. В произведении повествуется об исторических событиях до начала Первой мировой войны. Действия разворачиваются на территории Монголии, России и Китая. Главный герой произведения борец Иргит Кудерек становится участником народно-освободительного движения не только тувинского народа, но и монгол, уйгур и казахов от маньчжуро-китайского ига. Хотя писатель (в данном случае сын писателя) постарался расширить географию романа, к сожалению, из-за этого имеют место много событий, исторически неоправданных и даже трудных для восприятия. Образы раскрыты недостаточно, неубедительны их поступки. Первая книга получилась очень удачной, и читатели тепло приняли первую книгу, а вторую же по вполне понятным причинам обошли молчанием.

В первой книге образ борца передан красочно, убедительно, с глубоким психологизмом. Книга богата этнографией, которая в сочетании с художественным материалом обогатила стиль, лексику романа. Книга стала настольной книгой педагогов, простых читателей.

В романе Кок-оола Чамыяна «Заря» (2002) описаны события начала 1930-х гг., действие которых происходит недалеко от столицы молодой тувинской республики – в Кара-Хааке и Даспы. Автор художественно и правдиво воссоздает большие изменения в жизни аратов-скотоводов: строительство новой жизни, создание колхоза, начало репрессий; рисует взаимоотношения людей – любовь, дружбу, коварство, ненависть.

Накопленный Олегом Саган-оолом опыт создания повестей помог в рождении его первого романа «Неудержимые» (1967). В центре внимания по традиции – председатель колхоза и его актив, но все это наполняется новым содержанием, своеобразием ярких характеров. Боражык – опытный, честный, знающий и любящий свое дело человек. Он не консерватор, как часто изображают председателя в литературе. Боражык мужественно переживает период недоверия к нему. Его обвиняют во вредительстве против колхоза, в отсутствии бдительности, в сознательном сопротивлении научным методам развития животноводства, в моральном разложении жены. Более подробно производственные романы О. Саган-оола освещены в статье литературоведа С. Комбу²³.

Как пишет М. А. Хадаханэ, действительно «автор явно увлечен своим героем и часто больше расхваливает его, чем показывает в действии. Но в целом писатель создал яркий и самобытный характер»²⁴. В романе изображены и другие персонажи: молодая пара Хеймер-оол и Хураганмай, нудный, ворчливый старик Чудурук, хитроватая Чанчыкма, карьерист Агар-оол, сплетница Шорулба и т. д.

В романе «Родные люди» О. Саган-оола (1970) рассказывается о рабочем пареньке, строителе Оржежике. Он любит родной Кызыл, ему интересно трудиться в бригаде, где столько разных людей и характеров. В предисловии к роману М. А. Хадаханэ писала, что «писатель ведет лирическое повествование от лица этого славного паренька, ничего не скрывая и не утаивая о хорошем и плохом, встречающемся в его жизни»²⁵. Писателя волнуют в первую очередь проблемы взаимоотношения отцов и детей, изживание разного рода предрассудков – «пятен феодализма» – в сознании людей. Удачно найдена искренняя, доверительная и простодушная интонация. В книге перемежается жизнь города и далекой чабанской стоянки.

К социально-психологическим романам в тувинской литературе мы относим романы писателя Салима Сюрюн-оола, так как в его произведениях наблюдается психологизм, исследование внутреннего мира героев, как в романе якутского писателя С. Данилова «Пока бьется сердце» (1967). Это произведение заслуженно занимает достойное место среди социально-психологических романов тюркских литератур Сибири.

Салим Сюрюн-оол – писатель, наделенный острым социальным зрением. Он поднимал злободневные вопросы своего времени: о пристрастии молодежи к алкоголю, об утрате традиций и обычаях... Писатель сумел разглядеть, как меняется под влиянием нового уклада жизни мораль общества. Это особенно видно в его романах «Посторонняя женщина» (1980), «Ворон, говорящий на тувинском» (1994). «С. Сюрюн-оол – тот писатель, который умел держать своим повествованием читателя в напряжении. Это особый дар и талант»²⁶.

В 1980 г. писатель С. Сюрюн-оол выпустил роман «Посторонняя женщина», который у читателей и критиков вызвал неоднозначную реакцию. Дело в том, что для тувинского читателя, привыкшего к таким романам, как «Слово арата», «Повесть о светлом мальчике», «Неудержимые», где в основном много положительных героев, трудно было принять роман Сюрюн-оола одинаково позитивно. В этом произведении писатель показывает жизнь не с лучшей стороны, критикуя такие пороки общества, как алкоголизм и связанные с этим негативные явления. Героев своего произведения автор условно делит на две группы. В одной – пожилые люди: бабушка Шоваа Шожутовна, наставница-коммунистка Дензиваа и пенсионер-отец Чолдак Чолдакович. В другой группе: молодое поколение – Эмер-Кыс, Сама, Сайдак и Монгуш. Основное действие и конфликты происходят между наставницей-коммунисткой Дензиваа и потерявшей жизненные ориентиры матерью-одиночкой Эмер-Кыс и девушкой Сама, которая неправильно ведет свою жизнь. Поэтому «их образы являются главной осью в построении композиции произведения»²⁷. Тема романа взята из городской жизни. В центре внимания стоят образы и личная жизнь отрицательных героев. Идея «Посторонней женщины» передана, раскрывается на взаимоотношениях между Дензивой и Эмер-кысом. Главное в романе – освобождение от ошибок Эмер-кыса.

В следующем романе С. Сюрюн-оола «Ворон, говорящий на тувинском» (1994) писатель показывает многостороннюю жизнь Салбак-оола, попавшего под репрессии и получившего наказание будучи невиновным. Герой романа пытается отомстить тем свидетелям, которые лжесвидетельствовали против него. Писатель удачно построил композицию романа. Произведение состоит из трех частей. Завязка сюжета начинается со встречи трех охотников. Портрет героя, его внешний облик нарисованы писателем необычно, колоритно. «Роман отличается раскрытием внутреннего мира, душевных потрясений главного героя»²⁸.

Таким образом, проводя классификацию якутского романа, мы подсчитали около 70-ти романов, а в тувинской литературе – 25 романов. По жанровым разновидностям в якутской и тувинской литературах преобладают социально-исторические и историко-революционные романы. Затем следуют социально-психологические романы. Производственные романы есть в обеих литературах. По таким жанровым разновидностям, как авантурный, этнографический, документальный, исторический и философский романы, тувинская литература отстает от якутской литературы. Как отметила М. А. Хадаханэ: «Тувинские писатели не пробуют новых жанров, пусть даже детектива и любовного романа, фантастики, нет острых сюжетов. Писать по-новому, с мощным психологизмом выразить думы, бытие современного тувинца – это главное»²⁹. Документальный роман в тувинской литературе всего один: «Буян-Бадыргы» М. Кенин-Лопсана. А философского романа, как в якутской литературе, в тувинской литературе нет. Начало исторического романа в тувинской литературе положено неоконченным романом С. Сарыг-оола «Шестьдесят беглецов» (1987) и романом-эссе М. Кенин-Лопсана «Буян-Бадыргы» (2000). Отметим, что жанровые разновидности в тувинской прозе возникают намного позже, чем в якутской литературе.

Таким образом, тувинская проза задерживается на производственном романе, а к историческому роману подбирается очень долго. Вопросы жанровой типологии тувинского романа остаются до сих пор открытыми.

Примечания

1. Якименко Л. На дорогах века. – М., 1977. – С. 87–88.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 188.
3. Кожин В. В. Происхождение романа. – М., 1963. – 440 с.
4. Вердеревская Н. А. Русский роман 40–60-х годов XX века (Типология жанровых форм). – Казань, 1980. – 136 с.
5. Эсалнек А. Я. Внутрижанровая типология и пути ее изучения. – М., 1985. – С. 14.
6. Окорокова В. Б. Пути развития прозы в литературах народов Якутии. Часть 1. – Якутск, 2001. – С. 36.
7. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 188.
8. Ноева С. Е. Поэтика времени и пространства в романах И. М. Гоголева. – Новосибирск, 2009. – 119 с.
9. Черняк М. А. Современная русская литература. – М., СПб., 2004. – С. 193.
10. Хадаханэ М. А. Литературная Тува. Статьи разных лет. – Кызыл, 1986. – С. 11.
11. Найдаков В. Ц. Путь к роману. История формирования бурятской прозы. – Новосибирск, 1985. – С. 95.
12. Калзан А. К. Жизнь и литература. Критические статьи. На тув. яз. – Кызыл, 1980. – С. 50.
13. Донгак У. А. Этапы становления и развития тувинской литературы // Методологические проблемы изучения истории литератур народов Сибири. – Кызыл, 2006. – С. 43.
14. Куулар Д. С. Первый тувинский роман // Улуг-Хем. 1966. № 8. – С. 248.
15. Самдан З. Б. От фольклора к литературе. – Кызыл, 1987. – С. 55.
16. Антошин К. Ф. У истоков жизни (О современной литературе Хакасии, Тувы, Горного Алтая). – Красноярск, 1982. – С. 8.
17. Куулар Д. С. Первый тувинский роман // Улуг-Хем. 1966. № 8. – С. 251.
18. Рымарь Н. Т. Поэтика романа. – Куйбышев, 1990. – С. 3.
19. Калзан А. К. Общее состояние прозы // Приметы роста. – Кызыл, 1991. – С. 65–66.
20. Чулдум Ч. М. Заметки читателя. Литературно-критические этюды. – Кызыл, 1984. – С. 83.
21. ЦГА РТ. Ф.55. Опись 1. Лист 58–59.
22. Самдан З. Б. От фольклора к литературе. – Кызыл, 1987. – С. 35.
23. Комбу С. С. Искусство Саган-оола-романиста // Башкы. 2014. № 1. – С. 70–73.
24. Хадаханэ М. А. Тувинская проза. – Кызыл, 1968. – С. 111.
25. Хадаханэ М. А. Об авторе. В кн. О. Сагаан-оол. Родные люди. – Кызыл, 1982. – С. 340.
26. Комбу С. С. Я родился среди синих гор... // Улуг-Хем. 2004. № 2. – С. 13.
27. Чулдум Ч. М. Заметки читателя. Литературно-критические этюды. – Кызыл, 1984. – С. 60.
28. Оюн С. Загадка «Ворона, говорящая на тувинском» // Улуг-Хем. 1994. № 4. – С. 154.
29. Хадаханэ М. А. Размышления после съезда писателей // Улуг-Хем. 2001. № 4. – С. 182.

Н. С. Чистобаева

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКО-СТИЛЕВЫХ СРЕДСТВ ЭПИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ХАКАСОВ

В устно-поэтическом творчестве хакасов особое место занимают героические сказания. Создателями и хранителями хакасского героического эпоса являются сказители-импровизаторы. Отечественное эпосоведение накопило значительный опыт в решении проблем генезиса, структуры, сюжетосложения, семантики, стилеобразования эпических текстов. Вместе с тем интерес к постижению глубинного содержания и поэтико-стилевых средств эпических текстов не только не ослабевает, но и усиливается в связи с интенсивным накоплением материала.

Heroic tales hold a special place in the Khakass' oral-poetic creative activity. Narrator-improvisers are creators and keepers of the Khakass heroic epos. Indigenous study of epos has compiled significant experience in problem solving of genesis, structure, plot building, semantics and style formation of epic texts. At the same time interest to comprehension of deep content and poetic-stylistic means of epic texts does not loosen but even strengthens in connection with intensive accumulation of material.

В устно-поэтическом творчестве хакасов особое место занимают героические сказания. Создателями и хранителями хакасского героического эпоса являются сказители-импровизаторы. Искусство сказительства своими корнями уходит в глубокую древность. Специфика устно-поэтического

творчества такова, что любое произведение фольклора, созданное вначале мастером слова – хайджи, в дальнейшем обрабатывается, также эпические сюжеты, передающиеся из поколения в поколение, обогащаясь и совершенствуясь сказителями, становятся впоследствии традиционными. Эти веками оттачивавшиеся фразы позволяют поэтическими средствами сразу же ввести слушателя в поэтический мир эпоса.

Отечественное эпосоведение накопило значительный опыт в решении проблем генезиса, структуры, сюжетосложения, семантики, стилеобразования эпических текстов. Вместе с тем интерес к постижению глубинного содержания и поэтико-стилевых средств эпических текстов не только не ослабевает, но и усиливается в связи с интенсивным накоплением материала.

Манера и стиль исполнения фольклорных произведений у каждого сказителя индивидуальны и обусловлены как местными традициями, так и талантом исполнителя. У каждого талантливой сказителя своя манера исполнения, свой стиль. Особым талантом исполнения и широтой репертуара выделялись такие хакасские сказители-хайджи, как: П. В. Курбижеков, С. П. Кадышев, Е. Н. Кулагашева, Н. А. Абдин, Н. А. Попияков, А. С. Бурнаков, С. И. Созыев, П. В. Сулекова и др.

Взяв за исходное эти рассуждения, попытаемся рассмотреть особенности эпической традиции хакасов и других поэтико-стилевых средств на примере анализа героического сказания «Ах ой аттыг Ах Хан апчах» в исполнении известного хакасского сказителя Афанасия (Апаниса) Семеновича Бурнакова. Хайджи А. С. Бурнаков относится к сагайско-шорской сказительской школе.

Афанасий Семенович Бурнаков родился в 1910 году в улусе Мюзи Аскизского района. Учился в хакасской школе в селе Усть-Чуль и окончил 2 класса, малограмотный, но, несмотря на это, владел русской разговорной речью. Специальности не имел. Некоторое время он работал председателем колхоза, механиком, затем он продолжил работать уже конюхом. В автобиографии указано, что с 1936 г. по 1940 г. Апанис Бурнаков жил в Абакане и работал в Хакасском национальном театре, после был участником ВОВ с 1941 по 1945 г.

А. С. Бурнаков был в Москве два раза, в 1960 г. и 1968 г. ездил в Дом звукозаписи, исполнял на чатхане тахпахи. Также в 1957 г. ездил в Красноярск для участия на смотре самодеятельности. В 1970 г. его тахпахи получили первую премию в области, и с этого времени его тахпахи печатались на страницах газеты «Ленин чолы».

Как известно, большинство импровизаторов хакасского фольклора были из бедняков, что, конечно же, отражалось в композиции, тематике, образах героев в их конкретных связях друг с другом. Как и всякий знаток устного народного творчества хакасов, Апанис Семенович знал много русских, хакасских сказок, кип-чоохов, быличек, эпических героических сказаний. Что же касается алыптых нымахов, с детских лет Апанис Бурнаков героические сказания слышал от таких известных сказителей, как Мачис Тодинов (Нижняя Тёя), Матрах Кичеев (Верх-Тёя), Тохчинах Албычаков (Верх-Тёя). По словам Апаниса Бурнакова, Тохчинах Албычаков был самым крупным сказителем в Верх-Тёе. Он сказывал в сопровождении хомыса, односельчане очень любили этого сказителя. А. С. Бурнаков научился играть на хомысе примерно в 10–12 лет от своего отца. Деда его звали Сабраска, который тоже был сказителем. Горловым пением увлекся очень рано. В детстве сказывал своим сверстникам-ребятам. Известно, что во многих этнических культурах значительную роль в формировании сказителей играла семейная традиция. Передача исполнительского искусства от старших к младшим была одной из распространенных форм сохранения, продолжения и развития фольклорного творчества.

Репертуар: «Ах ой аттыг Ах Хан апчах», «Тасхыр аттыг Тазын Мёкс» (отец сказывал), «Алты азыгыг ах ой аттыг Алтын Ичег» (слышал от Тнея – Тимофея Челтыгмашева), «Ала хулаттыг Алтын Тас», другие уже не помнит. Также сочинял тахпахи на самые злободневные темы.

Надо сказать, что героическое сказание «Ах ой аттыг Ах Хан апчах» А. С. Бурнаков слышал от Клафира Кольчикова. По словам сказителя, Клафир Кольчиков сказывал героические сказания в сопровождении чатхана, его хай был сильным. Сам Клафир Кольчиков слышал данное анализируемое героическое сказание от Отобая Боргоякова, говорят, тоже был популярным сказителем, был слепой, исполнял в сопровождении чатхана, хомыса.

Апанис Семенович героическое сказание часто сказывал своим односельчанам в долгие зимние вечера во время рождественских праздников, а также на похоронах. Иногда во время охоты сказывал это сказание, но чаще сказки, кип-чоохи.

Известно, что во время охоты, если охотник был один, вечером он садился у костра, ставил чазол-кёдес 'палку', затем надевал на нее шапку и начинал сказывать сказание, сопровождался чазолом же, имитируя игру на чатхане. Чазол, по словам сказителя, как бы подбадривал. По окончании устраивали нымах тойы 'пир по завершению сказания', потхы-саламат (каша на сметане с добавлением талкана)

ставили, сначала три раза огню подавали, потом чазолу и только потом охотник мог сам приступить к еде.

В анализируемом героическом сказании «Ах Хан на бело-буланом коне» традиционная формула времени первотворения представлена следующим образом:

Халгахпынаң тағ пөлерде,	Когда мешалкой делилась гора,
Хамыспынаң суғ аларда.	Когда ковшом черпалась вода,

По мнению В. Е. Майногашевой, это два разных определения времени эпических событий. Здесь речь идет о «глубочайшей древности, где не могло быть никаких не только событий, но и вообще людей»¹. В ходе анализа эта формула в разных вариациях встретила у таких сказителей, как Е. Н. Кулагашева, И. С. Абжилаев, С. П. Кадышев. У сказителя С. И. Созыева отличие в том, что он использовал аналитическую конструкцию *изерде полтыр* 'черпалась, оказывается', у И. С. Абжилаева – синонимичный глагол *сузарда* 'черпалась'. А у сказителя А. С. Бурнакова эта эпическая формула отличается тем, что в первой строке вместо деления земли он говорит о делении горы, во второй строке вместо 'черпалась' находим иной синонимичный глагол *аларда* букв. 'бралась', но в тексте переводим 'черпалась'.

Подобная эпическая формула встречается в шорских героических сказаниях. Л. Н. Арбачакова подметила разное толкование переводчиков слова *камыс*. Так, она пишет, что А. И. Чудояков перевел слово *камыс* как 'защечье, защечка', предполагая, что «первотворец набирал воду и выдувал (брызгал), подобным образом распределяя ее». Н. П. Дыренкова слово *камыс* перевела как 'ковш', проиллюстрировав рисунком. Далее исследовательница ссылается на мнение сибирского поэта А. Н. Смердова, который считал, что «...у шорцев существовало своеобразное представление о сотворении мира: творец Вселенной очеловечен, он пользуется человеческими орудиями – лопатой, ковшом»².

Типическое место, характеризующее описание первотворения, из сказания «Ах Хан на бело-буланом коне» варьируется за счет изменения расположения строк, например, при описании местонахождения дворца сначала сказитель говорит о белых тасхылах, а потом уже о великой белой реке: *Ах тасхылдың тәзі чирде, ах талайдың хазы чирде*, – 'У подножия белого тасхыла, на берегу белой великой реки'. Вместо слова 'владение' употреблено слово *иб* 'дом'; вместо постоянных эпитетов *аймах* 'разный', *албаты* 'платящий дань' и т. д., которые встречаются у других сказителей, хайджи расширил этот вариант за счет устойчивых оборотов: *чүзі пасха чон чуртаан чир полтыр* – 'земля, где жил народ иного облика, оказывается', *түгі пасха мал көп өстір*. – 'много росло скота с иной шерстью, оказывается'. Встречается глагол *чадыр* букв. 'лежать' в значении 'жить', отметим, что здесь проявляются диалектные особенности, в литературном языке используется глагол *чуртирга* 'жить'; употреблено диалектное слово *түс* 'основание' вместо литературного *төс* 'основание'. Словосочетание *талай кискен* букв. 'море перейти' мы перевели 'пересекший реку', но полагаем, что здесь сказитель хотел сказать о перекочевавшем народе (для сохранности национального текста мы перевели буквально). Также наблюдается подстановка синонимичных слов: глагол *нүдиртир* 'построил, оказывается', деепричастие *топтайып* 'выдаваясь (выросли)'; встретились и две новых эпических формул.

Пулут өтере күн саларда,	Когда сквозь облако солнце засветило,
Пус алгыла суғ агарда,	Когда вода потекла из-под льда,
Чис порали чир пүдерде,	Когда вперемешку с медью земля сотворилась,
Күмүс порали күн пүдерде.	Когда вперемешку с серебром солнце сотворилось.

Содержание этой формулы свидетельствует о знакомстве создателей эпоса с медью. В этой эпической формуле первые две строки новые, в них сказитель А. С. Бурнаков объясняет появление солнца и воды. В третьей строке земля сравнивается с медью (отметим, что в других героических сказаниях сияние солнца сравнивается с серебром, а луны – с золотом).

Нижеприведенная эпическая формула встречается только у сказителя А. С. Бурнакова.

Хас алгында хазаалығ полчан полтыр,	Внизу скотный двор был, оказывается,
Хас үстүнде Ах өрге,	На возвышенности – белый дворец,
Тоң чирлерде чурт иттірлер.	На твердой земле дом построили.

Важно отметить, что в этой эпической формуле сказитель упоминает о скотном дворе. Также наблюдаем применение приема контраста: *хас алгында* 'внизу' – *хас үстүнде* 'вверху', 'наверху'.

Словосочетание *тоң чирлерде* 'на твердой земле' употреблено с показателем множественного числа, но в тексте мы переводим в единственном числе.

Обычно типическое место, характеризующее описание первотворения, заканчивается следующими словами: *Алып кізі, айланьт, / ах ёрге ибзер кір парган* – 'И, повернувшись, богатырь, / в белую юрту свою вошел'. Это же устойчивое выражение с небольшой вариацией встречается и у других исполнителей, например у Н. А. Попякова, Д. А. Сазанакова. В сказании «Кўн Тёнгис на сереброкрылом сивом коне» С. П. Кадышев использует в описании времени суток: *Иир полза, анда / ибине ибїріліп нанчададыр* – 'Только вечером домой возвращается'.

Типическое место, взятое из сказания «Ах Хан на бело-буланом коне», существенно отличается от других семантически схожих «общих мест». Сказитель А. С. Бурнаков расширил это типическое место за счет включения диалога, парных слов, дополнительных строк, эпических формул. Интересно отметить, что описание самого процесса охоты занимает лишь шесть стихотворных строк, тем самым сказителю важно было поэтически обрисовать изготовление орудия промысла и материал, из которого он сделан. Примеры: *хабыргадаң охчаа итті* – 'из ребра лук сделал', *табылгаттаң соған итті* – 'из таволги стрелу сделал', *ипчїзінің сазынаң кіріс хатты, хара чазағ пазып одыр* – 'из волоса жены тетиву и черный узор расписал'. Данный пример содержит следующие парные слова: *ханча-ханча* 'часто-часто', *анча-мынча* 'долго-предолго'. У сказителя А. С. Бурнакова эпическая формула, характеризующая место охоты, сокращенная.

Ах талайды хастап одыр,
Ах тасхылды паарлада
Пазып одыр.

По берегу белой реки идет,
По подножию белого тасхыла идет.

Широко распространено в хакасском эпосе такое стилистическое средство, как иносказание – метафорическое замещение прямого термина образным описанием явлений, благодаря чему художественность и выразительность изображения значительно возрастает и выявляется своеобразие эпического стиля. В данном примере иносказание выступает в форме парного словосочетания.

Аары парчинда алтон пасха
Аймах хус атадыр,
Песер айланза,
Читон пасха хус атадыр.

Туда пойдет – шестьдесят
Разных птиц стреляет,
Сюда пойдет –
Семьдесят разных птиц стреляет.

Здесь слова *аары* 'туда', *песер* 'сюда' в своем сочетании означают большое пространство, а *алтон* 'шестьдесят' и *читон* 'семьдесят' теряют свое конкретное содержание и в контексте приобретают значение 'много'. Такое замещение значения слов добавило художественной красочности и усилило эмоциональное его восприятие.

Данное «общее место» дополняется эпической формулой, передающей тяжесть груза и усталость богатыря, что встретилось только у А. С. Бурнакова.

Позының кўзі нинче сыдаанча
Атып алып, артынып алып одыр.
Арығ кўзі албаан ханча-ханча чирде
Тынаньп киліп одырадыр.

Насколько хватило сил
Настреляв, навьючив на себя, идет.
Сильно уставая, часто-часто
Отдыхая, идет.

Для сравнения приведем пример «общего места» из сказания «Палачах Алтын на бело-буланом коне», записанном в марте 1958 г. в исполнении Д. А. Сазанакова, принадлежавшего к сагайско-шорской школе. Анализ показал, что общим с предыдущим примером является то, что в это типическое место также включен диалог. Отличия: встречается новая эпическая формула, характеризующая желание юного богатыря сходить на охоту.

«Охчаа-соған ит пирген ползанар,
Иб аралы ойлап чөрїң,
Хусхачахтар атып чөрерчїкпін»³.

«Если б сделали вы мне лук-стрелу,
Бегая вокруг дома,
Птичек стрелял бы».
[пер. наш]

Также анализируемое типическое место интересно тем, что здесь изготовление лука и стрел отличается от предыдущего «общего места»: лук изготавливается из твердого дерева, но не называется, какого именно, стрелы, как и в предыдущем сказании, сделаны из таволги. Нужно отметить еще одну важную особенность, что орудие промысла изготавливает не сам богатырь, а сестра, согласно эпической традиции, идет постепенное взросление богатыря.

В изображении охоты превалирует такой художественный прием, как гипербола. В эпосе место охоты представлено традиционным формульным описанием: *ах талайны хастада, ах тайганы чагали* – ‘по побережью белого моря, по краю седой тайги’. Использование типического места, характеризующего процесс самой охоты и реже – желание пойти на охоту только ради дичи. У сказителей А. С. Бурнакова, Д. А. Сазанаква есть описания подготовки охотничьего снаряжения. У А. С. Бурнакова добавилась новая эпическая формула, передающая тяжесть груза и усталость богатыря. Но, несмотря на все эти различия, структура типического места сохраняется и оно узнаваемо в силу традиционных эпических формул, устойчивых слов и словосочетаний.

В сказании «Ах Хан на бело-буланом коне», записанном от А. С. Бурнакова, встречаем типическое место, отличающееся от других семантически похожих «общих мест». Вызов на бой передан следующей эпической формулой:

Аргалыг Ах Сыннаң	С вершины Белого хребта
Ачыг хыйгы төгилче: «Аргалыгдан	Обидный вызов раздается:
ўрп сыгар адай пар на?	«Есть ли собака, которая, лая, выйдет?
Удур сыгар ир дее пар на?	Есть ли мужчина, который выйдет навстречу?
Ах ой ат пагда ни?	Бело-буланный конь на привязи ли?
Ах Хан апчах ибде ни?»	Старик Ах Хан дома ли?»

Эта эпическая формула развернута за счет двух дополнительных строк: *Ўрп сыгар адай пар на? Удур сыгар ир дее пар на?* – ‘Есть ли собака, которая, лая, выйдет? Есть ли мужчина, который выйдет на встречу?’ Здесь сказителем использован образный параллелизм. По мнению Г. О. Туденова, образный параллелизм является не только поэтическим приемом, но и метрическим средством⁴. Во второй строке сказитель использовал эпитет *ачыг* букв. ‘горький, кислый’, эти оценочные эпитеты в контексте имеют метафорический смысл ‘неприятный’ и могут быть переведены синонимично, как ‘обидный’ ‘оскорбленный’. Глагол *төгилче* букв. ‘лить, сыпать’ соответствует глагольной форме ‘изливаться’, ‘сыпаться’, в этом же ряду по смыслу ‘раздаваться’.

Типические места тесно связаны с эпическими мотивами, которые также стабильны и функционируют в устойчивой языковой форме, выраженной в типических местах и эпических формулах. Нанизывание мотивов хорошо прослеживается в анализируемых нами примерах. Так, за мотивом вызова на бой следует мотив об условиях борьбы. Отличительной особенностью данного типического места является использование сказителями диалогов. Проиллюстрируем на примерах:

Ах Хан апчах чоохтап одыр:	Старик Ах Хан говорит:
«Ат чобатхан кизи син сабарзың ма?	«Ты, изнуливший своего коня,
	[первым] ударишь?
Алай мин сабарым ма?» – тiп одыр.	Или я ударю?» – спрашивает.

Богатырь-враг отвечает:

«Ат чобатхан кизи	«Изнуливший коня,
Мин пурнада саап кoрим», – тiпче.	Сначала я попробую ударить», – говорит.

В эпосе хакасов перед началом поединка противники приветствуют друг друга. Такой вид приветствия сказители используют только при описании поединка. Чаще всего в сказаниях используются два вида приветствия. Приведем примеры из сказаний хайджи И. С. Абжилаева и А. С. Бурнакова:

Изен-тороба пирис турлар,	Приветствиями-здравиями здороваются,
Наахтаң наахха сабысчалар,	Пощечинами по щекам обмениваются,
Мўўстең мўўске тўкўрисчелер.	Друг в друга плюются.

У сказителя И. С. Абжилаева в первой строке встречается парное слово *изен-тороба*, где второй компонент взят из разговорной лексики русского языка: букв. ‘привет-здорово’. В третьей строке устойчивое словосочетание *мўўстең мўўске* букв. *тўкўрисчелер* ‘с рога на рог плюют’, мы перевели как ‘в друг друга плюются’.

У сказителя А. С. Бурнакова этот эпизод обрисован иначе. Ср.:

Чыда-хылыс пазынаң изен пиристилер,	Кончиками сабли-копья поздоровались,
Ат пазынаң азыра тартыстылар.	Поверх голов коней схватились.

Здесь сразу становится ясно из-за употребления парных слов *чыда-хылыс* 'сабля-копье', каким оружием владеют богатыри. Несмотря на лексические различия, общей является формула приветствия, которая выражена в тексте ключевым словосочетанием *изен пирістілер* 'поздоровались', которое передано глаголом в прошедшем времени.

Обычно в поединке после приветствия богатыри, сойдясь, долгое время не могут ухватить друг друга. Например:

Ікі алып, чаксы-ипти тудыс полбин,	Два богатыря, не имея возможности
Ікі күнге чидісчелер,	Крепко-ловко ухватить друг друга,
Чарап тудыс полбаан	Двух дней достигают,
Чарым күнге читчелер.	Не имея возможности ловко бороться,
Чарым күн пазынаң	Половину дня достигают.
Чағ чілеп чапсыныс турлар,	К концу дня,
Ит чілеп иптеліс турлар.	Как сало, слипаются,
	Как мясо, слипаются.

В этом примере в первой строке употреблено парное слово *чаксы-ипти* букв. 'хорошо-удобно', в тексте переводим как 'крепко-ловко'. Сказитель А. С. Бурнаков использовал счетное слово *чарым* 'половина'. Известно, что каждый сказитель реализует по-своему формулы, подчиняя их идейно-художественному строю исполняемого эпоса, вот и в этом примере использовано необычное сравнение, которое свойственно только А. С. Бурнакову: *чағ чілеп чапсыныс турлар / ит чілеп иптеліс турлар* – 'Как сало, слипаются, / Как мясо, слипаются'.

Описание борьбы составляет самые эмоциональные по накалу эпизоды эпоса. Борьба длится много лет, при этом сотрясается вселенная и меркнет свет. В хакасских героических сказаниях изображение поединков богатырей передает напряженность и динамику действия. О жестокости схватки богатырей говорит следующая традиционная поэтическая формула:

Хапхан чирдең Хан Мирген	В том месте, где схватит Хан Мирген,
Харбах ал турадыр,	Клок [мяса] отхватит,
Тутхан чирдең Хан Мирген	В том месте, где ухватит Хан Мирген,
Тудымнап ўзе тутхан ⁵ .	Кусок [мяса] вырвет ⁶ .

Как известно, в устной поэзии хакасов широкое развитие получило варьирование. «Варьирование, – как писал М. И. Тулохонов, – это такое построение эпической речи, когда об одном и том же предмете, действии, лице говорится два, три и более раз, и при этом каждый раз меняется словесное оформление мысли. Новый набор слов, создающий вариант того, что уже однажды прозвучало, может меняться каждый раз. Дословного повторения не бывает»⁷. Приведенный пример подтверждает это мнение. В нем одна и та же поэтическая мысль выражена многократно с незначительной лексической вариативностью. В этом примере использованы следующие близкие по значению пары слов: *хапхан* 'схватил' – *тутхан* 'ухватил', *ал турадыр* 'отхватит' – *ўзе тутхан* 'вырвет', *харбах* 'клок' – *тудымнап* 'кусок'.

Таким образом, «общие места» варьируются за счет изменения в них слов, строк, использования разных изобразительных средств, но, несмотря на все изменения, «общие места» остаются узнаваемыми благодаря опорным словам и словосочетаниям, эпическим формулам.

Сравнительный анализ времени первотворения в исполнении А. С. Бурнакова позволяет констатировать использование в сказаниях в основном развернутых «общих мест», которые характеризуются обилием эпических формул, с множеством вариаций. Их сравнение у разных хакасских сказителей позволяет выявить особенности поэтики, индивидуальную манеру каждого исполнителя. Широкий диапазон вариаций эпических формул, активно применяемый сказителями в описаниях времени и пейзажа, использование разных художественных средств определяют самобытность языка эпических произведений.

Типическое место, связанное с мотивировкой выезда богатыря из дома, как показал материал, может быть самой разнообразной. Данный мотив определяет последующие подвиги богатыря. Описания примерки одежды для мирной поездки даются в кратком изложении по сравнению с описаниями сборов на войну; отмечаются и необыкновенные способности богатыря. Наиболее развернуто типическое место, где показан сам процесс охоты. У сказителей А. С. Бурнакова, Д. А. Сазанаква встретились формульные описания подготовки охотничьего снаряжения.

Несомненно, самым объемным является типическое место, характеризующее богатырский поединок. В эпосе оно состоит из большого количества строк. Характерно и полное изображение хода

борьбы, складывающегося из нескольких последовательных этапов, которые имеют четкую композиционную привязку и выразительное поэтическое оформление.

Хакасские сказители сберегли для потомков художественно-эстетическое достояние своего народа, обогащая его своим опытом, посильно развивая традиции жанров фольклора, стремясь духовно обогатить своих потомков. Исполнители героических сказаний хранили и развивали традиции произведений.

Примечания

1. Майногашева В. Е. Некоторые элементы композиции хакасского эпоса // Проблемы хакасского фольклора. – Абакан, 1982. – С. 52.
2. Арбачакова Л. Н. Текстология шорского героического эпоса. – Новосибирск, 2001. – С. 69.
3. «Ах ой аттыг палачах Алтын» – «Палачах Алтын на бело-буланом коне» (записано Албычаковой Т. М. от сказителя Сазанакова Д. А. 6 марта 1958). Р.ф. 66. Л. 3.
4. Туденов Г. О. Бурятское стихосложение. – Улан-Удэ, 1958. – С. 67.
5. Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин» / Запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В. Е. Майногашевой. – Новосибирск, 1997. – С. 130. – «Памятники народов Сибири и Дальнего Востока». Т. 16.
6. Там же. – С. 131.
7. Тулохонов М. И. Фразовая синонимия в языке улигера «Гэсэр» // Типология традиционных жанров бурятского фольклора. – Улан-Удэ, 1989. – С. 4.

Т. Тургуналиев

ЕДИНСТВО ЭПИЧЕСКОГО МИРОПОНИМАНИЯ ДРЕВНИХ КЫРГЫЗОВ И ХАКАСОВ

Единство эпического миропонимания древних кыргызов и хакасов обусловлено единством генетического корня, философским осмыслением мира, религиозно-монистическим взглядом, единым пониманием сути философско-нравственных категорий добра и зла, философским категорическим императивом, периодами цивилизации (золотой век, железный век), материальной и духовной культурой.

Unity of epic world perception of the ancient Kyrgyz and Khakass is determined by unity of a genetic root, philosophical understanding of the world, religious-monistic outlook, uniform understanding of essence of philosophical-moral categories of good and evil, philosophical categorical imperative, periods of a civilization (the Golden Age, the Iron Age), material and non-material culture.

Единство эпического миропонимания древних кыргызов и хакасов обусловлено единством генетического корня этих народов. Исторические сведения свидетельствуют о том, что кыргызы и хакасы – это народы с одного генетического корня.

Историческая наука, прежде всего в лице Сыма Цзяна – «Геродота Востока», утверждает, что в древности кыргызы и хакасы были одним народом. В «Исторических записях» Сыма Цзяна кыргызы и хакасы обозначены одним-единым словом – «кягас».

Единое философское эпическое осмысление мира древними кыргызами и хакасами. В представлении этих народов мир имеет три сферы: нижнюю, среднюю и верхнюю. Нижняя – подземная сфера, где обитают в основном враждебные человеку злые силы, демоны – чудовищные создания, с которыми борются кыргызские и хакасские богатыри. Средняя – это поверхность Земли – ойкумена, занятая людскими племенами, народами, которые хорошо знают и подземное царство, и небесное царство – царство Бога. Верхняя сфера – обитель Верховного Бога, который создал людей, все живое и неживое. Единство философского миропонимания отражено:

– у кыргызов в грандиозной эпопее «Манас», «Курманбек» и др., имеющих как реально-исторические, так и сказочно-мифологические основания; в эпических произведениях «Эр Төштүк», «Кожожаш» и др., пронизанных фантастическими эпическими представлениями, экологическими проблемами, о которых все человечество заговорило лишь в XX и XXI вв.;

– у хакасов в эпических сказаниях «Алтын-Арыг», «Ах-Чибек-Арыг», «Катай-хан и Бузелей Мирген» и др., в которых древние хакасы отражали свои исторические деяния, мифологические, фантастические мотивы о народных героях и злых духах, противостоящих человеку.

Древние кыргызы и хакасы придерживались религиозно-монистического взгляда. Бог-создатель один. Земля, все планетные системы, Вселенная (все «восемнадцать тысяч вселенных» – «Манас»), все живое и неживое имеют единое религиозно-монистическое начало. Это соответствует философско-диалектическому миропониманию: мир един в своей бесконечной множественности. Такова древняя религия кыргызов, хакасов – тенгрианство, в которой воплотилась диалектико-религиозное представление о мироздании, о начале начал всего сущего. В эпическом сознании древних кыргызов и хакасов едино понимание сути философско-нравственных категорий добра и зла.

Идеи добра воплощены, прежде всего, в героической борьбе главных положительных героев против враждебных захватнических сил за свободу, независимость народа. В эпосе «Манас» и других эпических сказаниях кыргызов – это потомственные герои восьми-девяти поколений: Манас, Бакай, Кошой, Төштүк, Алмамбет, Семетей, Сейтек, Чыйырды, Каныкей, Айчүрөк и др. В эпосе хакасов «Алтын-Арыг» – непревзойденные могучие богатыри трех поколений: Пис-Тумзу – Плө-Харын – Хуу-Иней, Алтын-Арыг и юный герой Таптаан-Молат, сын Алтын-Арыг. В «Манасе» рождение одного из них предсказано в вещих, сакральных снах родителей в период тяжелейших испытаний, выпавших на долю народа. В героическом сказании «Алтын-Арыг» рождение происходит в священной Белой Скале высоких гор (Пис-Тумзук, Алтын-Арыг и ее чудесный девятисаженный бело-игреневый шелкогривый конь).

Зло передается в образах кровожадных, внешних враждебных сил Коңурбая, Жолоя, Эсенкана, Нескары; или в лице внутренних врагов-предателей – Жакыпа, Канчоро, Абыке, Көбөша, Чыңкожо, Толтоя, көзкаманов («Манас»); демоны из подземного царства Килет-хана; Пора-Нинчи – убийцы Алтын-Арыг; Чибетея и Хулатая, которые старались «грабежом прибавить чужой скот к своему скоту, умножить свой народ другими народами, покорив их» («Алтын Арыг»). Так они совершают зло. Но они будут наказаны справедливо.

В эпических сказаниях древних кыргызов и хакасов в самых разных формах отражена извечная борьба добра и зла. В конечном счете путем трагических коллизий, многих потерь побеждает добро. Но зло всегда пребывает. Всегда злорадствует.

В миропонимании древних кыргызов и хакасов существует философский категорический императив: если есть рождение, то есть и смерть. Это – диалектика бытия. «Сегодня есть, завтра нет. Такова бренность жизни». Вечность определяет сущность бытия. Она заключается не в бессмертии телесного, а в бессмертии духовного: в бесконечном переходе одного в другое, в множественности форм воплощения материального и духовного, в множественности их превращений. В вечности пребывает неистребимость бытия, бесконечность форм жизни.

Эпические герои, олицетворяющие самые прекрасные образцы добра, непреходящие духовные ценности человеческого бытия, рождаются и умирают. Одновременно они воплощают земное, реальное, нередко историческое и священное, сакральное, фантастическое, мифологическое.

Эта двоякая сущность заключена в природе древнего эпического сказительства, и этим неотразимо эпическое повествование. В образах главных героев эпических произведений древних кыргызов и хакасов – Манаса, Семетей, Айчүрөк, Эр-Төштүк; Алтын-Арыг, Пис-Тумзук, Таптаан-Молата – одновременно, переплетены земное, реальное и фантастическое, мифологическое. Это свидетельствует о формах эпического сознания в самых древних периодах бытия кыргызов, хакасов.

Деяния, система жизнедеятельности кыргызов и хакасов, отраженных в их эпических повествованиях исходя из их характера, содержания, относятся к героической эпохе. Это тысячелетия до нашей эры, когда шли бесконечные войны за овладения лучшими землями, чужого богатства, за власть над другими странами, народами. Существуют исторические записки, говорящие о том, что между древнейшими врагами – между китайской империей и народами Центральной Азии – шли непрерывные войны в течение пятиста лет! Это были подъёмы, процветания и падения, порою исчезновения целых народов и стран («народы, исчезнувшие из жизни, остались лишь их имена», говорится в эпосе «Манас»).

Что касается народов, в том числе и кыргызов и хакасов, достигших в те далекие древние века своего высшего расцвета, можно сказать, что они были на вершине номадного, кочевого периода цивилизации, золотого века. Нельзя думать, что цивилизация, золотой век свободны от борьбы добра и зла, от многих отрицательных явлений жизни. Доминанта, победа добра, высокое качество жизни абсолютного большинства народа, многие прекрасные открытия, достижения в ту эпоху соответствуют определению критериев цивилизации, принятой мировой наукой.

В материальной культуре – образцы железного века, бурное развитие многих жизненно необходимых видов производства, особенно металлургии, изготовление орудий труда и военного оружия из стали («Манас» повествует о двух центрах металлургии древних кыргызов – в Абыкане и Самарканде,

о великом мастере Бөлөкбае, который ковал прекрасные оружия для Манаса из двух видов стали: из стали, добытой из недр Земли, и из стали, падающей с небес, из метеоритной стали). Стальные оружия есть и у героев хакасских сказаний.

В духовной культуре можно отметить высочайшее художественно-интеллектуальное сознание, высочайшие образцы земного народного художественного творчества. Это «Манас», «Семетей» и другие части этой эпопеи; «Эр-Төштүк». Это «Алтын-Арыг», «Ах-Чибек-Арыг», «Кулатай с Кулун-Тайчы».

У выдающегося ученого с мировым именем Л. Моргана есть научное открытие о том, что в древние века мировую цивилизацию обозначили две ветви – арийская и семитская, арийская была доминирующей, зародясь в Центральной Азии, распространилась на многие страны Востока и Запада; древнегреческая цивилизация началась с «Илиады» и «Одиссеи» Гомера. Это соответствует исторической истине. Именно в Центральной Азии, как известно из истории, началось восхождение народов к вершине номадной цивилизации; именно в этом богатейшем на природные и людские ресурсы огромном регионе начался древний демографический взрыв и берет свое начало великое переселение народов на Ближний Восток и Европу.

Одной из главных особенностей эпического осмысления древними кыргызами, хакасами героической эпохи является выдвигания на первый план, наряду с предводителями мужчин, и женщин-богатырок, мудрых женщин. Это, несомненно, Алтын-Арыг и Кыз Сайкал, Куйалы – великие воительницы; мудрые женщины – Каныкей, Айчүрөк, Пис-Тумзук; женщины, способные на чудесные превращения Арууке, Пис-Тумзук.

В эпических произведениях многих других народов главными героями выступают лишь мужчины.

Сегодня наука открывает доселе неизвестные миру древнейшие цивилизации Востока – Кумари-Кандам (Лемурия), Хараппа. Цивилизация времен потомков Бхараты-пандавов и кауровов, переданная в «Махабхарате», времен ахеменидов, воплощённая в «Шахнаме», породила образец высочайшего художественно-интеллектуального духовного бытия.

Эта же неопровержимая истина отражена в художественных мышлениях древних кыргызов, хакасов, и о том ярко, убедительно свидетельствуют особенно «Манас», «Алтын-Арыг».

Современные, будущие кыргызские, хакасские исследователи призваны сопоставительно изучать древние духовные ценности наших родственных народов и обогащать науку о народном фольклоре.

Н. С. Майнагашева

СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНОГО СВОЕОБРАЗИЯ И СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ В ХАКАССКОЙ КОМЕДИИ

В статье сделана попытка выявления художественных ценностей в произведениях хакасской драматургии прошлых лет: комедии А. М. Топанова и М. Е. Кильчичакова. Автор статьи акцентирует внимание на ценностной характеристике произведений хакасских драматургов наряду с историко-функциональным аспектом.

In the article there is a focus on revelation of artistic values in works of the Khakass drama of the past: comedies of A. M. Topanov, M. Ye. Kilchichakov and G. Kotogekov. An author of the article lays emphasis on value characteristics of Khakass dramatists' works along with a historical-functional aspect.

В современном литературоведении глобальным вопросом исследования остаётся эстетико-теоретический и философский анализ ценностной проблематики, осознание значения эстетических и художественных ценностей. Согласно мнению М. Бахтина, фундаментальное значение имеют понятия «ценностный центр», «ценностный вес», «ценностная установка сознания»¹. Учёный, говоря об онтологически значимом, ценностном плане эстетического акта, наиболее важным в художественном творчестве считал «архитектонику ценностного переживания мира» в контексте «герой–автор». Поддерживая М. Бахтина, К. Султанов отмечает: «Каждый образ, каждая деталь художественного мира, весь интонационно-ритмический строй обусловлены взаимодействием этих ценностных контекстов»².

Сегодня есть потребность в осмыслении национальной литературы хакасов как динамической целостности, и это требует внимания к вопросу «оптимальной взаимодополняемости» исторических и аксиологических критериев. При этом конструктивным видится принцип определения общезначимости

национального литературного явления. Также есть острая необходимость специального «вычитывания» национального своеобразия с учётом специфически-национального фактора развития литературы и содержательными импульсами межлитературного процесса. Перечтение текстов в русле такого подхода позволяет расширить и обогатить литературоведческую мысль современности и осуществить целостный взгляд на художественный опыт народа.

Не случайно в данной работе мы обратились к специфике национального своеобразия комедии. В процессе становления национальной драматургии комедия как жанр занимает особое положение, поскольку это один из наиболее подвижных и динамичных жанров драматургии. Так, оценивая творчество хакасских комедиографов – зачинателя национальной драматургии А. М. Топанова и драматургов советского периода М. Е. Кильчичакова и Г. Г. Котожекова – необходимо признать, что принадлежность к соцреализму не может быть поводом для эстетической недооценки. Действительно, творческое поведение этих авторов говорит о том, что они были представителями своего времени и в «плёну времени», но всё-таки они сохраняли в себе сокровенное ощущение национального бытия. И их сверхзадачей явилась передача основ традиционного образа жизни и мышления.

Формы народного смеха питали первые ростки национальной комедиографии и остаются неиссякаемым источником творческой энергии национальных драматургов на протяжении всей её истории. В комедии А. М. Топанова «Одуроченный Хорхло»³ художественное отображение получили традиционный быт и культура хакасского народа, сложившиеся ко второй половине XIX в. Перед первым автором комедии на хакасском языке лежала ответственность выработки языка, адекватного реальности, разработка культурных парадигм, ярким проявлением которой стал нарочито стилизованный этнизм. Самое важное, заветное драматург передаёт языком сказок. Комедия А. Топанова связана с фольклорной эстетикой и поэтикой не только на уровне сюжета, но и поэтики заглавия, имён персонажей (главный герой и некоторые другие персонажи комедии носят имена героев сказок и преданий). Ожен, главный герой пьесы, уподобляется фольклорному герою: он охотник и может добыть мяса для всей деревни, заступается за слабых, освобождает любимую из рук похитителя, что, в свою очередь, генетически связано с действиями героя народной сказки. Мотив поиска похищенной невесты восходит одновременно и к сказке, и к преданиям и говорит о готовности героя к жизненным испытаниям (процесс инициации).

Для драматурга А. Топанова важно было передать особенность народного языка и юмора, обобщённые характеры, взятые в народе. Поэтому в комедии много ярких национальных, колоритных массовых сцен: это народный праздник с конными скачками, национальным видом спорта – кюрес (борьба), песнями и задорным народным юмором. Именно народная смеховая культура питала первые проявления национальной комедиографии, оставаясь неиссякаемым источником творчества национальных драматургов на протяжении всей её истории. В комедии предстаёт картина общественного быта, экономические, социальные, семейные отношения. В основе изображённого конфликта лежат и материальные отношения, которые определяют особенности быта, морали, поведения героев А. Топанова.

Создавая образы героев комедии, А. Топанов постоянно «сверял» их с прототипами – своими современниками, с одной стороны, и героями народных преданий, с другой. Образы героев комедии А. Топанова имеют обобщающий смысл множества человеческих характеров и явлений живой действительности. Автор также опирался и на черты и качества героев хакасского фольклора. Хорхло – человек немолодой, неоднократно женатый, имеющий табуны лошадей, батраков и домработниц, с репутацией жестокого и скупого хозяина. Его любовь к бедняцкой дочери Порчо – это демонстрация его жизненного успеха, символ надёжного положения в обществе. Антагонизм богатых и бедных в пьесе развернут в сфере свободы личных чувств, что имеет место всегда в реальной жизни. Взаимоотношения хозяина и батрака, отцов и детей, мужчин и женщин, связанные с этим интриги, повороты судьбы героев, их поступки – это главные составляющие комедии А. Топанова. Многие герои Топанова привлекают своим весёлым нравом, остроумием и склонностью к розыгрышам, и именно эти черты Чанара помогают разрешить конфликт с баем Хорхло. Неоднократный розыгрыш бая (подмена невесты) стал ключевым моментом комедии «Одуроченный Хорхло». Значимо стремление драматурга запечатлеть в тексте национальную самобытность народа. Это свидетельствовало и о творческой эволюции драматурга А. Топанова, и о «долговременных интересах» литературы, «устремлённых в будущее поверх барьеров любой социальной конъюнктуры»⁴.

Комедия А. Топанова сыграла значительную роль в выработке художественных средств раскрытия комических образов и ситуаций. Важная особенность топановской комедии – национальная самобытность, но обличение порока у автора выходит за национальные рамки. С комедии А. Топанова

начинается формирование национальной школы комедиографии и целостной системы восприятия и усвоения богатого художественно-эстетического наследия народа.

Продолжателем в деле развития хакасской комедиографии стал М. Е. Кильчичаков. В динамике развёртывания сюжета «Медвежьего лога» (1954)⁵ различимым становится уровень воплощения национального – непреходящие особенности жизни народа, его дух и «никогда не уступаемые» ценности, показанные через взаимоотношения представителей разных поколений. Это и среднее, и молодое поколения, потерявшие тесную связь со своими корнями, и старики, хранители традиционной системы ценностей. Старику Орамаю позволено высказать авторские мысли. Он с высоты прожитых лет рассуждает об основах жизни народа: о традициях складывания крепкой семьи, рода. Воспоминания старика Орамая о прошлом служат неким нравственным уроком и для честолюбивого Орамана Петрокавича, и для юного Иразана. Хотя Орамай и не является воплощением идеального героя, но в мудрости ему не отказано, он является простым носителем морально-нравственных ценностей народа. И именно ему суждено передать молодым вековые знания народа и его обычаи. Он вспоминает о своей молодости и женитьбе, рассказывает молодым об устоях крепкой семьи. Женился старик по обычаям своего народа – он скармчил понравившуюся девушку и прожил счастливо всю жизнь. В скачках на лучших конях, лирической песне-диалоге парня и девушки, светлом чувстве любви и потомках, продолжателях рода, Орамай видит поэзию жизни. И жалеет, что теперь времена меняются и что «нынешнее поколение не такое». Неспроста образ старика Орамая у Кильчичакова соотносится с могучим старым кедром, продолжающим давать плоды и по-прежнему являющимся органической частью экосистемы тайги. Орамай, соблюдая этикет предков, не даёт прямых дидактических наставлений молодым, а путём образных сравнений акцентирует внимание на самом важном. Делает это он в иносказательной форме, прибегая к сравнениям, сопоставлениям, аналогиям. Также дед Орамай поступает с Ораманом Петрокавичем, человеком, в стремлении к славе потерявшим своё лицо. И в финале пьесы он озвучивает для него исконные заповеди, регулирующие жизнь народа: «Видишь этот старый кедр? Он такой же, как я, но, хоть и старый, он тебя ещё от солнца и дождя защитит... этот древний кедр меня от медведя спас... Как ты думаешь, неужели я этот кедр осмелюсь срубить? Я всегда радуюсь, глядя на него. Он стар, но у него могучие корни в земле. Сколько он дал молодых кедров нашей тайге, сколько ореха дал! И ты делай добро, бери пример с него».

Наставления деда Орамая – это те заповеди, которые корректируют представления человека о быте и жизни вообще, организующие полноту национального бытия.

В образе молодых людей представлен собирательный образ многонациональной молодёжи всей страны. Но вместе с тем это национальные образы – хакасы по языку, по выражению своих чувств, по своеобразию душевных движений и переживаний. М. Кильчичакову свойственен показ поэтизации национальной этики, поведенческой морали и менталитета. Так, автор убеждён, что Ката и Тарика должны быть скромными, сдержанными с молодыми людьми. Ката пытается скрыть своё истинное отношение к Каскару, что стало одной из главных причин всех любовных недоразумений в пьесе. Свою любовь она, как и многие другие действующие лица пьесы, выражает в песнях, в монологе, когда остаётся одна. Кильчичаков также в комедии использует сюжет похищения невесты. И в отличие от М. Кокова, А. Топанова, он использует его в качестве анекдотической комической ситуации, дополняющей комедию разными перипетиями. Молодой пастух Иразан, влюблённый в Тарику, дочь деда Орамая, решил умыкнуть её. Но в ночной темноте, не разобравшись, случайно пытался увезти самого деда Орамая, завернув его в одеяло. Но когда всё прояснилось, парню пришлось оправдываться: «Хорошо! А кто меня научил этому? Вы, дед Орамай! От Ваших слов у меня запутались мысли... И потом я просто хотел проверить, крепко ли Вы спите. Люди говорят, что старый охотник спит чутко, но это, оказывается, неправда». Тем не менее Иразану пришлось выслушать урок-наставление от деда Орамая. Эпизод незначительный, короткий, но он свидетельствует об эмоционально-экспрессивной творческой природе авторского видения национального. Специфика национального у М. Кильчичакова проявляется и в песне, выражающей романтическую устремлённость героев, яркую эмоциональность, глубину чувств человека. Через песню передаются тончайшие душевные переживания героев. Народная музыка, песенное творчество были неотъемлемой частью жизни и творчества писателя. В комедии М. Кильчичакова видна тщательная работа над языком. Это всегда образный, выразительный, живой и яркий язык, с множеством фразеологизмов и других устойчивых выражений.

В комедии Г. Г. Котожекова «Проделки Айдолая» (1977)⁶ сделана попытка открыть внутренние ресурсы художественной выразительности фольклора. Текст пьесы практически выстроен на пословицах, поговорках и загадках. Как и в сказке, загадка стала одной из важных компонентов

поэтики комедии, моментом своеобразного «испытания» персонажей. Издавна, как известно, человек, умеющий загадывать остроумные загадки и умеющий отгадывать их, в народе пользовался успехом и всеобщим уважением. Таким является в комедии главный герой Айдолай. В основу комедии положен распространённый у многих народов сказочный сюжет о ловком бедняке, который своей сметливостью и умом превосходит богачей. Образ главного героя, скитальца, появляющегося в нужном месте в нужный час, представлен как образ народного заступника, наделённого основными качествами героя – умом, справедливым и добрым сердцем, мудростью, знанием природы человека. Через фольклорные жанры автору удалось раскрыть непреходящий смысл устойчивых норм жизни этноса, систему его нравственных, культурных, религиозных представлений народа, а в целом и национальный менталитет. Драматург Г. Котожеков свою комедию содержательно обогатил художественными средствами фольклора. Обращение к традиционным поэтическим средствам, элементами национальной поэзии позволили создать особый стиль, призванный усилить и эмоциональное воздействие пьесы.

В заключение необходимо отметить, что национальное своеобразие комедий А. М. Топанова, М. Е. Кильчичакова, Г. Г. Котожекова выступает как явление поэтики, как категория художественного сознания, зашифрованная в целостной структуре их произведений. Здесь национальное обогащает художественную мысль и получает достоверность в социальном контексте, приобщая своё, родное, к общечеловеческому, вселенскому.

Примечания

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 163–174.
2. Султанов К. К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. – М., 2001. – С. 36.
3. Топанов А. М. Алаахтыртхан Хорхло // А. М. Топанов, М. С. Коков, В. А. Кобяков // Хызыл чазы. Чоохтар, стихтар, пьесалар. – Абакан, 1982. – С. 105–167.
4. Султанов К. К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. – М., 2001. – С. 51.
5. Кильчичаков М. Е. Абалыг хол / М. Е. Кильчичаков, В. Г. Шулбаева, Митхас Туран, Г. Г. Котожеков // Пьесалар (Сборник пьес). – Абакан, 1991. – С. 45–86.
6. Котожеков Г. Г. Айдолайның хоңалчостары / Г. Г. Котожеков, М. Е. Кильчичаков, В. Г. Шулбаева, Митхас Туран, Г. Г. Котожеков // Пьесалар (Сборник пьес). – Абакан, 1991. – С. 219–263.

Л. В. Челтыгмашева

ЖАНРОВОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОЗЫ А. СУЛТРЕКОВА

В данной статье рассматривается жанрово-художественное своеобразие прозы Анатолия Егоровича Султрекова, отметившего в этом году свой юбилей. Творчество журналиста, прозаика и критика А. Султрекова занимает особое место в современном литературном процессе – он является автором повестей для детей, художественно-публицистических произведений о знаменитых людях Хакасии, критических статей по творчеству хакасских писателей.

In the article a genre and artistic peculiarity of prose of Anatoly Yegorovich Sultrekov, who has celebrated a jubilee in this year, is under consideration. Creative work of a journalist, prose writer and critic A. Sultrekov holds a special place in modern literature process. He is an author of tales for children, belles-publicistic works about famous people of Khakassia, critical reviews on creative work of Khakass writers.

Хакасская проза конца XX – начала XXI в., стремясь к изображению общечеловеческих ценностей, «вечных» тем, антропологическому аспекту изучения человека, осмысливает жизнь в более глубоком контексте мифологического, фольклорного и этнографического начал в художественном сознании писателей. Взаимоотношение поколений, гендерная тематика, философско-нравственная проблематика, вопросы бытия человека в его соотнесенности с вечными ценностями, традициями, мировоззрением своего народа актуальны в произведениях М. Турана, К. Нербышева, А. Халларова, Г. Казачиновой, В. Шулбаевой, В. Татаровой, Ю. Топоева, И. Топоева, Р. Топоева, О. Шулбаева, Л. Костяковой и др.

Одним из таких современных писателей со своим художественным миром, своим мироощущением и пониманием его является Анатолий Егорович Султреков. Родился он в 1954 г. в деревне Тарбаган Таштыпского района Республики Хакасия. Окончил Таштыпскую среднюю школу, затем филологический

факультет Абаканского педагогического института (1977). Именно на студенческие годы приходится начало журналистской, а затем и литературной деятельности А. Султрекова: со второго курса он начинает писать статьи в газету «Ленин чолы» (ныне «Хабар»), с 1973 по 1977 г. является секретарем молодежного литературного объединения «Таң солбаны» («Утренняя звезда») при Союзе писателей Хакасии, участвует в региональных (Красноярск, 1974) и зональных (Новосибирск, 1976) совещаниях молодых писателей. После окончания института с 1977 г. по настоящее время работает в редакции газеты «Хабар». В 1982 г. становится членом Союза журналистов СССР, в 1984 г. в Москве – дипломантом Всероссийского конкурса спортивных журналистов.

Со второй половины 1980-х гг. А. Султреков начинает совмещать работу журналиста с литературным творчеством – первый его рассказ «Хадаҕда» («На страже») выходит в 1986 г. в сборнике молодых авторов «Иртенги тан» («Утренний ветерок»), последующие рассказы – на страницах альманаха «Ах тасхыл» и газеты «Ленин чолы». Анатолий Егорович – один из самых плодотворно работающих писателей Хакасии – автор тринадцати и составитель восьми книг. В 1999 г. он становится членом Союза писателей России, его литературное творчество в 2009 г. было отмечено почетной грамотой Союза писателей России, в 1998 г. ему присуждают звание «Заслуженный работник культуры Хакасии».

После выхода первого сборника повестей и рассказов «Аба чүрөк» («Медвежье сердце», 1994) и повести «Күңүр аҕас» («Дуплистое дерево», 1996) Анатолий Егорович завоевал признание современных читателей как талантливый детский прозаик. Следует отметить, что хакасская детская проза всегда была неотъемлемой, органической частью всей хакасской литературы – нравственно и художественно-эстетически значимы произведения о детях и для детей писателей всех поколений – от основоположников и классиков литературы (В. Кобякова, А. Кузугашева, Н. Тиникова, К. Нербышева, М. Турана, А. Халларова и др.) до современных писателей (Г. Казачиновой, И. Топоева, И. Миягашева, Л. Костяковой и др.). Находясь в 1987–1989 гг. в Москве на Высших литературных курсах в Литературном институте имени М. Горького, А. Султреков публикует в центральном журнале «Детская литература» статью «Развитие детской литературы в Хакасии», впервые в хакасском литературоведении посвященную исследованию важнейших идейно-эстетических тенденций развития хакасской детской литературы. Учащимся и учителям школ адресованы его книги «Чатхан үні» («Голос чатхана», 1995) и «Чарых чылгыстар» («Яркие звёзды», 2002), раскрывающие литературные портреты, творческую лабораторию писателей, историю создания художественных произведений. Вполне закономерно, что, проводя серьезный анализ творчества детских писателей, осмысливая проблемы национальной детской литературы, Анатолий Егорович начинает сам писать произведения для детей. Попыткой создать многогранный образ современных детей привлекает вошедшая в сборник «Медвежье сердце» повесть «Порчо» («Цветок»). В этом произведении автор показал себя как мастер, умеющий создавать увлекательное повествование, которое с удовольствием читают и взрослые.

Тема повести – дружба, товарищество, взаимоотношения детей, объединенных общим увлечением, – спортом. Писатель очень просто, без затей и излишнего пафоса рассказывает о необходимости взаимопомощи, о доверии и уважении ребят друг к другу, к старшим. Композиционно повесть разделена на 15 глав, почти каждая из которых содержит какое-либо завершенное событие и в то же время связана с предыдущими.

Создание книг для детей, особенно прозы, требует от писателей хорошего знания всех особенностей детской психологии, т. е. каждый детский писатель должен учитывать все элементы, составляющие личность ребенка. Автор повести «Порчо» обладает умением смотреть на детский мир, на события, происходящие с ребятами, по-детски озорно, весело. Он заглядывает вглубь ребячьей природы и раскрывает ее перед читателями до того непосредственно, что веришь – перед тобой интересная личность, не похожая ни на какую другую. У этого человека есть свои собственные мысли и переживания, свои привычки и своя точка зрения на все происходящее. Именно таковыми являются дети в реальной жизни.

Герои повести – дети 11–12 лет, отдыхающие летом в одном из детских лагерей Хакасии. Автор нас знакомит с доброй, отзывчивой, озорной и непоседливой Айго, всегда спокойным и рассудительным Максимом, веселым и бесшабашным Лаврентием, драчунами Валерием и Тимуром, толстым и неуклюжим Мироном и др. Трудно сказать, кто из них является главным героем повести, все они своеобразны и интересны. Привлекает внимание образ Айго. Веселая озорница и выдумщица, она никогда спокойно не сидит, обязательно придумает что-то новое и интересное.

Одним из наиболее ярких и запоминающихся характеров является образ Лаврентия. В повести он появляется лишь в девятой главе и сразу же завоевывает внимание и симпатии читателей. Отличаясь добрым, веселым и неунывающим характером, Лаврентий со всеми находит общий язык, становится

душой компании. Общительный и жизнерадостный, он всех окружающих заряжает юмором и оптимизмом.

Интересен и Герасим. По складу характера, вдумчивому, серьезному отношению к жизни Герасим как бы старше и мудрее своих ровесников, среди товарищей он пользуется уважением и авторитетом, к его мнению прислушиваются.

Очень осторожно, с особой чуткостью автор описывает зарождение романтических чувств между Айго и Пайсаном. Для них «неизведанным миром» оказываются чувства, заставляющие волноваться, смущаться, совершать дерзкие поступки. Трогательна последняя сцена в повести, где Айго в танце прощается с Пайсаном и друзьями.

Следует сказать о языке. Повесть читается легко и с неослабевающим интересом – от первой до последней страницы. Это ощущение легкости письма и в диалогах, и в описании внешнего портрета, мыслей, чувств героев и в умении вовремя «вмонтировать» комическую деталь.

Следует отметить, что воспитательный элемент в повести «Порчо» оказывается в органическом сочетании с юмористическим видением событий. Это единство делает многие проблемы доходчивее и привлекательнее для юных читателей. Редкая страница, где читатель не рассмеется от чистого сердца – то неожиданному замечанию автора, то остроумному диалогу героев. Таким образом, юмористическое начало не чужеродно писателю, оно пронизывает все произведение. С дружеским юмором автор наблюдает, как подростки ведут себя еще по-детски. Однако он подчеркивает, что внутренне они духовно взрослеют, буквально растут на глазах, учатся, порой ошибаясь, законам справедливости и добра.

Так через сюжет произведения, характеры героев высвечивается позиция автора – человека неравнодушного, понимающего детскую душу и сам процесс становления человеческой личности. Его проза не дидактична, но воспитательная ее направленность несомненна. Повести, подобные этой, чрезвычайно нужны юному читателю, поскольку, как еще В. А. Сухомлинский отмечал: «Чтение – это окошко, через которое дети видят и познают мир и самого себя»¹. Помочь ребятам лучше понять мир, в котором они живут, перенять традиции, обычаи своего народа ставит своей целью А. Султреков и в следующем произведении – повести «Дуплистое дерево».

Повесть «Дуплистое дерево» учит доброму отношению к природе, которое у А. Султрекова становится категорией нравственной. «Эта повесть о том, как мальчик Игурак в годы Великой Отечественной войны находит пчел в тайге и благодаря найденному меду поднимает на ноги больных людей», – рассказывает автор в интервью А. Дубровину². Автор хорошо знает старинные обряды почитания духов-хозяев природы, охотничьи обычаи. В повести утверждается единство человека и природы, звучит предостережение от необдуманных поступков по отношению к ней. Мать Игурака, узнав, что он в тайгу с собой взял лук и стрелы, чтобы подстрелить самку глухаря, крепко отругала сына: «Уйа пасчатхан хусты ол хацан даа тибіредерге чарабас теен. Анзы, хорых парып, нымархаларын тастабыс таа чөрібізерге айабас. Андада пу сіліг тайғада пірее пис-алты хара сабанға асхынах пол парар. Иди чыл сай полза, ўр ниместің не аразына пу тайғада аң-хус таа халбыныбызар» – «Мать сказала, что нельзя пугать птицу, высиживающую яйца. Иначе птица может бросить яйца и улететь. И тогда в этой прекрасной тайге на пять-шесть глухарей станет меньше. Если каждый год так будет продолжаться, вскоре в тайге не останется ни птиц, ни зверей» (Здесь и далее подстрочный перевод – Л. Ч.)³. Мать объясняет сыну правила поведения в тайге: «Улуғ кизілернең хада килгенде, пір дес ус-пас чох поларға чарабас тің, ўгредің одырча. Улуғларны улуғлап, оларның на ондайлары хоостыра поларға кирек тидір» – «Мать учит, коль ты пришел сюда со взрослыми, то нельзя шалить. Надо старших уважать, вести себя только так, как они говорят»⁴.

Многовековая духовная, нравственная и житейская мудрость народа сконцентрирована в образе деда Покропа, передающего Игураку свои знания об особенностях жизни и поведения пчел: «Пірее ле аар мөётте пат парза, сах андох пасхалары аны ибірібісчелер, мөөдін прай арығлап тастабысчалар. Удур-төдір матап ползысчатхан нимелер» – «Какая-нибудь пчела начинает тонуть в мёде, остальные тотчас её окружают, очищают от мёда, тем самым спасая от гибели. Так они помогают друг другу»; «Иң не күстің, тоғысчы аарлары тайғада поларлар» – «Самые сильные, трудолюбивые пчелы – таёжные»; «Тайға аарларының мөөді хайди-да тадылығ арах пілдірчеткенге төөй» – «Мёд таёжных пчел слаще, чем домашних»; «Уйадағы полған на аар поэзының тоғызын толдырча» – «В улье у каждой пчелы есть своя работа»⁵.

Важное значение в раскрытии образа деда Покропа имеет использование характерного для всех народов общенародного художественного принципа отношения к окружающему природному миру как к живому организму. Частью этого единого организма являются и человек, и животные,

и растительный мир, и объекты ландшафта, у каждого из которых, по словам Покропа, есть своя жизнь, свой характер. Пчёл он сравнивает с людьми: «Аарларның даа аразында аргаастар толдыра полчатпас па. Таласпинчам, аарлар тогысха угаа күс нимелер. Че кизилер дее андаг ниместер бе? Күлүктернің сылтаанда ла чуртас үзілбинче» – «И среди пчёл много есть ленивых. Хотя не спорю, пчёлы – очень работающие существа. И среди людей так же, не правда ли? Только благодаря трудолюбивым людям жизнь не прекращается»⁹; «Көгіліг кизилерні аарлар даа сахпинча тіпчелер. Итсе-де, улуг частыг кизилер орта даа чоохтасча поларлар, чабал хылыхтыгларга пір дее тіріг ниме хынминча тіп» – «Говорят, веселых людей пчелы не жалят. Правду говорят старики, что злых людей ни одно живое существо не любит»¹⁰.

Старик Покроп А. Султрековым изображен как носитель положительных качеств, присущих хакасскому народу: он мудр, невозмутим, спокойно и терпеливо объясняет, как себя вести как в обществе, так и в тайге: «Палазы хақан даа пабазынаң артых хайынарға кирек полча» – «Сын должен всегда лучше отца работать»¹¹; «Тоғынминчатхан кизи аргаас, ағыраачы пол парча» – «Неработающий человек становится ленивым и больным»¹²; «– Ок, палам, іди най ла азымахтанарға чарабас. Піс мөөтті ам даа көргелекпіс, син аны тооза чіп парирзың. Иди чарабас поларға тайға чирінде, – амыр ла чоохтан салған Покроп апсах» – «– Ок, палам, нельзя так заранее жадничать. Мы еще не видели мёда, а ты его уже почти весь съел. Так нельзя себя вести в тайге»¹³. Согласно обычаю своих предков, Покроп учит Игурака уважительно и почтительно относиться к духам гор-рек: «Тайгада артых чоохтанарға пір дее чарабас. Тагларның, суғларның ээлері, махтанчых сөстеріңні ис салзалар, сагаа паза польызарға хынмастар» – «В тайге нельзя попусту болтать. Духи гор, рек, услышав твои хвастливые слова, больше тебе помогать не будут»¹⁴. Дед Покроп совершает обряд подношения для задабривания Верхнего Чайаана с просьбой о сопутствии Игураку в поисках таёжных пчел. После совершения обряда Покроп наставляет: «Амды прай ниме позыңнаң полар. Аргаастаның, аар-песер сыхпин, ибде ле одырчатсаң, хақан даа оң полбас. Сынап, тайға арали хайынып, аарлар соона кірерге сағынчатсаң, талаан на пол турар» – «Теперь всё зависит от тебя самого. Будешь лениться и дома сидеть – не будет тебе сопутствовать удача. Приложишь усилия в поисках таёжных пчел – удача всегда будет с тобой»¹⁵. Наполнив ведра таёжным мёдом, Покроп апсах снова совершает обряд, обращаясь к духам гор-рек с благодарностью за подаренный ими мёд. Используя этот обычай подношения духам, связанный с анимистическими и пантеистическими верованиями предков не только хакасов, но и других тюркских народов Сибири, автор создает в повести фольклорно-этнографический контекст, способствующий раскрытию отношения хакасов к природе и выражению национально-этнических особенностей действительности.

Повести А. Султрекова «Порчо» и «Дуплистое дерево», в которых воплощены нравственно-эстетические идеалы, заложенные в этнопедагогике, имеют большое воспитательное значение и органично вписываются в общий поток хакасской детской литературы. Они являются первым и весьма успешным шагом писателя в деле создания крупных произведений для детей, убедительного раскрытия детской психологии, хода мыслей и мотивов поступков своих героев.

После выхода детских повестей А. Султреков начинает активно творить в жанре художественной публицистики. Как отмечают современные исследователи, интерес к публицистическим жанрам в целом характерен для творчества писателей конца XX в., ищущих новые образные средства для адекватного выражения современности, стремящихся обновить художественную форму и язык произведений¹⁶. Один за другим выходят в свет книги А. Султрекова с характерными признаками публицистических жанров, таких, как документальность, социальность, эмоциональная оценка изображаемых событий, автобиографизм, отражение событий сквозь призму личного опыта и т. д. Основываясь на подлинных фактах и реалиях жизни своих героев, личных воспоминаниях о них, автор пишет о выдающихся людях, прославивших хакасский народ: о художнике В. П. Бутанаеве («Күн сустарының сүрместері» – «Косички из солнечных лучей», 2004), народном мастере по дереву Н. Б. Ачитаеве («Көгілпечеткен ағас» – «Поющее дерево», 2002, 2009), писателе-классике хакасской литературы М. Е. Кильчикакове («Мыкайла», 2009), о девушках-спортсменках и развитии женской вольной борьбы в Хакасии («Сыйыхха – хызыл чистектер» – «Красные ягоды – от всей души», «Алып хыстар чолы» – «Путь девушек-богатырей», 2000), первом мастере спорта СССР среди хакасов, тренере по каратэ А. Н. Карамашеве («Сэнсэй», 2008), бронзовом призере Олимпийских игр, прошедших в 1988 г. в г. Сеуле, С. Карамчакове («Чиңіс өрінізі» – «Радость победы», 2014).

Интересна структурная организация текста в художественно-публицистической повести «Мыкайла», посвященной классике хакасской литературы М. Е. Кильчикакову. В повести совмещены два варианта освещения событий: 1) дистанцированное изображение безличным субъектом

персонажа, именуемого в третьем лице, и 2) высказывания о событиях от первого лица, участника событий¹⁷. В первом, третьем и четвертом главах повествование ведет третье лицо – «аукториальный повествователь, находящийся вне мира повествования, но организующий его и предлагающий адресату текста свою интерпретацию событий»¹⁸. Повествователь достаточно объективно описывает события в жизни М. Кильчичакова и связанных с ним людей, писателей, литературную жизнь Хакасии. Во второй главе, где повествуется о созданном при непосредственном участии М. Кильчичакова литературном объединении «Таң солбаны», А. Султреков в форме «я» выступает как очевидец, наблюдатель, свидетель, непосредственный участник работы вышеназванного объединения, выражающий свои чувства, мнения, что рождает особое чувство близости, доверия со стороны читателя.

Публицистика А. Султрекова художественна, поскольку насыщена метафорической образностью, богатством и выразительностью языка. Повествование об известном не только в Хакасии, но и за ее пределами поэте и драматурге М. Кильчичакове, творчество которого было органично связано с фольклором хакасов, характеризуется обилием в тексте народных изречений, пословиц и поговорок. Автор, помимо собственно сюжетных приемов характеристики, стремясь воссоздать многогранный образ, умело использует портретную и речевую характеристики, прием внутреннего монолога, пейзажные описания. Совет старейшин хакасского народа недаром признал в 2010 г. А. Султрекова человеком года.

Таким образом, творческая индивидуальность А. Султрекова, появившаяся в детских повестях, художественно-публицистических произведениях об известных людях Хакасии, литературоведческих и критических статьях о творчестве писателей – это определенный вклад в развитие современной хакасской литературы.

Примечания

1. Сухомлинский В. А. О воспитании. – М., 1988. – С. 175.
2. Дубровин А. Литературный голос Анатолия Султрекова // Хакасия. 2014. 9 апр. – С. 17.
3. Султреков А. Е. Күңүре ағас (Дуплистое дерево): повесть. – Абакан, 1996. – С. 40.
4. Там же.
5. Там же. – С. 60.
6. Там же. – С. 61.
7. Там же. – С. 67.
8. Там же. – С. 70.
9. Там же.
10. Там же. – С. 38.
11. Там же. – С. 44.
12. Там же. – С. 71.
13. Там же. – С. 41.
14. Там же. – С. 44.
15. Там же.
16. Любезная Е. В. Авторские жанры в художественной публицистике и прозе Татьяны Толстой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2006. – С. 3.
17. Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тамарченко. Т. 1: Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М., 2004. – С. 235.
18. Николина Н. А. Филологический анализ текста. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2007. – С. 95.

А. С. Чочиева

СЕМАНТИКА ОБРАЗОВ ЗИМЫ В ПОЭЗИИ М. БАИНОВА

В статье ставится задача рассмотреть особенности концепта Зима в лирике М. Баинова. Зима является элементом концепта Время.

In the article there is a goal to contemplate peculiarities of concept winter in M. Bainov's lyrics. Winter described as an element of the concept Time.

Творчество Моисея Романовича Баинова находится под пристальным вниманием литературоведов. Исследователи изучают поэтическое наследие поэта, эстетическую ценность его произведений, своеобразную поэтику.

Цель данной статьи – определить особенности семантики образов зимы в поэзии хакасского поэта. Для исследования были привлечены стихи, вошедшие в сборник «Хумартхы көглерім» (Души моей последние напевы)¹. Это произведения, ранее не известные широкому кругу читателей, которые вносят в хакасскую литературу новые мотивы и оригинальные образы. Они достигли наивысшего расцвета и отличаются широким дыханием и исторической зоркостью, умением пропустить через собственный личный опыт события и жизненные судьбы и обобщить их до уровня национального опыта. Основу поэтического сборника составляют образы, отражающие чувства, внутреннее состояние поэта, которые объединены мифологемой зима. Образы зимнего ряда играют важную роль в воссоздании индивидуально-авторской модели мира, жизненный опыт автора, его представления о мире находят свое явное выражение в тексте художественного произведения.

В работе привлекается биографический метод, позволяющий интерпретировать произведения хакасского поэта в свете его личного жизненного опыта. Т. Карлейль отмечал, что «задача писателя-биографа – «нарисовать верную картину человеческого земного странствия», что означало сосредоточение внимания биографа на духовной жизни героя, на его нравственных исканиях»².

При определении художественной модели мира поэта, обусловленной и семантикой образов зимнего ряда, мы опираемся на работы М. Н. Эпштейна и С. В. Бурдиной, в которых анализ зимнего пейзажа дается в различных аспектах.

М. Н. Эпштейн отмечал, что зимний пейзаж «концентрирует в себе наиболее характерные особенности русского понимания природы и поэтому может рассматриваться как конкретное воплощение и развитие темы национального пейзажа... В любви к зиме проявляется особый склад национального характера: мечтательность, задумчивость, отрешенность, как бы пребывание за гранью становящейся природы, в ее вечном, «потустороннем» покое»³.

В качестве одной из функций зимнего пейзажа исследователь С. В. Бурдина связывает «с образами волшебства, зачарованности. В русской поэзии зимнее время предстает как праздник света, непорочности, чистоты... Но зимнее время, как известно, несет в себе и некие нечистые, враждебные людям начала. Зима связывается с метелью, с ее завывающей вьюгой, бунтующей против всего человеческого, наполненного неведомыми, инобытными формами души... Мифологема зимы в русской культуре является одной из наиболее распространенных реализаций архетипа «смерть», несущего в себе прежде всего символическое значение конца»⁴.

Функции зимнего пейзажа, выделенные и проанализированные в исследованиях, находят воплощение и в творчестве поэта. Пейзажная лирика занимает одно из важных мест в творчестве М. Баинова. Он тонко чувствовал природу, умел передать и наслаждаться ее красотой, черпал творческое вдохновение.

Образ зимнего ряда представлен целым рядом понятий как мороз, иней, снег, но наиболее значимым и частотным является снег. «Великолепие снега, блистающего на солнце, праздничная встреча со светом. Но эта красота застывшей природы не сковывает человека, не погружает его в сон, напротив, благодаря зиме в человеке пробуждается заряд энергии»⁵. При описании природы снег помогает создать позитивный аспект – указывает на чистоту и радость, наполняя все вокруг миром, покоем и тишиной.

Стихотворение «Хазыцнар» (Березы) – яркий образец пейзажной лирики, но его можно отнести и к философской. По композиции стихотворение состоит из 5 строф. Первая, третья, четвертая и пятая описывают зимнюю березовую рощу, а вторая строфа проникнута философскими размышлениями.

На фоне природной красоты лирический герой размышляет о смысле человеческого бытия. Он отмечает, что каждый человек может оступиться и сделать неверный шаг. И людям, находящимся рядом, нельзя отворачиваться от них, нужно стараться помочь и поддержать в трудной ситуации. Особо отмечает, чтобы берегли своих любимых и не скупались на нежные слова.

Зимняя березовая роща символизирует внутреннее спокойствие и покой лирического героя. «У березы много поэтических возможностей, образных оттенков... Легкий, парящий силуэт березы, столь согласный и контрастирующий с ее плакучей кроной, действительно создает богатую клавиатуру образных возможностей и позволяет найти необходимую тональность для передачи самых разных, даже противоположных чувств, которые вызывает в нас природа»⁶. Поэт описывает картину изумительной красоты, которая дала силы для новых начинаний, вдохнула жизнь и наполнила творческой энергией. Стихотворение является ярким примером духовного контакта природы и человека.

Умиротворение зимней природы передается через образ тишины, которую можно слышать: *Чарын турза хысхының таңнары, / Ах харларнаң чапсых пальыңни, / Сагын турча көөлбек хазыңарым, / Кееркеп тоспас амырны тыңни.* (Когда начинается зимний рассвет, / Удивительно блестит белый снег, / Задумчиво стоят щедрые березы, / Восхищенно слушая тишину). (Здесь и далее подстрочный перевод – наш). Ею можно восхищаться как некоей ценностью: *Тыңнаңардах, өöre-нанчыларым, / Кееркеп тоспас аарлыг амырны.* (Послушайте, друзья-подруги, / Доставляющую радость драгоценную тишину). Образ тишины сравним с одиночеством, но оно не сковывает лирического героя, а наоборот, побуждает вырваться на свободу. Здесь нет временных рамок, что позволяет творческой натуре в мыслях свободно перемещаться в пространстве.

Специфика художественной картины мира поэта в образе зимнего ряда отражается в различных интерпретациях. Снег несет в себе как положительные, так и отрицательные моменты. Например, в стихотворении «Ах харның наа чылда чапсиинаң» (Удивление белому снегу) белый снег обволакивает все вокруг и несет негативный аспект – холод, пустоту, страх одиночества и смерть. В произведении зима представлена как пробуждение ото сна. Лирический герой передает ощущение, испытанное им во сне. В густом тумане поэт бродит по неизвестной местности, но он понимает, что это царство мертвых. И внезапно он слышит голос, который зовет его обратно, в мир людей. В холодном поту поэт просыпается, а в ушах эхом звучит «есть на земле мой покровитель». «Образы, мифологические в своей основе, призваны были воссоздать целостную картину бытия, показать призрачность существования человека на грани жизни и смерти»⁷. Такое состояние испытывают люди пожилого возраста, когда во сне бывают в мире умерших. Стихотворение связано с переживаниями предчувствия смерти. Проснувшись, он увидел зимнее небо. Внимание героя обращено на удивительно холодный блеск звезд, которые словно возрождают и возвращают его душу на землю. Жизнь продолжается, появляется вера в завтрашний день, но внутреннее состояние героя неспокойно, присутствует мотив одиночества, тоски, который проявляется в словах: «вновь буду дрожать от холода на этой земле». Из этой строки понимаем, что нет человека, который был бы рядом с ним. Холод ощущается не столько физически, а сколько морально, как пустота, которая сравнима с ночным небом. И только где-то далеко-далеко светят холодным светом звезды, как бы напоминая о прошлой жизни. Видимо, горькое сожаление, что он не смог пронести свою любовь через всю жизнь, его гложет и не дает покоя.

В стихотворении «Пазох ирселенем, илим ам...» (Вновь буду мучиться, страдать...) зима представлена как размышления поэта о смысле жизни. Внезапно нахлынувшее вдохновение позволяет герою сопоставить себя с белым и мягким снегом, падающим и окутывающим землю, создающим особое состояние природы.

Устойчив эпитет «белый» – белый снег, белый холод, белый свет, символизирующие чистоту, спокойствие и умиротворение. Снег описывается настолько белый, что отражает солнечные лучи: *Тыс сал тарланган сагыстарың, / Ах хар ап-арыг ибiре, / Таңның онар сырлыг сустары / Ойнаан сiлшине читiре.* (Успокой сердитые мысли, / Вокруг белый-белый чистый снег, / Разноцветные лучи рассвета / Играли до конца своей красотой).

В следующем отрывке снег мягкий, в словах поэта чувствуется теплота, которая исходит от снега: *Пiлбеен ах чачын тахпахтарны. / Хыролыг тозын агылым, / Хуцаанда нүўнгi хыйаннарның / Ах хар нымзаанаң тамчылым.* (Тахпахов не знала белая бумага. / Заиндеवेशую пыль принесу, / В объятиях сегодняшних холодов / Белым мягким снегом буду падать). Строфа настраивает на позитивное мышление, передает откровение человека, прожившего тяжелую жизнь.

Стихотворение «Пазох ирселенем, илим ам...», как и «Ах харның наа чылда чапсиинаң», является и пейзажной, и философской лирикой. Описывает внутреннее состояние души пожилого человека. Он признается, что не всегда был сдержанным и терпимым. Но с годами, он говорит, что приходится задумываться о смысле слов. Он пишет, что не следует понапрасну сердиться, открывать свою черную, т. е. нехорошую, душу. В преклонном возрасте человек делится не только советами, учениями, но и жизненным опытом, которая является самым ценным для людей. Он говорит, что нужно удерживать, успокаивать в себе жестокие мысли. Уметь радоваться жизни, лучам солнца. И даже испытывая горести жизни, он считает, нужно уметь достойно пройти эти невзгоды. Невзгоды, горести он сравнивает с холодом как человеческим, так и природным. И следующие строки как нельзя лучше передают оптимистический настрой: «Пазох ирселенем, илим ам, / Ах соох хуцаанда чазырхим». (Вновь испытывая горести жизни, / Буду нежиться в объятиях белого снега).

В преклонном возрасте происходит анализ жизни, не только прожитой поэтом, но вообще смысла жизни, человеческих ценностей. Все эти понятия рассматриваются с большой глубиной и мудростью пожилого человека. Старость – это тонкая материя, которую Баинов передает как самоощущение

человека. Насколько он сохранил живость ума, активную жизненную позицию, любовь к окружающему миру. Речь поэта не пламенна, а спокойна и лаконична, но с искоркой, с радушием.

Представления о творчестве, суть творческого процесса – это взгляд на морально-этические понятия. Он говорит: «давай будем слушать стихи» *«Амзааң поэзия сурнагың / Сурланган көблүчө сузынаң. (Давай испробуем поэзии капель, / Неторопливо сверкающего лучами)». В них он видит много ответов на неразрешенные вопросы, через чувство прекрасного можно прийти до истины. Он призывает, что и поэзия несет в себе ту красоту и спокойствие, так нужные порой людям. Как поэт он находит умиротворение в стихах. Стихи сравнимы с лучами рассвета, которые переливаются десятью цветами.*

Итак, в стихотворении «Пазох ирселенем, илим ам» показана особенность мироощущения поэта, для которого настоящее, прошлое и будущее взаимосвязаны. Наиболее полно раскрывается понимание и восприятие мира поэта. Его прожитая жизнь настолько богата воспоминаниями, чувствами и переживанием, которая чувствуется в каждой строчке.

В рамках одного произведения присутствуют разные темы. Стихотворения «Хазыңнар», «Ах харның наа чылда чапсиинаң» и «Пазох ирселенем, илим ам...» одновременно относятся и к пейзажной, и к философской лирике. Природа подталкивала Баинова к философским размышлениям и раздумьям. Если природу он характеризует как вечно живую, то человеческая жизнь наоборот коротка. И как бы она ни была полна горестей, нельзя терять человеческие качества. Его лирический герой приобщается к смыслу жизни и смерти, обретает новые универсальные ценности.

Примечания

1. Баинов М. Р. Души моей последние напевы: сб. стихов. – Абакан, 2012. – 111 с.
2. Литературоведение от «А» до «Я» / Сост. В. И. Новиков, Е. А. Шкловский. – М., 2001. – С. 41.
3. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. – М., 1990. – С. 169.
4. Бурдина С. В. О семантике образов «зимнего ряда» в поэзии А. Ахматовой // Вестник Пермского университета, Сер.: Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1 (7). – С. 95.
5. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. – М., 1990. – С. 173.
6. Там же. – С. 62.
7. Бурдина С. В. О семантике образов «зимнего ряда» в поэзии А. Ахматовой // Вестник Пермского университета, Сер.: Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1 (7). – С. 95.

Ю. И. Чаптыкова

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЭПОСЕ «ТРИЖДЫ ЖЕНИВШИЙСЯ ХАН-МИРГЕН»

В данной статье рассмотрены мифологические традиции, отраженные в хакасском героическом эпосе «Трижды женившийся Хан-Мирген». В сказании встречаются мифологические мотивы наделения коней человеческой речью, оборотничества, умения воскрешать мертвых, магического устройства жилья и т. д.

In the article mythological traditions, reflected in the Khakass heroic epos «Three times married Khan-Mirgen», are under consideration. In the tale there are mythological motives of inducing horses with a human speech, turnskining, ability to raise the dead, magical arrangement of dwelling and so on.

Героический эпос как одно из высших достижений культуры многих народов, в том числе центральноазиатских, имеет древнейшую историю. Как отмечают эпосоведы, героические сказания народов Центральной Азии во многих отношениях уникальны¹.

Среди всех жанров хакасского фольклора алыптых нымах (героический эпос) занимает особое место, являясь неповторимым образцом эпического творчества, одним из памятников мировой культуры. Именно он воплотил в художественных образах прогрессивные для той эпохи идеи и помыслы. В основе героического эпоса лежит поэтическая трансформация действительности, в нем отражены устремления народа к идеалу, сохранено ценное и непреходящее, что составляет духовное и нравственное достояние нации. Прославление героизма и непреклонности в борьбе за свободу и независимость народа, воспевание мирной жизни является основным стержнем в

героических сказаниях, бесценного культурного наследия хакасов. По мнению Б. Н. Путилова, именно сибирский мифологический и эпический материал «является если не исходным, то во всяком случае стадильно весьма ранним. Именно этот материал всего естественнее сопоставлять с мифологией, с этнографической архаикой, кругом древнейших представлений»².

Эпос в течение тысячелетий осложнялся, изменялся, поэтому опыт изучения архаических, прежде всего мифологических традиций показывает, что мифологическая основа образов и сюжетов часто размыта, уловить специфику древней семантики не всегда просто, иногда она только намекается и раскрывается лишь после тщательного анализа.

Древнейшие обычаи, утраченные в наше время, настолько тесно слились с сюжетами, мотивами героических сказаний, что составили содержательную основу этих произведений.

Сказание «Трижды женившийся Хан-Мирген» записано в 1958 г. от известного сказителя Курбижекова Петра Васильевича сотрудником ХакНИИЯЛИ Т. Г. Тачеевой. В свое время Петр Васильевич слышал данный алыптых ныхмах от Ачисова Терентия в 1941 г. в Ширинском районе.

В данной статье рассмотрим некоторые особенности древнейших представлений и обычаев, которые отразились в сюжетно-образной основе эпоса «Трижды женившийся Хан-Мирген».

Проблеме изучения мифологических основ эпического творчества посвящено обширное число специальной литературы. В XIX в. представители мифологической школы доказывали генетическую связь эпической поэзии с мифологией (Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев, О. Ф. Миллер и др.). В дальнейшем в работах А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского, В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, В. М. Гацака, Б. Н. Путилова и других исследователей фольклора была показана исключительная роль мифа в происхождении словесного искусства, в том числе эпоса.

Тюрко-монгольская сказительская традиция считается стадильно ранней формой эпоса. Так, в частности, В. Я. Пропп называет архаическую героическую эпическую поэзию (к которой он относит и героические сказания народов Сибири) особой, «догосударственной» формой эпоса. По его мнению, формирование «догосударственного эпоса» сопровождалось резким отталкиванием от мифа, эпос еще не содержит исторических элементов, но уже пронизан героическим пафосом. Пропп отмечает, что темы «героического сватовства» и «борьбы с чудовищами» характерны для ранних форм эпоса. Кроме того, ученый подчеркивает значение стадильного анализа образов персонажей. Он полагает, что, выделив основные стадии в развитии образа, можно определить его значение и функции по отношению к каждому из стадильных этапов³.

Е. М. Мелетинский в своих работах по генезису эпоса отмечает, что периоду создания героических сказаний предшествовал период мифотворчества, который оставил заметные следы в структуре эпоса. Рассматривая эпические сказания тюрко-монгольских народов Сибири, он убедительно доказал, что исторические особенности общественного строя скотоводческих народов имели очень важное значение для сохранения героического эпоса и во многом определили его своеобразие. Здесь, по его мнению, героический эпос в собственном смысле слова еще недостаточно отделен от волшебного-героической сказки. «Истинно эпический пафос облекается в основном в мифологическую оболочку»⁴. Е. М. Мелетинский указывает на значительные мифологические черты в образах эпических героев и их деяниях. Ученый выводит архетип изначально «одинокого героя» и возводит его к древнейшему мифологическому образу первопредка, родоначальника⁵.

В своей работе, посвященной исследованию художественно-определяющей системы эпоса, В. М. Гацак делает очень важное замечание, что определяющий слой – одно из воплощений поэтики историзма и ее стадильных особенностей. Он отмечает стадильную изменяемость поэтики как переход от мифологизирующей к демифологизированной поэтике. Так, в героико-архаической эпике определяющий слой и вся поэтическая система оказываются в значительной степени мифологизированы по сравнению с былинами⁶.

В хакасской фольклористике исследования, посвященные изучению эпоса, затрагивают вопросы генезиса и эволюции, содержания и поэтики героических сказаний. В монографии «Хакасское народное поэтическое творчество»⁷ древнейшие алыптых ныхмахи рассмотрены В. Е. Майногашевой. Она в них находит обилие самых различных древнейших сюжетов и мотивов. Например: мотив встречи богатыря своего рода «Сциллой и Харибдой» – волшебным местом, где сходятся и бьются друг о друга небо и земля; древнейший мифологический сюжет о сыне Алтын Сарачи, который будучи в утробе матери просит ее остаться жить, и мн. др. По мнению авторов данной монографии, в хакасском героическом эпосе мифологическими являются мотивы оборотничества, умения воскрешать мертвых, чудесного рождения, умения понимать язык животных, птиц, персонажи: трехглавая змея, Чильбиген, Хуу-иней и др.

Мифологизм в хакасском героическом эпосе активно стал изучаться в 70–80 гг. XX в. Мифологической традиции в хакасских алыпных нымахах посвящены статьи таких хакасских исследователей, как М. И. Боргояков, И. Л. Кызласов, В. Е. Майногашева, Я. И. Сунчугашев и других.

В сказании «Трижды женившийся Хан-Мирген» отражены мифологические традиции, древнейшие обычаи народа. Мифологизм в нем выявляется на самых различных уровнях. Так, в данном эпосе повествование начинается с выражения:

Чир пастан пүдүп,	Когда земля впервые сотворилась,
Чизи пасти тас парыбысхан,	Когда медь впервые растеклась,
Агын суғ пасти агып,	Когда быстрые реки начали течь,
Ағас пазы тарбайып	Когда верхушки деревьев,
Өс парыбысхан син чадыр.	Разветвившись, стали расти.
Ыылап, соолап,	Шумя, гудя,
Ах талай килейип ах турадыр.	Течет река Ах-талай, ниспадая, бежит.

Зачин представляет время, в котором «... время действия отождествляется с мифическим временем первотворения»⁸.

В героическом эпосе конь традиционно изображается гиперболически. Богатырский конь обычно имеет шесть, девять саженей в длину. Он принадлежит к особой породе скакунов – «аранчула». Сыновья Хан-Миргена, Тонис-Хан и Алаты-Хан, имеют крылатых шести- и девятикрылых коней. Лошади в алыпных нымахах наделены необычайной физической силой и скаковыми качествами, могут преодолевать за один миг огромные расстояния. Сказитель их бег сравнивает с ветром и птицей, кони даже могут подниматься до небес.

По традиции героического эпоса, кони – вестники своих хозяев, которые вовремя сообщают, что их хозяину требуется помощь. В данном героическом эпосе кони наделены даром человеческой речи. Так, девятисаженный темно-мухортый конь-скакун Хатаан-Молата прискакал на землю Хан-Миргена с мольбой о спасении своего хозяина-богатыря. Хан-Мирген – молодой алып-богатырь, только что получивший свое имя и коня, едет освободить землю и скот солнечного богатыря. Когда Хан-Мирген, главный герой сказания, поехал за своей суженой и девять лет не возвращался, конь поехал следом звать хозяина на защиту разрушенного врагами чурта (домашнего очага).

Когда Алаты-Хана убили, его красно-пегого коня попросили рассказать, что случилось с хозяином, тот человеческим голосом ответил:

– Ээм кулиим Алаты Ханымнаң	С хозяином [моим] Алаты-Ханом
Эйне ябалды Пис Тумзух	За злой ведьмой Пис-Тумзух
Плө Харынны сүргөбіс,	Плө-Харын гнались
Чир чабызы чирді тобыра.	Сквозь низину земли.
Ол ла кишпесен талай суғда	Не осталось песчаного брода,
Сайлығ хумнығ кичік халбаан,	Где б он не перешел через реку,
Ол аспаан тағда тағ халбаан.	Нет горы, куда бы он не взбирался.
Чаацах саплап, ух көглебіскен.	Дрогнул лук, и стрела загудела.
Күрчек пастьы күр киске	Подобный заступу боевой наконечник
Көглеп мастапсхан.	[стрелы] начал гудеть.
Чочаанымнаң чалбағымнаң	От испуга вытянувшись,
Пура салыбысхам.	Резко повернул в сторону.
Сол ханадым төзінең тизе атырыбысхам.	Основание левого крыла насквозь [мне]
Ікінчі уғы көглебөгіскен –	пробили.
Сырлап иткен сыр чөме,	Вторая стрела загудела –
	Покрашенная летящая со свистом стрела,
Ээм күлиим Алаты Ханның	У хозяина Алаты-Хана
Көксінең күн палаңнабысхан.	В груди солнце запылало.
Че аннаң андар тохтабин ойлаам,	Потом мчался без остановки,
Пу чирді көре.	На эту землю глядя.

Как видим, кони в хакасском эпосе красноречивые, как их хозяева, не зря древние люди восторгались их умом, благодарили преданность хозяину.

Важный момент биографии эпического героя, с которым связано магическое вмешательство, – наделение его особенной силой. Для этого используется мотив превращений или оборотничества. Сестра или жены богатырей в героическом эпосе обычно превращаются в птиц: например, Харащхай-Арыг превращается в птицу белее снега, Чарых-Пуруххан, суженая Алаты-Хана, превращается в золотую кукушку величиной с голову, чтоб лететь за суженым, и т. д.

Мотивы магического устройства Харащхай-Арыг жилья и коновязи: брошенный на землю платок (алтын арчол) превращается в белый шелковый шатер и брошенный на землю перстень превращается в коновязь – являются одними из древних. Также из эпоса известен обычай, что невеста богатыря, впервые войдя в дом, бросает на пол ожерелье. Когда Хан-Мирген привел домой две жены и они обе рассыпали на пол ожерелье, тетка Алтын-Поощ сразу поняла, что племянник хочет стать двоеженцем.

В основе алыпных нымаха часто обнаруживаются древние сюжеты, мотивы. Например, в известном сказании «Ай-Хуучин» мотив похищения только что родившихся в отсутствие богатыря детей – двойни Хан-Миргена. Похищение совершает слепая старуха с поводырем-девочкой, изменившие свой облик представительницы подземного мира Пис-Тумзух и Очы-Арыг. В данном алыпных нымахе «Трижды женившийся Хан-Мирген» только что рожденную Ай-Чарых-Хыс-Хан хотели похитить демонические женщины Хара-Нинчи и Пис-Тумзух, но девочка, узнав их замысел, убегает. Известно, что мотив похищения, как и героическое сватовство, относится к самым древним.

В анализируемом героическом сказании только что родившаяся дочь Хан-Миргена и Ах-Хыйан-Арыг заговорила, что тоже свидетельствует о присутствии древнего мотива:

– Эйнс ябалдың холынаң	От руки злой ведьмы
Азып, кичірібізерге одырбын!	Придется погибнуть!
Адам Хан-Мирген хайди көрбеді,	Как же отец Хан-Мирген не увидел,
Ирлік айна холынаң ол хала чөрбін,	От руки демона придется умереть,
Іцем Ах-Хыйан-Арыг ноға көрбеді!	Почему же мать Ах-Хыйан-Арыг не заметила!

Далее, сбегая от двух демонических женщин, она, превратившись в искры, вылетела из тюнюка (отверстие на крыше юрты). Убегая от преследований Наны-Хана, отправляется на поиски средства для оживления младшего брата. Чарых-Тана рассказала про волшебную белую траву, которая находится на вершине горы Ах-сын, возле Золотой скалы с шестью обручами, на дне Золотого озера. Найдя трехколennую белую траву, Ай-Чарых-Хыс-Хан спустила с неба тело умершего брата Алаты-Хана и оживила. Также она при помощи волшебной белой травы оживляет брата своего отца и второго брата. Обычно в героическом эпосе средством оживления являются белая трава, живая вода и др. Дети Хан-Миргена, объединившись, вернули угнанный подземными богатырями народ и скот. Приехав домой, устраивают свадебный пир двух богатырей-братьев – Тонис-Хана и Алаты-Хана, что тоже традиционно.

Таким образом, в сказании «Трижды женившийся Хан-Мирген» часто встречаются мифологические мотивы наделения коней человеческой речью, оборотничества, умения воскрешать мертвых, магического устройства жилья и коновязи, мотив похищения только что родившихся в отсутствие богатыря детей и т. д. Мифологизм, наряду с эпичностью, присутствует во всех героических сказаниях, что является характерной особенностью эпоса.

Примечания

1. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – М., 1963. – 462 с.; Неклюдов С. Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л., 1984. – С. 221–229; Чагдуров С. Ш. Происхождение Гэсэриады. Опыт сравнительно-исторического исследования древнего словарного фонда. – Новосибирск, 1980. – 272 с.
2. Путилов Б. Н. Песни южных морей. – М., 1978. – С. 8.
3. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986. – 364 с.
4. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – М., 1963. – С. 364.
5. Там же. – С. 66–67.
6. Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. – М., 1989. – С. 39.
7. Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан, 1972. – 310 с.
8. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М., 2000. – 407 с.

А. Н. Мыреева

«ЭПОХА КУЛАКОВСКОГО»

В статье показано определяющее значение фольклорных традиций в формировании творческой индивидуальности основоположника якутской литературы А. Е. Кулаковского. Поэзия А. Е. Кулаковского представлена как целостная поэтическая система, богатая как в стилевом, так и в жанровом отношении. Оптимистическая суть натурфилософии А. Кулаковского, религиозно-философские черты его универсального мировоззрения более всего проявились в поэмах «Наступление лета», «Сновидение шамана» в органическом единстве национального и общечеловеческого.

The article shows the determining importance of the folklore traditions in the formation of creative personality of the Yakut literature's founder A. Ye. Kulakovsky. His poetry is represented as a common poetic system, rich in stylistic and genres aspects. Optimistic essence of his natural philosophy, religious and philosophical aspects of his universal outlook are the most evident in the poems «The coming of summer», «The shaman's dream» with the organic unity of the national and universal.

В условиях глобализации, роста экологического, экономического и антропологического кризиса в современном мире актуально обращение к духовному наследию великих гуманистов прошлого, к коим мы с полным правом можем отнести и А. Е. Кулаковского.

Век назад жил и творил деятель поистине ренессансного типа личности, всесторонне выразивший духовные чаяния родного народа саха. А. Е. Кулаковский – основоположник якутской литературы, первый ученый саха-лингвист, этнограф, фольклорист, также общественный деятель-просветитель, философ-гуманист.

В формировании личности будущего писателя определяющую роль сыграла среда, овеянная особым почитанием народного поэтического творчества – олонхо. По признанию А. Е. Кулаковского: «Понемногу я стал вникать в прошлое, в быт, а главное в язык».

Рано пробудилось в нем чувство восхищения неисчерпаемым богатством родного языка: «Язык этот поэтичен, красочен, богат смелыми сравнениями...»¹

Окончив сельскую школу, юный Кулаковский продолжает обучение в якутском реальном училище, где впервые глубоко знакомится с творениями русских классиков, о чем свидетельствуют его рефераты 1807 г.: «Вправе ли русские гордиться своим именем?» и «Главнейшие достоинства поэзии Пушкина». Важен вывод о значении творчества поэта: «Народность его преимущественно в языке, в котором выразились главные свойства русского ума и чувства»².

Творческая личность А. Кулаковского формировалась на плодотворном слиянии традиций родного фольклора и гуманизма русской классической литературы.

Знаменательно, что произведением, открывшим первую страницу якутской художественной литературы, явилось стихотворение «Заклинание Байаная» (1900), творческая переработка поэтом жанра народной поэзии – алгыса (благословения).

Герой произведения – охотник, преисполнен почтения перед силами природы, обращается к мифологическому хозяину леса Байаная с просьбой о благословении. Таким образом, якутская литература начиналась с символического благословения природы.

Силой своего таланта А. Е. Кулаковский обогатил устную народную поэзию: главное достоинство творчества основоположника якутской письменной литературы – исключительно богатый и гибкий, интонационно и метафорически разнообразный язык.

Поэзия А. Е. Кулаковского – целостная поэтическая система, богатая как в стилевом, так и в жанровом отношении. В его творчестве первого десятилетия выделяются произведения, посвященные тяжелой доле народа в обстоятельствах того времени. Глубоко гуманным, сострадательным чувством пронизаны стихотворения о судьбе якутской женщины: «Портреты якутских женщин», «Деревенская женщина», «Песня старухи, которой исполнилось сто лет» и др.

Сатирическая направленность отличает стихотворения: «Бахвальство пьяного богача», «Скупой богач», обличающие социальные пороки: пьянство, картежничество.

Первое крупное произведение поэта – поэма «Дары реки» (1909). По существу, все произведение – развернутая метафора. Вечная борьба добра и зла символизирована в противостоянии реки – защитницы человека и Ледовитого океана – мифического Быка-зимы, который выступает «против светло-белого солнца да против ничтожных двуногих существ». Так, в философском диалоге-

споре А. Кулаковский впервые высветил противоречивость взаимоотношений человека и природы в век технической цивилизации и заострил внимание на духовно-нравственном аспекте проблемы: разрушение природного мира, издержки цивилизации калечат душу человека.

Посредством фольклорной, мифологической образности поэт-гуманист предостерегает человека от алчности, бездушия и нравственной глухоты:

От вида золота
Ошалели,
От жадности к деньгам
Осатанели.
Людьми как будто
Были в начале,
В азарте горячем
Одичали.
Забыли правду,
Добрые нравы,
Кто больше схватит,
Те и правы³.

Как национальный идеал красоты, как лучшее создание природы в произведении «Красивая девушка» воспевается образ прекрасной юной девушки, уподобляемой самой «хозяйке земли, богине земли», «душе земли».

Таким образом, уже в начальном периоде поэзия А. Кулаковского получает общечеловеческое звучание, ратую за сохранение духовности, за человеческое в человеке.

Самый плодотворный период творчества А. Е. Кулаковского – 1910–1912 гг. В эти годы созданы программные произведения: поэма «Сновидение шамана» (1910), стихотворения «Спор между умом и сердцем», «Благословение среднего поколения», «Певец» и др. В споре ума и сердца поэт утверждает концепцию активной жизни:

Бурно прожить,
Жадно дышать,
Горечь испить,
Радость внушать,
Через беды-несчастья
Смело идти –
Вот для чего
Стоит родиться⁴!

В стихотворении «Благословение среднего поколения» как главный смысл жизни автор призывает к служению родному народу:

О жизни народа подумай,
Долгое счастье якутам дай⁵.

Оптимистическая суть натурфилософии А. Кулаковского более всего выражена в поэме «Наступление лета» (1924). В традициях народного аллитерационного стиха в поэме живописно воссоздана гармония в «устойчивом мире земли, возникшем по воле высших сил». Красочно и полнозвучно, в жизнерадостных тонах показано народное восприятие вечного круговорота природы, воссоздана взаимозависимость всего сущего в мире, в котором все живет в едином ритме: и природа, и человек.

Кульминацией поэмы является заключительная часть, в которой как гимн самой жизни, апофеоз народного ликования предстает главный календарный праздник народа саха «в честь наступающего лета, во имя солнечного торжества – Ысыах».

В описании народного праздника проявились религиозно-философские черты универсального мировоззрения А. Кулаковского, своеобразный пантеизм, мифологическая философия материальных сил природы. Главная цель ысыаха – благодарение матери-природе – алгыс. Общечеловеческим пафосом наполнен народный хороводный танец-песнь в честь единства человеческого рода:

Семи наций песня крылатая поднялась,
Восьми наций песня чистая полилась,
Десяти наций песня ликующе раздалась⁶.

Необычайную интеллектуальную мощь и гуманистическую остроту приобрело творческое мировидение поэта в вершинном его произведении – в философской поэме «Сновидение шамана» (1910, 1924). Поэму отличает глобальное восприятие мира в планетарном единстве, мысль автора достигает «ноосферного» (В. Вернадский) уровня, обнимая «вселенную всю и весь круг земной».

В пророческой поэме, исполненных раздумий о судьбах земли и родного народа, голос автора поднимается до общечеловеческого уровня осмысления проблемы войны и мира. С пронзительной художественной силой выражен антивоенный пафос: война одинаково враждебна и природе, и человеку. Воссоздается апокалипсическая картина разрушения жизни на планете:

И слышал я плач земли...

В раздумьях о судьбе родного народа А. Е. Кулаковский склонялся к линии «золотой середины», к толерантности, согласию народов.

Как ученый-просветитель, духовный наставник народа, поэт спасение видит в просвещении и науке, призывая перенять у просвещенных народов «ученость и образованность, и умение мир постигать».

Пафос произведения, насыщенного тяжелыми предчувствиями, не безысходен. В конечном счете, уверен поэт, жизнь на планете зависит от самого человека, от того, как он обустроит свой «дом» – планету. В финале значим возглас шамана, кидающего жребий с мольбой о будущем: «Тускуо!», что означает надежду на лучшее.

Всеобъемлющему таланту А. Е. Кулаковского, как и таланту других великих поэтов, присущ синкретизм. В его произведениях сливаются воедино эпические, лирические и драматические начала. Органически соединяя традиции народного творчества и русской классики, поэзия А. Е. Кулаковского уверенно вводила якутскую литературу в первый период ее существования в ареал общероссийской и, шире, – мировой литературы. Первый поэтический сборник А. Кулаковского вышел в январе 1925 г., затем последовали долгие десятилетия запрета и гонения в духе вульгарной социологии с конца 20-х гг. прошлого века. Некоторые ярые «критики» фальсифицировали творчество поэта, обвиняли в буржуазном национализме, и только благодаря усилиям прогрессивной интеллигенции Якутии в лице профессора Г. П. Башарина, И. Е. Винокурова, писателей Д. К. Сивцева-Суорун Омоллона, Софрона Петровича и Семена Петровича Даниловых и др. в новых исторических условиях в 1989 г. творческое наследие писателя в полной мере возвращено народу.

Благодаря переводам известных русских поэтов В. А. Солоухина, С. Поделкова, произведения А. Кулаковского нашли путь к читателю России и мира. Глубоко вник в суть творчества В. А. Солоухин, назвавший его «великим якутским национальным поэтом»: «Вся поэзия Кулаковского – это страстный призыв к просвещению якутов, к их общественной активности, к национальному самосознанию»⁷.

Всю многогранную деятельность А. Е. Кулаковского объединяло страстное желание к образованию, к культурному развитию родного народа. Он является не только основоположником якутской литературы, но и первым ученым-лингвистом, фольклористом, этнографом, социологом и экономистом.

Сохраняют свое научное значение фундаментальные труды А. Е. Кулаковского по проблемам развития якутского литературного языка, грамматики якутского языка, правилам якутского стихосложения. Много сил отдал писатель работе по созданию массовой письменности, ибо как он утверждал: «Возможность развивать своих детей при посредстве материнского языка – это великое, неоценимое счастье народа».

Воистину титанические усилия А. Е. Кулаковского по сохранению образцов народного поэтического творчества, фольклорных жанров: песен, преданий, пословиц и поговорок, переводу их на русский язык.

В своем научном исследовании о традиционной вере народа саха А. Е. Кулаковский подчеркивал, что «в общих чертах якутская религия была стройная и законченная»⁸ и что в ней было сильно развито этическое начало: «Вера якутов была далека от идолопоклонства и шаманизма, она перешла эту стадию на несколько ступеней, шаманами неправильно называют жрецов, служителей Белого и Черного божеств»⁹.

Прав был Г. П. Башарин, когда писал: «Именно в его научных трудах и художественных произведениях были посеяны первые самобытные семена науки и литературы нашего народа»¹⁰.

Великий труженик, много сделавший во имя будущего, А. Е. Кулаковский имел все основания мечтать о времени, когда человек «начинает жить осмысленной, духовной и полной наслаждениями жизнью под сенью лучезарной поэзии, прекрасной эстетики и под защитой всесильной науки и логики».

Творческое наследие А. Е. Кулаковского современно и актуально. В его произведениях художественно полнокровно выразилось народное понимание жизни в гармонии с природой, народный идеал прекрасного, наследие А. Е. Кулаковского – это квинтэссенция народной эстетики, народной культуры, верований и традиций.

Духовное наследие А. Е. Кулаковского продолжает служить процессу национальной, культурной идентификации в современном глобальном мире.

«Эпоха Кулаковского» (П. А. Ойунский) продолжается.

Примечания

1. Кулаковский // Сборник докладов к 85-летию со дня рождения А. Е. Кулаковского. – Якутск, 1964. – С. 380.
2. Кулаковский А. Е. Наступление лета: Стихи и проза. Избранные произведения. – М., 1986. – С. 323.
3. Кулаковский А. Е. Сновидение шамана: Стихи и поэмы; пер. с якут. В. Солоухина, С. Поделкова. – Якутск, 2002. – С. 94.
4. Там же. – С. 126.
5. Там же. – С. 119.
6. Там же. – С. 298.
7. Солодухин В. А. Продолжение времени // Наш современник. 1982. № 1. – С. 36.
8. Кулаковский А. Е. Научные труды. – Якутск, 1979. – С. 8.
9. Там же. – С. 9.
10. Кулаковский // Сборник докладов к 85-летию со дня рождения А. Е. Кулаковского. – Якутск, 1964. – С. 18.

Хуан Чжонсян

КОРЕННОЙ И ПРОИЗВОДНЫЙ МОТИВЫ НА ПРИМЕРЕ ЭПОСА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Как основная повествовательная единица в литературных произведениях, коренной мотив обладает функцией повествования, имеет более широкое обозначение, в него могут быть включены мотивы подавляющих поэм, а производный мотив – это новый мотив, рожденный на основе коренного мотива. В центре производного мотива стоит каждая повествовательная единица, для того чтобы особенности мотива выдались и сюжет произведения обогатился.

As a basic narrative unit in literary works a root motive has a narrative function and more extended notation. Motives of majority of poems could be included in it. And a derived motive is a new one, which is created on the basis of a root motive. In the center of a derived motive there is a narrative unit for laying emphasis on peculiarities of a motive and enriching a plot of a work.

В данной статье, используя аналитические методы структурной лингвистики и точки зрения на классификацию мотивов в стране и за рубежом, исходя из коннотации и обозначения, а также структуры и функции мотивов тюркских лирических песен, мы разделяем мотив на два типа: коренной и производный.

Как основная повествовательная единица в литературных произведениях, коренной мотив имеет более широкое обозначение и появляется почти во всех поэмах. Понятие коренного мотива отличается от понятия мотивфемы, выдвинутого Аленом Дандесом. Мотивфема, выдвинутая по фонетическим понятиям звука речи и фонемы, является составным элементом мотива, который не может употребляться как самостоятельная единица повествования. А коренной мотив обладает функцией повествования и представляет собой свободно употребляемую повествовательную единицу.

Однако в коренном мотиве подчеркнута не малейшая, не отдельная единица повествования, а отражение общности поэм. По этому принципу мотивы казахских поэм о любви могут быть обобщены следующим образом: рождение, подрастание, любовь, препятствование, свидание, страдание, жертвование. В отдельных произведениях отсутствуют последние два мотива. Героические поэмы могут быть обобщены так: рождение, подрастание, чужое нападение, отправление на бой, преодоление опасности, борьба и триумфальное возвращение. Коренной мотив имеет более широкое обозначение, в него могут быть включены мотивы подавляющих поэм. Это только грубое обобщение коренного мотива, оно подобно скелету, простое, но важное.

Производный мотив – это новый мотив, рожденный на основе коренного мотива. В центре внимания производного мотива стоит каждая повествовательная единица, для того чтобы особенности

мотива выдались и сюжет произведения обогатился. Появление производного мотива прошло долгий путь, что является результатом воссоздания рэперов многих поколений. Производный мотив может появляться в различных версиях одной и той же поэмы, а также в версиях разных народов.

Например, поэма «Лейла и Меджнун», написанная персидским поэтом Низами по фольклору в XII в., стала «народной» на основе оригинального мотива – рождения, любви, сватанья, отказа, одержимости и жертвования. В поэме воспроизведен целый ряд мотивов: время, место, рождение, подрастание, хождение в школу, любовь, вынужденное прерывание девочкой учебы, сватанье, отказ девушки, одержимость парня, отправление в хадж, спасение зверя, свидание, обращение к богатырю за помощью, согласие отца девушки под принуждением богатыря, просьба парня о прощении богатыря, вынужденный уход богатыря, сватовство другого мужчины, вынужденное замужество, появление бога, чтобы остановить, никогда не существовавшее занятие любовью, смерть мужа от тоски, попрошайничество мальчика и спасение его добрым человеком, девушка в объятиях парня, зажжение пламени, оставление девушкой родителям завещания, смерть девушки, жалобы парня, появление трещин могилы, вход парня в могилу.

Исполняя это произведение, казахские рэперы добавляют к нему сюжеты и раширяют новыми мотивами. Например, эти двое новорожденных непрерывно плачут, нянькам приходится выносить их на улицу, чтобы не было шума дома. К большому удивлению, младенцы засмеялись, когда встретились. С тех пор они вместе гуляют каждый день. Это заметила одинокая старуха, она хочет усыновить ребенка и назначить его своим наследником. Эти сюжеты, добавленные рэперами во время выступления, не имеются в других версиях.

Н. К. Баранова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСВОЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО НАСЛЕДИЯ ХАКАСОВ

Важной составной частью духовной культуры хакасского народа является народная педагогика, которая играет решающую роль в воспитании всесторонне развитой личности. В любой народной музыке всегда можно найти национальные и интернациональные элементы, что обусловлено самой природой народного искусства. Учителя национальных школ в большей степени призваны содействовать возрождению национального самосознания детей, молодежи, сохранению и развитию самобытных культурных ценностей своего народа.

An important component of the Khakass people's spiritual culture is public pedagogic, which plays a crucial role in rearing an all-round personality. In every folk music it is possible to find national and international elements. That is induced by the very nature of folk art. Teachers of national schools are aimed in a greater degree to contribute to revival of national selfconsciousness of children, youth and to preservation and development of original cultural values of own people.

Известно, что любой народ, любая нация могут существовать и развиваться только тогда, когда они сохраняют свою национально-культурную неповторимость, когда, находясь в постоянном взаимодействии с другими народами и нациями, обмениваясь с ними культурными ценностями, тем не менее не теряют своеобразие своей культуры.

Важной частью духовной культуры любого народа является народная педагогика, которая играет решающую роль в воспитании всесторонне развитой личности. В различных жанрах хакасского народного творчества (героический эпос, мифы-былички, песни, пословицы, поговорки, загадки...) раскрывались такие нравственные понятия, как доброта, трудолюбие, скромность, уважение к старшим, к своему роду, бережное отношение к природе. Знание этнопедагогике необходимо для улучшения учебно-воспитательного процесса, особенно это важно для работы в национальных школах. Ведь в народной педагогике прослеживается мудрая связь прошлого, настоящего и будущего нации. Вместе с тем следует отметить, что важным воспитательным средством народной педагогики являются национальные музыкальные традиции. Через музыкальное искусство, народную музыку можно сохранить, спасти человеческое, духовное в человеке.

Успешное решение этих аспектов во многом зависит от роли музыкального колледжа Института искусств ХГУ им. Н. Ф. Катанова в профессиональной подготовке студентов – будущих учителей му-

зыка к дальнейшей работе по этномузыкальному воспитанию детей. С целью воспитания у студентов гуманности и нравственности, бережного отношения к памятникам культуры многонациональной Республики Хакасия нами был разработан специальный курс «Хакасский музыкальный фольклор».

Освоение будущими учителями музыки хакасского музыкального фольклора призвано способствовать:

- приобщению детей к материальной и духовной культуре хакасского народа;
- воспитанию чувства интернационализма, уважения и понимания культурного наследия хакасов;
- развитию образного мышления и целостного восприятия окружающего мира на основе национальной музыки;
- развитию художественно-творческой активности детей в процессе взаимосвязи различных видов искусства с национально-региональной тематикой.

Характеристика тем спецкурса:

1. Истоки музыкального фольклора хакасов. Исторические сведения китайской летописи, зарубежных ученых-путешественников. Развитие музыкального фольклора после присоединения Хакасии к России. Современное музыкальное творчество хакасов.

2. Основные песенные жанры хакасского фольклора. Диалектные разновидности хакасских народных песен. Черты сходства этих песен с музыкальным творчеством тюркоязычных народностей. Влияние русских народных песен на хакасский музыкальный фольклор.

3. Своеобразие использования музыкальных средств в алыптыг нымахах, кип-чоохах, казаг нымахах. Выявление их сходств и различий. Анализ лучших образцов этих жанров.

4. Музыкальное сопровождение хакасских народных праздников (Ымай ине, Чыл пазы, Чир тайии, Тун пайрам, Ёртун тойы), свадебных и погребальных обрядов, а также связанных с рождением и воспитанием детей. Место музыки в детских и молодежных играх.

5. Концепция развития национальной самобытности и народных традиций хакасов. Формирование духовного единства, сохранение хакасского музыкального наследия в рамках этнокультурного пространства. Примеры научно-теоретических и опытно-практических разработок данных проблем.

6. Вклад ученых-исследователей: Н. Ф. Катанова, А. А. Кенеля, М. А. Унгвицкой, В. Я. Бутанаева, В. Е. Майногашевой, А. К. Стоянова – в изучение, сохранение и развитие музыкального наследия хакасов. Знакомство с их научными трудами, посвященными хакасскому фольклору.

7. Разнообразие видов хакасских народных музыкальных инструментов. Ознакомление с наиболее популярными в народе инструментами (чатхан, хомыс, бых, тимир хомыс, хобырах, пыргы, сымысхы, сыгыртхы, тюрлю, тюр). Их значение в фольклорном наследии хакасов.

8. Исполнение на музыкальных инструментах, пение народных мелодий, разучивание плачей, песен бытовых и трудовых, социального протеста, современных тапахов, песен для детей.

9. Прослушивание фонозаписей героических сказаний в исполнении С. П. Кадышева и П. В. Курбижекова, народных мелодий в исполнении Е. П. Тыгдымаевой, Н. С. Идимешевой, фольклорного ансамбля «Ўлгер».

Занятия по данной дисциплине предполагают использование широкого спектра методов обучения, главным из которых является музыкальное освоение фольклорных произведений хакасского народа как условие сохранения и передачи их интонационного, ритмического и тембрового богатства в единстве с внемузыкальными элементами.

На занятиях в курсе «Хакасский музыкальный фольклор» применяются и такие методы обучения, как лекция, рассказ, беседа со студентами, демонстрация образцов хакасской народной музыки в звукозаписи, в исполнении преподавателя или приглашенных музыкантов, сказителей-хайджи. В числе стимулирующих методов особенно важен метод анализа явлений хакасского фольклора в окружающей жизни, включая хакасские национальные праздники.

Наряду с лекционной и практической формами обучения, необходимо сочетание занятий аудиторных и внеаудиторных: встречи с народными исполнителями, посещение концертов хакасских ансамблей «Айланьс», «Ўлгер», «Жарки», «Чон көглері», «Час ханат», «Айас» и др., участие в проведении хакасских национальных праздников «Чыл пазы», «Тун пайрам», «Ымай ине», «Чир тайии», «Ёртун тойы» и др., а также посещение музыкально-фольклорных фестивалей хакасского искусства.

Для дальнейшей подготовки будущих учителей музыки к творческой работе с детьми и углубления знаний хакасского музыкального фольклора студентам предлагалось выполнить следующие творческие задания:

- описать свои впечатления об услышанных хакасских музыкальных инструментах по радио, телевидению, на концертах, в семье;
- раскрыть творческие таланты своей семьи, сохраняющей культурное наследие Республики Хакасия;
- описать свои впечатления об одном из хакасских национальных праздников;
- сочинить слова, мелодию колыбельной песни в духе хакасских народных песен;
- придумать детскую сказку с национальной тематикой, в которой бы звучала хакасская музыка, изготовить красивую книжку-малышку с текстом и соответствующими рисунками.

Опыт показывает, что изучение теоретического курса в сочетании с практическими занятиями содействует воспитанию интереса к хакасскому музыкальному фольклору у студентов разных национальностей.

Именно национальное музыкальное искусство способствует более глубокому постижению души своего предназначения в жизни, помогает творчески воспринимать непреходящие ценности своего и других народов нашей страны и мира.

Вместе с тем знание национальных и интернациональных особенностей народных музыкальных традиций через коллективную творческую деятельность способствует воспитанию у детей, молодёжи высокой нравственности, гражданственности, а также их стремлению к общечеловеческим идеалам.

Если провести родственные параллели между музыкальными традициями Хакасии, Алтая, Тувы, Горной Шории, Башкирии и т. д., то можно почувствовать тесные интернациональные связи музыкальных культур этих тюркоязычных народов. При этом следует отметить, что в сравнении разных музыкальных культур выявляется общее между ними — единое духовное зерно. Так и хакасская народная песня, как, впрочем, народные песни других национальностей, несёт в себе заряд нравственности, духовности, обладает богатым воспитательным потенциалом. Наиболее характерными для духовного мировоззрения хакасов всегда были доброта, смиренность, нравственная чистота, уважение к родителям, бережное отношение к окружающей природе, что ярко раскрылось в хакасских песнях.

Недаром у хакасов есть народные обычаи: отправляясь в дальний путь, спеть остающимся свой тапах на добрую память о себе, а в знаменательные, праздничные дни направлять в космос свои чистые, светлые мысли, полные любви и надежды.

В музыке — душа народа. У хакасского народа символом его духовной культуры считается чатхан. Он прекрасно передаёт в своих звуках просторы бескрайних степей, добрую, неторопливую душу народа. Раньше на чатхане играли в день именин ребёнка, на свадьбе, похоронах — так он сопровождал человека по всей его жизни. И вместе с тем чатхан, как символ духовности хакасского народа, неразрывен со сказительским даром народного певца — хайджи.

Таким образом, в любой народной музыке всегда можно найти национальные и интернациональные элементы, что обусловлено самой природой народного искусства. Кроме того, народные музыкальные традиции, в своей художественно-эстетической основе содержащие эти элементы, могут быть важным средством не только для нравственного, духовного развития личности, но и для формирования её творческих способностей, духовно-нравственных и профессиональных качеств личности, что особенно важно для учителей национальных школ поликультурной модели, так как они в большей степени призваны содействовать возрождению национального самосознания детей, молодёжи, сохранению и развитию самобытных культурных ценностей своего народа.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ СИБИРИ

В. К. Шульбаев

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ХАКАСИИ В 1920–1930-е ГГ.

В работе с позиций системного подхода рассматриваются предпосылки и особенности развития добывающей и перерабатывающей промышленности Хакасии в довоенные годы во взаимосвязи со строительством национальной государственности. Обращается внимание на параллели в размещении и развитии крупных предприятий народно-хозяйственного значения и небольших и средних промышленных предприятий кооперативной и местной промышленности с объединением хакасской народности в уезд, округ и последующим преобразованием его в автономную область с возросшими правами и возможностью влияния на экономические и культурные преобразования в регионе.

In the work suppositions and development peculiarities of Khakass mining and processing industry during the pre-war years in conjunction with the building of national statehood are under consideration from position of a systemic approach. Attention is directed to parallels in location and development of big enterprises of national economic significant and small and medium industrial enterprises of cooperative and local production industry with uniting of the Khakass ethnic group into a county, a district and its subsequent reformation into an autonomy with advanced rights and capability to influence upon economic and cultural reforms in the region.

В 1920-е гг. в Хакасии начинается работа по возрождению горнорудной, прежде всего золотодобывающей, промышленности, имевшей солидный и довольно успешный опыт работы в условиях царской России.

В этот период в стране, как известно из истории, полным ходом шла реализация ленинского плана ГОЭЛРО, ставшего впоследствии важнейшей составляющей развития национальной промышленности. Острая дискуссия между различными группами партийных лидеров завершилась победой сторонников И. В. Сталина, приступивших к подготовке крупномасштабной индустриализации с опорой на собственные силы.

В Хакасии в это время проводилась ревизия уже известных месторождений полезных ископаемых, и были организованы геолого-разведочные работы для выявления и оценки новых запасов угля, железа, золота, меди, молибдена, вольфрама и других материалов.

Новые возможности для освоения природных ресурсов и размещения промышленных предприятий в регионе появились после завершения строительства Ачинско-Минусинской железной дороги и открытия грузового и пассажирского сообщения на линии Красноярск – Ачинск – Абакан в 1925 г.

Ускоренными темпами начинает развиваться золотодобывающая, угольная, лесная и деревообрабатывающая, пищевая отрасли промышленности народно-хозяйственного значения. Существенно расширяется рынок сбыта продукции сельского хозяйства Хакасии и южных районов Красноярского края.

Производство в основном этих отраслей пополняла ресурсы страны, направляемые на индустриализацию народного хозяйства СССР.

И вскоре уникальные месторождения цветных металлов Хакасии, начиная с территории современного Ширинского и Орджоникидзевогo районов, стали вовлекаться в промышленную разработку. Золотодобывающие предприятия этой местности имели достаточные сырьевые запасы как для старательской, так и рудной (Масловская, Случайная и Благодатная жилы) добычи драгоценного металла. Возобновились работы на руднике «Богомдарованный», который в 1922

г. был переименован в рудник «Коммунар» в честь погибших коммунаров. С 1924 г. рудник стал входить в систему треста «Запсибзолото» Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР¹.

На юге Хакасии, в Таштыпском районе, шло восстановление разработок россыпных месторождений золота по притокам р. Абакан и верховьям р. Томи. Действовали прииски: «Кизас», «Веселый», «Петропавловский», «Татьянинский».

Золотодобывающая отрасль начинает быстро развиваться с 1928 г. Государство вкладывает больше средств на проведение геолого-поисковых работ и создание крупных золотодобывающих предприятий вместе с необходимой им сферой обслуживания. Проектными организациями определяются основные направления развития предприятий и подготавливается необходимая документация. Так, в титульном списке треста «Запсибзолото» по капитальному строительству Коммунаровского приискового управления на 1932 г. приводится внушительный по объему перечень объектов строительства. Одновременно планировалось проведение геолого-разведочных и горно-подготовительных работ, возведение производственных зданий и сооружений, установка оборудования, создание теплосилового, транспортного и складского хозяйства, строительство жилья, объектов коммунального хозяйства и социально-культурной сферы².

В краткой характеристике «политэкономического состояния» Хакасской автономной области есть сведения по объемам капиталовложений на новое строительство, реконструкцию, расширение и механизацию в 1932 г. по приисковым управлениям. Так, в Абаканском приисковом управлении планировалось выполнение строительных работ в объеме 2 млн руб., в Коммунаровском приисковом управлении – на 4 млн руб., в Саралинском приисковом управлении – 8 млн руб.³

С 1935 г. все золотодобывающие предприятия Хакасии стали работать в системе Государственного золотопромышленного треста «Хакасзолото» Народного комиссариата цветной металлургии СССР. В составе треста в Таштыпском районе, например, были созданы два приисковых управления: Абаканское и Балыксинское. По материалам 1941–1942 гг. в Абаканском приисковом управлении действовало 5 старательских артелей, в Балыксинском работало 11 артелей⁴.

Здесь, на юге области, в сложных горно-таежных условиях создавалось и функционировало золотодобывающее производство, решались вопросы энергообеспечения, технологий, транспорта и связи. При этом строились приисковые поселки со школами, медицинскими пунктами, службами снабжения предприятий материально-техническими ресурсами и промышленными и продовольственными товарами для населения. В развитие и функционирование золотодобывающей промышленности в той или иной степени было вовлечено трудоспособное население большинства сел и деревень района.

На севере Хакасии, в пределах тогда еще Саралинского района, золотодобывающая промышленность стала основной отраслью хозяйства. Добыча золота здесь, в бассейнах Белого и Черного Июсов, Саралы, Чулыма и их притоков, велась с использованием новейших достижений техники и технологий тех лет. Создавалась и необходимая инфраструктура, включающая в себя разветвленную сеть дорог, гидростанции. Возникли рабочие рудничные поселки Знаменитый, Золотогорский, Коммунар, Орджоникидзеvский, Приисковый. В поселках были построены хорошо оборудованные школы, больницы, Дома культуры, успешно развивалось жилищное и коммунальное хозяйство. Эти пять рабочих поселков городского типа (из одиннадцати имеющихся тогда в области) являлись настоящими культурными центрами в далекой горной и таежной окраине страны⁵.

Объемы добычи драгоценного металла были немалыми. Значительная часть поставляемого из Хакасии золота не могла не идти на закупку импортной техники и оборудования для создания и развития тяжелой промышленности, различных отраслей машиностроения в годы первых пятилеток, на проведение эвакуации промышленных объектов из западных районов в Сибирь в начале войны, на закупку военной техники, снаряжения и продовольствия во время войны. Не будет преувеличением сказать, что золотодобывающая промышленность Хакасии, трудящиеся автономной области внесли свой достойный вклад в проведение индустриализации страны в 1930-е гг., победу советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и на восстановление народного хозяйства СССР в послевоенный период.

Строительство крупных металлургических комбинатов и создание целого ряда отраслей машиностроения СССР в первые пятилетки потребовало резкого увеличения изученных запасов железной руды и других полезных ископаемых. В Хакасии известное Абаканское месторождение железной руды после революции несколько десятилетий практически не отрабатывалось. К моменту образования Таштыпского района работы на Абаканском железодельном заводе были в очередной раз приостановлены. В 1926 г. завод был демонтирован, часть оборудования было

перевезено на Гурьевский завод. Сохранившееся оборудование (вагранка, несколько старых токарных станков и др.) и производственное помещение механического цеха позднее послужили основой для создания промартели. Оставшиеся без работы специалисты литейного дела и механической обработки металла наладили производство сельскохозяйственного инвентаря для удовлетворения потребностей создающихся колхозов и оборудования для старательских артелей по добыче золота.

В 1931 г. в Хакасии создается областной промышленный союз, и Абазинская промартель «Металлист» входит в ее состав. В последующие годы промартель расширяет свое производство, выпускает в год до 100 т товаров широкого потребления, занимается заготовкой живицы, имеет свой гужевой транспорт. Промартель работала до конца 1950-х гг. и вошла в состав вновь созданного Абазинского комбината бытового обслуживания⁶.

С 1930 г. на Абаканском месторождении с длительными перерывами велись разведывательные работы. Во время войны в Абазе начал действовать строительный участок по подготовке объектов инфраструктуры для будущего рудника.

Увеличение объемов геолого-поисковых работ было особенно заметно в Ширинском районе, где велось исследование и уточнение промышленных запасов медно-молибденовых и вольфрамсодержащих руд. Так, осенью 1935 г., еще в ходе продолжающихся изысканий Туимской геолого-разведочной партией, начинается строительство обогатительной фабрики на одноименном рудоуправлении, а уже в 1937 г. предприятие стало выпускать свою основную продукцию – шеелитовый концентрат. В тот первый год Туимским рудоуправлением было произведено товарной продукции на 500 тыс. руб. (в ценах соответствующих лет), на предприятии работало 99 чел., в том числе 68 рабочих. В последующие годы предприятие продолжало развиваться, увеличивались мощности по обогащению руды, росла численность персонала в организации.

В грозном 1943 г. Туимское горно-промышленное управление (Туимское рудоуправление «Туимредмет») Министерства цветной металлургии СССР было уже довольно крупным предприятием отрасли, в составе которого действовал горный цех, обогатительная фабрика, водонасосная, электростанция № 1 и № 2, хозяйственный цех, механический цех, гараж, строительный цех, геолого-разведочная партия, служба продовольственного снабжения.

Трудовой коллектив рудоуправления прилагал большие усилия для выполнения и перевыполнения своих обязательств перед страной. По итогам социалистического соревнования среди предприятий цветной металлургии, за успешное выполнение плана декабря 1942 г. по добыче руды на 111,2 % и по проходкам на 105 % Туимскому рудоуправлению «Туимредмет» была присуждена первая премия Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) и Народного комиссариата цветной металлургии СССР. По итогам января 1943 г. предприятию вновь было вручено переходящее Красное знамя ВЦСПС и Наркомцветмета с выдачей первой премии. И далее, по итогам работы за март и май 1943 г. коллектив рабочих, инженерно-технических работников и служащих Туимского горно-промышленного управления занимал вторые места в этом социалистическом соревновании с вручением денежной премии⁷.

В 1930-е и в последующие годы быстрыми темпами развивалась угледобывающая промышленность. Накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на базе растущих поселков при шахтах Черногорского месторождения создается город Черногорск – столица угледобывающей отрасли Хакасии.

С начала образования Хакасской автономной области стали увеличиваться объемы освоения ее богатых и в первую очередь наиболее доступных лесных ресурсов. Для бурного экономического роста в стране требовалось огромное количество круглого леса и пиломатериалов.

Всем лесосырьевым регионам страны стали доводить напряженные задания по заготовке древесины. Техники почти никакой, главной производительной силой в отрасли был рабочий, колхозник и буквально лошадиная сила.

С чего начиналась лесная и деревообрабатывающая промышленность Хакасии, можно судить по одному из документов тех лет. Так, в «Окончательном плане распределения и использования гужевой и рабочей силы на 1-й квартал 1931 г. по сельским советам Боградского района Хакасской автономной области», рассмотренном на заседании президиума исполкома райсовета, были установлены следующие показатели и задания для работ.

Средняя норма вывозки на одну лошадь была определена в 1,16 кубометров в день, а в квартал – 58 кубометров (куб. м). Средняя норма заготовок леса на одного рабочего в день составляла 1,56 куб. м, в квартал – 78,2 куб. м.

План вывозки лесоматериалов всего по сельским советам был установлен в объеме 86130 куб. м, в том числе по единоличным хозяйствам – 63510 куб. м, по колхозам – 22620 куб. м. Для выполнения указанного объема работ необходимо было мобилизовать 1485 лошадей, из них единоличные хозяйства должны были поставить 1095 лошадей, колхозы – 390 лошадей. Для работ в лесу нужно было направить 766 человек⁸.

Перевозки грузов и в других районах области осуществлялись обычным в те годы гужевым транспортом. При поступлении важных государственных заданий, основываясь на действующих положениях и распоряжениях Западно-Сибирского крайисполкома (до 1934 г.) и облисполкома, райисполкомы принимали постановления о труд-гуж-повинности, по которым единоличные хозяйства и колхозы выделяли людей и подводы для транспортных работ. В 1931 г., например, так выполнялись задания по вывозке грузов и лесоматериалов для дирекции рудоуправления Саралинской системы и ст. Сонского учлесхоза, заготавливающего лесоматериалы для Энергостроя Кемеровской электроцентрали.

Еще в 1929 г. постановлением Совета Народных Комиссаров СССР было принято решение о строительстве крупного лесозавода в Хакасии. Промышленная площадка под строительство предприятия была выбрана вблизи аала Аскыров на берегу Енисея, в 18 км от г. Абакана и в 10 км от ближайшей железнодорожной станции «Черногорские копи» Абаканского отделения Красноярской железной дороги. Удобное размещение предприятия рядом с протоками Тихая и Аскирская на сплавных путях по рекам Абакану и Енисею давало возможность выгодной доставки по воде большей части леса, перерабатываемого на заводе.

Строительство предприятия было начато в 1930 г., а через два года, в 1932 г., состоялся запуск производственных мощностей. В год ввода предприятия в эксплуатацию численность персонала составила 568 чел., из них 318 рабочих. Было произведено 51,1 тыс. куб. м пиломатериалов, которые в основном были направлены на строительство Днепровской ГЭС, предприятий и организаций Кузбасса («Кузнецкстрой», «Кузбасжилстрой») и другие регионы, часть использована в собственном строительстве⁹.

Формирование трудового коллектива шло в основном за счет сельского населения соседних правобережных Краснотуранского и Идринского районов Красноярского края, репрессированных лиц и спецпереселенцев. Для проживания прибывающих рабочих строились дома барачного типа, затем двухэтажные дома, позднее были построены детские ясли, 2-этажное общежитие на 50 мест, на первом этаже которого поместили детский сад на 80 мест.

Основными строительными материалами при сооружении производственных зданий, жилья и социальных объектов служили дерево и бутовый камень. Лесопильный цех и построенный в 1935 г. деревообрабатывающий цех были деревянными. Из бутового камня были сооружены котельная паросилового хозяйства, кузница, ремонтно-механическая мастерская, гараж и сушильные камеры.

В деревообрабатывающем цехе были установлены 23 станка, первой продукцией были стулья¹⁰.

Лесозавод стал самым крупным предприятием перерабатывающей промышленности вновь образованной Хакасской автономной области и вошел в число важнейших для экономики страны производственных объектов, построенных в годы первых советских пятилеток.

С 1932 г. начинается история становления другого крупного перерабатывающего предприятия Хакасии, как оказалось впоследствии, и всей страны, Абаканского мясокомбината. Находилось предприятие в северо-восточной окраине областного центра, первые производственные помещения состояли из нескольких деревянных построек барачного типа. Все работы велись вручную, условия труда были тяжелыми. Местные жители в довоенные годы долго называли это предприятие бойней.

Дальнейшее развитие мясокомбината происходило уже на новой территории в западной части г. Абакана, начиная с 1949 г., когда стали создавать производственные мощности по разрабатываемой проектно-сметной документации.

В районных центрах, в сельской местности были свои особенности развития кустарного, а затем и промышленного производства необходимых товаров.

В архивных материалах исполнительной власти Богградского района, в отчете о работе райисполкома за январь–март 1926 г., говорится о функционировании небольших предприятий по первичной переработке сельскохозяйственного сырья и оказывающих специальные услуги крестьянским коллективным и единоличным хозяйствам. Среди них отмечается, что в районе имеется 18 мельниц, действует один маслобойный завод, 13 кузниц и слесарных мастерских и «прочих мастерских» – 1 ед.

В отчетах сельских советов о численности жителей по их территориям есть графы по социальному происхождению. Почти в каждом сельсовете фиксируется небольшое количество кустарей и рабочих.

Кто-то в селе занимался обжигом извести, бондарным делом и другими промыслами. А это зачатки или элементы промышленного производства.

В сфере снабжения и сбыта района действовало 8 обществ потребителей и 3 кредитных товарищества, которыми осуществлялись заготовки хлебопродуктов и сырья¹¹.

В материалах районного музея краеведения с. Боград в справке по истории местного сыр-завода отмечается, что еще в 1924 г. был образован первый в Хакасии маслосырodelьный цех на кооперативных началах.

Во второй половине 1920-х гг. в Боградском районе проводится активная работа по созданию коллективных хозяйств. Развитие этих хозяйств и растущие объемы сельскохозяйственной продукции в них требуют создания перерабатывающих мощностей. И в 1927 г. начинается строительство Боградского маслозавода.

Продолжение массовой коллективизации на селе, работа по созданию крупных товарных сельскохозяйственных предприятий еще более стимулировало развитие пищевых, перерабатывающих производств. И органы власти принимают соответствующие меры. Так, 13 октября 1931 г. Боградский РИК на основании постановления СНК СССР от 06.05.1931 за № 337, а также постановления Запсибкрайисполкома от 05.09.1931 за № 1309 и отношения Хакоблисполкома от 4.10.1931 за № К-6 принимает решение об организации районного мелькомбината.

Комбинат создается для непосредственного управления, производственно-технического обслуживания и руководства в эксплуатации деятельности мельниц, находящихся в Боградском районе, является отделением Запсибмельтреста и действует на началах хозрасчета с самостоятельным заключенным балансом. Все мельничные хозяйства Боградского района передаются Мелькомбинату, составляя с ним одно общее мельничное хозяйство, работа которого проводится под непосредственным руководством Запсибмельтреста. Все мельничные хозяйства, крупорушки и маслобойки с их имуществом и инвентарем передаются безвозмездно в систему Боградского мелькомбината¹².

В 1930-е гг. в с. Боград был построен пищекомбинат, который являлся первым предприятием в системе Народного комиссариата пищевой промышленности, расположенным в Хакасской автономной области.

В 1935–1939 гг. шел процесс образования и развития производственного объединения Раймаслопром, в составе которого действовали Копенский, Знаменский, Бородинский, Сонский сырзаводы и Совхакасская, Первомайская и Троицкая сыроточки. При Раймаслопроме имелось свое подсобное хозяйство.

Это производственное объединение перерабатывало поставляемое совхозами, колхозами и частными сдатчиками молоко и масло топленое, выпускало конечную продукцию в виде молока, сыров, масла, казеина. В годы войны на сырзаводах сушили картофель.

Технологический процесс в те годы, конечно, оставлял желать много лучшего: труд не был механизирован, продукция производилась вручную. Масло, например, производилось на ручных сбойках, сыр варили в деревянных чашах, продукцию охлаждали с помощью льда.

В районе в 1930-е гг. работали артели «Маяк», им. Микояна и другие. Артель «Маяк» находилась на ст. Сон, занималась изготовлением валенок.

Артель им. Микояна работала в Бограде, где трудящиеся изготавливали кирпич, сани, выжигали известь, производили пиломатериалы. В 1939 г. было проведено объединение двух артелей, и на их базе был создан Райпромкомбинат.

В 1940 г. промкомбинатом были построены и пущены в эксплуатацию кузнечная, гончарная и пимокатная мастерские. Предприятие продолжало производство кирпича, извести, занималось лесопилением, изготовлением дуг. Для нужд сельского хозяйства, например, промкомбинатом и леспромхозом изготавливалось две тысячи кубометров пиломатериалов.

Во время войны в промкомбинате шили одежду для военнослужащих, продолжали выпускать пиломатериалы и изделия из них¹³.

Подобные производственные объединения (маслопромы, промкомбинаты), создаваемые на базе небольших предприятий, артелей, действовали и в других районах области.

Таким образом, в довоенные годы активное развитие промышленного производства в Хакасии шло как путем размещения крупных предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности союзного и республиканского (РСФСР) значения, так и создания средних и малых предприятий кооперативной и местной промышленности.

С начала 1930-х гг. идет постепенное формирование промышленного комплекса области, в составе которого особенно быстрыми темпами развивалась горно-рудная, золотодобывающая

промышленность, электроэнергетика, топливная (угольная), лесная и деревообрабатывающая промышленность, пищевая промышленность и производство строительных материалов (известняк, кирпич).

В структуре промышленности Хакасии по выпуску валовой продукции в 1940 г. доля электроэнергетики составляла 4,3 %, топливной – 24,9 %, черной и цветной металлургии – 9,1 %, лесной и деревообрабатывающей – 25,5 %, промышленности строительных материалов – 0,2 %, легкой – 0,2 %, пищевой – 22,9 %, прочих отраслей – 12,3 %.

По данным Хакасской областной плановой комиссии в 1940 г. предприятиями области было добыто 1031 тыс. т каменного угля, вывезено деловой древесины 578,8 тыс. куб. м, произведено 207,5 тыс. куб. м пиломатериалов, 7124 тыс. шт. кирпича, 972 т масла животного, 6441 т мяса, 107 т кондитерских изделий.

Большой объем производимой продукции приходился на долю добывающих, сырьевых отраслей и предприятий. Доля обрабатывающей промышленности составляла 33,6 %, но это был достаточно высокий показатель для тех лет, поскольку массовое производство конечной продукции, потребительских товаров еще только начиналось¹⁴.

В общем объеме произведенной в 1940 г. промышленной продукции области 10,4 % приходилось на долю кооперативной и 6,1 % местной промышленности. Как отмечает В. Л. Бобровник, «развитие в первую очередь местной промышленности и промысловой кооперации было наиболее удобной формой организации производства новых видов продукции для обеспечения местных нужд, создания и воспитания промышленных кадров. Объединение кустарей-одиночек в довольно крупные механизированные артели позволило изменить характер труда и производства, организовать его на промышленной основе, постепенно внедрить социалистические принципы организации производства, реализации продукции и оплаты труда работников»¹⁵.

В 1940 г. выпуск валовой продукции промышленности области превысил уровень 1913 г. в 22 раза, удельный вес крупной промышленности составил более 60 %¹⁶.

Какие предпосылки и движущие силы помогли такому быстрому росту промышленного производства Хакасии менее чем за 20 лет после Гражданской войны?

Да, были богатые природные и минерально-сырьевые ресурсы, трудоспособное население как важнейший фактор для развития производства особенно в условиях Сибири. Сохранилось в какой-то степени оборудование действовавших ранее предприятий добывающей промышленности, еще оставался немногочисленный, но обладающий квалификацией и опытом работы производственный персонал.

Должно быть, люди, пережившие революционные события и потрясения последующей гражданской междоусобицы, истосковались по мирному труду и с большим желанием шли строить новые предприятия, созидать новое общество, лучшую жизнь.

В то же время был огромный спрос на товары и услуги, а их в стране не было.

Все это естественным образом должно было привести к развитию экономики, будь она плановой или рыночной. Вопрос был лишь в том, в чьих интересах будет это развитие, какую цену придется заплатить и какое время потребуется для улучшения социально-экономической ситуации в стране.

Граждане СССР и многонациональной России свой выбор сделали и в большинстве своем поддерживали курс партии на строительство социалистической экономики.

Государство выделило денежные средства и материальные ресурсы для завершения строительства Ачинско-Минусинской железной дороги, изучения минерально-сырьевой базы, проведения геолого-разведочных работ, для восстановления действовавших ранее предприятий и строительство новых.

Население Хакасии было вовлечено в процессы коллективизации на селе и индустриализации народного хозяйства, в общенациональное движение по ликвидации безграмотности и проведению культурной революции.

Осуществлялась большая работа по развитию народного образования, здравоохранения и культуры, открытию в области средних специальных учебных заведений и подготовке кадров для всех отраслей народного хозяйства.

Вся эта огромная работа проводилась одновременно со строительством национальной государственности, с объединением хакасской народности, созданием уезда (1923), затем округа (1925) и последующим преобразованием его в Хакасскую автономную область.

Одной из основных задач национально-государственного строительства было привлечение рабочих и крестьян в работу Советов и управление государственными делами. Результат этой работы

можно было видеть в том, как трудящиеся участвовали в советском строительстве через выборы и повседневную работу в секциях районных и сельских советов.

В 1928–1929 гг. Хакасский окружной исполком в соответствии с требованиями XV съезда ВКП (б) принимает меры к более широкому вовлечению трудящихся к управлению государством, выдвигая на руководящие посты рабочих, батраков и бедняков. Начинается работа по коренизации (привлечение коренных жителей) государственного аппарата с учетом особенностей каждого района и сельского Совета.

Развитие Хакасского округа, ликвидация его культурной и экономической отсталости осуществлялись при финансовой помощи Советского государства. Так, общий дефицит бюджета Хакасии в 1924–1930 гг. покрывался из краевого фонда регулирования и за счет отчислений от сельскохозяйственного и промышленного налогов, оставляемых в бюджете округа¹⁷.

За время существования округа были достигнуты определенные успехи в развитии сельского хозяйства и промышленности, в создании национальных кадров рабочего класса и национальной интеллигенции.

Новые возможности экономического и социального развития региона появились после принятия постановления Президиума ВЦИК 20 октября 1930 г. по преобразованию Хакасского округа в автономную область. В соответствии со ст. 13 Конституции РСФСР 1925 г. Хакасская автономная область стала субъектом РСФСР, пользующимся административно-политической автономией с правами, возможностью проявления инициативы и самостоятельности в решении вопросов, связанных с национальными особенностями и бытом народности и определении конкретных форм осуществления общегосударственных задач.

На основании Конституции СССР 1924 г. автономная область получила право на особое представительство в Совете Национальностей ЦИК СССР. Учреждалось и постоянное представительство Хакасской автономной области при Президиуме ВЦИК, которое было связующим звеном общесоюзных органов с автономной областью. Представитель автономной области назначался облисполкомом и принимал участие в работе высших органов РСФСР как при рассмотрении вопросов, связанных с нуждами и особенностями области, так и в решении важнейших проблем, касающихся Федерации в целом.

Хакасская автономная область имела право непосредственного сношения с Президиумом ВЦИК, СНК и Наркоматами РСФСР и избрания на своих областных съездах Советов делегатов на Всероссийский съезд Советов. Представительство автономной области на краевые съезды Советов осуществлялось по особым нормам, установленным Президиумом ВЦИК¹⁸.

Местная власть решениями областного съезда Советов стала образовывать для работы на постоянной основе свой исполнительно-распорядительный орган – облисполком, принимать важнейшие решения по экономическому и социальному развитию.

На первом съезде Советов, состоявшемся в феврале 1931 г., были определены очередные задачи хозяйственного и культурного строительства области, намечены мероприятия по осуществлению коллективизации сельского хозяйства и укреплению государственного аппарата. Съезд Советов призвал трудящихся области обеспечить в 1931 г. охват коллективизацией 50 % крестьянских хозяйств и все силы бросить на выполнение первой пятилетки в четыре года.

На втором съезде Советов, проведенном в декабре 1934 г., обсуждался отчет облисполкома, мероприятия по развитию животноводства, задачи культурного строительства и здравоохранения. Съезд отметил, что в результате проведения партией и Советским правительством политики индустриализации отсталых национальных окраин в Хакасии на основе громадных естественных богатств развернулась угольная, золотая, лесная и деревообрабатывающая промышленности¹⁹.

С начала 1930-х гг. проводилась большая работа по подготовке кадров. Учеба осуществлялась на краткосрочных курсах, совпартшколах и вузах, где готовили советских работников в основном из представителей коренной национальности.

За 1931–1934 гг. для области было подготовлено 463 низовых советских работника, из которых 339 хакасов.

В течение пяти первых лет существования Хакасской автономной области на руководящие посты были выдвинуты сотни хакасов, в их числе М. Г. Торосов, Е. Н. Киштеев, С. Е. Инкижеков, И. К. Интутов, А. И. Мастракова и др.

В 1936 г. в Хакасии было 95 сельсоветов, в том числе 39 хакасских, 38 русских и 18 смешанных. Поэтому коренизация советского и хозяйственного аппарата являлась важным политическим мероприятием, способным приблизить государственный аппарат к массам коренного населения, повысить их политическую активность и обеспечить более высокий расцвет экономики и культуры²⁰.

За годы двух пятилеток Хакасия стала областью с быстро развивающейся промышленностью. Крупные успехи были достигнуты в сельском хозяйстве, где объединились в колхозы 95,1 % крестьянских дворов²¹.

В основном была ликвидирована безграмотность населения. Выросли национальные кадры рабочих, советских, партийных, хозяйственных руководителей и значительно увеличилась национальная интеллигенция.

После образования Хакасской автономной области значительно усиливается экономическая помощь ей. Бюджетная политика государства была направлена на подтягивание более отсталых национальных окраин до уровня передовых краев и областей.

Вся эта многосторонняя и инициативная работа центрального аппарата и руководителей, специалистов, всех тружеников Хакасии на местах позволила в короткий срок осуществить грандиозные социально-экономические преобразования.

Примечания

1. НАРХ. Ф. 615. Оп. 1.
2. НАРХ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 84. Л. 12–14.
3. Там же. Д. 2. Л. 117.
4. Таштыпский район. История и современность. – Абакан, 2008. – С. 58.
5. Колобков М. Н., Протопопов Н. Н. Хакасская автономная область. – Новосибирск, 1949. – 143 с.
6. Таштыпский район. История и современность. – Абакан, 2008. – С. 59.
7. НАРХ. Ф. 614. Оп. 1. Д. 1. Л. 9, 41, 91, 139, 194, 206.
8. НАРХ. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 146. Л. 4.
9. Материалы Аврамова В.Н., директора Усть-Абаканского лесокомбината в 1986–1999 гг.
10. Там же.
11. НАРХ. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 7. Л. 92, 207.
12. Там же. Л. 135.
13. Материалы Богградского музея краеведения.
14. Бобровник В. Л. О формировании структуры промышленности в Хакасии // Торжество ленинской национальной политики. Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР; под ред. Д. Ф. Патчаковой. Хакасский НИИЯЛИ. – Абакан, 1973. – С. 97–98.
15. Там же. – С. 96.
16. Колобков М. Н., Протопопов Н. Н. Хакасская автономная область. – Новосибирск, 1949. – 143 с.
17. Митюков М. А. Развитие советской государственности хакасского народа // Торжество ленинской национальной политики. Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР; под ред. Д. Ф. Патчаковой. Хакасский НИИЯЛИ. – Абакан, 1973. – С. 47.
18. Там же. – С. 48–50.
19. Там же. – С. 51.
20. Там же. – С. 52–53.
21. Там же. – С. 53.

П. П. Бурнаков

ВАЛОВЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ И СТРУКТУРА ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

В статье рассматриваются понятия валового регионального продукта (ВРП), структура и особенности формирования ВРП Республики Хакасия.

In this article are considered concepts of a gross regional product, structure and features of formation of a gross regional product of Republic Knakassia.

Одним из основных индикаторов, оценивающих темпы роста национальной экономики, является индекс физического объема валового внутреннего продукта; региональной экономики – валового регионального продукта; экономики внутри региона – валового территориального продукта.

Валовой внутренний продукт (ВВП) характеризует стоимость конечных товаров и услуг в рыночных ценах (ценах конечного продукта), произведенных резидентами данной страны за рассматриваемый период времени. Этот показатель, измеряющий конечные результаты деятельности национальной

экономики, применяется для характеристики ее экономической мощи, уровня экономического развития государства (прежде всего в международных сравнениях), а также для оценки экономического роста. Так, согласно данным Всемирного банка, объем ВВП мировой экономики в 2012 г. составил 71666 млрд долларов. Россия с размером экономики 2015 млрд долл. находится на восьмом месте среди стран мира.

Валовой региональный продукт (ВРП) по своему экономическому содержанию аналогичен показателю ВВП, рассчитанному производственным методом на федеральном уровне, и представляет собой валовую добавленную стоимость, созданную во всех видах экономической деятельности.

Необходимо также отметить, что при расчете валового продукта наименьшей структурной единицей является субъект Федерации, так как по городам (кроме Москвы и Санкт-Петербурга) и административным районам в составе субъектов Федерации ВРП не рассчитывается.

Валовой региональный продукт является базовым показателем, по отношению к которому определяется ряд других специальных экономических параметров, например сбор налогов, собственные доходы региональных бюджетов, объем инвестиций, доходы населения, розничный товарооборот и др.

Наибольшие объемы производства валового регионального продукта (ВРП) по абсолютной его величине расположены в Центральном, Приволжском и Уральском федеральных округах, где производится продукции более чем на 29 трлн рублей, что составляет 65 % выпуска в целом по стране. Вместе с тем самые низкие объемы ВРП имеют Северо-Кавказский и Южный федеральные округа, на долю которых приходится менее 9 % продукции России.

Надо отметить, что ВРП на душу населения является главным показателем, характеризующим общий уровень развития региона (федерального округа, субъекта Федерации). Наиболее высокое значение ВРП на душу населения отмечается в Уральском федеральном округе, в котором он в 1,6 раза превышает средний российский показатель. Это обусловлено, в первую очередь, высокими доходами, возникающими в нефтегазовом комплексе, при реализации продукции на внутреннем и мировом рынках. Наименьший уровень ВРП на одного жителя существует в Северо-Кавказском федеральном округе, здесь этот показатель в 3,5 раза ниже среднего показателя по стране. В этом округе отсутствуют крупные и высокодоходные производства при относительно многочисленном населении.

Из субъектов Федерации самые большие показатели ВРП по абсолютной его величине достигаются в Тюменской области, Республике Татарстан, г. Санкт-Петербург и особенно в Москве, в которой концентрируются крупные предприятия перерабатывающей промышленности, оптовой и розничной торговли, финансовые и кредитные организации.

Для характеристики региональной структуры экономики России необходимо рассматривать вклад каждой из территорий в общие объемы производства по видам деятельности, товарам и услугам. Выпуск товаров и оказание услуг осуществляют такие виды экономической деятельности, как промышленность (добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды), сельское хозяйство, рыболовство, строительство, оптовая и розничная торговля, транспорт и связь. В структуре валовой добавленной стоимости страны на долю перечисленных производств в 2012 г. приходилось 75 %. Результатом данных видов деятельности являются реализуемые на рынках материальные объекты и услуги.

Динамика ВРП Республики Хакасия представлена в таблице 1.

Таблица 1

**Объем и изменение валового регионального продукта в основных ценах
Республики Хакасия в 2007–2011 гг.**

	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
ВРП в основных ценах, млн рублей	63722	72309	81020	96040	115653
Индекс физического объема ВРП, в % к предыдущему году	118,7	113,5	112,0	118,5	120,4
ВРП на душу населения, тыс. рублей	119	136	152	180	217

По основному макроэкономическому показателю – объему ВРП – среди субъектов Сибирского федерального округа (СФО) Республика Хакасия в 2011 г. занимала 10-е место. Ее доля в формировании суммы ВРП субъектов СФО составляет – 2,4 %.

Ежегодная динамика в период с 2007 по 2011 г., темпы роста ВРП Республики Хакасия превышали темпы роста ВРП в целом по Российской Федерации.

Валовой региональный продукт на душу населения является основным показателем уровня социально-экономического развития субъектов Федерации. В Республике Хакасия этот показатель

имеет ежегодную тенденцию роста – с 119 тыс. рублей в 2007 г. до 217 тыс. рублей в 2011 г. По данному показателю среди субъектов СФО Республика Хакасия занимала 7-е место в 2011 г.

ВРП на душу населения может быть использован для межрегиональных сопоставлений в уровне экономического развития регионов. Так, в 2011 г. при среднероссийском показателе 316,6 тыс. рублей наибольший ВРП на душу населения в Сахалинской области составил 1203,3 тыс. рублей, наименьший – в Республике Ингушетия – 61,8 тыс. рублей. Это свидетельствует о значительной дифференциации экономического развития регионов Российской Федерации.

Структура валовой добавленной стоимости Республики Хакасия имеет свои региональные особенности (табл. 2).

Таблица 2

Структура валовой добавленной стоимости в 2011 году, %

Отрасль	РФ	СФО	Республика Хакасия
Сельское хозяйство	4,9	6,3	5,4
Добыча полезных ископаемых	11,4	15,5	15,3
Обрабатывающее производство	18,0	20,9	11,6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,4	4,5	14,2
Строительство	6,9	6,3	5,9
Торговля, ремонт транспортных средств и др.	19,5	12,2	11,0
Гостиницы и рестораны	1,0	0,8	0,9
Транспорт и связь	10,	11,0	9,1
Финансовая деятельность	0,6	0,4	0,3
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	10,6	7,3	8,8
Государственное управление и обеспечение военной безопасности и др.	4,7	5,9	8,1
Образование	2,9	3,6	3,7
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3,7	4,3	4,5
Прочие услуги	1,4	1,0	1,2
Итого	100,0	100,0	100,0

Особенностями структуры экономики Республики Хакасия по сравнению со структурой экономики России в целом являются:

- высокий удельный вес производства и распределения электроэнергии, газа и воды, добычи полезных ископаемых;
- низкий удельный вес обрабатывающих производств, торговли, строительства и финансовой деятельности.

Относительно низкая доля в Республике Хакасия таких видов экономической деятельности, как торговля, транспорт и связь, строительство, операции с недвижимостью связаны не с низким уровнем их развития, а с подавляющей ролью финансовых потоков, формируемых в производстве и распределении электроэнергии, а также в алюминиевой промышленности.

За последние годы в число крупных секторов региональной экономики вошли операции с недвижимостью, государственное управление и обеспечение военной безопасности и социальные услуги.

Основными недостатками существующей структуры экономики Республики Хакасия являются:

- преобладание сырьевой продукции и низкий удельный вес обрабатывающих производств, сложной и наукоемкой продукции;
- зависимость от исчерпаемых полезных ископаемых (золото и уголь);
- небольшое общее число производимых продуктов, высокая зависимость от поставок товаров из других регионов страны и импорта;
- зависимость доходов региона от конъюнктуры мирового рынка алюминия и угля, на котором существует неустойчивость цен.

Целями совершенствования структуры экономики региона в предстоящие годы являются:

- увеличение удельного веса сельского хозяйства, в первую очередь производство овощей, мяса, молока и рыбы;

- повышение качества и разнообразия строительных материалов, производимых из местного сырья, ресурсы которого неограничены;
- добыча и обогащение железной руды;
- развитие пищевой промышленности с ростом конкурентоспособности ее продукции по ценам и качеству.

Наибольший вклад в формирование валового регионального продукта Республики Хакасия вносит промышленность, на ее долю приходится 41,1 %. Вся промышленность делится на три составные части: добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Республика Хакасия специализируется на обрабатывающем производстве, на долю которой приходится почти 53 % отгруженных товаров собственного производства. Надо отметить, что в Хакасии сосредоточено крупное металлургическое производство и производство готовых металлических изделий на ее долю приходится 68,2 % всего обрабатывающего производства. Другими крупными составными частями обрабатывающих производств являются производство продуктов питания, машин и оборудования, транспортных средств и оборудования (табл. 3).

Таблица 3

Отгрузка промышленной продукции в Республике Хакасия по видам деятельности

Вид деятельности	2010 г.		2012 г.	
	млн руб.	% к итогу	млн руб.	% к итогу
1. Добыча полезных ископаемых	20857	24,4	28159	24,1
в т.ч. топливно-энергетических	17033	19,9	23241	19,9
2. Обрабатывающие производства	50947	59,6	61764	52,9
в т.ч. производство:				
- пищевых продуктов	7550	8,8	9633	8,3
- текстильное и швейное производство	155	0,2	115	0,1
- резиновых и пластмассовых изделий	707	0,8	161	0,1
- прочих неметаллических минеральных продуктов	1693	2,0	1241	1,1
-металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	35521	41,6	42108	36,1
- машин и оборудования	3347	3,9	4387	3,8
- транспортных средств и оборудования	446	0,5	1608	1,4
- прочих продуктов	500	0,6	331	0,3
3. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	13689	16,0	26770	23,0
Всего продукции:	85493	100,0	116693	100,0

За последние годы в составе промышленности Республики Хакасия доля добычи полезных ископаемых остается на одном уровне – около 24 %, а удельный вес производства и распределения электроэнергии, газа и воды увеличился.

В условиях экономической перестройки в первой половине 90-х гг. XX в. объем промышленного производства в Республике Хакасия значительно снизился. В то же время глубина спада в целом была меньше среднероссийского. Так, в 1997 г. объем производства промышленной продукции в Хакасии составлял 68 % от уровня 1990 г., а в целом по России – 49 %. Динамика сокращения промышленного производства по отраслям была неравномерна. Спад в отраслях обрабатывающей промышленности был намного глубже, чем в добывающей и производстве, и распределении электроэнергии. Наиболее резкое уменьшение объемов выпуска продукции произошло в легкой промышленности, лесопромышленном комплексе, машиностроении, производстве строительных материалов.

Современная экономика республики стала результатом уникальной по масштабам инвестиционной программы «Формирование Саянского ТПК», реализованной в основном за период с 1971 по 1985 г. Была создана мощная материальная база. Ряд предприятий использовали новую технологию производства промышленной продукции, которая была широко востребована внутри страны, а также за рубежом (продукция СаАЗа, «Абаканвагонмаша», Туимского завода ОЦМ).

К сожалению, последовавшие в 1990-х гг. изменения в экономике страны привели к свертыванию работ по дальнейшему развитию Саянского ТПК. Создававшаяся промышленная инфраструктура существенно изменилась. За последние двадцать лет были проведены структурные перестройки экономики региона. Вместе с тем созданные ранее материально-производственные ценности оказались востребованными для развития современной экономики Республики Хакасия.

Среди городов и районов Хакасии лидером по отгрузке промышленной продукции является г. Саяногорск, на который в 2012 г. приходилось 55,5 % всех поставок товаров собственного производства, выполненных работ и услуг, г. Черногорск обеспечил – 16,7 %, г. Абакан – 12,2 % общей отгрузки, а на остальные города и районы приходится всего 15,6 %.

На Республику Хакасия приходится 4 % общероссийской добычи угля, 2 % производства электроэнергии.

Таблица 4

**Производство основных видов промышленной продукции
в Республике Хакасия в натуральном выражении**

Продукция	2005 г.	2010 г.	2012 г.
Электроэнергия, млрд кВт час	24,8	13,6	20,9
Уголь, млн т	11,3	13,0	13,1
Концентрат железорудный, млн т	2,1	2,4	2,6
Пиломатериалы, тыс. куб. м	71,1	55,1	40,3
Колбасные изделия, тыс. т	8,5	14,5	12,8
Мясо и субпродукты, тыс. т	16,1	10,5	11,1
Сыры и сырные продукты, т	4456	2787	3433
Цельномолочная продукция, тыс. т	16,3	31,4	41,4
Кондитерские изделия, тыс. т	27,7	23,7	24,3
Безалкогольные напитки, тыс. дкл	1580	2581	3656

Основой энергетики республики являются Саяно-Шушенская и Майнская ГЭС, Абаканская ТЭЦ, линии электропередач и подстанции. В Республике Хакасия потребляется более 17 млрд кВт часов электроэнергии, или 84,4 % произведенной электроэнергии, 3,3 млрд кВт часов отправляется за пределы республики. Основным потребителем электроэнергии среди отраслей экономики является обрабатывающее производство, на долю которой приходится более 78 % потребляемой электроэнергии в республике.

В Хакасии постоянно увеличивается добыча угля за счет угольных разрезов (открытым способом). Основная добыча угля осуществляется в г. Черногорске, а также в Бейском и Алтайском районах. В перспективе угольная промышленность Республики Хакасия имеет возможность значительно увеличить объемы добычи.

Жизненно важное значение для экономики страны и региона имеет сельскохозяйственное производство, которое обеспечивает население продуктами питания и сырьем - отдельные виды промышленной деятельности. На это производство приходится всего 5,4 % валовой добавленной стоимости в экономике Республики Хакасия, соответственно по России в целом 4,9 %.

Одним из видов деятельности производителей товаров является строительство. Его продукцией являются в основном объекты недвижимости и инфраструктуры, которые не могут свободно перемещаться на территории регионов. Объем выполненных работ по виду экономической деятельности «Строительство» – это строительные работы, выполненные организациями собственными силами на основании договоров и (или) контрактов, заключаемых с заказчиками. В стоимость этих работ включаются работы по строительству новых объектов, капитальному и текущему ремонту, реконструкции, модернизации жилых и нежилых зданий и инженерных сооружений.

В 2012 г. в целом по Республике Хакасия было выполнено строительных работ на 38,1 млрд руб., по сравнению с 2010 г. рост составил 17,2 %. На строительство приходится 5,9 % валовой добавленной стоимости в экономике региона.

За последнее десятилетие в создании валового регионального продукта возрастает роль сектора экономики – производство и оказание услуг. На производство и оказание услуг в экономике России приходится более половины валовой добавленной стоимости, за последние годы в зависимости от динамики цен на различных рынках эта доля колеблется от 47 до 60 %. В экономике Республики Хакасия на производство и оказание услуг приходится 47,6 % валового регионального продукта. Производство услуг осуществляется в 9 укрупненных видах экономической деятельности, при этом самыми значительными составными частями данного сектора экономики являются торговля, транспорт и связь, а также операции с недвижимостью.

Более высокими темпами развиваются финансовая деятельность, операции с недвижимостью, сфера государственного управления. В то же время относительно медленно увеличивается валовая добавленная стоимость на транспорте, гостиниц, в сфере ресторанов и прочих коммунальных услуг.

Обобщающим показателем фактического использования всей совокупности потенциалов развития экономики является величина валового регионального продукта на душу населения. Наивысшие значения этого показателя достигается в тех регионах, где используется целый комплекс потенциальных возможностей развития за счет природных, материальных и нематериальных факторов.

Литература

1. Российский статистический ежегодник 2013 г.
2. Экономика Республики Хакасия 2012 г.

Г. М. Шапошников

ОРГАНИЗАЦИЯ И РЕОРГАНИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ХОЗЯЙСТВ И ИХ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА ХАКАСИИ

В статье описывается процесс становления и развития коллективных хозяйств в Хакасии с момента их организации и до момента их реорганизации. Определена роль коллективных хозяйств в экономике сельского хозяйства в Хакасии. Дана оценка коллективизации и деколлективизации на территории Хакасии.

In the article there is description of foundation process and development of collective farms in Khakassia from the moment of their organization and till the moment of their reorganization. We appreciated the role of collective farms in economy of agriculture in Khakassia. An estimation of collectivization and decollectivization on the territory of Khakassia is given.

Новая экономическая политика, введённая в 1921 г., дала некоторый толчок в развитии экономики страны, но кардинальных изменений не произошло, хотя на селе выросло и поголовье животных, и площадь обрабатываемых полей. Так, по Хакасии в 1925 г. в сравнении с 1917 г. посевные площади выросли на 16 %, а количество скота в 1928 г. по сравнению с 1917 г. увеличилось на 54,9 %. Перед руководством страны встал вопрос: «что делать?» Решили продолжить организацию коллективных хозяйств, т. к. у них легче, как считало руководство страны, можно было изъять часть продукции. Первые коллективные хозяйства в России появились в начале 1920-х гг. Ввиду их незначительного количества они не играли большой роли в решении продовольственной проблемы. Всё решал частник. Но он не хотел продавать свои излишки по тем ценам, что предлагало государство. В стране назревала угроза обеспечения «снабжения хлебом... с перспективой голода в Ленинграде и Москве»¹. Стали применять репрессивные меры к тем, кто срывает план хлебозаготовок. «У крестьян часто изымали не только запасы, но и семенное зерно и даже предметы домашнего скарба»². Чтобы поставить дело под контроль на XV съезде ВКП (б), в декабре 1927 г. решили объединить крестьянские хозяйства (а они в основном были мелкие) в крупные коллективы. Для претворения в жизнь решения пленума на места выехали секретари ЦК ВКП (б). В Сибирь выехал её Генеральный секретарь И. В. Сталин. Выступая на закрытом заседании бюро Сибирского крайкома ВКП (б) 18 января 1928 г., И. В. Сталин сказал: «...о необходимости для интенсификации сельского хозяйства создание колхозов... и использовании по отношению к крестьянству «силовой аргументации»³. Вскоре началась принудительная коллективизация по всей стране, в том числе и в Хакасии. Цель коллективизации была одна, как нам представляется, – это изъятие у зажиточной части крестьянства излишков и раздачи части этих излишков беднейшей части российской деревни, а именно – не менее 25 % конфискованного у кулаков хлебного излишка. Передать не бесплатно, а в долгосрочный кредит. А 75 % конфискованных излишков продуктов питания государство направляло для нужд внутренней и внешней торговли. Все это делалось под благим намерением – сделать запас зерна на случай войны. Коллективизация проводилась под лозунгом добровольности, но те, кто не вступал «добровольно», становились изгоями общества. Так, собрание поселка Ташеба и улуса Божендаево 16 ноября 1930 г. решило «не отставать от социалистического сектора взойти на 100 (процентов) коллективизации в течение двух дней, которые не подадут заявление в коммуну или колхоз, то лишаются надела земли»⁴. И в то же время боясь, что колхозники разбегутся, решили «описать всё имущество, которые вступили в колхоз или коммуну, чтобы не расхищали его»⁵.

Крестьяне в основной своей массе не хотели вступать в коллективные хозяйства. На первое июля 1930 г. в Хакасии было коллективизировано всего 18,9 % крестьянских хозяйств, на первое января

1931 г. было уже коллективизировано 32,3 %, хотя по стране за 1930 г. было коллективизировано 23,6 % крестьянских дворов⁶. Коллективизация на территории Хакасии завершилась в основном в 1936 г., а по стране – в 1937 г. На долю колхозов в 1940 г. приходилось 73,8 % посевной площади Хакасии⁷. Надо отметить, что с организацией колхозов в Хакасии выросла посевная площадь, с 31 тысяч гектаров в 1917 г. до 61,3 в 1930 г. и до 220 тысяч гектаров к 1940 г. Вместе с тем колхозы в те годы не имели своих тракторов и комбайнов. Колхозные поля обрабатывала техника машинно-тракторных станций (МТС).

В 1950 г. количество посевной площади в колхозах Хакасии по сравнению с 1940 г. увеличилось на 13,7 %, в 1956 г. оно выросло по сравнению с 1940 г. в 2,1 раза, а против 1950 г. – в 1,9 раза. Доля посевной площади обрабатываемой колхозами Хакасии, составляла от общей посевной площади в 1950 г. 67,8 %, а в 1956 г. она равнялась 47,8 %⁸. До 1957 г. колхозные поля продолжали обрабатывать тракторы и комбайны МТС. Между тем количество крупного рогатого скота в колхозах в течение 25 лет, т. е. со времени начала организации колхозов, оставалась на одном практически уровне. Как содержалось в колхозах в 1930 г. 36,4 тысяч голов, так их и было в 1956 г. – 43,1 тысяч голов. За это время выросло только количество овец, с 162 тысяч голов в 1930 г. до 371 тысяч голов в 1956 г. Это было примерно 52 % от общего поголовья овец, содержащихся в Хакасии⁹. Урожайность зерновых колхозных полей была не больше и не меньше, чем на совхозных полях. В 1940 г. в колхозах она была больше, чем в совхозах на 12,9 %, а в 1956 г. она была ниже на 4,9 %. В колхозах Хакасии получали продукцию на 100 га земли не больше и не меньше, чем в совхозах. Так, молока на 100 га земли в колхозах в 1956 г. получили 22 центнера, а в совхозах – 25, мяса (в убойном весе) было получено в том году в колхозах 4,5 центнера, а в совхозах – 4 центнера. Такая тенденция сохранилась и в 60-е гг. XX в. Так, в 1965 г. в колхозах Хакасии урожайность зерновых была 2,7 центнера с одного гектара, а в совхозах она равнялась 2,6 центнера. Выработка на один условный трактор в колхозах в 1965 г. равнялась 388 гектаров, а в совхозах в тот год на один условный трактор она составляла 360 гектаров. Не отличались сильно и другие показатели. Так, затраты на производство одного центнера зерна в 1965 г. в колхозах составляли 13,09 рублей, а в совхозах в тот год равнялись 13,4 рубля¹⁰. Надой молока на одну корову в 1965 г. в колхозах был 1957 литров, соответственно в совхозах он составлял 2025 литров. Себестоимость производством одного центнера шерсти в колхозах Хакасии в 1965 г. составляла 316 рублей, а в совхозах она была 328,8 рублей. Несмотря на незначительные отличия, количество колхозов в Хакасии с каждым годом уменьшалось. Если их в 1956 г. было 85, то в 1960 г. было всего 23 колхоза, к 1965 г. их осталось 15. Надо отметить, что такая тенденция была не только в Хакасии, но и в целом по стране, в том числе и по Красноярскому краю. Так, в Красноярском крае в 1960 г. было 548 колхозов, в 1965 г. их осталось 324¹¹.

Из приведенных данных видно, что колхозы в организации производства и по экономическим показателям не сильно отличались от совхозов. Но их постепенно преобразовывали в совхозы. Цель была одна, как нам представляется, – это усилить рычаги административного воздействия на производителей сельскохозяйственной продукции, чтобы иметь полную возможность изымать всё, что они произведут. В конце 1960-х гг. решили завершить процесс преобразования колхозов в совхозы. Совет Министров РСФСР 10 ноября 1970 г. принимает постановление о преобразовании колхозов в совхозы. Исполкомы Красноярского краевого и Хакасского областного Советов продублировали это решение. В течение ноября–декабря 1970 г. это решение в Хакасии было выполнено, хотя в Красноярском крае колхозы сохранились.

Все оставшиеся колхозы, с согласия рядовых колхозников, в Хакасии, за исключением колхоза «Заветы Ильича» Бейского района, согласились с «мудрым» решением партии и правительства о преобразовании колхозов в совхозы. Переход в состав совхозов давало право всем бывшим колхозникам получить паспорта, иметь гарантированную заработную плату, нормированный рабочий день, законные выходные и другие социальные блага. При этом, согласно постановлению Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 3 марта 1957 г. за № 495, в пункте 1 записано, что «...при преобразовании колхозов в совхозы колхозное имущество передаётся в совхозы без выкупа». Так и поступили со всеми колхозами, которые были преобразованы в совхозы. Хотя в колхозах «...продукция производства составляет собственность отдельных колхозов...»¹², то есть являлась собственностью каждого колхозника. Однако колхозники колхоза «Заветы Ильича» на собрании по случаю преобразования колхоза в совхоз потребовали выполнить их условия, а именно: всем колхозникам должны были выплатить за передачу в советское хозяйство стоимость всего колхозного имущества. Собрание шло, по словам очевидцев – М. Н. Игумновой, Е. С. Френдак, В. Г. Архипкиной – три дня. И только после того, как решили «все имеющиеся средства на счетах колхоза в банке и в кассе колхоза распределить и выдать

членам колхоза по труду пропорционально прямой заработной платы»¹³, постановили реорганизовать колхоз «Заветы Ильича» в ферму совхоза «Табатский».

Таким образом, несмотря на то, что колхозы работали не лучше и не хуже совхозов, их ликвидировали. В итоге, это была, как мы считаем, вторая коллективизация, когда у жителей села почти все отобрали, как это было в конце 20-х и начале 30-х гг. XX в. О том, что в период коллективизации того времени у крестьян всё отобрали, и еще раз подтверждает, например, справка, выданная Топанову А. М. в 1940 г. В справке, что хранится в Хакасском национальном краеведческом музее, записано, что «Топанов А. М. из крестьян середняков, имущество обобществлено в колхоз «Алтын Чул» в 1929 г.»¹⁴. В процессе ликвидации колхозов (мы считаем, что это была деколлективизация) снова у крестьян изъяли то, что они зарабатывали в течение 40 лет. Таким образом, несмотря на то, что колхозы были как бы самостоятельные и их имущества было имуществом колхозников, государство решило не играть в демократию, и всем объявили: «Это было Ваше, а теперь наше». И на этом вся демократия закончилась. Это был социализм с «человеческим» лицом.

Примечания

1. Большая Российская Энциклопедия. В 30 томах. – Т. 14. – М., 2009. – С. 488.
2. Там же. – С. 489.
3. Шекшеев А. П. И. В. Сталин в Красноярском крае. Сборник V-х краеведческих межрегиональных чтений им. В. А. Баландиной, 21–22 февраля 2006 года, г. Черногорск. – Абакан, 2006. – С. 139.
4. Сведения о колхозном строительстве, коллективизации (переписка, информации, сводки, списки, докладные), 1929. – С. 61; НА РХ Ф. 1. Оп. 1. Д. № 306.
5. Там же.
6. Большая Советская Энциклопедия. – Т. 21 (второе издание). – М., 1953. – С. 616.
7. Смердов И. М. Сельское хозяйство Хакасии за 40 лет Советской власти // Записки. Выпуск VI. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. – Абакан, 1958. – С. 40.
8. Там же.
9. Там же. – С. 42.
10. ЦСУ – РСФСР, статистическое управление Красноярского края. Основные показатели развития сельского хозяйства районов Красноярского края за 1960–1965 годы. Статистический сборник. – Красноярск, 1966. – С. 65.
11. Там же. – С. 10.
12. Большая Советская Энциклопедия. Том 22 (второе издание). – М., 1953. – С. 80.
13. Протоколы собраний и заседаний правления колхоза «Заветы Ильича» МКУ «Архив МО «Бейский район». Ф. 47. Оп. 1. Д. № 49.
14. Документы Топанова А. М., основоположника хакасской драматургии, писателя, поэта, актёра, художественного руководителя и директора Хакасского областного национального театра. ГАУК ХНКМ им. Кызласова Л. Р. Фонд 125. Оп. 2. Ед. хр. 7 ХКМ ВФ № 1301/36.

О. Ю. Зелева

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

Становление малого предпринимательства в Хакасии уходит своими основами в период активного использования орудий труда в домашнем хозяйстве, когда формируются направления малых форм предпринимательской деятельности. Развитие мелкого / среднего / крупного предпринимательства в ходе истории позволило уловить преимущества каждой организационной формы. Сложность развития малого предпринимательства привела к поддержке Правительством РФ концепции поддержки малого и среднего предпринимательства.

Formation of small business in Khakassia leaves the bases during active use of instruments of labor in a household when the directions of small forms of business activity are formed. During history advantages of each organizational form allowed to catch development of small / average / large business. Complexity of development of small business led to support of the concept of support of small and average business by the Government of the Russian Federation.

Развитие предпринимательства на территории Хакасии начиная с 1886 г. связано с постепенным внедрением и использованием в домашнем хозяйстве орудий технического прогресса. Для обработки земельных угодий использовалась устоявшая технология: вспашка земли, боронение, уборка хлеба серпами, обмолот зерна. С развитием технического прогресса приобретает техника зажиточными крестьянами для снижения трудоемкости затрат при выращивании зерна. «Распространенным орудием пахоты была так называемая колесуха — передковая соха с двумя сошниками. Наряду с двухсошниковыми пользовались и сохой с одним сошником. Деревянные части сохи делал сам хозяин или специальный мастер. Сошники привозили с уральских заводов. Изготавливавшиеся Абаканским железодельным заводом сошники по своим качествам уступали уральским. Стоимость сохи колебалась от 7 до 8 р. 50 к. Во второй половине XIX в. в Минусинском округе распространенным орудием стал плуг, привезенный переселенцами из Европейской России»¹.

Для выживания в трудных таежных и степных зонах домашние хозяйства должны были сами обеспечивать себя необходимыми средствами, продуктами питания.

Основные виды ремесел в домашнем хозяйстве на территории Хакасии в 1886 г.

Хозяйственная деятельность	Виды ремесел
1. Скотоводство	- заготовка сена - сбыт мяса, сала, масла, кожи, шерсти, волос, щетины и других видов животноводческой продукции
2. Коневодств,о	- занятие извозом; - заготовка леса и дров; - доставка сена и сельскохозяйственных продуктов на прииски и заводы
3. Охота	- изготовление самострелов, силков, сетей, петли, железных капканов, разного рода ловушек; - приобретение свинца и пороха через степные управы; - создание охотничьих артелей; - реализация шкур соболя, норки, лисиц, выдр, рысей, росомох, барсуков, медведей, - добыча лосей, маралов, оленей, коз
4. Рыболовство	- изготовление невода, сети, удочек, верши, петли, остроги и прочей рыболовной снасти
5. Домашнее пчеловодство	- реализация меда, вошины, воска
5. Сбор дикорастущих ягод, орехов, съедобных корней	- реализация ореха

Исследование действительного состояния и экономического положения малых предприятий представляет интерес для современного общества, поскольку в нем была занята определенная часть самодеятельного населения.

Основные проблемы для предпринимательской деятельности в Восточной Сибири 1889 г. можно выделить по материалам Н. Ф. Катанова.

Наименование	Примечание
1. Климатические условия	Климат Хакасии резко континентальный. Юго-западные ветры господствуют в зимнее время года, тогда как западные и северо-западные относительно более увлажненные – в летнее время. Особенной силой отличаются ветры западных румбов, преобладающие в весенне-летнее время. На эти месяцы приходится и наибольшее количество дней с пыльными бурями. Среднемесячная температура в январе – 20,0, в июле 19,4 (Никольская Л. А. Хакасия, 1986 г. с. 30)
2. Трудный и долгий путь до места назначения	«От Красноярска до села Верхнеусинского (в верховьях Енисея) пришлось ехать вверх по Енисею. В село Верхнеусинское я приехал 14 марта 1889 года, 15 марта я поехал на санях чиновников обоих Правительств, назначенный на реке Чакуль, левом притоке Улуг-Кема»
3. Основные виды промысла	Охота, сплав леса, добыча золота, торговля чаем, сахаром, спичками

С развитием крупного производства происходит сокращение количества малых предприятий. Однако в своей работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин подчеркивал противоречивый характер отношений между крупной и мелкой промышленностью. С одной стороны, малый бизнес уступает место крупному бизнесу, с другой стороны – крупная промышленность создает для себя новые виды малых предприятий, занятых ремонтом или техническим обслуживанием новых видов товаров, которые она выбрасывает на рынок. «Монополии получают выгоду, покупая у ремесленников продукцию по низким ценам и продавая им сырье, материалы по монополюно высоким ценам. Они имеют возможность в зависимости от конъюнктуры увеличивать или уменьшать заказы ремесленникам, чего не могли безубыточно делать на своем предприятии»².

Крупные предприятия для получения прибыли активно вмешиваются в политику государства. Сращивание монополистического капитала и государства отражается на экономике регионов, в настоящее время ярким примером устойчивого развития мелкого бизнеса являются крупные города, в частности Москва, Санкт-Петербург. Современная концепция развития крупных центров внушает мысль, что создание на территории отсталых районов мощных промышленных комплексов поможет создать благоприятные условия для развития малого и среднего бизнеса. Ядро комплекса должна составлять крупная фирма одной из ведущих отраслей промышленности и особенно неблагоприятная в плане экологического развития, которая будет играть роль «центра притяжения» для всей экономики данного региона. В процессе производственно-технологической деятельности крупного производства активно будут привлекаться малые и средние предприятия, которые будут специализироваться на выполнении работ по заказам данного предприятия – крупного производителя, роль малых предприятий заключается в обслуживании потребностей крупного предприятия и смягчения негативных экологических последствий от его деятельности. От мелких и средних предприятий требуется узкая специализация, совершенствование технологических процессов, обеспечение надлежащего контроля за качеством продукции и снижение ее себестоимости, строгого соблюдения сроков поставки.

Предприятия-монополисты стремятся расширить выгодную для них систему торгов на участие в государственных заказах, так как малые предприятия, которые участвуют в системе торгов, полностью им подчинены. Возможность принять участие в торгах в целях получения государственного заказа не для случайных и посторонних малых предприятий, так как отсутствие на малых предприятиях наемного умственного труда (юриста, экономиста, инженера и т. д.) снижает уровень возможности участия на начальных стадиях (подготовке документов, возможность оплаты взноса за участие в торгах и т. д.). Такое подчинение монополистическим образованиям малых и средних предприятий получило широкое распространение в последнее десятилетие и основано на технологической общности интересов.

Один из главных методов, при помощи которых монополии осуществляют эксплуатацию малых и средних предприятий, является изъятие части средней прибыли через механизм монопольных цен. В период сращивания монополий с государственными структурами власти монополисты занимают ключевые позиции распределения источников сырья, продукции тяжелой промышленности. В их власти – расширять или ограничивать производство, добиваясь в конечном итоге повышения цен на свою продукцию. Под влиянием монополюно высоких цен на оборудование издержки производства у малого бизнеса резко возрастают. В свою очередь малые предприятия также стремятся повысить свои цены на конечную продукцию, но в конечном итоге они подстраиваются под цены, которые устанавливают крупные предприятия.

Тяжесть конъюнктурных и кризисных колебаний прежде всего сказывается на предприятиях малого бизнеса. Нестабильность своего положения предприниматели стараются компенсировать усилением эксплуатации своих рабочих. Если на крупных предприятиях усиление эксплуатации в период экономических спадов сказывается в росте интенсивности труда в рамках более или менее стабильной рабочей недели, то на малых предприятиях усиление эксплуатации проявляется в росте продолжительности рабочего дня, поскольку рабочим этих предприятий в условиях безработицы это практически не представляется возможным.

Высокий уровень продолжительности рабочего дня, плохая организация техники безопасности, особенно на малых предприятиях с низкой технической вооруженностью, высокая степень напряженности труда рабочего приводят к возрастанию несчастных случаев и травматизма на производстве.

Обосновывая жизнеспособность малого предприятия в современных условиях, в основном акцентируется внимание на его сильных сторонах – гибкости, быстрой приспособляемости к смене конъюнктуры на рынке и к изменениям в самом производстве, способности оперативно внедрять новую технику и технологию. Но вместе с тем они не могут видеть те трудности, с которыми сталкиваются данные предприятия. Сотрудник Международного бюро труда Ф. Нек свел в единую таблицу положи-

тельные факторы развития малых и средних предприятий и трудности, с которыми они сталкиваются. Положительные факторы развития малых и средних предприятий:

- настоящее и будущее экономическое развитие ведет к сосуществованию крупных и мелких жизнеспособных и устойчивых предприятий;
- крупные предприятия нуждаются в малых жизнеустойчивых предприятиях для обеспечения успешного функционирования собственного производства;
- специализация мелких и средних предприятий обеспечивает их эффективное функционирование;
- малые и средние предприятия могут быть исключительно важным источником инноваций и изобретений;
- малые и средние предприятия используют технику в сочетании с высокой интенсивностью рабочей силы и создают занятость с применением значительно меньшего капитала по сравнению с крупными;
- малые и средние предприятия играют существенную роль в вопросах социального развития, особенно в обеспечении стабильности и жизнедеятельности в сельских районах;
- в большинстве районов и стран есть люди, способные создать мелкие и средние предприятия и руководить ими³.

При рассмотрении факторов, способствующих развитию малых предприятий, Ф. Нек основной упор делает на устойчивые специализированные предприятия. Именно такие устойчивые предприятия с определенной целевой функцией нужны крупным предприятиям, монополиям, государству. В настоящее время наиболее острой проблемой для каждого государства является проблема занятости, а малые предприятия играют важную роль в частичном решении данной проблемы. Внедрение новой техники на крупных предприятиях приводит к вытеснению рабочей силы, а малые предприятия в случае выпуска какого-то нового продукта, пользующегося спросом, или завоевания значительной части какого-либо узкого отраслевого рынка для расширения своего производства, прибегают к найму дополнительной рабочей силы.

Преимущества малого бизнеса состоят в следующем:

- он динамичнее крупного, малый бизнес легче приспосабливается к изменяющимся условиям, мелкое производство оперативнее отражает изменение потребительского спроса;
- развитие малого бизнеса существенно облегчает территориальный и отраслевой перелив рабочей силы и капитала;
- малый бизнес быстрее «впитывает» новые веяния научно-технического прогресса, т. к. он более приспособлен для производства уникальных изделий, быстрее и дешевле перевооружается технически, требует меньших капиталовложений и обеспечивает их ускоренную окупаемость;
- зачастую само создание малых фирм реализует попытку коммерческого исследования какого-либо новшества;
- малый бизнес улучшает общую структуру производства, так как облегчает адаптацию «неповоротливого» крупного производства к изменяющимся условиям, к новым требованиям научно-технического прогресса: способствует развитию специализации, освобождает крупные корпорации от производства мелкосерийной продукции, занимается поиском, доработкой и освоением новых изделий, охотнее идет на риск.

Что касается трудностей, с которыми сталкиваются мелкие и средние фирмы, то известно, что главная из них – нехватка финансовых средств как для капиталовложений, так и для текущих расходов. Но при анализе банкротства предприятий главной причиной почему-то считают трудности в управлении и организационную некомпетентность руководителей малых предприятий. Проблемы и трудности малых и средних предприятий в изложении Ф. Нека выглядят следующим образом:

- недостаточная компетентность в управлении и руководством малых и средних предприятий;
- неадекватность создания малых и средних предприятий, ограниченный доступ к сырью и капиталу, слишком консервативная система распределения, конкуренция на рынке, неадекватность технического оснащения, отсутствие квалифицированной рабочей силы.

Создание благоприятных условий для эффективного развития сферы малого предпринимательства, совершенствование форм поддержки субъектов малого и среднего бизнеса, особенно «стартового», развитие инфраструктуры поддержки предпринимательства являются основными задачами органов государственной власти Республики Хакасия и органов местного самоуправления.

Развитие предпринимательства в значительной мере зависит от проводимой государственной политики по поддержке малого и среднего предпринимательства, координации и взаимодействию

органов государственной власти всех уровней, развития инфраструктуры малого бизнеса, общественных объединений предпринимательства.

На сегодняшний момент разрабатывается концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ. В данную концепцию актуально вписывается региональная программа по поддержке малого и среднего предпринимательства.

Реализация государственной политики поддержки малого и среднего предпринимательства, основанной на программно-целевом подходе, при котором мероприятия взаимно увязаны по срокам, ресурсам и исполнителям в сочетании с действенной системой управления и контроля, позволит не только достичь целевых показателей, но и создать предпосылки для дальнейшего, более динамичного развития сферы малого и среднего бизнеса.

Примечания

1. Кызласов Л. Р. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М., 1993. – С. 310.
2. Рубе В. А. Институциональные аспекты организации малого бизнеса в развитых странах и в России: учеб. пособие. – М., 2004. – С. 26.
3. Там же. – С. 52.

И. Н. Трошкина

БЕЗДОМНЫЕ ХАКАСИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА

Для Хакасии, как в целом для России, характерен динамичный рост числа бездомных, отмечается их омоложение (минимальный возраст 25 лет), увеличивается доля людей с социально опасными болезнями, рост финансовых расходов со стороны государства. Необходимо провести оперативные меры для решения этой проблемы. Решение социальной проблемы, связанной с бездомными, невозможно без изменения государственной политики, а также введения закона, запрещающего заниматься бродяжничеством и тунеядством.

For Khakasia, as well as as a whole for Russia, the dynamic growth of number of the homeless is characteristic, rejuvenation of structure of a marginal element is noted (the minimum age of 25 years), increases a share of persons with socially dangerous diseases, financial expenses grow from the state. It is necessary to undertake operating measures for the solution of this problem. The solution of a social problem connected with the homeless is impossible without change of political bases of the state, the Constitution of the Russian Federation, and also introduction of the law forbidding to be engaged in vagrancy and parasitism.

Расслоение российского общества, основанное на изменении политико-социально-экономического устройства государства, произошедшее более чем за 20-летие, привело к осязаемому изменению структуры населения. Появилась категории бедных, дифференциация которых происходит по уровню жизни. Можно условно выделить 2 вида бедных: имеющих какие-либо средства к существованию, не имеющие их. Последние в своем большинстве расширяют свой состав за счет бездомных, которые являются индикатором качественного состояния общества. Бездомность как социальная проблема способствует росту социально опасных заболеваний (педикулез, туберкулез, чесотка, СПИД, сифилис и проч.), повышению уровня преступности, развитию теневой экономики, увеличению объемов финансирования со стороны государства для решения последствий этой проблемы.

Бездомность с точки зрения специалистов представляет собой сложное социальное явление (не состояние отдельного человека), предполагающее отсутствие прав у человека на жилое помещение¹. Бездомность в зависимости от факторов может иметь различные формы проявления. Градация происходит по способам добывания средств к существованию²:

- 1) бездомные, занимающиеся неорганизованной сортировкой и потреблением мусорных отходов со свалки;
- 2) бездомные, производящие сбор утиля, стеклотары, пластиковой посуды, пищевых отходов из мусорных контейнеров жилых домов;
- 3) бездомные, добывающие средства для пропитания нищенством.

По уровню дохода самой «обеспеченной» является первая группа, в связи с большими объемами сортировки их доходы могут варьироваться от 50–100 руб. за каждую сдачу отсортированного материала, а самой «бедной» – третья, в которую входят больные и немощные бездомные. По численности преобладает вторая группа, что, вероятно, связано с удобностью расположения в черте городских пунктов, приближенных к местам поддержки бездомных, а также не до конца нарушенными внешними связями с социумом.

Ученые отмечают о закрытости данной социальной группы, а также об отсутствии процессов мобильности внутри сообщества как по вертикали, так и по горизонтали, что предполагает отсутствие возможности покинуть данную группу.

На сегодняшний день в стране насчитывается более 4 миллионов бездомных, что составляет около 3 % от всего населения. В крупных городах России (Москва, Санкт-Петербург) число ведущих подобный образ жизни превышает цифру 50 тысяч³. Отмечается рост людей данной категории по всем субъектам РФ.

История, связанная с появлением категории социально исключенных граждан в стране, не нова, она существовала на протяжении многих лет, но не была столь явно выражена, как сейчас. В прошлые века, вплоть до начала XX в., встречались отшельники, бродяги, нищие, уголовники, которые фактически дублировали рассматриваемую группу населения. В советский же период ситуация была изменена коренным образом, все население трудового возраста, включающее нежелающих работать и жить как должно обществу, были принудительно вовлечены в воспитательно-трудовой процесс. С введением демократических свобод подобный выход в решении проблемы становится невозможным.

Основными факторами, влияющими на обнищание масс и рост числа бездомных, являются сами основы демократического строя, законами закрепляющие личный выбор бездомного существования; кроме того, большое влияние оказал социально-экономический кризис, охвативший страну в межвековой период; закон, существовавший до 1995 г., в результате которого люди, попадавшие в места лишения свободы, автоматически выписывались из жилья и лишались недвижимого имущества.

Кроме факторов, можно выделить и переменные, которые также усугубляли ситуацию в стране:

- махинации с недвижимостью, приводящие к потере жилья в связи с пьянством, бедностью, долгами людей;
- семейные проблемы, которые вынуждают пойти на крайние меры как членов семей, вынужденных идти на крайний шаг – обездоливание, так и самих обрекающих себя на скитание;
- потеря работы на чужой для человека территории, например приезд в поисках заработка из одного города в другой, приводит к бездомному образу жизни;
- потеря документов (паспорта, документов на жилье);
- личный выбор, когда человек сдает квартиру в аренду, а сам вырученные деньги пропивает и теряет свое жилье;
- алкоголизация и наркотизация населения;
- выпуск в «самостоятельную жизнь» детей, находящихся в коллективных домохозяйствах – местах лишения свободы и детских домах.

Какая ситуация по этому вопросу складывается в Республике Хакасия (на примере г. Абакана)?

Изучение этого вопроса было достаточно сложным делом в связи с отсутствием фактических официальных данных о количестве бездомных. Результаты переписей во многом не учитывают людей, пополняющих ряды «социального дна». Отсутствие официальных данных существенно осложнило процесс изучения данной проблематики в регионе. Все же данные, полученные в социальной службе поддержки населения и УМВД, позволили частично произвести некоторый анализ маргинализации бездомных.

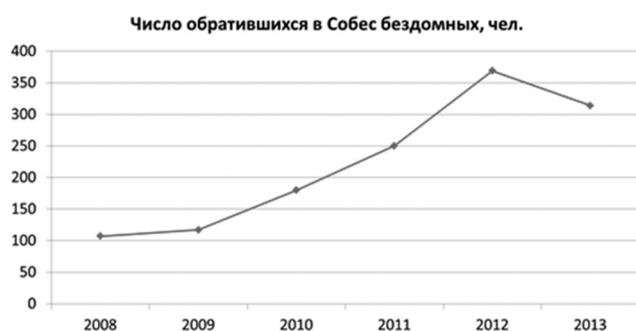

Рис. 1. Динамика количества бездомных г. Абакана с 2008 по 2013 г.

По годовым отчетам Социальной службы поддержки населения г. Абакана⁴, в 2008 г. число официальных бездомных по обращению составило 107, а в 2013 г. – 314 бездомных, т. е. за 5 лет число обратившихся за помощью выросло почти в 3 раза (рис. 1). Причем надо понимать, что число официальных бездомных является только долей от их общей совокупности. Многие бездомные не обращаются в социальную службу в связи с сохранившимися связями с друзьями и родственниками, а также имеющимися возможностями прожить нечестным путем.

Анализ анкет официальных бездомных г. Абакана и беседа с представителем Социальной службы поддержки населения позволили выявить общие данные о бездомных, характерные для региона. Прежде всего, это возрастной, половой, социальный, национальный состав бездомных г. Абакана:

- мужчин в 4 раза больше, чем женщин;
- возраст 25–63 года;
- имеющие в основном среднее образование;
- неженатые (разведённые, холостые);
- имеющие в прошлом по 2 ребенка;
- работавшие ранее в сфере строительства;
- ведущие бездомный образ жизни в большинстве 1–3 года;
- предпочитающие собираться группами по 2–3 человека;
- по национальному признаку доминирует преобладающий русский, далее следует коренной этнос;
- 80 % из обращающихся в службу бездомных являются бывшими заключёнными (отсидевшими в тюрьме в среднем от 3–7 лет), около 5 % являются бывшими детьми-сиротами;
- большое количество бездомных любят жить коллективами по 3–5 человек, 30 % из них являются одиночками;
- наличествует небольшое количество семей (супружеских пар) – 5 %.

Общие характеристики беднейшей части населения Хакасии позволяют представить «портрет» бездомного – мужчина среднего возраста со средним образованием, ранее имеющий семью и работу в сфере строительства, отсидевший срок в местах лишения свободы, страдающий алкоголизмом.

Высок риск пополнения группы бездомных у людей, склонных обременять себя кредитными обязательствами, алкоголиков, страдающих опасными, сложно излечимыми заболеваниями, психологически неустойчивых натур, мигрантов, беспризорных и безнадзорных детей, заключённых.

В связи с тем, что значительная доля социально исключённых людей приходилась на бывших осуждённых, целесообразно было изучить источники по доле и числу преступлений, совершенных ими. По результатам исследования мы пришли к выводу, что в среднем это 2–3 % от общей массы преступлений, совершенных в столице республики. Небольшая доля, приходящаяся на данных граждан, характеризуется непостоянной численностью⁵ (рис. 2).

Она варьируется в зависимости от интенсивности увеличения числа маргинальных слоев.

На сегодняшний день в республике поддержка данной категории лиц носит частично кратковременный характер. В течение круглого года Социальная служба поддержки населения РХ оказывает различную помощь: юридическую, связанную с восстановлением прав на собственность и документов; предлагает психологическую для адаптации бездомных; моральную... Кроме того, церковные организации и муниципальные органы, МЧС кратковременно оказывают помощь в виде выделения палаточного инвентаря, предоставления помещения бань для мытья бездомных, питания,

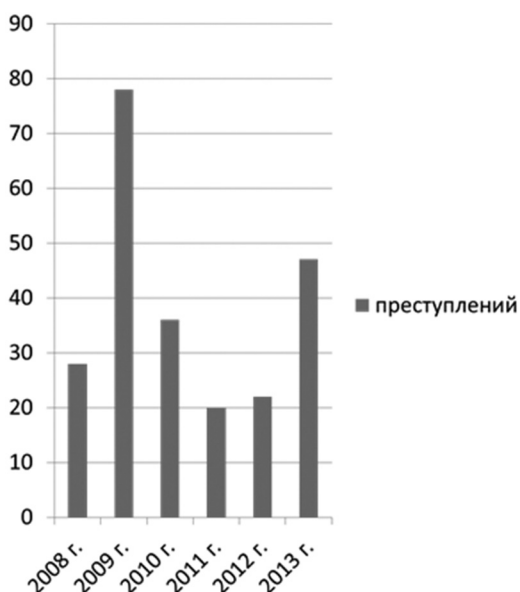

Рис. 2. Количество преступлений, совершенных бездомными в г. Абакане.

финансовой поддержки (30 тыс. руб. в год выделяет администрация г. Абакана на всех бездомных и лиц, освобождённых из мест лишения свободы, для восстановления документов и отправки в свои регионы (по домам). Основная помощь приходится на зимний период, когда положение бездомных усугубляется суровыми климатическими условиями – низкой температурой. На это время разворачивается помощь в палаточных лагерях при социальных банях, где социально исключённым предоставляется баня, палатки для временного обогрева и питания, теплая одежда. Стоит отметить, что число лиц, проходящих через данные пункты, составляет в день от 60 до 100 человек.

Таким образом, в связи с тем, что для Хакасии, как и в целом для России, характерен динамичный рост числа бездомных, отмечается омоложение состава маргинального элемента (минимальный возраст от 25 лет), увеличивается доля лиц с социально опасными заболеваниями, растут финансовые затраты со стороны государства, необходимо предпринимать действующие меры по решению данной проблемы.

Решение социальной проблемы, связанной с бездомными, невозможно без изменения политических основ государства, Конституции РФ, а также введения закона, запрещающего заниматься бродяжничеством и тунеядством.

Внутри региона необходимо:

1) создать лечебно-трудовой профилакторий (ЛТП), который будет способствовать принудительной трудовой организации и лечению бездомных, на базе г. Черногорска, который, с нашей точки зрения, наиболее подходит для размещения заведения подобного рода. Черногорск удален от центра республики и имеет социальное жилье;

2) организовать при храмах и монастырях городов Хакасии приходы с ночлежками для случайных, впервые появившихся бездомных, где с ними будет проводиться работа для дальнейшей отправки в трудовые коллективы бездомных;

3) создать для бездомных палаты при больницах, в которых бы они при острой необходимости могли получать помощь, а в полиции отдел, занимающийся восстановлением документов и раскрытием преступлений;

4) проводить систематическую борьбу с пьянством и наркоманией в Хакасии, т. к. люди, зависимые от этого недуга, становятся бездомными.

Примечания

1. Бездомность в России: проблематика и методология изучения / Е. А. Коваленко, А. В. Федорец. — М., 2006. — С. 16.
2. Осинский И. И., Хабаева И. М., Балдаева И. Б. Бездомные: социальный статус, образ жизни. — Улан-Удэ, 2003. — С. 23–24.
3. Волкова Г. Н., Маркова Н. Е., Мигранова Л. А., Римашевская Н. М. Трансформационная активность и качество жизни бездомных // Народонаселение. — М., 2007. — № 2.
4. Неопубликованные годовые отчеты Социальной службы поддержки населения г. Абакана, 2008–2013 гг.
5. Материал обработан на основании сведений, предоставленных УМВД г. Абакана.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Абдуселам Арвас – доцент Университета им. Чанкыры Каратекин (Турция)
2. Алибаев Заки Арсланович – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и культуры Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа)
3. Алишина Ханиса Чавдатовна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, директор Центра тюркологии ФГБОУ ВПО Тюменского государственного университета (г. Тюмень)
4. Амзараков Пётр Борисович – научный сотрудник ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
5. Анайбан Зоя Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (г. Москва)
6. Барабаш Валентина Петровна – кандидат исторических наук, директор Красноярского краевого колледжа культуры и искусства (г. Минусинск)
7. Баранова Наталья Кирилловна – кандидат педагогических наук, доцент музыкального колледжа Института искусств ХГУ им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан)
8. Бурнаков Петр Петрович – кандидат экономических наук, доцент Хакасского филиала Красноярского аграрного университета (г. Абакан)
9. Валеев Рамиль Миргасимович – доктор исторических наук, профессор, директор Института татарской энциклопедии АН РТ (г. Казань)
10. Валеева Роза – кандидат филологических наук, доцент Казанского государственного университета (г. Казань)
11. Дандай Ысакакулы – доктор филологических наук, профессор, советник ректора Университета им. С. Демиреля (Казахстан)
12. Данькина Надежда Анатольевна – кандидат исторических наук, учёный секретарь ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
13. Донгак Радион Маадыр-оолович – научный сотрудник сектора литературы Тувинского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Тыва (ТИГИ при правительстве РТ) (Республика Тыва, г. Кызыл)
14. Добринина Альбина Альбертовна – кандидат филологических наук, профессор, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской Академии наук (ИФЛ СО РАН)
15. Еруул-Эрдэнэ Чимиддорж – заведующий сектором хунну Института археологии Академии наук Монголии (Монголия)
16. Есин Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
17. Жамьян-Омбо Гантулга – руководитель монголо-монашеской археологической экспедиции от Института археологии Академии наук Монголии (Монголия)
18. Зелеева Ольга Юрьевна – научный сотрудник сектора экономики и социологии ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
19. Злотковская Анастасия Владимировна – студентка 6 курса Сибирского института Бизнеса, Управления и Психологии (г. Красноярск)
20. Злотковский Владимир Ильич – кандидат социологических наук, докторант Института социально-политических исследований РАН, старший преподаватель Красноярского филиала академии труда и социальных отношений (г. Красноярск)
21. Иргашева Тамара Гулямовна – доктор педагогических наук, доцент ХГУ им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

22. Каксин Андрей Данилович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
23. Каскаракова Зинаида Ефремовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
24. Кимеев Валерий Макарович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»; директор Муниципального бюджетного учреждения экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок» Кемеровского муниципального района (г. Кемерово)
25. Кискидосова Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
26. Кошелева Альбина Леонтьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором литературы ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
27. Кызласов Артём Самуилович – кандидат филологических наук, заведующий сектором языка ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
28. Леонтьев Евгений Викторович – старший научный сотрудник Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова (г. Минусинск)
29. Майнагашева Нина Семёновна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературы ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
30. Мамышева Елена Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова» (г. Абакан)
31. Марсадолов Леонид Сергеевич – доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург)
32. Мыреева Анастасия Никитична – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск)
33. Мяо Дунся – аспирантка Института этнической литературы Китайской Академии наук (Китай)
34. Николаев Василий Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)
35. Обумова Ольга Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова» (г. Абакан)
36. Орлова Елена Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного автономного учреждения культуры Кемеровской области «Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница» (г. Кемерово)
37. Саая Саида Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права Тувинского государственного университета (г. Кызыл)
38. Салата Галина Александровна – кандидат педагогических наук, министр образования и науки Республики Хакасия (г. Абакан)
39. Самрина Елена Васильевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
40. Санжиева Татьяна Ефремовна – доктор исторических наук, профессор Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ)
41. Селютина Ираида Яковлевна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Новосибирск)
42. Скобелев Сергей Григорьевич – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией гуманитарных исследований, ведущий специалист ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск)
43. Смолина Ирина Геннадиевна – кандидат юридических наук, заместитель Главы Республики Хакасия – Председателя Правительства Республики Хакасия
44. Сунчугашев Радион Дмитриевич – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
45. Тадышева Наталья Олеговна – кандидат исторических наук, заместитель директора БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова» (г. Горно-Алтайск)
46. Такаши Осава – доктор наук, директор Высшей школы языка и культуры Университета г. Осака (Япония)
47. Телякова Вера Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Центра педагогического образования НФИ КемГУ (г. Кемерово)

48. Трошкина Ирина Николаевна – кандидат философских наук, заведующая сектора экономики и социологии ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
49. Тугужекова Валентина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, директор ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
50. Тургуналиев Топчубек – кандидат философских наук, доцент, директор Института манасоведения (Казахстан)
51. Ушницкий Василий Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск)
52. Хуан Чжонсян – доктор филологических наук, профессор Института этнической литературы Китайской Академии наук (Китай)
53. Хышектеуева Лидия Валентиновна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ)
54. Чаптыкова Юлия Иннокентьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературы ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
55. Чебочакова Ирина Максимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора языка ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
56. Челтыгмашева Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературы ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
57. Чертыкова Мария Дмитриевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан)
58. Чистобаева Надежда Степановна – кандидат филологических наук, заведующая сектором фольклора ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
59. Чочиева Алёна Сергеевна – кандидат филологических наук, заведующая рукописным фондом ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
60. Шапошников Георгий Михайлович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
61. Шекшеев Александр Петрович – кандидат исторических наук (г. Абакан)
62. Шулбаев Валерий Константинович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии ХакНИИЯЛИ (г. Абакан)
63. Яданова Кузелеш Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова» (г. Горно-Алтайск)

Научное издание

Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий

Материалы Международной научной конференции,
посвящённой 70-летию Хакасского научно-исследовательского
института языка, литературы и истории

24–26 сентября 2014 года, г. Абакан

Редактор *Е. В. Чезыбаев*

Компьютерное обеспечение: *Е. В. Чезыбаев*

Подписано в печать 27.08.2014.
Формат 60x90 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Calibri.
Печ. л. 31,75. Печать цифровая.
Тираж 100 экз. Заказ № 135.

Государственное бюджетное учреждение Республики Хакасия
«Хакасское книжное издательство»
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.
Тел.: (3902) 24-43-54, 24-30-39